

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
Центр интеллектуальной истории

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY
Centre for Intellectual History

IUH RAS • URSS
Moscow, 2002

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНИСТИТУТ ВЕЩЕДИИ ИСТОРИИ

DIALOGUE WITH TIME

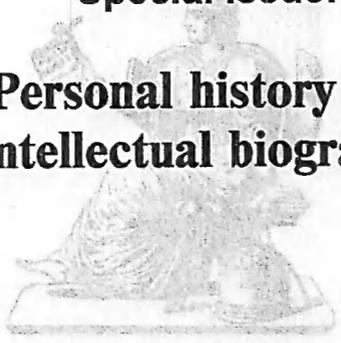
Intellectual History Review

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

Centre for Intellectual History
8

Special issue:

Personal history and intellectual biography

Будем же измерять время
мерой духовной!
(Р.Эмерсон)

Редактор выпуска
B.C. МАРЗАХАНОВ

Редакционная коллегия:

M.C. БОБКОВА, T.I. ГАНДЕНКО, N.H. ДАНИЛЮКОВИЧ, T.N. ЗАВЕРЬВА,
C.R.L. ...

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

Оригинальный выпуск журнала посвящен вопросам и задачам интеллектуальной истории и истории культуры в рамках Международного Российского Института «О» (Фонд Сороса).
Редакция: Москва, ул. Давыдовская, 25, стр. 947.

Альманах интеллектуальной истории

Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Выпуск 8. Редакция УРСС, 2002. — 480 с.

Альманах «Диалог со временем» — научное периодическое издание, посвященное проблематике интеллектуальной истории, которая является неотъемлемой частью интеллектуальной истории России. Издается в условиях рыночной конкуренции.

8

DIALOGUE WITH TIME. Intellectual History Review. 8. Special issue. Personal history and intellectual biography. Moscow, Colonial URSS, 2002. — 480 p.

Специальный выпуск:

Персональная история и интеллектуальная биография

Dialogue with Time is the first Russian periodical specialty intended for publication of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human activities. It is published in the form of special issues.

ISSN 1608-0010-8

© Коллектив авторов, 2002
© Институт всеобщей истории РАН,
г. Москва, 2002

ИВИ РАН • УРСС
Москва, 2002

Главный редактор

Л.П.РЕПИНА

Редактор выпуска

В.С.МИРЗЕХАНОВ

Редакционная коллегия:

М.С.БОБКОВА, П.П.ГАЙДЕНКО, И.Н.ДАНИЛЕВСКИЙ, Г.И.ЗВЕРЕВА,
С.Я.КАРП, М.С.ПЕТРОВА (ответственный секретарь), Е.И.ПИВОВАР,
В.И.УКОЛОВА, С.А.ЭКШТУТ, А.Л.ЯСТРЕБИЦКАЯ

*Специальный выпуск альманаха подготовлен и издан
совместно с кафедрой новой и новейшей истории Саратовского ГУ
в рамках Мегапроекта «Развитие высшего образования в России»
Института «Открытое общество» (Фонд Сороса).
Гранты №№ НВА 926 и НВВ 947.*

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ. Альманах интеллектуальной истории. 8.
Специальный выпуск: Персональная история и интеллектуальная
биография. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 460 с.

Альманах «Диалог со временем» — научное периодическое издание,
специально посвященное проблемам интеллектуальной истории, которая изу-
чает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека,
включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME. Intellectual History Review. 8. Special issue:
Personal history and intellectual biography. Moscow: Editorial URSS,
2002. — 460 p.

Dialogue with Time is the first Russian periodical specially intended for
consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical
aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and
products.

Издательство «Едиториал УРСС». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, д. 9.
Лицензия ИД № 05175 от 25.06.2001 г. Подписано к печати 04.04.2002 г.
Формат 60×84/16. Тираж 300 экз. Печ. л. 29.

Отпечатано в множительной лаборатории Кольчугинского завода технических изделий.
601750, Владимирская обл., г. Кольчугино, ул. Добровольского, 2.

ISBN 5-354-00109-9

- © Коллектив авторов, 2002
- © Институт всеобщей истории РАН,
1999 (год основания), 2002
- © Едиториал УРСС, 2002

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Л.П. Репина

ПЕРСОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ

*История представляет
лишь идеальные обобщения
событий, принадлежащих
с реальной точки зрения
к области разных биографий*

(П.Л. Лаэров)

Историческая биография, подразумевающая исследование и описание жизни выдающейся исторической личности, – жанр неизменно привлекающий внимание самой широкой читательской аудитории во всех странах мира, – в последнее десятилетие XX столетия вернула себе авторитет и в среде тех профессиональных историков, которые долгое время отводили ей лишь маргинальную роль, причем не только в так называемой социальна-научной историографии 1960–70-х годов, но и в историко-антропологических исследованиях, ориентированных на изучение «типичного», «простого», «рядового», «среднего человека». С развитием микроисторических подходов форма историко-биографических исследований наполнилась новым содержанием, их предметное поле существенно расширилось, а «номенклатура» неизмеримо выросла за счет жизнеописаний людей, которые выступали как «реальные агенты», «акторы», то есть действующие лица истории, отнюдь не на главных ролях и не могут быть причислены к выдающимся историческим деятелям.

В настоящее время, когда проблемы самоидентификации личности, личного интереса, целеполагания, индивидуального выбора вновь прочно заняли место в фокусе социально-гуманитарного знания, вопрос о том, зачем нужна так называемая персональная история и в чем состоит ее эвристическая ценность, похоже, уже не ставится. Анализ индивидуального сознания и индивидуальной деятельности стал важнейшей составляющей микроисторических исследований, максимально приближенных и не-

посредственно обращенных к человеку. «Биографический элемент истории» (П.Л. Лавров) не только повысил свой статус, но и обрел новое качество: не забывая о «внешней», «публичной», «профессиональной», или «карьерной», биографии, историки стали больше внимания уделять изучению частной, приватной, интимной, внутренней жизни – «истории души» своего героя¹.

Такие «ненадежные», «субъективные» источники, как дневники, письма, мемуары, автобиографические материалы, продукты творческой деятельности индивида, в которых запечатлен его эмоционально-психический и интеллектуальный мир, его самосознание и индивидуальный жизненный опыт, вышли на первый план не вопреки, а именно благодаря своей субъективности². Вместе с тем, – и это не менее важно – в так называемых эго-документах (источниках личного происхождения) личность предстает перед нами не изолированной, а взаимодействующей с другими личностями, со своей социальной средой, со всем окружающим миром в самых разных его проявлениях. И без анализа этого взаимодействия невозможна никакая «персональная история», главным предметом исследования которой является «история одной жизни» не только во всей ее уникальности, но и в достижимой полноте. Изъятие социального аспекта, неотъемлемой социальной составляющей из истории индивида неизбежно нанесло бы непоправимый ущерб пониманию последнего.

¹ С этим связан и возросший интерес к жанру собственно духовной биографии, в фокусе которой – духовное развитие личности, религиозные искания героя. См. об этом: Павлова Т.А. Опыт духовной биографии: Джон Вулман // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 5. М., 2001. С. 279–296. В том же выпуске нашего альманаха духовной биографии была посвящена специальная рубрика («Духовная биография и персональная история»). См. в ней следующие статьи: Арнаутова Ю.Е. Житие как духовная биография: к вопросу о «типическом» и «индивидуальном» в латинской агиографии (С. 254–278); Парсамов В.С. Декабрист М.С. Лунин и католицизм (С. 297–316); Грушко К.П. Ното Quakerus: мировоззрение Стивена Греллета (С. 317–339).

² Как тут не вспомнить Н.Я. Грота: «...Относительно многих исторических личностей можно сказать, что живым памятником их психической жизни являются произведения их мысли и слова, особенно художественные и философские» (Грот Н.Я. Жизненные задачи психологии // Вопросы философии и психологии. 1890. Кн. 4. С. 184). Собственно, понимание неразрывности связи между жизнью и творчеством личности, между фактами психологической и интеллектуальной биографии является краеугольным камнем биографического подхода в интеллектуальной истории.

Впрочем, эта методологическая проблема относится в историографии к числу вечных. Выдающийся русский историк Л.П. Карсавин писал в своей «Философии истории»:

Есть две «преимущественно» или «собственно» исторических области: область развития отдельной личности и область развития человечества... Автобиография является одним из наиболее ярких примеров и наиболее удачных применений исторического метода (я не говорю о ней, как о виде исторического источника, необходимым и нуждающемся в определенном к нему подходе со стороны историков коллективных индивидуальностей). Равным образом, к историческим исследованиям надо отнести и биографию, как историю индивидуальной души. Третий вид истории души дается нам художественной литературой... Историческое познание своей или чужой личности в ее развитии и достоверно и ценно, как в автобиографии и биографии, так и в художественном опознании ее через символическое построение и в обычном жизненном понимании. Однако надо считать с тем, что нет личности, качественно только собою, отъединенной от других таких же, как она, личностей, от высших индивидуальностей: общества, культуры, человечества... История индивидуальности неуловимо и неизбежно переходит в историю вообще³.

Между тем, именно разногласия по вопросу об отношении персональной истории к «истории вообще» легли в основу формирования в отечественной историографии двух версий («социальной» и «экзистенциальной»), или платформ персональной истории, ориентирующихся на принципиально различные исследовательские стратегии⁴. Если в рамках первого направления реконструкция личной жизни отдельных исторических индивидов рассматриваются одновременно и как главная цель исследования, и как одна из необходимых предпосылок познания включавшего их исторического социума (то есть не только как личностная история, а шире – как история через личность), то вторая перспектива персональной истории, подчеркивая «автономию и самоценность исторической личности», ставит в центр внимания изучение ее психологических характеристик и сознательно ограничивается «несоциальными» видами биографизма. Между двумя платформами персональной истории, при определенном сходстве (помимо базового объекта и жанровой близости, это – отсутствие установки на исчерпывающее объяснение, признание

³ Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993. С. 82–86.

⁴ О них я писала в предисловии к нашему первому специальному выпуску. См.: Репина Л.П. Историческая биография и «новая биографическая история» // Диалог со временем. Вып. 5. С. 5–12.

уникальности человеческой личности и неповторимости индивидуального опыта, понимание невозможности до конца раскрыть «тайну индивида» и т.п.), существуют различия принципиального характера. Они относятся к целевым установкам исследования и предполагаемому уровню обобщения его результатов. Следует только заметить, что и в «социальной персональной истории» речь идет не об экстраполяции выявленных биографических характеристик личности на микрогруппу или социум, а о раскрытии всего разнообразия возможностей их взаимодействия. Впрочем, на страницах настоящего выпуска мы продолжаем публиковать обмен мнениями между сторонниками двух различных подходов⁵.

Биография может называться исторической, только будучи помещенной в исторический контекст, взятый во всех его пересекающихся аспектах. Вот почему обстоятельный анализ интеллектуального контекста является всего лишь необходимым, но отнюдь не достаточным для создания полноценной интеллектуальной биографии: она требует более глубокого погружения в социокультурную среду и выяснения динамики изменений на всех ее уровнях и направлениях⁶.

Более того, для создания развернутой биографии личности (в том числе интеллектуальной) необходимо знание эмоционально-психологического, социального и интеллектуального опыта индивида, то есть предшествовавшей истории его жизни, его прошлого, из которого складывается состояние, обуславливающее его мысли и действия в текущий момент времени, на данной стадии его жизненного цикла, в определенной конфигурации межличностного взаимодействия. Основная идея состоит в погружении как в жизнь героя, так и в конкретную ситуацию. Историк должен найти ответ на вопрос: «Если бы я был этой

⁵ См. ниже реплику Д.М. Володихина в рубрике «Приглашение к дискуссии». С. 445–447.

⁶ «Личность формируется главным образом, благодаря современным интеллектуальным веяниям и течениям, свойственным специфической социальной группе, к которой она принадлежит. Иными словами, она никоим образом не подвержена влиянию духа времени в целом, ее привлекают только те течения и тенденции времени, которые в качестве живой традиции сохраняются в ее специфической социальной среде. Но даже и эти частные традиции, а не другие, укореняются и утверждаются во внутреннем мире в конечном счете благодаря тому, что дают наиболее адекватное выражение характерным «возможностям» его жизненной ситуации». – Мангейм, Карл. Проблема поколений // *Его же. Очерки социологии знания*. М., 2000. С. 51.

другой личностью с соответствующим индивидуальным жизненным опытом и культурной памятью, взглядами и убеждениями, представлениями и ценностями, желаниями и слабостями, как бы мог я себя чувствовать, рассуждать и действовать при таких же обстоятельствах, в том же пространстве времени и места?».

Как показали многочисленные исследования, формирование в обществе новых ценностных ориентиров и нравственных идеалов не только отражается на исходных предпосылках и постановке проблем, но и во многом определяет результаты когнитивной и рефлексивной деятельности. Биография крупного мыслителя, хотя она, как правило, лучше обеспечена источниками, наталкивается на те же трудности, что и любая другая:

«Жизнь каждой личности состоит из бесконечного множества моментов, состояний ума, мыслей и фантазий, исчезающих в беспросветном и бездонном колодце времени. Мы можем лишь попытаться раскрыть — через сохранившиеся письма, сочинения, документы и воспоминания — некоторые фрагменты жизни этой личности, которую мы хотим спасти от забвения. К несчастью, неизбежно то, что получается в результате, имеет несовершенный сюжет с неустановленным ритмом развития. Но даже короткое мгновение жизни, вырванное из пасти времени, бесценно»⁷.

Тем не менее, самоценность такого «вырванного» свидетельства не отменяет его «сюжетной» ограниченности, вытекающей из невозможности включить фрагмент в последовательную темпоральную траекторию развития личности и, таким образом, задействовать категорию «индивидуального прошлого», которая играет интегрирующую роль, фиксируя все непосредственно пережитое индивидом и так или иначе отложившееся в его сознании к данному моменту, а значит его собственное «Я».

В предлагаемом втором тематическом выпуске, посвященном персональной истории, читатель найдет различные варианты историко-биографических штудий, встретится как с новыми, так и с уже отчасти знакомыми персонажами и сюжетами. В рубрику «Интеллектуалы XX века» мы включили очерки интеллектуальных биографий выдающихся творческих личностей современной эпохи Дж. Кейнса, А. Тойнби, К. Витфогеля,

⁷ *Viroli, Maurizio. Niccolo's Smile: A Biography of Machiavelli. N.Y., 2000. P. 87.*

Э. Канторовича, Г. Грюндгенса. Конечно, каждый из этих очерков, вовсе не претендует на то, чтобы исчерпать тему, но ставит более ограниченную задачу и имеет собственный ракурс рассмотрения.

Раздел «Автобиография и история» касается целого комплекса важных источниковедческих и эпистемологических проблем, полномасштабное освещение которых может составить содержание солидного коллективного труда. Здесь лишь сделаны попытки их сформулировать и апробировать некоторые подходы на сугубо конкретном материале. То же можно сказать и о рубрике «мыслители и политики» и об «исторических портретах в новоевропейском контексте», выполненных в самых разных манерах и стилях, включая миниатюру. В этой галерее лиц нашлось место и для крупных исторических деятелей, и для лихих авантюристов, и для знаменитых писателей, и для образов святых, и для «образов-знаков», и даже для «портрета протекции», явления столь же исторического, сколь и актуального. Все это разнообразие подтверждает справедливость лаконичного определения Г. Честертона: «Первая из самых демократических доктрин заключается в том, что все люди интересны». И этот неизбывный интерес к неповторимой и – увы! – до конца не познаваемой человеческой личности, позволяет надеяться на то, что второй специальный «биографический выпуск» нашего альманаха не станет последним.

В предисловии к альманаху «История культуры» (М., 1989) мы писали: «История культуры – это история культуры». Мы считаем, что это определение, которое мы тогда предложили, было не совсем удачным. Оно не учитывало того, что история культуры – это история культуры, а не история культуры. Мы считаем, что это определение, которое мы тогда предложили, было не совсем удачным. Оно не учитывало того, что история культуры – это история культуры, а не история культуры.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ XX ВЕКА

А.М. Нейман (Нижний Новгород)

БИОГРАФИЯ В ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И ОПЫТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ ДЖ.М. КЕЙНСА*

Еще два десятилетия назад, когда «новая волна энтузиазма»¹ и возрождение интереса к проблемам истории науки, выразились, по словам Марка Блауга, в настоящем «половодье статей и книг по истории экономической теории», на страницах западноевропейской и американской экономической периодики возникла дискуссия о месте биографии в исследовании истории экономической мысли. Спор в основном сконцентрировался вокруг диаметрально противоположных позиций двух известных ученых – Джорджа Стиглера и Уильяма Жаффе.

Дж. Стиглер, профессор Чикагского университета, лауреат Нобелевской премии (1982 г.) за новаторские исследования рыночных структур, функционирования рынков, теории цены и институциональных проблем современной экономики, начал свою блестящую научную карьеру как историк экономической науки. Среди многочисленных исследований Дж. Стиглера по истории экономической мысли наиболее известны и авторитетны две работы: его первая книга «Теории производства и распределения» (1941), сохраняющая до сих пор свое значение как вклад в исследование классической экономической теории, и вторая работа – «Очерки истории экономической науки» (1965), включающая последующие публикации Стиглера в этой сфере экономического знания (в том числе посвященный генезису маржинализма обстоятельный анализ в статье «Развитие теории полезности»).

Авторитет оппонента Дж. Стиглера в дискуссии профессора У. Жаффе основывается прежде всего на его вкладе в исследование маржиналистской школы в экономической науке и,

* Работа выполнена при содействии Международного совета по научным исследованиям и обмену (IREX, США).

¹ *Rima I. Development of Economic Analysis. Homewood, 1986. P. IX.*

в частности, трудов Леона Вальраса – одного из трех отцов-основателей маржинализма. У Жаффе принадлежит заслуга первого, высоко профессионального перевода на английский (спустя 80 лет после публикации) «Элементов чистой экономической науки» Л. Вальраса, с детальными комментариями и текстологическими примечаниями. Жаффе известен своей деятельностью по изданию научного наследия Л. Вальраса и биографическими очерками о великом экономисте.

Примечательно, что Дж. Стиглер, чья первая работа, напомним, была посвящена исследованию теории экономистов-классиков, мельчайшие детали биографий которых вошли в бесчисленное количество учебников по истории экономической мысли и научных исследований, решительно отверг научные и познавательные возможности биографического анализа в реконструкции истории развития экономического знания. Аргументация Стиглера относительно возможностей использования биографической информации в исследовании истории экономической науки исходит из ответов на три поставленных им взаимосвязанных вопроса: (а) помогает ли биография понять ту или иную экономическую теорию или совокупность базовых эмпирических обобщений относительно экономической реальности; (б) способствует ли биографическая информация пониманию эволюции научных экономических теорий; и, наконец, (в) привносит ли биография ученого – экономиста приращение научного знания, объясняет ли нечто существенное в природе научной деятельности в сфере экономического анализа?

Отвечая отрицательно на все поставленные вопросы, Стиглер признавал познавательную ценность биографических сведений лишь для понимания процесса «трансмиссии идей». Только те стороны личной жизни ученого-экономиста, которые влияют на взаимоотношения внутри научного сообщества и связаны с «диффузией идей», являются «научно релевантными». Но даже этот весьма существенный аргумент не изменил конечного вывода, к которому пришел Дж. Стиглер: большая часть «предположений» в биографическом анализе не обладает «научным качеством»; они – не более чем иллюстрации, но никак не надежные свидетельства или «твердые факты».

Между тем Жаффе, наследовавший иные, чем Стиглер, традиции в экономической теории – методологического индивидуализма и субъективизма австрийской школы, – убежден в противоположном. Его исследовательский опыт научной реконструкции процесса формирования теоретической системы

Л. Вальраса и воссоздания интеллектуальной биографии одного из основоположников маржинализма служил подтверждением очевидной ценности биографического анализа в изучении истории экономической науки. С точки зрения У. Жаффе, научно-биографические свидетельства и связанный с ними массив информации способствуют выявлению: (а) генезиса работы ученого-экономиста, «идеологического субстрата» его мышления, социэкономического и интеллектуального контекста, породившего тот или иной вклад в экономическую теорию; (б) значения трудов экономиста для развития экономического знания; (в) принятия его теории научным сообществом.

Наиболее существенным является пункт (а). У. Жаффе полагает, что генезис экономической концепции или идеи не может быть адекватно понят без обращения к личной ментальной истории ее создателя. Одна из задач биографического анализа – показать, как идеи того или иного экономиста рассматривались его современниками, каковы обстоятельства и сам процесс их формирования и распространения. В целом же вывод У. Жаффе сводился к следующему: чем большей информацией обладает дисциплина, включая биографии экономистов, тем лучше.

Позиция У. Жаффе нашла поддержку со стороны известных исследователей истории экономической мысли американских профессоров Д. Уокера и А. Коутса. Проследивая становление маржинализма как школы или направления в истории экономической науки, А. Коутс констатировал: биографическая информация в историко-экономических исследованиях – много больше, чем иллюстрация или литературное украшение. Очевидно, что биография помогает объемнее и глубже понять процесс формирования школ и теорий в истории экономической науки².

Сходный, но намного более аргументированный взгляд на проблему выразил Дональд Уокер. Для Д. Уокера биографический анализ представляется естественной составляющей исследования истории экономической науки. Он предложил своего рода типологию биографического жанра в историко-экономических исследованиях: биография личности; профессиональная биография; библиографическая биография; ситуационная биография³. Согласно Д. Уокеру, биография личности вклю-

² Coats A.W. Retrospect and Prospect // History of Political Economy. Vol. 4. № 2. 1972. P. 603–624.

³ Walker D.A. Biography and the study of the history of economic thought // Research in the History of Economic Thought and Methodology. The Craft

чает сведения о времени и месте рождения, образовании, семейных корнях и влияниях, личных чертах характера и личной жизни. Профессиональная биография содержит информацию о позициях экономиста в академических, правительственных кругах или бизнесе, его профессиональной деятельности и отношениях внутри научного сообщества. Ситуационная биография или биография среды, в которой жил и работал автор, дает представление о событиях и условиях экономической, социальной и политической жизни общества и эпохи, в которых жил и работал экономист. Ситуационная биография – это, по-видимому, то, что соответствует точному тезису признанного авторитета в исследовании истории экономической науки Й. Шумпетера: «Экономист сам – продукт своего и *всего предшествующего* времени»⁴. И наконец, библиографическая биография анализирует труды автора, историю их создания, источниковую и статистическую базу, технику и методологию исследования, понятийный аппарат и междисциплинарные связи.

Таким образом, вся совокупность фактов личностного, профессионального, ситуационного и библиографического характера образует то, что можно назвать научной биографией в исследовании истории экономической мысли.

Оценив значительные познавательные возможности биографии, обратим внимание на ее двоякую, на наш взгляд, роль в исследовании и обучении истории экономической науки. Рассматриваемая с точки зрения научного анализа истории экономической мысли «в ретроспективе», биография несет в себе необходимую личностную, гуманитарную составляющую. Биография позволяет существенно расширить содержание и диапазон историко-экономического исследования, не ограничивая его анализом эволюции идей и теорий и, тем более, техникой и инструментарием экономической теории. И если история экономической науки является своего рода лабораторией мысли и, как замечал М. Блауг, каждый экономист «всегда носит эту лабораторию с собой», то исследование биографий экономистов (во всех ее типологических формах) позволяет проникнуть в эту лабораторию и сделать ее содержимое общим достоянием.

Вместе с тем, для изучающих экономическую науку и особенно для молодого поколения биографии великих экономи-

of the Historian of Economic Thought / Ed. W. Samuels. V. 1. L., 1983. P. 41–59.

⁴ Шумпетер Й. История экономического анализа. Т. 1. СПб, 2001. С. 16.

стов прошлого дают образцы, примеры жизни и деятельности (в науке, политике, бизнесе), которые никогда не утратят своей ценности, поучительности и воспитывающей роли.

Предлагаемый ниже опыт интеллектуальной биографии Джона Мейнарда Кейнса (1883–1946) представляется попыткой определить возможности биографического жанра в исследовании истории экономической мысли, и сделать, насколько возможно, шаги в направлении реализации принципов, разрабатываемых в рамках интеллектуальной истории на материале историко-экономического исследования. Задача в значительной мере облегчается тем обстоятельством, что в истории экономической мысли за последние десятилетия усилиями целого ряда авторов (прежде всего в Англии и США) сформировалось исследовательское поле, определяемое как *кейнсиана*, в центре которого личность, труды и многообразная деятельность великого английского экономиста.

После фундаментальной работы Роя Харрода «Жизнь Джона Мейнарда Кейнса», вышедшей в 1951 г. (вскоре после смерти английского экономиста), были опубликованы книги профессора Уорикского университета Роберта Скидельски «Джон Мейнард Кейнс: неоправдавшиеся надежды, 1883–1920» (1983), Чарльза Хессиона «Джон Мейнард Кейнс» (1984), Артура Фитцгиббонса «Видение Кейнса» (1988). Ещё раньше появились работы Дональда Моггриджа «Кейнс» (1976) и «Тень Кейнса» (1978) канадских исследователей и публикаторов наследия Кейнса Гарри и Элизабет Джонсонов. В 1971–1989 гг. завершилось издание под эгидой Королевского экономического общества 30-томного «Собрания сочинений Джона Мейнарда Кейнса», вышедшего под редакцией упомянутых Д. Моггриджа и Э. Джонсон. Стала традицией и одновременно событием в общественной жизни Англии организация семинаров, чтений, посвященных Кейнсу и его наследию, проводимых Кентским университетом («колледж Кейнса») в Кентербери⁴.

В 90-е годы, когда, казалось бы, наследие Кейнса окончательно ушло в прошлое и отвергнуто в экономической политике, интерес к личности Кейнса отнюдь не угасает, а результируется в ряде глубоких и оригинальных исследований, среди

⁴ К концу 70-х было проведено, по меньшей мере, четыре подобных мероприятия с последующей публикацией материалов чтений.

которых – на первом плане второй том биографии Кейнса, выполненный лордом Скидельски, «Джон Мейнард Кейнс: экономист как спаситель, 1920–1937» (1992) и его же, завершающая биографический цикл, небольшая по объему, изданная в мягкой обложке для массового читателя книга «Кейнс» (1996). Биографическая трилогия Роберта Скидельски о Кейнсе не только обещала стать «подлинной биографией Кейнса как личности, которую мы так ждем», как выражал надежду Марк Блауг при выходе в свет первой её части, но и действительно стала таковой. В ней внешние, достаточно известные факты биографии великого экономиста, образующие «фактологический каркас» биографического исследования, вплетаются в интеллектуальный мир и разноплановую деятельность Кейнса, создавая многомерный, пластичный и чрезвычайно колоритный образ человека, ученого-экономиста, философа, политического деятеля и финансиста. Кейнс, по точному наблюдению, был «больше, чем экономист», все его многообразные «миры» служили питательной почвой для формирования его экономической теории.

Экономическая теория Кейнса явилась поворотным этапом в развитии экономической науки, а его главный труд «Общая теория занятости, процента и денег» (1936) ознаменовал начало «кейнсианской революции» в экономической науке. И когда Кейнс в период работы над «Общей теорией» в письме Бернаруду Шоу выражал надежду, что его книга «изменит способ мышления и понимания людьми экономических проблем», он едва ли ошибался. Работа Кейнса оказала столь значительное влияние на экономическую теорию и экономическую политику, что ставит его имя в истории экономической мысли рядом с великими классиками науки Смитом и Рикардо⁵.

Жизнь Кейнса в социальном и материальном плане была не столь редким для преуспевших представителей английского среднего класса примером так называемой викторианской истории успеха. Он родился 5 июня 1883 г. и был старшим из трёх детей в семье профессора Кембриджского университета Джона Невила Кейнса. Семейные традиции, унаследованные Кейнсом по линии отца, были двоякого рода: коммерция (дед Джона был мелким бизнесменом, чей бизнес, принесший кое-какой капитал, – садоводство и продажа цветов – обеспечил отцу Кейнса безбедное начало жизненной карьеры) и академическая наука. Отец Кейнса – администратор и профессор Пембрукского

⁵ Roll E. A History of Economic Thought. L., 1992. P. 442.

колледжа Кембриджского университета, был философом, экономистом, методологом науки, автором широко известной работы «Сфера и метод политической экономии» (1891).

По линии матери традиции семьи были связаны с общественной деятельностью и духовными ценностями англиканской церкви. Мать Кейнса Флоренс Ада Браун долгое время выполняла обязанности мэра Кембриджа и затрачивала много усилий для развития женского образования и благотворительной деятельности, и всё это – отнюдь не в ущерб дому, семье и воспитанию детей. Дед по материнской линии был священником, религиозным неконформистом из северной части Англии, так что по этой линии Джон Кейнс унаследовал традиции «жизни по принципам», этики добрых дел, проповедничества.

Атмосфера жизни семьи Кейнсов была высокоинтеллектуальной. Круг друзей Н. Кейнса включал многих известных английских экономистов и философов – А. Маршалла, Г. Фоксвелла, В. Джонстона, Г. Сиджвика, Дж. Уорда, оказавших заметное влияние на формирование интеллектуального мира будущего великого экономиста. Позднее он мог вспоминать, что в детстве он играл в гольф с самим Генри Сиджвиком, либеральным английским гуманистом, моральным философом и экономистом, автором широкоизвестных «Принципов политической экономии» и одним из основоположников теории благосостояния в экономической науке.

Кейнс считал себя принадлежащим к «мыслящей» части среднего класса Англии, человеком, обязанным и способным быть лидером. Ещё с юношеских лет интеллектуальные и эстетические критерии были его важнейшими жизненными ориентирами. В 1897 г. Кейнс поступил в Итон – привилегированное среднее учебное заведение, где традиционно вращивалась элита английского общества. В Итоне он был выдающимся учеником, выигрывал многочисленные призы в различных областях благодаря своим незаурядным способностям и широте интересов, включавших классические языки и литературу, историю, математику, общественную деятельность и спорт. В эти годы начали формироваться, как подмечено биографами, два контрастных профиля личности Кейнса, развившиеся в зрелые годы. С одной стороны, Кейнса – экономиста-учёного и функционера-прагматика, опирающегося в своей деятельности на ясные и строгие логические аргументы, «высокобрового» и даже высокомерного деятеля, в полной мере осознающего свою общественную роль как в научной, так и в политической сферах. С другой стороны, обращённого к узкому кругу друзей и близких, – «Мей-

нарда», человека, погружённого в мир страстных личных привязанностей, эмоциональных и интеллектуальных переживаний, в утончённый и избранный высокодуховный, эстетический мир писателей, художников, артистов и философов.

Уже в Итоне будущий великий экономист понял значение умения, интеллекта и знаний как «альтернативы подчинению и неосмысленному протесту». Позднее эти убеждения, опыт научной и практической деятельности в сфере экономики способствовали формированию видения Кейнсом практической цели экономической науки как «защитного пояса против сил безумия и невежества», а её представителей как «доверенных лиц, попечителей цивилизации»⁶.

В 1902 г. Кейнс поступает в Королевский колледж Кембриджского университета, специализируясь по математике и классике. Математика была его любимым предметом, но после получения степени I класса по математике Кейнс большую часть студенческих лет занимался другим – философией, логикой (он написал трактат по средневековой логике Абельяра), общественной деятельностью (в качестве президента Кембриджского студенческого союза), игрой в бридж и общением с друзьями.

Ещё в студенческие годы на Кейнса оказала значительное влияние философия Дж. Мура, автора популярного трактата «Принципы этики» (1903) – манифеста философского, этико-эстетического модернизма, духовного, философского «откровения» для поколения Кейнса. В противоположность строгой пуританской морали, условностям, ограничениям и меланхолии предшествующих поколений английского среднего класса, Мур утверждал непреходящую ценность эстетического опыта, индивидуальной свободы и личной дружбы. Влияние философии Мура на молодое поколение английских интеллектуалов предвоенных лет было «в высшей степени освобождающим». Новые этические и эстетические ценности (раскрепощение личности и рационализация морали, культ прекрасного⁷ и оригинального, одухотворенного талантом творчества, самооценности либерального мышления и «высокобровости» в английском смысле) стали предметом обсуждений философского дискуссионного клуба «Апостолы», членом которого стал Кейнс ещё будучи студентом-

⁶ Skidelsky R. Keynes. Oxford University Press, 1966. P. 9, 15.

⁷ Красота для Кейнса и его друзей означала по преимуществу постимпрессионистское искусство, русский балет и новые стили декоративного искусства.

второкурсником Кембриджского университета. Именно в этом клубе образовался круг друзей Кейнса, среди которых наиболее глубокие интеллектуальные и дружеские связи соединяли его с публицистом Литтоном Стрэчи (1880–1932), автором ряда оригинальных и ставших популярными биографий представителей английского политического истеблишмента XIX в. – «Выдающиеся викторианцы», «Королева Виктория», «Елизавета и Эссекс». Будучи немного старше, Литтон Стрэчи вместе с другим апостольским «ветераном» Леонардом Вульфом стали доверенными лицами Кейнса, рекомендовавшими его к вступлению в клуб избранных – со своим особым ритуалом, лексикой (с часто употреблявшимися выражениями, типа «ноуменально» и «феноменально»), с абсолютной свободой самовыражения.

Впоследствии апостольцы стали членами Лондонского клуба Блумсбери – коммуны в немодном тогда районе английской столицы (рядом с Британским музеем и Лондонским университетом) группы молодых писателей, художников, деятелей искусства и ученых, представителей интеллектуального, этического и эстетического авангарда. Их было не более тридцати человек, среди которых философ Бертран Рассел, литератор Леонард Вульф и его жена писательница Вирджиния Вульф, литературный критик и издатель Клайв Белл и его жена Ванесса, художественные критики Е. Ферстер и Р. Фрай, Л. Стрэчи. Блумсбери был местом дружеского общения и «состоянием сознания»⁸, эмоциональным и интеллектуальным домом Кейнса в течение ряда лет. Именно оттуда и из жизненного личного опыта последующих лет Кейнс вынес то сокровенное и мудрое, о чем он писал накануне второй мировой войны: «Одними из главных целей в жизни являются любовь, созидание, наслаждение эстетическим опытом и познание»⁹.

В 1906 г. Кейнс, сдав экзамен на занятие государственной должности, поступил на госслужбу в качестве младшего клерка в Департамент по делам Индии, где в течение двух лет глубоко и тщательно изучал финансовую систему Индии. Накопленный опыт и знания в этой области позволили Кейнсу стать в 1913 г. членом Королевской комиссии по финансам и валюте Индии и послужили материалом его первой значительной работы «Денежное обращение и финансы Индии» (1913), в которой Кейнс дал анализ функционирования денежной системы Индии,

⁸ Heilbroner R. *Worldly Philosophers*. N.Y., 1953. P. 244.

⁹ Keynes J.M. *Essays in biography // Collected Writings*. Vol. X. P. 438–437.

предложения по её реформированию на основе общепризнанной к началу XX века количественной теории денег, золотого стандарта и стабилизирующей роли Центрального банка Индии. С «Денежного обращения и финансов Индии» (если не считать написанную в 1911 г. пространную рецензию на работу И. Фишера «Покупательная сила денег») берет начало особое внимание и интерес Кейнса к проблемам монетарной теории, денег и денежной системы, которыми были отмечены все его последующие исследования.

В 1906–1908 гг. Кейнс подготовил и защитил диссертацию по проблемам теории вероятности, основное содержание которой составил «Трактат о вероятности», опубликованный в 1921 г. После защиты диссертации, по приглашению своего учителя А. Маршалла, он начинает преподавать в Королевском колледже Кембриджского университета, становится секретарём английского Королевского экономического общества. Ранний Кейнс был ортодоксальным маршаллианцем, его лекции по денежной теории и финансам не выходили за пределы общепринятых в неоклассической школе канонов экономического анализа и основоположений количественной теории денег.

Кейнсу был 31 год, когда разразилась мировая война – первое из глобальных мировых потрясений, которые принес XX век. Война опрокинула надежды поколения Кейнса на мирное эволюционное развитие, движение к «новой цивилизации», провозвестниками которой считали себя члены Блумсберийского клуба. Кейнс оставляет академический мир Кембриджа и вновь переключается в сферу управления экономикой и финансами Англии. Выстрелы в Сараево в августе 1914 г. отозвались в Англии мощнейшим банковским кризисом. Система золотого стандарта, на которой основывались финансы и кредит Англии оказалась в ситуации, близкой к краху. Кейнс в этот период сыграл активную роль в стабилизации положения в банковской сфере. В январе 1915 г. он принимает предложение занять должность в Министерстве финансов, где оставался до своей отставки в июне 1919 г. В январе 1917 г. Кейнс был назначен главой нового отдела «А» Министерства финансов, ведавшего международными финансовыми и кредитными отношениями Англии с союзниками в войне. Ему принадлежала заслуга создания успешно работавшей в военный период системы обменных курсов во внешних расчетах Англии с её союзниками. Кейнс становится крупным чиновником, принятым в Уайтхолле, влиятельным экспертом по экономическим вопросам в правительственных и де-

ловых кругах, способным четко и ясно изложить суть проблемы в кратком меморандуме и предложить средства её решения.

Работа на государственной службе в период первой мировой войны поставила перед Кейнсом сложную морально-этическую проблему. Он не был крайним пацифистом, но, как и его друзья-блумсберийцы, испытывал ненависть к войне, насилию, как способу разрешения конфликтов между народами и государствами. Между тем, являясь правительственным чиновником, он должен был разделять ответственность за принятие решений, касавшихся жизни или смерти сотен тысяч людей. Право посылать человека на фронт, где жизнь не принадлежит самому человеку, а смерть становится обыденным делом, было несовместимым с философскими и морально-этическими принципами Кейнса. Как и его друзья, он был последовательным либералом; убежденным в том, что государство не имеет право заставить людей и нации воевать друг против друга. Будучи противником всеобщей воинской повинности, Кейнс подготовил для канцлера Казначейства конкретные предложения, направленные на переориентацию центра тяжести военного участия Британии – ограничение британского воинского контингента на Западном фронте и концентрация на субсидиях, финансовой и внешнеторговой помощи союзникам Британии по Антанте. Этот план Кейнса вызвал оппозицию со стороны влиятельного члена кабинета министров, а затем и премьер-министра Ллойд-Джорджа, который уповал на последний, «нокаутующий» удар по противнику в мировой войне. Кейнс надеялся на достижение компромиссного мира, тем более что продолжение войны ослабляло положение Британии в мире, делая её всё более зависимой от США. В годы первой мировой войны для Кейнса нравственные и философские императивы Блумсбери вошли в явное противоречие с политическим курсом, проводившимся из Уайтхолла, в котором должен был по необходимости участвовать Кейнс как видный сотрудник Министерства финансов.

В 1919 г. Кейнс принимал участие в Парижских мирных переговорах как член британской делегации и главного эксперта Министерства финансов. Он пытался убедить главу делегации премьер-министра Ллойд-Джорджа отказаться от близорукой политики, недальновидного стремления поставить побежденного противника на колени, отказаться от непомерных и заведомо невыполнимых контрибуций и репараций. В качестве альтернативы Кейнс предложил план послевоенного восстановления экономики Европы, ряд других мер послевоенного устройства мира,

но когда все попытки оказались тщетными, он объявил 7 июня 1919 г. о своём выходе из состава английской миссии на Парижских мирных переговорах. К концу этого года Кейнс завершает книгу «Экономические последствия мира» (1920), которая принесла ему европейскую известность. Основные предложения плана послевоенного переустройства мира и экономического возрождения Европы сводились к следующим пунктам: погашение взаимной задолженности союзников; восстановление Германии как экономической державы Европы; восстановление германской экономики как путь к экономической поддержке и «перестройке» Советской России; принятие программы финансирования европейской промышленности правительством США.

Книга Кейнса сразу после публикации стала международным бестселлером. Она была переведена на многие европейские языки (в том числе на русский – дважды в 1922 и 1924 гг.¹⁰). В ней впервые международные экономические проблемы стали предметом широкого публичного обсуждения, а не только делом экспертов и политиков. Европейскую известность принесла также Кейнсу публикация серии материалов под общим названием «Восстановление в Европе», выходившая как приложение к «Манчестер гардиан коммершиал» одновременно на пяти языках и содержавшая картину состояния послевоенного мира.

После опыта военного времени и выхода в свет «Экономических последствий мира» в профессиональной карьере Кейнса и его положении в английском обществе и за его пределами произошли существенные изменения. Как свидетельствует биограф, Кейнс стал «мировым авторитетом в международных финансах, чьи работы вызывали колебания валют, чей совет искали финансисты, политики и официальные лица всех стран»¹¹. Он возвращается в Кембридж осенью 1919 г., но с тех пор Кембриджский университет будет только частью его многогранной деятельности, которая становится поистине всеохватывающей. Помимо преподавательской работы и участия в различных комитетах Кембриджского университета Кейнс исполнял также обязанности казначея (а точнее – финансового директора-распорядителя) Королевского колледжа и был чрез-

¹⁰ В русском переводе книга вышла под названием «Экономические последствия Версальского договора». Эта проблема также рассматривалась Кейнсом в последовавшей затем работе «Пересмотр мирного договора» (1922).

¹¹ Skidelsky R. Op. cit. P. 21.

вычайно успешным финансовым администратором. За время выполнения этой функции Кейнс увеличил финансовые ресурсы Королевского колледжа в десять раз.

Большую часть времени Кейнс проводил в столице, являясь в разное время членом советов не менее пяти инвестиционных и страховых компаний, главная из которых «Национальная компания взаимного страхования жизни», где он председательствовал почти 15 лет. С 1923 по 1931 гг. Кейнс был главным собственником и одновременно руководителем редакционной коллегии еженедельника «Нейшн» и затем журнала «Нейшн энд Атенеум» – изданий английских либералов и интеллектуалов; являлся после Ф. Эджуорта главным редактором *Economic Journal* (1911–1937). В конце 20-х и в 30-е годы Кейнс был избран в Комитет по финансам и промышленности («Комитет Макмиллана»), а затем становится членом экономического совета при премьер-министре.

Сфера бизнеса – ещё одна немаловажная составляющая деятельности Кейнса. Это было связано, прежде всего, с его участием в биржевых операциях, что представляло особую и в целом весьма доходную часть его деловых интересов. Игра на бирже была для Кейнса не только источником значительных доходов (хотя не всегда он был удачлив и абсолютно точен в своих расчетах), но, прежде всего, *игрой*, деятельностью, отвечавшей складу его личности, своеобразию его экономического мышления. Биржа давала возможность Кейнсу на практике испытать свой талант интуиции, предвидения в экономических делах и познать логику поведения в ситуациях риска и неопределённости. Его друг и коллега финансист Н. Дэвенпорт вспоминал:

Понимание спекулятивного инстинкта сделало Кейнса таким великим экономистом. Академический экономист никогда не поймет в действительности, что заставляет бизнесмена брать кредит, почему он иногда идет на риск, выбрав именно этот инвестиционный проект, и почему он иногда предпочитает деньги в наличной форме. Мейнард (так звали Кейнса его друзья и близкие к нему люди. – А.Н.) понимал, так как был по натуре игроком (*gambler*) и точно чувствовал игровые или денежные инстинкты бизнесменов. Он однажды мне сказал: «Помни, Николас, что деловая жизнь – всегда пари»¹².

¹² *Skidelsky R. Keynes. P.10. См. также: Lawlor M.S. On the Historical Origin of Keynes's Financial Market Views // Higling. Transactors and Their Markets in the History of Economics. Ed. by N. De Marchi and M. Morgan. L., 1994. P. 184–225.*

В этой связи указание ряда биографов и исследователей академического наследия Кейнса о существовании определенной связи важнейших теоретических идей автора «Общей теории» с его практикой как биржевого деятеля и инвестора представляется весьма убедительным. Примером, в частности, является глава 12 («Состояние долгосрочных предположений») «Общей теории», описывающая поведение инвестора в долговременном периоде и факторы, влияющие на принятие решений. Считается (английскими исследователями Д. Могриджем и Г. Харкортон, например), что её содержание «глубоко автобиографично» и навеяно собственным опытом Кейнса в качестве инвестора и непосредственного участника финансовых (в том числе биржевых) сделок в течение достаточно продолжительного времени.

Игра на бирже в течение ряда лет принесла Кейнсу рост чистых доходов с 16315 ф.ст. в 1919 г. до 411238 ф.ст. к концу жизни (по современному курсу – 10 млн. ф.ст.) Журналистская деятельность была одним из источников доходов. Как замечал автор популярного американского учебника по истории экономической мысли Х.В. Спигель, Кейнс становится миллионером в долларах, если не в фунтах стерлингов¹³. Успехи в денежных делах дали возможность приобрести поместье Тилтон – бывший фермерский дом в Восточном Эссексе, где он проводил большую часть отпуска и где были написаны важнейшие теоретические работы («Трактат о деньгах» и «Общая теория занятости, процента и денег»). Кейнс становится коллекционером картин и редких книг, ценителем редких произведений искусства, меценатом. Значительные средства были вложены им в финансирование Лондонской балетной труппы. Именно с искусством балета связано важнейшее событие в личной жизни великого экономиста – женитьба в августе 1925 г. на русской балерине, приме Мариинского балета Дягилева – Лидии Лопуховой. Свое свадебное путешествие чета Кейнсов совершила в Россию в сентябре 1925 г., что совпало с приглашением принять участие в праздновании 200-летия Российской Академии Наук. Россию Кейнс посетил ещё дважды – в 1928 и 1936 гг. – с частными визитами. Свои впечатления Кейнс обобщил в блестяще написанном очерке «Беглый взгляд на Россию» (1925)¹⁴.

¹³ Spiegel H. The Growth of Economic Thought. N.Y., 1971. P. 599.

¹⁴ См.: Кейнс Дж. М. Беглый взгляд на Россию // Социс. 1991. № 7. Скидельски Р. О «Беглом взгляде на Россию» Джона Мейнарда Кейнса // Вопросы экономики. 1966. № 2.

В годы, непосредственно следовавшие за окончанием первой мировой войны, Кейнс сосредоточился на исследовании международных экономических отношений, текущего их состояния и будущего мировой экономики. Две основные проблемы являлись центральными для Кейнса: а) хаос и дезорганизация в сфере мировых финансов и международных экономических связей, вызванные войной и усугубленные условиями Версальского мирного договора; б) нарушение равновесия во внешнеторговом обороте между европейскими странами и США. Эти проблемы рассматривались Кейнсом в «Экономических условиях мира», стали предметом ряда публичных выступлений и практических действий.

Внутренние экономические проблемы ещё не были в центре его интересов. Но кризис 1921 г. и последующая депрессия, повлекшие рост массы безработных в Англии (на уровне 10%) не могли не привлечь его пристального внимания. Кейнс считал, что основная причина «ненормальной», как казалось многим в 20-е годы, безработицы в Британии – неправильная денежная политика. Отказ правительства повысить учётные ставки банковского процента содействовал инфляционному буму, предшествовавшему кризису 1921 г., а сохранение на неизменном уровне реальных процентных ставок, когда обозначились дефляционные тенденции и связанные с ними падение производства и рост безработицы, усугубили экономическую ситуацию в стране.

Анализ теоретических проблем монетарной политики и программа практических мер стали предметом исследования в работе Кейнса «Трактат о денежной реформе» (1923). Лейтмотивом книги является необходимость обеспечения стабильного уровня цен. Только стабильные цены могут обеспечить устойчивую, нормальную деловую активность в экономике. «Я рассматриваю стабильность цен, кредита и занятости как имеющие первостепенное значение», – подчёркивал Кейнс в работах и публичных выступлениях в 20-е годы. В этот период Кейнс считал, что все важнейшие экономические проблемы и порождаемые ими экономические и социальные бедствия коренятся в неустойчивости стоимости денег. «Безработица, непрочное положение производителя, обманутые ожидания, внезапная потеря сбережений, непомерные конъюнктурные прибыли спекулянтов и барышников, – писал Кейнс, – всё это в значительной степени вызывается неустойчивостью денежной единицы»¹⁵.

¹⁵ Кейнс Дж. М. Избранные произведения. М., 1993. С. 86.

Между тем опыт военного времени и первых послевоенных лет характеризовался резкими – а в Германии и России катастрофическими – колебаниями стоимости денег. Эти колебания, указывал Кейнс, не только достигли небывалых размеров, но и обрушились на социальный порядок, хозяйственный уклад почти всех стран. Кейнс исследует причины и социальные последствия изменения стоимости денег, влияние, которое оказывают инфляционные и дефляционные процессы на различные социальные группы и классы общества и на экономику в целом. В теоретическом плане Кейнс особо выделял роль ожиданий участников экономического процесса в период экономической нестабильности, указывал на связь и взаимозависимость между ожиданиями и изменениями цен. «Ожидание изменения цен, если оно всеми разделяется, – писал Кейнс, – имеет тенденцию в известных пределах влиять кумулятивно. Когда ждут повышения цен, то хозяйственная жизнь реагирует на это некоторым повышением цен, а когда ожидание оправдывается, повышение ещё больше усиливается. То же наблюдается при ожидании падения цен. Относительно слабый предварительный толчок в состоянии вызвать значительное понижение»¹⁶.

Уже в этой работе Кейнс приходит к выводу, что «в области денежной политики нельзя рекомендовать принцип *laissez-faire*». По Кейнсу, основной задачей «государственного искусства» – искусства управления экономикой – должно стать поддержание незыблемости, стабильности «мерила стоимости» – денег как основы функционирования экономической системы. Идеи регулирования, «центрального контроля» – ещё ограниченные в «Трактате о денежной реформе» сферой денежной политики – нашли своё обоснование и развитие в последующих работах английского экономиста. Что касается практической программы, выдвинутой Кейнсом, он считал необходимым отказаться от золотого стандарта и заменить его регулируемым обращением бумажных денег, системой мер, получивших определение «управляемая валюта». Но вскоре после публикации «Трактата о денежной реформе» английское правительство (канцлером Казначейства в то время был У. Черчилль) возвратилось к системе золотого стандарта и установило довоенный – явно завышенный для ситуации 20-х годов – курс национальной валюты. В памфлете «Экономические последствия

¹⁶ Там же. С. 106.

мистера Черчилля» (1925) Кейнс подверг резкой критике экономическую политику правительства.

В том же году Кейнс публикует ещё один памфлет «Конец *laissez-faire*», в котором осознание конца эры «индивидуалистического капитализма» и необходимость регулирования экономических процессов нашли ещё более полное и ясное выражение. Вместе с тем в этой работе, как и ряде других публикаций второй половины 20-х – первой половины 30-х годов, Кейнс пытается очертить контуры политической и экономической «философии *середины*», отвергающей крайности бездеятельного, неадекватного изменявшемуся и радикально изменившемуся миру, предлагавшимся обстоятельствам консерватизма, с одной стороны, и советского большевизма, набравшего силу фашизма и социализма британских левых, с другой. Его главной целью становится поиск выхода из надвигавшегося, как лавина, кризиса и в то же время – сохранение традиционных ценностей демократического общества, плюрализма и личной свободы в политической сфере, а в экономической – «жизненного духа» (*animal spirit*), энергии предпринимательства, здоровой конкуренции и личной инициативы.

К середине 20-х годов в жизни Кейнса, его политических и экономических воззрениях и философии произошли важнейшие изменения. Как свидетельствует Р. Скидельски, «он решительно отбросил систему *laissez-faire*; атакуя возвращение к золотому стандарту, он сжёг мосты, соединявшие его с Казначейством и Банком Англии; и он женился на Лидии Лопуховой. События и процессы, происходившие в его собственном мышлении, радикализировали его, так что он становится осознанным сторонником нового экономического и политического порядка»¹⁷.

Одновременно Кейнс продолжает теоретические исследования. В 1925–1928 гг. он работает над новой книгой – «Трактат о деньгах» – двухтомной работой, опубликованной в 1930 г. Объёмное исследование проблем денежной теории и монетарной политики, с одной стороны, являлось продолжением и развитием линии анализа, намеченной в «Трактате о денежной реформе», а с другой – существенным этапом в формировании экономической теории Кейнса, изложенной в его основной работе «Общая теория занятости, процента и денег». В «Трактате о деньгах» одной из важнейших теоретических идей Кейнса («ре-

¹⁷ Skidelsky R. John Maynard Keynes. Vol. 2. The Economist as Saviour, 1920–1937. L.: Macmillan, 1992. P. 173.

волюционной» по своему значению) являлось положение о том, что сбережения и инвестиции не связаны между собой автоматически, как утверждалось в классической и неоклассической теориях. Решения относительно сбережений и инвестиций отделены одно от другого, осуществляются разными группами экономических субъектов и с разными мотивами. Кейнс утверждал, что в современной рыночной экономике отсутствует автоматически действующий механизм, который бы приводил в равновесие сбережения с ожидаемыми инвестициями. В неоклассической теории, напротив, было принято, что равенство сбережений (S) и инвестиций (I) как одно из важнейших составляющих условий общего экономического равновесия обеспечивается с помощью изменений уровня процента.

В «Трактате о деньгах» Кейнс сконцентрировался на анализе трёх взаимосвязанных блоков проблем: 1) мотивы хранения денег участниками экономического процесса; 2) значение, которое имеет сохранение активов в более или менее ликвидной форме; 3) ожидаемый доход от инвестиций (новых капитальных вложений). Все три указанных блока проблем нашли затем своё полное рассмотрение в «Общей теории» в форме классификации мотивов хранения денег, предпочтения ликвидности и предельной эффективности капитала.

В начале 30-х также появились два тома произведений Кейнса, занимающих особое место в его наследии как ученого-экономиста, публициста, общественного деятеля. Первый из них «Очерки по убеждению» (*Essays in Persuasion*, 1931) – сборник публичных выступлений и призывов английского экономиста, с которыми он обращался в течение предыдущих десяти с лишним кризисных лет к правительству, общественному мнению, коллегам-экономистам предпринять меры для овладения ситуацией, ведущей к краху экономической и социальной общественной системы. Но это были призывы, как писал тогда Кейнс, «человека, который никогда не был в состоянии повлиять на ход событий своего времени», Кассандры, пророка бед, которому никто не верит.

Во второй книге – «Исследование биографии» (1933) Кейнс собрал написанные им очерки о выдающихся экономистах прошлого (Мальтус, Джевонс, Маршалл и др.), сохраняющие до сих пор своё значение классического образца исследования и воспроизведения истории экономической мысли и дающие возможность проникнуть в творческую лабораторию ученого. Из наследия экономистов прошлого Кейнс считал наи-

более значимыми для последующего развития экономической теории (в том числе, разумеется, и своей собственной) идеи Мальтуса и Джевонса.

Научные, творческие достижения Кейнса достигли пика в «Общей теории занятости, процента и денег» – работе, созданной в течение пяти лет после «Трактата о деньгах» и опубликованной в феврале 1936 г. В ней сфокусировалось основное содержание «кейнсианской революции» в экономической теории. Рассматриваемая с точки зрения анализа экономического поведения, «Общая теория» представляла собой исследование логики экономического поведения и выбора в условиях неопределенности, неполноты информации, непредсказуемых ожиданий, соединенной с краткосрочной моделью совокупного дохода, «в которой основным инструментом приспособления системы к шокам было изменение количеств (объемов производства, инвестиций, сбережений, занятости), а не цен (товаров и рабочей силы)»¹⁸.

Вслед за выходом в свет «Общей теории» и начавшейся дискуссии вокруг основных проблем книги Кейнс изложил в концентрированном виде важнейшие элементы своей теории в статье «Общая теория занятости» (1937) в «Куотерли джорнэл оф экономикс»¹⁹. Существенным дополнением к этой статье стали две другие, опубликованные в том же году статьи, в которых Кейнс в контексте развернувшейся дискуссии ещё раз обратился к формулированию «сравнительно простых фундаментальных идей», составлявших исходные пункты «Общей теории»²⁰. В этих работах поведение инвестора в условиях неопределенности и меняющихся ожиданий для Кейнса было на первостепенном месте. Наряду с другими материалами (включая переписку 1936–1938 гг.), эти статьи составили часть наследия и этап научной деятельности английского экономиста, определённые его публикаторами как «защита и развитие» «Общей теории».

После опубликования «Общей теории» Кейнс наряду с положением лидера в экономической науке становится наиболее влиятельной фигурой в формировании экономической политики Англии. В июне 1940 г. он был назначен членом Кон-

¹⁸ История экономических учений / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. М.: ИНФРА-М, 2000. С. 485.

¹⁹ См.: Кейнс Дж. М. Общая теория занятости // Истоки. Вып. 3. М., 1988.

²⁰ Keynes J.M. The Theory of the Rate of Interest; Alternative Theories of the Rate of Interest // Collected Writings. Vol. 14. P. 101–108, 202–215.

сультативного комитета при Министерстве финансов по военным проблемам, за ним закрепляется в офисе английского Казначейства кабинет и личный секретарь, Кейнс становится высокопоставленным гражданским чиновником, обладавшим решающим голосом при принятии важнейших решений в экономике военного времени. Свидетельством признания выдающихся заслуг Кейнса перед страной явилось пожалование ему почётного титула лорда. Кейнс – «эсквайр из Тилтона», как именовали его друзья в конце 20-х годов, в начале 40-х годов стал именоваться «бароном Кейнсом Тилтонским».

В последний период жизни и деятельности Кейнса главная его задача заключалась в создании внутренних и международных оснований той системы «управляемого, регулируемого капитализма», к которой призывала его экономическая теория. В сфере экономической политики внутри страны Кейнс особое внимание уделял разработке мер, обеспечивающих финансирование военных расходов, стабильность финансовой системы и предупреждение инфляции в экономике военного и послевоенного времени. Эти меры составили основное содержание плана Кейнса, изложенного им в последней значительной работе «Как оплачивать войну?» (1940). План Кейнса предполагал реализацию схемы изъятия в принудительном порядке средств населения, остающихся после уплаты налогов и превышающих определённый уровень. Эти денежные средства предполагалось депонировать на специальных счетах в Почтовом сберегательном банке на период войны, а после её окончания выплачивать частями постепенно, в течение определённого времени. Предусматривались также компенсации семьям с низкими доходами в виде пособий и возможности покупать товары первой необходимости по фиксированным ценам. И хотя план Кейнса был принят не во всех деталях, его макроэкономический прогноз состояния экономики на период войны вместе с расчетами основных макроэкономических показателей был положен в основу бюджетной политики в Англии в течение всего военного времени.

В этот период усилия Кейнса также были направлены на разработку принципов и основ функционирования стабильной мировой финансовой системы и международных расчётов в послевоенное время. Ещё в 1942 г. он предложил план создания Международного клирингового союза (Clearing Union) для погашения международных долгов на многосторонней основе. В соответствии с «планом Кейнса» (как он впоследствии стал

называться) предполагалось введение нового резервного актива, международного средства платежа *bancor*, стоимость которого первоначально должна быть привязана к золоту, а затем вообще вытеснить золото как средство осуществления международных платежей. Страны с дефицитом платёжного баланса получали возможность заимствовать средства в банках в пределах установленных квот для погашения своих внешних задолженностей. Причём пределы квот должны автоматически увеличиваться по мере наращивания объёмов экспорта и импорта данной страны.

План Кейнса был рассмотрен на конференции по валютно-финансовым вопросам в г. Бреттон-Вудс (Нью-Гемпшир, США, 1944 г.), и хотя в конце концов была принята альтернативная схема тогдашнего министра финансов США Г. Уайта, идеи Кейнса сыграли существенную роль в процессе создания и дальнейшего функционирования Бреттон-Вудской системы. В частности, идея банка впоследствии получила своё продолжение в структуре созданного в 1946 г. Международного валютного фонда в форме специальных прав заимствования, представляющих собой расчётное средство без какого-либо обеспечения (например, в золоте), которое при соблюдении определённых условий страны-должники могут использовать для погашения своего долга. Участвуя в работе Бреттон-Вудской конференции, Кейнс многое сделал для достижения соглашения между странами-участницами и обеспечения поддержки её решений Британией.

Последние годы жизни и деятельности великого экономиста отмечены двумя чрезвычайно характерными для Кейнса акциями: решающая роль в переговорах о получении Великобританией американского займа и избрание его главой Совета по поощрению музыки и искусства (СЕМА).

Умер Кейнс в Тилтоне 21 апреля 1946 г. от обширного коронарного тромбоза и был похоронен в Вестминстерском соборе – монументальном, историческом мемориале для многих выдающихся деятелей Британии.

О.В. Воробьева (Липецк)

**«МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И НАСТОЯЩИМ»:
 ТИПЫ ДИСКУРСОВ В ТВОРЧЕСТВЕ А. ТОЙНБИ**

Есть ли у художника личная биография, кроме той, в ремесле?.. Важно ли то – из чего? И – из того ли – то?

Марина Цветаева

Среди написанных в XX веке книг двенадцатитомное «Постижение истории» А. Тойнби, пожалуй, одна из самых шумевших и знаменитых. Появление этого труда вызвало целый поток откликов и интерпретаций, породив внушительную по своему объему «тойнбиану»; отголоски этих некогда многочисленных споров до сих пор можно услышать в зарубежной и отечественной периодике¹. Несмотря на широкий разброс трактовок (как восторженных, так и иронично-критических), в одном исследователи творчества Тойнби единодушны: тому, что книга британского мыслителя стала не только научной, но и литературной сенсацией, бестселлером, выдержавшим десятки изданий, в значительной мере способствовало то обстоятельство, что в 1946 г. вышло в свет сокращенное изложение первых шести томов труда, сделанное английским историком Д. Сомервеллом². Как писал один из обозревателей, «хорошо, если бы другим плодовитым авторам – и прежде всего Марксу – кто-нибудь сослужил такую же добрую службу, какую м-р Сомервелл сослужил м-ру Тойнби»³. Мысль интересная... но не бесспорная.

Двухтомник Сомервелла действительно обеспечил идеям Тойнби необычно широкую популярность. Однако эта популяр-

¹ См.: Melko M. The origins of general wars in world history // Comparative civilizations review. Carlisle (PA), 1997. № 37. P. 65–90. Фоменко С.В. Российский процесс демократизации в свете размышлений А. Тойнби о «психологии столкновения» цивилизаций // Демократии и общественные движения: история и общественная мысль. Волгоград, 1998. С. 40–46 и др.

² A Study of History by A.J. Toynbee. Abridgement of vol. I–VI by D.C. Somervell. 1946. VII–X тт. впоследствии были обработаны им же и изданы во втором томе сокращенного издания книги.

³ Цит. по: Работнов Н. Есть ли будущее у «двадцать второй цивилизации?» // Знамя. 1990. № 12. С. 177.

ность была достигнута ценой явного обеднения тойнбианской мысли. Из «Постижения истории» были удалены многочисленные детали, составляющие оригинальную фактологическую базу исследования, а также большинство тойнбианских иллюстраций и отступлений, причем иногда довольно объемных.

Показательно, что Тойнби с самого начала отнесся к сомервелловской идее довольно настороженно. Он полагал, что издание сокращенного варианта может иметь смысл только после появления всей книги и с учетом изменений первоначального авторского замысла. И хотя Тойнби поблагодарил Сомервелла за то, что он «отнесся к книге столь серьезно, потратив на нее так много времени и усилий», и даже рекомендовал труд Сомервелла к печати, он до конца испытывал сомнения в продуктивности данного проекта, осознавая неизбежное «редуцирование его истории к простой схеме подъема и падения цивилизаций»⁴.

Вот это и настораживает современного исследователя творчества Тойнби, особенно если принять во внимание тот факт, что составители сокращенного издания «Постижения истории» на русском языке, судя по тексту, тоже вынуждены были пойти по пути д-ра Сомервелла. Дело, конечно, не в Сомервелле и не в тех, кто приложил все усилия для того, чтобы труд Тойнби стал доступен массовому российскому читателю, а в том, что чтение Сомервелла в большинстве случаев стало подменять чтение самого Тойнби и действительно сводить его видение истории к простому круговороту цивилизаций. Между тем, цивилизационная схема – как раз самое неинтересное и второстепенное в тойнбианской философии истории. Подлинного внимания заслуживает предшествующий ее созданию мыслительный процесс в совокупности с драматическим характером мировоззренческих злоключений А. Тойнби, которые и делают его столь оригинальным мыслителем. Исследователи иногда забывают о том, что два варианта книги адресованы разным читателям и служат разным целям. Краткое изложение – для массового читателя, а ученый, поставивший перед собой задачу понять предмет и специфику тойнбианского подхода к истории, должен обращаться прежде всего к оригиналу. Иначе наше вхождение в тойнбианский мыслительный мир может оказаться чреватым серьезными ошибками и заблуждениями.

⁴ Цит. по: McNeill W.H. Arnold J. Toynbee: A Life. N.Y.; Oxford, 1989. P. 211, 212.

Следует признать, что чтение «Постижения истории» – занятие не только увлекательное, но и довольно трудное. С первых же страниц возникает ощущение неоднородности и в некоторых случаях даже гибридности текста. Если в первых шести томах единицами изучения истории провозглашаются цивилизации, то в последних – церкви. При этом VII–X тома вообще больше посвящены анализу мировой политики, нежели изучению истории. О какой-либо последовательности и цельности изложения можно говорить весьма условно. Разбросанные по всему тексту теоретико-философские рассуждения причудливо сменяются, а иногда и подменяются суждениями факта. И хотя в любом из писаний Тойнби «имманентно присутствует определенный философско-теолого-социологический костяк, благодаря которому тойнбианская историческая концепция обретает известную цельность и последовательность в своем идеализме»⁵, логическая несовместимость некоторых частей книги очевидна.

Все это наводит на мысль, что «Постижение истории» А. Тойнби – это не один монолитный дискурс, а, скорее, гигантская полевая структура, стягиваемая пересечением и наложением разных типов дискурса, взаимно проникающих друг в друга, но не подлежащих полному смешению. Множество разных и порой несовместимых трактовок тойнбианского двенадцатитомника помимо других причин связано, видимо, с тем, что его интерпретаторы, за редким исключением, исходили из цельности и статичности тойнбианского текста, все элементы которого в любой момент были равно удалены от их создателя и потому могут быть беспрепятственно извлечены. На самом деле в разные периоды создания «Постижения истории» одни типы дискурса преобладали в сознании Тойнби, другие находились на периферии, одни были ближе, другие – дальше, но и те, что в данный момент оказывались второстепенными, оставались в памяти и продолжали борьбу за формирование смысла.

Стало быть, задачей исследователя становится вычленение этих каналов – дискурсов, питавших и в конце концов породивших главный труд британского историка. Для этого надо перенести интерес с текста на его возникновение, на движение и структурирование смыслов в сознании Тойнби – другими словами, на факты его личной и интеллектуальной биографии.

⁵ Рашковский Е.Б. Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции А.Дж. Тойнби. М., 1976. С. 14–15.

Наш тезис состоит в том, что своим замыслом этот грандиозный проект обязан не только классическому образованию британского мыслителя, позволившему Тойнби выработать «всеобщий взгляд на историю», но и его деятельности в сфере международной политики сначала в качестве консультанта британского Форин-оффис, потом – сотрудника и Директора Королевского института международных отношений, на протяжении тридцати трех лет выпускавшего ежегодные «Обзоры международных событий» (*Survey of International Affairs*). О роли греческого образования в становлении Тойнби как историка написано немало; что касается его деятельности в качестве специалиста-международника, для отечественного читателя она по-прежнему остается *terra incognita*⁶. Между тем, если бы политический дискурс не стал такой же частью тойнбианского творчества как дискурс исторический, возможно Тойнби так и остался бы узким эллинистом, для которого историей была лишь греко-римская история, а средние века и новое время мыслились как «неуместный и нелепый эпилог, добавленный к собственно истории североευропейскими варварами»⁷. При этом политический дискурс ни в коем случае не следует воспринимать как некий аппендикс к его стремлению выработать собственный системный подход к мировой истории. Американский историк Мэйсон, например, считает, что наоборот «система» была задумана главным образом для того, чтобы подтвердить правильность тойнбианского понимания современности⁸.

Оставим в стороне вопрос о приоритетах, ибо проблема заключается не в определении ведущего типа дискурса, а в том каким образом оба типа дискурса оказались сопряжены в «Постижении истории» и какова их роль в создании и эволюции замысла этой грандиозной книги? Поиски ответа на этот вопрос требуют обращения к малоизвестным страницам тойнбианской биографии.

По окончании Оксфордского университета Тойнби, по его собственным словам, был настолько несведущ в международной политике, что само слово «политика» ассоциировалось в его сознании исключительно с «внутренней политикой»⁹. Август

⁶ В работах отечественных исследователей творчества Тойнби присутствуют лишь отдельные упоминания о его работе в Четем-Хаусе.

⁷ Тойнби А.Д. Пережитое // Цивилизация перед судом истории. М., 1995. С. 269.

⁸ Mason H.L. Toynbee's Approach to World Politics. New Orleans, 1958. P. V.

⁹ Тойнби А.Д. Указ. соч. С. 218.

1914-го стал первым и, вероятно, самым резким водоразделом в судьбе Тойнби. Избегав мобилизации, молодой ученый практически с первых дней войны был привлечен к пропагандистской работе в Форин-оффис, в его задачу входили сбор и размещение подходящих статей о войне в американской и другой зарубежной печати, а также ответы на письма, присланные в адрес британского правительства с вопросами о проводимой им политике в различных регионах мира. Однако уже в октябре 1915 г. пропагандистская работа Тойнби приобретает новое измерение.

Британскому правительству срочно потребовался отчет о событиях в Армении. Собирая материал о зверствах турок по отношению к армянскому населению, Тойнби, возможно, впервые начинает проводить параллели между современными и прошлыми событиями. Армянская резня 1915 г. сравнивается им с убийствами в древней Ассирии. Аналогия столь захватила его, что в короткое время он собрал исчерпывающий материал по данной проблеме¹⁰. Вскоре он уже был экспертом по вопросам Османской империи в целом и по армянскому вопросу в частности. Именно в этом же качестве, несколько лет спустя, Тойнби будет присутствовать на Парижской мирной конференции¹¹.

Чем глубже он будет погружаться в мир текущей политики, тем яснее будут вырисовываться лейтмотивы его будущей книги. Здесь и ощущение своей сопричастности потоку истории, и видение будущих столкновений Запада с исламским миром и другими цивилизациями и, конечно, война, изучение которой наложило глубокий отпечаток на содержание и структуру двенадцатитомника. На всем своем протяжении «Постижение истории» будет связано с анализом места и роли войны в тех или иных локальных цивилизациях, с описанием различных военных институтов и практик. Война, рассматриваемая как проявление надлома и дезинтеграции цивилизаций. Война – как интегральная часть общества, формирующая не только политику, но также экономику, культуру и порой даже этос цивилизации.

Было еще одно обстоятельство, благодаря которому война заняла центральное место в концепции Тойнби. Испытывая постоянное чувство вины перед воевавшими на полях Первой мировой войны соотечественниками, он решил посвятить себя делу предотвращения и искоренения войны другими средствами. Это и приведет его на службу в Четем-Хаус, в Британский

¹⁰ *Toynbee A.J. Armenian Atrocities. The Murder of a Nation. L. etc., 1915.*

¹¹ *McNeill W.H. Op cit. P. 70–74.*

(с 1926 г. – Королевский) институт международных отношений. С тех пор любая неудача на этом поприще будет восприниматься Тойнби как личная неудача, несостоятельность и сопровождаться драматическими мировоззренческими коллизиями. Накануне II Мировой Войны подобного рода переживания даже подтолкнул Тойнби к частичному изменению плана и соразмерности частей «Постижения истории».

Первый опыт погружения в текущую политику не прошел даром. Анализ тойнбианской публицистики этого периода свидетельствует о формировании у него совершенно иного подхода к изучению истории, чем тот, который превалировал в позитивистской историографии. Суть этого подхода заключалась в формировании интереса к многофакторной социокультурной реальности, обнимающей жизнь народов, а порой и целых регионов, и определяющей их поведение на региональном и международном уровнях. Осознание нерасторжимой связи общественно-экономических, этнокультурных, геополитических, экологических, религиозных, социально-психологических аспектов в жизни народов различных стран и регионов, невозможность свести их политическое поведение к какому-либо одному фактору, сопровождалось постановкой ряда глубоких философско-мировоззренческих вопросов, определяющих проблематику и конфликтологию современного мира. Речь идет об уникальном переплетении различных уровней человеческой идентичности, являющихся как бы фило- и онтогенетическими аспектами единой человеческой реальности. Игнорирование или, наоборот, выпячивание одного из них могло, по его мнению, стать источником противоречий и конфликтов. Так, изучение общественно-политической эмпирики подсказало проблематику цивилизаций, которой суждено было занять одно из центральных мест в его концепции истории.

Поездка Тойнби по Ближнему Востоку в качестве военного корреспондента газеты «Манчестер гардиен», в ходе которой он впервые столкнулся с последствиями процесса вестернизации, еще больше продвинула его мысль в этом направлении. На пути из Стамбула в Лондон, куда Тойнби возвращался по окончании командировки в Анатолию, он набросал на листке бумаги с десятком заголовков, ставших впоследствии разделами его будущей книги. Но прежде, чем Тойнби сел за ее написание, этому плану суждено было подвергнуться неоднократной корректировке под влиянием его новой работы над четем-хаусскими «Обзорами». К этой работе он приступил в 1924 г., и

постепенно оба дискурса оказались в одной упряжке. Между ними не было никакой дисгармонии. Оба только выигрывали.

Вопрос о взаимовлиянии исторического и политического дискурсов в творчестве Тойнби практически не исследован в мировой историографии. Появившаяся в 1958 г. монография А. Мэйсона «Тойнбианский подход к мировой политике» была посвящена преимущественно анализу политических взглядов английского историка, нашедших отражение в VII–X тт. «Постижения истории». Материалы «Обзоров» преднамеренно не были включены в данное издание, т.к. представляли «совершенно иной тип историописания» и, следовательно, по мнению автора, не имели никакого отношения к предмету исследования¹².

Другая попытка американской историографии обратиться к деятельности Тойнби в Королевском институте международных отношений связана с именем К. Томпсона. Само название книги Томпсона «Тойнбинская философия мировой истории и политики»¹³ выглядело многообещающим и, казалось, свидетельствовало о намерении автора связать, наконец, оба типа дискурса. Однако что действительно занимало ее автора, так это полемика с теми или иными внешнеполитическими воззрениями Тойнби и их ретроспективная оценка. Некоторые особенности предпринятого Томпсоном исследования по меньшей мере вызывают недоумение. Так, например, несмотря на то, что монография впервые была издана в 1985 г., в ней отсутствуют ссылки на работы Тойнби, вышедшие после 1948 г. А ведь Тойнби обращался к внешнеполитическим проблемам и в 50-е, и в 60-е, и даже в начале 70-х годов. Помимо «Обзоров» (взятых только до 1937 г.) и первых шести томов «Постижения истории» (непонятно, почему отсутствуют по крайней мере еще четыре) Томпсон опирается только на три работы Тойнби, причем одна из них представляет небольшой памфлет¹⁴, другая отражает ранние взгляды мыслителя¹⁵ и только третья представляет собой сборник небольших теоретических очерков по проблемам современного мира¹⁶. Это особенно удивляет, если учесть, что только в первое послевоенное десятилетие многочисленные тойнбианские поездки и выступления перед общественностью, прочитанные лекции и дан-

¹² Mason A.L. Op.cit. P. V.

¹³ Thompson K.W. Toynbee's philosophy of world history and politics. L., 1985.

¹⁴ Toynbee A.J. The Prospects of Western civilization. N.Y., 1947.

¹⁵ Nationality and War. L.—Toronto, 1915.

¹⁶ Toynbee A.J. Civilization on trial. L., 1948.

ные интервью вылились в целый поток статей и памфлетов, опубликованных в газетах, журналах и иногда в качестве отдельных брошюр. Как показывают приведенные ниже цифры, масштаб его публицистической деятельности в эти годы был значителен: в 1946 г. опубликовано 2 работы, 1947 – 9, 1948 – 11, 1949 – 9, 1950 – 8, 1951 – 8, 1952 – 12, 1953 – 19, 1954 – 24, 1955 – 30¹⁷. Большинство из этих публикаций было посвящено проблемам текущей политики.

Все это свидетельствует о том, что детальный анализ этой сферы деятельности британского историка, ее влияния на «Постижение истории» и наоборот, еще ждет своего исследователя. Рамки данной статьи позволяют ограничиться лишь некоторыми наблюдениями и замечаниями на эту тему.

Тойнби не раз говорил, что параллельная работа над «Обзорами» и над «Постижением истории» была большой удачей в его жизни, без чего «Постижение истории» просто не состоялось бы¹⁸. Не надо даже слишком пристально всматриваться в «Постижение истории», чтобы увидеть, что размышления Тойнби о прошлом мировых цивилизаций пронизаны всеми насущными проблемами современности: передел сфер влияния, смещение полюсов силы, разоружение, международное право, система коллективной безопасности и т.д. и т.п. Как правило, методика его работы строилась следующим образом: Тойнби сталкивался с определенными явлениями и событиями в настоящем и по мере того, как он пытался найти ему объяснение, его воображение (в значительной мере детерминированное замыслом будущей книги) выстраивало серию широко-масштабных исторических сравнений и рождало яркие метафоры, украсившие впоследствии главный труд его жизни.

Так, например, рассуждая о проблемах суверенитета современных государств, он в то же время предостерегал от опасности чрезмерного увлечения данным политическим институтом. Подтверждения своим опасениям Тойнби находил в истории греко-римского мира, когда неумение греческих городов-государств преступить границы своего суверенитета привело их к захвату римскими завоевателями и фактически разрушило античную цивилизацию. Английский историк тут же приходит к выводу, что отсутствие координации между политическими единицами древних обществ является показателем кризиса данной цивилиза-

¹⁷ A Bibliography of Arnold J. Toynbee. Oxford, 1980.

¹⁸ Тойнби А.Д. Указ. соч. С. 256.

ции. И наоборот, умение разделить свой суверенитет между национальными и наднациональными институтами способствует успешному развитию локальных сообществ. Так, якобы, было в древнекитайской цивилизации, государства которой объединились в Центральную Конфедерацию, или во времена Делийской Лиги; более современные примеры: в XIX веке – Священный Союз и Европейский концерт, в XX – Лига Наций¹⁹.

Другой пример. Постоянное столкновение Тойнби с таким механизмом современной мировой политики как «баланс силы» и стремление найти ему аналогии в прошлом позволили английскому историку сформулировать ряд важных принципов мировой политики, которые впоследствии нашли свое отражение в «Постижении истории»:

- принцип «баланса силы» вступает в действие всякий раз, когда некое сообщество оформляется в независимое суверенное государство;
- все политические союзы создаются с учетом и на основе данного принципа;
- действие принципа «баланса силы» проявляется в стремлении крупных держав сохранить статус-кво и приниженное положение небольших и средних государств по всем показателям политического веса: размерам территории, численности населения и уровню благосостояния;
- в условиях отсутствия других средств урегулирования международных конфликтов «баланс силы» является универсальным механизмом для внешней политики любого государства, стремящегося сохранить свой суверенитет;
- если сообщество политически и культурно неоднородно и имеет тенденцию расширять пределы своего влияния до размеров и статуса новой цивилизации, центр тяжести «баланса силы» внутри данного сообщества постепенно переместится с центра на периферию так, что государства, ранее занимавшие исконно «родовые» земли этой цивилизации рано или поздно будут подавлены и попадут в тень новой «великой силы», возникшей на ее окраинах.

Тойнби приводит многочисленные примеры действия этого закона в прошлом и настоящем. Среди них: уже упоминавшийся захват греческих городов-государств возникшей на их окраинах Римской империей, завоевание итальянских государств Францией и Испанией, возникновение крупных центров силы в виде США, СССР и Японии на окраинах Европейского мира²⁰.

¹⁹ Survey of International Affairs. L., 1935. Vol. II. P. 79; 1937. Vol. I. P. 6. Toynbee A.J. A Study of History. Vol. IV. 1939. P. 208–209; Vol. VI. 1939. P. 292, 293.

²⁰ См.: Survey of International Affairs. L., 1930. P. 33; Toynbee A.J. Op. cit. Vol. I. 1934. P. 89. Vol. III. 1934. P. 302–303.

В свою очередь, работа над «Постижением истории» влияла на «Обзоры». Важным показателем корреляции между Тойнби-теоретиком и Тойнби-функционером является его стремление не просто описывать мировые события, но постоянно сопровождать их анализ формулировкой действующих в сфере международных отношений «законов» и «принципов». Он даже попытался создать собственную теорию дипломатии²¹.

Его заинтересованность крупными историческими идеями и наводящими на мысль сравнениями сделали анализ текущих событий чем-то большим, чем простое перечисление их в хронологическом порядке. «Обзоры» были менее энциклопедичны и более аналитичны, чем предполагалось. Отметим, что Тойнби предлагал читателю довольно субъективный портрет времени, оставляя за пределами внимания менее актуальную, с его точки зрения и с точки зрения будущей книги, информацию. Исключения составляют лишь первые два «Обзора» и то, видимо, потому, что писались они вдогонку: приступая к работе над ними в феврале 1924 г., Тойнби предстояло написать сразу два отчета – один за период 1920–23 гг., т.е. по тем событиям, которые накопились с последней даты, отмеченной в «Истории Парижской мирной конференции»; другой – непосредственно за 1924 год.

Так, например, подготавливая «Обзор» за 1925 г., Тойнби сосредоточил свое внимание на «Исламском мире после мирного урегулирования»²² – проблеме, волновавшей его еще со времен службы в Форин-оффис. Фактически Тойнби снова поднимал тему, на которую впервые обратил свое внимание в годы первой мировой войны, когда доказывал, что будущее Британской империи зависит от достижения ее «согласия» с Востоком. Теперь он признавал: то, что он называл тогда «Востоком», было только частью того культурного разнообразия, с которым Западу предстояло иметь дело. Исламу в назревающем процессе столкновения цивилизаций отводилось особое место. Дело в том, что мусульманские страны имели более длительный опыт общения с Западом и, следовательно, раньше других и отчетливее столкнулись с исторической дилеммой: невозможно сбросить влияние европейцев, одновременно «адаптируя военную технику, политические институты, экономический уклад и духовную культуру

²¹ См.: *Thompson K.W.* Op. cit. Ch. V.

²² Опус Тойнби оказался таким объемным, что его даже пришлось издать отдельной книгой. См.: *Toynbee A.J.* *The Islamic World after the Peace Settlement.* L., 1927.

Запада»²³. Впоследствии эти рассуждения Тойнби органично влились в VIII том «Постижения истории».

Половину «Обзора» за 1926 год Тойнби посвятил объяснению событий на Дальнем Востоке и в Тихоокеанском регионе. В китайской революции и индонезийском восстании против датчан он опять-таки усмотрел не самостоятельные события, а симптом столкновения Запада с этими цивилизациями²⁴. «Обзор» за 1926 г. отличался от предшествующих тем, что фактически впервые тойнбианский политический нарратив был дополнен отдельными эссе по экономическим и правовым вопросам. Впоследствии это станет обычной практикой, поскольку в ходе раздумий над своей книгой Тойнби все больше будет утверждаться в мысли, что любая культурно-историческая конфигурация (регион, нация, этнос, цивилизация) порождена взаимоотношением целого ряда микро- и макро- параметров существования человека: экономикой, социальной средой, культурой, менталитетом, религией, древнейшей предысторией (древние этносы, цивилизации, империи на территории данного региона), историей антиколониальной и других видов освободительной борьбы, фактами этнокультурной консолидации и духовной самоорганизации сообщества. Эти параметры, конституирующие структурную сложность каждого региона, нельзя рассматривать в отрыве друг от друга. Любые политические решения, игнорирующие этот факт, приводят к конфликтам на всех уровнях идентичности, способствуя тому, что вся целостность общественной и культурной жизни становится жертвой неуправляемых инфантильно-архаичных стихий, различных форм жестокого поведения как внутри сообщества, так и во вне его.

«Обзор» за 1927 г. в основном был посвящен странам Северной и Южной Америки²⁵. Три последующих ежегодника были менее сконцентрированы на каком-либо регионе – к тому времени Тойнби набрал необходимую для книги информацию о современном состоянии локальных цивилизаций и сосредоточил свое внимание на их истории. Летом 1927 г. он садится за написание расширенного плана книги. «Я закончил «Обзор» за 1927 г. на следующий день после твоего отъезда, – писал он в письме к Г. Мюррею, – и пока мое тело отдыхает, я наслаждаюсь мысленными образами, связанными с философией истории...»²⁶

²³ Survey of International Affairs. 1925. L., 1927. P. 1.

²⁴ Survey of International Affairs. 1926. L., 1927.

²⁵ Survey of International Affairs. 1927. L., 1928.

²⁶ Цит. по: McNeill W.H. Op. cit. P. 131.

Таким образом, характерный для некоторых «Обзоров» двадцатых годов крен в сторону того или иного региона меньше всего диктовался происходящими там событиями; в значительной мере он был обусловлен стремлением Тойнби осмыслить текущую политику в разных регионах земного шара сквозь призму повсеместной коллизии между Западной цивилизацией и остальным миром. Одновременно с этим он чувствовал: для того, чтобы понять современные проявления этих столкновений, ему следует углубиться в историю каждой цивилизации. Работая над «Постижением истории», он получал необходимый ему исторический фон для «Обзоров», причем получал в нужных для такой работы глобальных масштабах. И наоборот, «Обзоры» помогали «Постижению истории».

Когда изучаешь историю ушедших поколений, приходится мысленно воскрешать эти мертвые поколения в своем воображении. Представить себе, какими они были в жизни, можно только по аналогии с тем, что мы знаем о живых, то есть о наших современниках. По этой причине совершенно необходимо, чтобы всякий историк стоял одной ногой в современной истории, независимо от того, устремлен ли его научный взор в эпоху создателей пирамид или эпоху позднего палеолита... Если бы одновременно с «Обзорами» я не писал «остижение истории» я был бы лишен самого эффективного инструмента, который был нужен мне для умственной реконструкции давно умерших обществ...²⁷

По мере того как продвигалась работа над «Постижением истории» в сознании британского историка менялось само видение сути международных отношений. В 1920-е годы он определял эту сферу узко – «отношения между национальными суверенными государствами»²⁸. И только одно уточнение, сделанное им в предисловии к первому «Обзору», можно считать индикатором и обещанием будущей эволюции взглядов. «Не государства, а отношения между ними выбраны нами в качестве единиц анализа, за исключением тех случаев, когда статус страны или ее внутренняя политика сами являются международным событием»²⁹ (курсив мой – О.В.).

В тридцатые годы Тойнби выдвинул альтернативное определение, отказавшись от жесткой дихотомии внутренних и внешних событий. Два важных происшествия подвигли его к формулировке нового определения: обвал ценных бумаг на Нью-Йоркской фондовой бирже в 1929 г. и приход фашистов к власти

²⁷ Тойнби А.Д. Указ. соч. С. 256.

²⁸ Survey of International Affairs. L., 1929. P. 202.

²⁹ Survey of International Affairs. 1920 – 1923. L., 1926. Preface.

в Германии в 1933. Ни одно из них не подходило под его первое определение. Тойнби замечает, что взаимное переплетение внутренних и внешних событий становится скорее правилом, чем исключением. Гражданская война в Испании, разразившаяся в 1936 г., еще больше утвердила его в этой мысли³⁰.

Появившаяся в 1940-е годы третья и последняя концепция международных отношений по своему характеру представляла двуединое образование. Согласно Тойнби, один тип международных отношений – это тот, который складывается среди обществ внутри цивилизации, другой представляет собой межцивилизационные взаимодействия. Современный историк, по мнению Тойнби, должен особенно внимательно присматриваться именно ко второму, т.к. он менее исследован³¹.

Очевидно, что отмеченная трансформация тойнбианских взглядов произошла не без влияния его работы над «Постижением истории». Он постоянно двигался вперед и назад между прошлым и настоящим, сплетая многоцветный ковер мировых событий, который никто ни до него, ни после не сумел создать.

Насколько феноменальной оказалась проделанная им работа показывает анализ «Обзоров» военного времени. В годы войны их выпуск был временно прекращен, а в 1946 г. Тойнби, сосредоточив свое внимание на написании VII – X томов «Постижения истории», поручил эту работу целому коллективу авторов, оставив за собой лишь общее руководство проектом. Задача для них оказалась настолько непосильной, что вместо намеченного 1952 г. последний том по событиям периода II мировой войны появился лишь в 1958. При этом все тома представляли собой печальную смесь событий без тех вспышек интуиции и охватывающих все времена и пространства сравнений, которыми Тойнби украсил свои предвоенные «Обзоры».

Не удивительно, что, когда Тойнби вышел на пенсию, Совет Четем-Хауса так и не смог найти ему достойную замену. Известный историк Джеффри Барраклау, занявший пост Директора КИМО в 1956 г., не смог совмещать геркулесову работу по составлению «Обзоров» с чтением лекций по теории и истории международных отношений в Лондонском университете (во времена Тойнби эти должности были совмещены). «Обзоры» все больше отставали от текущих событий, и, в конце концов, Барраклау подал в

³⁰ Survey of International Affairs. 1935. Vol. II. P. VII; 1937. Vol. I. P. V.

³¹ Эта точка зрения впервые была высказана Тойнби в 1939 и с тех пор являлась лейтмотивом его последующих работ по этой проблематике.

отставку. После того как его преемник также признал эту задачу невыполнимой, выпуск «Обзоров» был прекращен³².

1929 год стал еще одним водоразделом в творческой судьбе А. Тойнби. Казалось, ничто не предвещало бури. В этом году он был приглашен в Японию принять участие в заседаниях Института Тихоокеанских отношений. Совместив поездку в Японию с путешествием по азиатским странам, Тойнби воочию убедился в правильности своих представлений. Повсюду, где он проезжал, он наблюдал печальную картину политической, экономической и культурной экспансии Запада и ее столкновений с национальными укладами. Это утвердило его в мысли, что происходящее в Китае, Индии и даже на Среднем Востоке может быть структурировано в серию трагических цивилизационных циклов подобно архетипической эволюции эллинизма³³. Лишь Япония на тот момент выпадала из общей схемы³⁴. Однако, начиная с 1929 года, ему предстояло пережить серию потрясений, повлекших за собой значительные изменения в его видении истории и сопровождающихся появлением в его творчестве нового типа дискурса. На этот раз это был религиозный дискурс.

Религиоведческая концепция британского мыслителя – пожалуй, одна из наиболее дискутируемых тем в мировой «тойнбиане»³⁵. Несмотря на то, что идеалистическая ориентация А. Тойнби ни у кого не вызывала сомнения, возникли серьезные трудности с четкой идентификацией его духовной пози-

³² Последний обзор за 1963 г. появился аж в 1977!

³³ *Toynbee A.J. A Journey to China, or the Things which Are Seen*. London, 1931. P. 116–119, 148, 256.

³⁴ *Ibid.* P. 289.

³⁵ В свое время она вызвала немало споров в среде зарубежных христианских теоретиков и богословов. – См., напр.: *Casserley J.V.L. Toward a Theology of History*. L., 1965; *Niebuhr R. Faith and History: Comparison of Christian and Modern Views of History*. L., 1949; *Robb D. Brahmine from Abroad // American Studies*. 1985. Vol. 26. № 2. P. 45–69; *Nichols J.H. Religion in Toynbee's History // Journal of Religion*. 1948. April. P. 99–119. В отечественной историографии непосредственным анализом этой концепции занимались Ю.А. Бондаренко, С.В. Кирхоглани и А.П. Дымова: *Бондаренко Ю.А. Критический анализ учения А. Тойнби о роли религии в жизни общества*. Дисс... канд. филос. наук. М., 1980; *Кирхоглани С.В. Вопросы религии в философии истории Арнольда Тойнби (критический анализ)*. Дисс... канд. ист. наук. Л., 1977; *Дымова А.П. Роль и место религии в цивилизационной концепции А.Дж. Тойнби*. Дисс... канд. ист. наук. М., 1996.

ции. Однажды в своих разговорах с лидером одной из буддистских организаций Д. Икедой Тойнби так высказал свое отношение к сущности религии:

Под религией, – сказал он, – я подразумеваю отношение к жизни, которое создает возможность людям справиться с трудностями человеческого бытия, давая духовно удовлетворительные ответы на фундаментальные вопросы о тайне Вселенной и роли в ней человека и предлагая практические предписания относительно жизни во Вселенной³⁶.

Не случайно Ю.А. Бондаренко замечает, что «Бог А. Тойнби – это то же самое, что Бог Тейяра де Шардена, Альберта Швейцера или Пауля Тиллиха – ориентир, помогающий не сбиться с пути, идеал, проникающий в сердце». И тут же добавляет, что при таком расширенном толковании религии даже атеиста можно зачислить в число верующих³⁷.

Другим препятствием к прояснению религиозной позиции А. Тойнби стала ее явная непоследовательность. Всем, кто занимался анализом «Постижения истории» не давал покоя ее существенный изъян, связанный с нестыковкой «мирского» и «сакрального» подходов к истории. Если в первых томах «Постижения истории» церкви рассматривались Тойнби как «куколки», передающие часть духовного наследия гибнущей цивилизации возникающей на ее окраинах «дочерней», то, начиная с седьмого тома, цивилизации и церкви меняются местами. Теперь уже не цивилизации, а церкви становятся истинными единицами и целью человеческой истории. Путаница получилась такая, что впору было задаться вопросом о наличии у автора единой и внутренне непротиворечивой концепции.

В советской историографии подобную непоследовательность объясняли самым «очевидным» фактором – «общим кризисом буржуазного сознания», прибавляя при этом, что именно к этому – превращению истории в теологию – и должен был привести «здравый английский эмпиризм»³⁸. Понятно, что очевидное не может быть предметом критического осмысления. Оно возможно только тогда, когда вещи, доселе несомненные, начинают обнаруживать свою проблематичность.

³⁶ Диалог Тойнби – Икеда. Человек должен выбрать сам. М., 1998. С. 369–370.

³⁷ Бондаренко Ю.А. Указ соч. С. 70, 71, 75.

³⁸ Косминский Е.А. Историософия Арнольда Тойнби // Вопросы истории. 1957. № 1. С. 138.

Почему «кризис буржуазного сознания» проявился у Тойнби только в момент написания «Постижения истории», ведь до этого Тойнби не отличался особой религиозностью? Известно, что еще будучи студентом Оксфорда, он отошел от традиционной христианской веры, в которой его воспитывали, и пришел к выводу, что «религия – это не имеющая значения иллюзия»³⁹. Этих взглядов он придерживался вплоть до написания «Постижения истории».

Еще одна нестыковка обнаруживается при сопоставлении логик развития разных типов тойнбианского дискурса. По мере того как его политический дискурс становится все более реалистичным, его исторический дискурс начинает насыщаться религиозной проблематикой, пафос которой достигает к концу книги мощного крещендо.

Поиски ответов на эти вопросы невозможны без понимания особого характера той реальности, с которой имеет дело историкограф: с одной стороны, – это состоявшаяся человеческая мысль, с другой – документ, судьба, свидетельство конкретной жизни с невымышленным именем, фамилией, отчеством...

Все началось в 1929 г., с путешествия по Китаю, во время которого Тойнби испытал сильное эмоциональное потрясение, переживание которого, по его мнению, сопровождалось мистическим контактом с некой божественной сущностью. Именно с этого момента возникает его вера в существование некой сверхъестественной духовной реальности, определение которой Тойнби будет искать долгие годы⁴⁰. Каков бы ни был характер или источник пережитого им опыта, он в корне изменил тойнбианское мировоззрение и стал первым шагом на пути к Богу.

За первым последовал и второй, хотя в тот момент Тойнби не придавал ему особого значения. Вернувшись из поездки по Востоку, он узнал, что его жена Розалинда стала баптисткой⁴¹. Родители Розалинды, шокированные поступком дочери, сильно беспокоились, что Тойнби последует ее примеру и это как-то отразится на его исторических воззрениях⁴². Но в тот момент Тойнби был еще слишком далек от католицизма и не собирался возвращаться к религии своего детства. «Что касается меня, я

³⁹ Тойнби А.Д. Указ соч. С. 283.

⁴⁰ Отголоски этих событий можно найти на страницах его автобиографической книги: *Experiences*. N.Y. – L., 1969. P. 176.

⁴¹ Впоследствии она крестилась по католическому образцу.

⁴² См.: *McNeill W.N. Op. cit.* P. 157.

становлюсь все более недогматичным. Я просто не могу определить свою принадлежность к какому-либо религиозному институту», — писал он Г. Мюррею. И далее: «Маловероятно, насколько я могу предвидеть, чтобы я стал католиком»⁴³. Пройдет несколько лет, и его антикатолический пыл заметно поубавится; хотя в лоно католической церкви он не вернется никогда. Таковы были религиозные интенции Тойнби накануне и во время написания первых трех томов «Постижения истории». Проблематика трансцендентального в них уже присутствует, но еще не захватила Тойнби так, чтобы пересмотреть свои взгляды на историю. В 1935 г. принес новую волну потрясений. Войны в Эфиопии (1935–1937) и в Испании (1936–1939) показали, что возможности мирного урегулирования международных споров становятся все более проблематичными. Тойнби, для которого служба в Четем-Хаусе была своего рода сублимацией его острого чувства вины перед воевавшими на фронтах Первой мировой войны соотечественниками, пережил крах системы коллективной безопасности как личную трагедию, сопровождающуюся острым мировоззренческим кризисом. Как считает Макнил, скрытая от посторонних глаз личная ненависть к войне сделала его реакцию на атаку Муссолини в Эфиопии почти апокалиптической⁴⁴. Даже начало второй мировой войны не взволновало его так сильно как события в Эфиопии. Впоследствии когда начнется паника, связанная с Мюнхенской конференцией, он заявит: «Разочарования — в прошлом: самые мучительные моменты были пережиты в 1935–1936 годах; все, что случилось потом, является лишь закономерным эпилогом тех событий»⁴⁵.

С этого момента Тойнби окончательно теряет веру в действенность «мирских» средств избавления Западной цивилизации от поразившей ее болезни. Только изменения в мыслях и сердцах людей, подразумевающие переориентацию с мирского на сакральное, могли, по его мнению, приостановить гибель Запада. Однако злоключения Тойнби на этом не закончились. В марте 1939 г., через несколько дней после смерти матери историка, покончил самоубийством старший сын Тойнби Тони. Потеря была настолько невыносимой, что пережить ее помогло лишь очередное обращение к Богу. «Ощущение было такое, как будто бы трансцендентальная духовная реальность, нахо-

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Ibid. P. 168–169.

⁴⁵ Ibid. P. 170.

дящаяся вне меня и близкого мне человека, в тот ужасный момент сдернула завесу, которая обычно отделяет нас от Бога»⁴⁶. Его стресс только усилился от сознания того, что на момент смерти сына Гитлер уже маршировал в Богемии (оставленной Чехии по Мюнхенскому соглашению), демонстрируя тем самым, что фашисты не собираются ограничиваться рамками «национального самоопределения».

Эти обстоятельства, в которых появляются IV–VI тома «Постижения истории», объясняют ту экзальтированность, тот пророческий тон, с которым Тойнби говорит о надломе и дезинтеграции цивилизаций. Библейские фразы, в которые он облачил анализ этой стадии цивилизационного цикла, перемежаются в этих томах с проповедью духовной реформации. В одном из своих пассажей он даже принял доктрину реинкарнации, в которую никогда ранее не верил⁴⁷.

В 1942 г. – новый удар: его покидает супруга. Тойнби был на грани безумия и подумывал о самоубийстве. Только мысль о великом грехе и желание закончить книгу не позволили ему сделать это⁴⁸. Лицевой тик, появившийся у него в годы войны, на всю жизнь остался знаком пережитой им тогда агонии.

Под влиянием этих обстоятельств взгляды Тойнби на характер взаимоотношений цивилизаций и религий были подвергнуты в военное время основательной ревизии. «Теперь, однако, наше изучение привело нас к тому, что цивилизации с их круговоротом не являются больше интеллигидельным полем исследования и теряют свою историческую значимость за исключением тех моментов, когда они помогают становлению Религии», – писал он в VII томе «Постижения истории». Его столкновения с тем, что он называл «трансцендентальной духовной реальностью», и медленный дрейф в сторону католицизма сказались на его новом понимании смысла истории, который теперь мыслился как трансценденция. То, на что он с трудом решился в 1930–31 гг., когда впервые использовал метафору Гете (Вызов-и-Ответ) для объяснения процесса роста цивилизаций, стало преобладающим типом дискурса с тех пор, как он поверил, что выражающие Поэтическую Истину метафора и миф ближе подвигают человека к Богу, чем скудный научный дискурс.

⁴⁶ Ibid. P. 176.

⁴⁷ *Toynbee A.J.* Op. cit. Vol. VI. L., 1939. P. 263.

⁴⁸ *McNeill W.N.* Op. cit. P. 179.

Проблема, однако, заключалась в том, что новое видение истории делало неуместным большинство положений его старого исторического дискурса. Разница с прежними представлениями Тойнби оказалась столь значительной, что в пору было отказаться от первоначального замысла и написать новую книгу: но Тойнби не был готов сделать это, равно как и полностью отречься от своих прежних представлений. Вместо этого он принимает решение продолжить написание следующей порции томов, попутно внося изменения в предшествующий текст. А по сути он просто сжимал его или вырезал из него огромные куски, особенно те из них, где подчеркивалось значение мирской истории⁴⁹.

После войны личная жизнь Тойнби круто изменилась в лучшую сторону, и работа над последними томами «Постижения истории» сопровождалась постепенным ослаблением религиозного напряжения. Это позволило ему вернуться к записям и заметкам 1927–29 гг. и восстановить свой интерес к локальным цивилизациям. В результате получился странный гибрид. С одной стороны, Тойнби продолжил свои изыскания по проблемам «мирской» истории и дополнил свои предвоенные пассажи в этой области новыми. Так, например, специально для VII тома им была написана монография по империи Ахеменидов, главными факторами развития которой признавались географическая среда и военная техника. Точно также большая часть VIII тома оказалась посвящена столкновениям Запада с другими цивилизациями. Показательно, что анализируя контакты цивилизаций во времени и пространстве, Тойнби частенько оставлял Бога за пределами собственных объяснений.

С другой стороны, перечисленные пассажи перемежались с другими, где по-прежнему подчеркивалось значение религиозного дискурса в истории и науке. Так, например, в лекции, прочитанной им в Британском психоаналитическом обществе 30 ноября 1949 г., он провозгласил, что «поэтическая и научная истины являются аспектами единой и недоступной человеческому пониманию Предельной Истины, и... человечество нуждается в них обеих...»⁵⁰. Тойнби так и не сумел достичь компромисса между рациональным и теологическим взглядами на мир, продолжая жить в двух мирах и не находя в себе сил привести их в соответствие друг с другом.

⁴⁹ Ibid. P. 227.

⁵⁰ Poetical Truth and Scientific Truth in the Light of History // International Journal of Psychoanalysis. Vol. XXX. 1949. P. 150.

Справедливости ради следует отметить, что в значительной мере этому способствовал и сам характер тойнбианского исследования, его стремление рассматривать конкретно-исторические явления и процессы в философском, метафизическом по своей сути контексте. Поясню свою мысль.

Метафизикой в философии называют тот ее раздел, который занимается «выявлением условий бытия человека в качестве человека – субъекта истории и судьбы»⁵¹. Известно также, что, как правило, метафизическая проблематика актуализируется в моменты глубоких кризисов в судьбах различных историко-культурных конфигураций или в переломные эпохи. Другими словами, когда «распадается связь времен», метафизическая по своей природе связь, и что-то меняется в способах культурного воспроизводства социальной и духовной жизни.

Исследуя причины и процессы зарождения, роста и упадка локальных цивилизаций, Тойнби неизбежно должен был сделать следующий шаг и задаться вопросом: а все ли в человеке связано с теми основаниями, которые определяют его принадлежность к тому или иному времени, к той или иной локальной цивилизации? Он приходит к выводу, что существуют такие основания (и в этом можно полностью согласиться с Тойнби), которые находятся вне той или иной культуры или цивилизации, в другом пространственно-временном континууме. Это так называемые личностные основания, имеющие прямое отношение к понятию «человеческое достоинство». Метафизика и толкует об этих основаниях. От религии ее в данном случае отличает одна существенная деталь: она отказывается говорить об этих основаниях в терминах существования, не признавая наличия отдельного, вневременного и абсолютного мира. То есть, отрицая существование трансцендентальных предметов, метафизика признает операцию трансцендирования, понимая под этим способность человека «выходить за рамки и границы любой культуры..., любого общества и находить основания своего бытия, которые не зависят от того, что случится с обществом или культурой»⁵².

Но, как свидетельствует опыт истории философии, грань между метафизикой и теологией очень зыбка, не случайно, мно-

⁵¹ Мамардашвили М. Введение в философию // Мамардашвили М. Мой опыт нетипичен. СПб., 2000. С. 162.

⁵² Там же. С. 165. Такое понимание трансцендентного свойственно всей критической метафизике после Канта, где говорится не о трансцендентальных предметах, а именно о трансцендировании.

гие настроенные на метафизический лад мыслители-ученые пытались соединить научную картину эволюции человечества не только с философскими, но и религиозными представлениями об имманентной духовной реальности. Перипетии личной жизни Тойнби вместе с окружавшей его культурной и религиозной средой к моменту написания «Постижения истории» окончательно сформировали его как религиозного мыслителя. Религия стала тем звеном, которое связало философский и теоретический уровни тойнбианской философии истории и породило существенные противоречия в мыслительном облике этого историка.

Драматически-религиозное понимание наложило отпечаток и на его политический дискурс, нашедший наиболее полное воплощение в последних томах «Постижения истории» и сопутствующей им литературе. К тому времени мир вышел из многолетней войны, самой кровопролитной в истории человечества. Создавалась новая система миропорядка, в которой Соединенные Штаты Америки и Советский Союз представляли собой «альтернативное воплощение огромной материальной силы человечества. Граница между ними прошла через всю землю и голос их достиг края света», – как заметил А. Тойнби⁵³. Было изобретено ядерное оружие. И в начале «холодной войны», в атмосфере великого противостояния буржуазного Запада и коммунистического Востока, английский историк полагал, что земное спасение человечества заключается в противоборстве сверхчеловеческим силам Зла, ведущим сражение с Добром в каждом человеческом сердце и в каждом уголке планеты. Так, в богословских терминах был поставлен центральный вопрос всего тойнбианского творчества – вопрос о взаимосвязи драматического хода истории с духовными судьбами человечества – центральный не только для его философии истории, но и для его концепции современности.

Так, все три вида дискурса, возникшие в разное время, пересеклись в конце концов в одной точке, имя которой «Постижение истории».

Говоря о современном состоянии отечественной тойнбианы, следует отметить ее крайне слабый интерес не только к Тойнби-мыслителю, но и к Тойнби-человеку. Но если первая ипостась Тойнби, некогда активно обсуждаемая, а сегодня неоп-

⁵³ Тойнби А.Д. Современный момент истории // Тойнби А.Д. Цивилизация перед судом истории. С. 34.

равданно преданная забвению⁵⁴, нет-нет да и привлечет внимание очередного исследователя, то вторая вообще никогда не интересовала отечественную тойнбиану⁵⁵. «Канва жизни» британского мыслителя, структурировавшая весь его личный опыт, в большинстве случаев рассматривается отечественными учеными как перечень внешних детерминант, *внешних событий*, к которым, не дай бог, будет сведено все многообразие высказанных им идей. Никто не станет отрицать, что любая абсолютизация, в том числе и абсолютизация роли некоторых моментов личной биографии английского историка в формировании особенностей тойнбианской философии истории, недопустима. В данном случае речь идет о другой крайности.

Что такое «внешние события»? Либо они доходят до человека и тогда они – внутренние, либо не доходят и тогда их нет для человека, они его просто не касаются. Все, в чем человек присутствует – событие внутреннее, становящееся поводом к собственному внутреннему содержанию, накладывающее отпечаток на работу мысли и сознания, иногда даже мешающее их привычному ходу. Таких событий в жизни Тойнби было много, а если помножить на творческий множитель, – неизмеримо больше, чем у большинства людей. И самое важное из них – нескончаемое событие собственного становления. Ведь всякое творчество – это перебарывание, перемалывание, переламывание жизни. Жизнь – сырьем – на потребу творчеству не идет.

Игнорировать все это – значит, иметь существенные провалы, зияющие дыры в понимании мировоззренческого облика мыслителя. Это значит также допускать серьезные ошибки в интерпретации всего творчества Тойнби. Предпринятая в данной статье попытка рассмотреть разные типы тойнбианского дискурса (возникшие накануне и в момент написания «Постижения истории») в контексте некоторых ключевых моментов личной биографии британского историка – всего лишь первый шаг к другому Тойнби, которого мы только-только начинаем узнавать.

⁵⁴ См. об этом: Воробьева О.В. Парадоксы восприятия А. Тойнби в современной российской историографии // Диалог со временем. № 4. М., 2001. С. 259–276.

⁵⁵ Исключением можно считать попытку Е.Б. Рашковского реконструировать элементы интеллектуальной биографии Тойнби, рассмотрев его становление как историка-теоретика. – *Рашковский Е.Б. Указ. соч.* С. 65–92.

Г.Г. Пиков (Новосибирск)

ИЗ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: КАРЛ АВГУСТ ВИТФОГЕЛЬ

Недавно была отмечена юбилейная дата – 105 лет со дня рождения одного из самых известных историков-теоретиков нашего времени Карла Августа Витфогеля (1896–1988). Однако надо с прискорбием отметить, что его «естественный» юбилей – столетие – остался практически незаметен не только в нашей стране, что в определенном смысле не удивительно, но и на Западе. Как писал в свое время В.Н. Никифоров, «парадоксально, что, при своей несомненно большой известности, Витфогель замалчивался, наверное, больше, чем кто-либо иной. Считая себя в теории последователем марксизма, он был чужд, непонятен большинству западных авторов; с другой стороны, рассматривался большей частью ученых-марксистов как ренегат коммунистического движения, антисоветчик, сами контакты с которым предосудительны; в СССР книги Витфогеля не выдавались читателям библиотек»¹.

Данная статья ставит своей целью не только напомнить в соответствии с юбилейной датой о забытом исследователе, но и еще раз заявить о несправедливом отношении к К.А. Витфогелю современников и уже, увы, потомков. И дело здесь не только, как указывалось некогда, в своеобразном утопизме взглядов Витфогеля². Важно, на наш взгляд, показать значимость его вклада в историческую науку в целом и в востоковедение в частности.

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ, грант 01–01–00450а.

¹ Неудивительно, что «долгое время марксистские ученые (как, впрочем, и западные) избегали ссылаться на Витфогеля». – *Никифоров В.Н.* Место Карла Августа Витфогеля в истории «больших дискуссий» // *Народы Азии и Африки.* 1990. № 5. С. 77.

² «Помещая в журнале данную статью, мы хотели бы не просто восстановить справедливость, но и ввести в советскую историческую культуру деятеля сравнимого развее что с Оруэллом. Сходство здесь не только в деталях биографии (хотя и это важно – большое лучше видится изнутри – ренегату), но и в философской «диспозиции». При всеобщем воплощении утопий и Оруэлл, и Витфогель, и многие другие явились творцами антиутопий. Правда, антиутопия Витфогеля (теория азиатского

К.А. Витфогель родился 6 сентября 1896 г. в небольшой деревне Вольтердорф земли Ганновер в семье учителя. Гимназию он закончил в Люнебурге, после чего учился в университетах Лейпцига и Берлина. Еще в годы учебы начал писать статьи, пьесы, стихи. Его пьесы («Красные солдаты» – *Rote Soldaten*, 1921, «Человек с идеей» – *Der Mann der eine Idee hat*, 1922, «Мать» – *Die Mutter*, 1922, «Беглец» – *Der Flüchtling*, 1922, «Кто самый глупый?» – *Wer ist der Dummste?*, 1923) расценивались в свое время в Германии как пролетарские и революционные. Витфогель в них сохранял некоторые традиции романтического театра (необычность положений; герой, переживающий ряд необыкновенных приключений; сложность и запутанность интриги; драматические эффекты и т.п.). Но это не мешало ему быть оригинальным и изобретательным в создании коротких пьес с ограниченным числом действующих лиц, пьес, очень удобных по простоте постановки для рабочего театра³. Витфогель активно участвовал в немецком

способа производства) была не литературной, а научной. Но ведь и система, против которой Витфогель выступал, зиждится на сугубо научной теории. Несправедливо широко публиковать Оруэлла и игнорировать фигуру не менее масштабную и значимую – К.А. Витфогеля». – Там же.

³ В качестве примера можно упомянуть две его переведенные в нашей стране пьесы. «Красные солдаты» – политическая трагедия, посвященная Ленину. Как писал в своей рецензии Н. Асеев, автор находится «во власти импрессионистических приемов», его «натуралистическая тенденция не свободна от сентимента и тяжеловесности», но он все же «прокладывает себе правильный путь, отбиваясь от мистического тумана и путаницы приемов, обволакивающих экспрессионистов», «жадно прислушивается» к современности. «Пьеса читается с большим интересом, она сценична, выразительна, а героический пафос ее заполняющий, подлинно захватывающ по умелому развитию действия. Сюжет связан с борьбой тайного общества капиталистов и коммуниста-интеллигента Андрея Варфтена, который срывает планы нападения на Россию. Особенно показательна пьеса «Беглец», в которой всего одно действующее лицо – революционер, вырвавшийся из сумасшедшего дома, куда он был брошен властями. Драма разворачивается в семи телефонных разговорах. В рассказе «Антонио Маскаро» (*Antonio Mascaro*, 1924) с позиций экспрессионизма он изобразил крестьянское восстание в средневековой Испании. (На русском языке вышли следующие книги К.А. Витфогеля: *Красные солдаты. Беглец*. Пер. А.Н. Горлина и Л.Я. Круковской. Пг.: ГИЗ, 1923; *Необычайные приключения двенадцатилетнего борца за свободу Антонио Маскаро*. М.: «Молодая гвардия», 1926; *Интересные приключения двенадцатилетнего героя Антонио Маскаро во время крестьянского восстания на Майорке*. Л.: «Прибой», 1926; *Человек с идеей, Эротическое представление в 4 д.* Пер. Л. Улагая-Красовского / Под ред. А.Н. Белецкого. Харьков: ГИЗ Украины,

молодежном движении. Какое-то время он был связан с молодежным кружком романтического направления; служил в армии сигнальщиком. После германской революции 1918 г. он заинтересовался марксизмом и увлекся «Капиталом» К. Маркса. В эти же годы у него зародился интерес к истории и культуре Востока. Интерес к китайской культуре и особенно даосизму был настолько велик, что в 1919 г. революционная газета «Роте фане», рецензируя цикл публичных лекций Витфогеля о Китае, назвала его своеобразной «комбинацией Маркса и Лао-цзы».

Детские мечты о пасторском служении постепенно отступали под натиском стремительных изменений в мире. Его знание Китая поражало воображение слушателей, и вскоре он становится преподавателем одной из рабочих школ, но в конце 1920 г. Витфогель вступил в Коммунистическую партию Германии, «благодаря» чему вскоре потерял эту работу в связи с обвинением в «коммунистической пропаганде». Одно время он был постоянным сотрудником «Роте Фане»; сотрудничал с франкфуртским Институтом Социальных исследований, основанным Феликсом Вэйлем. Серьезное влияние К. Витфогель испытал со стороны австро-венгерской социологической школы.

В 1921–1922 гг. Витфогель начинает в Лейпциге серьезное изучение истории Китая под руководством известных китаеведов А. Конради и Э. Эркеса. Сохраняется и увлечение литературой – в это время он пишет пьесы для знаменитого немецкого «левого» режиссера Эрвина Пискатора, создававшего новый «политический» театр. Факт по-своему примечательный: широкий интерес к окружающей действительности, нежелание замыкаться в академической «клетке» не только останутся особенностями натуры и образа жизни исследователя, но и помогут ему в самой науке проводить смелые аналогии, иной раз рискованные. Это сказывалось и на его имидже в то время. Обвиняли его не только в гибриде марксизма с даосизмом, но и в анархизме.

Крупнейшим событием его интеллектуальной жизни, как сам он признавал в конце жизни, было знакомство с трудами Макса Вебера. Именно Вебер, признавался в последние годы жизни Витфогель, подсказал ему идею «специфического» общества на доколониальном Востоке – не буржуазного, не феодаль-

ного и не рабовладельческого, как и главную идею его жизни – теорию «восточного деспотизма»⁴.

Уже в первой половине 20-х годов у Витфогеля сложилась довольно стройная историческая концепция, суть которой в следующем. Через первобытнообщинный строй прошло все человечество. Также дружно все народы вступили в первое классовое антагонистическое общество, которое Витфогель называет феодальным. После этого развитие человечества стало более сложным. Запад пошел по пути рабовладения и античности, а на Востоке появился бюрократический строй с «азиатским способом производства», ярким отличием которого было отсутствие частной собственности на средства производства. Общество «восточного» типа является тупиковым вариантом, ибо самостоятельно не способно перейти к капитализму как более высокой стадии развития. Отсутствие свободной рабочей силы приводит к стагнации и социальный прогресс заканчивается тупиком. Уже одно это говорит о том, что пути «Востока» и «Запада» принципиально различны.

Под этими именами у Витфогеля значатся не только собственно восточные (азиатские) и западные (европейские) территории. Сюда входят также, по его мнению, доколумбова Америка и царская Россия, «азиатский» и деспотический характер которых продиктованы внешним фактором, скажем, монгольским завоеванием. В России совершенно четко видятся ему черты, типичные для «восточных деспотий» – сельская община и бюрократия. Вероятно, справедливо утверждение В.Н. Никифорова о том, что в тогдашних идеях К.А. Витфогеля отразилось «опасение перерождения будущего пролетарского государства в систему всеобщего огосударствления»⁵. Действительно, вряд ли можно говорить, что уже тогда исследователь окончательно «отпочковался» от марксизма, хотя именно в этом его начинали обвинять.

Витфогель активно участвует в коммунистическом движении. На VIII съезде Коммунистической партии Германии (январь – февраль 1923 г., Лейпциг) он был делегатом от Люнебурга. Около

⁴ Утверждал это он и во время беседы с В.Н. Никифоровым в Нью-Йорке в декабре 1978 г. (Никифоров В.Н. Указ. соч. С. 78). Такое влияние работ М. Вебера не удивительно. И в нашей стране авторы, заинтересовавшиеся проблемами общественного устройства традиционного Востока накануне так называемых «больших дискуссий» и защищавшие концепцию «особого азиатского строя» (Е.С. Варга, 1925, А.Я. Канторович, 1926), ссылались не на классиков марксизма, а на Макса Вебера.

⁵ Там же.

середины 20-х годов стало ясно, что надежды на пролетарскую революцию на Западе не оправдались и возможный импульс для начала мировой революции начинают усматривать в антиимпериалистическом движении в Азии, особенно с началом китайской революции (1925–1927). Синологическая подготовка Витфогеля помогла ему в 1925 г. написать книгу с характерным названием «Пробуждающийся Китай», сразу же изданную в СССР. В конце 20-х годов Витфогель уже считается самым крупным специалистом по Китаю в компартии Германии. Именно в качестве такового он в 1928 г. посетил Советский Союз, встречался с директором Международного аграрного института С.М. Дубровским, пригласившим немецкого гостя выступить в институте с докладом по аграрной проблеме в Китае, со сторонниками теории азиатского способа производства Л.И. Мадьяром, Е.С. Варгой, директором института К. Маркса – Ф. Энгельса Д. Рязановым. Еще раз Витфогель посетил нашу страну уже в 1931 г. в качестве делегата научной конференции, посвященной столетию со дня смерти Гегеля.

Примечательно, что на проходившую в этом году в Ленинграде дискуссию о теории азиатского способа производства Витфогеля все же не пригласили. Возможно, это объяснялось не простой забывчивостью или слабыми связями советских и зарубежных исследователей⁶, а уже достаточно четко оформившейся самостоятельной позицией К.А. Витфогеля, несовместимой с идеями некоторых участников «больших дискуссий»⁷.

В 1932 г. Витфогель в третий раз посетил СССР. Его спутницей была советская гражданка Ольга Иоффе, корреспондент газеты «Труд» и племянница физика А.Ф. Иоффе. Вскоре он развелся со своей первой женой и женился на Ольге⁸. 7 ноября 1932 г. Витфогель был приглашен, по случаю годовщины Великой Октябрьской революции, на празднование в советское посольство в Берлине. Присутствовали на приеме видные деятели немецкой культуры: Бертольд Брехт, Эрвин Пискатор.

30-е годы стали тяжелым временем для многих немецких ученых. Витфогель работал во Франкфурте-на-Майне и стоял на позициях борьбы с оппортунизмом социал-демократов как «социалистов по программе, фашистов на деле». Весть о том, что

⁶ Никифоров В.Н. Указ. соч. С. 79.

⁷ См.: Дубровский С.М. К вопросу о сущности «азиатского способа производства», феодализма, крепостничества и торгового капитала. М., 1929.

⁸ Брак этот длился до 1939 г., а в 1940 г. К.А. Витфогель женился на американке Эстер Гольдфранк, впоследствии известном антропологе.

Гитлер стал канцлером, застала Витфогеля в Швейцарии. Он уже был автором статей и брошюр, клеймивших Гитлера, национал-социализм и фашистскую «философию». Друзья не советовали ему возвращаться в Германию, но он все же вернулся. После поджога рейхстага и начала массовых арестов Витфогель некоторое время скрывался, пытался уехать в Швейцарию, но был арестован на пограничной станции. После недолгого пребывания в разных тюрьмах и концлагерях он был освобожден и 2 января 1934 г. выехал в Лондон. Версий его неожиданного освобождения существует несколько. По одной из них, мог повлиять истинный «нордический», «арийский» тип Витфогеля, который был коренным жителем северной Германии и свободно владел северным диалектом «платтдойч». По другой версии, прусский министр внутренних дел Фишер, страстный астролог, посоветовался со звездами, и те рекомендовали выпустить Витфогеля.

Из Англии Витфогель с женой переехал в Америку. Здесь ему помогли устроиться его друзья – синологи Оуэн Латтимор и Эдгар Сноу. Натурализовался он в 1939 г. В 1935–1937 годах Витфогель с женой побывали в Китае. С этого времени, как принято считать в нашей историографии, К.А. Витфогель «порвал с прогрессивным движением»⁹.

Действительно, Витфогель фактически отошел от коммунистического движения. Он довольно жестко критиковал политические процессы в СССР, а после заключения в 1939 г. пакта между Гитлером и Сталиным официально заявил о разрыве с коммунистами. Причины этого отхода до конца неясны до сих пор. В.Н. Никифоров, в конечном итоге, пришел к выводу, что Витфогель поступил также, как и многие другие прежние друзья Советского Союза (Андре Мальро, Андре Жид и др.). Существует и другая точка зрения: «ныне Витфогель – профессор китайской истории в Вашингтонском университете и руководитель группы китайской истории в Колумбийском университете – явно не может себе простить того, что некогда "пользовался социально-экономическими критериями Маркса"»¹⁰. Скорее всего, дело в том, что исследователь уже достаточно далеко прошел по пути разви-

⁹ Левада Ю.А. Карл А. Витфогель. Восточный деспотизм (рец.) // Советское китаеведение. 1958. № 3. С. 189. «Мы с сожалением прощаемся с прежним Карлом Августом Витфогелем, прогрессивным историком и философом, нашим единомышленником, другом Советской страны. Далее мы встретимся совсем с другим человеком». – Никифоров В.Н. Указ. соч. С. 81.

¹⁰ Левада Ю. А. Указ. соч. С. 189.

тия своего собственного взгляда на историю и глубоко уверовал в его правильность. Об этом свидетельствует и то, что после победы революции в Китае он обратился в госдепартамент с рекомендациями проводить политику на основе теории «азиатского деспотизма». Сталинское определение общественного строя Китая как «феодального» он отвергал напрочь. На самом деле, по его мнению, цель китайской революции – «формирование нового правящего класса», типа того, который «господствует в СССР».

В годы маккартизма, в 1951 г. Витфогель был вызван свидетелем в сенатский подкомитет Маккарэна, расследовавший «дело» американских китаеведов, объединенных вокруг журнала «Амерэйш»¹¹. Сохранился протокол допроса Витфогеля, на основе которого многие обвиняют его в предательстве и доносителстве. Основанием для этого обвинения, в частности, служит его утверждение о том, что Оуэн Латтимор употреблял «коммунистические» термины («феодализм») и по своим взглядам приближался к коммунистам¹². 7 августа он выступил перед сенатской подкомиссией по делам внутренней безопасности с показаниями. Допрос вел юрисконсульт подкомиссии Роберт Моррис. Вот несколько выдержек из протокола:

Д-р Витфогель: Я профессор Вашингтонского университета, где читаю лекции по китайской истории. Одновременно возглавляю Институт истории Китая, совместно патронируемый нашим и Колумбийским университетом. В 1920 году я вступил в Коммунистическую партию Германии и оставался ее членом до зимы 1932 года или до начала 1933 года, когда Гитлер пришел к власти. Я не был согласен с политикой этой партии.

Мистер Моррис: Д-р Витфогель, продолжали ли вы придерживаться коммунистических взглядов и после выхода из партии?

Д-р Витфогель: Если вы имеете в виду идеологическую сторону вопроса, то да, продолжал.

Мистер Моррис: Иными словами, хотя вы формально и не состояли в этой партии, ее члены считали вас своим человеком, относились к вам доброжелательно, не так ли?

Д-р Витфогель: Да, совершенно верно¹³.

Он говорил тогда в подкомитете:

¹¹ См.: *Воронцов В.Б.* Дело «Амерэйша». Политические столкновения в США по проблемам Китая. М., 1974.

¹² Никакого предательства здесь нет. Как справедливо писал В.Н. Никифоров, «к подобным выводам Витфогеля логически вела система взглядов, строившаяся на теории "восточного деспотизма"». – *Никифоров В.Н.* Указ. соч. С. 81.

¹³ *Цит. по: Рюкман К.* Сенсация: убийство. М., 1965. С. 56–57.

Концентрируя всю проблему на том, что они называют «феодальной» земельной собственностью, коммунисты фокусируют энергию крестьян на вопросе собственности и отвлекают их от правящей бюрократии, которая у них имела в прошлом и которую коммунисты намереваются насадить повсюду в будущем¹⁴.

Однако, в предельно политизированной Америке такой подход был воспринят как политическая акция. Начинается период научного «одиночества» ученого. Он читает лекции в Колумбийском (Нью-Йорк) и Вашингтонском (Сиэтл) университетах, готовит учеников¹⁵. Только после смерти Витфогеля начали говорить о том, что он до конца не отказался от марксистских идей и служил их своеобразным проводником на Западе, но тут же добавляют, что ему «было свойственно упрямство в отстаивании теоретических постулатов, хотя бы некоторые из них явно начинали расходиться с фактами»¹⁶. Сам Витфогель относился к марксизму сложно, что видно, в частности, из его «Письма к читателю» (в связи с французским изданием книги «Восточный деспотизм») и статьи «Гидравлический подход к доиспанской Мезоамерики»¹⁷. Витфогель предлагает использовать из наследия Маркса лишь идеи, связанные с характеристикой древних ирригационных обществ, и формулировки об «азиатском способе производства» из ранних работ, с осторожностью подходя к учению о смене социально-экономических формаций¹⁸. В своем «Восточном деспотизме», ставшем особенно знаменитым в нашей стране благодаря идеологическим запретам, Витфогель обвинил Маркса и Энгельса в непоследовательности разработки проблем «азиатского способа производства» и, тем самым, в «грехе против науки»¹⁹.

¹⁴ Нукифоров В.Н. Указ. соч. С. 82.

¹⁵ Из них наиболее известен Г.Л. Ульмен, из книги которого до сих пор черпаются все основные сведения о биографии исследователя. См.: *Ulmen G.L. The Science of Society. Toward an Understanding of the Life and Work of Karl Augustus Wittfogel.* Hague, 1978.

¹⁶ Нукифоров В.Н. Указ. соч. С. 82.

¹⁷ *Wittfogel K.A. Lettre au lecteur // Les editions de minuit. P., 1966; Wittfogel K.A. The hydraulic approach to Pre-Spanish Mesoamerica // The prehistory of the Tehuacan valley / Ed. MacNeish R.S. Vol. 4. Chronology and irrigation. L. – Dallas, 1972. Ch. 2. P. 59–80.*

¹⁸ *Wittfogel K.A. The hydraulic approach... P. 64.*

¹⁹ *Wittfogel K.A. Oriental Despotism, a Comparative Study of Total Power.* New Haven; L., 1957. P. 387–388. В то же время Витфогель утверждал, что Маркс придерживался понятия «азиатский» вплоть до своей смерти, а Энгельс, несмотря на противоречия, до конца жизни поддерживал

Само положение Витфогеля в марксистской историографии достаточно специфично. Несмотря на широкое распространение так называемой пятичленки (схемы пяти общественно-экономических формаций), в марксизме всегда существовала и сильная многолинейная традиция, идущая, кстати, от самого Маркса (ее сторонником был, например, Плеханов), которая выделяла азиатский способ производства как самостоятельный вариант развития. Этот «многолинейный марксизм» оставался уделом немногих интеллектуалов, в том числе и Витфогеля. Теорию общественных формаций он характеризовал как концепцию «однолинейного и неумолимого развития». Вполне осознанно Витфогель выступал против одного из основных принципов марксистской диалектики — рассматривать все явления в природе и обществе в их развитии. Он прямо заявлял, что развитие свойственно не всем обществам. Вместо понятия «развитие» он пользовался понятиями «трансформация» и «изменения» и пытался доказать, что прогресс — понятие относительное. Лишь немногим обществам свойственны внутренне обусловленные изменения (трансформация), важнейшим и решающим фактором в истории является «влияние» (в основном политическое) и «свободный выбор».

Своеобразной квинтэссенцией идеей Витфогеля стала разработка им теории «восточного деспотизма». Еще после возвращения из Китая в 30-е годы он задумал написать многотомную «экономическую и социальную историю Китая» на основе китайских династийных историй. Этот труд должен был подтвердить исходный тезис о царстве восточной бюрократии в докапиталистических странах. Мысль о взаимосвязи деспотической организации общества на древнем Востоке с земледелием, базирующемся на ирригации, строго говоря, не оригинальна. Ее высказывали еще А. Смит, Дж. Ст. Милль, Р. Джонс.

В предисловии, написанном Витфогелем, видно сильное влияние «географического материализма». Он и сам этого не скрывает. Экономические процессы и политические институты, по его мнению, зависят от «физического окружения», которое опре-

Маркса в этом вопросе (Ibid. P. 5). Лишь под влиянием критики анархистов К. Маркс и Ф. Энгельс стали замалчивать «азиатскую» концепцию из-за очевидных намеков на тоталитарный ужас будущего пролетарского государства, которые неизбежно вытекали из этой концепции. Витфогель обвинял Маркса в умышленном замалчивании того факта, что в условиях азиатского деспотизма бюрократия является правящим классом.

деляет также уровень развития общества и его структуру²⁰. Витфогель, как и Маркс, использует такие факторы, как местность, раса, почва, климат. Они не оказывают прямого воздействия на политическую историю, но влияют на ее специфику. Такие категории, как человек, природа, труд, производство он исследует во всех своих работах. С точки зрения Витфогеля, без этих факторов анализ геополитики не может быть научным и продуктивным. Комплексным подходом к истории, в отличие от спекулятивной буржуазной науки, и обладает ортодоксальный марксизм – метод, позволяющий нарисовать целостную и полную картину.

Стремясь отмежеваться от обвинений в бездумном географическом или экономическом детерминизме, К. Витфогель вводит в свою схему возможность выбора дальнейшего пути развития: «Нет никакой непреодолимой необходимости, которая заставляла бы человека использовать эти новые возможности. Ситуация является открытой, и гидравлически-земледельческий путь был одним из нескольких возможных выборов, тем не менее человек следовал этому курсу столь часто и в таких различных районах, что мы можем допустить существование закономерности как в оценке, так и в процедуре»²¹.

²⁰ В труде «Геополитика, географический материализм и марксизм» он критикует представление о том, что К. Маркс будто бы не интересовался исследованием природы.

²¹ *Wittfogel K.A. Oriental Despotism...* P. 16. В русле, намеченном Витфогелем, в последнее время совершены интересные открытия. Важным фактором социальной эволюции сейчас признается спонтанное изменение естественной среды обитания этносов: изменения климата, уровня моря, тектонической активности и т.п. Например, глобальные климатические изменения конца плейстоцена – начала голоцена привели к катастрофическому вымиранию крупных млекопитающих, охота на которых обеспечивала верхнепалеолитическое население основными пищевыми ресурсами, и стали, таким образом, одной из важнейших причин перехода части человечества от присваивающего к производящему хозяйству. Д.Б. Прусаковым была выдвинута правдоподобная гипотеза о важной роли в становлении древнеегипетского государства повышения в IV тыс. до н.э. эвстатического уровня моря (*Прусаков Д.Б. Социально-природный кризис и образование государства в Древнем Египте // Восток. 1994. № 3. С. 21–33*). Хорошо известна давно выдвинутая А.Л. Чижевским гипотеза о воздействии на социальную эволюцию изменений солнечной активности (*Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924*). П.А. Грязневич указал на важную роль в эволюции южноаравийских обществ изменений в тектонической активности ареала (*Грязневич П.А. Историко – археологические памятники древнего и средневекового Йемена. Спб., 1994. С. 34*). Изучено воздействие на социальную эволюцию аравийских обществ естественных

В качестве источника Витфогель избрал один из самых сложных исторических памятников «Ляо ши» («История династии Ляо», X – XII вв.). Уже в 1939 г. к проекту присоединился китайский ученый в США Фэн Цзяшэн, крупнейший специалист по периоду Ляо. Исследование было закончено через десять лет²².

В теоретическом плане книга представляет собой иллюстрацию взглядов Витфогеля. Сравнивая земледельческие и скотоводческие общества, Витфогель отмечал, что при кочевой жизни меньше возможностей для деспотизма. Специфика экономики порождает диффузию и сепаратизм, и сильная власть устанавливается только после завоевания оседлых орошаемых земель. Особый акцент делается на вопросах социальной организации киданьского общества, его социальной стратификации. Витфогель специально оговаривается, что сложные «бюрократические общества» Китая, Египта и Индии нельзя понять без учета политических институтов. На специфику социальной структуры влияет и естественная среда. Этот экологический подход, по мнению исследователя, обязателен при изучении истории Востока²³.

процессов «усыхания Аравии» (Коротаев А.В. Факторы социальной эволюции. М., 1997. С. 11). В последнее время разработкой концепции социоестественной истории активно занимается Э.С. Кульпин (Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М., 1990; Он же. Социоестественная история: предмет, метод, концепция. М., 1992). Роль подобных факторов тщательно изучается очень многими западными исследователями: Steward J.H. Theory of Culture Change. The Methodology of Multilinear Evolution. Urbana, 1955; Sanderson S.K. Social Evolutionism. A Critical History. Cambridge, Massachusetts, Oxford, 1990; Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 75–88. Справедливости ради, надо отметить, что целый ряд ученых достаточно последовательно исключает данный фактор из числа движущих сил социальной эволюции (последователи Э. Дюркгейма, Лесли Уайт, крупнейший современный социолог Г. Дж.М. Классен, не включивший его в свою эволюционную Модель Сложного Взаимодействия, многие марксисты).

²² Wittfogel K.A., Feng Chia-Sheng. History of Chinese Society: Liao (907–1125). N.Y., 1949. Книга была встречена с одобрением многими западными китаеведами. Но в нашей литературе сложилась нелицеприятная оценка этого труда: «органического слияния метода и текста двух авторов все же не получилось. Автором большей части материала остается, как чувствует читатель, Фэн Цзяшэн; в то же время теоретические выводы Витфогеля не вытекают в книге, как это должно было бы быть, из исторических фактов, а словно бы стоят рядом с ними. Вряд ли можно строго судить за это авторов; сохранившиеся шероховатости лишь подчеркивают трудность задачи, которую они взвалили на себя». – Нукифоров В.Н. Указ. соч. С. 83.

²³ Wittfogel K.A., Feng Chia-Sheng. Op. cit. P. 25, 7; Wittfogel K.A. Oriental Despotism... P. 204–207.

Столь же скрупулезное исследование истории Китая в другие периоды должно было занять достаточно много времени: Витфогель не был уверен, что хватит и всей его жизни. В то же время работа над томом по Ляо велась на столь широком источниковом и историографическом материале, что за этот десяток лет, смело можно сказать, у него появилась достаточная эрудиция в области синологии и он целиком и полностью сосредоточился на главном труде своей жизни – монографии «Восточный деспотизм». Сравнительное изучение тотальной власти», посвященной происхождению и эволюции сложных обществ и государств. Вместо серии отдельных трудов по династийным периодам был создан один, но капитальный – более 500 страниц²⁴.

Исходный принцип уже известен: восточное общество основывается не на отношениях собственности, а на существовании внеклассового деспотического государства с «бюрократией». Возникнув, деспотическая государственная власть становится непреодолимой силой: она регулирует земледелие и пользование водой, предпринимает крупные строительные работы, контролирует в большей или меньшей степени ремесло и торговлю. Общество делится лишь на два класса: правящий и управляемый. К правящему классу принадлежат деспот и бюрократия, в том числе и низшая, не отличающаяся по своему материальному положению от простого люда. Управляемый класс – это земледельцы, ремесленники, торговцы, рабы.

«Люди аппаратного государства – это правящий класс в самом прямом смысле слова, а остальное население составляет второй основной класс, управляемых»²⁵.

Государственная власть носит абсолютистский, автократический характер, это – тотальная власть, подчиняющая себе всё и всех. Она выполняет две функции: организационную (организация хозяйства и организация вооруженных сил) и функцию присвоения доходов. Витфогель определяет деспотизм как политический режим, характеризующийся тремя признаками: 1) неограниченная

²⁴ Wittfogel K.A. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957. 556 p. Надо отметить, что при подготовке этого сочинения Витфогель работал не только над историей Китая. В 1972 г. появилась его статья о доиспанской Америке, свидетельствующая о его давнем и глубоком интересе к всемирной истории в целом²⁴. В ней он подробно рассказывает о длительном становлении своей концепции, начиная с «шанхайского периода».

²⁵ Wittfogel K.A. Oriental Despotism...P. 303.

власть правителя, опирающегося на правящую бюрократию; 2) большая роль государства в экономической жизни страны; 3) слабость общества по сравнению с государством, которое облакает властью отдельных лиц или группы людей. Носитель верховной власти не ограничен ни культурными традициями, ни естественным правом, так как в обществе отсутствуют институты или группы населения, которые могли бы послужить ему противовесом. Обожествляемая деспотическая власть поддерживается постоянной армией, полицией и бюрократией.

По мнению Витфогеля, для деспотического правления характерно стремление не допустить, чтобы собственники развились в самостоятельную политическую силу. С этой целью создаются препятствия для формирования крупных состояний (с чем связано отсутствие в азиатских странах майоратов). Витфогель находит в деспотизме «эгалитарную» (т.е. нивелирующую) тенденцию. Этой форме социальной организации свойственна относительно большая социальная «капиллярность». Здесь есть возможность возвышения людей низкого происхождения, если они способные в чем-то²⁶.

Витфогель пытался доказать, что в «восточном обществе» сила господствующего класса не связана с частной собственностью на средства производства. Он даже заявляет о необходимости создания «новой социологии классов» и утверждает, что нет единого критерия для определения класса. Витфогель готов допустить, что определение класса с точки зрения частной собственности имеет известное значение при анализе обществ с «сильной частной собственностью», но такой критерий абсолютно непригоден для анализа обществ, «основанных на государственной власти (power-based societies)»: «Государственная власть — это важный определяющий фактор классовой структуры как в наше время, так и в прошлом»²⁷. Свой метод исследования Витфогель называл «институциональным анализом», что означает рассмотрение, прежде всего, политических институтов, признание определяющей роли государства и «важной, но второстепенной роли собственности»²⁸.

²⁶ Здесь Витфогель, похоже, опирается на элитарную теорию В. Парето, на его идеи о вертикальной мобильности. См.: *Pareto V. Mind and Society*. N.Y., 1935.

²⁷ *Wittfogel K.A. Oriental Despotism...* P. 302.

²⁸ *Ibid.* P. 404.

«Восточное» общество, согласно его концепции, было не в состоянии самостоятельно прийти не только к капитализму, но и к феодализму. Он отвергает даже самую постановку вопроса о том, что в Китае еще до «воздействия Запада» могла возникнуть тенденция к зарождению капитализма²⁹.

На широком историческом материале из докапиталистической истории Китая, Индии, Шумера, Египта, Мексики, Перу, Византии и России Витфогель доказывает существование во всех этих странах «восточного деспотизма». По его мнению, в каждом отдельном случае «гидроагрикультура» (общинное земледелие, основанное на малой ирригации), способствовала развитию «многоцентрового» общества, получившего наибольшее развитие в феодальной Европе. Он отрицает таким образом существование рабовладельческой и феодальной формаций³⁰.

«Гидравлические» империи Южной и Восточной Азии, по его мнению, ярко демонстрируют свою способность сопротивляться не только интервенциям извне, но и внутренним конфликтам. Восстания китайских крестьян, как считал Витфогель, никогда не угрожали деспотическому порядку. К. Витфогель недвусмысленно заявляет, что в «восточном» обществе было «много социальных антагонизмов, но мало классовой борьбы». По его словам, социальный конфликт принимает характер классового только тогда, когда участвующие в нем являются признанной и представительной частью класса. Следовательно, многовековая борьба крестьянства в странах средневекового Востока – не классовая борьба, ибо он не признает крестьянство классом. И вообще, «классовая борьба – это роскошь полицентрических и свободных обществ» Запада³¹.

В этом обществе будто бы отсутствуют классы как социально-экономические категории, а есть лишь «бюрократические» слои. Государственная власть «гидравлических обществ» (*hydraulic societies*) носит деспотический, всеподавляющий, тоталитарный характер. Она выполняет лишь две функции: организационную и фискальную, присвоения доходов. Выступая против

²⁹ Ibid. P. 423.

³⁰ Значительная часть исследования посвящена анализу идей К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина об азиатском обществе и государстве. Эти идеи он, как отмечал В.Н. Никифоров, берет по тем сочинениям классиков, которые появились раньше по времени, считая, что в более поздних трудах они только запутывали суть своей концепции.

³¹ Wittfogel K.A. *Oriental Despotism*... P. 328–329.

преувеличения роли экономического фактора, К. Витфогель отрицает классовый характер государств, считая, что основой древних государств служили не система принуждения эксплуатируемых масс, а «организационные», «надклассовые» функции «аппаратного» государства. По Витфогелю, сущность «гидравлического общества» – в деспотическом характере организации водного хозяйства и орошаемого земледелия в целом. К. Витфогель группирует страны по соотношению орошаемого и неорошаемого земледелия. Это соотношение он называет «гидравлической плотностью» и, в зависимости от нее, выделяет основные «сердцевидные» гидравлические общества (где из функции руководства ирригацией возникла деспотическая государственная власть), «промежуточные» и «окраинные» общества, где роль ирригации сама по себе была незначительной, но деспотические режимы утвердились под влиянием соседних «гидравлических» обществ. Для их классификации он вводит целую систему индексов – Ca1, Ca2, Cr1, M1, L2 и т.д.

Витфогель утверждал, что им открыты два закона, определяющие деятельность деспотической власти: «кумулятивная тенденция неразделенной власти» и «закон уменьшающейся административной отдачи»³². Второй закон обусловлен тем, что в деспотических империях существует тенденция к равным «или даже меньшим, чем затраты усилий, результатам... Нисходящее движение завершается, когда дополнительные издержки не приносят каких-либо дополнительных выгод. Это значит, что мы достигли точки абсолютной административной фрустрации». «Кумулятивная тенденция неразделенной власти», т.е. органически присущее деспотизму стремление к безграничной централизации имеет единственное ограничение – «закон уменьшающейся административной отдачи» (затраты на содержание чиновничества не должны превышать доходы казны). В силу объективного действия этого закона правители допускают возникновение и функционирование второстепенных и политически несущественных форм самоуправления. Институты такого рода Витфогель называет «демократией нищих». С ними мирятся пока они не угрожают стабильности общества, но они немедленно искореняются при первых же попытках противодействия. Всякая оппозиция подавляется системой организованного террора, в результате чего складывалась система отношений в обществе,

³² Ibid. P. 106, 109.

характеризуемая Витфогелем с помощью формулы «тотальный террор – тотальное подчинение – тотальное одиночество»³³.

Деспотическое государство было определяющим фактором развития «гидравлического» общества. Это общество исчерпывает свои творческие возможности уже на ранней стадии развития. Зрелость знаменует начало застоя и часто даже прямой регресс. На последней стадии «традиционное» общество оказывается на более низком уровне, чем в начале³⁴. Периоды некоторого подъема, скажем, в Китае VII – первой половины VIII века объясняются «вливанием свежей крови», т.е. «новыми завоеваниями и территориальной экспансией» и включением кочевого сектора в жизненное пространство государства. Отсюда и соответствующая периодизация истории «традиционного» общества, построенная на чередовании «варварских» династий³⁵.

Витфогель выделяет три основных типа деспотий. Первый составляют политические режимы древних «гидравлических обществ» Египта, Вавилона, Китая, Индии, Мексики, Перу и т.д., обладающие наиболее ярко выраженными признаками деспотизма. Они образуют «ядро» (*core*) восточных обществ. Эти цивилизации возникают в пустынных или полупустынных местностях недалеко от рек, которые могли быть использованы для ведения земледелия. Деспотии второго типа («маргинальные») формируются на окраине «гидравлического» мира. Ведение сельского хозяйства в этих обществах не обусловлено искусственным орошением, водохозяйственные мероприятия ограничиваются добычей питьевой воды. Государство строит дороги, собирает налоги и следит за общественным порядком. Классическим примером является Византия. Деспотии третьего рода («субмаргинальные») – общества типа России и Турции. Функции государства ограничиваются в них сбором налогов и организационной деятельностью. Это Витфогель считает минимумом, необходимым для поддержания деспотизма.

В целом, в духе западной историографии, он настаивает на неевропейском характере русской политической традиции. Как Маркс или британский историк Тибор Самуэли («гарнизонное» государство), он считал, что эта традиция по природе татарская. Ис-

³³ Ibid. P. 137.

³⁴ Ibid. P. 422.

³⁵ Wittfogel K.A., Feng Chia-Sheng. History of Chinese Society...P. 24–25; Wittfogel K.A. Chinese Society: A Historical Survey // The Journal of Asian Studies. Vol. XVI. May 1957. № 3.

торию России он толкует отчасти в соответствии с «евразийской» концепцией (Вернадский): до монгольского нашествия Русь якобы была «окраиной» Запада, а после того как монголы принесли туда «восточные» порядки, заимствованные ими в Китае, она превратилась в «окраину» Востока. По Витфогелю, «гидравлические» идеи деспотизма проделали следующий путь: из Древнего Дворья в Византию, из Китая в Монголию и дальше с войсками Чингизхана в Россию, где и были развиты русскими царями. Этому активно сопротивлялся А. Тойнби, уверенный в византийском происхождении русских концепций. По его мнению, в своей книге Витфогель попытался возродить греческий миф времен греко-персидских войн о «плохой Азии» и «хорошей Европе». Действительно, дихотомия «варварский Восток – цивилизованный Запад», созданная еще в глубокой древности Геродотом и Аристотелем, проходит через всю историю общественной мысли средневековой Европы и получает свое завершение в «Духе законов» Монтескье и трудах Токвиля, оказавших бесспорное влияние и на Витфогеля. Ричард Пайпс считает русскую политическую традицию эллинистической, «патримониальной». Для России, по определению Витфогеля, характерен «одноцентровый... полумаргинальный деспотизм»³⁶. Спустя «девять месяцев после падения полууправленческого аппаратного государства, созданного царизмом, большевистская революция расчистила дорогу тотально-управленческому аппаратному государству СССР». Витфогель считал построение социализма в СССР возвратом к «гидравлическим» порядкам на базе современной индустрии³⁷. С подобной оценкой он подходил и к китайской революции.

Витфогель выделил так называемые «блуждающие» (free-floating) элементы культуры, которые могут быть при благоприятных условиях заимствованы обществами с различной экономической и социальной структурой. Возникнув в «гидравлических обществах», деспотизм, по его мнению, превратился в одну из самых заразных болезней, которым подвержено человечество.

При всей неоднозначности концепции Витфогеля, надо отметить обилие идей, которые заслуживают внимательного изучения. Так, он вводит понятие «свободы выбора», когда люди в определенных условиях имеют свободу выбора того или иного исторического пути. В концепции Витфогеля идея «свободы вы-

³⁶ *The Development of the USSR* / Ed. D.W. Treadgold. Seattle, 1964. P. 353.

³⁷ Wittfogel K.A. *Oriental Despotism*... P. 441.

бора», правда, играет двойную роль: при ее помощи народы Востока, «выбравшие» деспотизм, противопоставляются «исконно свободным» народам Запада. В последнее время, однако, исследователи много говорят и спорят о проблеме альтернативности истории, забывая, что в научном плане практически впервые ее поставил именно К.А. Витфогель. Не менее важной является и проблема смены форм государства. Ее Витфогель ставит, пытаясь понять причины перерождения государства, которое держит в руках все средства производства, в деспотическое.

Одним из первых Витфогель попытался в научном плане поставить проблему отставания стран Востока от Европы. Одну из причин этого он видит в отсутствии необходимости тратить силы на ирригационные работы. На примере Китая он говорит о «регенеративных» изменениях, вызываемых завоеваниями и территориальной экспансией. Наибольшие творческие возможности у Китая были лишь в период Восточного Чжоу (VIII–III вв. до н.э.) и в начале «имперской стадии» (Цинь, Хань)³⁸. В гидравлических обществах наряду с государственной существует и частная собственность, но она слаба и ограничена. Поэтому эти общества в корне противоположны «многоцентровым» обществам Запада, для которых характерно преобладание сильной частной собственности. «Гидравлическое общество» не способно самостоятельно трансформироваться во «многоцентровое». Это происходит только под сильным влиянием Запада. Предпосылки для опережения Европой Востока он ищет в досократовской и крито-микенской Греции, Генуе и Венеции.

Одной из важнейших проблем, в решение которой внес свой вклад К. Витфогель, была и остается проблема синхронности сдвигов осевого времени, впервые четко сформулированная К. Ясперсом³⁹. Из трех цивилизаций, на которые обратил внимание Ясперс, в Индии и Китае Витфогель и пытается найти тот фактор, который оказался решающим, а именно ирригацию. Если Ясперс, в силу своих научных интересов, наибольшее внимание обратил на сдвиги в общественном сознании (появление философии, выход на качественно иной уровень религии и этики и т.д.), а в итоге настаивал на необходимости сохранить «удивление пе-

³⁸ Wittfogel K.A. *Oriental Despotism...* P. 421–422; *Idem. Chinese Society: A Historical Survey // The Journal of Asian Studies*. Vol. XVI. May 1957. № 3.

³⁹ Jaspers R. *Vom Ursprung und Ziel der Geschichte*. Zrich, 1949. S. 18–43, 76–79.

ред тайной»⁴⁰, то Витфогель, в силу своего марксистского образования, пытается найти изменения в базисе. Его интерес к технологии не случаен. Действительно, в роли «своеобразных "факторов синхронизации" выступают и технические изобретения на противоположных концах евразийского мира – в Европе и в Китае, "железная революция" и т.д. К середине I тысячелетия до н.э. технологические уровни различных регионов уравнились»⁴¹.

Концепция К.А. Витфогеля может рассматриваться как один из примеров научного редуционизма. В последние столетия неоднократно предпринимались попытки объяснить все многообразие общественных связей с помощью какой-то одной детерминации (средневековое христианство, географический детерминизм, дарвинизм, фрейдизм, марксизм и др.). Как провозгласил в свое время Э. Дюркгейм, история должна быть микроскопом, инструментом для социологии: она помогает социологу разглядеть то, что не видно «невооруженным взглядом». Аналогичный подход, в принципе, характерен и для марксизма. Кроме того, Маркс, создавая свою модель восточного деспотизма, исходил из априорного представления о том, что развитие человечества универсально и общественные процессы Запада легко подтверждаются материалом истории Востока. Для своего времени марксизм был мощнейшим интеллектуальным синтезом различных точек зрения и создал весьма стройную и непротиворечивую картину истории человечества. Концепция Витфогеля в этом плане может рассматриваться как закономерное звено перехода (в условиях изменившихся реалий, кризиса различных идеологий и стремительного накопления исторического материала) к новой парадигме. Ее лозунг ясно выражен Ф. Броделем: «Для меня история – это сумма всех возможных историй, всех подходов и точек зрения».

Это сочинение К. Витфогеля на Западе было встречено весьма критически. Впоследствии концепция «гидравлического» развития государственности («гидравлические общества», «гидравлический деспотизм», «гидравлические государства») продолжала вызывать интерес в связи с дискуссиями о возникновении государственной власти и путях развития Востока⁴².

⁴⁰ Ibid. P. 19–25, 40, 85–89.

⁴¹ Чубаров В.В. Ближневосточный локомотив: темпы развития техники и технологии в древнем мире // Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. Сб. научн. трудов. Т. 1. М., 1991.

⁴² См.: Андрианов Б.В. Концепция К. Витфогеля «гидравлическое общество» и новые материалы по истории ирригации // Концепции зарубежной

При малейшей возможности подчеркивалось, что его концепция не соответствует фактам истории. Резкой критике подверглась генетическая часть концепции К. Витфогеля. В работах востоковедов критиковалось представление, что в странах Востока земледелие возможно только при условии искусственного орошения. Е. Лич, Т. Масубути и У. Эберхард доказали, что эффективно организовывать гидравлическое земледелие может не только государство, но и семья, род, племя, община, в зависимости от способа орошения (с помощью колодцев, террасных полей, каналов, проложенных выше и ниже уровня полей, ирригация с доставкой и отводом воды и т.д.).

Характерно название рецензии М. Мейснера на эту книгу – «Деспотизм концепции». Еще в 1952 г. с критикой концепции Витфогеля выступил один из наиболее серьезных знатоков китайской истории В. Эберхард, тоже эмигрировавший в США из Германии и работавший с 1948 г. в Калифорнийском университете Беркли. Он считал, что никогда в экономической истории Китая искусственное орошение не играло такой решающей роли, какую видит Витфогель. Главное для Эберхарда – не искусственное орошение, а наличие особой социальной прослойки —

этнологии. Критические этюды. М.: Наука, 1976. С. 153–176; *Березный Л.А.* Критика методологии американской буржуазной историографии Китая. Проблемы общественного развития в XIX – первой половине XX века. Л.: ЛГУ, 1968; *Левада Ю.А.* Карл А. Витфогель. Восточный деспотизм (рец.). С. 189–197; *Никифоров В.Н.* Место Карла Августа Витфогеля в истории «больших дискуссий»... С. 77–87; *Павлова-Сильванская М.П.* Зарубежные критики о книге К. Витфогеля «Восточный деспотизм» // Народы Азии и Африки. 1971. № 2; *Павловская А.И.* О концепции «гидравлического общества» К. Витфогеля // Вестник древней истории. 1965. № 3. С. 83–90; *Bungham W. Wittfogel K.A.* Oriental Despotism, a Comparative Study of Total Power. New Haven; L., 1957 (рец.) // Pacific Historical Review. Vol. 27. 1958. № 1. P. 88–90; *Eisenstadt S.* The Study of Oriental Despotisms as Systems of Total Power // Journal of Asian Studies. Vol. 17. 1958. № 3. P. 435–446; *Lewin G.* Von der "asiatischen Produktionsweise" zur "hydraulic society". Der Werdegang eines Renegaten // Jahrbuch fr Wirtschaftsgeschichte. 1967. Bd IV; *Meisner M.* The Despotism of Concepts: Wittfogel and Marx on China // The China Quarterly. 1963. № 16; *Mitchell W.P.* The hydraulic hypothesis: a reappraisal // Current anthropology. 1973. Vol. 14. № 5; *Sochor L.* K.-A. Wittfogel. Osud jednoho intelektu // Literarni Noviny. 12.IX.1966; *Toynbee A.* Wittfogel K.A. Oriental Despotism, a Comparative Study of Total Power. New Haven; L., 1957 (рец.) // American Political Science Review. Vol. 52. 1958. № 1; *Ulmen G.L.* Nekrolog. // Kölner Zeitschrift für Sociologie und Sozialpsychologie. 1989. № 1. S. 190–196; *Ulmen G.L.* The Science of Society. Toward an Understanding of the Life and Work of Karl Augustus Wittfogel. Hague, 1978.

шэньши. Особый акцент он делал на роли астрономии в истории Китая периода Хань⁴³. Американский востоковед Н. Пеффер, также занимающийся китайской историей, не отрицая социальной истории, считал ее все же «историей культуры и хроникой того, как люди развивали институты, в которых они устанавливали порядок своей жизни, веру в моральные ценности, которыми они жили»⁴⁴. Историк-китаевед О.М. Грин признавал культурное мышление «единственной проверенной основой цивилизации». Решающее значение в истории Китая он придавал иероглифической письменности, которая «была одним из наиболее сильно действующих факторов в объединении китайского народа»⁴⁵.

На ненадежность статистических данных и догматичность суждений Витфогеля указывал английский исследователь Э. Пулиблэнк⁴⁶. Позднее крупный британский ученый Джозеф Нидэм писал: «Когда в современной марксистской литературе упоминают Витфогеля, то всегда это делается с антипатией. Происходит это потому, что в гитлеровский период Витфогель эмигрировал в США, где... многие годы был активным участником интеллектуальной холодной войны. Те авторы, которые рассматривают его недавнюю книгу «Восточный деспотизм» как пропагандистский выпад против прошлого и настоящего России и Китая, во многом, безусловно, правы. Витфогель сейчас занят тем, что стремится все злоупотребления власти, идет ли речь о тоталитарном или любом другом режиме, приписать принципу бюрократизма... Я восхищаюсь его первой книгой («Экономика и общество Китая», 1931 – П.Г.) и отвергаю последнюю»⁴⁷.

Многие исследователи (А. Тойнби, Дж. Нидэм, Р. Адамс и др.) критиковали К. Витфогеля за тенденциозность подбора фактов и антинаучность, говорили, что «отсутствие фактов Витфогеля не беспокоит, его построения преследуют в конечном счете не научную, а чисто политическую цель»⁴⁸. Иначе говоря, из двух блоков проблем, поднятых в концепции Витфогеля (морфология, т.е. внутренняя структура и функционирование, и генезис вос-

⁴³ Eberhard W. The Political Function of Astronomy and Astronomers in Han China // Chinese Thought and Institutions. Chicago, 1959. P. 33–70.

⁴⁴ Peffer N. The Far East. A Modern History. Ann Arbor, 1958. P. 3.

⁴⁵ Green M. The Story of China's Revolution. L.–N.Y., s. a. P. 9–11.

⁴⁶ Puleyblank E.G. Gentry society: some remarks on recent work by Eberhard // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. L., 1953. Vol. 15. Pt. 2.

⁴⁷ Нидэм Д. Общество и наука на Востоке и на Западе // Наука о науке. М., 1966. С. 161–162.

⁴⁸ Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1977. С. 131.

точного деспотизма), предметом особенно острых споров стал второй, ибо он в большей степени касался современности.

Развернутой критической рецензией отозвался на книгу К. Витфогеля известный социолог Ш. Эйзенштадт⁴⁹. Отмечая несомненные достоинства книги (отказ от теории однолинейности исторического развития; признание автономности политической сферы и конкретный анализ институциональной сферы восточного общества; ряд интересных наблюдений относительно различий между западными и восточными политическими институтами), он все же считает, что сведение всей проблемы истории Востока к всемогуществу государства является односторонним. Основную слабость книги Витфогеля Эйзенштадт видит в том, что автор все еще остается под влиянием марксизма.

Тем не менее, целый ряд авторов горячо поддержали его выводы. Чаще всего (Л. Шапиро, М. Белов, О. Спейт) им импонировало его противопоставление «деспотического Востока» «демократическому Западу». Но были и другие мнения. В целом все оппоненты признавали, что К. Витфогель привлек очень большой фактический материал. Профессор социологии Принстонского университета М. Леви высказал в связи с этим мысль, что всего лишь несколько человек в мире, например А. Тойнби, компетентны оценить концепцию в целом. Сам А. Тойнби тоже подчеркивал «груз учености» книги. По иронии судьбы именно А. Тойнби принадлежит одно из самых резких суждений о «Восточном деспотизме». «Восточный деспотизм» неприемлем для Тойнби как попытка применить к истории стран Азии марксистский тезис об определяющей роли средств производства по отношению ко всем остальным элементам общественной жизни. И вообще К. Витфогель «лает не на то дерево», ибо самые худшие формы тотальной власти возникли в странах не с ирригационным земледелием, а с дождевым орошением.

Одной из проблем, которые широко обсуждались в связи с выходом книги, была проблема своеобразия маоизма. К. Витфогель довольно резко выступил против Д. Фэйербэнка, Б. Шварца и других исследователей, которые утверждали, что Мао Цзэдун развил свою доктрину вопреки Коминтерну и опыту КПСС. Именно Б. Шварц ввел в 1951 г. сам термин «маоизм» на том основании, что такие идеи Мао, как кампания за исправление стиля работы, идеологическое перевоспитание, социалисти-

⁴⁹ Eisenstadt S. The Study of Oriental Despotisms as Systems of Total Power // Journal of Asian Studies. Vol. 17. 1958. № 3. P. 435–446.

ческое преобразование буржуазии, народные коммуны, большой скачок и др. «представляют собой явные отклонения» от теории марксизма-ленинизма. Маоизм эти авторы называли «крестьянским коммунизмом», который переносит центр тяжести революционной работы из города в деревню и на борьбу за власть. Витфогель же утверждал, что ничего оригинального в маоизме нет и все основные элементы его тактики разработаны в сочинениях В.И. Ленина. Маоизм, по его мнению, всего лишь «китайский вариант тоталитарной коммунистической революции»⁵⁰. Такие идеи Мао Цзэдуна, как развитие революционного движения на Востоке, перспективность социалистических революций в восточных странах есть всего лишь «перевод» ленинских положений. Идеи Витфогеля впоследствии были поддержаны некоторыми западными авторами (А. Козн, Ф. Майкл).

Постепенно споры вокруг книги прекратились. Большинство ученых посчитали, что основные свои тезисы Витфогель так и не доказал. Как писала М.П. Павлова-Сильванская, «попытка К. Витфогеля разработать глобальную теорию общественного развития стран Азии, Африки и Латинской Америки, и в частности теорию восточного деспотизма, окончилась неудачей»⁵¹. Важнее, видимо, другое. В то время еще не понимали необходимости таких глобальных теоретических трудов. С началом второй мировой войны большому числу людей пришлось взяться за изучение восточных языков. Лингвисты стали критиковать старых востоковедов, часто только пассивно владевших восточными языками. В результате, помимо востоковедческих кафедр, продолжавших заниматься древностью и средневековьем, при университетах стали создаваться новые институты, готовившие специалистов в области деловой или дипломатической деятельности на Востоке, людей, занимавшихся исключительно экономикой, политикой и современной историей Востока. Но постепенно превращение востоковедческих институтов при университетах в школы по изучению разговорного языка и исследовательские центры, выполняющие задания Вашингтона, стало вызывать много протестов⁵².

⁵⁰ См.: Wittfogel K.A. The influence of Leninism, Stalinism on China // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1951. Vol. 27. September; Idem. Legend of Maoism // *China Quarterly*. 1960. № 1, 2.

⁵¹ Павлова-Сильванская М.П. Указ. соч. С. 171.

⁵² Фрай Р.Н. Развитие востоковедения в Соединенных Штатах Америки // *Народы Азии и Африки*. 1966. № 4. С. 281.

В нашей стране книга вызвала огромный интерес. В определенной мере она спровоцировала новую волну «больших дискуссий» об общественных формациях на Востоке. Марксистские авторы, как правило, не ссылались на книгу Витфогеля. В СССР она фактически была запрещена. В нашей стране к нему стойко приклеился ярлык «реакционного социолога и историка»⁵³. Но книгу все же читали, несмотря на то, что хранилась она в спецхранах. Так, под несомненным влиянием Витфогеля написал свою книгу А.В. Меликсетов⁵⁴.

Прискорбно, но Витфогель фактически был отчужден от новых дискуссий, в которых приняли участие такие известные специалисты, как венгр Ф. Текеи (1960), французы М. Годелье и Ж. Сюре-Каналь (1965), ученые ГДР, британские марксисты, отечественные исследователи (Е.С. Варга, 1964). Изоляция Витфогеля была обусловлена политическими причинами: XX съезд КПСС, распад колониальной системы, советско-китайский конфликт и т.д. И все же, благодаря своей многолетней деятельности, невероятной научной эрудиции и оригинальным идеям К.А. Витфогель считался в кругах синологов всего мира одним из крупнейших авторитетов. Его ставили в один ряд с А. Тойнби. Уважение к нему ярко продемонстрировало празднование его 80-летия в 1976 г. К 90-летию со дня рождения К. Витфогеля вышел специальный номер географического журнала «Антипод» с подзаголовком «Географические идеи Карла Витфогеля».

Последним трудом, который К.А. Витфогель не успел дописать, был «Анархизм, марксизм и нигилистическая революция».

Умер Карл Август Витфогель 25 мая 1988 г. в Нью-Йорке в возрасте 91 года.

⁵³ Занегин Б.Н. Основные этапы развития китаеведения в Соединенных Штатах Америки // Современная историография стран зарубежного Востока. Вып. 1. Китай. М., 1963. С. 61.

⁵⁴ Меликсетов А.В. Бюрократический капитал в Китае. Экономическая политика гоминьдана и развитие государственного капитализма в 1927–1937 гг. М.: Наука, 1972.

А.В. Хряков (Омск)

«ТАЙНАЯ ГЕРМАНИЯ» ЭРНСТА КАНТОРОВИЧА

Эрнст Канторович (1895–1963) – мыслитель со странной судьбой. Со временем достаточно «прохладное» и даже скептическое отношение коллег по профессиональному цеху историков сменилось широкой популярностью у последующих поколений гуманитариев. В Соединенных Штатах, в Италии, во Франции начиная с 1980-х годов можно говорить даже о «ренессансе Канторовича». Его имя стало едва ли не хрестоматийным благодаря его последней книге «Два тела короля»¹ и изложенным в ней взглядам на суть «политической теологии». Однако, несмотря на то, что упоминание имени Канторовича, ссылки на его работы – сегодня почти обязательное условие для многих гуманитарных исследований, едва ли можно говорить об отношениях непосредственной преемственности между Канторовичем и современными интеллектуалами. Чем больше о нем говорят, чем больше на него ссылаются, тем меньше понимают внутренний смысл его позиции. Канторович оказался распятым на кресте своей собственной популярности. Даже в США, где у него всегда было много последователей, среди которых благодаря его эрудиции, образованию и тонкому юмору возник некий «академический культ»², нельзя говорить о «школе Канторовича».

Все это относится и к Германии – родине Канторовича, где вплоть до начала 1990-х годов книги этого мыслителя были вообще забыты (даже издание первой его биографии не смогло изменить ситуацию³), не предпринимались ни переиздание его прежних работ, ни выход новых, написанных уже в эмиграции. С одной стороны, это можно объяснить позицией самого автора,

¹ Kantorowicz E. The king's two bodies. A study in mediaeval political theology. Princeton (N.J.), 1957.

² Mohlo A. Il re e doppio // L'Indice. VII. 7. 1990. S. 29.

³ Grünewald E. Ernst Kantorowicz und Stefan George. Beiträge zur Biographie des Historikers bis zum Jahre 1938 und zu seinem Jugendwerk "Kaiser Friedrich der Zweite". Wiesbaden, 1982.

запретившего в завещании публиковать свои рукописные сочинения, с другой, характером самих работ и той традицией, в рамках которой они были написаны. Лишь сегодня после многих десятилетий забвения, интерес к нему в Германии возрождается⁴. Далеко не праздным является вопрос, а с чем, собственно, это связано. На наш взгляд, есть попытка, пока робкая, реконструировать то интеллектуально-духовное движение, представителем которого являлся Э. Канторович, и выяснить его значение для научной жизни Германии конца XIX – первой трети XX века. Я имею в виду актуализацию ценностей гуманистического образования посредством науки, прежде всего исторической.

Эрнст Канторович был типичным представителем ассимилированной в Германии еврейской буржуазии, для которой ценности Просвещения и неогуманизма стали краеугольными камнями жизненной позиции. В XIX в. понятие «гуманизм» скрепило такие свои коннотации, как гуманность, человечность, культура и, прежде всего, образование. В Германии исторически значимым этот вариант гуманизма стал благодаря Вильгельму фон Гумбольдту (1767–1835), проведшему реформу образования в Пруссии. Реформа 1809–10 г. привела к созданию гуманитарных гимназий и к основанию университета Фридриха-Вильгельма в Берлине (ныне университет Гумбольдта). Как гимназии, так и новый тип университета были призваны способствовать образованию в подлинном смысле этого слова (*Bildung*), т.е. воспитанию цельной гуманистически развитой личности⁵.

По словам В. Гумбольдта, под образованием следует подразумевать «нечто более высокое и вместе с тем более интимное, а именно строй мысли, который, питаюсь знанием и пониманием всех доступных человеку интеллектуальных и нравственных уст-

⁴ Ernst Kantorowicz. *Erträge der Doppeltagung Institute for Advanced Study*. Princeton, Johann Wolfgang Goethe-Universität, Frankfurt am Main / Hrsg. von R.-L. Benson, J. Fried. Stuttgart, 1997; *Geschichtskörper. Zur Aktualität von Ernst H. Kantorowicz* / Hrsg. von W. Ernst, C. Vismann. München, 1998; Ernst H. Kantorowicz (1895–1963). *Soziales Milieu und wissenschaftliche Relevanz. Vorträge des Symposiums am Institut für Geschichte der Adam-Mickewicz-Universität Pönan* 23.–24. November 1995 / Hrsg. von J. Strzelczyk. Pönan, 1995–1996.

⁵ Bodeker H.-E. *Menschheit, Humanität, Humanismus // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland* / Hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. Stuttgart, 1982. Bd. 3. S. 1098.

ремлений, гармонически преобразует восприятие и характер отдельной личности и целого народа»⁶.

Образование выступало как всеобщий человеческий идеал, неся в себе такой заряд универсальных ценностей, перед которым отступали другие универсалии, прежде всего религия. Направленное на изменение мира, его реформирование, просвещение и эволюцию, образование являлось активной жизненной силой, данной человеку для совершенствования разума и нравов и улучшения человеческой природы.

В социально-политическом плане эта идея стала идеологией немецкого бюргерства. В силу все того же просвещенческого идеала слой образованного бюргерства никогда не был замкнутым, он был принципиально открытым для представителей других сословий. Кроме того, отсутствие строгих границ облегчало начиная с первых десятилетий XIX века ассимиляцию национальных и конфессиональных меньшинств, в первую очередь евреев Германии. По словам Т. Ниппердея, «едва кто-либо перенял немецкую "религию" образования так, как расставшиеся с синагогой евреи»⁷. Для многих евреев идеал образования, базирующийся на индивидуализме и всеобщности, занял место где-то между христианским Откровением и традицией иудаизма.

Но уже в середине XIX в. гуманистический идеал претерпел существенные изменения, причины которых требуют отдельного рассмотрения. Для нас важно, что начиная с этого времени в Германии был установлен новый тип преподавания, ориентированный достаточно четко на этнически однозначный образец. Кроме того, «образование как подъем к всеобщему» (Г. Гегель) должно было достигаться на ниве узкой специализации⁸.

Тогда же проявилась еще одна составляющая данного идеала, первоначально не воспринимаемая как опасная. Речь идет об институционализации науки, в том числе и исторической, и ее огосударствлении. Выступая за широкую внутреннюю автономию университета и его самоуправление, Гумбольдт

⁶ Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влияние на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 2000. С. 59.

⁷ Nipperdey T. Deutsche Geschichte. 1866–1918. Bd. 1: Arbeitswelt und Bürgergeist. München, 1990. S. 388.

⁸ По Гадамеру, «негативно жертвование особенностями обозначает обуздание влечений и тем самым свободу от их предметов и свободу для своей предметности». – Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 54.

рассматривал государство в качестве высшего гаранта, обаянного своим авторитетом закрепить престиж университетского диплома. С тех пор диплом и свидетельство об окончании гимназии стали главным пропуском в высший свет, а также единственной возможностью для занятий привилегированной профессиональной деятельностью, прежде всего административной. Государством всесторонне поддерживалась аполитичность профессуры, которая проявлялась, как ни странно, в узкой учености, сопровождавшейся политикой невмешательства в бурные перипетии общественной жизни.

Как отметил однажды берлинский философ Ф. Паульсен, государство имеет право рассчитывать на то, что ученые признают и засвидетельствуют его разумность и необходимость, «если же они не желают этого делать, их работа оборачивается опасным ниспровержением существующего порядка»⁹.

Выхолащивание немецкого гуманитарного образования и сведение его к чисто утилитарному пониманию и применению, основательно подорвали тот просвещенческий идеал, что был некогда заложен в него В. Гумбольдтом. Сформировалась некая «немецкая идея образования» (Bildungsidee), подразумевавшая воспитание посредством изучения и передачи неких значимых образов (Bild), соединение науки и обучения, а также первенство дисциплин гуманитарного характера в сравнении с естественно-научными и инженерно-техническими дисциплинами. Эта идея окончательно утратила свою былую открытость, связь с насущными потребностями политической и общественной жизни, став для ее носителей и многих обывателей своего рода светской религией¹⁰.

Конечной целью такого воспитания и образования, по мнению Ницше, «является вовсе не свободный человек культуры, но ученый человек науки... результатом такого воспитания с общезмпирической точки зрения является историческо-эстетический филистер образования, умный не по летам и самонадеянный болтун о государстве, церкви и искусстве, общее чувствилище для тысячи разнообразных ощущений, ненасытный желудок, который тем не менее не знает, что такое настоящие голод и жажда»¹¹.

Носителем этой идеи стала верхушка немецкого образованного бюргерства, состоявшего на государственной службе,

⁹ Цит. по кн.: Крейг Г. Немцы. М., 1999. С. 189.

¹⁰ Гадамер Х.-Г. Указ. соч. С. 52.

¹¹ Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Сочинения в 2-х томах. М., 1990. Т. 1. С. 224.

названная – по аналогии с китайскими чиновниками – мандаринами (Mandarine)¹². Немецкой профессуре (Ordienarien). была присуща своя собственная «мандаринская идеология», причудливым образом сочетавшая в себе изначальную гуманистическую направленность и осознание великой цели образования с узкой ученостью, консерватизмом и откровенным снобизмом¹³.

Хотя надо признать, что отрицательные стороны немецкого образования осознавались многими и перспективы его развития уже на рубеже веков далеко не всем представлялись такими радужными и безоблачными, как прежде. Можно назвать достаточно много имен тех, кто ратовал за возвращение старого идеала и отстаивал общественно-активный и, как следствие, политически-ответственный и открытый вариант поведения профессуры. Но для многих, если не для всех, решение этой проблемы было заложено все в той же образовательной идее, а именно на путях разрешения присущего ей внутреннего напряжения. Эта напряженность, очень ярко проявилась в двойственном отношении к истории, которая была призвана сыграть главную роль в становлении гуманистически образованного человека¹⁴. Одна сторона требовала подвергнуть историю сакрализации, сделав ее основой нового мифотворчества, и тем самым решить насущные проблемы современности, где бы история как наука уступила свое место искусству, с его вниманием к героическому, монументальному, вечному (Ф. Ницше, Я. Буркхардт, Ш. Георге). Их оппоненты, отталкиваясь от того же, заложили фундамент «наук о духе», сделав историю объектом научного изучения, заявив при этом о самоценности науки как области рационального дискурса (В. Дильтей, М. Вебер, Э. Трельч)¹⁵. Германо-американский историк Э. Канторович продемонстрировал своей жизненной позицией ценность и значимость гуманистических идеалов науки и образования, воплотив как первый, так и второй вариант поведения.

¹² *Habermas J. Die deutschen Mandarine // Philosophisch-politische Profile. Frankfurt am Main, 1985. S. 458–468.*

¹³ *Ringer Fr. Die Gelehrten. Der Niedergang der deutschen Mandarine 1890-1933. Stuttgart, 1983.*

¹⁴ *Assmann A. Arbeit am nationalen Gedächtnis. Eine kurze Geschichte der deutschen Bildungsidee. Frankfurt am Main, 1993. S. 46.*

¹⁵ *Oexle O.-G. Geschichtswissenschaft im Zeichen des Historismus. Studien zu Problemgeschichten der Moderne. Göttingen, 1996.*

Эрнст Хартвиг Канторович родился 3 мая 1895 г. в городе Познань в состоятельной и уважаемой еврейской семье. Его отец Йозеф Канторович руководил семейным предприятием – фабрикой по производству ликера и спирта. Семья оказалась в Познани еще в начале XIX в. Город, бывший столицей одноименной прусской провинции, привлекал еврейское население, в силу благоприятных условий натурализации. В 1895 г. здесь проживало 5,5 тыс. евреев из более 160 тыс. чел., хотя ранее процент евреев был намного больше. Кроме них в городе проживало 50 тыс. немцев и более 100 тыс. поляков¹⁶. «Протестанты и евреи... говорили с заметным презрением о городах провинции Познань, где тон задавали поляки и католики, сваленные в одну кучу», – так описывал свои юношеские переживания Э. Толлер¹⁷. «Евреи ощущали себя пионерами немецкой культуры», «день рождения кайзера, проводили вместе с бывшими солдатами, фронтовиками за общим столом, попивая пиво и шнапс за здоровье кайзера Вильгельма»¹⁸.

С 1904 по 1913 г. будущий историк посещал гимназию королевы Августы-Виктории, предпочитаемую немецко-еврейской городской элитой. Кроме латинского и греческого, он, под присмотром английской гувернантки, изучал французский и английский языки. Отец, желая видеть его во главе семейного дела, направил Эрнста в Гамбург для получения торгового образования. Однако его купеческая стезя прервалась, так и не успев начаться¹⁹. В 1914 г. Канторович, как и многие другие выходцы из еврейских семей, отправился добровольцем на фронт. Служа в артиллерии, он был ранен в битве у Вердена (1916 г.). За время службы Э. Канторович сумел продвинуться по ступенькам солдатской иерархии, став сначала ефрейтором,

¹⁶ Trzeciakowski L. Politik der Preussischen Regierung den Juden gegenüber im Grossherzogtum Posen // Ernst Kantorowicz (1895–1963). Soziales Milieu... S. 25–32; Makowski K.-A. Die jüdische Bevölkerung im Posener Land in der Teilungszeit // Ibid. S. 33–41.

¹⁷ Эрнст Толлер (1893–1939) – известный немецкий писатель и драматург. Родился в Польше в семье лавочника-еврея. Написал автобиографические записки «Юность в Германии» (1933). Организатор Советской Баварской республики, участник боев в Мюнхене. Эмигрировал в США, где покончил жизнь самоубийством.

¹⁸ Toller E. Eine Jugend in Deutschland // Toller E. Gesammelte Werke. Bd. 4. München – Wien, 1978. S. 12–13.

¹⁹ Molik W. Ernst Kantorowicz's Schuljahre in Posen // Ernst Kantorowicz (1895–1963). Soziales Milieu... S. 65–73.

а затем унтер-офицером. Кроме того, он был награжден «железным крестом II класса». В январе 1917 г. он снова попадает на фронт, на сей раз на Украину, а месяцем позднее в Турцию. Здесь ему довелось участвовать в строительстве железной дороги, призванной соединить Багдад и Константинополь. За усердную службу он был отмечен «железным полумесяцем»²⁰.

Основание Советской республики в Польше заставило вновь взяться за оружие. Размежевание, как и прежде, происходило по национальному признаку. В Познани в ноябре 1918 г. возникли польские советы, действовавшие главным образом против немцев. Созданный тогда же еврейский совет, объединивший 63 организации, отстаивал свои права. Семья же Канторовичей стала активным участником «Центрального объединения немецких граждан иудейской веры», противопоставив себя и полякам, и остальным евреям, активно поддерживая немцев в их борьбе против независимости Познани²¹. Исход этой борьбы известен: Познань отошла к Польше, Канторовичи были вынуждены продать свое дело и уехать в Германию, а будущий историк, не дожидаясь окончания этой драмы, бежал, даже не оформив должным образом документы.

«Сыновья из бюргерских семей, которые не знали, что следует изучать, изучали политэкономия, таков был обычай и мода», – заключает Э. Толлер²². Сам Толлер планировал исполнить свое «предназначение» не где-нибудь, а в Гейдельберге, у известного историка хозяйства Эбергарда Готхайна²³. В среде студентов он пользовался весьма сомнительной репутацией профессора, легко принимающего экзамены. Из года в год «добродушный Готхайн» предлагал своим студентам одни и те же контрольные вопросы и ответы к ним (особо предприимчивые студенты продавали их затем нуждающимся). Да и в выборе тем для диссертационных сочинений он не особенно

²⁰ Grünewald E. Biographisches Nachwort // *Kantorowicz E. Kaiser Friedrich der Zweite*. Stuttgart, 1998. S. 533.

²¹ *Matelski D. Nationalbeziehung in Großpolen in den Jahren 1918–1920 // Ernst Kantorowicz (1895–1963). Soziales Milieu... S. 43–63.*

²² *Toller E. Op. cit. S. 80.*

²³ Готхайн Э. (1853–1923) – профессор Гейдельбергского университета. Учился у В. Дильтея, почитатель Я. Буркхардта. Автор книги «Развитие культуры Южной Италии» (1886). См. подробнее: *Salin E. Eberhard Gothein. Biographische Einleitung // Eberhard Gothein. Schriften zur Kulturgeschichte der Renaissance, Reformation und Gegenreformation / Hrsg. von E. Salin. Bd. 1. München – Leipzig, 1924. S. VII–XXXI.*

напрягался, так, например, Толлеру он предложил заняться изучением свиноводства в Восточной Пруссии. Понятно, что бывшему фронтовику это не внушило ничего, кроме отворачивания к учебе и дальнейшей научной деятельности.

Канторович также не изменил своему «призванию». Вообще, судьбы Канторовича и Толлера удивительно схожи. Оба – выходцы из еврейских семей, долгое время проживших в Польше. Оба добровольцами участвовали в Первой мировой войне. Оба впоследствии оказались в Америке. И, по всей видимости, они встречались или, по крайней мере, могли видеть друг друга... через прицелы своих ружей, находясь по разные стороны мюнхенских баррикад²⁴. Вступив после демобилизации в ряды «Добровольческого корпуса», Эрнст Канторович принял самое активное участие в разгроме советов в Берлине и Мюнхене.

Параллельно с участием в уличных боях Канторович изучал в Мюнхене политэкономия. Здесь ему посчастливилось присутствовать на лекциях М. Вебера, читавшего курс «Всеобъемлющие категории науки об обществе» в качестве приглашенного профессора²⁵. По всей видимости, ему удалось присутствовать и на знаменитом выступлении немецкого социолога перед Союзом студентов на тему «Наука как призвание и профессия», где он изложил свои основные взгляды на роль науки и всего ученого сословия в изменившихся условиях²⁶.

После разоружения Добровольческого корпуса осенью 1919 г. Канторович перебирается из Мюнхена в Гейдельберг, с тем чтобы продолжить изучение экономики. В местном университете в то время работали философ Альфред Вебер (1868–1958), антиковед Альфред фон Домашевский (1856–1927), известный медиевист Карл Хампэ (1869–1936). Нужно отметить, что собственно исторического образования Канторович так и не получил. Его научным руководителем стал тот самый «добродушный профессор Готхайн», от которого некогда ушел Толлер. В 1922 г. Канторович закончил свое образование, написав работу «Сущность исламских ремесленных союзов». Эту первую работу немецкого историка можно воспринимать как вынужденную необходимость, тем более что тема была ему практически навязана. Но уже здесь мы можем наблюдать то стремление прояс-

²⁴ *Grünwald E. Ernst Kantorowicz und Stefan George... S. 126.*

²⁵ *Ibid. S. 33.*

²⁶ *Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 707–735.*

нить взаимосвязь духовных и материальных аспектов истории, воплотившихся в социально-политических институтах, что станет визитной карточкой Канторовича на последующие десятилетия²⁷.

Еще в Мюнхене будущий историк познакомился с активным последователем Георге – Фридрихом Гундольфом²⁸. Именно благодаря ему Канторович в 1919 г. был представлен Ш. Георге и достаточно легко нашел дорогу к сердцу «Мастера». Кружок Георге стал для многих образованных молодых людей местом притяжения, это относится прежде всего к представителям так называемого фронтового поколения. В особенности же он привлекал выходцев из ассимилированных евреев, которым впервые была предоставлена возможность проявить здесь свои убеждения²⁹. Канторович стал не просто очередным «апостолом новой веры» и сторонником Георге, он стал его любимым учеником, сохранив привязанность к нему вплоть до самой смерти³⁰.

Канторович причислял себя к последователям Ницше и Буркхардта, для которых история являлась хаосом, угрозавшим жизни, вследствие чего она должна быть укрощена и оформлена. Между жизнью и повседневной историей необходимо наличие «художественного фантома» (Ницше), который будет оберегать ее от отвратительного вида реальности. «Лишь обставленный мифами горизонт замыкает целое культурное движение в некоторое законченное целое»³¹. Вслед за Ницше и Георге, Канторович утверждал, что задача историка не только в сборе и перепроверке фактов прошлого, но и в изменении с помощью этих фактов на-

²⁷ *Baethgen Fr.* Ernst Kantorowicz. 3.5.1895-9.9.1963 // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 21. Jg. 1965. S. 2.

²⁸ Гундольф Ф. (1880–1931) – профессор Гейдельбергского университета, историк литературы. Автор книг «Шекспир и немецкий дух» (1914), «Гете» (1916). См.: *Osterkamp E.* Friedrich Gundolf zwischen Kunst und Wissenschaft. Zur Problematik eines Germanisten aus dem Georgekreis // *Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte 1910 bis 1925 / Hrsq. von C. König und E. Lämmert.* Frankfurt am Main, 1993.

²⁹ *Benjamin W.* Juden in der deutschen Kultur // *Encyclopaedia Judaica.* Das Judentum in Geschichte und Gegenwart Bd. 5. Berlin, 1930. Sp. 1032.

³⁰ Американские друзья Канторовича сообщают, что портрет Ш. Георге постоянно находился на его рабочем столе. См.: *Walther P.Th., Ernst W.* Ernst H. Kantorowicz. Eine archäo-biographische Skizze // *Geschichtskörper. Zur Aktualität von Ernst H. Kantorowicz...* S. 217. Интересно, что в начале 1920-х годов расположения Георге, правда безуспешно, искал другой «герой» своего времени Й. Геббельс.

³¹ *Ницше Ф.* Рождение трагедии из духа музыки. Предисловие к Рихарду Вагнеру // *Ницше Ф.* Сочинения в 2-х томах. Т. 1. М., 1990. С. 149.

стоящего: то есть надо спрашивать не о том, подтверждается ли этот рассказ из источников, истинен он или нет, а о том, что он означал для создавших его, и вдобавок, что он означает для нас.

По его мнению, следует отличать «историческое исследование», ориентированное на сбор фактов, от «историописания», «служащего искусству, которое в свою очередь всегда обращено к чему-то высшему, к вере». «Историописание нуждается не только в ученых созерцательно ищущих истину, но и в целостно активном человеке, который хоть и следует идее истины до последнего верстового камня знания, все же служит искусству»³².

Это методологическое положение Канторовича многими воспринимается как выражение его взглядов, если и не националистических, то уж точно консервативных³³. В то же время к нему можно подойти и с другой стороны, обращая внимание не на «целостно активного человека», служащего искусству, а на «ученых, созерцательно ищущих истину», без которых историописание также немислимо. Он никогда не сомневался в необходимости и оправданности позитивистского, ориентированного на источник подхода. И даже самый ярый критик Канторовича и всех георгианцев Альберт Бракман³⁴, указывая на его эрудицию и знание им фактического материала, замечает:

«...так как в Канторовиче все же прячется "позитивист", который свою книгу подкрепил основательным изучением источников и который давно питает скрытую любовь к Monumenta Germaniae Historica, то еще неизвестно, будет ли он в конце концов сторонником Штефана Георге или Пауля Кера»³⁵.

Много сказано о влиянии Штефана Георге на Эрнста Канторовича, и с этим невозможно спорить, но наш аспект рассмотрения позволяет говорить и о веберовской традиции в творчестве немецкого историка. Несмотря на то, что она выра-

³² *Kantorowicz E. Grenzen, Möglichkeiten und Aufgaben der Darstellung mittelalterliche Geschichte // Tumult. Schriften zur Verkehrswissenschaft / Hrsg. von F. Böckelmann, D. Kamper, W. Seitter. 16. Wien, 1992. S. 6.*

³³ *Эксле О.Г. Немцы не в ладу с современностью. «Император Фридрих II» Эрнста Канторовича в политической полемике времен Веймарской республики // Одиссей 1996. М., 1996. С. 213–235.*

³⁴ *Бракман А. (1871–1952) – известный медиевист, директор Прусского архива, член Исторического института Кайзера Вильгельма. См.: Elm K. Mittelalterforschung in Berlin // Geschichtswissenschaft in Berlin im 19. und 20. Jahrhundert. Persönlichkeiten und Institutionen / Hrsg. von R. Hansen, W. Ribbe. Berlin–N.Y., 1992. S. 220–224.*

³⁵ *Brackmann A. Nachwort // Historische Zeitschrift. 141. 1930. S. 477.*

жалась не так явно, ее значение для понимания жизненной философии Канторовича трудно переоценить.

Вся духовная жизнь Гейдельберга вращалась вокруг двух противоположных полюсов: социологического и поэтического. Вот, что пишет по этому поводу К. Мангейм: «Идеально-типичским представителем первого является уже умерший М. Вебер, другого – поэт Ш. Георге. На одной стороне университет, на другой внеуниверситетский литературный мир, одни ориентировались на протестантскую культурную традицию, другие на католицизм»³⁶. Конечно, с такой однозначно конфессиональной оценкой согласиться нельзя, тем более что она была высказана человеком, хоть и уважаемым, но не принятым ни одним из вышеперечисленных кругов. Хотя в общем и целом замечено было верно: как у социологов, так и у георгианцев внутри их сообществ сложилось некое духовное единение. «Апостолы» Штефана Георге разделяли веру своего «Учителя» в превосходство искусства над академическими дисциплинами, в том числе над социологией Вебера. Адепты последнего, напротив, утверждали приоритет науки, свободной от оценок, то есть рациональной и не зависимой от общественных норм. Но, несмотря на всю глубину разногласий, в Гейдельберге сложилась своеобразная интеллектуальная ситуация, способствовавшая не только спорам и обмену мнениями, но и их взаимному обогащению. В 1928 г. К. Ясперс заметил, что «здесь господствовала атмосфера, в которой чуждости могли соприкоснуться»³⁷.

Исторические произведения Канторовича и его самоидентификация вращались в напряженном пространстве между scientизацией истории и ее одновременной сакрализацией. Он стал, пользуясь словами В. Вебера, *Priester der Klio* – служителем исторической музыки³⁸. Средневековье было для него не только предметом научных изысканий, но и руководством к жизни – собственной жизни. Сакрализация истории в мифах, ее возвеличение приобрели для него жизнеутверждающие

³⁶ Цит. по: Hoeges D. *Kontroverse am Abgrund: Ernst Robert Curtius und Karl Manheim. Intellektuelle und "freischwebende Intellegenz" in der Weimar Republik.* Frankfurt am Main, 1994. S. 48.

³⁷ Цит. по: *Ibid.* S. 23.

³⁸ *Weber W. Priester der Klio. Historisch-sozialwissenschaftliche Studien zur Herkunft und Karriere deutscher Historiker und zur Geschichte der Geschichtswissenschaft 1800–1970.* Frankfurt am Main – N.Y., 1987.

функции. Подобное отношение к исторической реальности стало главным условием преодоления реальности повседневной.

Именно с этих позиций следует рассматривать работу Канторовича о Фридрихе, в которой был создан мифический образ идеального правителя, призванный преодолеть всеобъемлющий кризис, охвативший Германию после Первой мировой войны³⁹. Работа об императоре Фридрихе II Гогенштауфене, предъявляет нам пример поразительных взаимоотношений между автором и его произведением. Книга, открывшая Канторовичу двери в научное сообщество Германии и ставшая в 20-30-е годы настоящим бестселлером⁴⁰, была написана в кратчайшие сроки. Унаследовав от родителей приличное состояние, гейдельбергский историк смог за два с половиной года завершить свой знаменитый труд. И удивляют даже не столько сроки исполнения, сколько то, что это всего лишь вторая после диссертации работа Канторовича, а значит, первая опубликованная⁴¹. Конфликт между страстью к мифологии и наукой, в высшей степени продуктивный и проявившийся уже в первых произведениях Канторовича, разворачивался на протяжении всей последующей творческой деятельности. Но интересно даже не это, а судьба книги и авторское к ней отношение. «Книга, которая когда-то была настольной у Гимmlера и которую Геринг с посвящением подарил Муссолини, должна действительно быть предана забвению»⁴², – писал он одному из издателей. После окончания войны, уже в эмиграции, Канторович долгое время отказывался от переиздания биографии Фридриха, а согласившись, внес в нее изменения.

Успех, сопутствовавший биографии Фридриха, привел к признанию Канторовича научным сообществом Германии. Книгу обсуждали, с автором спорили, не соглашались, но никто не мог не признать его эрудицию и несомненный литературный дар⁴³. Главное обвинение, которое ему предъявлялось, состояло в том, что он якобы устранил границы между мифом и исто-

³⁹ Kantorowicz E. Kaiser Friedrich der Zweite. Berlin, 1927.

⁴⁰ С 1927 по 1939 г. книга «Кайзер Фридрих II» издавалась пять раз, общим количеством 15 тыс. экземпляров.

⁴¹ Полный список работ Э.-Х. Канторовича, изданных при жизни см.: Baethgen Fr. Op. cit. S. 17.

⁴² Цит. по: Grünwald E. Ernst Kantorowicz und Stefan George... S. 164.

⁴³ Наиболее интересные отклики на книгу Канторовича были впоследствии переизданы. См.: Stupor Mundi. Zur Geschichte Friedrichs II. von Gogenstaufen. Darmstadt, 1966.

рией⁴⁴, а также в том, что «Канторович сперва рассмотрел, прочувствовал и пережил императора, и с этим, заранее обретенным образом обратился к источникам»⁴⁵.

И в самом деле, книга с первых же строк сплошь мифологична. Она начинается с пророчеств античных и средневековых авторов о приходе последнего и самого великого императора христианско-германской Римской империи. И с этого момента жизнь Фридриха II, благодаря легендам, панегирикам, гимнам, поэтическим пророчествам, разворачивается как образ «вечно живого», умирающего, но вновь воскресающего властелина. При этом автора абсолютно не интересовали ни арабские источники, ни норманнские корни Сицилийского королевства, ни влияние Фридриха Барбароссы на своего внука. Кроме того, конец книги также подобен мифу: повествование не обрывается на смерти монарха, он продолжает жить в своих воплощениях до нового воскрешения. История Европы делится на два, противостоящих друг другу периода: «золотое время» универсальной монархии, с одной стороны, и эпоха национальных государств современности, достойная лишь презрения, с другой. Именно власть Фридриха над Сицилией положила начало процессу, который, пройдя через ренессансные тирании XVI века и абсолютистские государства XVIII века, закончился формированием современной политической карты Европы. В этом-то для Канторовича и кроется трагедия его героя. Он не смог вдохнуть новую жизнь в средневековье, а напротив, указал дорогу новому времени.

Одним из главных мыслительных итогов «Императора Фридриха II» для самого автора стало осознание роли ученых и интеллектуалов в становлении и эволюции политической идеологии. По его мнению, Фридрих – менее всего сам, а более через своих юристов – заложил правовые основы управления Сицилийским королевством. Фактически именно легисты университета Болоньи стали провозвестниками первых суверенных государств, и, более того, они способствовали оформлению системы национальных государств. Отныне и до конца своей жизни Канторович посвятил себя изучению взаимоотношений интеллектуалов и политической власти, к чему подталкивала не только профессиональная деятельность и узкий научный интерес⁴⁶.

⁴⁴ Hampe K. Das neueste Lebensbild Kaiser Friedrichs II. // Ibid. S. 67.

⁴⁵ Brackmann A. Kaiser Friedrich in "Mythescher Schau" // Historische Zeitschrift. 140. 1929. S. 548.

⁴⁶ Kantorowicz E. Kaiser Friedrich der Zweite. Stuttgart, 1980.

Уже в 1930 г. Канторович получает приглашение из Франкфурта занять в местном университете кафедру средней и новой истории⁴⁷. Он окончательно включается в бюргерскую жизнь, став типичным немецким «мандарином». Но смена образа жизни не привела к разрыву с Георге, как это случилось прежде с Гундольфом. В последующие годы Канторович сосредотачивается на довольно традиционных темах для преподавания, предлагая студентам такие лекции, как «Эпоха гуманизма», «Норманны в европейской истории», «Историография XIII века». Кроме того, он начинает новую книгу (так и не законченную) о времени «Междоцарствия» (1250–1308 гг.) – первом безвластном времени в немецкой истории.

Это идиллическое существование длилось недолго. После января 1933 г. ему неожиданно пришел конец, хотя назначение Гитлера канцлером и последовавшие за этим преобразования первоначально и не коснулись Канторовича напрямую⁴⁸. Согласно закону от 7 апреля 1933 г. «о реставрации гражданской службы», евреи должны были быть уволены с государственных должностей. Исключения были сделаны для фронтовиков и участников борьбы с советами. Сам историк, несмотря на то, что его самого этот закон не касался, 20 апреля подал прошение о временной отставке. В своем заявлении он не скрывал собственных политических пристрастий и национальных убеждений, но, являясь «принципиальным сторонником национально управляемого рейха», «борцом со спартаковцами и сепаратистами», а также «автором биографии Фридриха», Канторович, как преподаватель, не мог смириться с тем, что «каждый еврей ежедневно встречается с посягательствами на свою честь без единой возможности получить личное или судебное удовлетворение»⁴⁹.

В то же время большинство георгианцев поддались «очарованию» национал-социализма. Некоторые из «апостолов» Георге вступили в ряды НСДАП, другие приветствовали новую

⁴⁷ *Grünwald E. Ernst Kantorowicz und Stefan George... S. 102.*

⁴⁸ Сам Ш. Георге и члены его кружка пользовались определенной неприкосновенностью в первые месяцы нацистского режима. Поэту было предложено занять пост президента Прусской академии искусств и тем самым продемонстрировать укорененность «третьего рейха» в прошлом, санкционировав при этом его существование своим авторитетом. В отличие от большинства представителей интеллектуальной элиты Германии, в том числе членов ближайшего окружения поэта, он ответил отказом, эмигрировав в Швейцарию.

⁴⁹ Цит. по: *Grünwald E. Ernst Kantorowicz und Stefan George... S. 114.*

власть, «поразительно изменившую лицо народа и страны»⁵⁰. Даже ближайший друг Э. Канторовича Вольдемар фон Уксул⁵¹ провозгласил непосредственную преемственность «третьего рейха» Адольфа Гитлера и «нового рейха» Стефана Георге⁵².

«Некоторые предали своего учителя. Они предали его позорно, тем, что поверили в фантом, тем, что стали добычей ужасного кощунства, поставив на службу фантома имя, достоинство, силу учителя. Это было последнее предательство, это было предательство духа»⁵³.

Как считает Э. Грюневальд, именно речь В. Уксула «Революционный этос Стефана Георге», произнесенная им по случаю 65-й годовщины поэта, подтолкнула Канторовича к активным действиям, тем более что один из экземпляров выступления был послан историку в знак «постоянной и сердечной дружбы»⁵⁴. В октябре 1933 года им было подано прошение о желании продолжить преподавание во Франкфурте.

«Уважаемый господин куратор!, – писал он в своем обращении. – Вследствие отсутствия противоположного мнения со стороны министерства, я могу, в соответствии с законом о реставрации гражданской службы, считать себя утвержденным в должности. Поэтому довожу до вашего сведения, что с началом зимнего семестра продолжу свою преподавательскую деятельность. Я это делаю с полным осознанием того, что согласно провозглашенным официальной стороной взглядам, принципам, постановлениям (мною не разделяемым) считается абсурдным, даже издевательством, если еврей преподает немецким студентам общественный, частный, религиозный мир представлений раннегерманской и раннегерманской истории, а также христианской церкви»⁵⁵.

По-видимому, Канторович хотел использовать последнюю возможность открыто высказать свое отношение к национал-социализму, тем более что в качестве вводной лекции он из-

⁵⁰ *Bertram E. Deutscher Aufbruch. Eine Rede vor studentischer Jugend // Deutsche Zeitschrift. 10. 1932–1933. S. 609–619.*

⁵¹ Уксул В. фон (1898–1939) – профессор древней истории Тюбингенского университета. Именно ему Канторович некогда посвятил биографию Фридриха II.

⁵² *Uxkull W. von. Das revolutionäre Ethos bei Stefan George. Tübingen, 1933.*

⁵³ *Wolfskehl K. Zehn Jahre Exil. Briefe aus Neuseeland 1938–1948 / Hrsg. von M. Ruben. Heidelberg–Darmstadt, 1959. S. 320.*

⁵⁴ *Grünwald E. "Übt an uns mord und reicher blüht was blüht!" Ernst Kantorowicz spricht am 14. November 1933 über das "Geheime Deutschland" // Ernst Kantorowicz. Erträge der Doppeltagung Institute... S. 63.*

⁵⁵ *ibid. S. 59.*

брал тему «Тайная Германия», что, конечно же, изначально ставило крест на его дальнейшей академической карьере.

«Не об узкой "тайной Германии" хочу я сегодня с Вами поговорить, а о широкой "тайной Германии", в которой жил и живет поэт (Георге – А.Х.), узнавать которую он учил и учит, посредством своей жизни..., то есть о той великой "тайной Германии", божественные проявления которой нам всем знакомы и которые здесь стоит собрать вместе»⁵⁶, – так начинается знаменитая лекция Канторовича.

Имея в качестве повода несогласие с В. фон Уксулом, речь, произнесенная Канторовичем, стала единственной в своем роде попыткой прояснить сущность «тайной Германии» и оградить ее от притязаний нацистских властей и их сторонников. Кроме того, она является примером личного мужества – в неблагоприятные времена открыто высказать отношение к новой политике и попытаться привить студенчеству иммунитет к нацизму, уповая лишь на свои, весьма ограниченные силы.

«После преодоления первого отвращения, потрясения и боли, – писал Канторович в последнем письме к Георге, – ненависть начала действовать продуктивно – есть необходимость отмежеваться с каждым шагом как от правых, так и от левых...»⁵⁷.

Представления о «тайной Германии» как образе невидимой, но вечно существующей немецкой культурной нации берут свое начало еще в XIX в., когда Ф. Шиллер противопоставил эту самую нацию немецкому государству, павшему под натиском Наполеона. С тех пор это понятие прошло в своем развитии довольно долгий путь: от патриотических очертаний у Гельдерлина и Гейне – через националистические тона де Лагарде и Лангбена – до, наконец, мистического и элитарного значения у Георге. Им всем была свойственна вера в то, что духовная идентичность и духовная судьба Германии заложены в ее народе. Их представления различались лишь средствами воплощения этой народной души: благодаря ли императору, фелькишскому движению или, как у Георге, благодаря интеллектуалам. Штефан Георге считал свой кружок, если пользоваться выражением Ницше, союзом «продуктивных, воспитанных в новом духе и деятельных людей». Фактически «тайная Германия» стала для него последним

⁵⁶ *Kantorowicz E. Das Geheime Deutschland. Vorlesung, gehalten bei Wiederaufnahme der Lehrtätigkeit am 14. November 1933 // Ernst Kantorowicz. Erträge der Doppeltagung Institute for Advanced Study... S. 79.*

⁵⁷ Цит. по: *Grünwald E. Ernst Kantorowicz und Stefan George... S. 126.* Штефан Георге не получил это письмо, он умер в Швейцарии, близ Локарно 3 декабря 1933 г.

оборонительным рубежом в борьбе интеллектуальной элиты с пресловутым «восстанием масс».

В своей лекции Канторович не дает исчерпывающего описания того, что он называет «тайной Германией», да это, по его словам, и невозможно, так как для этого нужно быть, по меньшей мере, Данте. Обращение к Данте не случайно, ведь созданный им образ *humana civilitas*, по мнению немецкого историка, является одной из многочисленных эманаций «тайной Германии», к которым он причисляет мир олимпийских богов и героев древней Греции, а также *civitas Dei* ранних христиан.

«Это тайное сообщество поэтов и сирот, героев и святых, жертвователей и жертв, которые породили Германию и принесли себя ей в жертву... сообщество тех, которые хотя иногда и казались чужими, все же одни создали настоящий облик немцев»⁵⁸.

Главными лицами, составляющими ядро «тайной Германии», являются культурные герои немецкого прошлого: Винкельман, Гете, Шиллер, Гельдерлин, Ницше и, конечно же, Герге. Помимо вышеназванных лиц к «тайной Германии» принадлежали также герои других стран и народов: Цезарь, Наполеон, Шекспир и Данте. Все названные фигуры должны быть причислены к культурной нации, стоящей над историей. Они символизировали для немецкого историка духовное ядро Германии и Европы вне государственных и национальных границ, составлявшее культурное единство континента.

«Тайная Германия» Канторовича «несет в себе сущность всей Европы и средиземноморских стран, насколько они имеют германское происхождение... как раз это повышает, а не понижает чудовищную обязанность индивидуума справедливо относиться к настоящему портрету немца... как раз это составляет мировую плодovitость Германии». Но в то же время этот тайный рейх не имеет ничего общего с космополитичным представлением о мире, напротив, в нем «заключено внутреннее сущностное ядро нации, и кто его однажды увидит, несет перед ней обязанность, как солдат перед флагом»⁵⁹.

Очевидно, что «тайная Германия» Канторовича имеет так же мало общего с реальностью, как и «Монархия» Данте. Это такой мифический рейх, пишет в заключение немецкий историк, «который одновременно здесь и не здесь, одновременно вечный и преходящий, он всегда будет формировать лучших из подрастающей Германии в своем духе»⁶⁰. Скорее всего, ее

⁵⁸ *Kantorowicz E. Das Geheime Deutschland... S. 80.*

⁵⁹ *Kantorowicz E. Das Geheime Deutschland... S. 88.*

⁶⁰ *Ibid. S. 91.*

нужно понимать как некий художественный утопический образ, благодаря величественным формам которого история становится источником жизненных сил для настоящего.

Уже 11 декабря 1933 г. Канторович вынужден был прервать свои лекции: причиной тому послужил бойкот, предпринятый со стороны фашистски настроенных студентов. На все просьбы и жалобы Канторовича в адрес ректора Э. Крика никакой реакции не последовало, хотя окончательно расстаться с университетом историку пришлось лишь осенью следующего года, когда после смерти президента Гинденбурга был принят «закон о присяге чиновников и солдат Вермахта» (20 августа 1934 г.), Канторович, отказавшись приносить присягу «фюреру Германского рейха и немецкого народа Адольфу Гитлеру», был вынужден уволиться из университета – он так и не стал «слугой двух государств»⁶¹.

На следующие четыре года историк обосновался в Берлине, где ему была предоставлена возможность работать в Monumentae Germania Historica: с 1934 по 1938 гг. он посетил Италию, Францию, Бельгию, Англию, собирая архивные материалы, касающиеся духовной истории Европы XIII века. Существует масса предположений относительно того, почему он не покинул Германию, а постоянно возвращался обратно. Обращают внимание на его привязанность к престарелой матери и больной сестре, на его сомнения в знании английского, на сложности заграничной жизни. По-видимому, объяснение нужно искать в чем-то ином. Если мы обратимся к дневникам Виктора Клемперера, также немецкого профессора еврейского происхождения, то заметим поразительное сходство в объяснении мотивов своих поступков⁶². Здесь – те же сетования на слабое здоровье, отсутствие навыков английской речи, боязнь предстоящих трудностей. Но эти «трудности» были несравнимы с тем, что обрушилось на них в Германии, которую они не хотели покидать. Они согласны были терпеть ежедневные нападки со стороны властей и на бытовом уровне, что, в принципе, рационально понять невозможно. Именно отсюда проистекают трафаретные фразы, призванные, скорее, не объяснить, а скрыть истинные причины подобного поведения. И, несмотря на все сходство в своей основе, причи-

⁶¹ Fried J. Einleitung // Kantorowicz E. Götter in Uniform: Studien zur Entwicklung des abendländischen Königtums / Hrsg. von E. Grünewald, U. Raulf. Stuttgart, 1999. S. 31.

⁶² Клемперер В. Свидетельствовать до конца: Из дневников 1933–1945. М., 1998.

ны отказа от эмиграции были все-таки сугубо личными и совершенно особенными. Друзья историка сообщают, что им стоило больших трудов убедить его подать прошение о получении английской визы: он воспринимал это как предательство. В конце концов, благодаря своим английским и американским друзьям, но, прежде всего, графу А. Берншторфу⁶³, в ноябре 1938 г. ему удалось получить английскую визу и через Голландию оказаться сперва в Англии, а в начале 1939 г. в США⁶⁴.

В Америке Канторович продолжил миссию Георге и сохранил верность идеалу «тайной Германии». На сей раз этот образ стал инструментом осмысления и преодоления ближайшего прошлого и эмигрантского настоящего⁶⁵. Главным итогом переживаний по поводу утраты современным государством прежних идеалов и невозможности их воплощения стала книга «Два тела короля», в которой Канторович рассматривает сакральные корни политической власти.

В отличие от германского периода жизни, когда он еще надеялся на осуществление своих замыслов, что называется, в глобальном масштабе, в Америке оставалось только одно – сохранить верность своим идеалам. И в качестве лучшего подтверждения этому всего один штрих – последний штрих к портрету Канторовича. Весной 1947 г. в США начала проводиться печально знаменитая политика, направленная на искоренение коммунистических представлений в послевоенном общественном сознании Америки, связанная с именем сенатора Маккарти. Одним из ее проявлений стала проверка государственных служащих на лояльность к правительству своей страны в форме присяги. Канторович, преподавая тогда в университете г. Беркли (Калифорния), отказался от присяги, как некогда в Германии, предпочтя увольнение и переезд в Принстон⁶⁶. В обращении к

⁶³ Граф А. Берншторф (1890–1945) был известен своей помощью немецким евреям, за что был отправлен в концлагерь, где и погиб в апреле 1945 г.

⁶⁴ Grünwald E. Ernst Kantorowicz und Stefan George... S. 146–148.

⁶⁵ В своих мемуарах английский филолог С.-М. Боура (1898–1971) сообщает, что Канторович в Америке «имел привычку часто говорить о том, что он называл "тайная Германия", на немецком это было многозначительно, а на английском едва ли являлось понятным». – Цит. по: Schiller K. Gelehrte Gegenwelten. Über humanistische Leitbilder im 20. Jahrhundert. Frankfurt am Main, 2000. S. 58.

⁶⁶ Об американских годах жизни Канторовича смотри беседу Э. Грюневальда с профессором Калифорнийского университета

Сенату университета он излагает причины своего отказа и разворачивает целую теорию, наполненную сакральным смыслом.

«Есть три профессии, которые выделяются мантией: судья, священник, ученый. Это одеяние олицетворяет духовную зрелость своего обладателя, независимость его мнения и непосредственную ответственность перед совестью и Богом. Мантия означает внутренний суверенитет этих трех связанных друг с другом профессий. И худшее, что для них могло бы быть, – это работать в условиях давления и повиноваться ему»⁶⁷.

Наука для Канторовича – это «сакральное тело», обладавшее всеми признаками святости. Ее можно сравнить с совестью для судьи и богослужением для священника. В понимании Канторовича, наука становится одновременно и профессией и божественным призванием (*Beruf*). Таким образом, напряжение, присущее немецкой идее гуманистического образования, о котором говорилось выше, исчезло. Противоречия между Георге и Вебером, казавшиеся ранее непреодолимыми, были сняты. Несмотря на свои консервативные и антиреспубликанские взгляды 1920-30-х годов, сформировавшиеся во многом под влиянием Первой мировой войны, Канторович сумел своей жизнью продемонстрировать верность идеалам гуманистического образования, оставаясь, несмотря ни на какие трудности, служителем науки, направленной на духовное совершенствование человека.

Возможны и другие варианты прочтения биографии Эрнста Канторовича, в том числе и психоаналитические, тем более, если они опираются на реальный материал, пусть и противоречивый, но все-таки объективный. И у каждого из прочтений будет свой читатель⁶⁸. Ведь не только биографическое, а всякое историческое произведение несет в себе черты своего автора, стремясь в идеале стать автобиографией.

(г. Лос-Анджелес) Р.Л. Бенсоном: "Aber wer riskiert schon, brotlos zu werden? Nur mutige Leute". – Eckhart Grünewald im Gespräch mit Robert L. Benson // *Kantorowicz E. Götter in Uniform...* S. 349–368.

⁶⁷ Цит. по: *Boureau A. Kantorowicz: Geschichten eines Historikers.* Stuttgart, 1992. S. 115–116.

⁶⁸ Нашла же своего читателя книга Кантора, представившая Канторовича идеальным вариантом нацистского ученого, единственным недостатком которого было его еврейское происхождение. – *Cantor N. Inventing the Middle Ages. The Lives, Works, and Ideas of the Great Medievalists of the Twentieth Century.* N.Y., 1991. P. 95.

Г.В. Макарова

«КАЗУС МАРКИЗА ПОЗЫ»:
ГУСТАВ ГРЮНДГЕНС НА СЦЕНЕ
И В ВЕДОМСТВЕ ЙОЗЕФА ГЕББЕЛЬСА

... Колесу

Судеб всемирных, что в неудержимом
Круженьи мчится, противостоять,
Рукою смертной ухватясь за спицы...

(Шиллер, «Дон Карлос»)

В Германии во все времена (пример Гете – самый яркий и убедительный) музыканты и поэты, художники и философы намеревались доказать властям, земным и небесным, их убогость и не-пребывание на высотах духа, и одновременно стремились в эту власть войти, встать рядом с властью имущими, нечто тем самым доказать и что-то в жизни исправить. Разочарование наступало всегда, и оказывалось тем острее, чем радужнее и амбициознее были надежды. Власть манила, обещала и обманывала и не имело значения, будь то герцог Саксон-Веймарский, Отто Бисмарк, либерально настроенный Эберт или, как в случае Густава Грюндгенса, Гитлер и Геринг. Утопия воспитания правителей всегда была чревата антиутопией. И прощальные слова шиллеровского маркиза Позы: «(раздается выстрел) Карлос. Ах! В кого же это? Маркиз Поза. Мне кажется, в меня (падает)»¹ – предупреждение и констатация. Власть имущие нуждались в служителях духа и поэзии; люди искусств, избранники богов призваны были возвышать и одухотворять тех, кто вроде бы в этом и не нуждался. Но, как стало очевидно еще в античные времена, очень всерьез нуждался, художник, поэт повышал авторитет в глазах подданных правителей всех мастей и уровней, вступая с ними в отношения нужные власти и в итоге (почти всегда) губительные для художника. Быть поводырем толпы, духовным вождем под руководством властителя, облаченного реальной властью, не смог никто из великих служителей духа и поэзии. Власть умела мстить, если у нее отнимали или только хотели – часто

¹ Фридрих Шиллер. Собр. соч. в 8-ми тт. М., 1937. Т. III. С. 246.

невольно – отнять часть функций и прерогатив. Но это – последствия, а начало альянса удовлетворяло и даже радовало обе стороны. Особенно в Германии, так как кроме всего прочего союз поэта, интеллигента, художника, музыканта и – дальше по списку: императора, канцлера, фюрера – служил идее единства нации, приближая его осуществление и утверждая *post factum*.

Фридрих Великий призывал Вольтера, и советники Гитлера об этом помнили. Служители духа и культуры Германии, в XX веке востребованные властью, платили за это либо жизнью, либо запоздалым искуплением – как Густав Грюндгенс, либо дурной памятью потомков, как Иоганнес Бехер или Фридрих Вольф, уже за поддержку «реального социализма» в ГДР. Коллизия «художник и власть» существующая даже при самых либеральных режимах, в государствах репрессивных обостряется неизбежно и губительно.

Судьба крупнейшего актера немецкоязычного мира Густава Грюндгенса тому подтверждением.

Грюндгенс родился в один из последних дней декабря 1899 года. Начинался новый век. Родители Грюндгенса, дюссельдорфские бюргеры, почитали себя патрициями, наподобие Будденброков Томаса Манна. И, подобно тем, не хотели, чтобы сын избрал «богемную» профессию – в этом виделось нарушение семейных традиций, подтачивание устоев, знак отторжения. Но сын с ранних лет обладал характером волевым и поступал (привык поступать) так, как решил.

В Дюссельдорфе с рубежа XIX–XX вв. существовала одна из лучших театральных школ германского мира под руководством Луизы Дюмон. Трудно сказать, как повлияли на дальнейшую театральную судьбу Густава Грюндгенса годы учения в Дюссельдорфе, что он усвоил из уроков актерского мастерства. С уверенностью можно утверждать лишь одно (сам Грюндгенс впоследствии не устает об этом напоминать): в символистских склонностях своей первой учительницы ему оказалась близкой идея управляемости мира некоей высшей волей, привлекало увлечение мотивами марионетки, идущими от романтиков, – и в мистифицированном, и в прозаически-ремесленном варианте. Много позже, в грюндгенсовской коронной роли Мефистофеля эти интересы будут реализованы сполна.

До поступления в гамбургский Каммершпиле (1923 г.) Грюндгенс пережил все превратности судьбы актера провинци-

альных трупп. Он играл все, что предлагали. Классику и современную драму, немецкую и переводную, из вечера в вечер, а порой по два-три спектакля в день. Уже потом был Камерный театр, а во второй половине 20-х годов – выступления на сценах кабаре, переживавших в Веймарской республике второе рождение. На кабаретных сценах Грюндгенс примеривался к своим будущим большим ролям: Мефистофелю, Гамлету, Ричарду II, Валленштейну. Гамбургские кабаре отличались «укрощенной левизной», здесь критиковали современные порядки скорее с позиций просвещенного бюргерства, чем левого фронта: недаром одной из участниц, кабаретных представлений была дочь Томаса Манна Эрика. В коротких сценках наличествовало презрение к властям, не отличавшимся духовностью и интеллектом, и – параллельно – к толпе, к массе, совсем недавно почти боготворимой левыми экспрессионистами и активистами, бывшими участниками группы «Штурм». Толпа, «серые колонны», сборище «каждых», тех, кто собирался вечерами в пивных залах и с одинаковым энтузиазмом вторил как политическим куплетам, так и непристойным песенкам. Молодые кабаретисты, Грюндгенс в том числе, не то чтобы культивировали в себе некий комплекс избранничества, но от высокомерия избавиться не сумели. Спектакли демонстрировали критический взгляд на реальность с оттенками эзотерики. Однако последующую судьбу Грюндгенса его гамбургские годы никак не предсказывали.

Тогда же, во второй половине 20-х годов, когда Густав Грюндгенс появился в Берлине, руководитель лучшей берлинской сцены (Дойчес-театр) Макс Рейнхардт искал нового героя. Он наблюдал за Грюндгенсом, но так его и не понял, увидев в молодом гамбургском актере черты чуждой ему генерации – тип личности, полной недобрых тайн. Рейнхардта настораживала воспаленная жажда самоутверждения молодого актера, который был одержим комплексом собственной исключительности и культивировал в себе черты изысканной светскости и всеобъемлющего демонизма. Такими были в его исполнении персонажи пьес Золя и Бурже, таким предстával и он сам, демонстрируя в салоне на Курфюрстдамме дьявольскую загадочность и непреклонную волю. Ему был дан большой талант, дар лицедейства и власти над публикой.

В Дойчес-театр Грюндгенс не прижился, хотя и сыграл несколько ярких ролей. Преимущественно несколько салонных демонов, терзаемых маниями и терзавших других. Известность пришла после того, как он снялся в нашумевшем фильме Фри-

ца Ланга «М», полном предчувствий и мрачных предсказаний, пророчивших эру немотивированных и безнаказанных убийств. Картина Ланга вышла на экран в 1931 г. – Грюндгенс уже работал в Берлинском государственном театре, играл сравнительно мало, пробовал свои силы в режиссуре на сцене Берлинской оперы. Но его время еще не пришло. Судьба готовила ему сомнительный, но щедрый подарок – Грюндгенс стал первым актером и театральным деятелем Третьего рейха, возглавив Имперскую театральную палату и главный театр, патронируемый самим Герингом. Актер получил чин государственного советника и должность генерального интенданта городских театров.

Альянс с властями Третьего рейха готовился долго, а случился неожиданно. Смену власти в конце января 1933 года Грюндгенс как будто и не заметил, он участвовал в съемках за границей и вернулся весной в другое государство. Театр, в котором он работал возглавляли уже другие люди. Бывший генеральный интендант Леопольд Йесснер по причине нарийского происхождения (он был остзейским евреем) покинул и свой пост, и вскоре – Германию. До отъезда Грюндгенс, в числе четырех актеров Государственного театра, предназначался на роль Мефистофеля. Но он долго отсутствовал, и новые интенданты заявили ему, что театр больше в нем не нуждается. Позже сам Грюндгенс изложил этот сюжет без комментариев «... мне сообщили, что мой договор больше не действителен, что я нежелателен и роль, которая гарантировалась мне по договору, не вписывается в замысел, обновившийся пока я отсутствовал»².

Далее ситуация развивалась почти как в авантюрном романе, будто не наступили для Германии тяжелые времена, не было «недели победившего народа» и не готовились «Нюрнбергские расовые законы». В один из вечеров Грюндгенс познакомился с Германом Герингом, а чуть позже актера в качестве приятеля и конфиденца избрала Эмми Зоннеман, сначала официальная любовница, а потом законная жена Геринга. Геринг был назначен Гитлером руководителем правительства (министром-президентом) накануне возвращения Грюндгенса со съемок. Эмми Зоннеман не отличалась выдающимися актерскими способностями и в труппу государственного театра, с очень сильным актерским составом, она попала только благодаря своему покровителю.

² Цит. по: Theater heute. 1981. № 4. S. 52.

Один из интендантов театра Ганс Йост не любил Грюндгенса с начала 20-х годов, когда начинающий актер будто бы покритиковал драму Йоста «Одинокий»³ за истерику. Теперь бывшему экспрессионисту покровительствовали на самом верху, так как он успел написать пропагандистскую драму «Шлагетер»⁴. Но, несмотря на неприязнь Йоста, Геринг заинтересовался Грюндгенсом и они, как писал актер в своих воспоминаниях, вели беседы о трактовке роли Мефистофеля⁵.

Как премьер-министр Геринг стал шефом Государственного театра, который вскоре переименовали в Прусский Императорский. В отличие от многих служителей духа и поэзии, Грюндгенс никогда и нигде не заявлял о своих симпатиях к нацистским вождям и не восхищался доктринами и программами Третьего рейха, как Герхарт Гауптман в первые годы нацизма, как Мартин Хайдеггер, чья реплика о красивых руках Гитлера сыграла свою роль в его репутации и судьбе. Однако карьера Грюндгенса в Третьем рейхе развивалась блестяще – и по сей день в этом взлете, в этом союзе много неразрешимых загадок.

Кажется, известны уже все архивные документы, частные свидетельства и политические суждения, высказывания коллег и «лепет оправдания» разного рода... Но какие-то фрагменты и коллизии пребывания актера Грюндгенса в высших эшелонах нацистского государства так и остались необъясненными. Сам Грюндгенс пишет о продвижениях и назначениях бегло, в духе газетной хроники. Его близкие и биографы повторяли и повторяют сказанное им самим, а в известном и нашумевшем в свое время романе Клауса Манна «Мефистофель» (1935 г.) очень много отступлений от правды, невольных (Клаус Манн жил в эмиграции и многого не мог знать) и намеренных (книга стала своеобразной формой мести за окончившийся полным крахом брак Грюндгенса с сестрой Клауса Эрикой).

³ Драма Йоста «Одинокий» (1917–18 г.) посвящена немецкому поэту Дитриху Граббе. Судьба непризнанного гения трактована с экспрессионистских позиций. Характерно, что Йоста критиковал и Бертольт Брехт.

⁴ Пьеса была посвящена историческому персонажу, но фамилия – говорящая и приблизительно ее можно перевести как «Готовый к борьбе, к бою». Альберт Лео Шлагетер, участник первых выступлений сторонников Гитлера, в 1923 г. был расстрелян французскими оккупационными войсками в Руре за саботаж. Нацисты почитали его наряду с Хорстом Весселем как великую кровавую жертву в борьбе за правое дело.

⁵ Theater heute. 1981. № 4. S. 53

Так что и позднейшим исследованиям суждено нащупать лишь некоторые психологические, укорененные в самой личности актера причины союза с нацизмом, и остается только догадываться о причинах трудно поддающейся истолкованию снисходительности репрессивного режима к Густаву Грюндгенсу, нарушавшему закон без вызова, но постоянно.

После случайной (?) беседы с Герингом в апреле 1933 года договор с Грюндгенсом был возобновлен, а Йосту, по некоторым свидетельствам, точно не подтвержденным, дали понять, что этот «нежелательный» актер может стать его преемником на посту интенданта. Грюндгенс снова приступил к прерванным из-за съемок репетициям «Фауста» Гете. Вернулся он и к другим своим ролям в репертуаре Государственного театра.

Вокруг имени Гете (еще при жизни) возникали споры и теории, создавались доктрины, порой имеющие к литературе и театру косвенное отношение. Любому режиму, даже самой циничной и лицемерной пропаганде необходимо оправдание и подтверждение высокими примерами, требуется некая индульгенция культуры и духовности. С самого начала XX столетия гетевский «Фауст» стал восприниматься и оцениваться не только как великое художественное произведение германского гения, но и как национальный миф, наподобие мифа о Нибелунгах. Для Освальда Шпенглера фаустовское начало – сама суть европейского духа, а «закат Европы» – это трансформация фаустовской культуры и, в конечном итоге, гибель, уход в небытие, неизбежный и неотвратимый. В начале 20-х годов со всей безапелляционностью было заявлено, что Фауст отнюдь не «вечный образ». Его время истекло так же, как и время Гете, ознаменовавшего, по мнению Шпенглера, немецкий ренессанс. Парадоксальным образом, Шпенглер расходится с нацистскими идеологами, которым сочувствовал: задолго до прихода к власти Геббельс не уставал повторять, что Фауст и Гете должны помочь сражаться за новый порядок в Германии.

Учитывая пиетет немецкой нации по отношению к культуре, нацистские власти с самого первого дня своего правления стремились получить своего рода «культурную индульгенцию». Начало гитлеровской эры совпало с несколькими юбилейными датами – те, что уже миновали, тоже были взяты на вооружение.

В феврале 1933 года исполнилось полвека со дня смерти Рихарда Вагнера, а в 1932 г. отмечалось еще два юбилея: 100 лет со дня смерти Гете и 70-летие Гауптмана – эти празднества решено было продлить. Кроме умерших классиков нужны были

живые – юбилей Гауптмана оказался как нельзя более кстати. Вслед за Гауптманом, Густав Грюндгенс тоже оказался необходимым гитлеровским властям. Герман Геринг увидел в этом актере, известном своими экстравагантными поступками, капризном и неуступчивом, честолюбивом до крайности и эгоистичном, пока ничем особенно не прославившемся, – будущего первого актера нации, способного представлять от имени служителей Мельпомены во власти. В Германии и за ее пределами распространялась фотография Герхарда Гауптмана в ложе с Гитлером, с Герингом и фон Рибентропом на юбилейном вагнеровском концерте, и снимки Грюндгенса на приеме у Геринга.

Гетевский спектакль с участием актера, которому покровительствовал Геринг, должен был стать еще одним подтверждением высоких культурных и духовных устремлений новой власти в Германии. Грюндгенс подготовил роль Мефистофеля очень быстро и снискал всеобщее признание. Геринг – сначала в частных разговорах, а потом и публично – называл Грюндгенса первым актером Германии. Честолюбие было удовлетворено.

Начало грюндгенсовской карьеры при нацистах было омрачено трагическим эпизодом с актером Хансом Отто, который пришел в Государственный театр одновременно с Грюндгенсом и стал главным молодым героем практически во всех постановках классики. Обстановка в театре в начале 30-х годов была неспокойной. Выясняя, кто с кем и за кого, актеры создавали различные группировки. Образовалась группа сторонников нацистов под предводительством Файта Харлана (в скором времени он снимет постыдную антисемитскую ленту «Еврей Зюсс»). Грюндгенс в политические споры старался не втягиваться, но самой своей личностью создавал вокруг себя поле напряжения. Существовали и внутритеатральные сложности: антитрадиционалист Йесснер не мог предвидеть и не хотел понять, что присутствие в театре трех молодых актеров, претендующих на первые роли (кроме Грюндгенса и Отто, в труппе работал Бернхард Минетти) обостряет борьбу самолюбий. Грюндгенс чувствовал себя ущемленным, часто уезжал на съемки, а Отто работал. За три с небольшим сезона он сыграл полтора десятка ролей.

Накануне рождественских праздников 1933 года Грюндгенс узнал, что Отто арестован. Попытки его спасти ни к чему не привели. Сотоварища Грюндгенса по сцене (как выяснилось, подпольщика-антифашиста) нацисты мучили десять дней, потом перевели из камеры в тюремную больницу, но Отто не выжил, и было инсценировано самоубийство.

Грюндгенс был подавлен непривычным ему сознанием собственного бессилия. Эти настроения впоследствии отозвались в его творчестве причудливым образом: все его персонажи, даже в легких салонных комедиях Бара и Шницлера, были одержимы стремлением властвовать и всех покорять, подчинять своей непреклонной воле, которой не поставлено преград. В грюндгенсовских героях всегда ощущался масштаб актерской личности, энергия действия, бесспорная избранность. Эти избранники никогда не становились жертвами, вопреки национальной традиции, – даже если они и умирали, то умирали победителями.

В актерском, а впоследствии и в режиссерском стиле Грюндгенса монументализм неоклассицистского толка причудливо, но органично сочетался с экспрессионистской иступленностью, с романтическим комплексом избранника ада и небес, и еще – с неотделимым от актерской природы (во все времена и на всех континентах) стремлением очаровывать, даже обольщать публику, ловить души, затягивать в тенета – дразнить обаянием.

Правота и право сильного поэтизировались актером, окрашиваясь мифологически, адресуя не только к романтизму, а в глубь правремен, в морок недобрых и страшных германских сказок. Учитывая склонность нацистов к мистике и мифологии, можно предположить, что в Грюндгенсе они увидели то ли олицетворение, то ли *lebengies Vorbild* своих «мифов XX века». Недаром «holding»-теории (*Held* – герой), полубредовые картины новой арийской космогонии тоже ориентировались на темные, древние мифы, на варварские правремена. Мефистофель Грюндгенса как раз и явился из этих незапамятных времен, лишь приняв облик припозднившегося аристократа. Гетевский черт был существом сильным, отличавшимся от всех, поистине он пришел из иного мира. Грюндгенсовский дьявол вызывал и апокрифические, и ортодоксально протестантские ассоциации. Он пришел в мир людей со своей целью – покорять и властвовать, пришел надолго, навсегда. Он подчинял всех и каждого своей воле, управлял судьбами и пугал обывателей. Чем не двойник властителя Третьего рейха? Олицетворенное зло, заполнившее собой мир и не имевшее альтернативы, следовательно – уже и не зло, а нечто иное, некий новый идеал, опять же «живой пример».

И казалось, что власть на сцене, в спектакле, власть над персонажами (в одном из эпизодов Мефистофель крутил Фауста в руках, как тряпичную куклу) хорошо было бы подкрепить властью реальной, явить публике актера в государственной должности. Спустя ровно год после событий января 33-го Ге-

ринг позвонил Грюндгенсу и предложил возглавить Государственный театр, ибо прежние руководители, как пояснил министр и патрон театра, не справились со своими обязанностями.

В воспоминаниях Грюндгенс настаивает, что до этого разговора он видел Геринга всего несколько раз и никаких личных контактов между ними не было, а считать, что на своего друга повлияла Эмми Зоннеманн, скорее всего, неверно. Когда власть в театре стала реальностью, Грюндгенс засомневался, будто предвидел, что за этим щедрым подарком последуют другие, не менее щедрые и трудно объяснимые. Грюндгенс нигде не оговаривается, что его долгие (четырёхнедельные) размышления объясняются нежеланием служить власти, которая уже скомпрометировала себя многими акциями. Он же трактует собственные колебания, несколько лукавя, напоминая о том, что не готов к такой высокой должности. Нет, по складу своей натуры, по самооценке он был безусловно готов. Послевоенные биографы в качестве стимула называют «казус маркиза Позы». Договор шиллеровского героя с королем стал в Германии оцениваться как характерная коллизия, драматическая, но, вопреки всему, привлекательная для тех, кто хочет исправить положение вещей за счет помощи хотя бы немногим. Густав Грюндгенс пережил этот казус сполна.

Геринг настаивал, чтобы «Фауст» как можно дольше сохранялся в репертуаре, вел с Грюндгенсом беседы по поводу интерпретации его роли и высказал предложение: в следующем сезоне 1933–34 г. нужно внести режиссерские коррективы в постановку, и было бы лучше, если бы в афише в качестве режиссера «Фауста» (обеих частей) значился Густав Грюндгенс, так как у Линдемана (постановщика спектакля) обнаружилась неарийская кровь и его дальнейшее присутствие в Имперском театре нежелательно. Линдеман уехал в Дюссельдорф и остался невредим (не без помощи Грюндгенса). Новый режиссер мало что изменил во второй части, значительно переосмыслив первую, сменив порядок эпизодов, перестроил мизансцены, доведя до почти конструктивистского лаконизма оформление, одновременно используя мотивы готической графики.

После публикации в «Тэглихе Рундшау» высказываний доктора Геббельса «о театральном вопросе», Геринг занялся обновлением репертуара патронируемого театра и публично заявил, что «Фауст» – истинная драма, созданная немецким гением, высшее проявление германского духа. А Гете – первый и на все времена национальный драматург и поэтому, несмот-

ря на то, что юбилейная дата уже в прошлом, дань уважения подлинно арийскому классику следует отдавать всегда – юбилей отмечать каждый год: и дату рождения в августе, и дату смерти в марте. Через два года после торжеств, посвященных столетию гетевской кончины, в марте 1934 г. предполагалось показать обновленную версию обеих частей «Фауста», где Грюндгенс бы царил и властвовал.

И снова вокруг этого нового «Фауста», появившегося не во времена республики, а на сцене Третьего рейха, загадка громоздится на загадку, культивируется легенда и с трудом высвечивается истина. Почему трактовка роли Мефистофеля привела Геринга в восторг и он счел гетевский спектакль главным пропагандистским козырем в нацистской культурной политике? Почему первый министр прусского правительства, шеф театра, откуда был изгнан Йесснер, стал во всем поддерживать Грюндгенса, а Ганс Йост за его недоверие к Грюндгенсу вскоре оказался отстраненным от интендантской должности? Почему никто не сообщил куда следует (либо сообщил, но на это не обратили внимания), что Грюндгенс с первых дней возвращения в Берлин устроил в театре перевалочный пункт для актеров-эмигрантов и спас жизнь многим неарийцам и членам КПГ, в том числе и Эрнсту Бушу? Почему на постоянно муssiруемые разговоры и сплетни о грюндгенсовском гомозротизме тоже никак никто не прореагировал, а когда Грюндгенс сам об этом заговорил, его повысили в должности?.. Вопросы, вопросы – пока остающиеся без ответов.

Несколько дней спустя после телефонного звонка Геринга произошло еще одно странное событие. Случайно принятие жестокого закона о сексуальных меньшинствах совпало с приглашением Грюндгенса на торжественный прием к Герингу, и Грюндгенс написал генеральному интенданту Берлинских театров письмо с отказом придти. Письмо длинное и запутанное – смысл сводился к тому, что Грюндгенс просил разрешить ему вообще отойти от дел, уйти в отставку, ибо тридцати пяти лет от роду устал, сознает груз ответственности и хочет заняться самосовершенствованием...⁶

Вероятно, между строк Грюндгенс все же отождествлял себя с группой людей, которые по новому закону должны были быть изгнаны из общества или уничтожены. Но между строк ни Титьен (интендант государственных театров до Грюндгенса), ни

⁶ Gründgens G. Briefe. Aufsätze. München, 1969.

сам Геринг читать не захотели. А несколько позже в судьбу Грюндгенса вмешался еще один персонаж – министр пропаганды Йозеф Геббельс, призвав актера на государственную службу, во власть. Пока же, на посту интенданта, Грюндгенс в облике дьявола дарил публике приобщенность к собственному гению и избранничеству, – не просто играл роль, а сотворял новую мистерию самоутверждения. И – парадокс – играя черта, претендовал на богоподобие и творил он не во славу власть предержащих, не во имя Бога и дьявола, а ради себя.

Сотворить мистерию, а не трагедию, на основании второй части «Фауста», представлялось будто бы само собой разумеющимся – последнее творение Гете задумано и выполнено как всеобъемлющая мистерия (от Элевсина до Голгофы). Так что Грюндгенс не позволял себе радикальных режиссерских трактовок, а возвращался непосредственно к гетевскому замыслу. В мистериальном мире, в пространстве не лицедейства и театрального ремесла, а космоса и вечности, трагический Фауст оказывался неуместным, был не ко двору. Своеобразному мистериальному эпосу нужен был иной персонаж. И Краус (исполнитель роли Фауста) потеснился, вернее его потеснил новый постановщик и новый Мефистофель. Сам Грюндгенс не воспринимал сцену как площадку для игры, где правят, подобно Краусу, ремесло, да еще этим упиваются. Сцена превращалась в проекцию сознания постановщика и героя, расширялась до вселенского масштаба. На сцене мистерии творился новый миф, отнюдь не соответствовавший «мифу XX века» Альфреда Розенберга, а вполне индивидуальный, собственно грюндгенсовский: в этом мифе и, стало быть, в стиле, причудливо сочеталась эстетика архитектуры бисмарковских времен с одухотворенностью и величием готики, гетевская жажда «высокого порядка» с романтической всеобъемлющей иронией. Только требуется поправка: актеру следовало заразить публику иллюзией, что в сотворении этого самого «высокого порядка» он руководствуется лишь собственной волей.

Итак, на театральной сцене власть над другими была обрета, торжество личной воли реализовано. Но власть над коллегами, партнерами по сцене, Грюндгенс обрел и в действительности. Он стал руководителем Имперской театральной палаты и советником по вопросам театра и культуры верховной канцелярии Третьего рейха. И долго оставался на своих постах, не протестуя, не саботируя, но всегда слушаясь лишь самого себя, руководствуясь собственной волей. Ему редко возражали, и он

многое сумел сделать... В марте 1933 года в рамках общекультурной программы новых властей был создан Театр Еврейского культурного союза (именно здесь и только здесь могли выступать актеры-неарийцы). В 1938 г., когда ужесточились расовые законы, лишь вмешательство Грюндгенса спасло актеров и руководителя театра Ф. Вистена. Но увы, в 1941 г., после начала войны с СССР, Грюндгенс уже ничего не смог сделать: театр был закрыт, а Вистен попал в концлагерь.

Сознание собственного бессилия все чаще посещало первого актера рейха. Невозможно было забыть историю с Гансом Отто, тем более, что в романе Клауса Манна, то ли по незнанию, то ли сознательно, в образе главного персонажа были соединены два актера, оставшихся в Германии при Гитлере: Грюндгенс и Г. Георге. Это понимали и современники и потомки, все, кроме самого Клауса Манна. Оба актера не смогли помочь Отто. И если в известном письме Брехта⁷ вина полностью возлагалась на Георге, то в романе во всех грехах обвинялся Грюндгенс. После войны в ФРГ проходил запутанный процесс – адвокаты Грюндгенса требовали запретить роман, но постепенно дело заглохло: и адвокаты, и ответчики посчитали, что новое поколение уже никого и ни с кем не отождествляет, и изложенное в романе не может никого травмировать. Действительно, когда в 1981 г. появилась экранизация романа с Клаусом Брандауэром в главной роли (реж. И. Сабо), о Грюндгенсе почти и не вспоминали – персонаж воспринимался как собирательный образ интеллигента, променявшего душу на карьеру в нацистском государстве.

Несмотря на сценические успехи – и в роли Гамлета, и в роли Ричарда II, вопреки хвалебным статьям и пребыванию во власти, Грюндгенс с середины 30-х годов испытывает постоянный душевный разлад. Сомнения и чувство бессилия он стремился подавить и укротить по-разному. То он ехал в действующую армию и произносил сомнительные речи во славу солдат рейха, то превращал всех своих персонажей в театре и в кинематографе (от Меттерниха до Наполеона или сниженный вариант таких же кукловодов в экранизациях Скриба и Уайльда) в повелителей толпы. Популярные в массах и поощряемые в верхах (как форма и средство пропаганды) легенды и притчи оккультного характера о визионерах и гипнотизерах превращались у Грюндгенса в полную энергии, вдохновенную

⁷ Бертольт Брехт. Открытое письмо актеру Генриху Георге // Театр. 5/2. М., 1965. С. 62–64.

сагу, и – увы, – в новый национальный эпос, в центре которого стоял властитель мира, великий и одинокий избранник. Сага трансформировалась в исповедь, но этого не замечали, притча работала на пропаганду – и Геринг, и Геббельс порой оспаривали друг у друга честь «открытия Грюндгенса». Сыграв шекспировского Гамлета, Грюндгенс выразил свое отношение к тем, с кем приходилось сталкиваться в коридорах власти. Но этого опять не заметили, либо не захотели замечать. Клаус Манн в своем романе описывает неудачу Хенрика Хефгена в роли Гамлета, прогнозируя провал еще несыгранной роли. Грюндгенс вышел на сцену Датским принцем в 1936-м – год спустя после написания романа «Мефистофель». И роль была удачей – у Грюндгенса вообще не было актерских провалов.

Гамлет Грюндгенса видел честолюбивые сны, грезил о безграничной свободе действий, был одержим идеей восстановления порядка, разрушенного выскочкой Клавдием. Шекспировский герой призван был возродить утраченный образец, поруганную плебеями идею. Гамлета-Грюндгенса приводило в ярость даже не то, что Клавдий – убийца и узурпатор, а то, что брат погибшего короля не дотянул до нужного масштаба, посмел вести себя как избранник судьбы, таковым не являясь. В игре Грюндгенса, в его властных надменных интонациях, в его высокомерии сквозило отвращение элиты к черни. Более всего Гамлета терзало то, что он вынужден существовать и осуществлять свое предназначение и судьбу среди невежественных подонков. Этот Гамлет стал почти автобиографичным – под знаком черни и плебеев легко увидеть окружение, которое актер добровольно избрал, и которое его тяготило и раздражало. Губы актера брезгливо кривились, светло-голубые глаза темнели от гнева, голос срывался и грубел от негодования. Действительно, этому Гамлету приходилось иметь дело с холуйствующим Полонием, с туповатым Лаэртом, с подхалимами, лгунами и прелюбодеями. А самому Грюндгенсу? С кем приходилось раскланиваться на приемах и банкетах и кому внимать в кабинетах канцелярии? Вполне понятно – персонажей жизни, как и сцены, можно назвать по именам. Тем не менее, Гамлета Грюндгенса объявили «карийским героем»: помог парик. И хотя в светлокудрой голове роились мысли далеко не верноподданнические, замороченной публике герой виделся новым Зигфридом.

Следующей ролью-исповедью стал шекспировский «Ричард II» (1942 г.): опять бессилие, презрение к окружающим, уже не воля преобладала, а уязвимость и обреченность. Возникали про-

блемы со здоровьем, в Имперской театральной палате теперь высший пост занимал партнер Грюндгенса – Пауль Хартманн – второй после Крауса Фауст. Но власть ценила Грюндгенса по-прежнему. Хартманн – бывший протагонист М. Рейнхардта не обладал ни грюндгенсовским талантом, ни масштабом личности. Он не был символом нации, первым актером. Эта роль принадлежала Грюндгенсу, и он умел этим воспользоваться, помогая эмигрантам уехать из Германии, скрывая нелояльные по отношению к властям поступки актеров, объясняя Герингу, что в театре, который патронирует премьер-министр ничего противозаконного произойти не может. Но пребывавшие во власти играли с Грюндгенсом в злые игры. На одно успешное дело (помощь кому-то, сохранение достойного репертуара) приходились многие неудачи, и это рождало комплекс вины.

После поражения гитлеровской Германии для Грюндгенса началась новая жизнь: от безнадежного отчаяния арестанта, до знакомых ему по довоенным временам успехов на сцене, признания в Европе и за океаном, посвященных ему монографий, поэм, скульптур и мемуаров.

Летом 1945 года бывший генеральный интендант государственных театров Берлина, бывший председатель Имперской театральной палаты, бывший советник верховной канцелярии Третьего рейха был интернирован. Грюндгенса содержали под арестом около десяти месяцев, посчитав – отнюдь не без оснований – «пособником нацистского режима». Случай помог его освобождению: среди вернувшихся в Берлин после окончания войны оказался Эрнст Буш. Когда-то Грюндгенс помог ему, антифашисту, спастись от верной гибели. Теперь обстоятельства переменялись, и Эрнст Буш, пользуясь своими связями с советскими «культурными офицерами», помог Грюндгенсу не только освободиться из лагеря, но и начать работать в Дойчестеатре. Однако долго в советском секторе Берлина Грюндгенс не задержался, он уехал в город своей юности – Дюссельдорф, а в 1955 г. стал генеральным интендантом Национального театра в Гамбурге, где успешно работал с 1955 по 1963 г., вновь поставив «Фауста» и «Валленштейна».

«Фауст», возобновленный Грюндгенсом в 1959 г. в Гамбурге – спектакль, очень сходный с первым вариантом. Год спустя первая часть «Фауста» была записана на пленку, по ней вполне можно составить впечатление о режиссерской поэтике и о Грюндгенсе-актере. В этой версии гетевской трагедии нет ни

грана той «стальной романтики», к которой призывал Геббельс во вверенном ему министерстве пропаганды.

В 1963 г. Грюндгенс поставил «Гамлета» и сыграл роль короля Филиппа в «Доне Карлосе», и после этого внезапно покинул театр, поняв, что в его стране вновь начинается расчет с прошлым (1963 год – время первых триумфов документалистов, время нового процесса над палачами Освенцима): прошлое настигало избранника, становилось «непреодоленным прошлым». Личное одиночество усугубляло депрессию – играть на сцене и ставить спектакли Грюндгенс уже не мог и не хотел. Он пишет письмо коллегам и навсегда покидает театр. Уйдя со сцены, уезжает из Европы, и спустя несколько месяцев умирает на Филиппинах при загадочных обстоятельствах: его нашли мертвым в гостинице 7 октября 1963 года. Существует версия самоубийства, но никто не знает, что же произошло на самом деле. Эта неожиданная смерть в далекой азиатской стране оказалась страшной, но отчасти ожидаемой точкой в судьбе великого актера Германии. Избраннику суждено было сыграть последнюю роль – роль искупительной жертвы.

В современной Германии Грюндгенса жертвой видеть не хотят. Недавно режиссер и балетмейстер Йохан Кресник поставил очень своеобразный балет под названием «Юнгер, Грюндгенс, Рифеншталь», балет о людях, победивших время, слухи и обвинения, самую судьбу. Грюндгенс оказался в неожиданном ряду, опять избранником – вопреки его воле, которой дорожил и которую пестовал. Он не простил себе хождение в неправедную власть, а соотечественники его простили и чтут как большого актера немецкой нации.

АВТОБИОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ

А.А. Сальникова (Казань)

ИСТОРИК И АВТОБИОГРАФИЯ

Значение автобиографического жанра трудно переоценить. И если в современной публицистике мы все чаще встречаемся с определением истории как «биографии человечества», то автобиография может быть рассмотрена как самоосознание и саморепрезентация человечеством самого себя и своего собственного опыта через призму восприятия отдельных его представителей¹. Автобиографистика – это, в первую очередь, новоевропейская традиция, когда «описание своей жизни»² становится полноценным, полнокровным жанром³.

Немецкий исследователь Г. Гусдорф утверждал, что автобиография появляется только там и тогда, где и когда происходит осознание собственной индивидуальности, т.е. связывал это явление с индивидуализацией сознания⁴. В европейской традиции автобиографический жанр восходит к биографике, как таковой. Наряду с мемуарами, дневниками и эпистолярными источниками, автобиографии составляют неотъемлемую, но вместе с тем и са-

¹ Один из первых теоретиков автобиографического жанра Георг Миш определял историю автобиографии как «историю человеческого самосознания». См.: *Misch G. Geschichte der Autobiographie. Bd. I. H. I. 1907. S. 11.*

² *Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1973. С. 20.*

³ *Olney J. Autobiography and the Cultural Moment: A Thematic, Historical and Bibliographical Introduction // Autobiography: Essays Theoretical and Critical. Princeton, 1980. P. 3–27; Валевский А.Л. Основы биографики. Киев, 1993. С. 64 и др.*

⁴ Г. Гусдорф утверждал, что устремленность европейского сознания к саморефлексии и связанное с ней появление живописного автопортрета и жанра автобиографии восходит к факту осмысления технологического достижения венецианских мастеров в изготовлении зеркал. Древний мир, по его мнению, не знал непосредственного и неискаженного изображения, тогда как для европейца оно было очевидным. – *Gusdorf G. Conditions and Limits of Autobiography // Autobiography... P. 28–48. Подробнее о времени и особенностях возникновения автобиографии как жанра см.: Хубач В. Биография и автобиография: проблема источника и изложения. М., 1970.*

мостоятельную часть комплекса источников личного происхождения⁵. Они, как известно, являются одним из наиболее полных и последовательных способов самопознания и самоосознания личности, межличностных отношений⁶, а также служат возможным путем самовыражения, саморепрезентации последней. (Речь, в данном случае, не идет, конечно, об обычных *curriculum vitae*).

Будучи отнесенной к источникам мемуарного характера, автобиография тем не менее занимает среди них особое место. Это различие достаточно четко осознано и сформулировано в теории западной автобиографистики: «В истинной автобиографии внимание сконцентрировано, в первую очередь, на себе, тогда как в мемуарах или воспоминаниях – на других»⁷. Подобный рефлексивный подход открывает уникальные возможности познания прошлого «через самого себя», изучения закономерностей через осмысление индивидуального, уникального, случайного. «Прошлое есть я сам, моя собственная история, семя моих сегодняшних мыслей, матрица, сформировавшая меня таким, как я есть», – эти слова Р.Л. Стивенсона, взятые в качестве эпиграфа к работе американской исследовательницы Э. Тонкин «Описывая наше прошлое», как нельзя лучше отражают сущность и возможности такого нестандартного подхода к изучению истории человечества⁸.

Очевидно, что в ряде национальных историографических и литературоведческих традиций автобиографии-мемуары занимают свою устойчивую, подчас довольно прочную позицию. Так, этот жанр по существу превалировал в русской мемуаристике конца XVII – начала XIX в., имея свое начало и корни в русской житийной

⁵ В данном случае, мы согласны с М.Ф. Румянцевой, выделяющей мемуары-«современные истории» и мемуары-автобиографии как отдельные виды источников личного происхождения. См.: Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники русской истории. М., 1998. С. 472–475.

⁶ «Сравнительно с другими источниками личного происхождения именно в мемуарах с наибольшей последовательностью и полнотой реализуется историческое самосознание личности – в этом и состоит специфическая социальная функция мемуаров как вида источников». – Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 24. Этот вывод в полной мере может быть распространен и на автобиографии.

⁷ Pascal R. Design and Truth in Autobiography. L., 1960. P. 5. Данная книга является одной из первых обобщающих теоретических монографий, посвященных автобиографистике.

⁸ Tonkin E. Narrating Our Past. The Social Construction of Oral History. Cambridge, 1992. P. 1.

средневековой литературе. Автобиографизм становится одним из существенных принципов создания многих классических произведений русской художественной литературы XIX – XX вв. Немаловажное значение уделялось этому жанру и за рубежом.

Еще на рубеже веков немецкий философ и историк культуры В. Дильтей внес особый вклад в становление теории автобиографистики через разработку учения о понимании (Другого) как специфическом методе наук о духе (гуманитарных наук). «Автобиография – это высшая и наиболее инструктивная форма, в которой нам представлено понимание жизни», – утверждал Дильтей⁹, это идеальная форма биографии, поскольку именно здесь происходит наиболее полное слияние, практически отождествление, «жизненное единство» между объектом и субъектом¹⁰.

Немецкий приоритет в научном изучении автобиографистики сегодня оспаривается британскими специалистами, внесшими поистине колоссальный вклад в публикацию источников этого жанра. Начало этому положило огромное 34-х томное издание автобиографий, предпринятое в Великобритании, начиная с 1826 г.¹¹. Отметим в этой связи ту существенную инициативную роль, которую играли фундаментальные серийные публикации в становлении национальных исторических и историографических традиций в рассматриваемый период.

Британцы всегда любили и продолжают любить автобиографию. Свой интерес к ней, как, впрочем, и ко всей мемуаристике в целом, они объясняют тем, что, в отличие от художественной литературы, автобиографистика очень познавательна¹². Кроме того, особый успех биографического и автобиографического жанра на современном этапе многие британские исследователи связывают с его более высокой конкурентноспособностью по сравнению с новейшей беллетристикой: «Роман – это жанр, не очень состоявшийся в XX в. Поэтому биографии оказались более успешными, чем романы. Отчасти это произошло из-за огромного рекламного бизнеса. Что ни говорите, герцог Виндзорский всегда

⁹ Дильтей В. *Наброски к критике исторического разума* // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 139.

¹⁰ Понимание внутреннего мира Другого возможно, по Дильтею, только путем особого способа интерпретации – сопереживания. Кому же человек может больше сопереживать и в чей внутренний мир он может проникнуть глубже, нежели чем в свой собственный?

¹¹ *Autobiography. A Collection of the Most Instructive and Amusing Lives Ever Published, Written by the Parties Themselves.* L., 1826–1833.

¹² Мозм С. *Искусство слова.* М., 1989. С. 375.

оказывается значительно более интересной реальной исторической персоной, нежели кто-либо, кого можно было бы искусственно создать»¹³. Таким образом, биографистика и автобиографистика успешно восполняют здесь те лакуны, которые образовались в круге чтения из-за недостаточной «талантливости» современных писателей: что нельзя простить беллетристу, читатель великодушно прощает биографу и автобиографу¹⁴.

Своеобразный научный итог развития британской автобиографистики подвел А.О.Дж. Кокшат в монографии «Искусство автобиографии в Англии в XIX–XX вв.»¹⁵. В этой работе Кокшат подверг анализу 50 автобиографий великих и рядовых англичан XIX–XX вв. Определяя критерий подбора кандидатур, автор пишет, что его интересовала не столько степень известности автобиографа, сколько возможность продемонстрировать с помощью автобиографистики «определенные общие типы характеров и личностной истории»¹⁶. Поэтому на страницах книги комфортно соседствуют Дж. Босвелл, лорд Байрон, Дж.С. Милл, Дж. Ньюмен, Б. Расселл, Г. Уэллс и их значительно менее известные современники. Причем, как справедливо отмечает британский исследователь, содержание и характер автобиографий, позволяющие их классифицировать, мало зависят от времени написания или степени знаменитости их авторов. Главным в данном случае является авторское понимание целей и задач самого автобиографического жанра и возможность реализовать это понимание на практике: «Настоящие автобиографы – это те, кто отвечает на вопрос, далеко не всегда четко осознаваемый: как я стал таким, каков я есть»¹⁷. Именно это – характерная черта классики жанра, все остальное – самозарисовки, но не автобиографии.

Автор высказывает и ряд спорных положений, в частности, он считает, что жанр автобиографии возник лишь в начале XIX в. Этот тезис обосновывается Кокшатом с точки зрения соотношения «внешнего» и «внутреннего» в работах о «собственном я». До

¹³ Kemp S. The Archive on which the Sun never Sets: Rudyard Kipling // History of the Human Science. 1998. V. 11. № 4. P. 39.

¹⁴ Вспоминая свое детство в Великобритании, американский географ Анна Баттимер пишет: «Я родилась в стране рассказчиков. Этот жанр достигает наивысшей привлекательности в откровениях человека о своем прошлом». – Баттимер А. Путь в географию. М., 1990. С. 15.

¹⁵ Cockshut A.O.J. The Art of Autobiography in 19th– and 20th–century England. New Haven; L., 1984.

¹⁶ Ibid. P. 2.

¹⁷ Ibid. P. 36.

XIX века, по мнению британского исследователя, в сочинениях «о себе» явно преобладал интерес к отображению событий «активной жизни и свершившихся фактов», нежели «точки зрения». И лишь когда вопрос «точки зрения» стал основополагающим, произошла институционализация автобиографии как самостоятельного, отдельного жанра¹⁸. Таким образом, для Кокшата главным в автобиографии является не фиксация событий собственной жизни ее автора, но проникновение последнего во внутренний мир своего «я», осуществляемое путем оценок и самооценок. Неудивительно поэтому то большое внимание, которое Кокшат уделяет детским годам своих героев, специфике восприятия ими детско-юношеского периода социализации личности: «Общеизвестно, что начальные главы автобиографий, где описывается детство, являются лучшими... Только люди незаурядных творческих и интеллектуальных способностей могут воссоздать свой взрослый опыт удовлетворительно и правдиво. Но буквально каждый интересуется нас с точки зрения его ранних воспоминаний»¹⁹.

XX Специальный раздел книги – «Обусловленные миром» – посвящен автобиографиям тех людей, которые усматривали в общественной деятельности главную цель своей жизни и осознавали себя через эмоциональную и поведенческую реакцию окружающих. Знаменательно, что этот раздел представлен автобиографиями людей, которые одними из первых побывали после Октября 1917 г. в Советской России. Их фиксированные впечатления оказали впоследствии огромное влияние на складывавшийся за рубежом образ «нового советского мира». Это были Б. Расселл, Б. Уэбб и Г. Уэллс²⁰. Кокшат отмечает неординарность мышления, независимость оценок и мнений авторов этих работ, способность всегда идти на шаг вперед по сравнению с «прогрессивным общественным мнением» Запада.

Общий вывод автора монографии очевиден. Главным при оценке любой автобиографии является степень ее достоверности (степень «правдивости» – термин, употребленный британским исследователем)²¹. Причем эта «правдивость» заключена не просто в корректном и полном изложении биографических

¹⁸ Ibid. P. 3.

¹⁹ Ibid. P. 36.

²⁰ Russell B. *Autobiography*. V. 1 (1872–1914). V. 2 (1914–1944). V. 3 (1944–1967). L., 1967–69; Wells H.G. *Experiment in Autobiography*. L., 1934; Webb B. *My Apprenticeship*. L., 1926.

²¹ Cockshut A.O.J. *Op. cit.* P. 216.

фактов. Этого явно недостаточно. В каждой настоящей автобиографии обязательно должна присутствовать некая ведущая идея, воплощаемая «через множество деталей, широкий комплекс воспоминаний, документов и их интерпретаций»²². Плохие автобиографии бывают двух видов, утверждает Кокшат: те, в которых нет четкой формы, а есть лишь наугад подобранные факты, и те, которые не в состоянии обосновать свой предмет, поскольку представленные здесь события и воспоминания не в состоянии подняться до уровня мастер-идеи. Поверхностных причин таких провалов в автобиографистике много: эгоизм, невозможность осознать побуждения собственной личности и др. Но основная, внутренняя, глубинная причина заключена в одном – в самой специфике жанра, в сложности достоверной интерпретации самого себя. Соответственно, главная задача любой автобиографии – взаимопроникновение между собственным «я» как субъектом (автором) и как объектом (описываемым лицом)²³, которые в результате должны составить «жизненное единство».

Таким образом, то, в чем историографы рубежа XIX – XX вв. усматривали преимущество автобиографического жанра, сегодня зачастую расценивается как его основная методологическая трудность. И, действительно, в автобиографии личностное начало проявляется очевиднее, чем в биографии. В центре и той, и другой находится человеческая индивидуальность, судьба, жизненный путь, деятельность, мировосприятие и мироощущение личности. Но если применительно к биографии мы наблюдаем взаимодействие двух субъектов, двух структур – героя биографии и ее автора, то в автобиографии происходит их слияние и совмещение: объект исследования и субъект-исследователь предстают здесь одним лицом. Стало быть, классическая дихотомия «познающий субъект – познаваемый объект» нарушается. Это, казалось бы, должно облегчить процесс исследования личности, в том числе и за счет расширения источникового поля, осуществляемого посредством привлечения документов личного архива, свидетельств родных, друзей, знакомых, сослуживцев, и, наконец, такого ничем не заменимого источника, как собственная память. Автор автобиографии, по крайней мере, применительно к сознательному возрасту, более-менее точно знает, что с ним происходило в то или иное время (хотя бы на фактологическом уровне). Причем в ряде

²² Ibidem.

²³ Ibid. P. 217.

случаев (к сожалению, не всегда многочисленных) здесь происходит совмещение, совпадение автора источника и автора исследования в одном лице, следовательно, последний анализирует не чьи-то «чужие» вербально конструируемые формы для обозначения опыта исторической реальности, а «свои» собственные. Наконец, без всякого сомнения, в рассматриваемой ситуации субъект-исследователь нежно и сильно любит объект своего изучения.

Однако подобный уход от «чужого» к «себе» создает исключительные сложности психологического, этического и исследовательского характера. Эти сложности во многом обусловлены принадлежностью автобиографии к источникам мемуарного жанра. Когда человек пишет о себе, он подсознательно исключает или подвергает корректировке ту информацию, которая характеризует его в невыгодном свете, если речь не идет о весьма специфичных, «шокирующих» автобиографиях, призванных возбудить повышенное внимание читателей посредством откровенных саморазоблачений. Автобиография не есть точная копия личности, она воссоздает человека не таким, каким он в действительности был, но «каким он предполагает и хочет быть»²⁴. Сознательно или подсознательно рождаются мифологемы²⁵. «Автобиография – это самая ценная из всех книг с точки зрения дезинформации, которую она содержит», – писал в 1892 г. Л. Стивен²⁶. «Если вы не хотите исследовать эгоизм, вам не следует читать автобиографию», – вторил ему почти полвека спустя Г. Уэллс²⁷. Обращая внимание на особую роль личностного начала в автобиографистике, А.О.Дж. Кокшат отмечает, что это «личностное» возобладало здесь даже над историографическими и литературоведческими традициями, что, в конечном счете, привело к отсутствию научных или литературных школ внутри этого жанра: «Если и существуют школы в автобиографии, они более определяемы сходствами характера и жизненного опыта, нежели литературной манерой»²⁸.

Существенные различия просматриваются между биографией и автобиографией по временному охвату. Биография, как

²⁴ Gusdorf G. Op. cit. P. 45.

²⁵ Не случайно название статьи Я.Э. Голосовкера. См.: *Голосовкер Я.Э. Миф моей жизни (Автобиография)* // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 112.

²⁶ Stephen L. Hours in a Library. L., 1892. P. 237.

²⁷ Wells H.G. Op. cit. P. 7.

²⁸ Cockshut A.O.J. Op. cit. P. 3.

правило, особое внимание уделяет зрелому периоду жизни своего героя, торопливо пробегая первые 10-15 лет его жизни²⁹, давая схематичный набросок последних лет, если человек уже отошел от дел и не занимается активной деятельностью, но обязательно фиксируя, а если можно, и подробно описывая смерть. В автобиографии детство – один из важнейших как для ее создателя, так и для ее читателя периодов; напротив, здесь очень часто отсутствует описание последних лет жизни, ну и, естественно, смерти.

Серьезные расхождения наблюдаются и при отборе сопутствующих персонажей и основных событий и фактов в биографии и автобиографии. В биографии, наряду с ее главным героем, в центре внимания, как правило, оказываются люди, окружавшие его в период его «взрослой» жизни. В автобиографии особое место занимают те, кто окружал ребенка в детстве – родители, ближайшие родственники, братья, сестры, друзья детских лет. Интересно, что во многих автобиографических сочинениях мужа и жены выглядят довольно безлико и бывают оттеснены на задний план. Это обусловлено, вероятно, не только соображениями морально-этического характера, но и тем, что мужа-жены находятся рядом, слишком близко к героям, они слишком повседневны и ординарны, тогда как автор автобиографии обычно стремится подняться над этой «ординарностью» и «повседневностью» в поисках интерпретации собственного «я».

Автобиограф более свободен и в выборе фактов и событий, которые становятся объектом его осмысления, ибо если биография чаще всего направлена на описание жизни личности, то автобиография – на ее объяснение. Автор автобиографии вправе умолчать о каких-то внешних поступках, не оказавших, по его мнению, особого влияния на становление и развитие его личности, тогда как подобное замалчивание в биографии будет, несомненно, отнесено на счет научной недобросовестности, пристрастности или неосведомленности ее создателя. Наконец, отсутствие исторической ретроспективы также может служить препятствием к отображению тех или иных фактов.

Весьма сложной является и проблема источников, в особенности, когда речь идет о детских годах героев. Информация о них содержит существенные пробелы, а самовосприятие автора с тех пор в значительной степени трансформировалось. Пре-

²⁹ Речь здесь, безусловно, не идет о психобиографиях, уделяющих детско-юношескому периоду особое внимание.

красный знаток человеческой психологии, А. Куприн писал в рассказе «Славянская душа»:

Чем дальше я углубляюсь в прошлое и дохожу, наконец, до событий, сопровождавших мое детство, тем сбивчивее и недостовернее становятся мои воспоминания. Многое, вероятно, было мне рассказано впоследствии, в более сознательное время, теми, кто со вниманием и любовью наблюдал мои первые шаги; многого со мною и не было вовсе, а слышанное или читанное когда-то, оно слишком тесно приросло к моей душе. Кто поручится, где в этих воспоминаниях кончается фактическая сторона, где начинается давнишняя, обратившаяся в привычную истину сказка и где, наконец, граница, на которой та и другая так причудливо мешаются?³⁰

Поэтому не только при написании биографии, но и при создании автобиографии авторы их принуждены обращаться к методу «реконструкции» (recreation) истории личной, в данном случае, собственной, индивидуальности³¹.

Приоритет фиксированных и нефиксированных источников в биографическом и автобиографическом жанрах также различен. Если в первом будут, безусловно, преобладать вербально фиксированные источники, то для второго именно внутренняя память является основным источником информации о собственном прошлом; это – основа автобиографистики³². Таким образом, выясняется, что в автобиографическом сочинении источник, часто сочетающий в себе признаки «мой» и «обо мне», еще более непрозрачен, чем в других случаях, и к нему нужно пробиваться через еще более изощренную сеть исследовательских процедур.

Весьма важной источниковедческой проблемой, как, впрочем, и при изучении мемуаристики, как таковой, является установление времени создания автобиографии и возраста ее автора в момент написания. Вполне однозначно мнение исследователей о том, что слишком позднее, далеко отстоящее во времени от происходящих событий, создание мемуарного сочинения не идет на пользу его достоверности, поскольку многое уже ушло из памяти автора, приукрашено или умалено в соответствии с его нынешними, подчас далеко не адекватными представлениями

³⁰ Куприн А.И. Славянская душа // Собр. соч. Т. 1. М., 1957. С. 136.

³¹ Подробнее об этом методе см.: Валевский А.Л. Основания биографии. Киев, 1993. С. 33–34

³² Отсюда – сложнейшая проблема изучения «автобиографической памяти». См.: Autobiographical Memory. Ed. by D. Rubin. Cambridge, 1986; Ross B.M. Remembering the Personal Past: Descriptions of Autobiographical Memory. Oxford, 1991.

ми. Но нельзя писать автобиографическое сочинение и слишком рано, поскольку, с точки зрения большинства исследователей, здесь необходим определенный период усвоения информации – assimilation. Нет ничего удивительного и странного, если шестидесятилетний человек захочет описать первые 15 лет своей жизни, но для двадцатилетнего это выглядит абсурдным.

Огромное значение приобретает анализ эволюции взглядов автобиографа на себя и свою жизнь. Это сделать довольно трудно, ибо лишь немногие пишут автобиографию дважды. Однако сохранившиеся образцы помогают нам проследить, насколько существенно могли трансформироваться взгляды мемуариста на себя и на окружающий мир. Так, тот же А.О. Дж. Кокшат сопоставил в своей монографии две автобиографии Г. Уэллса. Первую – «Эксперимент в автобиографии» (по словам Кокшата, одну из самых оптимистичных автобиографий XX века) – Уэллс написал в 1934 г., находясь на гребне славы и благополучия³³. Вторую – «Разум на грани предела», одно из самых трагических жизнеописаний в мировой автобиографической литературе, – через 10 лет³⁴, на пороге собственного восьмидесятилетия, перед лицом неизбежности.

В общем комплексе автобиографических исследований особое место принадлежит автобиографиям, созданным творческими деятелями, к коим, несомненно, могут быть отнесены и автобиографии ученых-историков. Значение последних неоспоримо, поскольку они помогают не только проследить жизненный и научный путь историка – «непрерывную нить интеллектуального пути» (А. Баттимер) – но и проникнуть в его творческую лабораторию, исследовать те внешние и внутренние факторы, которые повлияли на его становление и развитие. Автобиографии историков по существу являются важнейшими источниками изучения истории самой исторической науки, ее теории и методологии. «Один из ведущих мотивов в творчестве любого ученого – это противоречие между узкоспециальным знанием о мире и ростом эмпирического понимания действительности. Написанные им книги и статьи отражают отдельные научные результаты, но они лишь в очень малой степени раскрывают тот духовный процесс, который происходит в нем самом», – пишет американская исследовательница А. Баттимер. И только автобиография осуществляет «взаимосвязь между

³³ См.: Wells H.G. Op. cit.

³⁴ Wells H.G. Mind at the End of Its Tether. L., 1945.

научным знанием и интуицией, опытом и "экспертизой", мечтой и "реальностью", раскрывает "значение обстановки для развития или, напротив, торможения научного творчества"³⁵.

Само появление такого рода автобиографий есть, по нашему мнению, определенный показатель уровня развития исторической науки, понимания ее самоценности и востребованности в данном обществе. Соотношение в автобиографиях категорий «эпоха» и «человек» также во многом объясняется той конкретно-исторической ситуацией, в условиях которой создавалась та или иная работа. Не случайно советская «творческая» автобиографистика приобрела с 1930-х годов ориентацию на изображение «положительных» личностей, «идеальных» героев, романтических образцов для подражания за счет умолчания или прямой фальсификации ряда биографических моментов³⁶.

Однако пренебрежение внешними факторами также не идет автобиографии на пользу. Лучшие автобиографии всегда умело совмещали в себе «внутреннее» и «внешнее», успешно балансируя между субъективным и объективным. «Быть свободным и быть ограниченным – вот два необходимых человеческих опыта; основной смысл заключен в противоречии между этой свободой и этой необходимостью», – указывал А.О. Дж. Кокшат³⁷.

Многие выдающиеся западные историки прошлого оставили свои автобиографии³⁸. Эта традиция была сознательно продолжена в зарубежной историографии путем собирания и публикации материалов историков и об историках. Большая работа была проведена в этом направлении редактором "The Journal of Modern History" У. Макниллом, предпринявшим целую серию публикаций такого рода, начиная с автобиографий Ф. Броделя и Э.Дж.П. Тэйлора³⁹. С начала 1990-х гг. интервью с выдающимися

³⁵ Баттимер А. Указ. соч. С. 11–12.

³⁶ Об этом см.: Павлова Т.А. Историческая биографистика в СССР // Новая и новейшая история. 1990. № 2. С. 39.

³⁷ Cockshut A.O.J. Op. cit. P. 11.

³⁸ Gibbon E. *Memoirs of My Life*. N.Y., 1990; Adams H. *The Education of Henry Adams*. N.Y., 1996; Croce B. *An Autobiography*. Oxford, 1927; Meinecke F. *Erlebtes, 1862–1919*. Stuttgart, 1964; Collingwood R.G. *An Autobiography*. L., 1964; Fisher H.A.L. *An Unfinished Autobiography*. L., 1941; Woodward E.L. *Short Journey*. N.Y., 1946; Trevelyan G.M. *An Autobiography and Other Essays*. N.Y., 1947 etc.

³⁹ Braudel F. *Personal Testimony* // *Journal of Modern History*. V. 44. № 4. December 1972. P. 448–467; Taylor A.J.P. *Accidental Prone, or What Happened Next* // *Idem*. V. 49. № 1. March 1977. P. 1–18.

историками современности регулярно публикует журнал *The Historian*. Ряд из них был помещен в 1997 г. в сборник *Speaking of History: Conversations with Historians*. Серия интервью с зарубежными историками, россиеведами, в том числе, была опубликована в последнее десятилетие в российских исторических журналах «Вопросы истории», «Новая и новейшая история», «Отечественная история» и др. Наконец, в 1990-е годы за рубежом появился ряд мемуаров и автобиографий ученых-историков, работающих в разных отраслях исторического знания⁴⁰.

С чем связано столь, казалось бы, бурное развитие автобиографистики внутри исторической науки на современном этапе? Американский исследователь М. Динтенфасс предполагает, что основная причина сосредоточена в том сложном положении, в котором оказалась зарубежная историческая наука в связи с активным проникновением в нее постмодернистских и постструктуралистских подходов⁴¹, ибо, по мнению самих зарубежных историков, внедрение «деконструкции и постструктуралистских теорий литературной критики» в историографию вызвало «массу неразберихи» и «в сущности извратило прошлое»⁴². По существу, в автобиографистике историков имеют место два, казалось бы, взаимоисключающих процесса. С одной стороны, это стремление к осознанию и репрезентации собственной индивидуальности, «непохожести», «особости», с другой – понимание некой самоидентичности, принадлежности собственного «я» к родовому «мы» историков-профессионалов. Размыwanie междисциплинарных границ, угроза разрушения академического профессионализма порождает очевидное стремление к самоосознанию и пониманию своего реального места внутри исторической профессии, которое осуществляется, в том числе, и через подведение итогов собственного исследовательского опыта и выявления индивидуально-особенных путей исторического изыскания.

⁴⁰ *Harrison J.F.C. Scholarship Boy. A Personal History of the Mid-Twentieth Century. L., 1995; Hilberg R. The Politics of Memory: The Journey of the Holocaust Historian. Chicago, 1996; Vansina J. Living with Africa: Reminiscences and Historiography. Madison, 1994; Cobb R. The End of the Line. L., 1997; Conway J.K. True North: A Memoir. N.Y., 1995; Rowse A.L. Historians I Have Known. L., 1995 etc.*

⁴¹ Dintenfass M. Crafting Historians' Lives: Autobiographical Constructions and Disciplinary Discourses after the Linguistic Turn // *Journal of Modern History*. V. 71. № 1. March 1999. P. 152.

⁴² Interview with Frederic Wakeman // *The Historian*. N59. Spring 1997. P. 509, 520.

Происходит «самораскрытие» историков, и большинство исследователей склонны видеть в «ослаблении научной этики самомаскировки» положительный фактор, способствующий сближению субъекта-исследователя со своим объектом, отход от обезличивания исторического познания к его персонификации, обращение от вопроса: «что случилось?» к вопросу: «что это значило для тебя?»⁴³. Дж. Дженсен, специалист в области «женской» истории США XVIII – XIX вв., отмечала по этому поводу: «Одна из вещей, которую я стараюсь делать – это писать о себе, так как очень важно для историков и других ученых дать людям знать, как их истоки влияют на то, что они пишут»⁴⁴.

В русле призывов к «новой субъективности» (манифестно озвученной в статье П. Новика)⁴⁵ следовало бы предполагать максимальное самораскрытие историка как субъекта и объекта автобиографического исследования. Однако этого не происходит. Отмечается, что в собственных автобиографиях историки как-то стесняются писать конкретно о себе; не желая прослыть тщеславными или эгоистичными, они предпочитают больше рассуждать о путях развития исторической науки в целом, о проблемах, стоящих перед ней⁴⁶, иначе говоря, пишут удивительно «неиндивидуализированно»⁴⁷.

Профессор университета Торонто Дж. Конвей, автор мемуаров «Истинный Север», в автобиографической главе «Историк» широко самораскрывается лишь в связи с сюжетом, связанным с ее переживаниями по поводу несостоявшегося написания ею биографии Джейн Адамс; преобладающая же часть главы посвящена общим рассуждениям о сущности и проблемах интеллектуальной истории и не носит индивидуального характера⁴⁸. Профессор Висконсинского университета Дж. Харрисон в своей автобиографии предпочитает писать не о себе, а о том, как проходило становление «социальной истории» в Великобритании. Причем свое место в этом процессе Харрисон рассматри-

⁴³ См.: William H. McNeil // *Speaking of History: Conversations with Historians*. East Lansing, 1997. P. 165; Blackbourn D. How is It for You? // *London Review of Books*. 1997. October 30. P. 24.

⁴⁴ Jensen J.M. // *Speaking of History*. P. 126.

⁴⁵ См.: Novick P. *That Noble Dream // History and Theory*. 1990. V. 29. P. 128–157.

⁴⁶ Об этом см.: William H. McNeil. Op. cit. P. 165; Adelson R. Introduction // *Speaking of History*. P. XI.

⁴⁷ Helen Nader // *Speaking of History*. P. 196.

⁴⁸ Conway J.K. *True North. A Memoir*. N.Y., 1994. P. 148–161.

вает с типично социоисторических позиций. Он представляет себя в виде «социального атома», как «одного из нескольких миллионов молодых людей из низов среднего класса конца 1930–1940-х гг.», а «свое индивидуальное развитие – как часть общего социального развития»⁴⁹. Исследователь истории Африки Дж. Вансина и специалист по истории Холокоста Р. Хилберг обращаются к истории собственного «я» лишь тогда, когда это необходимо для понимания описываемых ими событий⁵⁰.

Н.З. Дэвис вообще выразила глубокие сомнения по поводу возможностей создания адекватной автобиографии: «С одной стороны, кажется, что жизнь постоянно повторяется... С другой, жизнь кажется такой бесконечной, столь наполненной передвижениями с места на место и от предмета к предмету... У меня начинается головокружение, когда я рассказываю о себе»⁵¹.

Анализ исследований американских россиеведов также показывает, что хотя фактор личного «соприкосновения» с Россией и русскими оказался для многих из них определяющим при выборе жизненного пути и профессиональной ориентации, «самораскрываться» они также не спешат⁵².

Таким образом, нельзя не согласиться с М. Динтенфассом, утверждающим, что «историк как автобиограф подчиняет себя предмету исследования» и «реализует самораскрытие при отсутствии собственного "я"»⁵³. Констатируя этот факт, американский историк, однако, не ставит перед собой вопроса, почему же так происходит, хотя это и представляет несомненный интерес.

Сами зарубежные автобиографисты чаще всего объясняют этот момент соображениями чисто этического порядка, считая просто «неприличным» и «эгоистичным» изложение событий сугубо личного характера и тайных, закрытых сторон жизни. Безусловно, немаловажная роль принадлежит здесь вмешательству различных форм социального контроля, предотвращающего вер-

⁴⁹ *Harrison J.F.C. Scholarship Boy: A Personal History of the Mid-Twentieth Century. L., 1995. P. II–IX, 1–2.*

⁵⁰ См.: *Vansina J. Living with Africa. Madison, 1994. P. X–XI; Hilberg R. The Politics of Memory: The Journey of a Holocaust Historian. Chicago, 1996. P. 5.*

⁵¹ *Davis N.Z. A Life of Learning // ACLS Occasional Papers. № 39. N.Y., 1997. P. 23. Цит. по: Dintenfass M. Op. cit. P. 153.*

⁵² Об этом см.: *Сальникова А.А. Исторический источник в американской советологии. Казань, 1997.*

⁵³ *Dintenfass M. Op. cit. P. 154, 156.*

бализацию морально-этических крайностей⁵⁴. Однако, по нашему мнению, причины лежат куда глубже и они достаточно специфичны именно для современной автобиографистики историков.

Дело в том, что явления «самоутаивания» и «самозакрытия» составили на сегодняшний день один из признаков профессиональной нормы современной исторической науки, некую устойчивую установку исторического самоописания. Чем более деперсонифицировано, деперсонализировано изложение событий, тем более достоверно полученное научное знание, – утверждали сторонники традиционных норм, подвергая сомнению и возможность генерализации как экстраполяции наблюдений над одной личностью (в данном случае, над самим собой) на общеисторический контекст. Как указывал М. Ферро, преобладание «демократической традиции» в историографии, противостоящей цезаризму, побуждало исследователей к изучению больших социальных групп, вызывая одновременно несколько недоверчивое отношение к личности⁵⁵. «Самозакрытие» было «нормально», а «самораскрытие» – «маргинально». «Норма» охраняет историческую профессию и диктует, что можно впустить в нее из новаций и что – нельзя без ущерба для нее самой. В условиях постмодернизма «охранительные» тенденции еще более усиливаются. Это касается и неприятия излишней психологизации, которая может повлечь за собой стирание граней между созданием «исторического и художественного сочинения, фундаментальных отличий между исторической монографией и романом»⁵⁶.

Не отрицая возможной полипарадигмальности в исторической профессии как разумной совокупности нормальных, маргинальных и рутинных образцов познания и поведения⁵⁷, большинство историков-автобиографов все же склоняется на практике к традиционной «закрытости».

Заметим также, что для «профессиональных» автобиографий вообще характерен особый интерес к институциональным, статусно-профессиональным сюжетам и подчинение повество-

⁵⁴ Голофаст В. Три слоя биографического повествования // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. СПб, 1997. С. 25.

⁵⁵ Ферро М. Указ. соч. С. 165.

⁵⁶ Walter Arnstein // Speaking of History. P. 19.

⁵⁷ В исторической науке необходим «верный баланс между старомодными позитивистами, доктринальными марксистами и теми, кто, как кажется, отвергает возможность познания прошлого, как Мишель Фуко, Жак Деррида и Мишель де Серто», – пишет в своей автобиографии Дж. Вансина. См: Vansina J. Op. cit. P. 266.

ваний личного характера общественным. В нашем случае, в центре всех рассмотренных автобиографий стоят два вопроса: как я стал историком (причем часто – чисто внешне, организационно) и как развивалась историческая наука в то время, когда я представлял собой ее непосредственную составную часть.

Необходимо также учитывать и то, что «исповедальный момент» в автобиографиях обычно проявляется лишь тогда, когда автор достигает определенного психологического состояния и внутренне готов к «самораскрытию». Историки же зачастую остаются в пределах традиционных, чисто профессиональных подходов, когда автобиография не является исповедью, а есть нечто вроде монографии о себе. Наконец, нельзя забывать и о форме автобиографического повествования, и о способе его публикации. Естественно, что в самостоятельном автобиографическом произведении автор имеет значительно больше возможностей, да и попросту больше места для самовыражения, чем при публикации автобиографии в сборнике, и тем паче – в интервью, когда вопросы задаются извне и требуют, как правило, лаконичных ответов.

Характерной чертой рассмотренных автобиографий является и их публичность, иначе говоря, все они изначально были ориентированы на публикацию. Это, при всем притии или неприятии «лингвистического подхода», заставило их авторов уделить особое внимание проблеме выразительности, литературности текста, выявлению и характеристике собственной эстетической матрицы исторического видения. При этом в автобиографиях зарубежных историков отсутствует наивное отождествление или противопоставление художественного и научного восприятия. Они стремятся к большему – к определению и выявлению содержания формы. Сегодня ни один из них не отрицает наличия в истории эстетического, художественного начала. Причем, как выяснилось, для каждого автобиографа творческий процесс сопоставим с различными отраслями и жанрами художественного творчества: для А. Роуза – с поэзией («в истории есть поэзия»), для Р. Хилберга – с музыкой («я подбирал, транспонировал, аранжировал»), для Дж. Конвей – с работой скульптора-абстракциониста или художника-сюрреалиста⁵⁸. Но все автобиографы-историки едины в одном – «хорошая история требует хо-

⁵⁸ Rowse A.L. *Historians I Have Known*. L., 1995. P. VIII, 1; Hilberg R. *Op. cit.* P. 83–84; Conway J.K. *Op. cit.* P. 246.

рошего сочинения»⁵⁹. Однако между историком и писателем, даже в таком пограничном жанре, как автобиография, должно существовать одно четкое различие – историку не следует ничего выдумывать, изобретать; основой любой работы должны стать реальные исторические факты. Историк, – утверждает К. Вудворд, – это единственный пишущий человек, подчиняющийся команде: «Ты не должен изобретать»⁶⁰. Отсюда – особый интерес к проблеме доказательности и к оценке достоверности источников в современной зарубежной историографии.

Подведем итоги. Автобиографии зарубежных историков, без сомнения, являются весьма информативным и значимым источником, прежде всего, по истории самой исторической науки. Во многих случаях они содержат уникальную информацию, которая не может быть заменена ничем другим, индивидуально-личностное видение и трактовку событий. Это особая дорога в мир истории, мир научного творчества и исследовательского опыта. Имея много общего с автобиографическими сочинениями иного происхождения, автобиографии историков обладают и ярко выраженной спецификой. Наиболее отличительной их чертой является определенная деперсонификация, уход от отображения собственного «я» в сторону историографического анализа. Авторы больше интересуют закономерности и особенности развития исторической науки, тех или иных ее направлений и отраслей, нежели история собственной, «внутренней» жизни. Безусловно, это очень информативно и полезно, но в определенной степени ведет к утрате специфики автобиографии как таковой. Психологизация, персонификация исследовательского опыта чрезвычайно важны, поскольку многие сюжеты в истории исторической науки невозможно понять и интерпретировать, не обращаясь к изучению отдельной, конкретной личности историка как составляющей исследовательского процесса и как неповторимой индивидуальности, воссоздавая истоки, мотивы и направленность ее деятельности.

⁵⁹ C. Vann Woodward // *Speaking of History*. P. 243.

⁶⁰ *Ibidem*.

«...иногда и иногда...»
 «...иногда и иногда...»
 «...иногда и иногда...»
 «...иногда и иногда...»

Т.Д. Венедиктова

КЛАССИЧЕСКАЯ АМЕРИКАНСКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ: ДИСКУРС ТОРГА

Притом, что автобиография – не «эксклюзивно» американский жанр, мысль о том, что «Америка и автобиография особенным образом связаны»¹, за минувшие два столетия приобрела в США характер общего места. А равно и аналогия между становлением нации и индивидуальным становлением – мужанием самоответственного индивида. Производство самоуправляющейся личности, способной и «сделать» свою жизнь, и написать ее со времен Американской Революции осознавалась как стратегическая культурно-строительная задача, – залог осуществления желанного парадокса, о котором мечталось еще Томасу Джефферсону: стать «империей свободы, какой не бывало в мире со времен творения»².

Предметом рассмотрения станет классическая американская автобиография, ее знаменитые – по американским масштабам сверхзнаменитые! – образцы: жизнеописания Бенджамина Франклина (1706–1790, один из отцов американской республики), Дэвида Крокетта (1786–1835, легендарный охотник, солдат и сенатор), Финеаса Тейлора Барнума (1810–1891, прародитель американского шоу-бизнеса). Эти сочинения, необыкновенно популярные в пору публикации, в начале-середине позапрошлого века, и сегодня относятся к категории текстов, которые не обязательно читать, чтобы иметь о них представление, настолько глубоко и плотно вошли они в ткань культуры США, как бы растворившись в ней.

Что же объединяет их авторов, выступающих также в роли героев собственных повествований? Это фигуры бесспорно и монументально представительные: люди, поднявшиеся «от лох-

¹ Sayre R.F. *Autobiography and the Making of America // Autobiography. Essays Theoretical and Critical / Ed. J. Olney. Princeton: Princeton University Press, 1980. P. 147.*

² *The Writings of Thomas Jefferson. 20 vol. Washington: The Thomas Jefferson Memorial Association, 1904. V. 11–12. P. 277.*

мотьев к богатству» (from rags to riches), сами себя «сделавшие» (self-made men) и уже при жизни получившие признание в качестве олицетворенных символов нации. Для дальнейших рассуждений существенно, что успеха все трое добились на ниве практической коммуникации. Триумфы Франклина в общественной деятельности, Крокетта – в публичной политике, Барнума – в коммерции и рекламе были обеспечены в значительной мере, если не исключительно, даром общения, проявившимся и оригинально, и эффектно, и масштабно. Позднейший статус всех трех в американской культуре (за исключением, быть может, только Франклина) был обеспечен именно и прежде всего необыкновенной популярностью их самоповествований. То и другое позволяет предположить устойчивую востребованность того модуся общения, который они «нашли», опробовали в собственном опыте, а потом еще и закрепили в книгах о самих себе.

Жанр популярной автобиографии интересует нас в данном случае с точки зрения устройства речи и общения. Это устройство отображается в тексте на сюжетно-ситуативном уровне, а также воплощено в характере повествования и предполагаемого взаимодействия с читателем. Любая книга «учит себя читать»: предполагает и подразумевает некоторую «конфигурацию интересубъективности»³, предлагает адресату некоторую роль для временно-го обживания и осуществляет в отношении его, таким образом, акт косвенного воспитания, – менее заметный, но подчас более действенный, чем тот урок, что явным образом формулируется автором в тексте. Поэтому мы вправе предположить, что, создавая себя в качестве героев собственных повествований и культурных героев, американские автобиографы «заодно» создавали и своего читателя в качестве нового социального субъекта-партнера, – и американскую нацию как новый вид риторического сообщества, – и национальную культуру как новый тип «разговора».

На материале американской автобиографии XIX века мы предлагаем поставить вопрос о *дискурсе торга* как одной из вечных, но и повышенно характерных для современности дискурсивных форм. По нашему предположению, именно она в проанализированных нами текстах выступает как привилегированная, если не нормативная, модель общения.

³ Talk and Social Structure / Ed. D. Boden, D.H. Zimmerman. University of California Press, 1991. P. 3. По М.М. Бахтину, любой речевой, а также и литературный жанр можно, в принципе, трактовать как вид диалогового взаимодействия.

В качестве жанра популярной, полупрофессиональной словесности, автобиография особенно активно вбирает в себя «первичные» (по М.М. Бахтину), низовые, доморощенные жанры речи, — те, что в данном культурном контексте ощущаются как продуктивные и живо востребованные. В условиях США середины позапрошлого века к числу таковых можно отнести «небылицу» и рекламу.

«Небылица» (tall tale) — «фантастический рассказ, который, опираясь на реализм детали, временно обретает вид достоверности»⁴. История, рассказываемая, как правило, от первого лица, притворяется буквально-доподлинной, — декларативно отрицает дистанцию между фактом и словом, в то же время таковую предполагая. Рассказ убедителен, но невероятен, — ему трудно поверить, но его невозможно проверить. Происходящее отсюда ощущение неопределенности исследователи считают определяющим для функционирования данного жанра.

С коммуникативной точки зрения существенно, что небылица, как правило, рассказывалась и рассказывается⁵ среди «местных», «своих», «бывалых», но в желательном, если не обязательном присутствии «чужих», благодаря чему, в частности, и возникает двояко-неопределенная перспектива восприятия. Любой из «бывалых» способен достаточно точно определить дистанцию между вероятной фактической основой рассказа и «авторской» трактовкой-пересозданием. Напротив, «чужой», «зеленый» (greenhorn, tenderfoot), не владея контекстом, о мере творческой деформации исходного «сырья» может только гадать. Тем более, что рассказчик и «бывалая» часть аудитории, в соответствии с принятой конвенцией рассказывания, сохраняют непроницаемо серьезные лица, пребывая как бы в заговоре против «чужака». Последний может вообще не заметить преувеличения, принять рассказ наивно и буквально, — или заподозрить в нем вымысленность и начать опровергать сомнительные, с его точки зрения, факты, — или просто прийти в растерянность из-за неразличимости фактов и фикций. Во всех этих случаях он заведомо остается в проигрыше, поскольку сам себя отлучает от привилегированного сообщества «бывалых». «Своим» можно стать только в качестве полноценного участника игры, способно-

⁴ Yates, цит. по: Blair W. Native American Humor, 1800–1900. N.Y., 1937. P. 89.

⁵ Бурный расцвет «небылицы» приходится на начало и середину XIX века, но, конечно, не ограничен этим периодом.

го – даже и в отсутствие точного знания – оценить-прикинуть меру преувеличения правды партнером и ответить на вызов собственным «перформансом». В той мере, в какой такое поведение возможно и реально, небылица служила и служит укреплению групповой идентичности: «Небылица инициирует новых членов группы при условии, что они правильно играют в игру»⁶.

Итак, рассказчик «небылицы» – в роли, которую ему предписывает жанр – одновременно лжет/ фантазирует и говорит правду, а слушатель или читатель одновременно верит рассказу и не верит, сомневается в нем и им наслаждается. Последнее происходит благодаря тому, что рассказ воспринимается в двойственной перспективе: познавательной (как правда/ неправда) и эстетической (как более/ менее искусное преобразование факта). «Правильный» модус восприятия «небылицы» предполагает не выбор одной из этих перспектив, а умение держать их в подвижном равновесии. Не случайно, tall tale еще нередко называется *stretcher* (от *stretch* – растягивать): рассказ покрывает до предела *растянутое* срединное пространство между былью и фантастикой, истиной и ложью, умудряясь не срываться ни в то, ни в другое⁷. Общение по поводу «небыличного» вымысла естественно сравнить с торгом – иногда, например в скетче Джеймса Холла «Письма с Запада» (1828), это сходство принимает вполне эксплицитный характер.

Некто рассказывает о том, как героически вел себя, натолкнувшись в прерии на гнездо огромных змей. Подобно Самсону среди филистимлян он за несколько минут перебил их не менее сотни. «А мне сдается, от силы была пара», – скептически возражает слушатель. – «Девяносто штук, чтоб мне провалиться на этом месте», – уверяет рассказчик. – «Скажи уж, пятьдесят». – «А вот не скажу, потому как семьдесят пять было точно, и больше ни змеи не сброшу»⁸.

Истина – в данном случае точное количество змей, которых сколько-то, надо полагать, все же было – релятивизируется,

⁶ Brown C. The Tall Tale in American Folklore and Literature. Baton Rouge: Louisiana University Press, 1987. P. 35.

⁷ Устоявшийся перевод словосочетания tall tale русским словом «небылица» нельзя считать вполне точным. В русском жанровом обозначении важно, что речь идет о не-были, о чем-то, не имеющем бытия, не отсылающем к бытию; в американском (tall tale – букв., «длинная» или «высокая», в любом случае «вытянутая» история) важен момент количественного преувеличения, относительности, мерности.

⁸ Цит. по кн.: *Wohlam H.B. Mark Twain and the Art of Tall Tale.* Oxford and L.: Oxford University Press, 1993. P. 21.

становится предметом комического «торгования». Продавец, как и положено, завышает цену, а покупатель занижает, пока оба не сходятся, наконец, на взаимно приемлемой позиции (условно: «Ладно, пусть будет шестьдесят, – я готов условно поверить, что шестьдесят, рассказывай дальше»).

Другой относительно новый вид дискурсивной практики, не то, чтобы изобретенный американцами в XIX в., но поразительно легко и широко принявшийся на местной культурной почве, – реклама. Реклама, как и *tall tale*, предполагает общение в «исполненном неопределенности эстетическом пространстве»⁹. Природа коммуникативного обмена связана с тем, что автор рекламы «стремится внушить доверие любыми средствами, не впадая однако в прямой обман», в то время как его адресат «стремится сохранить недоверие любыми средствами, не утрачивая однако восприимчивость к потенциально ценной информации»¹⁰. Это тем более справедливо в отношении того специфического вида рекламы, который был любим в Америке середины XIX века – рекламного розыгрыша (*hoax*). Дотошно правдоподобные газетные «утки», например о строительстве железной дороги от Огайо к Северному полюсу, или полете через Атлантический океан на воздушном шаре, или о человекообразных существах, обнаруженных астрономами на Луне, использовались с целью удержать внимание аудитории, тем самым повысить тираж издания. Граница между информацией (псевдоинформацией) и спекулятивно-рекламным проектом, – всегда-то проблематичная! – истончалась при этом до предела, но публика была явно не прочь играть в предлагаемую игру, находя в ней, надо полагать, специфическое удовлетворение.

Коммуникативная природа розыгрыша во многом родственна природе «небылицы»: его можно определить как «надувательство со сдвигом». Изначальное доверие (когда фикция принимается за «натуральное» сообщение) сменяется разуверением. При этом, не меняясь по сути, ситуация переоценивается – разом и теряет, и выигрывает, и понижается, и повышается – в глазах адресата. Обман доверия обескураживает, но обескураженность компенсируется с лихвой удовольствием от участия в игре. «Я» (условный объект розыгрыша) готов даже смириться с

⁹ *Wicke J. Advertising Fictions. Literature, Advertisement, and Social Reading. N.Y.: Columbia University Press, 1988. P. 63.*

¹⁰ *Smith B.H. On the Margins of Discourse. The Relation of Literature to Language. Chicago and London, 1978. P. 57.*

тем, что игра со стороны партнера не бескорыстна, что она служит оправданию уже сделанной покупки или побуждению к новым. Куда более важным оказывается другое: поскольку я осознаю характер примененного ко мне игрового приема, постольку превращаюсь (в собственных глазах и лестным для себя образом) из простака – в знатока, из статиста – в партнера, из жертвы обмана – в участника обмена, движимой обменом игры.

Можно предположить, что «мода» на розыгрыш, равно как и широчайшая популярность «небылицы», объяснялись тем, что для многих и многих они служили игровой инициацией в мир рынка (спекуляции, риска, расчета, условного доверия, состязательности и гибкого согласования частных интересов), – одновременно, в мир искусства – и одновременно же в «воображаемое сообщество» творящей себя нации.

Автобиография Дэви Крокетта может быть приведена в пример как образцовая небылица, а автобиография Финеаса Бурнума – как образцовая же самореклама. Предшествующая им по времени написания и куда более известная автобиография Бенджамина Франклина, «отца всех янки», включая и янки-автобиографов, совмещает в себе то и другое. Она и станет предметом дальнейшего рассмотрения.

Становление интересующего нас типа дискурса в творчестве Франклина происходило на протяжении ряда десятилетий. В данном случае достаточно привести один, но очень красноречивый пример. В мае 1765 г. Бенджамин Франклин, пока еще британский подданный, вступил в любопытную переписку с лондонской газетой «Паблик Эдвертайзер»¹¹.

В письме от 15 мая некто «Зритель» (как полагают биографы, сам Франклин) пожаловался на «чрезмерные вольности», которые позволяют себе газетчики, распуская фантастические слухи о необыкновенном изобилии, которым Провидение и природа осчастливили заокеанские колонии. В номере от 22 мая, подписавшись уже как «Путешественник», Франклин отвечал себе же как «Зрителю» примерно так: лживые измышления в газетах, конечно же, заслуживают порицания, однако и в частичное их оправдание есть что сказать. А именно то, что подлинность фактов едва ли стоит считать абсолютной ценностью: слишком часто они уступают вымыслу в увлекательности, а этот дефект не так безобиден, как кажется на первый взгляд. «Предположим, сэр, что всевозможные "Нам сообщают..."», которыми потчуют нас

¹¹ Далее цитируется по изданию: Crane V.W. Benjamin Franklin's Letters to the Press, 1758–1775. Chapel Hill, 1959. P. 30–35.

газеты, суть сплошь фантазии, – но в качестве таковых, разве они не доставляют развлечение нам, читателям?.. Британцы, сэр, в отсутствие поводов к разговору, естественно склонны впадать в молчание, а когда молчат, то слишком легко погружаются в хандру». Отсюда – вывод: некоторая доля вымысла, пусть даже легкомысленного, полезна как профилактическое средство от распространенного в Британии культурного недуга. Далее Путешественник уже от своего имени предлагает читателю заведомо достоверную, проверенную информацию о жизни в колониях, – сообщая, в частности, что американские овцы, по причине густошерстности обыкновенно возят за собой специальные тележки, чтобы хвосты не волочились по земле. Читателю это кажется невероятным? Однако это факт, столь же бесспорный, как и другое сообщение из Квебека, опубликованное в газетах за прошлую неделю: канадцы на Верхних озерах готовятся к летнему лову трески и китов. Китов? Трески? – удивятся иные. «Да будет им ведомо, сэр, что треска и прочая морская рыба, в случае опасности, готова искать спасения даже в пресной воде, – что киты, увлеченные охотой, устремляются за ней повсюду, и прыжок кита, преследующего треску, снизу вверх через Ниагарский водопад, по единодушному мнению очевидцев, являет собой одно из самых удивительных природных зрелищ на свете. Право, сэр, свет ныне стал уж слишком недоверчив!».

Как интерпретировать этот текст и, главное, какое отношение к себе он предполагает? Как будто бы юмор, но без намёка на улыбку: понимай как хочешь. Спрятавшись за псевдонимом (и даже не одним), будущий отец американской нации выступает здесь как один из ранних мастеров «небылицы», а заодно и рекламодатель, представляющий интересы Нового Света в Старом. Предлагаемая им – со ссылкой на газету и свидетельства очевидцев! – «информация», начав движение от бесспорного и достойного доверия факта (морская рыба, действительно, заплывает иногда в пресные воды) завершает его в сфере полнейшего абсурда. Рассуждение, заключающее процитированный выше пассаж, с виду глубокомысленно, исполнено иронии и столь же игриво, сколь и философично:

«Свет подобен маятнику, колеблющемуся от одной крайности к другой. Прежде верили любому газетному сообщению – всему вообще, что напечатано. Теперь не верят ничему и ровно по той же причине. Мудрые люди дивятся распространившейся в наши дни чрезмерной подозрительности! Прежде чем будить в людях сомнение в отношении газетных новостей или прогнозов, публикуемых в альманахах, следовало бы дважды подумать: а не усомнятся ли в результате читатели также и в достоверных свидетельствах о существовании привидений и ведьм, а то и в самой непогрешимости англиканской веры?».

Отделить позу автора высказывания от его подлинной позиции в данном случае так же трудно, как однозначно определить

характер последней. Соответственно, неопределенностью отличается (должна отличаться) и позиция адресата. Ясно, что тотальная доверчивость, отдающая человека во власть иной раз нелепейших предрассудков, не вызывает у Франклина сочувствия. Но тотальная недоверчивость также выглядит малопривлекательной, поскольку ассоциируется с мрачно-мизантропической позой, отсутствием живого любопытства к миру. Между «крайностями» лежит широкий спектр возможных промежуточных позиций, из которых каждый человек волен выбирать подходящую для себя применительно к каждому конкретному случаю. При этом польза от владения правдивой информацией и удовольствие, даримое вымыслом предстают как, в некотором смысле, равноценные. Сообщение (как товар) подлежит оценке в одной из этих двух свободно конвертируемых «валют», – как полезное знание или как удовольствие, востребованные, соответственно, на информационном рынке или на рынке развлечений. В выигрыше имеет шанс остаться тот, кто владеет навыком оперативного пересчета, умеет менять перспективы восприятия, не путая их, – удерживать гибкий и всегда индивидуальный баланс доверия (условного) и скепсиса.

В основе описанной стратегии общения лежит сознание полноты доступной человеку (каждому человеку!) «самопреобразовательной» инициативы и самоответственности. Сам Франклин к этому сознанию пришел постепенно, с годами, что проявляется в меняющемся способе употребления им любимой метафоры – жизнь-как-книга. В 1728 г. (за 62 года до кончины!) он сам себе придумал эпитафию, которая гласила:

Здесь лежит тело типографа Вениамина Франклина,
Как переплет старой книги,
Лишенный своего сочинения, своя надпись и позолоты
В снедь червям;
Но сочинение само не пропало,
Оно, как он уповает, когда-нибудь
Паки в свет покажется
В новом и лучшем издании,
Исправлено и украшено
Сочинителем¹².

Метафорический образ, использованный здесь, нельзя назвать оригинальным: смертный в роли печатника прилежно воспроизводит божественный замысел, к содержимому книгожизни имея мало отношения. Идеальный проект жизни – в руках Сочинителя, он же выступает как высшая смысловая гаран-

¹² Цит. в старом переводе – «Спб. Вестник». 1780. Ч. 1. С. 30.

тия в общении земных собеседников, включая писателей и читателей. Но вот полвека спустя (летом 1771 г.), приступая к автобиографии, 65-летний Франклин на первой же странице использует сходные образы со знаменательным сдвигом.

«Размышляя о своей так счастливо сложившейся жизни, я порой думаю, что, если б было мне предложено прожить эту жизнь заново, я бы не отказался, попросив лишь о льготе, которой пользуются писатели при подготовке второго издания, – исправить ошибки первого. Так и я мог бы не только исправить ошибки, но и заменить некоторые тягостные случаи и события другими, более благоприятными... Поскольку, однако, трудно ожидать, что мне предложат еще раз прожить мою жизнь, самое лучшее будет эту жизнь вспомнить, а чтобы воспоминания оказались как можно более долговечными – записать их»¹³.

Здесь Франклин явно мыслит себя и печатником, и «сочинителем» в одном лице, а жизнеописание ассоциирует и с точным воспроизведением того, что было, и с приближением к тому, что в жизни невозможно, но вечно желанно – «беловику», идеальному проекту жизни.

В связи с претензией автобиографа явить нам «второе, исправленное» издание собственной жизни перед читателем встают коварные вопросы, именно: в какой степени жизнь, претворенная в текст, подверглась-таки редактуре со стороны автора, столь откровенно предъявившего права на «льготу» исправления ошибок? Были ли вымараны – или исправлены? – или подправлены? – «опечатки» (именно так – *errata* – обозначаются в автобиографии неизбежные в жизни человека заблуждения и грехи)? Подверглись ли «тягостные случаи» замене на «более благоприятные»? Уверенность в этом или в обратном почерпнуть неоткуда, – дав повод к подозрению, повествователь нас при нем и оставляет.

Неуверенность читателя естественно усугубляется тем, что по ходу автобиографического сюжета, перед нами снова и снова возникают ситуации, указывающие на «ненадежность» героя-повествователя, – напоминающие, что «образ», форма, роль, представляющие личность в социальном пространстве, могут не вполне совпадать и даже *не могут вполне совпадать вполне* с ее «подлинным» обликом и намерениями.

Несовпадение видимости и существа явлений – важнейший урок, усваиваемый молодым Франклином по выходе из детского,

¹³ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. Бенджамин Франклин. Автобиография. Памфлеты. Сент-Джон де Кревкер. Письма американского фермера. М.: «Художественная литература», 1987. С. 327–328.

патриархально-родственного мира в большой, «взрослый»¹⁴. Автобиограф далее подробно рассказывает, как в юности учился редактировать собственный публичный «имидж», старательно афишируя те черты и свойства (например, трудолюбие), которые могли служить обеспечением кредита, и скрывая те (например, любовь к увеселениям или даже к чтению), которые в этом смысле были бесполезны или вредны.

«Одевался я просто, не посещал увеселительных заведений. Не ездил ни на охоту, ни на рыбную ловлю. Бывало, правда, что от работы меня отвлекала книга, но случалось это редко, проходило скрытно и не вызывало пересудов; а чтобы показать, что я не загордился, я иногда сам привозил на тачке бумагу, купленную у оптового торговца» (с. 408).

Юный Бен Франклин, тархтящий тачкой по улицам Филадельфии, собственноручно доставляя бумагу в типографию, — один из самых запоминающихся образов в автобиографии.

Перед нами, фактически, акт самоозначения: конструирование означающего, у которого есть означаемое (трудолюбие, скромность, предпринимательское рвение), но вот есть ли референт? Образ, являемый потенциальным партнерам, клиентам и

¹⁴ Франклин с благодарностью вспоминает «почтенную, рассудительную квакершу» на борту шлюпа, везшего его из Ньюпорта и Нью-Йорк: она предостерегала юношу от опрометчивых знакомств, учила подмечать в незнакомцах обличающие их намерения «мелочи», — которых неопытный взгляд не видел и тем более не умел интерпретировать. Подробно описывает в автобиографии и болезненный опыт, связанный с сэрмом Уильямом Китом, губернатором Филадельфии, неожиданно снизошедшим до знакомства с юным приезжим. Всесильный глава провинции, проникшись к юному Бену симпатией, вызвался быть ему покровителем — вместо отца, даже лучше отца — и при отъезде в Англию снабдил ценными рекомендательными письмами. Увы, по прибытии на «Старую родину», Бен обнаружил, что бумаги, которые он бережно вез через океан, способны принести ему скорее вред, чем пользу. Тем не менее суммарное суждение автобиографа о губернаторе-жулике почти благодушно, — обман оценивается не столько как подлость, сколько как человеческая слабость: «... что сказать о губернаторе, который не гнушается столь жалкими проделками, так бессовестно водит за нос неимущего, неопытного юнца! Это была у него привычка. Ему хотелось каждому сделать приятное, и, когда нечего было дать, он давал обещания. Вообще же он был неплохой человек, неглупый, порядочно владел пером и провинцией управлял с пользой для простого народа...» (с. 361). Губернатора «подвел» избыток воображения: ему так хотелось пообещать нечто великолепное, а юному Бену так хотелось поверить! На то, что в мире есть обман, вольный и невольный, сетовать бессмысленно, — заключает Франклин, — важно уметь, по возможности, не обмануться.

кредиторам, откровенно искусственен. Но лжив ли, – вправе спросить себя читатель? Свойства, которые в нем должны быть прочитаны, и впрямь присущи Франклину, к тому же он их в себе прилежно развивает. Выставляемое напоказ знаковое облачение – столько же маскарадный наряд, сколько одежда на рост, «самоосуществляющееся пророчество», стимул к становлению желаемых качеств¹⁵. Создание идеальных проекций-«имиджей» обеспечивает личности простор и момент движения, – наложить запрет на их производство значило бы лишить ее возможности роста, поэтому, по Франклину, развивающаяся личность и не может быть «самотождественна».

В контексте автобиографии существенно, что восемнадцатилетний лицедей с тачкой существует не только под взглядом жителей колониальной Филадельфии 1720-х годов, но и под взглядом старого Франклина, уже из годов 1770-х, а также под взглядом его символических сыновей и внуков, граждан американской республики. Этим двум последним надзирающим инстанциям, в отличие от первой (соседей-современников многообещающего юноши), открыты и «передний» план, и изнанка перформанса, очевиден зазор между ними. Если и поскольку читатель согласен (вслед за автобиографом) трактовать этот зазор, несовпадение благожелательно – не как обман, прегрешение против этической нормы, а как вариант нормы, взаимно соблюдаемое правило игры, – то и постольку он относит себя к одной с Франклином (как отцом американской нации) «команде». Автобиографический текст предлагает читателю «опробовать» новый, сложный и требовательный модус социального отношения к Другому: доверяя Франклину как игроку, деятелю, мы одновременно можем не принимать – и даже не должны принимать – на веру исполняемые им функциональные роли.

Вовлекаемый текстом в такого рода взаимодействие-игру, внимательный читатель автобиографии Франклина пребывает, фактически, в состоянии испытуемого. Образ повествователя текуч, как ртуть: в каждый данный момент он великолепно эф-

¹⁵ Далеко не всегда этот процесс результативен: Франклин откровенно признается, в частности, что скромность, смирение – одна из тех добродетелей, которую за всю жизнь он так и не смог, как ни старался, в себе развить. «Не могу сказать, чтобы я добился успеха по существу этой добродетели, скорее мне удалось приобрести видимость ее» (с. 431), – пишет он по этому поводу. Очевидно, что ему скорее удавалось подражать Сократу (в показном, «стратегическом» смирении), чем Иисусу – в смирении истинном.

фективен и никогда не аутентичен, не равен себе вполне. В итоге не ясно – восхищаться им или возмущаться? Верить каждому слову или не верить ни одному? Двойственный, неопределенный эффект, казалось бы, плохо сочетается с исходно декларированным дидактическим намерением. Или наоборот, прекрасно сочетается. Именно благодаря ему (а не хрестоматийным советам в духе *Early to bed, early to rise...*) текст осуществляет важнейшую функцию: воспитания нового социального субъекта и нового типа интеграции индивидов в рамках нарождающегося национального сообщества.

Сохранилось немало свидетельств о том впечатлении, которое личность «доктора Франклина» производила на современников. Его умение и расположенность играть на публику и с публикой, используя собственный образ как инструмент, обескураживала как противников, так порой и союзников. Оттенок надувательства, шарлатанства (*confidence game*) сквозил даже в его прижизненной репутации, в чем сам Франклин не видел, кажется, ничего предосудительного. Ибо, в развиваемой им логике, полная самоидентичность – привилегия простака или человека бездеятельного. А умение различать внутреннее и внешнее, видеть и творчески использовать зазор между ними – право и обязанность ориентированного на успех практика. Лучшая аудитория Франклина-учителя – не та, что готова служить доверчиво-преданным объектом, а та, что состоит из потенциальных партнеров.

Как пример эффективного коммуникативного хода (один из ряда примеров) Франклин приводит эпизод из собственной деятельности в 1747–1748 годах в качестве организатора филадельфийской милиции.

«Наш капеллан, благочестивый священник-пресвитерианин мистер Бичи, как-то пожаловался мне, что люди ленятся слушать его молитвы и проповеди. Когда их вербовали, им, помимо жалования и прокорма, обещали четверть пинты рома в день и они аккуратно получали эту порцию – половину утром и половину вечером. Я успел отметить, как аккуратно они за ней являются, и теперь ответил мистеру Бичи: «Возможно, вы сочтете должность виночерпия несоместимой с вашим саном, но, если бы вы стали раздавать ром сейчас же после молитвы, они бы ходили за вами по пятам». Мысль эта ему понравилась, он ею воспользовался и с помощью нескольких людей, отмерявших порции, стал выполнять все в лучшем виде; и никогда еще люди не собирались на молитву так дружно и так вовремя» (с. 484).

Этот пассаж можно счесть «вопиюще» характерным – и по содержанию, и по его подаче. В сущности, перед нами образец

откровенного (имея в виду повод, еще и циничного) торга: за кружку рома прихожане *«покупаются»*, а священник *покупает* их присутствие на службе. Как может автор, учитель нравственности, *сам* признаться в рекомендации, столь сомнительной? Словно отвечая на замешательство шокированного читателя, Франклин ссылается – в качестве контраргумента – на благоприятный социальный эффект найденного им решения: «Я подумал тогда, что такая метода, пожалуй, предпочтительнее, нежели наказания, предписанные некоторыми военными законами для тех, кто не присутствует на богослужениях». Из этической плоскости вопрос перенесен в практическую: для большинства людей разумный и нравственный выбор – как правило, нелегкий – сделать легче, если он подкреплен чувственным удовольствием, поэтому в заведомо несовершенном мире пряник гуманнее и эффективнее кнута. Манипуляция осмысливается здесь как что-то вроде родительской или учительской хитрости, широко применяемой в воспитании детей. Потребность в духовном наставлении и плотском удовольствии «совпадают» во времени и формально уравниваются в рамках контрактного отношения (полковое начальство исполняет свой долг по отношению к рядовым, рядовые – через посредство полкового капеллана – свой долг по отношению к Богу), но, разумеется, не отождествляются, что открывает простор для иронической и самоиронической игры. Любой филадельфийский милиционер и любой читатель автобиографии, волен отождествиться мысленно с «ребенком» или с «родителем», – с массовидным простаком, подвергаемым манипуляции для его же пользы, или с автором манипуляции, осознанно творческим индивидом. Второй вид тождества (равенства) куда более лестен, но, пожалуй, и более сомнителен.

На портрете 1776 года, выполненном в бытность его в Париже, создатель «Бедного Ричарда» осознанно и обдуманно позирует (что относится, конечно, и ко всем другим его портретам, – в некотором смысле это автопортреты). Перед нами не частное лицо, а олицетворенный социальный символ: представитель взбунтовавшихся колоний в сердце Старого Света. Все так неприятно и вместе с тем так продуманно-нарочито! меховая шапка, отсутствие парика, простой кафтан а la *Quaqueur*, очки на носу (напоминание о славе Франклина-изобретателя, в частности, и бифокальных линз). Разглядывая обращенный к нам образ-маску, нельзя не обратить внимание на губы, тронутые иронической (или самодовольной? если он позволяет себе над нами смеяться, он уязвим и для нашей

иронии!) усмешкой, на глаза, которые смотрят зорко, внимательно, искоса и... мимо очков. Выходит, они не очень-то и нужны? значит, – не более, чем деталь маскарадного наряда? Парадно-образцовый политический «имидж» здесь разом и утверждается, и остраняется. Встречаясь взглядом с *этим* Франклином, мы с ним «понимаем друг друга» особым образом, в рамках особого рода взаимопонимания-«свойства».

Этот визуальный символ прекрасно выражает и специфику речевого поведения повествователя, с которым мы имеем дело в автобиографии. Читатель снова и снова оказывается в ситуации неопределенности, его на каждом шагу сопровождает иронический авторский «прищур», который не замечать – себе дороже. «Прищур» напоминает нам, что жизнь – динамичный взаимообмен, игра по правилам, но без права на «зевок», что в *наших интересах понимать* ее именно так. Читая, мы невольно «обживаем» эту метафору – играем в предлагаемую игру¹⁶. Автор-герой автобиографии демонстрирует нам себя как бесконечно изменчивую, обращаемую, «операциональную» форму: он не стыдится и не пугается внутренних полостей-пустот, любит собственную поверхность(ност)ь без самодовольства (отождествляясь с нею, но никогда – вполне) и приглашает читателя отнестись к себе и к жизни на сходный манер.

Определяющая для данной модели общения способность к гибкой смене позиций/ролей и исполнению нескольких одновременно, – не что иное как способность к *иронии*¹⁷.

¹⁶ Впрочем, мы вольны и дистанцироваться от нее и даже ее отвергнуть: таков, к примеру, пафос язвительных инвектив, с которыми от имени Старого Света (точнее, элиты «высокого модернизма») обрушится на Франклина Д.Г. Лоренс в «Этюдах об американской литературе». У его критики, при всей ее меткости, есть одна слабая сторона: нечувствительность к иронии, запрет на чувство юмора. Ровно тем же, впрочем, грешат и назидательно апологетические, рассчитанные на среднего потребителя, прочтения франклиновой автобиографии.

¹⁷ Разумеется, сдержанная ирония Франклина и аляповатая, нередко за гранью «хорошего вкуса» – Крокетта или Барнума разделены дистанцией изрядного размера, но вездесущность этого речевого приема во всех трех знаменитых автобиографиях трудно не заметить. Между реальностью и ее описанием всегда и заведомо предполагается асимметрия, невозможность полного совпадения, а между говорящими – условленность о подвижности и принципиальной конвертируемости смысла. Характер отношений по поводу текста определяется подвижностью позиций и динамичным балансом/дисбалансом взаимопонимания.

Дж. Вико определял иронию как троп, образованный «ложью, которая силою рефлексии надевает на себя маску истины»¹⁸. В классической американской автобиографии полезная ценность истины «силою рефлексии» переводится или обменивается на эстетическую ценность лжи, что обостряет ощущение обмана, обманчивости как тотальной характеристики жизни, но одновременно и примиряет с нею. Продуктивное и динамичное неравенство себе – лица или явления – мы научаемся видеть как законное. Означаемое и означающее, содержание и форма, внутреннее существо личности и социальная роль или роли пребывают друг с другом в том же гибком несовпадении, что цена с товаром или денежная стоимость с потребительской в системе коммерческого обмена.

Настаивать на сугубо американской специфике этого явления было бы, конечно, неправомерно. Можно, однако, высказать более широкое предположение: что нарастающая роль, которую ирония – не как троп, а именно как специфическая «экономика» смыслового обмена – играет в западной словесности XIX и XX вв., все шире распространяясь из «элитарной» зоны в поле демократической общедоступности, – обусловлена всепроникающим характером обменно-денежных отношений, противоречивым статусом любой вещи и даже лица как потенциального товара и внутренней диверсификацией социума и субъекта.

Одной из нравственных основ американского социума П. Тиллих считал личностный активизм, «утверждение себя как участника творческого развития человечества»¹⁹. Тревога вины, ощущение утраты смысла жизни, личной несостоятельности «возникает в том случае, если человек недостаточно приспособился к творческой деятельности общества и его достижения незначительны». То и другое характерно для культуры, в которой ключевой категорией признается не бытие, а деяние, и личность склонна определять себя как относительно автономный генератор активности. Эта активность с необходимостью опредмечивается, принимает социально-функциональные формы, в этом качестве выносятся в зону обмена и становится предметом коммуникации. Социальный долг личности предполагает соответствие роли, аде-

¹⁸ Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. Киев, 1994. С. 149.

¹⁹ Цит. по кн.: Социально-политическое измерение христианства. Избранные теологические тексты XX века. М.: «Наука», 1994. С. 113.

кватность ее исполнения²⁰, в то же время долг перед собой как носителем творческого потенциала – предполагает несоответствие ей или, по крайней мере, возможность несоответствия. Свобода личности, реализуемая путем смены ролей, их выбора и перебора, одновременно и стреноживается функциональностью, и обеспечивается ею. То и другое ярко проявляется в американской автобиографии, в которой творческая свобода на каждом шагу демонстрирует себя, но также и собственную относительность, ограниченность, отчасти даже «невсамделишность».

Другой выдающийся теоретик культуры Й. Хейзинга в качестве самой яркой черты культуры США выделял «национальный пуэрилизм»²¹, имея в виду «мальчишеский дух», склонность к взаимоподмене игрового и серьезного, иллюзорного и действительного. Нечто подобное мы наблюдали и у Франклина (могли бы наблюдать и у Крокетта, и у Барнума) как свойства торгово-коммуникативной стратегии. Гендерная детерминированность этого комплекса (акцентированная Хейзингой) не вызывает сомнений, будучи обусловлена уже тем, что игроками на экономическом и политическом рынке в XIX веке выступали исключительно белые мужчины среднего класса. Напротив того, «женский», домашний мир мыслился изолированным от экономики и политики, отчасти даже противопоставленным им, – в нем культивировались, соответственно, иные модели общения²².

Социальная бездеятельность и несамостоятельность женщин как бы «оплачивались» правом аутсайдеров на глубокие эмоциональные привязанности и на безусловность (исходя из абсолюта) нравственных суждений. Современница Барнума и Крокетта Л.М. Чайлд даже усматривала в этом плане сходство в положении американских женщин и бесконечно униженных чернокожих рабов:

«Сравнение женщин и цветной расы не может не поражать. Те и другие живут более чувством, чем разумом; у обоих сильно развит

²⁰ Тиллих предлагает называть американскую форму соучастия индивида в культуре «демократическим конформизмом». – Там же. С. 115.

²¹ Хейзинга Й. Homo Ludens. М.: Прогресс, 1992. С. 330.

²² Это противопоставление используется Эмерсоном в эссе «Круги»: «Все кажется неизменным до тех пор, пока не обнаружен его таинственный смысл. Женщине кажется, что богатая усадьба – прочная, незыблемая реальность, а для коммерсанта – это лишь нечто, что можно легко соорудить из необходимых материалов и так же легко утратить» (Эмерсон Р.У. Эссе. С. 223). Под «таинственным смыслом» имеется в виду причастность к преобразовательной, творческой социальной активности.

религиозный инстинкт; обоих отличают прочные сердечные привязанности, те и другие склоняются к подчинению, дома те и другие силой удерживаются в подчинении и рассматриваются более как собственность чем как полноценные личности»²³.

Парадокс состоял в том, что «сентиментальная», «женская» культура, почитая «чувство», «религиозный инстинкт» и «прочные сердечные привязанности» и полагая себя в этом смысле альтернативой игровому «пуэрилизму» и дискурсу торга (с его культом игровой относительности), сама представляла собой популярнейший рыночный товар.

Подводя итоги, можно определить предмет нашего рассмотрения – дискурс торга (*bargaining, negotiation*) как состязательно-кооперативное общение «эгоизмов». Будучи порожден различием, торг его (различие) последовательно культивирует, допуская консенсус лишь в качестве временной взаимоусловленности. При этом инстанций внеположных, «трансцендентных» заинтересованным позициям участников он не признает или признает неохотно. В той мере, в какой меновая форма предмета не совпадает с его сущностным содержанием, торг живет и движется несоответствием, несовпадением, всегдашним предположением альтернативы.

Каждый стремится осуществить свою задачу с учетом конъюнктуры – мотиваций, потребностей, силы и слабости контрагента(ов). «Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что необходимо тебе», – такова, по А. Смигу, формула торга²⁴. Партнеры, как явствует из нее, связаны своего рода зеркальным отношением функционального взаимопонимания, которое сам же Смит описывает словом «симпатия». «Симпатия» не тождественна ни сочувствию, ни «вчувствованию» (глубинному «родству душ»): эмоциональное отождествление здесь явно вторично в сравнении с рефлексией, подразумеваемой состязательностью и оперативным расчетом.

Отношение к другому в режиме торга, таким образом, по определению двойственно: оно предполагает открытость и скрытость, понимание и непонимание, доверие и недоверие. Каждый из партнеров посягает на свободу другого, уважая ее, или, что то же самое, реализует собственную свободу в сознании ее ограни-

²³ Цит. по изд.: *Lang A.S. Slavery and Sentiment: The Strange Career of Augustine St. Clair // Women Studies. 1986. V. 18. P. 40.*

²⁴ *Ibid.* P. 28.

ченности. Поэтому, помимо банальной стороны, связанной с поединком эгоистических хитроумий, у торга всегда есть и остается тайна: непредсказуемость взаимодействия суверенных индивидуальных волей, которые стремятся друг друга познать, почтить, осилить или умерить. Существенно и то, что (поскольку «никакое непосредственное наблюдение не в силах познакомить нас с тем, что чувствуют другие люди»²⁵) общение-торг всегда опосредовано, в нем всегда, даже и в отсутствие прямого обмана, присутствует элемент фиктивности, домысла, гипотетического допущения, – соответственно, игры. Этим торг потенциально эстетичен.

«Произрастая» при рынке, этот тип разговора не ограничен, конечно, буквальным-рыночным контекстом. Нетрудно предположить, что распространение его в обществе тем шире, а влияние как образца тем универсальнее, чем отношения людей менее предопределены и постоянны, более дифференцированы, чем актуальнее для них осознанное саморегулирование, взаимная осмотрительность, гибкая ролевая игра. Современная демократия может быть охарактеризована как осуществление политической власти в режиме торга²⁶.

Модель общения, если не описанная, то обозначенная в рамках этой статьи на американском культурном материале XIX-го столетия, не является, конечно, исключительно американской принадлежностью и широко востребована за пределами Соединенных Штатов, особенно в XX и XXI вв. Ее преимущества – гибкость, динамизм, «мягкий» дисциплинирующий эффект и ставка на индивидуальную креативность, в целом высокая адаптированность к условиям современной цивилизации – делают ее перспективной и привлекательной, не отменяя в то же время ее внутренних проблем.

«Разговор по-американски» в версии Франклина (она не является единственной, но может претендовать на статус самой авторитетной) заслуживает внимания как вариант «местного знания», вклад культуры Соединенных Штатов в общую копилку человеческого опыта и навыков выживания. К ней мы обращаемся всегда за разным и, как правило, находим искомое.

²⁵ Ibid. P. 31.

²⁶ К. Берк в «Философии литературной формы» определял демократию как использование «всех ресурсов состоятельности в целях сотрудничества», условия сотрудничества» (*Burk K. Philosophy of Literary Form. N.Y., 1963*).

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ В НОВОЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Н.В. Корякина

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ФИЛИППА ДЕ МОРНЕ И ТРАДИЦИИ ЖИТИЙНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Реформационное движение во Франции развивалось на основе наследия католической церкви. Протестанты, по-новому оценивая догматы католицизма, сохраняли в своих общинах немало её традиций. Таинства, проповеди, коллективные литургии с некоторыми изменениями – оставили сознательно. Другие традиционные элементы дореформационной христианской культуры были настолько близки творцам новой конфессии, что те не отказывались от них, даже рискуя вступить в противоречие со своей догматикой. В частности, это утверждение справедливо для жанра житийной литературы, который в культуре французских кальвинистов получает новое развитие. В данной работе предпринимается попытка обнаружить следы житийной традиции в одном из весьма характерных для XVI – XVII вв. жизнеописаний благочестивых протестантов, а именно, в «Истории жизни мессира Филиппа де Морне, сеньора дю Плесси Марли»¹. Сначала укажем отличия житийного жанра от светской биографии. Затем следует определить основные черты центрального образа жития, дать описание структуры источника, решить проблему авторства, и, наконец, продемонстрировать, каким образом в данном произведении проявляются все перечисленные особенности житийного жанра.

Кальвинисты отвергали культ святых, но и они испытывали потребность в том, чтобы иметь перед глазами пример благочестивой жизни. Строго говоря, Аугсбургское вероисповедание признавало полезным для верующих воспоминания о подвигах святых, отрицая поклонение им. Кальвин осуждал попытки обращения верующих к мёртвым святым, по-

¹ Его аналог – «История жизни и смерти господина Жана Кальвина». – *Beze, Theodore de. Histoire de la vie et la mort de monseigneur Jean Calvin fidel serviteur de la justice de Jesus Christ. Geneve, 1655–1657.*

видимому, не имея ничего против живых². К тому же, для подтверждения истинности реформированной религии были необходимы свидетельства подвига во имя веры в виде записанного текста, доступного всем желающим. Так появляются жизнеописания, которые очень похожи по форме и содержанию на жития, только герои их не названы святыми, они не воскрешают мертвых и не исцеляют больных, но чудо в несколько трансформированном виде сопутствует их деяниям. Одной из таких нравоучительных биографий достойного человека и является «История жизни мессира Филиппа де Морне»³, написанная на основе его мемуаров, а также воспоминаний его жены Шарлотты. В этом чисто светском жизнеописании можно обнаружить характерные черты житийной литературы.

Историография, посвящённая избранной мною теме, не отличается многообразием. Авторами большинства исследований, объектом которых стала личность Дюплесси-Морне, являются люди, симпатизирующие протестантской доктрине. Классический пример представляет собой сочинение (1847 г.) Ж. Амбера, сделавшего добросовестный пересказ «Истории жизни»⁴. В его книге отсутствует критический подход, преобладает апологетика по отношению к герою, даже многочисленные речи, переполняющие нарратив XVII века, на который опирался Ж. Амбер, частично приводятся как вполне достоверные. В планы автора не входили поиск противоречий в источнике и выявление его структуры. В дальнейшем ситуация меняется, что, отчасти, приводит к потере интереса исследователей к «Истории жизни» как к произведению, имеющему самостоятельную ценность. Этим источником в современной историографии пользуются, чтобы уточнить другие свидетельства, но к его данным относятся с некоторым недоверием, вполне оправданным явной идеализацией главного героя. Такой подход характерен для Ж. Гарриссон⁵. Автора данной статьи интересует именно апологетический характер «Истории жизни», обусловленный традицией, корни которой следует искать в житийной литературе.

Житие как особый жанр литературы отличается от биографии своей целью, которой обычно является призыв к под-

² Dictionnaire de Theologie Catholique. Paris, 1939. P. 964.

³ См., например: Histoire de la vie de messire Philippes de Mornay seigneur du Plessis Marly &c... Leiden, 1647.

⁴ *Ambert, Joachim*. Duplessis Mornay. Paris, 1847.

⁵ *Garrisson, Janine*. Les protestants au XVIe siecle. Fayard, 1988. P. 218.

ражанию и подвижничеству, а также раскрытие божественной силы, проявляющейся в деяниях героя. Для центрального персонажа (святого) характерны, во-первых, праведность в основной период своей жизни; во-вторых, мученичество за веру. Второй признак необязателен, он отсутствует во многих житиях. В-третьих, герой жития должен быть подвижником и все свои силы направлять на распространение и укрепление христианской веры. В-четвертых, святой наделен способностью совершать чудеса. Чудо, в свою очередь, согласно классификации, введённой Фомой Аквинским и принятой, хотя и не без оговорок, в современном французском католичестве, бывает двух видов: абсолютно сверхъестественное, когда божественная воля совершает то, что не может произойти в природе естественным образом, и такое, которое происходит так, как это в принципе возможно в природе, но когда естественных условий для такого рода явлений не существует. В качестве примера к первому из указанных видов можно привести воскрешение мертвых, ко второму – чудесное исцеление от болезней. Специфическим признаком святости в католицизме и других религиях обычно является также аскетический образ жизни.

Разумеется, жизнеописание человека, олицетворявшего идеал кальвиниста, не могло не отличаться от житийной литературы, но этот новый жанр в своем формировании испытывал заметное влияние ее традиций.

Произведение, которое является основным источником этой работы, имеет нескольких авторов. Первый из них – сам Филипп де Морне, сеньор дю Плесси-Марли или Дюплесси-Морне, как его ещё называли. Ему принадлежит материал мемуаров, не составивших единого корпуса литературы. Повидимому, Морне несколько раз собирался написать подробную автобиографию, но в силу того, что он был вынужден постоянно переезжать с места на место, участвовать в войнах, политической и религиозной борьбе, нередко попадая в ситуации, связанные с большим риском, эти планы часто нарушались. Многие из уже готовых текстов были утеряны в путешествиях, или отданы на сохранение доверенным лицам, от которых их уже не удавалось получить назад.

Имеет смысл ввести периодизацию мемуарного творчества Филиппа де Морне: она поможет объяснить состояние источников, автором которых являлся он сам. Существует следующая закономерность: большинство записей нашего героя о самом себе были сделаны им в молодости и позднее, во время путе-

шествий. Самые ранние из них, видимо, относятся ко времени его путешествия по германским землям, Нидерландам, Италии в 1569–1571 гг. Резкое сокращение материала происходит после 1600 г., когда состоялся «Диспут в Фонтенбло», и по воле Генриха IV Морне потерял должность государственного советника и был удален от двора. После 1606 г., когда погиб сын Дюплесси, его записи о самом себе почти прекращаются. Основную массу сведений об этом периоде его жизни содержит переписка Филиппа и воспоминания его слуг и друзей. Важно отметить, что его мемуары никогда не писались с целью создания некоего идеала жизненного пути в кальвинизме, но, несмотря на это, они представляют собой первый уровень субъективизации фактов и идеализации образа их автора, поскольку сам он не стремился фиксировать письменно свои недостатки и промахи.

Другим автором является Шарлотта-Арбалетта, жена Филиппа де Морне. Ее перу принадлежит текст жизнеописания супруга, составленный в качестве наставления для их единственного сына. В нем изложены события от рождения Филиппа до гибели его наследника, которая не только лишила смысла весь труд над книгой, но и подорвала силы матери, и привела ее к скорой смерти. Дидактический настрой госпожи де Морне вовсе не помешал ей останавливаться на мелких подробностях внутрисемейных отношений, родственных и имущественных связей, которые не умаляли героический образ супруга⁶, но иногда отвлекали внимание от него. Именно они делают эту книгу ценным источником для гендерных исследований, на который историки, занятые соответствующей тематикой, до сих пор обращали мало внимания. Для моей работы этот текст ценен, во-первых, тем, что он в значительной мере основывается на мемуарах Филиппа. В частности, вся история его жизни до брака с Шарлоттой, а также сведения о его времяпрепровождении в периоды разлуки с ней содержат информацию, которую она могла узнать только из записей и рассказов мужа. Во-вторых, не меньшую ценность представляет её оценка событий, что позволяет вычлнить второй уровень формирования идеализированного образа Филиппа де Морне и субъективизации данных.

Третьим автором «Истории жизни» стал друг семейства Морне Давид Лик (ему, в частности, была поручена забота о

⁶ Морне, кстати, не был единственным мужчиной в жизни Шарлотты, к моменту их знакомства в Седане (1574 г.) прошло уже пять лет после смерти её первого мужа Жана де Па сеньора де Фёкер.

раненном сыне Филиппа Дюплесси, а потом препоручено его тело). Лик положил в основу своего произведения труд Шарлотты, который он пересказывает местами почти дословно, но нередко вносит изменения в оригинальный текст. Недостающую информацию он почерпнул из сохранившихся воспоминаний Филиппа де Морне и его писем. Тот уровень субъективизации и идеализации, который связан с работой Лика, продолжает оформление идеального образа непогрешимого «папы гугенотов» и содержит в себе большинство признаков влияния житийной литературы. Этот автор пренебрегает яркой эмоциональной окраской записей Морне и описаниями бытовых и интимных подробностей, свойственных книге Шарлотты, и создает свой труд на основе двух мотивов – праведного пути веры, которым идет главный герой, и божественного руководства всеми его действиями. Лик умер в 1616 г., доведя свою часть текста примерно до этого времени.

Дальнейшая судьба «Истории жизни» связана с двумя изданиями. Самое раннее – женеvское – вышло в двух томах в 1624–1625 г., то есть, вскоре после смерти Филиппа Дюплесси-Морне. Оно представляет собой, преимущественно, собрание писем и мемуаров Филиппа де Морне с 1572 по 1599 г⁷. Молодой человек по имени Валентин Конрар, посредственный поэт и писатель, имевший отличную репутацию в литературной среде Парижа, благодаря своему хлебосольству⁸, завершил работу по редактированию текстов вместе с Жаном Дайе, который проводил много времени с Морне в последний год его жизни. Дайе был протестантским теологом и выполнял обязанности министра (старейшины кальвинистской общины) в Сомюре, куда он приехал после путешествия по Италии в 1623 г. Он занимался воспитанием внуков Дюплесси-Морне и был свидетелем его кончины (ноябрь 1623 г.), которую описал в своём сочинении «Последние часы господина дю Плесси». Оно вошло в издание «Истории жизни»⁹. По завещанию Филиппа Дайе получил 600 ливров, что было очень приличной суммой, и поручение следить за миром в

⁷ *Memoires de messire Philippes de Mornay, seigneur du Plessis-Marli contenans divers discours, institutions, lettres, ... depuis l'an 1572 jusques a l'an 1599.* Geneve, 1624–1625. V. 1–2.

⁸ *Larousse P.* Dictionnaire universel du XIXe siecle. T. 3. P. 964.

⁹ См., например: *Histoire de la vie de Messire Philippes de Mornay seigneur du Plessis Marly etc...* Leiden, 1647. P. 705–715.

семьях наследников Морне¹⁰. В 1625 г. его назначили пастором кальвинистской общины Сомюра. Дайе входил и во вторую группу составителей «Истории жизни» вместе с Жюлем де Меле и Рене Шалопеном – личными секретарями Филиппа Дюплесси. Их вариант биографии Морне вышел в свет в 1647 г. в лейденской типографии Эльзевиров. Все названные люди были протестантами. В результате их работы труд Лика был завершен, и идеализированный образ Морне сформировался окончательно. В данной работе я использую, в основном, второй, лейденский, текст, который как раз и представляет собой пример жизнеописания благочестивого протестанта.

Всех упомянутых авторов «Истории жизни» объединяет, прежде всего, идея праведности главного героя повествования. Нужно отметить, что в житийной литературе нередко встречается такое развитие сюжета, для которого характерно деление судьбы героя на две части – до откровения, когда он ведёт себя так же, как и обычные люди, а нередко и превосходит их своими грехами, и после, когда центральный персонаж превосходит всех своей праведностью. «История жизни» излагает события иначе и сближается с другим типом житий – тем, который описывает «праведников от рождения». Ни в книге Шарлотты, ни в труде Лика и других авторов нет ни одного упоминания о грехах или ошибках главного героя. Все действия Морне оправдываются их соответствием божественному закону. По причине плохой сохранности наследие самого Филиппа Дюплесси анализировать труднее, но можно предположить, что и не дошедшие до нас тексты в большинстве своём имели апологетический характер.

Трактовка «врождённой праведности» в жизнеописании Морне сближает этот текст с житиями раннехристианских святых. Речь идёт об описаниях случаев, в которых ребёнок усваивает божественную истину не из книг или от учителей, а свыше. Для того чтобы подчеркнуть это, в контекст жития вводится мотив «нерадивого ученика», который отказывается или не может получать знания способом, обычным для его окружения. Этот вариант был актуален для эпохи становления христианства, когда первые общины существовали в условиях преобладания политеистической эллинистической культуры, и было необходимо показать ложный характер языческого просвещения в сравнении с более примитивной, но претендующей на истинность содержания христианской культурой.

¹⁰ Ibid. P. 730.

Подобный мотив имеется в житии Св. Антония (годом смерти считается 356 г.)¹¹, правда, его от языческого образования оберегали родители. А о St. Hilaire, епископе Пуатье (годом смерти считается 368 г.), сообщалось, что он получил языческое образование, но до христианских истин дошёл своим умом¹², что тоже очень напоминает историю Морне, только вместо язычества будет католицизм, а вместо христианской веры – кальвинизм. Старый приём оказался весьма пригодным в период оформления протестантской доктрины на основе католического учения с его традициями в сфере образования. Приводя здесь примеры житий, я вовсе не намерена утверждать, что составители «Истории жизни» писали свою книгу, глядя в соответствующие сборники, просто нельзя не заметить, что мотивы и сюжетные элементы у них и у авторов житийной литературы были сходными. В повествовании о детстве Филиппа де Морне рассказывается о том, как он в возрасте восьми лет был отдан своим отцом-католиком для обучения в римско-католический колледж Лизьё, где мальчик, проучившись пару лет, тяжело заболел и отстал от своих товарищей. Несмотря на юность и слабую эрудицию, уже вскоре после смерти отца (1560 г.), едва достигнув 11 лет, Филипп де Морне вступает в диспут с неким Жаном де Люз, настоятелем монастыря Магну, в ходе которого отстаивает основные догматы кальвинизма. Затем, вернувшись на некоторое время домой, он ведёт себя как опытный цензор и решительно пресекает все попытки родственников предложить ему для чтения катехизис и все книги, кроме изданного в Лионе на латинском и французском языках Нового Завета¹³. После долгого перерыва в учёбе Филиппа вновь отправили в Париж (1562 г.), где он вскоре заболел плевритом и забыл всё, чему научился прежде. Его уже хотели отдать в королевские пажи, решив, что он всё равно уже ничего не усвоит, но Филипп нашёл в себе силы взяться за книги. Вернувшись в Париж, он с головой ушёл в штудии и через несколько лет упорных занятий по четырнадцать часов в день юноша превзошёл своих учителей¹⁴. К данному эпизоду имеется параллель в житии Св. Винсента¹⁵. В этом рассказе правда перемешана с вымыслом, но, так или иначе, читателю предлагается образ

¹¹ Godescara. Les vies des Saints peres et martyres. Paris, 1844. P. 38.

¹² Ibid. P. 31.

¹³ Histoire de la vie... P. 6.

¹⁴ Histoire de la vie... P. 8.

¹⁵ Godescara. Les vies des Saints. . Paris, 1844. P. 49.

божьего избранника, оберегаемого свыше от вредного влияния католицизма до того возраста, когда он становится достаточно зрелым, чтобы самостоятельно определять сферу своих интересов и духовные установки.

В понимании католиками и протестантами природы святости существует противоречие, зафиксированное в постановлениях Тридентского собора. Католики, согласно этим документам, ставят её в зависимость от качеств души человека, от внутренней добродетели, за которую Бог посылает человеку духовную миссию и способность совершать чудеса. Протестанты же, исходя из доктрины предопределения, утверждают о существовании только внешней святости, привносимой Творцом в человеческую душу по причине заслуг Христа¹⁶. Замечу, что такая оценка протестантского учения о святости, принятая и в современном католицизме, дискуссионна. Наш источник, который является примером практического применения кальвинистского учения, ставит под сомнение это логически верное утверждение. Если святость, как и дурные качества, является чисто внешним атрибутом, то она не может быть примером для подражания верующих, ведь невозможно подражать чему-либо, что даётся очень немногим людям и совершенно закрыто от других. Между тем, и Меланхтон, и Кальвин ничего не имели против того чтобы сохранить воспоминание о святых как о добром примере для подражания¹⁷. К тому же, непонятно, как человек, которому дарована святость, может сохранить её, если по природе своей он лишён добродетели и способен только к греху. Католическая мысль недооценивала потенциал кальвинистской доктрины о предопределении, в которой воле человека почти не оставалось поля для действия. По-видимому, считалось, и «История жизни» является тому доказательством, что Бог творит не святость, а святого как он есть, со всеми его добродетелями и благодатью, дарованной ему. Поэтому кальвинистской трактовке понятия святости было совершенно чуждо представление о тех святых, которые за какое-то время до откровения были большими грешниками, но ей вполне соответствовала идея «врождённой святости».

Второй из упомянутых признаков святости – мученичество за веру – является неотъемлемой частью «Истории жизни». В этом произведении имеется два варианта сюжетов, описываю-

¹⁶ Dictionnaire de Theologie catholique. Paris, 1939. P. 843.

¹⁷ Dictionnaire de Theologie Catholique. Paris, 1939. P. 964.

щих страдания праведников, – мученическая смерть и «страсти» без смертельного исхода. Первый случай представлен в рассказе об адмирале Гаспаре де Колиньи, погибшем в Варфоломеевскую ночь 24 августа 1572 г. Он изображён как невинная жертва кровавой ярости еретиков (католиков), и предательства короля. В вымышленном диалоге Колиньи и Морне адмирал, чувствуя себя носителем высокой миссии, выражает надежду на милость короля и готовность исполнить Божью волю, во что бы то ни стало, в то время как Филипп предупреждает его об опасности¹⁸. Второй случай представлен в образе самого Морне. Страдания людей во время гонений на протестантов и религиозных войн персонифицируются в лице, главным образом, Филиппа и воспринимаются читателем через ознакомление с его переживаниями. Кульминацией здесь оказывается не Варфоломеевская ночь (если делать акцент на трагедии войны конфессий) и не Нантский эдикт (если концентрировать внимание на оформлении правового статуса кальвинизма), а событие, имеющее наибольшее значение в судьбе Дюплесси-Морне – диспут в Фонтенбло в мае 1600 г. Там Морне, лишённый поддержки короля, подвергся критике со стороны католического духовенства за написанную им незадолго до этого книгу «О евхаристии». Его идеи признали лживыми, он был лишён всех постов, в том числе должности государственного советника, и удалён от двора. Это событие описывается как мученичество, что подчёркивается фразой, вложенной в уста сына Морне о том, что «его отца приносят в жертву папе»¹⁹, и сочувствием преданных друзей, называвших день диспута *Martyre de Philippes*²⁰. Здесь мы видим прямую аллюзию на страдания раннехристианских святых. Нельзя не признать, что такая трактовка, казалось бы, вполне мирского события, каковым является крушение карьеры крупного вельможи, превращает его в акт веры.

Внимание составителей «Истории жизни» к активности Дюплесси-Морне в деле укрепления авторитета кальвинистской религии приводит читателя к теме подвижничества, которое, судя по всему, также было предначертано ему свыше. Согласно тексту «Истории жизни», родители готовили Филиппа к духовной карьере, поскольку его дядя Бертен де Морне, аббат Сомера, собирался перед смертью передать ему все свои бе-

¹⁸ Histoire de la vie... P. 18.

¹⁹ Histoire de la vie... P. 273.

²⁰ Ibid. P. 278.

нефиции²¹. Но благодаря вмешательству Бога, эти планы не осуществились, потому что на смертном одре дядя не вспомнил о своём намерении, и бенефициарием стал другой родственник. Такая интерпретация данного события, которое было большой неприятностью для родителей Филиппа, имеет целью доказать его избранничество. Во всех дальнейших событиях Шарлотта и Лик видели подтверждение особого отношения Бога к Дюплесси-Морне. Действительно, деятельность Филиппа де Морне в течение всей его жизни была направлена на укрепление авторитета кальвинистской церкви во Франции. Даже когда стало ясно, что в борьбе с католиками гугеноты потерпели поражение, он не прекратил борьбы. После того как у Морне отняли политическую власть, он продолжил служить своей церкви в качестве донатора. Перед смертью Филипп завещал консистории в Сомюре значительную часть своего состояния. Вместе с тем, нельзя забывать, что замысел составителей «Истории жизни» содержал в себе существенное противоречие, поскольку сама жизнь не соответствовала ему. Борьба протестантов за авторитет новой религии перестала быть победоносной уже в XVI в., а личный успех Дюплесси-Морне сменился чередой поражений после его отстранения от государственных дел. Несмотря на все усилия авторов, им было трудно затушевать тот факт, что к концу жизни у Морне не было ни политической власти, ни вождя наследника. И тогда для рассказа о смерти Филиппа Дюплесси Жан Дайе²², намеренно или нет, использовал приём, который не скрывал правду, но отвлекал от неё читателей: он сосредоточился на описании стадии, предвещающей восхождение души к Творцу. Всё внимание концентрируется на персоне Морне: его смертный одр становится местом откровения не только для умирающего, которого посещают видения загробного мира, но и для его близких, приближающихся к его постели, чтобы получить благословение не только от отца или господина, который оставляет их, но и, в какой-то степени, от существа, принадлежащего к иному миру, хотя дух его ещё не оставил тело. Описание мистического опыта в чистом виде, сделанное Дайе, противоречит популярному представлению о протестантизме и протестантской этике, но в действительности точно передаёт их сущность, выразившуюся в том, что возможность персонального контакта с

²¹ Histoire de la vie... Leiden, 1647. P. 4.

²² Ibid. P. 705–715.

Богом перестаёт восприниматься как некая привилегия, напрямую зависящая от заслуг человека перед своим небесным господином, и обуславливается только выбором Творца. Дайе в этой ситуации интересуется любая мелочь, вплоть до физиологических изменений в организме Морне, которые он подробно описывает со слов врача. Акцент, таким образом, полностью переносится с общественного положения Морне на его личные переживания и поведение в последние дни и часы жизни.

Рассказ Дайе не является единственным доказательством приведённого выше утверждения о мистическом опыте. Другие подтверждения этого ещё теснее связаны со спецификой «Истории жизни» и демонстрируют явные параллели с житийной литературой в силу особой трактовки понятия святости. Не отрицая её в принципе, кальвинисты не могли полностью отвергнуть доктрину о чуде. Однако они иначе объясняли существование чудес, и круг сверхъестественных явлений такого рода был весьма сужен ими. Решительно не признавая возможности воскрешения мёртвых, общения с духами и т.п., они всё же не решались ограничить роль божественного промысла в жизни людей неким изначальным и неизменным планом. В жизни избранных, каковыми признавались ревностные кальвинисты, чудесное вмешательство высшей воли считалось возможным.

Текст «Истории жизни» демонстрирует множество примеров чудес в судьбе Филиппа Дюплесси. В частности, упоминаются болезни, посланные Богом, и исцеление от них. Это один из наиболее часто встречающихся мотивов. В частности, он имеется в повествовании о детстве Морне, в рассказе о том, как после смерти отца Филиппа его мать поколебалась в вере и вернулась в католичество (1561 г.)²³. Но Бог, согласно «Истории жизни», послал ей тяжёлую болезнь, так что она, оказавшись между жизнью и смертью, одумалась и снова стала верной гугеноткой.

Другим примером могут служить природные катаклизмы, возникающие в строго определённые моменты, связанные с трагическим переломом в жизни героя. Самой яркой иллюстрацией этого является описание грозы, начавшейся сразу после диспута в Фонтенбло.

После Троицына дня, когда враг Филиппа де Морне, епископ, выступивший его противником на диспуте, отслужил праздничную литургию, «в ночь с четверга на пятницу в здание церкви попала молния, которая разбила кафедру, с которой он проповедовал

²³ Histoire de la vie... P. 6.

весь праздник, сожгла несколько образов, опрокинула дароносицу, и в тот же миг обрушилась на королевский сад, называемый Тюильри. В следующий четверг, который они называют Святым, епископ продолжил проповедовать в приходской церкви Сен-Жермен Д'Оксеруа, смежную с Лувром, и король во время ужина заставил его повторить пятничную проповедь и в знак милости подал ему мясо со своего стола на стол, рядом с королевским. И вот, на следующую ночь молния снова попала в упомянутую церковь Сен-Жермен, сломала языки колоколов, прогнала звонарей, разрушила несколько образов, обнажила часть колокольни и в тот же миг обрушилась на сад, который называют Матиньон, и сожгла королевские апельсиновые деревья»²⁴.

Этот отрывок призван доказать мысль о том, что Бог выступает против преследования своего избранника еретиками (т.е. католиками). Тяжесть поражения Морне не вполне соответствовала представлению об успешном жизненном пути избранных в кальвинизме. Поэтому для пресечения возможных сомнений в повествование вводится традиционный для житийной литературы мотив Божьего гнева, который, обрушиваясь на головы гонителей, подтверждает праведность гонимого.

Кроме того, следует указать на непосредственное общение с божеством (мистический контакт). Отсюда проистекают причины пророческого дара Филиппа Дюплесси и других героев, когда они в момент откровения предсказывают свою судьбу. В качестве примера приведем рассказ о спасении Морне во время резни гугенотов в ночь Св. Варфоломея. По свидетельству текста, когда начались убийства, разбуженный своим слугой Морне почувствовал необычное внутреннее волнение, которое подсказало ему, что он будет спасён высшим промыслом. Последующие события подтвердили предчувствия героя. Божья воля помешала господину дю Плесси добраться до дома адмирала де Колиньи, раненного накануне фанатиками, к которому уже вошли убийцы. Автор этой части текста (видимо, сам Филипп де Морне) доходит до нелепости в стремлении оправдать себя: молодой человек (ему тогда ещё не исполнилось и двадцати трёх лет), якобы, не успел прийти на помощь к своему другу, поскольку он сразу же, как только получил известие о нападении на дом Колиньи, принялся жечь свои бумаги, и это дело отняло у него слишком много времени²⁵. Должно быть, именно это обстоятельство помогло Морне избежать встречи с убийцами адмирала. Эмо-

²⁴ Ibid. P. 276.

²⁵ Histoire de la vie... P. 19.

циональная окраска нарратива подчёркивает пропагандистскую ориентацию всего текста, ведь та же самая история, рассказанная просто, без акцента на готовности персонажа пожертвовать собой, не вызвала бы ощущение фальши, но и не помогла бы созданию героического образа юного протестанта. Затем описывается бегство Морне из Парижа в сопровождении слуги его друга, католика. Задержанные отрядом вооружённых сторонников партии Гизов, беглецы начали отпираться, но слуга несколько раз назвал Морне господином, хотя они условились не делать этого. Однако тут вмешалась высшая воля, заткнула уши и помутила рассудок людям, ведущим допрос, так что они не обнаружили промаха²⁶.

Отказавшись признавать те чудеса, которые противоречат идее предопределения, т.е. воскрешение мёртвых, и сосредоточив внимание на чуть менее сверхъестественных событиях, протестанты как бы увеличили вероятность их совершения в жизни широкого круга людей. Морне ведь никто не называет святым, а в его жизни, согласно книге, происходило множество чудес. Отсюда вытекает и возможность для других людей встретиться в жизни с удивительными проявлениями божественного промысла. Таким образом, было поколеблено элитарное положение чудотворцев, а Бог – словно приближен к верующим (естественно, протестантам). Этот концепт логически проистекал из кальвинистского учения о святости, я имею в виду положение об абсолютном господстве воли творца в момент создания души святого. Всё указанное, вместе с идеей мирской благодати, внушало верующему уверенность в том, что и он способен приблизиться к тайнам Творца, если у него есть внутренняя склонность к этому. Здесь берёт начало протестантский мистицизм, одним из ярких представителей которого был сам Филипп де Морне. Это течение, распространившееся по понятным причинам среди интеллектуалов, было направлено на активное изучение доступных и приемлемых мистических традиций и на выработку собственного пути познания Бога. Большой популярностью среди кальвинистов пользовалась еврейская мистика (например, книга Зохар) и герметизм. Католический мистицизм отвергался категорически.

Прежде чем рассуждать о кальвинистском аскетизме, сделаем оговорку. Протестанты отрицали необходимость умерщвления плоти и ограничения земных влечений. Однако и в их ие-

²⁶ Ibid. P. 20.

рархии ценностей потребности духа стояли выше потребностей тела. Эти категории также входили в противоречие между собой, что наглядно доказал пример общественного устройства в Женеве при Кальвине. Аскетическому идеалу католического монашества протестанты противопоставили разумную умеренность, однако они не отказались от идеи о том, что пренебрежение плотскими радостями во имя служения Богу свидетельствует о высоких моральных достоинствах верующего. «История жизни» иллюстрирует эту мысль путём противопоставления Дюплесси-Морне, который следовал пути самоотверженного служения Всевышнему, королю Генриху IV, который не только неоднократно изменял «истинной вере» (*la religion*), как гугеноты называли своё исповедание, но и предавался несправедливой любви с герцогиней де Бофор, от которой у него были дети. Стремясь легализовать свои отношения с герцогиней, для чего требовался развод с Маргаритой Валуа, Генрих добивался расположения папы, жертвуя своими друзьями-протестантами. И хотя логика повествования нарушается, поскольку герцогиня умерла в апреле 1599 г., задолго до диспута в Фонтенбло, автор и редакторы упорно стараются внушить читателю мысль о том, что падение Морне стало следствием преступной страсти короля²⁷.

Утверждение о наличии определённой логики повествования делает закономерным вопрос о том, как эта логика отразилась в композиции произведения и нет ли здесь возможности обнаружить сходство с житийной литературой. Говорить о композиционном родстве житий и нашего источника бессмысленно, поскольку в житийном жанре не существует устойчивой композиционной схемы. Даже столь абстрактная последовательность частей произведения, как рождение, деяния и смерть святого, далеко не всегда выдерживается. Нередко, например, о рождении и детстве персонажа ничего не сообщается. Однако стоит обратить внимание на сходство некоторых композиционных принципов.

Для того, чтобы решить поставленную проблему, следует вспомнить, что житие – это не столько пример для подражания,

²⁷ *Histoire de la vie...* P. 254. Другими примерами, подтверждающими то же положение, являются многочисленные описания случаев самопожертвования Морне – в детстве, когда он отказался от игр и увеселений ради напряжённой учёбы, в Варфоломеевскую ночь, во время переправки посланий между Генрихом Наваррским и принцем Конде и т.д.

сколько пример подражания Христу (*Imitatio Christi*)²⁸. Такой подход при создании жития оказывает непосредственное влияние на его композицию, усиливая в ней роль исторического содержания, хотя и весьма примитивного, в условиях неграмотности и слабой эрудированности аудитории, для которой предназначалась житийная литература. Осмелюсь утверждать, что тем же самым стремлением руководствовались авторы «Истории жизни». Однако они работали в иных условиях. Протестантская аудитория в XVII в. отличалась несравнимо большей образованностью и могла быть потребителем большего объёма информации. К тому же, для значительной части этой аудитории события, изложенные в книге, были и собственной историей, поскольку к моменту выхода женевского, да и лейденского издания «Истории жизни» события религиозных войн во Франции были недавним прошлым, и страсти ещё не утихли, что обуславливало закономерный интерес к книге. Вот почему столь велика роль исторического в этом сочинении. По той же причине фактор влияния традиции историописания на текст «Истории жизни», пожалуй, не меньше, чем фактор влияния житийной традиции. Таким образом, старый «житийный» принцип в новых условиях привёл к появлению в данном памятнике весьма существенного элемента светского исторического сочинения. Это можно подтвердить следующим примером.

Жизнеописание начинается с нравоучительного введения, обращенного к протестантской аудитории, в котором дана краткая характеристика персонажа. Здесь автор обращает внимание на следующие достоинства де Морне: достижение высоких государственных постов, совершенство в науках, отличные нравственные качества. Затем следует рассказ о предках де Морне, при этом подчёркивается благородство происхождения (одна ветвь его генеалогического древа по мужской линии восходила к приближенным Вильгельма Завоевателя, а другая некогда пересеклась с предками Бурбонов, что было очень важно в XVII в., когда писались мемуары, поскольку представители этой династии находились на престоле Франции). Предком матери Филиппа де Морне был, согласно тексту, Андергот, племянник Роло Датчанина, «первого герцога Нормандии»²⁹. Любопытно, что описание начинается по традиции, с генеало-

²⁸ *Heffernan Th.J. Sacred Biography. Saints & Their Biographers in the Middle Ages. N.Y. – Oxford. 1988. P. 5.*

²⁹ *Histoire de la vie... P. 1–2.*

гии отца Филиппа, хотя тот был католиком, а о его матери, буд-то бы рано обратившейся в новую веру, рассказывается после, при этом её роду уделено заметно меньше внимания. По приведённому примеру видно, как житийная традиция, требующая полного соответствия содержания идее, уступает место традиции светской истории, с её вниманием к фактам, отвечающим социальным стереотипам.

Жанровое своеобразие «Истории жизни» определяется несколькими факторами. Самый важный из них – фактор среды, в которой она возникает, т.е. положение относительно событий произведения, духовные установки, общественный статус и цели авторов, положение протестантизма во Франции, характер аудитории, на которую была рассчитана книга.

Рассмотрим сначала место всех людей, участвовавших в создании книги, в описываемых событиях. Здесь заметна разница ролей: если Филипп де Морне и его жена были центральными персонажами своей собственной книги, то другие были сторонними наблюдателями, хотя и принимали участие в судьбах семейства Морне. Это отражено в «Истории жизни» следующим образом: до окончания труда Шарлотты преобладает повествование (герои рассказывают сами о себе), потом доминирует описательная и аналитическая часть. То же обусловило положение с источниками: в первой части книги (до 1605 г.) главный источник – свидетельство автора, во второй – письма Морне (сочинение Дайе, который видел Филиппа в его последние дни, занимает всего несколько страниц и составляет лишь небольшой фрагмент второй части книги).

Что касается религиозных убеждений создателей книги, то, напомним, все её авторы, редакторы и издатели были протестантами. Однако имеются изменения в идеологической окраске текста. Если формирование убеждений Филиппа де Морне, его жены и Давида Лика проходило в период становления кальвинизма во Франции, когда его доктрина ещё отличалась незавершённостью, а сами они были свидетелями и участниками происходящего, то издатели книги делали свою работу в 20-40-е годы XVII в. В это время, с одной стороны, уже давало свои плоды объединение ряда положений цвинглианства с кальвинизмом, а с другой – обозначилось поражение реформационного движения во Франции. Следует отметить, что и для самого Филиппа Дюплесси-Морне католическое наследие не было чем-то совершенно чуждым. Выходя за пределы религиозной риторики, в обыденной речи он, не задумываясь, сам

противоречил своим убеждениям. Например, он называл Людовика IX «Святым Людовиком»³⁰, согласно старой традиции, давшей этому королю такое прозвище. Данный пример приведён для того, чтобы продемонстрировать, что привязанность к католической культуре не всегда была осознанной, но этот факт не делал её слабее. Такое положение вещей отразилось в том, что религиозный подтекст нарратива до конца сочинения Лица неустойчив, влияние житийного жанра в нём заметнее, чем в завершающей части книги.

Целью авторов и редакторов «Истории жизни» было создание кальвинистского варианта *imitatio Christi*. Их труд, несмотря на масштабность замысла, а, во многом, из-за неё, был адресован довольно узкому кругу людей – протестантскому дворянству и крупной буржуазии. Этот объёмный том (в Лейденском издании – два тома), повествующий о судьбе придворного, содержащий подробные генеалогические описания, перечисляющий лиц, приближенных к самым блестящим дворам Европы, вряд ли мог быть по достоинству оценен большинством протестантов, да и купить столь дорогую книгу могли немногие. Должно быть, создатели «Истории жизни», принадлежа к дворянскому сословию или к богатым буржуа, не мыслили себя в качестве производителей средств массовой агитации, желая только запечатлеть деяния Морне и историю французской Реформации в фундаментальном произведении, которое могло бы стать источником идей и примеров для поучения благородных семейств и, возможно, публичных проповедей протестантских пасторов. В книге, однако, имеется несколько свидетельств попытки расширить аудиторию за счёт представителей других направлений протестантизма. К ним, например, относится стремление подчеркнуть искреннее желание Филиппа де Морне добиться единства в протестантском лагере и объединить лютеран с кальвинистами в одну конфессию³¹, что, конечно, ему не удалось осуществить.

Второй фактор, определяющий жанровое своеобразие нашего источника, – традиция светских жизнеописаний, которая наложила заметный отпечаток на структуру текста. Согласно ей, события из биографии некоего лица – это часть жизни об-

³⁰ *Memoire de M. Du Plessis concernant ceux de la Religion, du mois de Novembre, 1617 / Lettres et memoires de messire Philippes de Mornay... S. I., 1626. T. 1. P. 1190.*

³¹ *Larousse. Dictionnaire universel du XIXe siecle. P. 574.*

щества, они не могут рассматриваться в отрыве от политической истории. Именно поэтому подробности внутренней и внешней политики появляются с одинаковой частотой на протяжении всего повествования, хотя сам Морне после диспута в Фонтенбло участвовал в событиях как сторонний наблюдатель, о чём свидетельствуют даже его письма, сохранившиеся от этого времени, содержание которых сводится к просьбам о возвращении на государственную службу. Однако французскую корону услуги Дюплесси-Морне уже не интересовали.

Цели создания «Истории жизни» обусловили намеренное сокрытие авторами текста некоторых подробностей биографии Филиппа де Морне, которые сам герой не считал необходимым утаивать при жизни. Однако ознакомление с ними широкого круга читателей могло повредить репутации кальвинистских церквей. Здесь имеется в виду приверженность де Морне герметизму. Это религиозно-философское направление весьма почиталось во Франции в узком кругу интеллектуалов, в основном, протестантов, как тайное знание, дающее человеку, постигшему его, доступ к секретам мироздания. Тем не менее, в популярном представлении герметиков причисляли к колдунам и, кроме того, связывали их учение с иудаизмом (в традиции, идущей от Пико делла Мирандола, завоевавшей популярность во Франции, придавалось большое значение Каббале и, в частности, магии букв еврейского алфавита, что становилось причиной интереса к изучению иврита и активному использованию ивритской лексики в произведениях). Порой устанавливалась и обратная связь – иудеев отождествляли с герметиками, что известно, например, по материалам судебного процесса по делу Кончино Кончини (он же маршал д'Анкр) и его жены Элеоноры Галигэ (1617 г.)³². Находившегося у них на службе еврейского врача Элиягу Монтальто, который умер за год до суда, называли «великим врачом Меркурия»³³. Таких людей, как гебраист и историк Ришар Симон, которые считали полезным изучение еврейской культуры и религии³⁴, было очень немного. Учитывая массовые антииудейские настроения и подозрения

³² *Memoires d'Etat contenant les choses plus remarquables arrivees sous la regence de la Reyne Marie de Medicis & du regne de Lois XIII.* Paris. 1666. P. 5.

³³ *Ibid.* P. 6.

³⁴ *Simon R.* "Epistre au monsieur Bossuet" / *Ceremonies et coutumes qui s'observent aujourd'huy parmy les Juifs.* Paris, 1681 (2-e ed.).

относительно симпатии кальвинистов к иудаизму, понятно, почему в «Истории жизни» нет ни слова об увлечении Филиппа де Морне герметизмом.

Совместное участие Филиппа де Морне и его жены в создании жизнеописания знаменитого кальвиниста было обусловлено их духовной близостью, что придало этому произведению особую нотку искренности и теплоты. «История жизни» – это не только идеологически выдержанный манифест кальвинизма, но и семейная хроника, которая, как сказано выше, начинала создаваться в форме наставления матери сыну. Сочинение Шарлотты проникнуто любовью к мужу и семье (при этом сын ценится выше, чем дочери). Эта женщина является создательницей своего мифа, согласно которому, они с Филиппом де Морне были предназначены друг другу Творцом с рождения³⁵. Эта идея наряду с миссионерскими претензиями её мужа обусловила специфическое отношение их обоих к своей семье как к союзу во имя борьбы за божественную истину, в которой каждому из них отводилась своя роль. Этот мотив раскрывается для нас благодаря образу жены «папы гугенотов», запечатлённому в «Истории жизни...»: Благочестивую женщину, сознающую свой долг перед мужем, не удовлетворяло положение смирной домоседки, и она стремилась активно участвовать в делах Филиппа Дюплесси, поддерживая его и давая ему советы. Один из таких случаев весьма показателен. В книге есть эпизод, повествующий о том, как Шарлотта, находясь под впечатлением от прочитанных «Посланий» апостола Павла, убедила своего мужа написать книгу «Приветствие иудеям о приходе мессии» (1606 г.). Её внимание привлекло «Послание к римлянам»³⁶, в котором говорилось о том, что обращение иудеев в христианство произойдет после крещения язычников, что понималось как окончательная победа христианской религии. Нужно отметить, что в XVII в. эта концепция пользовалась популярностью среди французских протестантов. Аналогом «Приветствия иудеям» можно считать трактат «Об обращении иудеев» (1643), написанный Исааком де ла Пейрер, который представлял собой комментарий на «Послание к римлянам»³⁷.

³⁵ *Memoires et correspondance de Duplessis-Mornay, pour servir a l'histoire de la Reformation et des guerres civilis et religieuses en France...* Paris, 1824–1825. V. 1. P. 30.

³⁶ *Histoire de la vie...* P. 324.

³⁷ *Peyrere, Isaac de la. Du rappel des Juifs.* Paris, 1643.

Католическая традиция выделяет два вида святости: статическую и динамическую. Первая разновидность заключается в отказе грешить, уходе от соблазнов и уединённом осмыслении своей близости к Богу. Для другой же характерна активная деятельность святого по распространению и укреплению веры, когда добродетель становится знаменем святости, а не скрытым признаком. Именно такое развитие получает образ Морне в «Истории жизни». При том, что никто не называет его святым, все признаки – за исключением свойственного католической доктрине идеала отрешённости от мира – присутствуют в тексте. Трактовка самого понятия благочестия изменяется, превращая монашеское служение Богу в мирское, но эта концепция недалеко от католической традиции, поскольку остальные признаки сохраняются.

Приведённый выше порядок признаков святости дан автором этой статьи, собственно же католическая формулировка подразумевает только две характеристики святости – негативную и позитивную. Под негативной понимается отсутствие греха, удалённость от греха, очищение от совершённых в прошлом прегрешений. Под позитивной характеристикой имеется в виду истинное внутреннее обновление души, в которой деяния Святого Духа играют важную роль³⁸. Эта формулировка представляется слишком расплывчатой, требующей многих разъяснений. Ведь стоит приложить к ней описание добродетельной жизни Морне, и мы увидим перед собой католического святого, а не одного из вождей Реформации, с той лишь разницей, что ему не требовалось «обновлять» свою душу путём откровения, поскольку он от рождения был наделён всеми необходимыми качествами. Найденные различия позволяют проследить трансформацию учения о святости в доктрине и практике кальвинизма.

³⁸ Dictionnaire de Theologie Catholique. Paris, 1939. P. 843.

Н.С. Креленко (Саратов)

СУДЬБА МИСТРИС АФРЫ БЕН

Афра Бен была одной из самых колоритных фигур английской истории второй половины XVII века. Она принадлежала к той категории женщин, тогда весьма немногочисленной, которые приобрели известность сами по себе, а не из-за своего происхождения, общественного положения. Получив известность при жизни, не была она забыта и после смерти, хотя отношение к ней и ее творчеству заметно менялось со временем.

В XVIII в. ее роман «Оруноко» не раз переиздавался и переводился на иностранные языки¹. Век Просвещения с симпатией воспринимал все, что имело отношение к «естественному» человеку, «благородному дикарю» и знакомству с далекими странами и удивительными нравами. Как полагают некоторые литературоведы, роман «несравненной» Афры Бен оказал влияние на Дефо и на Свифта, в первом случае при разработке темы «добраго дикаря», а во втором – в критическом отношении к ценностям европейской цивилизации.

В XIX в. с утверждением в духовной жизни европейского общества системы «положительных» ценностей отношение к тому пласту английской культуры, представителем которого была А. Бен, становится крайне неприязненным. Вот оценка литературного наследия периода поздних Стюартов, данная лордом Маколеем: «Эта часть нашей литературы, поистине, позор для нашего языка и народного характера. Она, правда, обличает таланты и очень занимательна, но она в сильнейшем смысле слов «мирская, чувственная, бесовская» литература»². Характеристика А. Бен И. Тэном в работе по истории английской литературы звучит весьма категорично: «Пропускаю многих... мистрис Афру Бен, называвшую себя Астреей, что не мешало ей быть шпионкой и развратной женщиной, получавшей за оба ремесла плату и с пра-

¹ См., например: Бен А. Похождения Орунока, князя африканского. СПб, 1796.

² Маколей Т.Б. Комические драматурги времен реставрации // Маколей Т.Б. Полн. собр. соч. Т. IV. С. 139.

вительства, и с публики»³. Оба автора смешивали творчество и моральный облик и оценивали первое, основываясь на своем восприятии второго. При этом они судили их, опираясь на критерии своей эпохи, четкое представление о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Их «подсудимые» жили совсем в иных условиях, подчинялись иным нормам общественных отношений и потому имели иную ценностную шкалу ориентиров. Найти место в этом «мире, перевернутом вверх дном» и выжить можно было вопреки правилам поведения и неким идеалам.

В XX в. интерес к личности и деятельности миссис Бен проявился весьма заметно. Ее творчество было «реабилитировано» из-за романа «Орунок», причисленного к антиколониальному направлению в литературе⁴, что служило прекрасной рекомендацией в период развала колониальной системы. Позднее она привлекла внимание как весьма колоритная фигура с точки зрения проблематики гендерной истории⁵. В Англии ее книги периодически переиздаются, а творчество изучается «беноведами»⁶, внимательно «отслеживающими» извивы ее жизненного пути.

Европа XVII века напоминала улей, окруженный жужжащим облаком, но сохраняющий в недрах неспешный ритм привычной размеренности существования. Английское общество в начале 60-х годов XVII в. переживало резкий поворот от «энтузиазма» периода Великих гражданских войн к девальвации идеалов в условиях постепенного успокоения. Последний акт великой исторической драмы (Славная революция) еще не состоялся, а общество «в горниле плавки страшной расплавив мир вчерашний»⁷ уже вынуждено было приспособливаться к произошедшим переменам, перемещениям, утратам и приобретениям. Общество не может долго находиться в состоянии массового возбуждения, патетика неизбежно сменяется усталостью и разочаровани-

³ Тэн Г.О. Развитие политической и гражданской свободы в Англии в связи с развитием литературы. СПб., 1871. Ч. II. С. 30.

⁴ Allen W. The English novel. A short critical history. L. 1954; Ватченко С.А. У истоков английского антиколониалистского романа (творческие поиски Афры Бен в романтической прозе). Киев, 1984.

⁵ Mendelson S.H. The Mental World of Stuart women. Three studies. The Harvester press. 1987.

⁶ См. например: Bernbaum E. Mrs Behn's biography and fiction // Publications of Modern Language Association of America, 1913, V. 28; Sacuet-West V. Aphra Behn. The incomparable Astrea. N.-Y. 1928; Aphra Behn studies / Ed. by J. Todd. Cambridge, 1995.

⁷ Английская лирика первой половины XVII века. М., 1989, С. 280.

ем, поскольку результаты, полученные в ходе общественных катаклизмов, очень отличаются от идеалов, которые маячили перед умственным взором тех, кто призывал и осуществлял их.

Важным явлением социальной жизни в меняющихся условиях стало торжество индивидуализма, личностного начала, в том числе среди женщин. Этот процесс протекал в рамках складывания основ новой культуры, тесно связанной с развитием книгопечатания и всех сопутствующих этому новшеству явлений. С ростом женской грамотности расширилась читательская аудитория, а значит, выросла потребность в печатной продукции. В то же время литературная деятельность была той сферой, которой женщина, претендующая на самостоятельность или обреченная на нее, могла заняться. На пересечении этих тенденций и возникают условия для появления личности, подобной А. Бен.

Сознательная жизнь Афры Бен хронологически совпала с периодом Реставрации Стюартов: 1660–1689. Существует устоявшаяся и подтвержденная документами и свидетельствами современников история ее жизненного пути. Свидетельства эти, в свою очередь, опираются отчасти на воспоминания тех, кто ее знал, отчасти на ее воспоминания и автобиографические штрихи, разбросанные во множестве в ее сочинениях. Насколько достоверны свидетельства особы всю жизнь сочинявшей? Достоверность многого трудно доказать. Но даже если что-то в своей судьбе миссис Бен и придумала, чрезвычайно показательно, что именно пыталась она себе приписать, какими биографическими данными старались наделить ей современники, во что они хотели верить⁸. Последнее, чрезвычайно интересно и показательно. И, наконец, существуют ее романы, пьесы, поэмы, которые как раз и есть главные факты судьбы пишущего человека.

Первые жизнеописания А. Бен появились в 1696 г. в виде предисловий к ее произведениям. Согласно этим свидетельствам, а также «Воспоминаниям» полковника Т. Коулипипера, написанным вскоре после ее смерти, складывается следующая картина: фамилия Афры при рождении была Джонсон, родилась девушка в «хорошей семье» в центральной части Кентербэри. Она была дочерью врача или цирюльника и получила образова-

⁸ В данной работе календарь жизни А. Бен строится на основании сведений представленных в: Who is who in history. England 1603–1714 / By C.P. Hill., Oxford. 1965. P. 259; Mendelson S.H. The Mental World of Stuart women. Three studies. The Harvester press, 1987; Jones J. New light on the background and early life of Afra Behn // Afra Behn studies.

ние леди, так как знала французский и испанский, позднее и голландский, языки. А вот другая версия происхождения Афры Бен⁹. Согласно записям в церковных книгах, относящихся к 1640 г., она родилась в местечке Вью графства Кент. Отец ее носил фамилию Джонсон, был цирюльником, мать – нянькой в дворянской семье. Общественное положение, предполагающее достаточно широкий круг общения и возможность освоения иностранных языков. Ведь в этих местах жило много выходцев с континента, в первую очередь французских гугенотов, искавших спасения от религиозных преследований. Любознательная дочка цирюльника вполне имела возможность изучить языки, набраться кое-каких знаний и сведений в духе новых культурных веяний, шедших с континента. Впрочем, возможно, супруги Джонсон были приемными родителями, взявшими на воспитание незаконнорожденную дочку некой леди. Проявившееся позднее в пьесах и романах знание внутреннего уклада монастырской жизни и нравов монахинь, наводят на мысль, что молодые годы Афры каким-то образом были связаны с монастырём, где она получала образование. В этом случае версия о воспитании, «подобавшем леди», и католическом влиянии, представляется вполне вероятной.

Программа обучения заметно различалась в протестантской Англии и католической Франции. В пользу «монастырской», а значит – французской, гипотезы свидетельствует её хорошее знание европейских языков, но тогда она могла (и должна была, учитывая ее любознательность) хоть немного выучить латынь. Девочек учили читать, писать, немного считать, танцевать и музицировать, вести хозяйство. Предполагалось знание основ религиозных догматов, Священной и античной истории. Последнее, скорее всего, в виде пересказа «Жизнеописаний» Плутарха. Довольно редко девочек обучали классическим языкам. Между тем, без знания латыни и древнегреческого человек не мог считаться по настоящему образованным. Во всяком случае, Афра Бен в течение всей жизни чувствовала из-за этого свою ущербность.

Оба варианта начала жизненного пути правдоподобны. Первый свидетельствует о заметной размытости социальных перегородок, второй – подтверждает, насколько жизненная практика подправлялась привычными мифами – личность, выделившаяся из общей массы, должна была иметь соответствующее происхождение. А женщине, прославившейся, но прославившей-

⁹ См.: Jones J. Op. cit.

ся так двусмысленно, особенно подходило смутно-благородное происхождение: незаконное дитя благородных родителей.

Пребывание будущей писательницы в Суринаме, бывшем тогда одной из английских колоний в Центральной Америке считается установленным. Еще одна важная черточка времени, когда из кентской глубинки так неожиданно можно было попасть на «перекресток» цивилизаций. Семья отправилась в Суринам в 1658 или в 1663 г. Последняя дата представляется более вероятной в той ситуации, которая сложилась в стране после Реставрации, когда происходил «передел» доходных мест.

Знатный покровитель Джонсона купил патент на управление частью Карибских островов у побережья Суринама. Мистер Джонсон отправился туда с семьей (женой, сыном и двумя дочерьми), получив значительный пост, возможно в качестве вознаграждения за преданность. Таким способом вернувшиеся в Англию в 1660 г. кавалеры хотели «поощрить» (или отправить с глаз долой) отца будущей писательницы, который согласно неясным сведениям имел какое-то отношение к роялистскому заговору 1659 года. Однако воспользоваться этой наградой мистеру Джонсону не довелось: он умер не достигнув «берега удачи», по пути к месту назначения.

Семья оказалась в состоянии полной неопределенности и вынуждена была некоторое время (до того как представилась возможность отправиться в Европу) прожить в колонии. Согласно разным данным, срок ее пребывания там раздвигается от полугода до двух лет. За это время Афра приобрела элементарные знания разговорного языка суринамских негров и индейцев, добавив новый лингвистический багаж к французскому и испанскому языкам, освоенным ею еще в Европе. Суринамский период очень важен для понимания последующей судьбы Афры с разных точек зрения. Здесь она получила массу новых впечатлений, которые будут ею использованы со временем. Здесь же состоялись знакомства, которые повлияли впоследствии на ее жизнь, в их числе знакомство с Уильямом Скоттом, приобретшее форму ухаживания в стиле модных прециозных романов¹⁰.

¹⁰ Этот литературный жанр современники называли «романсами». Прециозная литература, возникла во Франции в период после гражданских войн, ей свойственно стремление противопоставить огрубевшим нравам возвышенные чувства, благородное поведение. Поклонники прециозности старались вести себя, изъясняться, подчиняясь нормам своеобразной театральности, что вполне соответствовало вкусам вре-

Предмет своего обожания У. Скотт называл Астреей, а себя – ее Селадоном. Двое молодых англичан изображали идеальных возлюбленных, описанных в романе д'Юфре «Астрея». Такая театрализованная игра в чувства вполне отвечала вкусам времени. По мнению самой Афры, она была схожа по характеру с молодой героиней: сердечная и дружелюбная, щедрая, но гордая и страстная¹¹. Флирт, однако, не мог иметь продолжения. Афра должна была вернуться в Англию, поскольку пребывание в колонии осиротевшей семьи не имело смысла. Что касается ее Селадона, для него возвращение в Англию было невозможным по политическим причинам: он был сыном республиканца-«цареубийцы» Т. Скотта и должен был искать убежища за пределами английских владений.

Влюбленные покинули Суринам почти одновременно: Афра с семьей вернулась в Англию, а Уильям Смит уехал в Голландию, спасаясь от ареста правительства Реставрации. По прибытии в Англию Афра стала мистрис Бен (Behn или Been), выйдя замуж за А. Бена, голландца по происхождению. Возможно, познакомились они еще в Суринаме. Возможно, супруг был работником. О его личности ничего не известно, но, судя по тому, что Афра в своих произведениях весьма скептически отзывалась о браке, вряд ли ее опыт в этом отношении был удачным. Впрочем, о браке было принято отзываться скептически в то время и в тех кругах, где она вращалась. На память о муже у нее осталось имя, под которым она получила известность и знание голландского языка. Брак был заключен 1664 г. (по другим сведениям в 1658 г.)¹², а в 1666 г. А. Бен умер в разгар эпидемии чумы. Эта утрата ставила молодую вдову перед необходимостью самостоятельного выбора жизненного пути. Согласно традициям и законам общества той поры, женщина считалась собственностью сначала отца, потом

мени. Нередко стремление следовать правилам прециозности в слабом исполнении приводило к манерности и жеманству. В памяти последующих поколений именно прециозность оказалась прочно связанной с мольеровскими насмешками над ее дурными проявлениями.

¹¹ Mendelson S.H. Op. cit. P.120. Впоследствии Афра Бен будет разделять теми же чертами характера героинь своих произведений.

¹² Первый вариант: Mendelson S.H. The mental world...P. 121, второй: Who is who in History. England 1603–1714., P. 259.

мужа, и только овдовев обрела некоторую имущественную и юридическую самостоятельность¹³.

Судя по всему, супруг не оставил Афре приличного состояния, и ей надо было самой решать вопрос о том, как и на что жить. Традиционный путь предполагал поиски нового повелителя (мужа или покровителя). Трудно доподлинно установить, какие меры в отношении собственного устройства предпринимала молодая вдова. Из дальнейшего видно, что она стремилась «быть на виду». К этому времени (середина 60-х годов) относится появление Афры при дворе Карла II, где она, как принято считать, снискала внимание короля, что вполне соответствовало «духу времени», нравам двора и характеру монарха. На всю жизнь она осталась восторженной обожательницей Стюартов. Вероятно этому способствовало не только признанное человеческое обаяние, которым отличались многие представители семьи Стюартов, но вскружившее молодой женщине голову сознание приобщенности к власти «милостию Божьей».

Что касается Карла II, то его поведение в этой истории вполне для него характерно: его внимание было нетрудно завоевать, но этот факт сам по себе еще ничего не значил. Вряд ли можно считать проявлением королевской щедрости и внимания то обстоятельство, что лорд Арлингтон по рекомендации Т. Киллигру отправил молодую женщину с тайной миссией в Голландию, чтобы присматривать за английскими политическими эмигрантами в период подготовки к очередной англо-голландской войне. Выбор был достаточно обоснованным: она носила голландскую фамилию, знала голландский язык, имела знакомого среди республиканцев-изгнанников...

Сама миссис Бен признала порученную миссию «необычной для моей натуры и моих лет»¹⁴. Надо полагать, по натуре Бен была склонна к авантюрам и романтике, поэтому решила на подобное предприятие. Кроме того, ей надо было выживать. Кодовое имя Афры Бен было «Астрея». Астрея (точнее было бы сказать – Далила) ехала к своему Селадону – Уильяму Скотту, который должен был помочь ей выяснить настроения республиканцев и узнать о планах голландцев. Следует огово-

¹³ См.: Mendelson S.H. Stuart women's diaries and occasional memories // Women in English Society. P. 196–199; Greenbury J. The legal status of English woman in early XVIII-century common law and equity // Studies in Eighteenth-century. Vol. 4, Wisconsin, 1975, P. 172–178.

¹⁴ Mendelson S.H. The mental world...P. 122.

риться, что особой ценности в качестве тайного агента наша героиня собой не представляла. Своему начальнику в Лондоне Астрея писала пространные отчеты, в которых больше было красноречия и остроумия, чем точности¹⁵.

Видимо, служебный долг не всегда торжествовал над чувствами в действиях агента Астреи, а может быть, просто женская суетность мешала выполнению миссии. Кроме того, денежные затруднения наталкивались на королевскую необязательность в делах. Деятельность разведки при поздних Стюартах заметно отличалась от той четко работающей машины, которая была налажена Д. Терло в период протектората О. Кромвеля. Во всяком случае, информация о том, что голландцы планируют войти в устье Темзы, была оставлена лондонскими клерками без внимания¹⁶. Словом, пребывание в Голландии оказалось временем, когда над ней нависла угроза оказаться вслед за У. Скоттом в долговой тюрьме и, что казалось ей особенно ужасным, утратить расположение короля.

Возвращение Астреи в Лондон из Голландии, как и прежде возвращение из Суринама, было бесславным и означало очередное поражение в битве за «место под солнцем». Денежные затруднения, в которых она оказалась, во многом определили характер, направленность и интенсивность ее последующей деятельности. Прежде всего, Астрея должна была найти себе занятие, которое позволило бы ей существовать. Она не имела ни четко определенного общественного статуса, ни надежного источника дохода. Скромное и смутное происхождение, в сочетании с образованностью и честолюбивым стремлением «выбиться в люди», толкало ее на нетрадиционные решения.

Рестаурация Стюартов способствовала резкой перемене в умонастроениях общества. Строгость пуританских нравов была отброшена, ей на смену пришла другая крайность: демонстративное легкомыслие, культивировавшееся при королевском дворе и ставшее признаком «хорошего тона» в тех слоях общества, которые демонстрировали неприязнь к пуританству. Обоснованием этих настроений стало упрощенное толкование философских идей Т. Гоббса, а формой проявления – приве-

¹⁵ «Ее болтливость хорошо служила ей как автору с Граб-стрит, но должна была раздражать клерков Хэлсэлла, вынужденных делать конспекты ее отчетов». – *Ibid.* P. 124.

¹⁶ *Ibid.* P. 126.

зенный роялистами-эмигрантами из Франции «либертинаж» или в английском варианте «остроумие» (wit)¹⁷.

«Визитной карточкой» культуры реставрации стал театр. Театральное искусство, оказавшееся под запретом с приходом к власти Долгого парламента (законодательными актами 1642 г. все лондонские театры были закрыты, а актерам запрещалось заниматься своей профессиональной деятельностью), возродилось сразу же после реставрации. В 1660 г. в Лондоне открылись сразу два театра: один находился под покровительством короля Карла II, а другой – его брата Якова, герцога Йоркского. Организатором одного был Т. Киллигру, другого – У. Давенант.

Театр реставрации отличался от театра елизаветинских времен. Что касается репертуара, то наряду с Шекспиром (основательно переделанным согласно требованиям эстетики классицизма), Б. Джонсоном, Бомонтом, Флетчером возник большой спрос на современные пьесы. Среди людей, писавших для театра, были люди самого разного общественного состояния. Можно выделить две категории авторов: писатели-профессионалы (Д. Драйден, Н. Ли, Т. Отвей) и джентльмены-дилетанты (герцог Бэкингем, граф Рочестер, виконт Фолкленд), пишущие для собственного удовольствия. Общим неписанным требованием для всех оставалось наличие классического образования.

Спрос был большим на пьесы самых разных жанров. Наиболее почитаемой считалась трагедия, написанная по правилам классицизма. Эта мода пришла из Франции вместе с вернувшимися эмигрантами-кавалерами. В этом жанре работали такие авторы, как Н. Ли и Т. Отвей. Наряду с этим выделился особый жанр – «героические пьесы», величественные, торжественные, исполненные патетики роковых страстей, но не подчинявшиеся жестким нормам «трех единств». Признанным мастером этого жанра был Д. Драйден, часто сотрудничавший с

¹⁷ «Остроумие» воспринималось как синоним беззаботной жизни, далекой от земных и обыденных дел... Светский кутила стал самым распространенным типом джентльмена-остроумца, для речи которого были свойственны манерность, вычурность, обилие иностранных заимствований (особенно из французского), изысканность метафор и сравнений. Наряду с этим язык остроумцев изобилует грубыми и циничными выражениями, фривольность даже не пыталась облечься в форму намека на иносказание, – жестокая переломная эпоха оперировала понятиями безжалостными и беспощадными». – Ступников И.В. *Английский театр. Конец XVII – начало XVIII века*. Л., 1986, С. 12.

Говардом. Пользовались спросом и трагикомедии, написанные Т. Киллигру, Д. Драйденом и другими авторами.

Однако «дух времени» требовал постановок, отвечающим вкусам щеголей-«остроумцев», составлявших основную массу зрителей. Спрос рождает предложение. Откликом на вкусы «либертенов» стала комедия, остроумная и бессердечная, полная скептического неприятия того, что принято именовать «положительным идеалом», высмеивающая в первую очередь такие пуританские идеалы как трудолюбие и брак.

Данные об образе жизни и мыслей Афры Бен, ее дружеских связях и профессиональной деятельности свидетельствуют о том, что она принадлежала к тем кругам английского общества эпохи Реставрации, среди которых моден был «либертинаж». Она стремилась «быть на виду», ей нужно было зарабатывать деньги: ведь после возвращения из Голландии она должна была вернуть долг в 150 фунтов стерлингов (сумма очень большая для рядового человека той поры). Самым верным способом выбраться из денежных затруднений представлялось ей проявить себя в театре. Выйти на сцену в качестве актрисы ей было уже сложно: ценились только очень молодые дебютантки, а Афре уже перевалило за четверть века.

О том, что она давно была связана с театральным миром свидетельствует несколько фактов. Достаточно вспомнить, что карьерой тайного агента она была обязана Т. Киллигру. Другим подтверждением ее театральных связей является упоминание в «Оруноко» о том, что она подарила Королевскому театру для пьесы Говарда и Драйдена «Королева индейцев» (*The Indian Queen*) наряд из птичьих перьев, привезенный из Суринама¹⁸.

События культурной жизни конца 1660-х могли подтолкнуть А. Бен на выбор нетрадиционного пути. В начале 1668 года придворное общество бурно восхищалось постановкой корнелевского «Горация» в переводе поэтессы Кэтрин Филипс (*K. Philips*)¹⁹. Сама переводчица, бывшая для современников образцом просвещенной и поэтически одаренной дамы, умерла тремя годами раньше и не могла насладиться своим триумфом, но выпавшая на ее долю известность казалась достойной подражания. В 1669 г. Королевский театр поставил трагедию «Марселия, или Вероломный друг», написанную некой миссис Ф. Басби. (*F. Boothby*). И еще одна дама, Е. Поулвил

¹⁸ Behn A. *Oroonoko or the royal slave*. P. 130.

¹⁹ См.: Thomas P. *Katherine Philips ("Orinda")*. Univ. of Wales, 1988.

(E. Polwhele) попыталась проникнуть в качестве автора на театральные подмостки. Успеха обе претендентки не получили, но это были первые попытки женщин выступить в качестве авторов, пишущих для театра с коммерческой целью.

Женское сочинительство, получившее распространение со времен «памфлетной» войны середины XVII в., было делом новым. Англичанки XVII в. оставили после себя дневники, мемуары, политические петиции, памфлеты, поэмы, романы (правильнее «романсы»). Известны имена 231 «авторессы»: они опубликовали 653 сочинения разного рода²⁰. Чаще всего печатались стихотворные и прозаические произведения представительниц «верхов» общества, занимавшихся литературной деятельностью для собственного удовольствия и «отдохновения».

У Афры были иные обстоятельства. Ей некогда было ждать вдохновения. Писала она легко и быстро. Сначала А. Бен попробовала себя в жанре сентиментальной пьесы, вспомнив своего «Юного короля» (The Young King), начатого в Суринаме. В «Юном короле» заметно влияние знаменитой пьесы Кальдерона де ла Барка «Жизнь есть сон». В 1670 г. был написан и поставлен «Брак по принуждению» (The Forc'd Marriage). На этот раз начинающая писательница позаимствовала в «Отелло» и «Зимней сказке» Шекспира сюжетную линию и некоторые характеры. Любопытно, что героини этих пьес, сделанных в духе модных сентиментальных трагикомедий, целенаправленно стремились к замужеству, то есть действовали согласно общепринятым нормам поведения.

Большого успеха постановки эти не имели. Дело заключалось не в пьесах самих по себе, а в том, что их автором была женщина. Одно дела женщина-актриса на сцене, и совсем другое женщина-драматург, посягающая на мужское верховенство в умственной и творческой деятельности. Миссис Бен постоянно приходилось оправдываться и объясняться в прологах и эпилогах своих пьес, утверждая свое право на интеллектуальную деятельность. Способом самоутверждения стали не ее пылкие уверения в стихах и прозе, что женщина способна сочинять пьесы, не получив классического университетского образования (тут она без ложной скромности сравнивала себя с Шекспиром)²¹, а то обстоятельство, что она сумела заручиться

²⁰ Crawford P. Women's published writing 1600–1700 // Women in English society 1500–1800. L., N.Y., 1985, P. 214.

²¹ Mendelson S.H. The mental world... P. 140.

поддержкой и дружбой «нужных» людей. Среди ее друзей были Т. Киллигру, Д. Драйден, Говард, Т. Уичерли, граф Рочестер и другие «остроумцы», законодатели вкусов в театральном мире.

На рубеже десятилетий важным для дальнейшего творчества А. Бен стало появление в 1671 году на сцене Королевского театра пародийной комедии герцога Д. Вильерса (Бэкингема), Т. Спрата и С. Батлера «Репетиция», в которой высмеивались темы и приемы популярных в 60-е годы сентиментальных трагикомедий. Миссис Бен чутко уловила грядущую перемену вкусов и обратилась к комедии интриги, полной «озорного бесстыдства»²². В последующее десятилетие большинство ее пьес было создано именно в этом жанре. Самые известные среди них «Голландский любовник» (*The Dutch Lover* 1674), «Городской щеголь» (*The Town-Fopp* 1676), «Женщина-бретер» (*The Women Turn'd Bully* 1675). Названия пьес достаточно красноречивые, а содержание выдержано в духе требований «либертинажа». Героини комедий демонстрировали дерзость и независимость поведения и не стремились связывать себя брачными узами. Возможно в Бэтти Гудфилд из «Женщины-бретера» А. Бен стремилась продемонстрировать собственный идеал характера и судьбы.

Непреодолимые денежные трудности заставляли Афру Бен писать много и быстро, учитывать в первую очередь вкусы и запросы зрителей. Поэтому часто она использовала чужие сюжеты, наделяя персонажей другими характерами. Успех или неудача постановки зачастую зависела от таких внешних обстоятельств, как политика. Так появление «Голландского любовника» пришлось на начало очередной (третьей) англо-голландской войны, когда отношение к голландцам было далеко не дружелюбным.

В начале 70-х годов вокруг Афры сложился кружок друзей, объединенных интересом к литературе и стремлением приятно проводить время. Дружеские беседы, переписка, флирт составляли смысл общения и были оформлены в духе прециозности. Участники кружка называли друг друга именами героев и героинь пасторальных романов: Астрея, Аминтос, Лусидас, Сильвия и были связаны между собой отношениями, которые принято называть лирическими. Судя по сохранившимся письмам, Лусидас (он же Mr. Je. В., он же Джеффри Бойс) был очередным «селадоном» Астреи²³.

²² Mendelson S.H. Op. cit. P. 127.

²³ Ibid. P. 132.

Судя по всему, эти леди и джентльмены происходили из небогатых и незнатных дворянских фамилий: «младшие сыновья младшей ветви». Во всяком случае, молодые люди, подлинные имена которых удалось расшифровать, были младшими сыновьями в своих семьях и обучались в различных судебных ин-нах. По положению в обществе, уровню благосостояния и занятиям этот кружок был прообразом того, что позднее будут именовать богемой. Для большинства членов этого объединения «по интересам» время пребывания в нем ограничивалось периодом учебы и завершалось женитьбой или замужеством.

Своим друзьям А. Бен посвятила поэму «Наш Кабал» (*Our Cabal*), где шутливо сравнивала маленькое сообщество с все-сильным королевским правительством, и новеллу «Любовь Филандера и Сильвии» (*Amours of Philander and Silvia*), описывающую историю идеальной любви в условной пасторальной среде. Писала она легко и охотно. Кроме пьес и лирических поэм она издавала сборник театральных шуток, (*Covent Garden Drolery 1671*) писала прозаические произведения разные по объему и тематике. Литературное творчество стало для нее не только средством зарабатывания денег, но насущной потребностью. Совершенно искренне она писала: «Я не довольствуюсь сочинительством ради третьего дня»²⁴. Историко-приключенческие сюжеты из далекого прошлого соседствовали с любовным романом в письмах из современной жизни, а обличение политических противников и прославление политических кумиров в стихах и прозе перемежалось с восторженным описанием экзотических стран и обычаев.

На рубеже 1670 и 1680-х гг. в стране вновь усилилось политическое противостояние, началось возрождение оппозиции. Афра Бен сразу и безоговорочно встала на сторону тех, кто отстаивал королевские полномочия, незыблемость власти Короны. В ее творчестве политическая заданность проявилась очень сильно. Писательница стала часто обращаться к обличению взглядов, идей и поведения ненавистных ей сторонников вигской партийной группировки. Примерами такого рода служат сатирические стихотворения «по случаю», пьеса «Круглоголовые или Доброе Старое дело» (*The Roundheads, or The Good Old Cause*), роман в письмах «Любовные письма между джентльменом и его

²⁴ Цит. по: Mendelson S.H. *The mental world*, P. 176. По театральным правилам того времени средства, полученные в день третьего представления спектакля, получал автор пьесы.

сестрой» (Love Letters between a Nobleman and his Sister). Не затрагивая политических споров, оставаясь в сфере частной жизни, она обличала сторонников вигов, изображая их существами, склонными к коварству и интригам (леди Ламберт в «Круглоголовых»), лишенными моральных устоев и т.д. Скандальную известность приобрела ее «Любовная переписка», в основу которой была положена подлинная история о попытке увоза вигом, лордом Уоркером, своей невестки. Писательница обильно украсила свое сочинение эротическими мотивами.

Одновременно ею было создано несколько сочинений, прославляющих Корону. К их числу относятся пьеса «Странник» (переделка «Томазо» Т. Килигру), прошедшая с огромным успехом и надолго утвердившаяся на сцене. Она опубликовала ряд стихотворных посланий в адрес представителей правящей династии: в память умершего Карла II, в честь воцарения Якова II, по случаю разгрома восстания герцога Монмаута и другие.

В 1680-е годы Афра Бен возглавляла литературный салон, посещаемый ее единомышленниками-«остроумцами». Она была всегда разговорчивой, оживленной, полной идей и фантазий. Так описывает ее очевидец. Денежные дела ее, по-прежнему, оставляли желать лучшего, гонораров, полученных от постановки пьес не хватало, поскольку быть аккуратной в этом вопросе она так и не научилась. Зато она проявила здравомыслие в другом. «Женский век был краток в XVII столетии»²⁵, она сумела вовремя это понять, и вела себя так, чтобы не стать объектом насмешек и сатиры. Возможно, Афре не хотелось, чтобы о ней говорили: «она считает, что для неё в году куда меньше 12 месяцев, и к тому же они её не старят...»²⁶

В этот период ее внимание обращено на изучение философской литературы, древней и современной. Она обратилась к переводам Овидия и Лукреция, внимательно изучала Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Р. Декарта, французских моралистов, пыталась сама писать нечто философски-отвлеченное, оставаясь на позициях либертинажа. Так появилась поэма «О желании» (On Desire 1681). Накопившиеся с годами болезни и усталость, о которых она упоминала, в частности в письмах к своему издателю Д. Тонсону (J. Tonson), не мешали ей работать. В 1688 г. ею было создано несколько крупных произведений, таких как «Пламенная кокетка»

²⁵ Ibid. P. 159.

²⁶ Лабрюйер Ж. де. Характеры // Ларошфуко Ф. де. Максимы. Паскаль Б. Мысли. Лабрюйер Ж. де. Характеры. М., 1974. С. 227.

(The Fair Jilt), «Агнес де Кастро» (Agnes de Castro), «Счастливая ошибка» (The Lucky Mistake), «Оруноко» (Oroonoko).

Для современного читателя А. Бен является в первую очередь вторым этого произведения. Роман «Оруноко, или царственный раб»²⁷ связан с впечатлениями, полученными ею в юности. Повествование ведется от лица автора, уже немолодой, уважаемой дамы, известной писательницы. Это сообщается в самом начале повествования, а ближе к концу упоминается о том, что она оказалась в Суринаме после того, как ее отец умер во время плавания по пути к месту службы. Если рассматривать эти слова как данные биографического характера получается неувязка: то ли речь идет о двух разных путешествиях, то ли просто Афра Бен позволила себе не заметить неточности.

С первых строк автор обещает читателям рассказать подлинную историю²⁸. Она подчеркивает, что была *Очевидицей* большей части того, о чем рассказала, а остальные сведения получила от главного героя повествования – «доблестного раба». По ее мнению, только подлинные события, происходившие с реально жившими людьми, представляют истинный интерес и содержат действительную пользу. Прежде чем перейти к изложению событий и познакомить читателя с действующими лицами, А. Бен дает краткую характеристику места действия с точки зрения его интереса и полезности для Англии. В 1667 г. Суринам перешел к Голландии. Писательница набросала список того, что англичане могли вывозить из тех мест. Чисто по-женски начала она не с того, что было экономически наиболее значимо (сахарный тростник), а с того, что представлялось любопытным для читателя, а точнее – читательницы. Деловитое перечисление таких продуктов, как рыба, оленина, выделанная кожа, соседствует с восторженной характеристикой «удивительных» обезьянок-мартышек с «лицами и руками, подобными человеческим», зверушек, бабочек и птиц «разной формы, обличья и цвета», «неподражаемых» туземных нарядов из птичьего оперения.

²⁷ В работе над настоящей статьей были использованы такие издания: Behn A. Oroonoko or the royal slave. / The works of A. Behn ed. by M. Summers. N.Y.: 1967; Behn A. Oroonoko or The history of the royal slave / Ed. with notes and glossary by K.A. Say. Ghana publ. cor. 1977.

²⁸ А. Бен использует для определения своего сочинение слово history вместо распространенного тогда terms, относящегося к сюжетам содержащим необычные, часто фантастические элементы, или novel, которое со временем будут называть правдоподобные повествования. См. об этом: Ватченко С.А. У истоков английского антиколониалистского романа.

Между тем, Афра Бен была типичным представителем английской культуры своего времени в более широком, чем позднестюартовский период смысле. В условиях протестантской Англии это предполагало сочетание увлекательности, поучительности и информативности. Критерий «полезности» принимал порой довольно причудливые формы, проявляясь даже в творчестве тех художников, которые были совершенно чужды пуританской религиозности. Протестантская трезвость взгляда и практицизм восприятия пронизывает все мировоззрение Афры Бен, которая была убежденной роялисткой и, возможно, тайной католичкой. Она могла высмеивать и осуждать пуритан (этому посвящена ее пьеса «Круглоголовые»), но ее собственные взгляды соответствовали системе ценностных ориентиров, сформировавшихся в эпоху пуританской революции.

Жизнь колонии увидена глазами просвещенной европейской женщины. Охота, войны, скальпы, трудная борьба за выживание в условиях тропиков, столкновения с соседними племенами и белыми пришельцами остаются вне ее внимания. Она видит страну «вечной весны» и населяет ее искренними и простодушными людьми. Описывая блестящие безделушки, которыми они украшают себя, вставляя их в уши, нос, губы, странную на европейский вкус манеру одеваться и причесываться, автор явно старается подчеркнуть их непохожесть на тех, для кого она пишет свою книгу. Умиляясь Невинности и Естественности отношений, продиктованных Природой, она восклицает: «Невинная Природа – самая безвредная и добродетельная повелительница»; «эти люди предстали передо мной как воплощение Государства Невинности, существовавшего до того, как люди познали грех»²⁹.

В конце 80-х Суринам, вероятно, вспоминался Афре Бен в связи с девическими впечатлениями и увлечениями. Кроме того, возможно, она хотела пробудить у своих читателей сожаление об утраченной колонии и тех выгодах, которые были при этом потеряны. Наконец, и это для романа самое важное, ей был нужен образ «земного рая» в качестве фона для драматического действия – контраст прекрасного и ужасного так любили обыгрывать художники барокко.

Ее позиция в отношении рабства объясняется просто: рабы полезны, поэтому рабство существует. Ведь даже в идиллическом мире суринамских индейцев побежденные в вооруженных

²⁹ Ibid. P. 131.

столкновениях воины превращаются победителями в невольников. Англичанам, поселившимся в Суринаме, нужны были работники на плантациях, однако добрые отношения с америндами вынуждали искать рабов в других землях. Последнее обстоятельство, по логике автора, привело к необходимости «использовать на наших сахарных плантациях негров, черных рабов»³⁰. По-деловому обстоятельно А. Бен описывает кто, для чего, на каких условиях и за какую цену привозил из Африки рабов для суринамских плантаций. Поэтому продажа в рабство военнопленных представляется делом вполне допустимым самой писательнице и ее герою африканскому «принцу» Оруноко, который считал совершенно естественным захваченных в плен вражеских воинов дарить «даме своего сердца» или продавать европейским работоторговцам. Другое дело, когда его самого обманом заманили на невольничий корабль и продали в рабство.

Герой романа не принадлежит ни к идиллическому миру «добрых дикарей», ни к миру белых. Он представляет собой третью культуру, культуру черной Африки. Одновременно он идеальный Герой и автор всячески обыгрывает его необычность, исключительность. Он исключителен не как черный в мире белых, а как черный, не похожий на своих соплеменников.

Оруноко ведет беседы на французском и испанском языках, демонстрируя знакомство с римской историей и событиями современной английской жизни. «Он слышал о последних Гражданских войнах в Англии и скорбел о смерти нашего великого монарха»³¹. Естественно, что автор, будучи сама убежденной роялисткой, наделила своего «положительного» героя симпатичными ей взглядами.

Соединяя в его характере черты лирического «селадона» с чертами отважного рыцаря, автор явно стремилась подогнать его характер под условные представления не прециозной эстетики в узком значении этого слова, но ценностной системы своего общества. Желая показать красоту представителя другой цивилизации, А. Бен старается, с одной стороны подчеркнуть его «инакость», экзотичность, а с другой – наделить его теми чертами, которые представлялись особенно ценными в пределах привычной ей шкалы ценностей.

Согласно эстетическим критериям итальянского Возрождения при изображении предмета важнее форма, а не цвет. Анг-

³⁰ Ibidem. P. 133.

³¹ Behn A. Oroonoko. P. 167.

лийский философ Ф. Бэкон оставил такое рассуждение о красоте: «В деле красоты отдают предпочтение красивым формам перед красивым цветом»³². Исходя из этих критериев Оруноко и ее возлюбленная Имойнда могли считаться красивыми, имея черный цвет кожи, но форма (черты лица и тела) должны были соответствовать европейским критериям красоты.

Горделивость облика и поведения Оруноко натолкнули плантатора Трефи, ставшего его хозяином, на мысль назвать его Цезарем. Это имя связывалось в европейской культурной традиции с представлением о человеке доблестном, мужественном, выдающимся своими душевными качествами. В то же время, оно несло дополнительную смысловую нагрузку: Оруноко-Цезаря ожидал такой же трагический конец.

Достоверно известно, что в период, когда Суринам был английской колонией, было несколько случаев массовых побегов рабов с плантаций. Такие беглецы – они назывались «мароны» – создавали самостоятельные поселения и жили там, занимаясь охотой, рыбной ловлей³³. В романе Оруноко-Цезарь убеждает рабов бежать на побережье океана с тем, чтобы создать там свое поселение и ждать возможности переправиться на корабле в Африку. Отношение автора к этим событиям двойственно: это одновременно страх перед угрозой собственной безопасности и сочувствие беглецам. Понимание, проявленное писательницей в отношении образа мыслей и действий описываемого ею героя, можно рассматривать как едиனுшие притесняемых – представителя угнетенной расы и представительницы угнетенного гендера³⁴.

Пойманный и наказанный Оруноко вновь скрывается, теперь уже только вместе с верной Имойндой. После долгих поисков солдаты нашли его возле тела убитой им жены. Он объяснил своим преследователям, что не хотел, чтобы она и ребенок, которым она была беременна, были рабами. «Через всю литературу XVII века тянется, усиливаясь во второй половине столетия, тема перехода от идиллического состояния к жестокой правде

³² Бэкон Ф. Нравственные и политические очерки. // Хрестоматия по мировой художественной культуре. С. 257.

³³ См.: Price R. The Guiana Maroons. A Historical and Bibliographical Introduction. Baltimore, 1976. P. 23.

³⁴ Pearson J. Slave princes and lady monsters: gender and ethetic difference in the work of Aphra Behn. // Aphra Behn studies. P. 219.

жизни»³⁵. Эти слова известного отечественного знатока английской литературы хорошо передают своеобразие романа «Оруноко». Начав с восторженного описания идиллического земного рая, А. Бен завершила повествование картиной казни героя.

У современников «Оруноко» имел успех, уже в XVII в. он переделывался как театральная пьеса дважды – Т. Саутерном («Оруноко», 1696) и У. Уокером («Победоносная любовь», 1698). Что касается самой писательницы, то для нее последний год Реставрации Стюартов стал последним годом жизни. События Славной революции, пришедшие на осень – зиму 1688–1689 г., означали крушение идеалов Афры Бен. Она еще обратилась со стихотворным приветствием к новой королеве Марии. Показательно, что приветствовала она, подчеркнув это, дочь Якова II Стюарта, а не ее супруга Вильгельма Оранского, бывшего в глазах Бен узурпатором. 16 апреля 1689 г., через пять дней после коронации Уильяма и Марии, Афра Бен умерла.

«В поворотное столетие Филипс и Бен стояли рядом в общественном мнении: первая – родовитая и благородная безупречность; вторая – удачливая профессионалка, и, конечно, (в числе лучших авторов беллетристики своего времени) наилучший прототип женщины-романистки XVIII века»³⁶. Английская культурная традиция долгое время отдавала предпочтение дилетантизму перед профессионализмом. Но если личность К.Филипс воплощала образ леди-дилетантки, поэтически одаренной и женственно скромной, то А. Бен никак не вписывалась в эти рамки. Она совершенно не соответствовала утвердившимся в последующую эпоху представлениям о том, какой должна быть «правильная» женщина, в том числе женщина, занимающаяся творчеством. Она вызывала осуждение по трем параметрам. Во-первых, она писала «нескромные» пьесы, романы и поэмы; во-вторых – держала себя вызывающе самостоятельно, предвосхитив своей жизнью судьбы «бунтарок» последующего периода; и, наконец, – очень воинственно защищала дело Стюартов. А поскольку на протяжении последующего времени Стюарты в рамках национальной мифологии были близки тому, что можно определить как «антигерои», то их защитница невольно оказывалась в тени «стюартовского мифа».

³⁵ Самарин Р.М. Проблема реализма в западноевропейских литературах XVII века // Семнадцатый век в мировом литературном развитии. М., 1969, С. 66.

³⁶ Spencer J. The Rice of the Women Novelist. N.-Y., 1986, P. 29.

В.Л. Керов

МОРИС-АВГУСТ БЕНЁВСКИЙ: ИСКАТЕЛЬ ПРИКЛЮЧЕНИЙ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ?

Граф (он же барон) Морис-Август Бенёвский (1741–1786) – колоритнейшая фигура международной жизни второй половины XVIII в. В его судьбе протянулась связующая нить между Россией, Японией, Китаем, странами Юго-Восточной Азии, Францией и другими западноевропейскими государствами, Мадагаскаром и США. Свои приключения он описал в мемуарах (на французском языке), опубликованных уже после смерти их автора в 1791 г.¹ Это источник весьма и весьма субъективный, отражающий стремление его героя всячески приукрасить все то, что он делал, и замолчать неблагоприятные поступки. Но имеется немало и других материалов, включая официальные акты и архивные документы разных стран, которые проясняют события, связанные с деятельностью Бенёвского.

В XIX–начале XX в. в России в различных журналах появилось много статей и заметок, посвящённых Бенёвскому. В основном речь шла о его жизни в России и бегстве с Камчатки. Интерес в нашей стране к личности Бенёвского, его делам усилился после второй мировой войны. Речь идёт главным образом о научно-популярных изданиях или художественных произведениях. На этом фоне выделяется книга А.Б. Давидсона и В.А. Макрушина (с научным аппаратом), немало страниц которой посвящено Бенёвскому². О нём говорилось и в монографии автора этих строк, посвящённой французской колонизации Мадагаскара и Маскаренских островов и других работах³. Значи-

¹ Voyages et mémoires de Maurice-Auguste, comte de Benyowsky, Magnat des Royaumes d'Hongrie et de Pologne, etc. (далее – Benyowsky). Т. I–II. Р., 1791. Мемуары были опубликованы и на других европейских языках.

² Давидсон А.Б., Макрушин В.А. Зов дальних морей. М., 1979. С. 143 сл.

³ Керов В.Л. Французская колонизация островов Индийского океана XVII–XVIII вв. М., 1990. С. 92–94. Он же. Граф Морис-Август Бенёвский в российской историографии // В.А. Дунаевский. Педагог, учёный, сол-

тельно больше материалов о Бенёвском было опубликовано за рубежом, особенно в Польше в XIX и в XX вв., но в основном опять-таки после второй мировой войны; Бенёвский – поляк по отцу – был представлен чуть ли не национальным героем. В меньшей степени, но тоже достаточно много о Бенёвском писали в Венгрии – ведь он принадлежал к семье венгерских земельных магнатов, и к тому же его мать была венгеркой. В Словакии также опубликовано несколько статей о Бенёвском. Дело в том, что имение Бенёвских, где родился наш герой, находилось на словацких землях, входивших в Венгерское королевство (в составе австрийской монархии Габсбургов). Книги, в которых упоминается Бенёвский, появились во Франции; можно выделить, например, сочинение, принадлежащее перу П. Кюльтрю⁴. Немало художественных произведений, специально посвящённых Бенёвскому, было издано в разных странах. Пожалуй, самым известным из них стала драма знаменитого немецкого писателя Августа Коцебу.

Морис-Август Бенёвский родился в 1741 г. в родовом имении своего отца Самюэля, графа Бенёвского, расположенном в местечке Вербове в Словацких землях, входивших в то время в состав Венгерского королевства. В Мемуарах Бенёвского утверждается, что его отец был кавалерийским генералом австрийской армии (по другим данным, он имел лишь чин полковника)⁵. Мать Мориса-Августа Роза, урождённая баронесса Реваи, являлась в то время наследницей владений и титула графов Тюрк⁶.

В 40-е гг. XVIII в. Габсбурги в интересах укрепления своего союза с венгерскими (а иногда и польскими, если иметь в виду, например, семью графа Бенёвского) феодалами пошли на то, чтобы дать им более широкие возможности самостоятельных действий и в политической, и в экономической области.

Юность Мориса-Августа прошла при венском дворе, где он получил истинно аристократическое воспитание и прошел соответствующее обучение. Уже в 14 лет он решил посвятить себя военной карьере: в 1756 г. началась потрясшая всю Евро-

дат. К 80-летию со дня рождения. М., 2000. С. 163–180.

⁴ *Cultru P. Un Empereur de Madagascar au XVIIIe siècle. Benyowszky. P., 1906.*

⁵ *Polski Słownik Biograficzny. Krakow, 1935. T. I. S. 429.*

⁶ *Puffke K. Maurycy August Beniowski jego ziwot oraz przygody z czasu pobytu na Kamczatce. Poznan, 1886. S. 3.*

пу Семилетняя война, последний общеевропейский конфликт, разразившийся до Великой Французской революции.

Юный Беневский был зачислен в чине лейтенанта в полк Зибеншейна, входивший в состав императорской армии (позднее он стал капитаном). Бенёвский принял участие в битве при Лобозице 1 октября 1756 г. Австрийская армия во главе с маршалом Брауном, несмотря на почти двукратное превосходство, была вынуждена отступить под натиском пруссаков, ведомых самим Фридрихом II Великим. Вторая крупная битва, в которой участвовал Беневский, произошла 6 мая 1757 г. между 60-тысячной австрийской армией Карла Лотарингского и 64-тысячной прусской армией того же Фридриха Великого. Несмотря на выгодную позицию на реке Молдава (Влтава) австрийцы с большими потерями были отброшены назад – в Прагу, откуда они выступили. Положение спасла другая австрийская армия под главенством генерала Дауна, разбившая в битве у Колина 18 июня прусскую армию. Это вынудило короля Фридриха снять блокаду Праги и отступить. В том же году Бенёвский стал участником еще одного сражения между австрийскими и прусскими армиями недалеко от небольшого городка Швейдница (12 ноября). И, наконец, последняя битва, к которой был причастен юный граф, – под Домштадтом, в 1758 г. Здесь австрийскими войсками командовал генерал Лаудон.

Именно в это время Морис-Август получил из Литвы, входившей в Речь Посполитую, письмо от своего дяди (Бенёвского), который приглашал его приехать и оформить наследование принадлежавшими ему землями. Юный Беневский немедленно оставил императорскую службу и отправился в Литву. Не успел Морис-Август стать наследником литовских владений своего дяди, как получил известие о внезапной смерти своего отца и о том, что наследниками его имения объявили себя кузены Мориса-Августа. В связи с этим Беневский был вынужден незамедлительно отправиться в Венгрию. Но он не смог вернуть фамильную собственность. Ему не удалось сломить сопротивление кузенов и даже силой утвердиться в родовом замке.

Возможно, используя отъезд Бенёвского из императорской армии, родственники объявили его мятежником и добились утверждения себя наследниками родового владения Мориса-Августа. Попытки же последнего добиться при Венском дворе своей реабилитации не увенчались успехом. Он был вынужден бежать в Польшу. Оставив свои владения в Литве в верных руках, Беневский отправился путешествовать. Он по-

бывал в Гамбурге, Амстердаме, Плимуте, В 1767 г. он подготовился к путешествию в Индию, но важные события помешали осуществить его намерение. Дело в том, что Морис-Август получил несколько писем от польских магнатов и сенаторов, приглашавших его вернуться в Польшу и войти в формирующуюся там конфедерацию, направленную против польского короля, России, а также Пруссии и Австрии⁷. Бенёвский решил, что это приглашение отвечает его интересам и в июле того же года прибыл в Варшаву, где принес клятву верности участникам конфедерации, впоследствии названной Барской (по имени города, где она была создана).

Здесь мы должны коснуться одного очень важного вопроса, а именно – о соответствии фактов и дат, о которых сообщает Бенёвский, действительным событиям. Такие сомнения высказывает, например, российский исследователь В.И. Штейн. Он поддерживает сомнение английского издателя мемуаров Бенёвского, сославшегося на выписку из метрических книг вербовского прихода и утверждавшего, что подлинной датой рождения Бенёвского является 1746 г. Иначе говоря, ни о каком поступлении на службу в австрийскую армию (теперь уже в 11 лет) и участии в Семилетней войне и речи быть не могло. Однако никто из польских, венгерских и словацких авторов (а это многие десятки имен) ни на йоту не усомнился в подлинности даты рождения Бенёвского в 1741 г. Не поддерживает критики и другое утверждение Штейна, тесно связанное с первым, о начале военной карьеры Бенёвского. Штейн, ссылаясь на некие данные французского колониального архива, утверждает, что действительно поступив на службу в австрийский полк (но когда?), Бенёвский повздорил с командиром, вышел в отставку и поселился в Трансильвании (имелись в виду словацкие земли и родовое имение Бенёвских) и лишь после смерти отца перешел на военную службу в Польшу, где с 1763 по 1767 г. находился в рядах калишского кавалерийского полка. Сказанное совершенно дезавуирует рассказ Бенёвского о его морских путешествиях и дальнейшей судьбе⁸. Однако, если не поверить рассказу Бенёвского, то станет совершенно непонятным стремление будущих конфедератов заполучить его в свои ряды, а позднее – назначение на крупные военные должности. Но вернемся к изложению событий из жизни и деятельности Бенёвского, основанного на общепринятой в историографии версии.

⁷ Halecki O. Historia Polski. Lublin-Londyn, 1992. S. 182 ss.

⁸ Штейн В.И. Самозванный император Мадагаскарский (М.А. Бенёвский) // Исторический Вестник. 1908. Т. СХІІІ (Июль) С. 178–179.

В декабре 1767 г. Бенёвский предпринял последнюю попытку добиться справедливости у венского двора. Но опять неудачно. Потеряв всякую надежду, он был вынужден вернуться в Польшу, навсегда расставшись с австрийским подданством. Еще до создания конфедерации Бенёвский взял на себя клятвенное обязательство помогать повстанцам. Летом 1768 г. конфедераты напомнили ему о клятве и в конце июня он прибыл в осажденный русскими войсками Краков. Беневский активно участвовал в боевых действиях. 11 августа в три часа утра отряд во главе с Бенёвским предпринял вылазку из осажденного Кракова, вынудив командующего русскими войсками генерал-майора графа П.Ф. Апраксина сосредоточить для борьбы с Бенёвским крупные силы. Беневский сопротивлялся до 8 часов утра, когда отряды казаков и гусаров взяли верх. Потери его отряда исчислялись 160 убитыми и ранеными. Под Бенёвским был убит конь, а сам он с двумя ранами попал в плен.

По словам Бенёвского, Апраксин и ранее имевший высокое мнение о его талантах, был восхищен осуществленным им в этом бою маневром, и предложил перейти на российскую службу, но он «с негодованием» отверг это предложение и был вместе с другими пленными отправлен в Киев. Друзья-конфедераты, очень ценившие графа Бенёвского, предложили царским властям за него крупный выкуп, равный двум тысячам дукатов, или 22 тысячам французских ливров (1 ливр был равен 489,5 г. серебра). Взяв с Бенёвского честное слово, что он не будет участвовать в борьбе с Россией, командование российских войск освободило его. Но Бенёвский решил, что слово, данное врагу, ни к чему не обязывает и, вернувшись в Краков, снова взялся за оружие и принял командование кавалерией⁹.

⁹ В.И. Штейн подверг сомнению утверждения Бенёвского о присвоении ему сначала чина полковника, а позднее, 6 июля 1768 г. после назначения начальником артиллерии конфедератов – чина генерала. Речь шла также и о награждении Бенёвского орденом, Белого Орла. По мнению Штейна, домогаясь впоследствии генеральского чина во Франции, Беневский представил патент на чин генерал-майора войск польской республики, подписанный ее генеральным маршалком М.-И. Красиньским, а также, графом М.-Я. Пацом. Этот патент, в котором упоминается о сибирской ссылке, датирован 16 июля 1772 г. и был выдан Бенёвскому эмигрантами, в то время уже не правомочными (Там же. С. 179). Однако вряд ли замечания Штейна справедливы. Несомненно в разгар боевых действий руководителям конфедерации было не до бюрократических процедур. Важно, что Беневский действи-

Пик борьбы конфедератов с польскими королевскими отрядами, с царскими, а также прусскими и австрийскими войсками прошел в 1768 г. и вплоть до мая следующего, 1769 г., жизнь Бенёвского, не была отмечена какими-либо серьезными событиями. Однако 19 мая указанного года в его судьбе произошел перелом. Тяжело раненный в бою с царскими войсками двумя сабельными ударами и ружейным выстрелом, он был захвачен в плен под Тернополем полковником Бринкеном и попал в госпиталь. 4 августа того же года по распоряжению русского командующего князя А.А. Прозоровского (будущего генерал-фельдмаршала) Беневский был отправлен долечиваться в хорошо знакомый ему Киев. Отсюда его вместе с пленным шведским майором Винбладом, также состоявшим на службе у конфедератов, отправили в Казань. Здесь находилось много пленных поляков и среди них генерал Чарнецкий. Между тем здоровье Бенёвского постепенно восстанавливалось, и он приступил к активным действиям, которые могли бы способствовать бегству из Казани. Он выбрал двойную тактику. С одной стороны, завел знакомство с местной татарской знатью, надеясь на симпатии ее представителей к Турции. С другой, – стал встречаться с оппозиционно настроенными русскими дворянами, по его мнению недовольными деспотической властью императрицы и чуть ли не затеявшими антиправительственный заговор. Причем речь шла о дворянах не только Казанской, но и Воронежской, Белгородской, Киевской и Московской губерний. Беневский стал организатором и, можно сказать, душой заговора пленных поляков, рассчитывая на поддержку близких к нему лиц из числа татарской знати и русского дворянства¹⁰.

Заговор был раскрыт, а Бенёвский вместе с Винбладом бежал в Петербург. Однако здесь беглецы были пойманы полицией. Их лично допросил полицмейстер генерал-лейтенант граф Чичерин. Он предложил Бенёвскому список вопросов, на которые тот должен был ответить письменно.

Отвечая на первый вопрос, Бенёвский заявил, что он родился как магнат Венгерского королевства и Польши; ему 28 лет и он исповедует христианскую религию. Обратим внимание на возраст, указанный Бенёвским. У него не было никакого резона обманывать

тельно находился, используя современную нам терминологию, на генеральских должностях.

¹⁰ См. подробнее: Керов В.Л. Граф Бенёвский в России. М., 1997. С. 10 и сл.

допрашивающего, ухудшая тем самым свое положение. К тому же для опытного Чичерина не составляло бы большого труда определить примерный возраст арестованного и учесть его в случае необходимости во лжи. Отвечая на второй вопрос о том, какой державе он служил до того как войти в польскую конфедерацию, Бенёвский написал (опять-таки вспомним разоблачения Штейна), что он служил в армии императора австрийского и участвовал в войне против короля Пруссии. А отвечая на вопрос о том, кто ему предложил подписать конфедеративный акт, Бенёвский заявил, что он считал это своим долгом.

В конечном итоге Бенёвский оказался в ссылке на Камчатке, в г. Большерецке, куда его доставили в декабре 1770 г. Неумная энергия и острый ум Бенёвского принесли свои плоды. Воспользовавшись отсутствием бдительности у представителей местной администрации, Бенёвский организовал мятеж русских ссыльных и захватил галиот «Св. Петр»¹¹. Первоначально отправившись в плавание в южном направлении, Бенёвский, в распоряжении которого оказалась большая команда, не имел четкого плана действий.

Бенёвский и его команда побывали в Японии, Китае, Макао, и это привлекло к нему внимание представителей европейских держав, которые надеялись извлечь выгоду из знакомства с энергичным российским ссыльным: по свидетельству самого Бенёвского, во время его пребывания в Макао он получил предложения о сотрудничестве от англичан, голландцев и французов. 3 октября 1771 г. к нему явился некий Гор, «капитан на службе английской компании» (т.е. Ост-Индской), и передал предложение директоров перейти на службу этой компании, передать свои записи, которые как они считали, он вел во время плавания с Камчатки, а главное никому не рассказывать о сделанных им – в чем они также были уверены – открытиях никем не занятых земель. Бенёвский отказался от этого предложения, сославшись на то, что он уже принял аналогичные предложения директоров французской компании. Тем не менее через три дня, 6-го октября предложения капитана Гора были подтверждены английским неgociантом, проживавшим в Макао, который вручил ему письменные предложения английского консула в Кантоне, обуславливающие переход Бенёвского на

¹¹ Корф М.А. Брауншвейгское семейство. М., 1993. С.370–371. Janik V. Dzieje polaków na Syberji. Krakow, 1928. S. 74; Берх. Побег Графа Беньовского из Камчатки по Францию. Отрывок из Истории Географических открытий Россиян // Сын Отечества. СПб., 1821, № XXVII. С. 8.

службу к английской компании. Прежде всего, Бенёвский получал единовременный презент, равный 15 тыс. гиней. Служба в Ост-Индийской компании, вкуче с передачей записей «манускриптов» оценивалась пенсией в 4 тыс. фунтов стерлингов (очевидно в год), переходившей по наследству к детям графа. Каждый офицер, входивший в команду Бенёвского получал бы пенсию в 100 ливров, другие члены его экспедиции – 30. При организации поселений вне Китая – а это, несомненно, было главной целью компании – Бенёвский получил бы всю необходимую помощь. В тот же вечер губернатор сообщил Бенёвскому свое мнение о том, что некоторые из окружения графа подкуплены англичанами.

И, наконец, 12 октября Бенёвский получил письмо от Гобэна, директора отделения французской Индийской компании в Кантоне. В письме сообщалось – явно в ответ на конкретную просьбу Бенёвского, – что два корабля принадлежащие компании, «Дофин» и «Лаверди», готовы принять на борт его и всех его людей. В тот же день один из приближенных Бенёвского – Кузнецов рассказал графу, что он раскрыл заговор, во главе которого находился ещё один из сподвижников Бенёвского – Степанов, которому, как потом выяснилось, помогал ещё один член экипажа – швед Винблад, также написавший воспоминания. Этот последний вызвался передать англичанам бумаги и документы Бенёвского за 5 тыс. фунтов стерлингов, о чем свидетельствовало письмо посредника в этом деле негодянта Джексона. Бенёвский решительно удалил из своей группы Степанова, простив Винблада, а свои бумаги передал знакомому архиепископу, в лояльности которого был уверен.

Бенёвский решил связать свою судьбу с Францией. 10-го декабря он собрал членов своей группы («всех моих компаньонов»), как он отмечал в своих записках, и поставил перед ними вопрос: согласны ли они отправиться в Европу, на борту ожидаемых французских кораблей. Но в таком случае они должны будут безоговорочно подчиняться его приказам.

Этот разговор был связан также с тем, что офицеры Бенёвского обнаружили документы, которые английские агенты пытались распространить среди членов экипажа Бенёвского и в которых содержались предложения английской компании спутникам графа. Согласно этим документам, во-первых, англичане были готовы заплатить каждому из спутников Бенёвского тысячу пиастров, в случае его согласия перейти на службу английской компании и передать в ее руки «манускрипты» графа. Во-вторых, в случае отказа

от сотрудничества с англичанами к членам экипажа Бенёвского будет применена сила для того, чтобы задержать их от имени императрицы России и вернуть обратно в Российскую империю. Если же, в-третьих, спутники Бенёвского примут решение служить компании и будут участвовать в экспедициях в Японию и на Алеутские острова, компания обязуется добиться у императрицы согласия на эти их действия. Видимо, Бенёвский был уверен, что его спутники-беглецы с Камчатки были знакомы с предложениями англичан и поэтому также поставил вопрос категорично.

Все спутники Беневского, включая Винблада и вернувшегося Степанова, ответили, что готовы полностью подчиняться приказам графа¹². Степанова Бенёвский отверг, заплатив ему, однако, 4 тыс. пиастров).

20 декабря Бенёвский отдал приказ о приготовлении к отъезду. Это было результатом соглашения, подписанного им с капитаном де Сент-Илером, находившимся на службе французской Индийской компании. Соглашение было утверждено упоминавшимся Робеном, директором отделения компании в Кантоне. Согласно договоренности, Бенёвский обязался уплатить компании за проезд на ее кораблях его самого и его команды 115 тысяч туреньских ливров.

В ожидании французских судов Бенёвский продал свой галиот «Св. Петр» португальскому торговцу за 4,5 тыс. пиастров наличными и за такую же сумму в кредит. 22 января 1772 г., в гавань на китайской территории Кантона, куда переместились из Макао Бенёвский и его спутники, вошли вышеупомянутые французские корабли: 64-х пушечный «Дофин» под командованием шевалье Сент-Илера и 50-ти пушечный «Лаверди». На борту первого корабля разместились сам Бенёвский и половина его людей, на борту второго – другая половина. Общее число спутников Бенёвского насчитывало в этот момент всего 47 чел., мы говорим «всего», поскольку в момент отплытия 12 мая 1771 г. число пассажиров было равно 83 чел. (по другим данным – 96), из которых мужчин, способных нести морскую службу насчитывалось 75 (или 85). Среди пассажиров было двое детей, две девушки и четыре замужних женщины. Итак, потери убитыми, умершими от болезней и других причин составили половину спутников Бенёвского. Потери имелись и в Кантоне: накануне отплытия здесь умер капитан «Св. Петра» Шурин.

¹² В итоге Степанов поступил на службу к голландской компании, надеявшейся узнать от него что-либо о путешествии Бенёвского, и уехал в Батавию.

Корабли с людьми Бенёвского на борту двинулись в путь и 4-го февраля пересекли экватор. 16 марта, как отмечал Бенёвский в своих мемуарах, «целыми и невредимыми прибыли на Иль-де-Франс». Примерно через месяц Бенёвский побывал вместе с губернатором Иль-де-Франса на Мадагаскаре. Но не в северной части восточного побережья этого огромного острова, где он создал позднее новую колонию, а на его юго-восточной оконечности, там, где до недавнего времени была главная французская колония на Мадагаскаре, а именно в Форт-Дофэне. Как пишет Бенёвский, рассказы губернатора Иль-де-Франса Дероша разожгли в нем желание узнать как можно больше об этом «прекрасном и огромном острове». Но, «к несчастью», его пребывание на этой земле было слишком кратким. Буквально через несколько дней корабль с Бенёвским и его спутниками на борту отправился из Иль-де-Франса по Атлантическому океану к берегам Франции, куда он прибыл 18 июля того же 1772 г.

Высадившись в г. Порт-Луи 19 июля, Бенёвский тотчас же отправил с курьером письмо министру иностранных дел Франции герцогу Эгийонскому. Бенёвский просил у него разрешения прибыть ко двору, для того чтобы сообщить важные сведения, прежде всего о тайном договоре, как он утверждал, между Москвой и Лондоном. Себя он назвал вассалом его величества короля Франции и подписался как полковник Польской республики. Уже 2 августа Бенёвский получил от д'Эгийона приглашение прибыть в Компьен, где в это время находился королевский двор. Существует версия, согласно которой, министр был расположен отправить Бенёвского в Венгрию, а его русских спутников – в Россию. Но, к счастью для Бенёвского, все обошлось, и он благополучно добрался 8 августа до Компьена (в своих мемуарах он ошибочно указал Шампань).

Герцог Эгийонский предложил Бенёвскому от имени короля Франции поступить на службу, став командиром пехотного полка. Бенёвский, по его словам, принял это предложение, но при условии, что король поручит ему создать поселение за мысом Доброй Надежды, имея в виду Мадагаскар. Первоначально Бенёвский планировал завоевание Формозы (Тайваня), но затем остановился на проекте проникновения на Мадагаскар. В ожидании ответа герцога и решения своей судьбы Бенёвский разыскал своего дядю, бывшего гусара графа де Бенёв (во французском произношении), который занимал должность коменданта города и крепости Бар-ле-Дюк на северо-востоке Франции. Он был командором королевского ордена Св. Лазаря

и шевалье ордена Св. Людовика. Денежная помощь дяди и покровительство королевских властей позволили Бенёвскому отправить нарочного в Венгрию на поиски жены и сына. В конце года жена Бенёвского прибыла во Францию, но лишь со своей сестрой, носившей родовую фамилию Хенска. Сын же его умер как раз в момент прибытия курьера.

В декабре того же 1772 г. герцог Эгийонский сообщил Бенёвскому о согласии Людовика XV на организацию поселения на Мадагаскаре. Однако еще 15 сентября министр по морским делам де Буайн неофициально сообщил ему о намерении Его Величества организовать крупную экспедицию на Мадагаскар и доверить это предприятие заботам Бенёвского. Бенёвский, соглашаясь с этим предложением, заметил, однако, что учитывая имеющийся опыт проведения подобных экспедиций, выполнение такого важного предприятия, в стране столь отдаленной, с очень жарким климатом и при недовольстве местных жителей, потребует хорошо организованных операций, значительных сил и постоянной помощи, чтобы ничего не оставлять на волю случая. Через несколько дней министр опять пригласил к себе Бенёвского и сообщил ему, что в намерения Его Королевского Величества входит доверить ему командование военным отрядом в 1200 чел. Король обещал позаботиться о том, чтобы у Бенёвского не было нужды в чем-либо, и ускорить подготовку этого значительного предприятия. Бенёвский заметил министру, что 1200 чел. это слишком много для того, чтобы, как он деликатно выразился, «добиться доверия местных жителей», и что было бы достаточно 300 человек. Министр одобрил это предложение.

К 20 января 1773 г., уже после получения Бенёвским неофициального ответа от короля набор рекрутов был закончен. Однако попытки Бенёвского получить от де Буайна конкретный план по организации экспедиции не увенчались успехом. В начале февраля де Буайн еще раз вызвал к себе Бенёвского и сообщил ему, что план его экспедиции подготовлен чиновниками министерства, но он считает его неудачным. Поэтому Бенёвскому предоставляется свобода рук для корректировки и дополнения этого плана. Де Буайн рассказал Бенёвскому, что в намерения короны входит создание на Мадагаскаре небольшого поселения, существующего или на средства колоний в Иль-де-Франсе и Бурбоне или с помощью развития торговли. Это поселение могло бы помочь подготовке людей для отправки в Индию.

Бенёвский, по его словам, продолжал после этого приема у министра встречаться с его главным советником Ода, кото-

рый, однако, плохо знал положение на Мадагаскаре: его знания основывались на противоречивых сведениях торговцев. Советник сообщил лишь несколько деталей и показал карту этого острова. Эти данные в соединении с тем, что Бенёвский узнал от Жоанниса, капитана корабля, совершившего несколько путешествий на Мадагаскар, дали ему материал для составления плана колонизации Мадагаскара. В мемуарах Бенёвского приводится «План, представленный министру, относительно мер, обеспечивающих успех моих операций на Мадагаскаре», состоящий из семи пунктов¹³.

Речь в этом документе идет не о создании поселения, а лишь о подготовительных мероприятиях к экспедиции Бенёвского. Согласно пункту 1 министр должен был обеспечить отправку на Иль-де-Франс рекрутов, провизии, напитков и денежного вознаграждения за год. В соответствии с пунктом 2 министр должен был приказать властям Иль-де-Франса передать Бенёвскому два корабля, водоизмещением 120 и 150 т каждый. Эти корабли будут предназначены для транспортировки войск и необходимой провизии на Мадагаскар. Один из кораблей должен был оставаться в распоряжении Бенёвского для связи с Иль-де-Франсом, а другой доставит во Францию лиц, которые проинформируют министра об экспедиции на Мадагаскар. Согласно пункту 3 министр должен был приказать властям Иль-де-Франса снабдить Бенёвского товарами стоимостью 200 тыс. ливров, а также боеприпасами, артиллерией, мебелью для госпиталя. Нужно будет также выделить Бенёвскому плотников с инструментами, необходимыми для сооружения жилищ для солдат Его Величества. В пункте 4 Бенёвский обратился к министру с просьбой приказать властям Иль-де-Франса выделить для экспедиции четыре готовых деревянных дома: один для склада, другой для госпиталя, третий – под солдатскую казарму, четвертый – в его личное распоряжение. В пункте 5 содержалась просьба Бенёвского выделить ему опытных администраторов для ведения его финансовых дел. Эти лица должны были также заняться торговыми операциями. В пункте 6 речь шла о том, что власти Иль-де-Франса должны будут в случае необходимости помочь Бенёвскому людьми, провизией, боеприпасами,

¹³ Последней страницей в истории французского проникновения на Мадагаскар до появления здесь экспедиции Бенёвского, было правление Луи-Лорана де Федерба, графа де Модава. Летом 1768 г. с группой колонистов он прибыл на Мадагаскар, высадившись в Форт-Дофэне. Однако осложнение взаимоотношений с местным населением вызвало беспокойство не только колонистов, но и морского министерства, и под новым, 1771 год Модав и все французские колонисты за исключением нескольких человек покинули Форт-Дофэн. Именно безвыходность положения, с точки зрения перспектив освоения Мадагаскара, обусловила согласие правящих кругов Франции на контакты с Бенёвским.

предметами торговли а также деньгами для выплаты членам его отряда. И, наконец, в пункте 7 уточнялось обязательство министра в первый год экспедиции выделить Бенёвскому 120 рекрутов. Бенёвский обещал министру передать ему более пространный, проработанный план экспедиции, содержащий топографическую карту «страны», очевидно района, где должна была высадиться экспедиция а также записи о нравах, законах и правителях Мадагаскара. Бенёвский мог обращаться за дополнительной помощью «в целях обеспечения выполнения столь обширного проекта».

В конечном итоге король одобрил план Бенёвского. 19 марта де Буайн вручил ему два документа: бумагу, содержащую предписания короля, касающиеся экспедиции, а также копию письма, адресованного властям Иль-де-Франса.

Выделенный Бенёвскому вооруженный отряд волонтеров состоял из трех групп. В каждую из них входили один каптенармус, четыре сержанта, восемь капралов и 64 солдата. Военный штаб состоял из командира отряда – полковника, одного капитана, выполнявшего обязанности майора, трех собственно капитанов, шести лейтенантов, а также инженера-географа, квартирмейстера, знаменосца. Командир отряда Бенёвский первоначально получал денежное вознаграждение в размере примерно 8 тыс. ливров в год (с 1 апреля 1773 г. было решено выплачивать ему 12 тыс. ливров в год). Волонтерам выдавалась форменная одежда: куртка из тика или нанки (чесучи) зеленого цвета, с маленькими обшлагами того же цвета и белыми пуговицами с изображением якоря, плащ из зеленого сукна, короткие штаны также из нанки и, наконец, шапочка с белой каймой. Члены отряда получили все права и привилегии, которыми обладали солдаты короля. В каждую из трех групп, составлявших отряд Бенёвского, входило по 79 чел. В отряде было 19 офицеров-французов и двое офицеров-иностранцев. По свидетельству известного французского путешественника Кергелена, находившегося в это время на Иль-де-Франсе, отряд Бенёвского состоял из мошенников, бродяг и чистильщиков сапог с Нового моста в Париже. Среди волонтеров имелись и русские из числа тех, кто отправился с Бенёвским с Камчатки, но их было немного: большинство вернулось на родину, нанявшись матросами на торговые суда.

В марте 1773 г. Бенёвский получил приказ погрузиться на корабль «Маркиза де Марбёф». Он взял с собой различные вещи и продукты общим весом 35 т. 22 апреля 1773 г. корабль поднял паруса. Полученное Бенёвским перед отъездом письмо

от графа де Буайна было адресовано одновременно губернатору Маскаренских островов, шевалье де Терне, и интенданту Мейяру-Дюмелю. В письме указывалось на необходимость продолжить попытки колонизации Мадагаскара, чтобы «цивилизовать жителей этого острова и приучить их к нашим нравам и обычаям». В качестве места для устройства колонии был указан не район прежнего поселения в Форт-Дофэне, очень засушливый и не располагающий ресурсами для торговли, а любое другое место, предпочтительно порт Таматав (на восточном побережье). Но в конечном итоге выбор оставался за Бенёвским.

Вместе с Бенёвским на корабле находились 15 офицеров (первый эшелон экспедиции ещё раньше отправился на Иль-де-Франс; позднее должен был отплыть и третий), жена Бенёвского, её сестра и пятеро слуг. Корабль Бенёвского обогнул мыс Доброй Надежды и лишь 22 сентября 1773 г. бросил якорь в гавани Порт-Луи на Иль-де-Франсе.

Тогдашний губернатор де Терне находился в это время на Бурбоне, в столице колонии оставался генеральный интендант Мейяр-Дюмель – второе лицо в колониальной администрации, но он отказался обсуждать с Бенёвским дела в отсутствие губернатора. Бенёвский привез с собой рекомендательные письма морского министра де Буайна, адресованные правителям Маскаренских островов. Однако и губернатор, вернувшийся в Порт-Луи в конце октября, и генеральный интендант отказались помогать Бенёвскому, явно сами мечтая заняться освоением Мадагаскара. Но и наложить официальный запрет на его деятельность они не осмеливались.

Бенёвский стремился найти удобное место на восточном побережье Мадагаскара для устройства поселения – центра обширной французской колонии на этом «Великом острове», как его называли и называют сами малагасийцы. При этом граф не считал возможным использовать в качестве опорного пункта территорию французского колониального поселения в Форт-Дофэне (на юго-востоке Мадагаскара), игравшего большую роль в освоении французами этого региона¹⁴.

Первоначально Бенёвский намеревался создать центр будущей колонии в районе позднейшего города Таматава (у малагасийцев – Туамасина). Но после длительных поисков выбрал в качестве опорного пункта территорию севернее, в устье

¹⁴ См. Керов В.Л. Французская колонизация островов Индийского океана. С. 34 и сл..

реки Антанамбалана (Тангбаль) на берегу бухты Антонжиль (по-магаласийски – Антунгила). В начале ноября 1773 г. Бенёвский отправил в избранное им место корабль с передовым отрядом, а в середине февраля 1774 г. прибыл и сам во главе своих основных сил. Губернатор де Терне и генеральный интендант оказались вынужденными выделить ему корабль, а также артиллерию и боеприпасы. Видимо, сыграло свою роль подтверждение морским министерством линии на поддержку Бенёвского. Созданное на берегу бухты поселение Бенёвский дипломатично назвал в честь морского министра де Буайна. Не забыл он и о новом министре иностранных дел герцоге Эгийонском, переименовав в его честь прибрежный остров Марос.

Прежде всего Бенёвский считал необходимым построить добротные жилища для себя, своих офицеров и волонтеров, а также создать в центре поселения так называемый палисад, укрепление, хорошо защищённое от нападений местных племён. Параллельно граф предпринял меры для умиротворения малагасийских вождей из ближайших районов. Наиболее эффективной мерой в этом отношении он считал традиционную раздачу «презентов» (дешевых подарков), а также водки. Действительно, это мероприятие произвело на вождей сильное впечатление, и они предоставили отряду свои собственные хижины, находившиеся на берегу, а также начали строительство новых хижин и деревянных зданий¹⁵. Бенёвский решил создать свою резиденцию и поселение на свободной от заболоченных земель территории по берегам упомянутой реки. Местность, расположенная между океаном и рекой, была очень удобной и с военной точки зрения. Созданное в течение короткого срока колониальное поселение Бенёвский назвал в честь короля Порт-Луи (который и сам граф и его сподвижники почему-то стали называть на немецкий лад Луисбургом).

Бенёвский действовал весьма энергично. 1 марта, вскоре после высадки отряда на мадагаскарской земле, он пригласил к

¹⁵ Вместе с тем, Бенёвский и его отряд получили неожиданный удар со стороны правителей Маскаренских островов, с которыми, казалось, установились нормальные отношения. Дело касалось товаров, взятых на Иль-де-Франсе. Перед отправкой корабля Бенёвский не проверил груз, а на месте выяснилось, что главный интендант, вопреки своим обещаниям, не выделил экспедиции того, что просил граф. На корабле почти не оказалось напитков и различных припасов. Выручил капитан корабля. Он продал Бенёвскому из своих запасов вино, водку, припасы, а также медикаменты на общую сумму в 14500 ливров.

себе вождей племён, которые жили на примыкавших к бухте территориях. Граф произнёс речь, в которой пытался внушить вождям, что намерения Его Величества короля Франции, пославшего их экспедицию, несут благо населению Мадагаскара. Монарх поручил Бенёвскому путем создания поселения объединить интересы колонистов и местных племён, защитить эти племена от врагов. Бенёвский попытался заинтересовать вождей и конкретными предложениями. Он заявил, что будут построены магазины, в которых в любое время и по низкой цене будут продаваться нужные местным жителям товары – полотно, напитки, порох, патроны и многое другое. Со своей стороны, малагасийцы, по мысли Бенёвского, должны будут снабжать колонистов своей продукцией, в особенности рисом. Но своё содействие жителям Мадагаскара, заявил Бенёвский, король Франции будет оказывать лишь при трёх условиях:

1. Вожди должны будут заключить с графом договор о дружбе и союзе и зафиксировать территорию, на которой будет создано французское поселение. Кроме того, вожди должны разрешить членам своих племён продавать отдельным колонистам земельные участки.
2. Вожди разрешат Бенёвскому построить за пределами выделенной территории, на землях вблизи реки Тангбаль, больницы и магазины.
3. Вожди возьмут на себя обязательство защищать французов от нападения враждебных им племён.

По уверению Бенёвского, вожди «с радостью» приняли все условия, но, видимо, имея в виду последнее из них, со своей стороны, попросили французов направить свои отряды в другие провинции для замирения их врагов. Выставили вожди и еще одно условие: не возводить на отведенной французам земле крепостных сооружений. Вожди обещали обсудить возможность продажи земельных участков французам, а также потребовали у Бенёвского заверений в отсутствии у него планов порабощения малагасийцев. Соглашение было скреплено торжественной клятвой, а затем последовало пиршество, во время которого вожди выпили бочку водки, преподнесённую им главой колонии.

Сразу же стали сказываться благоприятные для французов результаты встречи с вождями. Буквально на следующий день ими были выделены двести малагасийцев, которые начали подготовку к строительству плотины на реке и осушению окружающих лагерь болот. Не теряя времени даром, Бенёвский после встречи с вождями стал готовить внедрение французов в другие, более отдаленные провинции. Уже 3 марта граф отправил корабль под командованием капитана Сонье на юг, вдоль

восточного побережья Мадагаскара в местечко Фульпуэнт. Собственно, перед Сонье и его отрядом стояла двойная задача. Прежде чем создать в указанном месте опорный пункт, необходимо было изгнать оттуда людей, посланных с Иль-де-Франса, и создать альтернативное колониальное поселение. В создавшихся условиях Бенёвский счёл необходимым поручить Сонье заверить вождя племени хиави, провозгласившего себя королём провинции, на территории которой находился Фульпуэнт, в дружбе французов и передать ему подарки, а главное – пообещать ему помощь в борьбе с соседним племенем фариава. Бенёвский считал, что это поможет ему получить у вождя разрешение на создание здесь военного поста.

В то же время в Луисбурге положение колонистов осложнилось. От дозорных стали поступать тревожные сведения о том что ночью к ним стали подходить местные жители, которые выкрикивали оскорбительные слова. Одновременно на малагасийцев пожаловался и месье Сенан, в ведении которого, судя по всему, находились магазины, обвиняя их в кражах товаров. Тогда Бенёвский строго предупредил вождей: если кто-либо из местных жителей приблизится к посту и не ответит на оклик часового, то по нему или по ним, будет открыт огонь. Вожди ответили, что за каждого убитого островитянина («черного», по терминологии Бенёвского) они будут уничтожать десятерых белых. Положение крайне осложнилось, когда однажды вместо ответа на отклик часового один из малагасийцев (их было несколько) пустил в него стрелу, а тот немедленно открыл огонь, убив одного и ранив двух других. Тогда граф предпринял ловкий и одновременно весьма выгодный для французов манёвр. Он предложил четверым вождям продать французам территорию вблизи Луисбурга, на которой расположены четыре деревни. Вожди согласились и сразу же после получения платы (видимо, деньгами) деревни были оставлены малагасийцами. Глава колонии приказал их тотчас же разрушить. Так французы сделались хозяевами территории, на которой они были менее подвержены опасности нападения со стороны местных жителей.

Вскоре Бенёвскому стало ясно, что умиротворить местных вождей ему так и не удалось. Он узнал, что они составили план уничтожения всех колонистов, поставляя им отравленные продукты. В ответ глава колонии предписал при покупке продуктов предлагать продавцам прежде самим попробовать свои товары. Граф как в воду глядел. Один из малагасийцев, принесший французам фрукты, то ли не знавший о плане вождей, то ли

побоявшийся раскрыть их секрет, откусил от плода и тотчас же упал замертво. Его соплеменники, захватив труп, немедленно ретировались. А когда Бенёвский отправил вслед за ними небольшой отряд, он был обстрелян. На следующий день вождь племени силулу Рауль (впоследствии подружившийся с французами), под предлогом принесения присяги на верность начальнику французского поселения, попросил Бенёвского встретиться с ним на опушке леса. Подобная необычная просьба вызвала у графа подозрение в том, что готовится какая-то вероломная акция. И, действительно, поручив следить за Раулем, он выяснил, что тот вместе с вождем племени сафирубе подготовил ему ловушку. Триста вооруженных островитян открыто сопровождали Рауля на randevу с графом, а ещё большее число воинов скрывалось под сенью леса. Чтобы сорвать заговор вождей, Бенёвский приказал выдвинуть вперед два орудия. Одновременно 50 волонтеров во главе с двумя офицерами двинулись в сторону малагасийцев. «Охваченные ужасом» островитяне кинулись в болото, другие начали стрелять, но без всякого успеха. Первый же залп из орудий разнёс в щепки один из туземных кораблей и привел к гибели многих островитян.

Через два дня после этих событий Бенёвскому стало известно, что вожди решили организовать союз с правителями соседних провинций для уничтожения французского поселения. На этот раз он решил действовать заблаговременно. Он приказал своему офицеру в чине майора в 11 часов вечера выступить во главе отряда из 60 волонтеров и, используя шлюпки «Ролан» и «Уазо», приблизиться к лагерю островитян, расположенному на расстоянии трех миль. Отряд высадился в назначенном месте в три часа утра и, не теряя времени, нанёс малагасийцам мощный удар, вынудив их бежать в лес. Затем волонтеры обратили в пепел малагасийские деревни и уничтожили плоды их трудов. Успех этого удара, заметил Бенёвский, вернул спокойствие колонистам.

Проявляя способности административного и военно-стратегического свойства, Бенёвский обратил внимание на находящийся на расстоянии всего лишь одного лье от Луисбурга остров, названный им, как мы уже отмечали, Эгийон. Граф распорядился построить там печь, госпиталь, создать у подножья горы ботанический сад, а перед ним соорудить редут. Иными словами, Бенёвский создал на маленьком островке запасной плацдарм.

Видимо, в этот момент Бенёвский решил, что начальный – и четко определенный – этап в создании колонии уже закон-

чился и об этом следует отрапортовать в Париж. Именно 22 марта (1774 г.) датировано его письмо-отчет морскому министру графу де Буайну. Прежде всего Бенёвский решил оправдать свой выбор расположения поселения:

«Место, которое я выбрал, без сомнения, самое здоровое на всем острове. Чтобы создать ещё большую уверенность в этом, я приказал осушить тамошние болота и создать фонтаны пресной воды. Гавань здесь – одна из самых прекрасных, которые только можно найти в этих краях. Чтобы господствовать в этой местности, я создал артиллерийские батареи и собираюсь для облегчения загрузки и разгрузки судов устроить якорную стоянку с понтонным мостом. Я имею честь сообщить Вам план нашего поселения, на котором я отметил, какие работы были выполнены под моим руководством, несмотря на небольшой объём помощи, которую мне оказал Иль-де-Франс... Мсье Мейяр не обеспечил меня инструментами, которые я у него просил весьма энергично. Всего-навсего он мне дал семь топоров и две тачки... И если бы я не позаботился запастись своей собственной провизией, которую я использую ныне для нужд моего отряда, я стал бы на грани потери половины его состава. И это в условиях, когда противники создания поселения утверждают, что выбранная для него местность нездорова и представляет собой обширное кладбище французов. Однако на самом деле в период с начала ноября 1773 г. до настоящего времени я потерял всего лишь девять солдат...».

Далее, несколько преувеличивая свои успехи в подчинении местных племён, Бенёвский утверждал: «Дисциплина и порядок, господствующие среди колонистов восхищают туземцев. Все вожди этой части острова принесли клятву верности Его Королевскому Величеству, признав себя его подданными». Граф уверял, что вожди «отказались от каких-либо претензий на территории, где я устроил поселение, а также и в других местах, согласившись торжественно, что всё побережье острова принадлежит французам».

Граф писал также, что готовит создание военных постов в Фудпуэнте (на юге) и в Вухемаре (на севере); сразу же, как только он укрепит французские позиции, в западном направлении, в глубине острова, будет открыт еще один пост. Но для осуществления подобных планов колонии нужна материальная помощь, и Бенёвский просит морского министра прислать корабль водоизмещением 600 т, загруженный вином, водкой и мукой, а также шесть 12-тидюймовых мортир и 16 пушек со снарядами. С этим же кораблем должны быть посланы 200 рекрутов, шесть плотников, два хирурга с медикаментами и два священника. Специально для командования военными постами Бенёвский просил направить в колонию трёх офицеров в чине капитана.

Проявив недюжинные административные способности, Бенёвский создал развитую колонию с центром на берегу бухты Антунгила и военными поселениями не только на океанском побережье (севернее и южнее бухты), но и в глубине острова.

Влияние колонии распространилось на юг вплоть до Таматава, а на север – до мыса Амбр и далее на северо-запад до мыса Сен-Себастьян и островов Нуси-Бе и др. Однако Бенёвский заботился не только об интересах французской короны, но и об осуществлении своих собственных амбиций. Ему удалось убедить вождей племён, близких к административному центру колонии районов, объявить его наследником великого древнего вождя – ампансакабе по имени Рамини.

Однако правители Маскаренских островов (Иль-де-Франса) всячески мешали деятельности Бенёвского. Не оценило ее и французское правительство. После придирчивой инспекции, организованной новым морским министром Сартином, Бенёвский в декабре 1776 г. был вынужден отказаться от продолжения затеянного им мероприятия и покинуть Мадагаскар¹⁶.

Во Франции Бенёвский буквально окунулся в атмосферу весьма благожелательного отношения правящих кругов к борьбе английских колоний в Америке против британской метрополии. Не случайно в 1778 г. был заключён американо-французский военный союз, с американской стороны подготовленный Бенджамином Франклином, который в 1776–1785 гг. являлся представителем США во Франции.

Трудно сказать, что было главным в действиях и планах Бенёвского по отношению к событиям в Северной Америке. Стремление – в духе времени – вслед за маркизом де Лафайетом участвовать в борьбе американских колонистов с англичанами или – в продолжение своей прежней политики – найти деньги на новые экспедиции на Мадагаскар. У графа оказалось ещё одно связующее звено с Северной Америкой: его родственник, известный польский генерал граф Казимир Пулаский, получив от Франклина рекомендательное письмо главнокомандующему войсками колонистов Джорджу Вашингтону, уехал в Северную Америку. Больше того, перед отъездом Пулаский встретился с Бенёвским и тот передал предложение американским властям об использовании (естественно, с его участием) Мадагаскара в качестве базы для американской армии в борьбе с Англией. Заметим также, что французское правительство проявило заинтересованность в участии поляков в боевых действиях в Северной Америке на стороне колонистов. Так, Пуласкому оказал помощь эксперт по польским

¹⁶ О жизни и деятельности Бенёвского после его возвращения в Париж в 1777 г. рассказывает издатель мемуаров, использовавший различные документы. – См.: *Benyowsky*. Т. II. P. 465–474.

делам Клод Карломан де Рулье, который специально посетил Б. Франклина и долго уговаривал его поддержать польского генерала перед Дж. Вашингтоном.

Прибыв в США, Пулаский из Бостона отправил 28 июля 1777 г. своё первое послание Конгрессу относительно экспедиции на Мадагаскар. Из этого послания следует, что некоторые члены Конгресса ранее были ознакомлены с проектом организации экспедиции на Мадагаскар. Польский генерал пишет – быть может, повторяя содержание проекта, – что командующий (т.е. Бенёвский) может оборудовать хорошо вооруженное судно (или несколько кораблей), экипаж которого должен наполовину состоять из американцев. Необходимо также, чтобы с кораблём были посланы на Мадагаскар строительные рабочие и стройматериалы. Пулаский заявляет, что у него на руках имеется специальное послание командующего, которое он передаст в Конгресс по прибытии к месту его заседания в Филадельфию¹⁷.

В 1777 г. Бенёвскому удалось познакомиться с Б. Франклином лично. Об этом свидетельствует его письмо к американскому послу (пока неофициальному – поэтому Бенёвский обращается к нему просто «месье», а не «Ваше Превосходительство», как позднее) от 25 сентября этого года (Дос. № 1)¹⁸. В этом письме, посланном из Версаля, граф жалуется Франклину на то, что не смог получить известий от генерала Пулаского (надо полагать относительно своего проекта экспедиции на Мадагаскар). Бенёвский просит Франклина обратить внимание на нарочного, доставившего это письмо, французского офицера Беше де Рошфонтена и дать ему рекомендацию для генерала (Вашингтона) на предмет вступления в американскую армию. Судя по дальнейшему развитию событий, эта просьба была удовлетворена. Известно, что упомянутый офи-

¹⁷ См. *Dvoichenko-Markov, Eufrosina*. Benjamin Franklin and Count M.A. Benyowski // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1955. Vol. 99. № 6. P. 407.

¹⁸ Monsieur! Nepouvant pas avoir de nouvelles de mon amy, je vous adresse quelqu'un, qui est le porteur dela presente, et com je desire que cejeun homm puisse passer avec agreement, jose vous prié delui donner une Lettre de recomendation, afin, qu'il puisse des son arivé etre employé par Le Generate; Jemepropose d'avoir L'honneur de Vous voir Lasemaine prochaine pour prendre ma revanche cinq Echus, ayant celui d'Estre avec autant dedevouement qued attachement Monsieur. Votre très humble et très obeissant Serviteur Le Baronde Benyowski. – *Dvoichenko-Markov, Eu*. Op. cit. Appendix.

цер действительно вступил в американскую армию, позднее стал майором и комендантом Вест-Пойнта. В последних строках письма Бенёвского имеется свидетельство его недавней встречи с Франклином. Он пишет, что надеется «на следующей неделе» взять реванш в шахматах.

В этот период своей жизни Бенёвский оказался в тупиковом положении. Французское правительство отказалось иметь с ним дело. Американский Конгресс отклонил его Мадагаскарский проект. Проболев летом 1778 г. шесть недель (проведя их в Булони) Бенёвский решил попробовать счастья в Австрии, поступив здесь в октябре того же года на военную службу. Он надеялся, что император Иосиф II поможет ему в решении мадагаскарской проблемы. Бенёвский принял даже участие в войне Австрии против Пруссии. Однако это ему не помогло. Разочаровавшись в позиции австрийских властей, он ушёл в отставку в чине полковника.

Но в это же время – здесь опять проявилась огромная воля и настойчивость Бенёвского – он вновь обратил свои взоры на Северную Америку. Объявив себя одним из братьев графа Пулаского, он получил разрешение вступить в американскую армию. Отплыв из Гамбурга вместе с отрядом из 300 гусар, после ряда приключений, он в августе 1779 г. добрался до Америки и поступил в распоряжение командующего войсками восточного департамента генерала Горацио Гейтса. Генерал распорядился о выделении Бенёвскому лошади и 400 долларов и направил его в Филадельфию – в Конгресс. Бенёвский прибыл в этот город в сентябре 1779 г. Военный совет предоставил ему другую лошадь и 1 тыс. долларов с тем, чтобы он смог добраться до генерала Пулаского, командующего польским легионом, входившим в состав Южной армии. Бенёвский прибыл к Пуласкому в начале октября 1779 г., а через несколько дней генерал был тяжело ранен и вскоре скончался.

Смерть Пулаского лишила Бенёвского, как он писал, «единственного друга» в Америке. Однако лишь в декабре того же года Бенёвский обратился с письменной просьбой (составленной на латинском языке) в Конгресс, предлагая принести остаток своей жизни в жертву Соединённым Штатам. Бенёвский указывал также, что готов стать преемником генерала Пулаского. Но Конгресс отклонил все претензии Бенёвского, и ему пришлось восвояси вернуться в Европу; в Венгрию. Позднее, потеряв все свои средства в финансово-коммерческих махинациях, Бенёвский покинул родной край. В качестве возмещения

кредиторам своих долгов он оставил им собственность, принадлежавшую ему в графстве Тренцени.

Видимо, несмотря на критическое отношение французского правительства к деятельности Бенёвского на Мадагаскаре, во Франции его по-прежнему высоко ценили: чем можно объяснить то обстоятельство, что в 1781 г. он снова был принят на французскую военную службу. Однако вынашиваемые им планы новой колонизации Мадагаскара по-прежнему подталкивали его в сторону Соединённых Штатов. И он не забывал о Б. Франклине, остававшегося в Париже, теперь уже в официальном положении. Известны два письма, обращённые к американскому послу. Одно из них (от 23 ноября 1781 г. – Дос. № 2) содержит просьбу принять его в качестве частного лица. Судя по всему Франклин принял его весьма дружелюбно и обсудил с ним возможность продолжения его военной карьеры в Америке. Об этом выводе свидетельствует другое письмо Бенёвского (от 9 декабря 1781 г. – Дос. № 3¹⁹), в котором, используя изысканные выражения, автор напоминает об обещании Франклина направить рекомендательные письма, очевидно, в США. И действительно, в бумагах американского посла найдены черновики явно отправленных им писем. Первое (от 10 декабря 1781 г. – Дос. № 4²⁰) адресовано американскому суперинтенданту финансов Роберту Моррису, второе (датированное тем же числом – Дос. № 5²¹) – его зятю, называемому им сыном, – генеральному почтмейстеру США Ричарду Баху. В первом письме Франклин ссылается на мнение «уважаемых

¹⁹ Excellence – N'attendant plus que mon Expedition de la part de Monsieur LeComte de Vergennes, j'ai l'honneur de supplier Votre Excellence de vouloir bien me faire expedier Les Lettres, et recomendations qu' Elle m'a daigné si gracieusement promettre; J'ose encore la supplier de vouloir bien m'indiquer Le jour Auquel je pourrais avoir la grâce de prendre mon Congé de vive voix, et recevoir mes paquets; J'ai celui d'être avec un profond Respect, De Votre Excellence le très humble et tres obéissant Serviteur Comte de Benyowski...

²⁰ This Line will be delivered to you by Count Beniovsky, a Hungarian Gentleman, who goes to America with Views of Settling there, and drawing his Fortune after him, if he shall like the Country. He is recommended to me by Mr Gerard, and other Persons of Consideration here, and I beg leave to introduce him to you, and to request for him your Counsels, and those Civilities you show to Strangers of Merit...

²¹ Dear Son, The Bearer Count Beniovsky, a Hungarian Gentleman of Distinction, goes to America with some Intention of settling there, if he shall find the Country agreeable. He is much esteemed by Persons of Consideration here, and I earnestly recommend him to your Civilities...

лиц», американцев, находящихся во Франции, и просит своего адресата помочь Бенёвскому, «джентльмену» из Венгрии, и его семье поселиться в Америке. Франклин добавляет интересную фразу: «если страна ему понравится». Видимо, Франклин решил скрыть тот факт, что Бенёвский уже побывал в США и потерпел фиаско. Второе письмо содержит ту же просьбу, но без особых комментариев.

Однако Е. Двойченко-Маркова, подготовившая публикацию писем, упоминает о факте, который заставляет нас особым образом оценить любезность американского посла. Она сообщает, что перед отъездом в Америку Бенёвский передал Франклину (возможно, по его просьбе) ту часть своих мемуаров, в которой содержалось подробное описание Сибири и российских экспедиций в Тихом океане, составленное на основании неопубликованных российских источников, попавших в руки Бенёвского. Передал он также свои записи о Мадагаскаре. К мемуарам Бенёвский приложил сопроводительное письмо (от 24 декабря 1781 г. — Дос. № 6²²). Передавая Франклину свои материалы, Бенёвский попросил разрешения представить ему свою жену, «графиню Бенёвскую», и их двух малолетних дочерей. Эта просьба была удовлетворена американским послом где-то в конце декабря 1781 г. — начале января 1782 г. Перед своим отъездом Бенёвский отправил прощальное письмо Франклину, в котором ещё раз просил позаботиться о его семье (от 13 января 1782 г. Дос. № 7²³).

Вторая поездка Бенёвского в Америку и новая попытка найти поддержку своим «мадагаскарским» планам также потерпела неудачу. Он решил ещё раз обратиться со своим предложением о колонизации Мадагаскара к французскому правительству. Но хотя министр иностранных дел Верген решил поддержать планы Бенёвского, морской министр Маре-

²² Excellence, Le Comte de Benyowszky a l'honneur, de Vous envoyer la premie partie de son memoir en Francois — et le Journal de son voyage de Kamtsattka il souhaite que la Lecture soit agreable; Le Comte de Benyowzky, aura ensuite encores l'honneur, de communiquer a Son Excellence, la suite de son Memoir, et son journal de Madagascare; Il prie encore Son Excellence devouloir bien Lui donner un jour quand il pourra avoir l'honneur de Lui presenter Md la Comtesse de Benyowszky sa femme. De Votre Excellence le tres humble et tres obeissant Serviteur Le Comte de Benyowszky.

²³ Excellence, Me voila parti. J'y va m'emploier entierement pour meriter votre estime, et justifier votre Bonne Opinion, je Vous recomende encore ma Famille, et j'ose la prier de vouloir etendre son amitié sur toute ma Famille...

шаль де Кастри и другие министры были против, и это решило судьбу Бенёвского. Последний, в отчаянии, решил попытаться счастья в Англии (следует, однако, отметить, что переговоры с английским правительством он начал ещё раньше).

В Лондон Бенёвский попал к концу 1783 г. и немедленно представил британским официальным лицам свои «Предложения министерству Его Британского Величества». Однако денег не оказалось и у английского правительства. Выручило Бенёвского частное лицо. Это был Дж.Х. Магелан, потомок великого мореплавателя и член Британского Королевского Общества. С целью оказания финансовой помощи Бенёвскому он создал частную компанию, в которой обладал контрольным пакетом акций. Но денег все равно не хватило и Бенёвский решил отправиться в Америку в третий раз, оставив перед отплытием (в апреле 1784 г.) Магелану для издания рукопись своих мемуаров.

На этот раз конечным пунктом путешествия Бенёвского, которого сопровождала его семья и несколько друзей, была Балтимора. Возможно этот город был выбран не случайно. Сюда перебрались из Западной Европы, например из Швейцарии, несколько крупных торговцев, располагавших значительными денежными средствами. Именно швейцарцы и выделили Бенёвскому дополнительные средства, позволившие ему оснастить корабль для путешествия на Мадагаскар, названный «Неустрашимый» под командованием капитана Дэвиса. Жена Бенёвского была беременной (у Бенёвских родилась третья дочь, вскоре умершая) и потому осталась в Балтиморе с двумя дочерьми и сестрой. Но вместе с экспедицией на Мадагаскар отплыл её брат Хенски. Корабль прибыл на Мадагаскар в бухту Антангара возле мыса Сен-Себастьян на северо-западной оконечности острова.

Экспедицию Бенёвского очень тепло встретили вожди племён, обитавших на севере Мадагаскара. И он, видимо, справедливо полагал, что такой же будет встреча с местными вождями в районе бывшего поселения. Неясно, правда, почему Бенёвский сразу не направил экспедицию в бухту Антунгила. Однако печальные обстоятельства сорвали его планы. Оказалось, что капитан Дэвис отнюдь не собирается делить с Бенёвским и его спутниками тяготы колониального освоения острова. Чуть ли не на следующее утро после высадки части участников экспедиции капитан – без всякого согласования с Бенёвским – приказал поднять паруса и, судя по выстрелам, раздавшимся на корабле, подавил сопротивление сторонников Бенёвского и с большей ча-

стью груза и вооружения отплыл, как позднее выяснилось, по направлению к Америке. Однако по дороге капитан Дэвис, заявив, что Бенёвский и его спутники убиты местными жителями (этот слух дошёл до Балтиморы), продал корабль²⁴.

Бенёвскому пришлось создавать базу для поселения на месте высадки (граф дал ему название Мавритания). Почти год здесь строился форт, который, однако, не спас Бенёвского. 23 мая 1786 г. с французского военного корабля высадился десант из 60 солдат, которые стали атаковать форт Мавритания, где укрылись Бенёвский с товарищами и группа малагасийцев. Граф не жалел себя, оставшись на передней линии огня. Во время одной из атак французов, а их силы были превосходящими, Бенёвский, получив пулевое ранение в грудь, скончался.

²⁴ В письме, отправленном Б. Франклину из Балтиморы 2 мая 1786 г., жена Бенёвского упоминает о слухах, согласно которым Бенёвский и экипаж его корабля погибли от рук местных жителей (Doc. № 12). В ответном письме Франклин успокаивает графиню, что поскольку об этих слухах ничего не известно в Англии, где, по его мнению, снаряжался корабль, то они явно являются ложными (I have made what Enquiry I could relative to the melancholy News you acquainted me with. I have received English Newspapers down to the middle of February in none of which do I find the least mention of such an Accident; now, as I understand the Ship was fitted out from England, I should imagine that if the News were true, we should have had it from thence. All I have learnt is, that at New York such a Report was brought by the French Pacquet lately arrived from l'Orient; but as she left that Port the Beginning of January, there is reason to hope that, the Report, not being confirmed by later ships from England, may be without Foundation; which I sincerely wish... – Doc. № 13). В свою очередь графиня (в своем последнем письме от 12 июля 1786 г.) стремится подтвердить правоту доводов Франклина, сообщая, что в полученных ею письмах из Лондона также отрицается гибель Бенёвского (Doc. № 14). Вдова Бенёвского позднее встретилась с Франклином перед отплытием в Европу, в Филадельфии, куда он вернулся. Она поселилась в той части Австрии, которая отошла к этой стране в результате раздела Польши, и прожила там почти сорок лет.

А.В. Гладышев (Саратов)

ПРОТЕКЦИЯ ПО-ФРАНЦУЗСКИ

Своеобразным скелетом многих биографических исследований, особенно тех, в которых главный герой – общественный, государственный или военный деятель является послужной список героя. Историк, описывая чувства или анализируя идеи, рисуя образ героя в атмосфере эпохи, исследуя его внутренний мир, вплетает в ткань своего повествования шаги его карьерного роста. Должность, чин, звание, ранг осознанно или неосознанно часто играют в историческом нарративе роль некоего якоря, некоего данного, призванного придать видимость объективности обволакивающим их субъективным построениям исследователя. С другой стороны, вопрос изучения карьерного роста – вопрос, в том числе, и межличностных коммуникаций, внутреннего мира индивида, чьи переживания конечно взаимосвязаны с перипетиями его судьбы. Поэтому понятно стремление «новой биографической истории» использовать в качестве источников «самые разные материалы, содержащие как прямые высказывания личного характера (письма, дневники, мемуары, автобиографии), так и косвенные свидетельства, фиксирующие взгляд со стороны или так называемую объективную информацию»¹.

Заслуги, таланты, труд, а с другой стороны – связи, деньги, случай – это своеобразные полюса в механизме карьеры, в большинстве случаев повседневная практика где-то между ними. Какое место занимает в ней протекция? Каковы условия и реальные возможности протекции в том или ином обществе? Порой, попытка объяснить карьерный рост вызывает определенные трудности. В эпоху телефонов механизмы протекции стали более интимны и историческому анализу трудно доступны. Но в нашем распоряжении, помимо мемуаров и частной переписки, имеется еще один значительный комплекс источников – реко-

¹ Репина Л.В. Историческая биография и «новая биографическая история» // Диалог со временем. М., 2001. Вып. 5. С. 9.

мендательные письма, ходатайства, прошения с рекомендательными пометами – особая, кажется, еще мало востребованная современными исследователями, разновидность источников со своей дипломатикой, правилами и исключениями, политесом, учитывающими все вплоть до филиграней на бумаге.

Конечно, рекомендации необходимы для целой категории лиц, занятой в «сфере обслуживания» – от экономки до домашнего воспитателя². Получение (предъявление) рекомендаций, «бумаг» – процедура привычная, воспринимаемая с пониманием и не имеющая негативного подтекста. Но как обстоит дело, когда речь идет о поступлении на государственную службу? Какая разница оттенков между «recommendation» и «protection»?

Протекция проявляет в истории человеческой культуры поразительную живучесть, если не неистребимость. Она существует при всех формах политического правления и режимах. Изменяются системы ценностей и повседневные практики, но протекция, какое бы ни было к ней отношение в обществе, остается. 17 октября 1815 г. Н.И. Кривцов (1791–1843), молодой офицер в отставке, инвалид, проходящий лечение за границей, пишет в своем дневнике:

«Был у Лагарпа. То, чего я опасался с его стороны, вчера случилось. Он мне сказал, что хочет рекомендовать меня государю, как человека, который может быть ему полезен. Не говоря уже о том, что я не желаю ничьей протекции, – я буду безутешен, если он хоть в малой мере заподозрит бескорыстие услужливости, которую я ему оказывал. Я сказал ему, что я ищю и ценю, как необходимое условие моего счастья, только уважение честных людей, а вовсе не милости дворов»³.

Но Ф.-Ц. Лагарп (1754–1838), швейцарский генерал и государственный деятель, не только ввел его в Парижское общество и отрекомендовал Ж.-Б. Сею, аббату Грегуару, Ш. Контю и др., что, возможно, не считалось протекцией, ибо это был «единовременный акт» и прямой корысти отсюда для Кривцова не ожидалось. Лагарп, с 1815 г. вновь сблизился со своим бывшим подопечным, Александр I даровал ему звание генерала русской армии. Пользуясь этой близостью, Лагарп все же вскоре отрекомендовал Кривцова русскому императору, и Николай Иванович не отказался от

² Например, Ж. Ромм, как это следует из его письма от 1774 г., стал губернатором у графа Строганова благодаря рекомендации Дюпона (Dupont).² См.: ОР РНБ. Ф. 991. № 1058. Л. 1.

³ Гершензон М. Братья Кривцовы. М., 2001. С. 36. Как видно, здесь Н.И. Кривцов не делает различия между рекомендацией и протекцией.

такого посредничества, а, напротив, – возликовал: «Какое поприще открывается предо мною»⁴. Или другой пример. Стендаль в своих воспоминаниях откровенничает по поводу упущенных возможностей и протекции: «...Три или четыре раза фортуна стучалась в мою дверь... Я был бы богат, но был бы негодяем...»⁵. Тем не менее, он все же пользуется протекцией, занимая различные государственные должности благодаря своим родственникам.

Я попытаюсь в плане постановки проблемы набросать штрихи к портрету Протекции конца XVIII – начала XIX в. во Франции – стране «первого шага», «первого опыта», какой она была для многих европейцев в диалоге культур того времени.

Известно как в XVIII в. личные знакомства использовались для получения материальных выгод за счет государства, как боролись придворные партии, предлагая венценосным особам своих кандидатов в фавориты и фаворитки. Не было секретом, что Мопу в благодарность за назначение его канцлером подарил графине Дюбарри карликов-негров. Французская революция конца XVIII века, рассматриваемая, по словам А. Ламета, как «уничтожение злоупотреблений», уничтожила титулы, сословия, обращение на «Вы», но не уничтожила протекцию как «пережиток» Старого порядка. Приход к власти Наполеона, а затем Реставрация мало что изменили в судьбе протекции. Однако, с началом во Франции Революции, несколько изменились формы протекции. Теперь рекомендательные приписки на прошениях играют роль удостоверений в лояльности новому режиму.

В литературе традиционно акцентируется принцип выборности, положенный в основу формирования власти. «Избиралось около 1 200 000 должностных лиц и представителей на разные уровни политической, административной, гражданской, духовной и т.д. властей»⁶. Но целый ряд государственных должностей по-прежнему занимался в старом процедурном порядке. Протекция как явление практики не исчезла, а приспособилась под риторику о равенстве и справедливости и декламации о правах нации. В практику подачи прошений о предоставлении мест на государственной службе времен Революции вошли рекомендательные при-

⁴ Н.И. Кривцов станет с 1823 г. губернатором в Туле, с 1824 – губернатором в Воронеже, с 1826 – губернатором в Нижнем Новгороде.

⁵ Стендаль. Жизнь Анри Брюлара // Стендаль. Собр. Соч. в 12-ти тт. М., 1978. Т. 12. С. 58.

⁶ Тырсенко А.В. Фельяны. У истоков французского либерализма. М., 1999. С. 12.

писки в конце прошения или на полях. Некий Калле из Нанси департамента Мёрт просит администрацию города предоставить ему вакантное место в Монетной палате. Депутаты от департамента Мерт (граждане Ренье⁷, Малларме⁸, Булэ⁹, Моллево¹⁰, Колломбель¹¹, Жакемино¹²) делают приписку: «Нижеподписавшиеся представители народа, депутаты от департамента Мерт предлагают администраторам Монетной палаты с интересом принять петицию просителя, чей цивизм, честность и ум прекрасно известны всей депутации от департамента Мерт»¹³. Гравер Ж. Байё просит (14 апреля 1797 г.) место в Пробирной палате. На прошении рекомендательная ремарка и подписи Порталиса¹⁴, Симеона¹⁵ и Лебретона¹⁶. Гравер Ланерэ спрашивает (15 декабря 1793 г.) место в почтовой администрации Парижа. Рекомендательная приписка на полях его прошения начертана рукой самого командующего национальной гвардией Парижа Ф. Анрио¹⁷. Гражданин Шарль просит (7 декабря 1794 г.) у инспекторов Бюро почт Парижа для себя место. Рекомендательные приписки делают Ж.-Л. Тальен, К.-А. Изабо, Г.-Ж.-Б. Гюффруа, А.Х. Марлен де Тионвилль¹⁸. Гражданин Жаннин просит (27 февраля 1794 г.) место контролера в почтовом бюро Нима. Приписка – «этот мемуар

⁷ К.-А. Ренье (1736–1814) Депутат Генеральных Штатов от Нанси. В годы Директории членом Совета Старейшин от департамента Мёрт.

⁸ Ф.-Р.-О. Малларме (1756–1835) Член Законодательного собрания и Конвента. Монтаньяр. Председательствовал на знаменитом заседании Конвента 31 мая 1793 г., вотировал казнь короля.

⁹ Булэ (де ла Мёрт) (1761–1840). Член Совета 500, активный участник переворота 18 брюмера. Президент законодательного комитета в Государственном совете, министр во времена Ста дней.

¹⁰ Э. Моллево (1745–1815). Мэр Нанси, судья кассационного трибунала (1791), депутат Конвента (1792), объявлен вне закона после краха жирондистов и скрывался в Бретани. В дальнейшем член Совета 500, Законодательного корпуса, профессор истории «Факульте де леттр» в Нанси.

¹¹ Колломбель (из Мёрт), член Конвента.

¹² Ж.-И. Жакемино (1758–1813) – адвокат из Нанси. Член Совета 500, сторонник переворота 18 брюмера, сенатор.

¹³ ОР РНБ. Ф. 993. К. 30. № 606. Л. 1.

¹⁴ Ж.-Э.-М. Порталис (1745–1807). Член Совета Старейшин.

¹⁵ Ж.-Ж. Симеон (1749–1842). Член Совета 500.

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 993. К. 30. № 591. Л. 1. Р.-П. Лебретон (1753–1830), бывший депутат Законодательного собрания и Конвента, жирондист, в годы Директории был членом Совета 500.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 993. К. 32. № 951. Л. 1.

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 993. К. 30. № 676. Л. 1.

(mémoire) мне рекомендован многими депутатами. Я забыл их имена» – сделана членом Конвента, ближайшим сподвижником Робеспьера Ф.-Ф.-Ж. Леба (1762–1794)¹⁹. Гражданин Ж. Бриго спрашивает (27 июня 1799 г.) у управляющего по распределению государственных должностей место председателя лесного ведомства Отэна. Рекомендательную запись на прошении ставит член Совета департамента Соны и Луары Э. Лаво²⁰. Ж.-Б. Петито просит у генерального директора лесного ведомства место лесничего. На полях сразу три рекомендательных приписки²¹.

Естественно, рекомендации и ходатайства принимали форму и отдельных писем. Это письма личного характера, содержащие просьбу по поводу какого-нибудь места на государственной службе для того или иного гражданина. Ж.-А. Шапталъ, министр внутренних дел (1800), министр мануфактуры и торговли во времена Ста Дней ходатайствует (23 июля 1818 г.) по поводу места для г-на Раймона на фабрике живописи по стеклу в Лионе²². Генерал де Моран (1771–1835), пэр Франции, участник Египетского похода, бригадный генерал с 1800 г. и дивизионный генерал с 1805 г., просит (7 февраля 1802 г.) у генерального комиссара почтовой администрации Лавалетта место для своего знакомого²³. Военный комиссар армии в Италии Л. Бонапарт просит (5 августа 1796 г.) у администратора почт в Париже Мюльсо места для гражданина Карста²⁴. Член Законодательного собрания, член Совета старейшин (1795 г.) и клуба Клиши, председатель Кассационного трибунала (1801 г.), государственный советник (1803) О. Мюрер (1750–1837) протезирует (16 июня 1803 г.) гражданина Брема-ра в администрацию почтового ведомства²⁵. Государственный

¹⁹ ОР РНБ. Ф. 993. К. 29. № 486. Л. 1.

²⁰ ОР РНБ. Ф. 993. К. 28. № 432. Л. 1.

²¹ Государственного секретаря Рошфора: «Я могу гарантировать господу директору, что он будет только хвалить г-на Петито, если он не прочь его выбрать». Графа Менара: «Я с доверием присоединяю мою рекомендацию к той, которую дал гражданин Рошфор гражданину директору по поводу Петито». Генерал-лейтенанта Дийона: «Я удостоверяю, что гражданин государственный секретарь питает самое большое доверие к гражданину Петито, который мне известен с самой лучшей стороны». – ОР РНБ. Ф. 993. К. 32. № 874. Л. 1.

²² ОР РНБ. Ф. 246. № 115. Л. 1.

²³ ОР РНБ. Ф. 993. Л. 1.

²⁴ ОР РНБ. Ф. 993. К. 6. № 166. Л. 1.

²⁵ ОР РНБ. Ф. 993. К. 29. № 553. Л. 1.

советник генерал Журдан рекомендует (2 июля 1803 г.) на место контролера в почтовое место Бонафиде де Тюрена.

Гражданин Майлар за местом лесного инспектора обращается даже к министру финансов. На полях две приписки. Первая: «Рекомендовано к особому вниманию министра финансов. Мне дали очень хорошее свидетельство в пользу этого гражданина. Л. Ларевельер-Лепо». Но следующей припиской Рамель вместо должности лесного инспектора рекомендует Майлара в другое ведомство: «Отложить и рекомендовать для управления чужими поместьями... Рамель»²⁶.

Для военного недостаточно послужного списка и аттестации непосредственного командира. Нужно задействовать и «тяжелую артиллерию». Генерал, командующий 41-й полубригадой линейной пехоты М.Н.Л. Решё даёт (28 января 1803 г.) отличную аттестацию капитану Деломбру в связи с его переводом на другое место службы. На полях – рекомендации дивизионного генерала Эрнува²⁷. Капитан Дюплаке просит место квартирмейстера у префекта департамента Сены. Рекомендательную приписку делает дивизионный генерал Фриан: «Гражданин Дюплаке мне был заботливо рекомендован командиром бригады Кассажем... Я осмеливаюсь просить префекта департамента Сены благоприятно рассмотреть эту петицию»²⁸. Дивизионный генерал Л.-Ш.-А. Дезо де Вою рекомендует управляющему конной артиллерией на должность надсмотрщика за упряжью гражданина Колиньона²⁹. Первый Консул решил создать отряды муниципальной гвардии Парижа. Подпоручик в отставке Л.-Т. Морис и капитан в отставке Г.-Ж.-Б. Дипон просят (30 января и 7 сентября 1802 г.) генерала Жюно, коменданта Парижа принять их в корпус парижских гвардейцев в чинах соответственно лейтенанта и капитана. На прошении первого – рекомендательная приписка бригадного генерала Ж. Сарразена, под началом которого Л.-Т. Морис служил у Мюрата: «...во всех случаях дал недвусмысленные доказательства таланта и храбрости, которая характеризует хорошего офицера»³⁰. На прошении второго – рекомендательные приписки Ж.-Г. Турэ и

²⁶ ОР РНБ. Ф. 993. К. 29. № 479. Л. 1. Возможно, это Ж. Рамель де Ногаре (1760–1819). Депутат Генеральных штатов, член Конвента, член Совета 500, министр финансов Директории.

²⁷ ОР РНБ. Ф. 993. К. 32. № 902. Л. 1.

²⁸ ОР РНБ. Ф. 993. К. 32. № 918. Л. 1.

²⁹ ОР РНБ. Ф. 993. К. 32. № 871. Л. 1.

³⁰ ОР РНБ. Ф. 993. К. 34. № 1159. Л. 1.

генерала Виктора³¹. 19 октября 1802 г. прошение на имя префекта департамента Сены о назначении в один из отрядов муниципальной гвардии подает хирург Рибе. Его коллега военный хирург Ларрей делает соответствующую рекомендательную приписку³².

Прошли суровые годы якобинского террора, люди стали смелее и беззастенчивее. Когда речь идет не о военной службе, то аттестация в каких-то личных дарованиях и гражданских доблестях кандидата становится уже излишней. Какие только люди не обращаются к министру финансов Годену, рекомендуя то или иное лицо на должность в администрации налогового управления. Государственный советник А. Франсэ просит (9 октября 1803 г.) принять в новую администрацию налогового управления гражданина Леграна³³. С аналогичной просьбой, но за гражданина Феррьер-Совбефа обращается (9 февраля 1804 г.) к Годену генерал А.-Ф.-Л. Мармон³⁴. Бригадный генерал Луи Бонапарт, будущий король Голландии, 24 марта 1804 г. посылает Годену официальное письмо, рекомендуя гражданина Лануа³⁵. Государственный советник Ж.-Ж. Дефермон де Шапельере рекомендует (28 марта 1804 г.) своего старого коллегу на работу в департаменте Норд³⁶. Граф П.-Л. Редерер просит (30 марта 1804 г.) место директора откупов для своего родственника по принципу «хоть где-нибудь»: в Страсбурге, Меце или Нанси³⁷. На следующий день (31 марта 1804 г.) дивизионный генерал Л.-А. Луазон рекомендует Годену на место директора в Управлении косвенных налогов своего отца...³⁸. Префект города Палэ барон Ф.-Ш.-Л. Дидело рекомендует (13 декабря 1804 г.) на место в налоговое Управление своего двоюродного брата³⁹. Стендаль подметил: «одна из характерных черт нашей революционной эпохи... – это то, что без некоторой доли бесстыдства и шарлатанства крупный успех невозможен»⁴⁰.

Насколько все изменилось, по сравнению с периодом подъема Революции? Гравер Ж.Ф. Баттард просит (10 ноября 1794 г.)

³¹ ОР РНБ. Ф. 993. К. 34. № 1213. Л. 1.

³² ОР РНБ. Ф. 993. К. 37. № 1520. Л. 1.

³³ ОР РНБ. Ф. 993. К. 28. № 418. Л. 1.

³⁴ ОР РНБ. Ф. 993. К. 35. № 1043. Л. 1. А.-Ф.-Л. Мармон (1774–1852).

³⁵ ОР РНБ. Ф. 993. К. 6. № 159. Л. 1.

³⁶ ОР РНБ. Ф. 993. К. 28. № 377. Л. 1.

³⁷ ОР РНБ. Ф. 993. К. 30. № 627. Л. 1.

³⁸ ОР РНБ. Ф. 993. К. 33. № 1022. Л. 1.

³⁹ ОР РНБ. Ф. 993. К. 28. № 386. Л. 1.

⁴⁰ Стендаль. Воспоминания эгоиста // Собр. Соч. в 12-ти тт. М., 1978. Т. 12. С. 347.

1794 г.) у членов Комиссии почт и перевозок пассажиров место в конторе отправления. На листе его прошения подписываются 19 жителей его коммуны. Их подписи заверены 5-ю членами гражданского комитета секции, в которую он входил. Но и это еще не все. В конце стоит приписка члена Конвента М.-Ж. Шенье:

«Приглашаю граждан администраторов принять участие в просьбе гражданина Баттарда, чей патриотизм аттестуется всеми, кто его знает. Его хорошее поведение должно ему заслужить благосклонность всех республиканцев; и это тот мотив, который заставляет и меня поддержать его просьбу. 13 плювиоза III года единой и неделимой Республики. Мари Жозеф Шенье, представитель народа»⁴¹.

Ж. Фуше (1763–1820) на фирменном бланке министерства полиции, которое он тогда возглавлял, пишет (19 сентября 1799 г.) министру финансов Ж.-Б. Роберу-Линде: «Я вам рекомендую, мой друг, подателя сего (le porteur de la presente). Это прекрасный патриот, способный благотворно умножать доходы на той службе, которую вы ему доверите. Вы меня весьма обяжете, приняв его петицию. Фуше»⁴². Восхитительная рекомендация: «подателю сего», «что доверите», «весьма обяжете». Такая бумага лучше звонкой монеты.

Примеры можно продолжать до бесконечности. Протекция была необходима всем, когда речь шла о государственной службе. Государственная служба – большая привилегия. Повышение скорее всего можно было получить через протекцию. Прощения и соответственно рекомендации различаются степенью конкретности. Одним нужна конкретная должность, другим что-нибудь в этом ведомстве или в этом департаменте, или вообще что-нибудь. Протекция принимает разные формы: на официальных бланках неофициальные просьбы, рекомендательное письмо (записка), рекомендательные приписки на полях прошения. Просят за сослуживцев, за знакомых, за знакомых своих знакомых, за родственников. Просят новую должность, просят о переводе, о сохранении старой должности. Когда Э. Фоше-Лалижери обращается с просьбой к министру полиции о сохранении за ним должности в полиции департамента Нижняя Шаранта, то генерал Ж.-М.-Ф.-Э. Фоше делает несколько курьезную рекомендательную помету: «Родители просителя представили мне личную гарантию его покорности законам»⁴³.

⁴¹ ОР РНБ. Ф. 993. К. 27. № 330. Л. 1-1 об.

⁴² ОР РНБ. Ф. 993. К. 28. № 414. Л. 1.

⁴³ ОР РНБ. Ф. 993. К. 32. № 911. Л. 1.

Астрономы рекомендуют на работу историков, историки поддерживают друг друга, генералы просят министров за детей своих сослуживцев... П.-С. Лаплас 7 вантоза VI года (1798) подписывает следующее послание:

«Жюри общественного образования Центральных школ предлагает администрации департамента Сены гражданина Ларомигьера, профессора истории Центральных школ на место профессора грамматики, вакантное после увольнения Дону. В то же время, оно предлагает гражданина Кокебера для замещения места историка, которое гражданин Ларомигьер⁴⁴ оставит тогда вакантным»⁴⁵.

Члены жюри общественного образования Центральных школ Лаплас, Лагранж, Шенье рекомендуют (22 августа 1799 г.) администрации департамента Сены Буше Дефонтена на должность профессора грамматики в коллеже Дю Пасси.⁴⁶ Генерал-лейтенант Ф.-Ж. Лефевр (1755–1820), воевавший под началом Гоша и Журдана, ставший дивизионным генералом в 1794 г., кандидат в члены Совета 500 в 1799 г., активный участник переворота 18 брюмера, член ордена Почетного легиона и т.д. и т.п., просит (10 мая 1804 г.) директора народного образования А.-Ф. Фуркруа о месте для 14-летнего сына майора Винтера в одном из лицеев Страсбурга или Бордо⁴⁷. Генерал Э.-Л.-А. Дюбуа де Крансе просит (9 декабря 1804 г.) устроить в лицей Реймса некоего Шарля де Сальса⁴⁸. Историк Жан-Антуан Летрон (1787–1848), специалист по античности, член Института (с 1816 г.) заручается (1815 г.) благосклонностью Руайе-Коллара в отношении Ф. Гизо, который хотел бы пройти курс юридических наук: «...уверен, что вы уловите своевременный момент, чтобы его там представить и рекомендовать»⁴⁹.

Интересно проследить, насколько эти просьбы были удовлетворены. Место лесничего, гравера почтмейстера, ответственного за лошадиную упряжь, национального гвардейца или квартирмейстера, лицеиста или профессора, место в Пробирной палате или в Монетной палате, – все по рекомендациям. Что поражает в этих

⁴⁴ Возможно речь идет о П. Ларомигьере (1756–1837) французском философе, который после переезда из Тулузы в Париж работал в «Эколь нормаль» (1795) и на кафедре логики в «Эколь централь». Член Трибунала (1799). С 1811 – профессор философии «Факульте де леттр» в Париже.

⁴⁵ Архив СПб. ФИИ РАН. Колл. 12. Оп. 367. № 7. Л. 1.

⁴⁶ ОР РНБ. Ф. 965. Оп. 1. № 1513. Л. 1.

⁴⁷ ОР РНБ. Ф. 993. К. 33. № 1012. Л. 1.

⁴⁸ ОР РНБ. Ф. 993. К. 28. № 393. Л. 1.

⁴⁹ ОР РНБ. Ф. 991. № 738. Л. 1.

рекомендациях так это контраст между безвестностью рекомендуемого и общественным весом рекомендующего. В этом и суть идеальной протекции. Но не имеем ли мы дело со «стрельбой из пушек по воробьям»? Насколько значимо место почтмейстера в провинциальной конторе, помощника библиотекаря или копииста в ломбарде, чтобы вопрос решался с вмешательством военного комиссара армии, государственного советника или министра? Может быть, речь идет о синекурах? Ничуть.

Стендаль вспоминает о своей работе под началом Пьера Дарю (1767–1829), графа, министра и пэра Франции (с 1819 г.), которого он, несмотря на все родственные отношения, «смертельно боялся»:

«Он был моим благодетелем, в том смысле, что поручал работу мне, оказывая предпочтение перед многими другими, но немало дождливых дней просидел я с головной болью у раскаленной печки за бумагами неотрывно с 10 утра до часу ночи...»⁵⁰

Когда во времена Империи будущий знаменитый реформатор и пророк нового общества К.-А. Сен-Симон окончательно разорился и обнищал, он обратился за помощью (как и ко многим другим) к соратнику по войне в Америке графу Л.-Ф. Сегюру. Л.-Ф. Сегюр с 1801 г. был государственным советником, а затем и обер-церемониймейстером императорского двора в Сен-Клу.

«Он прислушался к моей просьбе, – вспоминает Сен-Симон, – и добился для меня места служащего в ломбарде. Это было место копииста, оно приносило мне 1000 фр. в месяц за 9 часов работы в день⁵¹. Я работал здесь в течение шести месяцев; мой же личный труд был по ночам; я харкал кровью, мое здоровье было в очень плохом состоянии...»⁵²

Потомок Карла Великого (как он сам уверял) граф Клод-Анри де Рувруа де Сен-Симон благодаря поддержке своего боевого товарища графа Луи-Филиппа де Сегюра, стал, по решению префекта Сены от 14 октября 1806 г., переписчиком в ломбарде⁵³, –

⁵⁰ Стендаль. Воспоминания эгоиста // Собр. Соч. в 12-ти тт. М., 1978. Т. 12.

⁵¹ Сен-Симон работал с 14 октября и получал сначала 1 000 франков, в конце года зарплата была поднята до 1 250 франков, но в начале 1807 г. снижена до 1 200 франков – См.: *Dautry J. Claude-Henri Saint-Simon // Saint-Simon. Textes choisis. Paris, 1951. P. 51, note.*

⁵² *Saint-Simon. Textes choisis. P. 73.*

⁵³ *Gouhier H. La Jeunesse d'August Comte et la formation du positivisme. T. II. Saint-Simon jusqu' à la Restauration. Paris, 1936. P. 237, note; Manuel F. The New World of Henri Saint-Simon. Cambridge, 1956. P. 78.*

таковы были возможности протекции. 10 апреля 1815 г., теперь уже при помощи Лазаря Карно, который во времена Ста Дней Наполеона был одним из первых лиц в государстве, К.-А. Сен-Симон был назначен помощником библиотекаря в Библиотеку Арсенала⁵⁴. Сен-Симон получает, хоть небольшой, но твердый источник доходов. Должность помощника библиотекаря может показаться совсем незначительной по сравнению с тем влиянием, которым обладал в это время Л. Карно. Дело в том, что таких мест было мало, а желающих их занять предостаточно. Мы не должны забывать, что представлял собой в то время штат Библиотеки Арсенала. В 1815 г. в штате библиотеке был один администратор, один хранитель, четыре помощника библиотекаря, пять служащих, два мальчика для работы в зале и один портье. Общий годовой бюджет – 41 400 франков⁵⁵. Позиция Сен-Симона во времена Ста дней была такова, что после Реставрации он потерял место госслужащего. В июле 1815 г. Паскье, новый министр Людовика XVIII, быстро уволил Сен-Симона с места помощника библиотекаря и пригласил назад его предшественника⁵⁶.

Насколько непросто было получить место на государственной службе, иллюстрирует история с другим интеллектуалом эпохи – П.Г. Азайи (1766–1845), в те времена очень популярным, а теперь позабытым философом. П.Г. Азайи одно время переписывался с К.-А. Сен-Симоном, их можно назвать товарищами по несчастью – оба испытывали серьезнейшую материальную нужду.

С 1816 г. П.Г. Азайи подрабатывает в небольшом журнале «L'Aristarque», где ему платят по 50 франков за статью. Он пытается прокормить семью с помощью своего пера, стараясь при этом не быть скомпрометированным, поэтому начинает заниматься детской литературой. Но его «Друг детей» продается плохо, статьи выходят нерегулярно...⁵⁷. В судьбу П.Г. Азайи вмешивается мадам де Сталь, которая «стучится» с его проблемой в самые

⁵⁴ В память об этом событии Анфантен завещает библиотеке сенсимонистские бумаги. И поныне фонд Анфантена хранится в Библиотеке Арсенала.

⁵⁵ *Charmasson Th., Gaziello C. Les grandes bibliothèques d'études à Paris // Les bibliothèques de la Révolution et du XIX siècle. 1789–1914. Paris, 1991. P. 359.*

⁵⁶ *Martin H. Histoire de la Bibliothèque de l'Arsenal. Paris, 1900. P. 554.*

⁵⁷ *Baude M. P.H. Azais, témoin de son temps. D'après son journal édit (1811–1844). P., 1980. T. 1. P. 149–150.*

разные двери. Она пытается устроить его судьбу через голландского посла. Азайи пишет в своем дневнике 28 декабря 1816 г.: «Она лично знает короля⁵⁸, которому меня представит». Азайи надеется добиться поста профессора в Брюсселе. Мадам де Сталь пытается устроить его судьбу также через русского посла Ш.-А. Поццо ди Борго, который, по словам мадам де Сталь, «с энтузиазмом» прочитал «Учебник философии» Азайи. Она хлопочет перед министром полиции Э. Деказом, как записывает 25 января 1817 г. в своем дневнике Азайи со слов Виллемана, «с необыкновенными рвением, любовью, красноречием». Но эти демарши ни к чему не привели. Он не получил даже места цензора в «*Quinzaine littéraire*», как он на то надеялся в начале 1817 г. Тогда мадам де Сталь пошла на хитрость: она весьма деликатно попросила Азайи служить у нее, что было лишь великодушием с ее стороны. Мадам де Сталь собиралась в Швейцарию в связи с предстоящими родами у ее дочери. Служба же Азайи должна была заключаться в том, чтобы «следить за впечатлением» и «исправлять ошибки» в одном ее сочинении (скорее всего, имелась в виду «*Рассуждения о Французской революции*»). Но вскоре Э. Деказ все же уступает настоятельным просьбам мадам де Сталь: он согласился выплатить Азайи 1 200 франков и предоставить ему привилегии, на случай если тот захочет основать газету. Министр выплатил сначала только 600 франков, но Сталь проявила настойчивость и попросила министра сдержать свое обещание полностью. Азайи рад и удивлен: мадам де Сталь очень больна, она умирает, а занимается его судьбой, как будто он член ее семьи. Он отмечает в своем дневнике от 1 июля 1817 г.: «думать обо мне в таком положении!»⁵⁹. На следующий день после смерти мадам де Сталь он пишет: «...Именно ей единственной я обязан этим годом существования моей семьи... Без нее, мои просьбы кажется терялись в отделах Министерства»⁶⁰. Эли Деказ⁶¹ будет помогать Пьеру Гиацинту Азайи и после смерти мадам де Сталь. Азайи 17 мая 1819 г. обращается к министру внутренних

⁵⁸ Королем Голландии в это время был Гильом I (1772–1843).

⁵⁹ *Baude M. Un protégé de madame de Stael: Pierre-Hyacinthe Azàis d'après des documents inédits // RHLF.1966. № 1. P. 150–151. Мадам де Сталь умерла ночью с 13 на 14 июля 1817 г.*

⁶⁰ *Ibid.* P. 152.

⁶¹ С 18 декабря 1818 в ранге министра внутренних дел он становится фактическим главой правительства при номинальном премьерстве генерала Дессолля.

дел: «Вы имели доброту помочь мне в переводе моего приемного сына Альберта Берже⁶² из королевского колледжа в Нанси в королевский колледж в Версале. Я прошу ваше сиятельство добавить к этому, чтобы меня освободили от возмещения ущерба за предоставляемые в лицее носильные вещи». Речь шла о 100 франках⁶³. Э. Деказ назначил ему пенсию в 500 франков в месяц⁶⁴.

Насколько важно не только получение протекции, но и предоставление протекции? Зачем это нужно было мадам де Сталь? Зачем она оказывала протекцию П.Г. Азайи, как до этого оказывала протекцию многим другим – от Ш.М. Талейрана до Тальма? Здесь не идет речь о каких-то материальных выгодах. Но, может быть, дело в статусе? Стендаль считал мадам де Сталь не менее Талейрана искусенной «в искусстве пользоваться успехом у парижан». По его мнению, она в свое время «отлично поняла, как будет выгодно для нее оказать содействие успеху Тальма.... Эта красноречивая женщина взялась научить глупцов, в каких выражениях подобает им говорить о Тальма»⁶⁵. Патронаж повышает престиж. Ж.-П.-Ж. Дарсе практически посвящает свое письмо другу описанию того, как он рекомендовал «сына знаменитого Лекэна (Lekain)»⁶⁶.

Протекция – одна из составляющих патронажа (например, в науке) – оказания поддержки в обмен на те или иные «дары». В различных социологических концепциях, касающихся патронажа, отмечается, что «дары» преимущественно бывают не материальные, а символические.

«Обычно патрон поддерживает деятелей искусства и ученых, получая в обмен повышение социального статуса в какой-либо среде, с которой он референтно соотносится. Важно подчеркнуть разницу между «хозяином» и «патроном»: хозяин имеет непосредственные и мате-

⁶² В 1808 г. П.Г. Азайи женился на вдове убитого под Аустерлицем офицера.

⁶³ ОР РНБ. Ф. 993. К. 35. № 1251. Л. 1.

⁶⁴ *Baude M.* P.H. Azais, témoin de son temps. D'après son journal inédit (1811–1844). P., 1980. Т. 1. P. 134.

⁶⁵ *Стендаль.* Воспоминания эгоиста // Собр. Соч. в 12-ти тт. М., 1978. Т. 12. С. 378–379. Для нас сейчас важно не то, что Жофруа еще раньше мадам де Сталь стал публиковать в «Журналь де Деба» восторженные отзывы о Тальма, а то, как современники сами представляли себе обоюдное значение протекции.

⁶⁶ ОР РНБ. Ф. 246. № 246. Л. 1. Жан-Пьер-Жозеф Дарсе, химик (1777–1844), один из метров этой еще новой науки. С 1823 г. – член Академии Наук. Анри-Луи Лекэн (Lekain) Знаменитый трагик (1729–1778).

риальные выгоды, патрон же получает поддержку и повышение статуса, а материальные выгоды, если и следуют за этим, то обычно много позже и не непосредственно от клиента... Историческая смена личного патронажа аристократов на патронаж ассоциаций (например, группы промышленников) и, наконец, на патронаж государства, не меняет социальной схематики отношений, лежащих в его основе»⁶⁷.

Как протекцию можно было получить? Обратимся в качестве примера к воспоминаниям желчного Стендаля:

«Встал вопрос о назначении помощников военного комиссара. Я заметил это по увеличившейся предупредительности г-жи Кардон к семье Дарю и даже ко мне... Г-жа Кардон... приставала к г-ну Дарю (Пьеру) до такой степени, что могла бы вывести из терпения этого флегматичного человека. Дарю не проявлял своего гнева, но его глаза взбешенного кабана стоили того, чтобы их нарисовать. Наконец, он сказал ей в моем присутствии: «Сударыня, имею честь обещать вам, что если «помощники» будут назначены, ваш сын будет в их числе»⁶⁸.

Протекцию можно получить в салонах. Стендаль сожалеет, что его родственник Дарю-отец не предупредил его вовремя: «Помните, что повышение вы будете получать только через салоны. Усиленно работайте днем, а вечером посещайте салоны...»⁶⁹. Особую роль в салонах, а, соответственно, и в деле протекции, играли дамы... Стендаль платонически влюбленный в графиню Александрину Дарю получает место благодаря ее протекции. Он вспоминает: «3 августа 1810 года назначен ею или почти ею аудитором Государственного совета...»⁷⁰. Стендаль оставляет военную карьеру, хотя при могущественной протекции Дарю он мог бы стать полковником, и переходит на гражданскую службу. Он признает, что, когда был принят на работу в Государственный совет, испытал «радости честолубия». А. Дарю вновь оказывает ему протекцию в 1814 г., когда незадолго до вторжения союзников во Францию Стендаль надеялся получить место префекта. «Графиня Дарю, жена мини-

⁶⁷ Александров Д.А. Методологические проблемы историко-научных исследований // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 9–10.

⁶⁸ Стендаль. Жизнь Анри Брюлара // Собр. Соч. Т. 12. С. 280.

⁶⁹ Там же. С. 281.

⁷⁰ Стендаль. Жизнь Анри Брюлара // Собр. Соч. Т. 12. С. 19, 121. В 1814 г. он сменил службу в качестве военного комиссара на должность аудитора военной секции Государственного совета, где он работал под руководством Гувюна Сен-Сира. Правда, очень скоро он стал уже инспектором недвижимости.

стра, сказала мне: «Не будь этого проклятого нашествия, вас бы скоро назначили в большой город префектом. Были основания предполагать, что город этот – Тулуза»⁷¹. С другой стороны ему оказывала протекцию г-жа Беньо. «В мае 1814 года я отказался от должности управителя снабжения Парижа (хлебом) под начальством графа Беньо, жена которого питала ко мне самое глубокое расположение...»⁷². Тут и не надо писать прошений: «в 1814 году граф Беньо, министр полиции, предложил мне заведовать снабжением Парижа. Ни с какими прошениями я к нему не обращался; тем удобнее было предложение принять...»⁷³. Очевидно, он имел в виду именно эту должность, когда позднее со скрытым сожалением вспоминал: «В 1814 году я отказался от места с миллионными доходами...»⁷⁴. Как мы видим, в 1814 г. Стендалю оказывают протекцию жены сразу двух министров... Он же циничен и откровенен: «Чтобы добиться от людей покровительства, их надо поймать на удочку. В случае необходимости я вылавливаю этой удочкой две-три милости, но от нее у меня скоро устает рука»⁷⁵.

Протекция – немаловажное явление повседневной жизни разных слоев общества во времена Старого Порядка, Революции, Империи или Реставрации. После столь беглого и фрагментарного знакомства с явлением протекции остается больше вопросов, чем ответов. Но ясным представляется одно – она заслуживает отдельного внимания со стороны исследователей. Чтобы вести диалог со временем, чтобы суметь разговаривать этого скрытного собеседника, нам следует его получше узнать.

⁷¹ Стендаль. Воспоминания эгоиста // Собр. Соч. Т. 12. С. 342...

⁷² Стендаль. Жизнь Анри Брюлара // Собр. Соч. Т. 12. С. 58.

⁷³ Стендаль. Воспоминания эгоиста // Собр. Соч. Т. 12. С. 311.

⁷⁴ Стендаль. Жизнь Анри Брюлара // Собр. Соч. Т. 12. С. 280.

⁷⁵ Стендаль. Воспоминания эгоиста // Собр. Соч. Т. 12. С. 342.

Т.А. Черноверская (Новосибирск)

БУНТ, НЕ ИМЕЮЩИЙ ПЕРСПЕКТИВЫ: СЕН-ЖЮСТ В ПЕРИОД РАБОТЫ НАД ПОЭМОЙ «ОРГАНТ»

Мне двадцать лет. Я сделал плохо.
Я мог бы сделать лучше.

Сен-Жюст «Органт».

Луи Антуан Сен-Жюст остался в памяти людей, знакомых с историей Великой французской революции как пламенный революционер II года Республики, как «апостол террора», как рыцарь без страха и упрека, на которого даже враги взирали со смешанным чувством восхищения и ужаса.

Поэма «Органт», опубликованная им анонимно в самом начале революции (в 1789 г.) в значительной степени противоречит этому образу. Историки революции в прошлом веке писали о ней прежде всего как о сочинении непристойном, позже в сатирических выпадах поэмы стали отыскивать истоки, зародыши тех идей, которые Сен-Жюст пытался воплотить в жизнь в своей политической деятельности. Наконец, в последние четыре десятилетия ряд авторов предприняли попытки проанализировать сам текст поэмы, рассматривая ее то как произведение прежде всего автобиографическое (М.А. Шармело), то как произведение собственно литературное, связанное с современной ему литературной традицией (С. Трюси-Торжюссен). Признавая плодотворность этих подходов, хотелось бы обратить внимание и на некоторые другие аспекты.

Теплым июньским вечером 1789 года в дом парижского негодичанта господина Дюпе постучал молодой человек лет двадцати – двадцати двух. Служанка, открывшая дверь, рассказывала потом подругам, что в лучах заходящего солнца он показался ей ангелом, сошедшим с небес – золотящиеся кудри до плеч, точеный профиль, серо-голубые глаза большие и строгие.

– Леонар Флорель де Сен-Жюст, – отрекомендовался он.

Господин Дюпе узнал сына своего старинного друга и земляка, унтер-офицера кавалерии роты герцога Беррийского (его звание соответствовало чину капитана в обычных войсках), Луи

Жана де Сен-Жюст де Ришбур, – и усмехнулся: на самом деле юношу звали Луи Антуан, но он предпочитал почему-то имена, ему не принадлежащие. Летом 1786 года он уже гостил в этом доме. Господин Дюпе, так радушно принявший его, познакомивший с Парижем, с его садами и театрами, сам того не подозревая, сыграл тогда незавидную роль в судьбе молодого человека: удаленный из родного дома, он лишился в тот злосчастный год своей возлюбленной, которую спешно выдали замуж за другого. Теперь анонимный автор поэмы «Органт», уже разыскиваемый парижской полицией, Сен-Жюст решил укрыться в Париже, справедливо полагая, что в большом городе труднее отыскать человека, чем в провинциальном местечке. Господину Дюпе можно было довериться, да и взгляды его были известны¹.

Узнав о причине неожиданного визита, Дюпе пожелал прочитать поэму. Она оказалась весьма длинной: двадцать песен, два томика под двести страниц каждый. И полный набор поводов к тому, чтобы вызвать пристальный интерес властей. В глаза бросалось подчеркнутое подражание «Орлеанской Девственнице» Вольтера. Разумеется, как литературному произведению «Органту» было далеко до блистательного образца. Но все обвинения, выдвигаемые против «Девственницы», были вполне приложимы и к этой поэме: и оскорбление нравственности, и оскорбление религии и церкви, и оскорбление властей. Разговоры с господином Дюпе побудили Сен-Жюста, дабы яснее представить свою позицию, написать *Диалог г-на Д... с автором поэмы «Органт»*²:

Г-н Д. Это вы, сударь, автор поэмы «Органт»?

Автор Да.

Г-н Д. Вы достаточно испорчены для своего возраста.

Автор А может быть, достаточно мудр.

Г-н Д. Что такое сделали вам люди, чтобы разжечь в вас столь желчную сатиру?

Автор Я хотел им понравиться.

Г-н Д. Откуда эти злые намеки?

Автор Я писал с людей; тем лучше, если я добился сходства.

Г-н Д. Вы ведете подкоп против королей.

Автор Я люблю королей, я ненавижу тиранов.

Г-н Д. Вы попираете ногами установления самые священные.

¹ Barère B. Mémoires. Bruxelles–Leipzig, 1844. Т. 4. P. 374; Dommanget M. De nom et de prénom de Saint-Just // Idem. Saint-Just. P., 1971. P. 21–24; Charmelot M.A. Autour de Saint-Just // AHRF. 1966. № 185. P. 61–66.

² Введён в научный оборот Б. Вино: Vinot B. Saint-Just. P., 1985. P. 175–177.

Автор Эти установления пали, они более не священны, но презренны.

Г-н Д. Ваш Карл Великий – это же король; ваша Кунегонда – это же королева.

Автор Это вы сказали.

Г-н Д. Ваша обезьяна Этьен Перонн – это же шевалье Дюбуа.

Автор Уважайте мою обезьяну.

Г-н Д. Ваш Пепин – это же граф д'А..., он купил несколько лет назад лошадь за 1700 луи, эту лошадь звали Пепин, и ...

Автор И Пепина звали лошадью.

Г-н Д. Вы позорите Генеральные штаты. Вы не боитесь? ...

Автор Не боюсь. Ни-че-го.

Г-н Д. Какое ужасное богохульство царит в вашей книге!

Автор Молитесь за меня.

Г-н Д. Что за портрет королевы!

Автор Что за оригинал!

Г-н Д. Что за памфлет против Парламента, театра и Академии!

Автор Что за памфлет против здравого смысла эти три учреждения!

Г-н Д. Что за ужасная картина ... ? и Троицы.

Автор Вы смеетесь!

Г-н Д. Не боитесь ли вы, мэтр Антуан, что вас ославят свиньей, а может быть свинья и есть мэтр Антуан?

Автор Вероятно.

Г-н Д. Но вас поджарят.

Автор А мне наплевать.

Читатель, знакомый с обстоятельствами жизни автора, увидит в поэме не только политическую сатиру, но и многое другое.

1. ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ

Луи Антуан Сен-Жюст родился 25 августа 1767 г. в Десизе, провинция Нивернэ в центральной Франции. Его мать, Мари Анн Робино происходила из старой патрицианской семьи Десиза: ее отец и братья были нотариусами, а отец даже удостоился звания эшевена, дядья, братья отца и матери, – священниками. Сама Мари Анн с раннего отрочества и до позднего, в тридцать лет, замужества вела дом своего отца; это была женщина деловая, прижимистая, с твердым характером, и одновременно глубоко религиозная: она мечтала о религиозной карьере и для своего сына; позже, в 1807 г. в ее отпевании приняли участие четверо священников не только из Блеранкура, но и из окрестных местечек. Отец, Луи Жан де Сен-Жюст, был выходцем из крестьянской фермерской семьи, уже не в первом поколении занимавшейся наряду с земледелием сбором податей и повинностей для сеньоров. Луи Жан, будучи седьмым сыном в семье, не мог рассчиты-

вать на сколько-нибудь значительную долю отцовского наследства, и потому избрал военную карьеру. Карьера эта для представителя третьего сословия, не имевшего средств для покупки офицерского чина, была трудной и мучительной; не помогло и присоединение к родовому имени названия имения, которым управлял его отец (де Ришбур): за тридцать лет безупречной службы Луи Жан дослужился лишь до чина капитана и стал кавалером ордена Святого Людовика. Но кроме этого он, по-видимому, получил и дворянство: известно, во всяком случае, что Луи Жан и его семья пользовались налоговыми привилегиями; существуют также сведения о гербе – серебряный сноп на лазурном поле³. Судя по всему, тот факт, что дворянство получено по праву, а не куплено за деньги, для Луи Жана де Сен-Жюст имело немаловажное значение, как и, до определенного времени, для его сына.

В конце 1767 г. Луи Жан де Сен-Жюст, ставший после смерти отца и брата практически единственным наследником, вышел в отставку и вместе с женой перебрался к себе на родину в Пикардию, заняв на несколько лет место отца в качестве управляющего имениями графа Брюне д'Эври. А Луи Антуан был оставлен у кормилицы в Верней близ Десиза под присмотром местного священника Антуана Робино, своего двоюродного деда и одновременно крестного. С родителями и с двумя младшими сестрами-погодками, Луиз Мари Анн и Мари Франсуаз Виктуар, Луи Антуан познакомился, когда ему было уже почти пять лет – в начале 1772 года, вскоре после смерти кюре Антуана Робино, они приехали в Десиз и четыре года прожили в доме мэтра Леонара, который помирился, наконец, со своей непокорной дочерью (Мари Анн вышла замуж вопреки воле отца, и год спустя ни он сам, ни ее братья не присутствовали при крещении Луи Антуана), и проникся неожиданно горячей любовью к своему очаровательному, богато одаренному и весьма своенравному внуку.

В Пикардию семья возвратилась летом 1776 г., когда наследство, полученное от Антуана и Леонара Робино, а также от старшей сестры Мари Маргерит де Сен-Жюст, добавленное к прежним сбережениям, позволило Луи Жану приобрести в местечке Блеранкур близ Нойона небольшой каменный дом из пяти

³ Vinot B. (Les origines familiales de Saint-Just et son environnement sociale // ANRF. 1982. № 248. P. 166–167) сообщает, в частности, что семья платила только налог на прислугу; о гербе, выгравированном на рукоятках пистолетов Луи Жана де Сен-Жюста упоминает Ш. Веллэ: *Vellay Ch. Premières luttes politiques (1790–1792) // Revue de Paris, 1906. T. 5. P. 822 (note).*

комнат, с черепичной крышей и возвышающейся над нею голубятней (одна из привилегий дворянского сословия), с небольшим садом и грабовой аллеей вдоль ручья. Здесь он и поселился со своей семьей, живя на доходы с принадлежавшей ему земли и пенсию⁴. Именно в Блеранкуре, прошли значительная часть детства и юность Луи Антуана Сен-Жюста. Здесь он сформировался как политический мыслитель и революционер. Социальные условия Пикардии и определили в значительной мере выбор учителей и учений, которым он отдавал предпочтение. Именно здесь он увидел, что «там, где есть очень крупные собственники, мы видим одних лишь бедняков»⁵. Ведь в Пикардии, с ее бескрайними равнинами и плодородной почвой, ранее, чем в других областях Франции, сложилось крупное зерновое фермерское хозяйство капиталистического типа: ферма Петрон, которую его дед Шарль де Сен-Жюст арендовал у графа Брюне д'Эври, с ее 95 га земли, не только не была чем-то исключительным, но и значительно уступала расположенным по соседству фермам Каррьер (150 га), Лож (около 200 га) или Луар (более 288 га). Последняя находилась в руках Роже Лемуана, кузена Луи Жана по матери и впоследствии опекуна его детей. Мелкие крестьянские хозяйства занимали здесь сравнительно незначительное место. Совершенно иную картину представляли низменные речные долины в бассейне Уазы, в частности, в районе Блеранкура, где более трети земель составляли болота, лесистые склоны и прочие неудобья. Крупные фермы здесь были сравнительно редки и не превышали 70–80 га, и от трети до половины обрабатываемой земли занимали мелкие крестьянские хозяйства, в которых скотоводство, в первую очередь овцеводство, оставалось существенным подспорьем для земледельца. И в Блеранкуре, который был одной из самых бедных коммун байяжа Куси, социальные контрасты были значительно сглажены, крестьянская нужда несколько смягчена сохранявшими свое значение общинными распорядками. В целом социальная среда Пикардии могла

⁴ *Boutanqoui O.* Le conventionnel Saint-Just et sa famille. Compiègne, 1927; *Charmelot M.A.* Autour de Saint-Just // AHRF, 1966, 1 183. P. 61–64; *Manceron Cl.* Les hommes de la liberté. T. 4. La Révolution qui lève. P., 1979. P. 327–333; *Vinot B.* Les origines... P. 15–29.

⁵ *Saint-Just L.A.* Oeuvres complètes / Ch.Vellay. P., 1908. T. 2. P. 513.

стать одновременно и «негативным», и «позитивным» источником формирования эгалитарного общественного идеала⁶.

Семья Луи Жана заняла достаточно высокое положение в этом полусельском обществе, но сам он прожил в Блеранкуре лишь около года, скончавшись в сентябре 1777 г.

В том же году Луи Антуана определили в коллеж Сен-Никола в Суассоне, где обучались мальчики как из дворянских семей, так и из семей местного городского и сельского патрициата, и где в свое время учился и его отец. В отличие от парижского Луи-ле-Гран, где учился Робеспьер, этот коллеж не принадлежал к числу привилегированных и находился в руках монахов-ораторианцев, а не иезуитов. Как и в любом коллеже Франции того времени, в Сен-Никола основное внимание уделялось изучению риторики, древних языков и античной истории. Однако преподавание здесь велось не на латинском, а на французском языке, довольно основательно изучались математика, география, естественная история (в коллеже имелся неплохо оборудованный кабинет для физических и химических опытов), отечественная история, а также изящные искусства (среди вещей Сен-Жюста, проданных с торгов 12 фрюктидора III года была «складная флейта слоновой кости», а в музее Блеранкура экспонировался в начале века выполненный им рисунок головы Антиноя⁷). В те годы, когда там обучался Сен-Жюст, риторику в Сен-Никола преподавал будущий бабувист Сильви, логику – будущий член Конвента Дону, известный своими педагогическими идеями, а также активным участием в разработке Конституции III года Республики; учителем Сен-Жюста называют также одного из лидеров республиканской оппозиции Наполеону Эва Демайо. Добавим неплохую библиотеку коллежа, где были собраны не только разрешенные цензурой книги⁸.

Обладая блестящей памятью, Луи Антуан не слишком тяготился основанной на заучивании различных текстов системой обучения: среди бумаг Бертрана Барера, его коллеги по Комитету

⁶ Vinot B. Les origines... P. 161–180; Abensour M. La philosophie politique de Saint-Just. Problématiques et cadres sociaux // AHRF. 1966. 186. P. 350–356.

⁷ Lenotre G. Vieilles maisons, vieux papiers. Première série. P., 1932. P. 338; La succession de Saint-Just // AR. 1923. P. 513.

⁸ Manceron Cl. Op. cit. P. 336–340; Vinot B. Saint-Just: son milieu, sa jeunesse et l'influence de sa formation sur sa pensée et son action politiques. Thèse pour le doctorat d'Etat. P., 1984. P. 31–34. Б Вино высказал предположение, что Сен-Жюст попал в коллеж не в 1777, а позже, в 1779 или 1780 г., а до этого обучался в Блеранкуре.

общественного спасения, хранился листок, исписанный им и Сен-Жюстом, вероятно, во время одного из заседаний Комитета, когда они были заняты несколько менее, чем обыкновенно; Барер и Сен-Жюст спорят о том, как следует работать с книгами, и Сен-Жюст категорически возражает против выписок, утверждая, что «если вас поразило изречение, мысль или еще что-то в книге, прочитайте раза два: вы это запомните»⁹. Воспоминания современников, записанные более чем через полвека после гибели Сен-Жюста консервативным историком Э. Флэри, рисуют его сорванцом, с трудом подчиняющимся суровой дисциплине коллежа, и в то же время учеником одаренным и трудолюбивым. Флэри рассказывает, в частности, что Луи Антуан стал одним из вожakov бунта, который попытались поднять ученики коллежа, был схвачен при попытке поджечь здание, взял вину на себя, был посажен в карцер на хлеб и воду и в знак протеста объявил голодовку¹⁰; но никаких документальных подтверждений этому историки, работающие в местных архивах, не обнаружили. Зато сохранилась книга, полученная им в качестве премии за переводы с латинского языка и на латинский в августе 1781 г.¹¹ Со слов того же Флэри известно, что товарищи в насмешку называли Сен-Жюста «императором бурлеска», сравнивая с д'Ассуси, второстепенным поэтом конца XVII в., «обезьяной Скаррона», который был одним из основателей жанра во Франции – по-видимому, именно в годы обучения в коллеже Сен-Жюст, пробуя себя в разных жанрах, написал, подражая Мариво, одноактную комедию в стихах «Арлекин Диоген», а подражая «Орлеанской Девственнице» Вольтера – первые, бурлескные, песни поэмы «Органт», – и в то же время, стремясь доказать своим товарищам, что он способен не только на сочинение легкомысленных стихов, написал «Историю замка Куси». С наградой ли, или со скандалом, Луи Антуан де Сен-Жюст оставил стены коллежа, по-видимому, весной 1786 года.

А летом произошли события, круто изменившие течение его жизни. Впрочем, началось все значительно раньше.

Когда семья поселилась в Блеранкуре, у детей, в особенности у Луи (так его звали домашние), должны были возникнуть некоторые проблемы в общении со сверстниками, связанные в частности с тем, что их нивернезский выговор сильно отличался от местного пикардийского. Подобное отчуждение от сверст-

⁹ *Barère B. Mémoires. T. 1. P., 1842. P. 129–130.*

¹⁰ *Fleury Ed. Saint-Just et la terreur. T. 1–2. P., 1852. T. 1. P. 16–22.*

¹¹ *Vellay Ch. Premières luttes... P. 822.*

ников, но уже по иной причине, испытывала внебрачная дочь одного из местных нотариусов Антуана Желе Тереза (ей было почти тринадцать лет, когда родители ее обвенчались и она была официально признана собственным отцом)¹². Могло ли это способствовать сближению между ними? Или дело ограничилось тем, что он дергал ее за косички, как своих маленьких кузин в Десизе? Терезе было пятнадцать лет, Антуану (она предпочитала это имя) – почти на год меньше, когда он, приехав домой на праздники, вдруг обнаружил, что она превратилась в хорошенькую девушку – пухленькая блондинка с рыжеватыми волосами, молочно-белой кожей, золотистыми веснушками на носу, непосредственная и живая. Первое юношеское чувство оказалось неожиданно сильным и глубоким. И оно не было безответным. Он часто приезжал домой из Суассона. Любимым местом прогулок двух влюбленных стали руины некогда знаменитого замка Куси. Вероятно, в конце 1785 или начале 1786 г., незадолго до окончания коллежа, Антуан сделал предложение – и неожиданно для себя получил отказ от ее отца. Более того, удалив Антуана из Блеранкура, Терезу в июле 1786 г. спешно выдали замуж за сына второго блеранкурского нотариуса Франсуа Эмманюэля Торена¹³.

Что должен он был пережить, когда возвратился домой...

Оставаться здесь было невозможно. Да и пора было выбирать какое-то дело: ему исполнилось девятнадцать, коллеж окончен. Однако, ни духовная карьера крестного, чего хотела его мать, ни юридическая карьера деда, сулившие благополучие и спокойную жизнь, его не привлекали. Только военная служба достойна дворянина, только в Париже, и только в королевской гвардии – это вытекает из того, что он заявил позднее на допросе¹⁴. Военная реформа Сегюра 1781 года, резко ограничившая доступ к офицерским званиям не только для представителей третьего сословия, но и для выходцев из семей, недавно аноблированных, имеющих менее четырех поколений дворянских предков, Сен-Жюста как сына кавалера ордена

¹² Charmelot M.A. Saint-Just ou le chevalier Organt. P., 1957. P. 25–26.

¹³ Историю отношений Антуана Сен-Жюста и Терезы Желе рассказала, опираясь на семейные архивы и устную традицию, М.А. Шармело (Op. cit.). См. также: Hamel E. Saint-Just et madame Thorin // RF. 1897. T. XXXII. P. 348–363.

¹⁴ Vatel Ch. Charlotte Corday et les Girondins. T. 1. P., 1864. P. CXLVII–CL (Interrogatoire).

Святого Людовика не затрагивала¹⁵. Но Мари Анн Робино, достойная дочь своего отца, не желала тратить деньги на то, что считала пустой затеей. В отчаянии, Антуан, собрав подвернувшиеся под руку серебряные вещи, бежал в Париж, где примерно три недели спустя был арестован по просьбе матери и заключен на основании *lettre de cachet*¹⁶ в исправительный пансион Мари де Сен-Колон, где он провел шесть месяцев в обществе игроков, развратников, воров и сумасшедших, помещенных туда же по требованию своих семей¹⁷.

Продолжительный вынужденный досуг заставил Антуана о многом задуматься. Прежде всего, почему Желе отказал ему? Он слишком молод? Но его счастливый соперник лишь на полтора года старше. Он недостаточно состоятелен для Терезы? Но даже если и так, то уж его принадлежность, пусть и новоприобретенная, ко второму сословию, казалось бы, должна это компенсировать. У него неподходящая репутация? Ну, знаете... То, что год назад они вместе были восприемниками на крестинах маленького Луи Лели, сына местного кожевенника (какой чудесный был праздник!)?¹⁸ Но это не более чем предлог для набожной матери. Или причина в чем-то ином? Недавно он услышал, что вскоре после свадьбы сына Франсуа Торен-отец передал свое дело зятю, Франсуа Эмманюэлю Декзну¹⁹, а это значит, что Торен-сын, в свою очередь, рассчитывает получить контору тестя Желе, вероятно, в качестве приданого Терезы; но у мэтра Желе есть старшие дочери, сводные сестры Терезы!²⁰ Ну, положим, Желе и Торена связывают какие-то деловые отношения, какие-то взаимные услуги, — но почему в жертву им должно быть принесено счастье двух молодых людей, любящих друг друга?! Какова цена этих отношений! А он

¹⁵ *Tuetey L. Les officiers sous l'Ancien Régime. Nobles et roturiers. P., 1908.*

¹⁶ *Lettre de cachet* — открытый лист, содержащий приказ об аресте с подписью и печатью короля, позволявший заключить человека в тюрьму и содержать там без суда и предъявления обвинения.

¹⁷ *Vinot B. Saint-Just... P. 144; Впервые документы, связанные с этим эпизодом в жизни Сен-Жюста опубликованы в кн.: Vatel Ch. Op. cit. P. CXLI—CLVI. См. также: Hamel E. Un épisode de la jeunesse de Saint-Just: Six mois chez Mme de Sainte-Colombe // RF, 1897. T. XXXII. P. 97—120; Gross J.P. Autour de Saint-Just // AHRF, 1962, N° 168. P. 218—223; Vinot B. Saint-Just. P. 45—55.*

¹⁸ *Hamel E. Saint-Just et madame Thorin. P. 352.*

¹⁹ *Dommanget M. Saint-Just. P. 83-84.* Заметим попутно, что Торен-отец был нотариусом мадам де Сен-Жюст.

²⁰ *Charmelot M.A. Saint-Just ou le chevalier Organt. P. 81—82.*

сам — он ощутил себя практически в полной изоляции: новый статус его семьи, оказывается, мало что значил для его земляков, а верхушка третьего сословия Блеранкура его отторгала. Попытка же упрочить свое положение во втором сословии, вступив в королевскую гвардию, не состоялась²¹. И вот теперь он арестован, заключен под стражу без суда и предъявления обвинения. А за что? Преступления он не совершал: являясь законным наследником своего отца, он по достижении совершеннолетия становился владельцем всего движимого имущества²².

Так в одно и то же время ему суждено было пережить глубочайшую личную драму и впервые в жизни ощутить себя самого жертвой социальной несправедливости. Полгода, проведенные в пансионе мадам де Сен-Колон, стали переломными для Сен-Жюста. Запертый в четырех стенах, он вернулся к своей поэме, начатой еще в коллеже, но продолжать ее в том же тоне, в каком начал, уже не мог. Невинный бурлеск сменяется сатирой, объектом которой становится и мир Интереса, и церковь, и королевский двор, и самая королевская власть²³.

По-видимому, тогда же он принял решение заняться юриспруденцией, полагая, что эта сфера деятельности оставит достаточно досуга и для литературных занятий. По выходе на свободу он поступил в качестве второго клерка к суассонскому прокурору Дюбуа-Дешарму. В октябре 1787 г. его имя впервые фигурирует в экзаменационных листах юридического факультета Реймского университета. А уже в апреле 1788 г. Луи Антуан де Сен-Жюст сдает экзамен на звание лиценциата прав²⁴.

²¹ На это обратил внимание еще Ш. Ватель: *Vatel Ch. Op. cit. P. CLIII*. Совершеннолетним считался человек, достигший 25 лет.

²² Б. Вино говорит о Сен-Жюсте как о «социальном мутанте» (*Vinot B. Les origines... P. 179*). В этом нетрудно усмотреть еще один элемент сходства между Сен-Жюстом и Наполеоном — тот и другой формально принадлежали к дворянскому сословию, но дворянство у обоих было неполноценное — у одного новоприобретенное, у другого корсиканское.

²³ На эту перемену жанра обратила внимание С. Торжюссен: *Torjus-sen S. Fonction de la creation littéraire dans l'évolution de la pensée de Saint-Just // Pensée. 1980. 1 215. P. 152–156*.

²⁴ *Laurent G. La faculté de droit de Reims et la Révolution // AHRF. 1929. № 34. P. 350–351*. Не воспользовался ли он сословной привилегией, позволявшей дворянам сокращать срок обучения в университете? Обращает на себя внимание одворянивание имени теми, кто столь же стремительно получал диплом в Реймсе (Ролан де ла Платьер, Бриссо де Варвиль, д'Антон). Впрочем, со слов Бриссо известно, что здесь диплом можно было и просто купить. — *Пименова Л.А.* Дворянство накануне Ве-

Доподлинно не известно, чем занимался Сен-Жюст в течение следующего года, но вероятно, именно в это время он начинает внимательно наблюдать за жизнью окружающих людей. А увидеть в тот год можно было многое. Не случайно уже в «Органте», в песне XVI, появляются такие строки:

Рукою немощной, иссушенной нуждой,
 Напрасно пахарь разрывает землю;
 Вернется вечером, и страшное отчаяние
 Сойдет в его печальное жилище:
 Он встретит безутешную жену.
 Нашу хижину, скажет она, ограбили.
 Кто ж сделал это? спросит в ужасе супруг;
 Кто ж сделал это? кто же допустил? – Король!²⁵

13 июля 1788 г. над рядом районов Пикардии, в том числе и над Блеранкуром, пронеслась буря с градом, уничтожившая до двух третей урожая. Зима выдалась на редкость суровая. Смертность возросла почти вдвое²⁶. Память об этом тяжелом годе, когда он, по словам его друга Пьера Гато, отправлялся «пешком, в непогоду», чтобы отдать «делу защиты обездоленных и угнетенных свои заботы, свое красноречие, свое состояние и самую жизнь»²⁷, сохранились не только в «Органте», но и в более поздних сочинениях Сен-Жюста. «Бедствия и взаимная помощь соединила сердца», – писал он два года спустя в «Духе Революции и Конституции во Франции»²⁸.

Объявленный в августе 1788 г. созыв Генеральных штатов всколыхнул общественную жизнь провинции. Вероятно, именно это побудило Сен-Жюста завершить, наконец, поэму, придав ей большую политическую остроту – благо, сам жанр героико-комической поэмы допускает авторские отступления, мало связанные или вовсе не связанные с сюжетной линией, в особен-

ликой французской революции. М., 1986. С. 29. М.А. Шармело и Б. Вино высказывают сомнение в том, что Сен-Жюст сдал экзамен на звание лицензиата прав – в экзаменационных листах, на которых ссылается Г. Лоран, имена указаны очень нечетко: *Charmelot M.A. Saint-Just ou le chevalier Organt*. P. 38; *Vinot B. Saint-Just*. P. 57–59. В то же время Ш. Веллэ определенно говорит о нем как о человеке, обладающем этим званием: *Saint-Just L.A. Oeuvres complètes*. T. 1. P. 225, note.

²⁵ *Organt, Chant XIV // Oeuvres complètes*. T. 1. P. 170.

²⁶ *Dommanget M. La question agraire chez Saint-Just dans ses rapports avec ses origines paternelles et la terre Picard // Idem. Saint-Just*. P. 92; *Vinot B. Les origines...* P. 171.

²⁷ Cit.: *Saint-Just L.A. Oeuvres complètes*. T. 1. P. XI (Introduction).

²⁸ *Oeuvres complètes*. T. 1. P. 253.

ности в начале и в конце песней. Поэма была опубликована в конце мая 1789 г. без имени автора и с ложным указанием на Ватикан как место издания, и предложена книготорговцам по цене 7 ливров 10 су, что показалось им слишком дорого, даже учитывая привлекательность для читающей публики неподцензурного запретного издания.

И здесь мы сталкиваемся с некоторым противоречием в наших представлениях о степени свободы печати в первой половине 1789 г., когда и в Париже, и в провинции было выпущено огромное количество брошюр, газет, афиш и прочей печатной продукции, содержащей достаточно острую критику существующего режима, когда при обсуждении наказов Генеральным штатам открыто выдвигались весьма радикальные проекты преобразования общества и государства. Оказывается, цензурные ограничения, существовавшие при Старом порядке, отнюдь не исчезли и не приобрели формального характера: 10 июня 1789 г., т.е. за неделю до провозглашения Национального собрания, генерал-лейтенант полиции Парижа де Кронь отдал приказ о разыскании и изъятии у книготорговцев поэмы «Органт», как сочинения, оскорбляющего религию и церковь, оскорбляющего нравственность, оскорбляющего власти, а также «других подозрительных сочинений и публикаций». И хотя «Органта» в книжных лавках не обнаружили, полиция конфисковала издания с такими, например, названиями: «Оратор Генеральных штатов», «Раскрытый секрет или третья поправка к докладу Неккера», «Диоген в Генеральных штатах» и т.п. Сочинение и издание таких произведений все еще требовало определенного мужества²⁹. Автору «Органта» реально могло грозить заключение в Бастилию. Да и сама по себе новая встреча с де Кроном ничего приятного не сулила. Потому-то Сен-Жюст и счел за благо укрыться в Париже.

2. «ОРГАНТ», ПЕСНИ I – VI; «ИСТОРИЯ ЗАМКА КУСИ»

Поэма «Органт» весьма сложна для анализа и интерпретации, и с большим трудом воспринимается как целое. И дело не только в композиционной сложности; главная причина, думается, в том, что писалась она в течение длительного времени и не по предварительно составленному плану, но сам план этот складывался в ходе работы над поэмой и, по меткому вы-

²⁹ Vellay Ch. Les poursuites contre "Organt" // Revue Bleu. 1907. T. VIII. 16. P. 186–187.

ражению Серены Торжюссен, приспособившись к развитию мысли, которая сама себя ищет³⁰.

Действие поэмы разворачивается в эпоху Карла Великого, основу сюжета составляет эпизод времен войны Карла с саксами из хроники XIII века бенедиктинца Матвея Парижского, к которому юный автор постоянно апеллирует. Из этой же хроники почерпнуты имена многих действующих лиц, прежде всего – заглавный герой поэмы шевалье Антуан Органт, бастард архиепископа Санского Тюрпена, соратник Карла Великого, погибший в стране пруссов в возрасте 22 лет, которого автор наделил собственными чертами³¹. Но автобиографический элемент поэмы этим не исчерпывается.

Уже после выхода книги в свет, а возможно даже после взятия Бастилии в части продаваемых экземпляров поэмы появилось небольшое, на двух листках, приложение, озаглавленное «Примечания издателя», где автор, вероятно стремясь привлечь внимание читателей, дает своего рода ключ, раскрывающий некоторые имена действующих лиц и намеки на события недавнего прошлого³². По мнению М.А. Шармело «ключ» является неточным, и даже намеренно ложным. Причем касается это не только политических намеков, но, пожалуй, главным образом, личных обстоятельств автора³³.

Многие и многие строки поэмы посвящены истории любви Антуана Органта – Сен-Жюста и Нисетты – Терезы, любви Аршамбо – Сен-Жюста и Маргерит д'Эврэ – Терезы; любви земной, телесной, которая благодаря подлинной страсти, звучащей в стихах: пусть несовершенных, не выглядит сниженной, несмотря на использование автором сниженной лексики, ибо

Бог этот, столь великий и несомненно справедливый,
Который нас обрек печальной участи
(*неизбежность смерти – Т.Ч.*),

Разве может он считать человека виновным

В том, что тот любит творение рук его, –

как говорит Органт своему Ангелу-хранителю³⁴; любви более возвышенной, духовной, более «невинной» в стиле XVIII века:

³⁰ *Torjussen S. Fonction...* P. 157.

³¹ *Organt. Notes de l'éditeur // Saint-Just L.A. Oeuvres complètes. T. 1. P. 215.* (далее все ссылки на поэму даются по этому изданию).

³² *Ibid.* P. 215–216.

³³ *Charmelot M.A. Saint-Just ou le chevalier Organt.* P. 9–10.

³⁴ *Organt.* P. 48–49.

Ах! я не знала, что любить друг друга преступленье!
 Он, как и я, не знал, то несомненно;
 Он дал мне слово, слово я дала ему... –
 жалуется Маргерит д'Эврё³⁵. Недолгое счастье влюбленных, их
 разлучение, отчаяние – как бы все это ни было значимо в жизни
 автора, в поэме – по отношению к центральной сюжетной ли-
 нии – это либо побочные ответвления, либо вставные эпизоды.

Одержав победу над саксами, Карл Великий и его сорат-
 ники предались лени, любви и наслаждениям. Это позволило
 саксам во главе с королем Витикином (так у Сен-Жюста) под-
 нять восстание. Новый поход против саксов начался для Карла
 неудачно. Было предсказано, что только участие в походе про-
 тив язычников архиепископа Тюрпена сможет принести франк-
 кам победу. Но Тюрпен куда-то исчез, погрязнув в плотских гре-
 хах. И вот на поиски его отправляется Антуан Органт вместе с
 верным оруженосцем Жаном Шампанем (М.А. Шармело ото-
 ждествляет его с Пьером Жерменом Гато), войсковым священ-
 ником Жоржем (Торен младший) и Ангелом-хранителем (Пьер
 Виктор Тюйе)³⁶. Такова в самых общих чертах завязка сюжета,
 таково содержание первых шести песней поэмы.

Военные подвиги и галантные похождения; превращение
 человека (Сорни) в осла, заставляющее вспомнить Апулея;
 битва между силами Неба и Ада, в описании которой слышится
 переключки с Мильтоновым «Потерянным Раем»³⁷; насмешка
 над священником (Жоржем), терпящим неудачу в любовных
 делах, и мягкая ирония по отношению к Богу, который

...спит без скипетра и без короны
 На последней ступени собственного трона,
 Склонивши голову к чаше с нектаром³⁸, –

не отрицающие ни религии, ни церкви; наконец, самый выбор
 действующих лиц – Карл Великий и его ближайшее окружение,
 Витикин со своею свитой – все это полностью соответствует
 «благородному» жанру рыцарской поэмы – пусть в ее пародий-
 ной, бурлескной форме³⁹. И ничего, что напоминало бы недо-

³⁵ Ibid. P. 95.

³⁶ Такую расшифровку имен персонажей предлагает М.А. Шармело: *Charmelot M.A.* Op. cit. P. 9, 27; etc.

³⁷ *Truci-Torjussen S.* L'oeuvre litteraire de Saint-Just. Thèse pour le doctorat ès lettres. Besançon, 1980. P. XI.

³⁸ Organt. P. 9.

³⁹ *Torjussen S.* Fonction... P. 152.

вольство простолюдина неполноправным положением в разделенном на сословия обществе. Именно к этой части поэмы и относится, в первую очередь, наблюдение Жюля Мишле о стремлении автора сблизиться с дворянской молодежью, добиваясь присущих ей легкости и изящества стиля⁴⁰. Логично предположить, что эта часть была в основном написана еще во время пребывания в коллеже. Д'Ассуси, с которым однокашники по коллежу сравнивали Сен-Жюста⁴¹, был одним из основателей жанра во Франции. С другой стороны, само отношение к реалиям окружающего мира во многом сближает эту часть поэмы с «Историей замка Куси»⁴², тоже написанной еще в коллеже (вероятно, около 1785 г.), не в последнюю очередь для того, чтобы доказать своим товарищам, что он способен не только на сочинение легкомысленных стихов. Впрочем, вполне возможно, что мы имеем дело просто со школьным сочинением, написанным по заданию отцов-ораторианцев⁴³.

«История замка Куси» действительно является сочинением в полном смысле слова ученическим. Это отнюдь не результат самостоятельного изучения материалов местных архивов; перед нами своего рода компиляция из нескольких опубликованных в XVII – XVIII вв. сочинений, посвященных городу Куси и его сеньорам, главным образом из книги монаха Туссена Дюплесси⁴⁴: известно, что с XVII в. в монастырях Франции началась активная работа по сбору и публикации документов и написанию на их основе исторических сочинений. Небезынтересно проследить, каким образом использует юный Сен-Жюст эти сочинения: писал он свою историю замка Куси скорее всего по памяти, но, воспроизводя текст того же Дюплесси довольно близко к оригиналу, систематически удалял упоминания о Божьем промысле, святости, чудесах и т.п.⁴⁵. Причем подобная секуляризация истории не означала и в данном случае не только отрицания религии и церк-

⁴⁰ *Michelet J. Histoire de la Révolution Française. P., 1952. T. II. P. 76.*

⁴¹ *Fleury Ed. Saint-Just et la terreur. T. 1. P. 19.*

⁴² *Saint-Just L.A. Histoire du château de Coucy // Saint-Just L.A. Oeuvres complètes. Ed. M.Duval. P., 1984. P. 11–47.*

⁴³ *Dommanget M. Un manuscrit de Saint-Just: sa monographie du château de Coucy // Idem. Saint-Just. P. 37–38.* М. Доманже обратил внимание на то, что Сен-Жюст работал над историей замка Куси в то же самое время, когда по соседству Бабёф в качестве февдиста занимался описью сеньорий – но сколь различны пока были результаты этой работы.

⁴⁴ *Dommanget M. Op. cit. P. 40–43; Vinot B. P. 117.*

⁴⁵ *Vinot B. Saint-Just... P. 119.*

ви, но и малейшего к ним неуважения, ибо все деяния сеньоров Кузи во славу их автором безусловно приветствуются, как впрочем и деяния во славу короля и королевской власти, – участие в крестовых походах (Ангерана I – в Святую Землю, Ангерана III – против альбигойцев, Ангерана VII – против турок), многочисленные дарения в пользу церкви и церковное строительство; спасение Раулем II Людовика Святого во время похода против неверных, «достойно завершившее его жизнь»⁴⁶ и браки с членами королевского дома, и многое другое в том же роде. Если он и говорит о жестокости сеньоров, то скорее ужасаясь ей, чем осуждая, и объясняет ее духом времени. Беспощадность же при подавлении народных восстаний и вовсе не вызывает у него протеста и рассматривается как законное право сеньоров⁴⁷.

Словом, в то время, когда для просветителей история служила слегка завуалированной формой критики существующего порядка вещей, способом доказать несправедность его возникновения, Сен-Жюст целиком и полностью следует за официальной, в первую очередь церковной историографией, оправдывая, в частности, закономерность появления и необходимость существования дворянского сословия. Ничто в этом сочинении не предвещает будущего революционера. Лишь экономность стиля, чуждого украшений, отдаленно напоминает стиль его более поздних политических сочинений. Даже описывая руины замка на основании собственных впечатлений (в начале и в конце своего труда), он остается весьма сдержан:

Этот прославленный замок, который еще сто лет назад был одним из чудес Франции и, быть может, самым неприступным местом в Королевстве, теперь являет собой лишь печальный памятник величию его прежних сеньоров⁴⁸.

Несколько лет спустя, в «Органте», Сен-Жюст иначе писал о нем, вспоминая прогулки с Терезой:

Несколько старых кустов боярышника
Печально охраняют руины [замка];
Там искалеченные кровли башни
Унижены надменной ежевикой;
Здесь Время покрыло ковром из плюща
Висящие обломки стены;
Там виднеются готические статуи
Прежних героев, исчезнувших Красавиц.

⁴⁶ Histoire du château de Coucy. P. 29.

⁴⁷ Ibid. P. 39–40.

⁴⁸ Ibid. P. 47.

Но руины замка не только будят в нем романтические воспоминания. Мы видим и совершенно иное отношение к его сеньорам:

В этом старом дворце обитали наверно

Произвол и Бесчеловечность,

Тиран, что опустошал землю,

Неблагодарный, предавший дружбу⁴⁹.

3. САТИРА, ЛИШЕННАЯ ОПТИМИЗМА: «ОРГАНТ», ПЕСНИ VII – XX

Это конец песни XIV. По сравнению с первыми шестью песнями в следующих девяти кардинальным образом меняется не только тон, но и жанр – бурлеск сменяется пафосом и сатирой⁵⁰. Здесь появляются и почти сразу исчезают (по окончании вставных эпизодов) все новые персонажи, а прежние оказываются почти совершенно забытыми, подобно тому как Органт, кажется, совершенно забывает о конечной цели своего путешествия. Наконец, в последних песнях автор «вспоминает» об основной сюжетной линии и поспешно связывает оборванные было нити. Характер этих песней, в особенности VII – XV, обилие вставных эпизодов и авторских отступлений, почти полное отсутствие связей между отдельными эпизодами и целыми песнями – все это делает практически невозможным определить не только время, но и последовательность их написания⁵¹. С большей или меньшей вероятностью можно лишь предположить, что эта часть поэмы была написана во время и после пребывания в исправительном пансионе мадам де Сен-Колон, здесь явственно ощутил порою налет озлобленности против всего света.

Ощутим он, в частности, и в тех эпизодах, благодаря которым поэма приобрела репутацию «непристойной». Это и появление банды солдат в женском монастыре, когда старые монашки убеждают юных послушниц, что солдаты эти – посланцы Бога, которым следует принести в жертву невинность⁵²; это и

⁴⁹ Organt. P. 149–150.

⁵⁰ *Torjussen S. Fonction...* P. 153–154.

⁵¹ Даже имеющиеся в тексте отклики на конкретные события позволяют датировать лишь те строки, в которых о них говорится: упоминание о созыве Генеральных штатов в конце песни VII (Organt. P. 76) могло появиться не ранее августа 1788 г., а пространные рассуждения по поводу дела Корнманов в самом конце последней XX песни поэмы (*Ibid.* P. 214) вполне могли быть добавлены, когда поэма была уже почти целиком набрана, ибо судебный процесс завершился в начале апреля, а поэма увидела свет в мае 1789 г. В обоих случаях мы явно имеем дело с позднейшими вставками.

⁵² *Ibid.* P. 107–110.

преследование Нисетты обращенным в осла священником Жоржем⁵³; это и сценка между исповедником Пласе и юной новообращенной Аннет, которая в объятиях пастыря искала иллюзии объятий Спасителя⁵⁴. Большая часть фривольных эпизодов (по крайней мере в этой части поэмы) представляет собою еще и сатиру на нравы духовенства в духе не только вольтеровской «Девственницы», но и вообще антиклерикальной литературы Века Разума. Святые, выставленные в смешном виде, «отощавшие от ложных добродетелей»⁵⁵, поставленные в профанирующие ситуации; нарочитое смешение христианской и языческой (античной) мифологии, доходящее до откровенного богохульства – все это тоже вполне укладывается в рамки существующей традиции, равно как гневные филиппики против монастырей, построенных из «золотых слез осужденных вдов», на «горьких слезах и крови сирот»⁵⁶, погрязших в алчности, пороке и пьянстве. Все это рассматривалось властями как оскорбление религии и церкви и каралось по закону.

Доходя до богохульства, Сен-Жюст, тем не менее, не отказывается от Бога вовсе. Однако, его Бог это не Бог Вольтера, которого «следовало бы выдумать, если бы его не было»; он скорее походит на Бога савойского викария Руссо:

Я предоставил бы Турку и Гурону
Создать себе Бога по собственному усмотрению,
Поскольку я познал предначертанье свыше,
Что Бог есть не что иное как сама мудрость,
И что честность, добродетель, разум
Задолго до нас у Эмиля и Катона
Ценились высоко и без печати крещения, –

пишет он в начале песни III⁵⁷, рассуждая о том, что было бы, если бы он был королем всей земли. А в песне VI вкладывает в уста амазонки Елены, сражающейся на стороне Витикина, слова, обращенные к умирающему франку Ледигеру:

Мой Бог, несомненно более великий, чем твой,
Велит мне жалеть и любить христианина.
Никогда кровь не дымилась в его храмах;
Он внушает свои законы посредством Природы;
Она же говорит нам, что добро есть вера;

⁵³ Ibid. P. 185–186.

⁵⁴ Ibid. P. 100–102.

⁵⁵ Ibid. P. 146.

⁵⁶ Ibid. P. 71.

⁵⁷ Ibid. P. 26.

Что простосердечие и жалость мудрых
 Есть фимиам более чистый, чем резня,
 И этот Бог святой желает, чтобы ему поклонялись
 Лишь в сердце своем, где этот культ священен⁵⁸.

Оба эти фрагмента взяты из, условно говоря, первой части поэмы, но если первый из них, составляя часть большого авторского отступления в начале песни III еще может с известной долей вероятности рассматриваться как позднейшая вставка, то для второго такая вероятность существенно ниже, хотя и не исключается. Означает ли это, что еще в коллеже у Сен-Жюста сформировались веротерпимость и религиозный индифферентизм? Во всяком случае это никак не противоречит той симпатии, с которой автор неизменно изображает язычника Витикина, в противоположность христианину Карлу Великому, зачастую просто «Шарло», который неоднократно становится объектом насмешек и подвергается осуждению.

Авторское отступление в начале песни III особенно часто цитируются историками, рассматривающими «Органт» как отражение социально-политических воззрений Сен-Жюста накануне Революции. Оно действительно имеет в известной степени программный характер, хотя и вводится подчеркнуто небрежно:

Я хочу построить красивую химеру;
 Это меня забавляет и заполняет досуг.
 На мгновение я – Король земли...

Впрочем, и сама «программа» – это скорее юношеские или даже отроческие мечтания:

Трепещи, негодяй, твоему счастью пришел конец.
 Смиранные добродетели, приблизьтесь к моему трону;
 Высоко подняв голову, идите рядом со мной;
 Бедный сирота, раздели со мною мою корону...
 Но при этих словах я вдруг понял свою ошибку;
 Сирота плачет: ах! я вовсе не Король!
 Если б я был им, то все изменило б свой облик:
 Моя тяжелая рука укротила бы дерзость
 Надменного богача, который притесняет бедняка,
 Поразила бы наглого преступника,
 Вознесла бы скромную невинность
 И взвесила бы на равных весах
 Безвестность, величие, бедность, ранг.
 Чтобы засвидетельствовать королевское величие
 Мне не нужно ни гвардии, ни фасций.
 Пусть Марий заявил о своем присутствии

⁵⁸ Ibid. P. 62.

Террором (страхом) и ключами от склепов;
 Я пройду без секиры, без охраны,
 Спровождаемый сердцами, а не палачами.

Если соседи объявят мне войну,
 Я скажу им: «Послушайте, добрые люди,
 Разве нет у вас жен и детей?
 Чем обагрять кровью землю,
 Ступайте в их объятия;
 Оставьте этот меч и страшное оружие
 И живите мирно, как мы».

Мой счастливый народ,
 счастливый в собственных гаванях,
 Не осквернял бы чуждых берегов
 Своим прахом, достойным праха его предков,
 Обогащал бы себя собственными сокровищами
 И процветал бы в благословенной сени
 Священного дерева старинных законов,
 наших мудрых предков, надежды обездоленных,
 Без которых мой дерзновенный скипетр
 Посмел бы однажды иссушить его почтенный мох⁵⁹.

При всей туманности и неопределенности этих мечтаний, в них ощущается оптимизм отношения автора к окружающему миру, которого нет в песнях более поздних, где нападкам и осмеянию подвергаются все и вся.

В песнях VII и VIII Антуан Органт встречает святого осла, явившегося с Небес, садится на него верхом и попадает в страну, где

...ослы по отношению к людям
 Суть то же самое, что мы для ослов.
 У них есть свой кодекс, свое правительство,
 Свои Магистраты, свои Законы, свой Парламент,
 Свои великие Доктора, наследники Апостолов,
 И наши пришли именно оттуда.
 У них есть также свой Университет⁶⁰.

Но ослы не лошади, они вовсе не похожи на благородных гингнмов Свифта, им свойственны те же самые пороки, что и людям, только в преувеличенном виде. Для Сен-Жюста это способ высмеять суд и судебную риторику, где «солнце и луна играют роль ни с чем не сравнимую»⁶¹, Академию, где «Наука

⁵⁹ Ibid. P. 25–26.

⁶⁰ Ibid. P. 78.

⁶¹ Ibid. P. 79–89.

представляется в сотню раз более тупой, чем Невежество»⁶²,
 пройти на счет театра, где

Мельпомена, переодетая в осла,
 Горланит холодные вирши с надутой моралью
 И корчит рожи, чтобы позабавить дураков...

а Талия

...в бедной юбочке,
 Сменив на сабо бродекин
 Холодно-веселая и гротескно-нежная,
 Спесиво отвергает искусство и соль Менандра⁶³.

И здесь же нашумевшее дело об украденном недоуздке⁶⁴
 – неприкрытый намек на историю с ожерельем (август 1785 –
 май 1786 г.), нанесшую существенный урон и без того невысо-
 кому престижу Марии-Антуанетты.

Впрочем, королеве досталось уже в песне VI:

Бедняга Государь имел половину,
 Что звалась мадам Кунегонда,
 Королеву, отраду всего света;

⁶² Ibid. P. 82–83.

⁶³ Ibid. P. 81. При этом автор демонстрирует неплохое знание театра и знакомство с положением дел по крайней мере в Театр Франсэз (в «Примечаниях издателя» он расшифровывает имена актеров, данные в тексте поэмы лишь инициалами – Ibid. P. 216 (Notes de l'éditeur)). Впрочем, интерес в театру, пожалуй даже увлеченность театром, можно проследить в разнообразных проявлениях на протяжении практически всей его жизни. Так, в начальный период работы над поэмой им был создан изящный пустячок – одноактная комедия «Арлекин Диоген» (*Saint-Just L.A. Arlequin Diogène. Pref. et publ. Ch.Vellay // Revue Bleue. 1907. T. VIII, N° 4. P. 97–105, русский перевод комедии см.: Диалог со временем. Вып. 7. С. 340–475; Item. Saint-Just L.A. Oeuvres complètes. Ed. M. Duval. P. 240–260*), подражание пьесам Мариво для Итальянского театра в Париже, достаточно сценичная, хотя начальные монологи выглядят несколько тяжеловесно, свидетельствуя о скорее книжном, чем реальном знакомстве с театром в момент ее написания – именно эта жанровая разновидность комедии становится в поэме предметом насмешки. Известна также его эпиграмма «Комедиант Дюбуа» – непосредственный отклик на театральное представление (*Saint-Just L.A. Epigramme sur le comédien Dubois qui a joué dans Pierre le Cruel // AHRF, 1934. P. 260*). В своем первом философско-политическом трактате «Дух Революции и Конституции во Франции» он вновь говорит об утрате театром гражданских функций. В то же время сохранилось свидетельство Элизабет Леба о том, что по дороге в Саверн в ноябре 1793 г. Сен-Жюст развлекал своих спутников тем, что читал наизусть комедии Мольера.

⁶⁴ Organt. P. 80.

жа клерком у суассонского прокурора, он не мог не заметить, что большая часть судебных дел так или иначе связана с куплей-продажей. И строки, направленные против мира Интереса, появляются не только и не столько под воздействием Руссо или Мабли (о реальном влиянии этих мыслителей на мировоззрение Сен-Жюста можно будет говорить лишь значительно позже), сколько в результате собственного жизненного опыта:

Не желая видеть свое творение слишком совершенным,
Бог на землю послал Интерес;

Ад разверз свою страшную бездну

И изверг нам это безжалостное чудовище.

В те прекрасные дни, что навсегда миновали,

О которых наши сердца хранят несбыточные мечты.

Счастливые дни простосердечия и мира,

Когда Бог, несомненно, обитал на земле,

Независимость и равенство

Управляли человеком, который как дитя Природы,

Предназначен своею чистой сущностью

Добродетели, как и Свободе.

Власть преступных законов

Не заглушала голоса его наклонностей.

Равные сердца в едином аккорде

Сгорали без стыда и губили себя без преступления.

Но в мир вступает Интерес;

Равенство вдруг исчезло,

Честолюбие поднимает свою мерзкую голову,

Любовь в слезах покидает мир;

Тирания изобретает клятвы;

Отчаяние сбивает с пути влюбленных;

Золото создает законы, и Интерес становится причиной

Бесчестия, злодеяний и ненависти⁶⁸.

С определенным воздействием идей Руссо связано здесь, быть может, представление о природной сущности человека – и глубоко пессимистический взгляд на человека современного общества:

Человек есть слово, которое обозначает

Лишь животное, так же как медведь или лев;

Его природа есть ошибка и тупость,

Злобность спесь, честолюбие;

Он рождается и умирает; и мертвого его презирают.

Можно увидеть, как он, гордясь своею участью,

Вытаптывает землю в завоеванных странах,

Которые разум подчинил его закону;

Он есть не более чем первое из животных

⁶⁸ Ibid. P. 97–98.

В том месте, где он провозгласил себя царем.
 Господин всего мира, раб самого себя,
 Он изучает все и не знает, что же есть он сам;
 Его сердце, исполненное гордыни и интереса
 Бойтся того, что ненавидит, презирает то, что любит.
 Тайное преступление, прикрытое софизмом,
 Он бесстыдно называет добродетелью.
 Его самолюбие изобретает видимость;
 Презренный интерес придал ему осторожность,
 И разум его есть лишь черное соединение
 Гордыни искусной, гордыни корыстной.
 Золото бьется в его венах,
 Золото есть его сердце; это Бог, что его движет;
 Голос золота влечет его через опасности,
 Чтобы жиреть на чужих берегах.
 Золото изобрело Искусства и Астрономию,
 И Алчность есть мать Гения⁶⁹.

Этот пессимизм «Рассуждения о науках и искусстве» распространяется и на самую основу просветительного мировосприятия – Разум. В конце песни первой (возможно, позднейшая вставка) он вводит госпожу Глупость, прекрасную даму (царицу, богиню) – именно такую «должна являться [госпожа] Разум»: «Глупость бестолкова; да, но она прелестна»⁷⁰, – и многие властители мира сего подпадали под ее власть. Пока все ограничивается не особенно злой насмешкой. Но в начале песни VI (тоже вполне возможно – позднейшая вставка) облик госпожи Глупости приобретает воистину зловеющий характер:

К несчастью для французов
 Госпожа Глупость привязала свою колесницу
 В нашей стране, и дух помешательства
 Овладел Министрами и Магистратами,
 Священниками и клерками, Генералами и солдатами,
 Они стали дураками, но в соответствии
 со своим богатством,
 Со своим рангом, своей властью,
 своим дворянским достоинством;
 Не все имели средства быть дураками.
 Погонщик мулов в своем ревнивом сердце
 Позавидовал ослиной глупости Финансиста
 И стал оплакивать свою скудную глупость;
 ...Нелепость шла за нелепостью,
 Никто не был достаточно туп на свой взгляд;
 Все [желали] большего; и Принц крови

⁶⁹ Ibid. P. 161–162.

⁷⁰ Ibid. P. 11.

Завидовал тупости короля, своего господина.
 Временами кто-нибудь из остготских умов
 Отказывался от чести быть тупым,
 Но их повсюду освистывали...⁷¹

Разум же появляется собственной персоной на совете у Сатаны в начале песни XIV:

*Сорок Духов, но не злых духов,
 А не знаю каких, ни Демоны, ни Домовые,
 С треснувшими трубами в руках,
 С рогами на голове, подпоясанные добрым чертополохом,
 Направляются на это темное сборище, взобравшись
 На огромное чудовище, именуемое Разум.
 Животное с заостренной головой,
 С тремя связанными ногами и волосами на глазах*⁷².

Впрочем, пессимизм этот связан не столько с просветительным Разумом как таковым, сколько с оценкой его возможностей в современном обществе. Подтверждение тому – недавно найденное Бернардом Вино короткое эссе или памфлет Сен-Жюста под названием «Разум в морге». Имеет смысл привести его целиком.

[Завещание Разума – зачеркнуто]

Разум в морге

Назавтра после вынесения приговора по делу Корнмана в 7 часов утра была обнаружена неизвестная женщина; умершая на ступенях большой лестницы (Дворца правосудия? – Т.Ч.). Ее перенесли в большой зал и выставили для опознания, но ни один человек в этом вертепе крючкотворства не признал ее; никто не подумал обыскать ее, ибо она была в лохмотьях. Доде, который шатался поблизости, как бы по привычке запустил руку в карман бедной женщины и достал письмо, на котором значилось имя адресата: Разуму. Он открыл его и прочел:

«Я в отчаянии от того, до какого состояния Вас довели. Надо было, чтобы у Вас не осталось прибежища на земле, чтобы Вы оказались во Франции. Я предложил бы Вам прибежище у себя, но какое положение могли бы Вы занять при дворе; до сегодняшнего дня я остерегался дать кому-нибудь заметить, что знаком с Вами. Смотрите, хотите ли Вы принять вид глупости, чтобы понравиться королеве, вид шлюхи, чтобы понравиться г-ну Бретейлю, вид тупицы, чтобы понравиться г-ну де Барантену, вид ханжества срамных картинок и алчности, чтобы понравиться духовенству и вид свободы, чтобы понравиться третьему сословию. От всего сердца я сочувствую Вашим мукам, которые длятся вот уже столько веков. Я говорил о Вас с королем. Он мне ответил, что не желает открывать

⁷¹ Ibid. P. 54.

⁷² Ibid. P. 139–140.

Орлеанского, на Генеральные штаты. Для Сен-Жюста же созыв Генеральных штатов – это не только буря, которая вот-вот разразится, это еще и свидетельство того, что богиня Глупость поселилась во Франции:

Она [Глупость] поселилась во Франции,
и вот ее адрес:
Возле Парижа собираются Штаты⁷⁴.

Пале Рояль, который герцог Орлеанский перестроил и сдал в аренду под лавки, кафе, увеселительные заведения, нетрудно узнать в том хрустальном дворце, который видит Органт, путешествуя на осле на Небо, даже без прямого указания на это в «Примечаниях издателя»:

И на фасаде золотые буквы:
Экстравагантность обитает в этом месте...
В портиках он встретил множество глупцов,
Унылых любовников нашей Волшебницы...
Что прибыли сюда со всех концов земли
В поисках Искусства, вкуса, остроумия,
И того счастья, что носит имя verole...
...Играли в любовь, отдавали свою
благосклонность, свой пыл,
Ясный лоб, душевную страсть,
Отдавали сердце за кусочек хлеба...
Там можно встретить нового Тантала,
Что жаждет побрякушек, карет, нарядов...
Там заботы, от которых помрешь со смеху;
Там рифмоплеты, тощие, сухие, напуганные,
У которых лишь голод может вызвать вдохновение...⁷⁵

Что же касается Неккера, занимающего в памфлете привилегированное положение избранника Разума и неспособного (да и не желающего) что-либо сделать, то отношение к нему Сен-Жюста, мне кажется, в чем-то сродни отношению Робеспьера к Мирабо примерно в это же время. Памфлет не дает возможности определить, в какой степени недоверие к генеральному директору финансов продиктовано пониманием неэффективности его политики, а «Дух Революции и Конституции во Франции», где Сен-Жюст вновь обрушивается на Неккера⁷⁶, был написан в то время, когда провал его экономической политики уже стал очевидным для всех.

⁷⁴ Organt. P. 76.

⁷⁵ Ibid. P. 75.

⁷⁶ Сен-Жюст Л.А. Дух Революции и Конституции во Франции // Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты. СПб., 1995. С. 185, 187–188 и др.

Памфлет «Разум в морге» позволяет более адекватно представить особенности мироощущения автора поэмы «Органт» на завершающем этапе работы над нею. В том виде, в каком она была опубликована, поэма воспринимается как своего рода бунт против существующего порядка, бунт юноши, неожиданно испытавшего на себе несправедливость этого порядка. Но энергия этого бунта — энергия преимущественно разрушительная, и резкость сатиры здесь объясняется, думаю, не в последнюю очередь именно отсутствием у него перспективы. И в этом смысле, начало деятельности Генеральных штатов, взятие Бастилии, принятие Декларации прав человека и гражданина, муниципальные революции — события, открывавшие новые перспективы для людей действия, для тех, чьи возможности реализовать себя при Старом порядке были весьма ограничены, события эти должны были стать и стали переломными для Сен-Жюста. Впрочем, сам факт публикации поэмы к открытию Генеральных штатов, придание ей политической заостренности, создание первых политических памфлетов («Диалог...» и «Разум в морге»), все это свидетельствует, что несмотря на свой пессимизм, Сен-Жюст, быть может сам еще не сознавая того, уже в это время внутренне готовил себя к активному участию в политической борьбе. Но, вступив на этот путь, он настолько полно отказывается от прежних образцов, что даже имени Вольтера ни разу не упоминает в более поздних политических сочинениях, не говоря уже об Апулее, Мильтоне, Ариосто и прочих, но среди немногих книг, которые он привез с собою в Париж в сентябре 1792 г. и которые после термидора были проданы с торгов, имелись «Басни» Лафонтена и «Освобожденный Иерусалим» Тассо⁷⁷. По-видимому, потребность в таких книгах сохранилась у него до самого конца.

Коммерческого успеха поэма, по-видимому, не имела. Во второй половине 1789 г. ситуация со свободой печати радикально изменилась. Свидетельством тому хотя бы публикация объявления о ней в № 6 «Революции Франции и Брабанта» Камилла Демулена: «"Органт", поэма в двадцати песнях с таким эпиграфом: *Вам, молодой человек, прежде чем сказать про-*

⁷⁷ *Bapst G. Inventaires des bibliothèques de quatre condamnés // RF. 1891. T. XXI. P. 535.*

щай»⁷⁸, и более пространный и несколько ироничный отзыв в «Литературной корреспонденции» барона Гримма:

«Органт»... представляет собой сочинение молодого человека, который читал «Девственницу» слишком много и недостаточно; слишком много, потому что на каждом шагу мы видим реминисценции или неудачные подражания некоторым местам французского Ариосто; недостаточно, потому что он лишь изредка достигает его остроумия, изящества и гения⁷⁹.

По-видимому, именно в это время к поэме были приложены «примечания издателя», о которых уже говорилось. Однако похоже, что французов уже не интересовали намеки на то, о чем можно было говорить открыто, уменьшилась и популярность фривольной литературы. И когда в конце 1792 г. в продажу были пущены книги под названием «Мое времяпрепровождение или Новый Органт, сочинение депутата Национального конвента», это, скорее всего, была одетая в новую обложку нераспроданная часть тиража⁸⁰. Имел ли отношение к этому выпуску сам автор? Биографы Сен-Жюста отвечают на этот вопрос по-разному. Мне представляется это вполне вероятным, в особенности если учесть нереализованное намерение опубликовать в слегка актуализированном виде одноактную комедию «Арлекин Диоген».

⁷⁸ Цит. по: *Hamel E. Histoire de Saint-Just. P., 1859. P. 24.* Как хорошо было известно современникам, эпиграф этот – строчка из Жильбера, поэта, умершего странной смертью в 1780 г. в возрасте 29 лет. Любопытно, как сходятся вновь два этих имени в творчестве писателей-романтиков в конце 1820-х – начале 1830-х годов: у А. де Виньи в «Стелло» Жильбер становится героем первой новеллы, а Сен-Жюст появляется в третьей, причем в обоих случаях нельзя исключить влияния на выбор персонажей его друга Ш. Нодье, опубликовавшего со своими предисловиями в 1826 г. произведения Жильбера, а в 1831 – «Республиканские установления» Сен-Жюста. См.: *Виньи А. де. Избранное. М., 1987. С. 558; Fragments sur les institutions républicaines, ouvrage posthume de Saint-Just, précédé d'une notice, par Ch. Nodier. P., 1831.*

⁷⁹ *Vinot B. Thèse. P. 155.*

⁸⁰ *Vellay Ch. Essai d'une bibliographie de Saint-Just // RHRF. 1910. ' 3. P. 419.*

М.П. Айзенштат

ЖИЗНЬ И СУДЬБА ГРАФА Н.С. МОРДВИНОВА

Но нам ли унывать душой,
Когда еще в стране родной
Один из славных исполинов
Екатерины славных дней,
Средь сонма избранных мужей,
В Совете бодрствует Мордвинов.

К.Ф.Рылеев

В последние десятилетия все более явственно обозначился интерес как исследователей, так и рядового читателя к проблемам взаимосвязей различных народов, развитию их представлений друг о друге, их культурным контактам и дипломатическим взаимоотношениям. Сказанное в полной мере относится к народам Британии и России¹. В настоящей статье предпринята попытка на личностном уровне проследить контакты конкретных людей; выявить пути проникновения идей, высказывавшихся видными мыслителями, определить то место, которое занимала Англия и англичане в жизни одного из выдающихся российских государственных деятелей – графа Николая Семеновича Мордвина.

Жизнь и деятельность Николая Семеновича довольно широко освещена в исторической литературе. Прежде всего – опубликованы его архив и воспоминания дочери²; в XIX и в самом начале XX в. – фундаментальные исследования

¹ Поздеева Л.В. Лондон – Москва. Британское общественное мнение и СССР. 1939–1945. М., 2000; Россия и Британия. М., 2000; Федин А.В. Англо-русские отношения вокруг Великой французской революции. Брянск, 2001. Дис. ...к.и.н.; Русские писатели об Англии. 1646–1945. М., 2001; Кросс Э. У Темзских берегов. СПб., 2001.

² Архив графов Мордвиновых. Т. 1-10. Предисловия и примечания В.А. Бильбасова. СПб., 1900–1905 (далее – Архив); Мордвина Н.Н. Воспоминания об адмирале, графе Н.С. Мордвине и семействе его. СПб., 1873. Мемуары Надежды Николаевны, написанные на склоне лет, содержат ряд неточностей и умолчаний.

В.С. Иконникова, А.М. Гневушева, Н.Н. Заколпского³; позднее вышли из печати избранные экономические произведения, написаны диссертации, посвященные исследованию его социально-политических и экономических взглядов⁴. Интересующая нас проблема частично освещалась в работах А.Н. Пыпина, где было уделено внимание связям английского философа-утилитариста Иеремии Бентама и русского общества, а также в книгах графа Сергея Шереметева и Э. Кросса⁵. Работа С. Шереметева представляет собой небольшую брошюру, основанную на беседах с Н.Н. Мордвиновой и А.В. Кафтыревой, другом дома и воспитательницей другой дочери Николая Семеновича – Веры Николаевны. Автор не стремился написать строго документальное произведение, цель его была иная. В то время, когда на рубеже XIX и XX в. некоторые русские либералы обращались к британскому политическому опыту, рассматривая Англию как идеальную модель для России, С. Шереметев на примере жизнеописания Н.С. Мордвинова выступил против именно английского воздействия на русское общество. «Из всех иноземных влияний, проникающих к нам под разными видами, нет хуже и опаснее влияния английского. Оно пронизывается в глубину, всасывается до костей и от него трудно отделаться», – писал Шереметев⁶. Он сопоставлял французское («более поверхностное»), немецкое («более содержательное») и «чуждое по духу» английское, которое в жизни Мордвинова он связывал с его женой – Генриеттой Александровной. Она не вызывала симпатий автора, характеризовавшего ее как «строгую и несколько чопорную англичанку-пресвитерианку с известным оттенком власти»; он критиковал привнесенные ею порядки и обряды, по его мнению, не свойствен

³ *Иконников В.С.* Граф Н.С. Мордвинов. СПб., 1873; *Гневушев А.М.* Политико-экономические взгляды графа Н.С. Мордвинова. Киев, 1904; *Заколпский Н.Н.* Граф Н.С. Мордвинов, его взгляды на современные ему экономические задачи русской жизни. Вязники, 1910.

⁴ *Алифанов В.В.* Социально-экономические воззрения Н.С. Мордвинова. М., 1955; *Москаленко Л.Я.* Общественно-политические взгляды и социальная программа Н.С. Мордвинова. Минск, 1984.

⁵ *Пыпин А.Н.* Русские отношения Бентама // *Пыпин А.Н.* Исследования и статьи по эпохе Александра I. Пг., 1917. Т. 2; *Шереметев С.* Мордвиновы. М., 1900; *Кросс Э.* Указ. соч.

⁶ *Шереметев С.* Указ. соч. С. 11.

венные православию – строгость, сдержанность, чистоту⁷. В книге Э.Г. Кросса новых сведений о Н.С. Мордвинове совсем немного. При этом следует отметить, что некоторые неточности присутствуют и в этом исследовании.

Предки Н.С. Мордвинова начали свою службу московским государям со времени присоединения мордовских земель. Отсюда и фамилия, указывающая на происхождение рода. С тех пор они «верой и правдой» сражались в войнах против татар и поляков, участвовали в крымских походах, за что неоднократно были награждены. Отец нашего героя – Семен Иванович Мордвинов родился 2 января 1701 г. в бурную эпоху петровских преобразований, отразившихся и на его судьбе. Вместе с другими боярскими детьми, по распоряжению Петра, он отправился за границу для получения образования. В правление Петра началось строительство молодого российского флота, и молодые россияне направлялись им в Европу приобретать практические навыки на судах ведущих держав – Англии, Голландии, Франции, Дании. 15-летний Семен Мордвинов поехал во Францию для обучения морскому делу и в 21 год возвратился с блестящими аттестатами, в отличие от многих офицеров, не достигших успеха⁸. «Службу продолжал постоянно по морской части, был участником в устройстве балтийского флота, написал несколько книг, руководствующих к познанию мореходства, и был из первых русских моряков трудившихся в сочинениях по этой части», – с ноткой гордости за своего деда писала Надежда Мордвинова⁹. Первый его брак оказался бесплодным, и, овдовев, адмирал С.И. Мордвинов, уже перешагнувший пятидесятилетний рубеж, вступил во второй. Он женился на 17-летней Натальей Еремеевой, которая родила 11 детей (из них выжило восемь). Николай – любимый сын – был вторым.

Он родился 17 апреля 1754 г. в селе Покровском Новгородской губернии. Обучение наукам маленького Николая началось дома, а затем продолжилось в единственном в Петербурге пансионе итальянца Вентури и его помощника – отставного французского сержанта. Когда десятилетия спустя Н.С. Мордвинов будет размышлять о роли иностранных учите-

⁷ Там же. С. 10–12.

⁸ Кросс Э.Г. Указ. соч. С. 169–180.

⁹ Мордвинова Н.Н. Воспоминания. С. 4.

лей в жизни русского общества, возможно, при этом он вспомнит и свое пребывание в пансионе.

Десяти лет от роду маленький Николай в знак признания заслуг его отца перед Отечеством был переведен во дворец, там он находился в качестве товарища в играх малолетнего Павла Петровича и воспитывался вместе с ним. Однако отец Мордвинова, видимо, не желал видеть в будущем своего любимца придворным, и этот период жизни нашего героя продлился недолго, в 1766 г. он был записан гардемаринном во флот. Через два года – мичман. В 16 лет он служил адъютантом при своем отце, а в семнадцать – старшим адъютантом адмирала Ноулса.

Сэр Чарльз Ноулс поступил на русскую службу по приглашению Екатерины в 1770 г. в качестве генерал-интенданта флота. За три года он немало сделал, провел преобразования в портах, в постройке судов и их вооружении. В 1774 г. уволен «по собственному желанию» с адмиральским жалованьем и сохранил добрые отношения с Екатериной II, о чем свидетельствует их переписка¹⁰. После отставки Ноулс возвращается на родину. В тот же год отправляется в Англию и Николай Мордвинов, увозя с собой сопроводительное письмо, написанное Павлом русскому посланнику при дворе Георга III Мусину-Пушкину.

«С своей же стороны почитаю вам об нем сказать, что я из сверстников его не знаю ни прилежнее к наукам и лутчаго поведения. Сие я знаю сам через себя обращаясь с ним ежедневно. Способность его, поведение и расположение сердца побудили меня послать его в Англию для примечания адмиралтейской части», – писал Павел¹¹.

Если отец осваивал морское дело во Франции, то сын отправляется в Англию. Английский флот к этому времени стал самым мощным в мире. Британский и российский флоты в правление Екатерины II характеризовали довольно тесные связи, которые усилились на рубеже веков. Екатерина учла причины неудач предприятия Петра и посылала только тех, кто действительно хотел ехать за границу и уже имел определенный опыт морской службы, писал Э.Г. Кросс, однако при этом он не упоминал об участии Павла в этом предприятии¹². Морд-

¹⁰ Архив. Т. 1. С. 189–190.

¹¹ Павел – Мусину – Пушкину, 1774 г. // Архив. Т. 1. С. 190.

¹² Кросс Э.Г. Указ. соч. С. 178.

винов, с двенадцати лет связавший свою жизнь с флотом, как никто другой соответствовал предъявляемым требованиям¹³.

Русских моряков и путешественников тех лет поражала эта страна совершенно иным способом правления, воспитанием, публичной и частной жизнью, успехами в совершенствовании производства, дорогами, портами и т.д.¹⁴. Возможно ли было, чтобы пребывание Николая Семеновича в Англии не сказалось на его впечатлениях, состоянии ума, не наложило отпечаток на последующую жизнь? Безусловно, нет. В.С. Иконников справедливо утверждал, что обучение в Англии имело важное значение для Мордвинова не только с точки зрения профессионального совершенствования, но и для интеллектуального развития его личности: «он проникся там духом английской науки и уважения к учреждениям этой страны»¹⁵. Англия в середине 1770-х годов переживала один из бурных периодов своей истории: к этому времени относится начало военных действий, направленных на усмирение непокорных американских колонистов. В обществе, прессе, памфлетах шло обсуждение важнейших вопросов – нужны ли колонии, какова должна быть связь с ними и права колонистов и т.д. В 1776 г. в памфлете Д. Картрайта «Сделайте свой выбор!» была изложена программа радикальных преобразований в области системы представительства в парламенте. Выходят в свет знаменитое произведение А. Смита, провозгласившего принципы либеральной экономической политики, и первые работы И. Бентама. Едва ли все эти социальные, экономические и политические проблемы столь значимые не только для Британии, но и для других стран Европы, и широко обсуждавшиеся в обществе, не затронули ум и сердце серьезного молодого человека из России, не заставили задуматься о своей стране и ее порядках.

Он начал с самого «нижнего чина», почти три года плывал на различных кораблях, главным образом купеческих, несколько раз посетил Америку. Более подробных сведений об этих годах жизни Мордвинова нет. Тем не менее, с полной уверенностью можно утверждать, что Англия оставила яркий след в душе

¹³ Он и сам позднее занимался отправкой офицеров в Англию для «познания морского дела». См. Архив. Т. 3. С. 280, 310–311, 344 и др.

¹⁴ Достаточно сослаться на отрывки из записок Е.Р. Дашковой, М.И. Плещеева и Н.А. Демидова, побывавших в эти годы в Англии. – См.: Русские писатели об Англии. 1646–1945. С. 31–55.

¹⁵ Иконников В.С. Указ. соч. С. 4.

Мордвинова. Впоследствии он писал о ней как о стране, где «царствует всегда изобилие во всем к сожитию нужном, процветают художества, ремесла и всякие рукоделия», высоко оценивал «превосходные знания»; особо отмечал экономическое развитие и финансовые порядки¹⁶. Встречи и дружба с британцами будут сопровождать его на протяжении последующей жизни.

Смерть отца в 1777 г. опечалила его. По словам дочери, он заболел от горя, и вынужден был отправиться в Португалию на лечение, где провел лето «в приятном английском семействе», которое, по всей видимости, способствовало его скорейшему выздоровлению. Возвратившись в Россию, Мордвинов поступает на флот и берет на себя материальную заботу о своих братьях и сестрах¹⁷. В царствование Екатерины его жизнь связана с морской службой, он быстро поднимается по служебной лестнице: флагманский генерал-адъютант, затем капитан 2-го ранга.

В 1783 г. с российской эскадрой Мордвинов прибыл в Италию, где встретил Генриетту Коблей, которая после смерти родителей воспитывалась в доме своей старшей сестры, проживавшей с мужем в Ливорно. Среди русских морских офицеров находился англичанин, который познакомился с семейством своих соотечественников, и однажды он пригласил Николая Мордвинова навестить его новых друзей. 29-летний Николай и Генриетта полюбили друг друга и в 1784 г. поженились. Об этом событии в жизни Мордвинова рассказали его дочь и племянник жены художник Б. Хейдон. Он так описал эту историю:

«Адмирал и офицеры часто гостили за столом у Партриджа: один из них, капитан Мордвинов влюбился в девушку. Так как виды на будущее у него были очень хорошие, ему дали согласие, и Мордвинов с молодой женой отправился в Россию, взяв с собой одного из ее братьев, выразившего горячее желание вступить в российскую армию»¹⁸.

Женитьба на англичанке не была событием чрезвычайным, исключительным для русского общества конца XVIII в. Достаточно вспомнить, что британками по происхождению были мать П.А. Вяземского, жены М.М. Сперанского, адмирала П. Чичагова, российского резидента в Константинополе А.М. Обрескова, ан-

¹⁶ См.: Записка о праве приобретения земли. // Архив. Т. 3. С. 143; Меры для улучшения финансов. // Там же. Т. 4. С. 24–25; и др.

¹⁷ Мордвинова Н.Н. Воспоминания. С. 10.

¹⁸ Autobiography of Benjamin Robert Haydon. Oxford, 1927. P. 5. Цит. по: Кросс Э.Г. Указ. соч. С. 182.

ломана и поклонника И. Бентама Н.А. Саблукова, и др. Надежда Мордвинова вспоминала о матери:

«...она была довольно живого характера, все видела и замечала Она была очень проницательна: по физиономии угадывала людей безошибочно. ...Замечания ее всегда были совершенно справедливы и предсказания сбывались». Николай Мордвинов, по словам дочери, «имел такое высокое мнение о здоровом рассудке матушки и верном ее суждении, что часто читал ей свои сочинения, прося ее высказать свои замечания»¹⁹.

Счастливое замужество и переезд в далекую Россию, новые яркие впечатления не могли загасить тоску по родине. Скорее этим, а не чванством, как утверждал Шереметев, можно объяснить то, что одна аллея в имении Мордвиновых была посыпана песком, привезенным из Англии. Брат Генриетты Фома (Thomas) Александрович Коблей поступил на русскую службу, был адъютантом у М.И. Кутузова и свидетелем его ранения, храбро сражался при взятии Очакова в 1788 г. Впоследствии служил в Николаеве, затем – в Одессе²⁰. Брата и сестру связывали теплые дружеские отношения, Фома был частым, но не единственным гостем в доме Мордвиновых, который отличали постоянные тесные связи с другими родственниками жены, ее приятельницами-англичанками²¹.

Забота о братьях и сестрах, а также и собственная женитьба вынуждают Николая искать более высокого жалованья. Ему предлагают перейти на Черноморский флот, и он переезжает в Херсон, в открывшееся адмиралтейское правление. Крым и Северное Причерноморье незадолго до этого были отвоеваны у турок. Начинается освоение края и строительство русского флота. Мордвинову (как офицеру «отличнейших познаний в морском деле») поручено составление правил для сооружения парусного и гребного флота. Талантливый организатор, деятельный, энергичный человек он занимается строительством флота на юге, в 1787 г. участвует в военных действиях.

И вновь встреча с британцами. В херсонский период жизни Мордвинов знакомится с Джоном Ховардом и Самуэлем Бентамом. Известный английский филантроп, занимавшийся улучшением устройства тюрем, в ту пору исследовал чуму и условия содержания заключенных. С этой целью он отправился в

¹⁹ Мордвинова Н.Н. Воспоминания. С. 95.

²⁰ Там же. С. 42–43.

²¹ Там же. С. 18, 23, 37, 74.

Турцию, с которой в то время Россия вела войну. Ховард задержался в России, посещал больницу под Очаковым, остановился в Херсоне. О взаимоотношениях Мордвинова и Ховарда мы узнаем из «Воспоминаний» Надежды Николаевны. К сожалению, в это время она была годовалым ребенком, и, естественно, описала этот эпизод жизни Н.С. Мордвинова по семейным преданиям: «...он познакомился с моим отцом и так оценил ум и достоинства его и моей матери, что провел несколько месяцев с ними, но, к сожалению, заразился горячкою и скончался на руках моего отца, в январе 1790 года»²².

Более счастливо сложились отношения с Самуэлем Бентамом. В архиве Мордвинова сохранилась деловая переписка с Г. Потемкиным, в которой мелькает это имя, встречается оно и в других бумагах²³. Самуэль – личность весьма неординарная, он интересен не только родством с братом – философом Иеремией Бентамом. Кораблестроитель по образованию, он уехал в Россию с целью обогащения. Однако по прибытии не торопился связать себя договором, хотя поступили интересные предложения. Самуэль отправился в путешествие по стране: из Санкт-Петербурга в Москву, затем – Архангельск, оттуда – на Урал и далее по Сибири до китайской границы. Поездка Бентама-младшего была детально описана его женой, однако она не указала ее целей, о которых можно только догадываться²⁴. С 1783 г. Бентам – на службе русского правительства. Будучи управляющим в имении Потемкина он выполняет многочисленные обязанности: помимо кораблестроения он занят винокурением, пивоварным, кожевенным, горшечным и другими делами. В этот напряженный период Самуэля навестил брат, английский философ Иеремия Бентам, который всю свою долгую жизнь посвятил разработке принципов утилитаризма.

Один из основных постулатов И. Бентама: главная цель общества – достижение «наибольшего счастья для наибольшего числа людей», основным критерием которого он считал «пользу». Будучи юристом, Бентам прежде всего применил

²² Там же. С. 17. По другим сведениям, Ховард умирал в окружении нескольких близких друзей, среди которых был и Мордвинов. – *Зарин А.В. Великий праведник. М., 1915. С. 43–45.*

²³ Архив. Т. 1. С. 425; Т. 3. С. 490 и др.; Материалы для истории русского флота. СПб., 1895. Т. XV. С. 45, 65, 98, 134, 162, 163, и др.

²⁴ *Bentham M.S. The life of brigadier-general Sir Samuel Bentham, L., 1862. P. 15–66.*

свою теорию к британскому законодательству, весьма несовершенному в XVIII в. По его мнению, именно законодательство должно было служить осуществлению его основополагающего принципа на практике: закон должен был обеспечить право собственности и безопасности любого гражданина. В связи с этим он пришел к выводу, что необходимо провести реформу права, его кодификацию, отменить ряд устаревших феодальных институтов, усовершенствовать систему наказаний и т.д. При этом, полагал Бентам, гарантом счастья каждого человека должно стать государство.

Время с января 1786 до осени 1787 гг. И. Бентам провел уединенно в российской деревне, занимаясь своими трудами, переписываясь с английскими друзьями и практически не общаясь с местным обществом²⁵. Обострение обстановки на юге, по утверждению Мэри Бентам, вынудили Иеремию вернуться, а Самуэля приступить к военной службе. В 1787 г. он отправляется в Херсон. Вполне естественно, что в Херсоне Самуэль стал посещать семейство, столь тесно связанное с Англией. Между ним и Мордвиновым устанавливаются теплые отношения, объединившие их на всю жизнь: И то, что сам Самуэль подолгу жил в доме Мордвиновых, называл его хозяина своим «старым другом»²⁶, ярко характеризует их близость, истоки которой, возможно, лежат в совместном участии в русско-турецкой войне и осаде Очакова²⁷. Скорее всего, именно тогда и происходит первое знакомство Николая Семеновича с идеями Иеремии Бентама, сначала в пересказе Самуэля²⁸. Такое предположение основано на дружбе братьев, которые поверяли друг другу свои мысли, идеи, надежды, и расстались буквально накануне встречи Самуэля с Мордвиновым.

Идеи Бентама, как и А. Смита, нашли живейший отклик в душе Мордвинова. «Девиз Мордвиновых – чистота и польза, –

²⁵ Он получил приглашение, исходившее, по всей вероятности, не только от брата Самуэля, но и от Потемкина, по просьбе которого перед отъездом из Англии Бентам собрал обширные сведения о земледелии, торговле, мануфактуре. – Пыпин А.Н. Указ. соч. С. 17; Брикнер А.Г. Потемкин. СПб., 1891. С. 60, 62–73.

²⁶ Архив, т. 7. С. 301, 303.

²⁷ Bentham M.S. Op. cit. P. 84, 87–88.

²⁸ Как правило, исследователи датируют знакомство Мордвинова с философией утилитаризма началом XIX века, когда труды Бентама были изданы на русском языке. Едва ли Мордвинов, прекрасно знавший европейские языки, нуждался в этом переводе.

писал С. Шереметев, — ...в это время уже процветало то направление, которое носит иноземную кличку "утилитаризма", только то и хорошо, что полезно»²⁹. Так ли прав Шереметев в своей критике принципа пользы в связи с Мордвиновым? Был ли он бездумно перенесен им на русскую почву? Попробуем отвлечься от жизнеописания Н.С. Мордвинова и разобраться в этом вопросе.

Надежда Николаевна вспоминала:

«...у него было обыкновение всегда давать себе отчет, каждый вечер, с пользою ли он провел этот день. Поверяя свои действия и чувства, он мысленно спрашивал себя «не потерял ли я минуты без пользы?»³⁰.

Это слово часто встречается и в сочинениях Мордвинова, рассуждениями о пользе и вреде проникнуты все его проекты — от образования, воспитания детей до экономических последствий континентальной блокады³¹. Однако в них не было эгоистичного звучания, порой свойственного этому термину на британской почве. Так, Николай Семенович уточнял:

«виды собственной моей пользы никогда в сердце моем не вмещались; обид я получал много, благодарностей никогда; но ревностен я был и буду»³².

Бентамовский принцип, который сам философ рассматривал как лучшее мерило человеческих побуждений, став основополагающим в жизни и деятельности Н.С. Мордвинова, означал для него служение Отечеству, беспрестанную заботу о его благе. Безукоризненная порядочность, преданность делу, с одной стороны, положение — с другой, не могли не вызывать зависти и недовольство его требовательностью. Интриги недоброжелателей нередко приводили к его отставкам.

Готовый служить императрице, Мордвинов не выдержал столкновения с Потемкиным и оставил службу. После смерти последнего Екатерина уговорила Мордвинова вернуться и возглавить черноморскую администрацию. В 1792 г. он поселился в Николаеве. В.С. Иконников подчеркивал, что Мордвинов стал

²⁹ Шереметев С. Указ. соч. С. 9. Шереметев имеет в виду, безусловно, более позднее время — начало XIX века, когда идеи Бентама получили широкое распространение в России в связи с публикацией его книг на русском языке.

³⁰ Мордвинова Н.Н. Воспоминания. С. 35.

³¹ См. Архив. Т. 4. С. 435, 442–443, 457, 479–486 и т.д.

³² Цит. по: Иконников В.С. Указ. соч. С. 7.

действительным основателем города³³. Без опеки Потемкина (его сменил Платон Зубов, постоянно находившийся в Петербурге) Николай Семенович развернул бурную деятельность. Являясь, по существу правителем края, он пытался внедрить английские методы земледелия, поощрял создание типографии, уделял внимание устройству больниц и тюрьмы. Э. Кросс писал, что «Мордвинов создал в Николаеве “английское гнездо”, к которому принадлежали как русские, побывавшие в Англии, так и английские офицеры, служившие на Черном флоте»³⁴.

Жизнь в Николаеве запомнилась Надежде Николаевне, она подробно рассказала, как в доме подолгу жили родственники ее матери, ее подруги, приходили обедать офицеры, среди которых было немало иностранцев, в том числе и французских эмигрантов³⁵. Тесное общение близких по духу людей имело свои благотворные последствия, отмеченные приезжими. Дочь Мордвинова отмечала: «Многие путешествующие останавливались в Николаеве, проживали месяцами в этом счастливом уголке, увлекаясь приятным обществом и жизнью, которую там проводили и называли его маленьким оазисом в степи, в новом нашем крае»³⁶.

При воцарении Павла I положение Мордвинова ухудшилось, наступал конец любовно созданному им «английскому гнезду». Прежние отношения между Павлом и его подданным остались в прошлом. И как ни пыталась Надежда Николаевна скрасить, затушевать сложившуюся ситуацию, в действительности Павел, не помня дружбы детских лет, не был благожелательно настроен к Мордвинову. В этом, безусловно сказалась как служба Мордвинова Екатерине II, так и интриги Де Рибаса, козни которого не знали предела. Однажды он даже заговорил о возможном предательстве иностранцев, без сомнения, имея в виду Мордвинова и его окружение³⁷. Мордвинов вызван в Пе-

³³ Там же. С. 10.

³⁴ Кросс Э.Г. Указ.соч. С. 183.

³⁵ Мордвинова Н.Н. Указ.соч. С. 18, 23, 37, 74.

³⁶ Там же. С. 26. Сохранились воспоминания побывавшего в Николаеве в 1800 г. англичанина Э.Д. Кларка, который писал, что «английские офицеры и инженеры, вместе с остальными иностранцами на русской службе, живущими здесь, ввели в обычай учтивость и опрятность, и примером вежливого обхождения способствовали исправлению варварских нравов здешних жителей» (цит. по: Кросс Э.Г. Указ. соч. С. 183).

³⁷ Иконников В.С. Указ. соч. С. 7, 12–25.

тербург, предан суду, потом – отставка, а затем он снова возвращается на службу.

За него заступилась Е.И. Нелидова. Ее отзыв о Мордвинове весьма важен, так как помогает представить отношение к нему общества. В письме к Павлу она подчеркивала: «У вас есть подданный безукоризненно честный, всеми уважаемый, но который имел несчастье вам не угодить...»³⁸. Действительно, Мордвинов был неспособен угождать, недаром современники характеризовали его как человека «смелого и решительного». Участие Нелидовой в судьбе опального офицера несколько смягчило Павла, назначившего Николая Семеновича адмиралом, членом адмиралтейской коллегии, однако теперь он переведен на Балтийский флот, а вскоре вновь оставляет службу и уезжает в деревню.

Смерть Павла и воцарение Александра I ознаменовали собой начало нового этапа в жизни Мордвинова. Молодой император вызвал из ссылки многих, подвергшихся опале при жизни его отца, были оценены им знания и опыт Мордвинова. С этого времени Мордвинов назначен вице-президентом Адмиралтейств-коллегии, вошел в состав Негласного комитета и Непременного совета. При создании министерств в 1802 г. стал министром, но пробыл на этом посту всего три месяца и ушел в отставку, не желая мириться с интригами, которые плелись вокруг него. Однако и за это непродолжительное время он успел провести постановления об обшивке медью всех строящихся судов, освобождении матросов от тяжелой обязательной работы, восстановил отмененную Павлом I баллотировку при производстве в чин (которая после его собственной отставки подверглась пересмотру).

В Негласном, неофициальном комитете Мордвинов, как специалист в морском деле, обсуждал с молодыми друзьями Александра (среди них он встретил людей, тоже получивших образование в Англии: Н.Н. Новосильцева и В.П. Кочубея) пути преобразования государственного устройства России, а в Непременном совете (впоследствии – Государственный совет), совещательном органе при монархе, участвовал в рассмотрении текущих дел. По всей видимости, он предполагал, что перед ним открылась новая возможность принести пользу России. Он необычайно активен: выступает на заседаниях, пишет раз-

³⁸ Цит. по: Иконников В.С. Указ.соч. С. 25.

личного рода меморандумы, записки, отстаивает собственное мнение по различным вопросам. Некоторые из его записок широко расходились по стране³⁹.

Уже 4 ноября 1801 г. на заседании Неофициального комитета Мордвинов предложил «даровать крестьянам», за исключением крепостных, «право покупать земли». Из всех идей, которые обсуждали полные надежд сподвижники Александра, только эта была осуществлена на практике. Месяц спустя нововведение рассмотрено окончательно, и 12 декабря 1801 г. обнародован указ императора, разрешивший покупать, приобретать землю купечеству, мещанству, казенным поселянам, отпущенным на волю. В апреле 1802 г. литовский губернатор просил о разрешении участвовать в покупке земли и иностранцам. Обращение барона Беннигсена рассматривалось Советом в начале мая. Выступление Мордвинова на этом заседании ярко демонстрирует его применение принципа пользы в государственных делах: «Приглашение... таковых поселян принесет вскоре империи великую пользу, ибо собственная их выгода требовать будет к распространению государственной»⁴⁰. Так, вслед за Бентамом Мордвинов утверждал, что благо частных лиц в целом составит благо всего государства. В чем же оно заключалось по его мнению?

«Распространением права сего на иностранных, империя может получить знающих земледелие, скотоводство и вообще под именем сельского домостроительства разумеемого, искусных фабрикантов, ремесленников, которых заведения впоследствии распространятся до почтительного состояния. С сими переселенцами неминуемо введены будут разные машины и инструменты... донныне в империи не употребляемые, служащие к удобнейшему хлебопашеству, к фабрикам и мастерствам. ...Хотя от иностранных и многое получить возможно, но стоит весьма дорого. Сим же средством не только машины и инструменты, ко многому полезному служащие, везены будут без всяких на то издержек, а может статься и самые изобретатели». Приглашение иностранцев, утверждал он, выгодно и с другой стороны: «...пример царствования Петра Великого и Екатерины Великой, когда иностранные приглашались не только с великими для них выгодами, но и с государственным пособием. Видимая от сего мудрого постановления польза

³⁹ Архив. Т. 3. С. VII; Семенова А.В. Декабристы и государственные деятели России – кандидаты во временное революционное правительство (М.М. Сперанский, Н.С. Мордвинов, П.Д. Киселев). Автореф. ...к.и.н. М., 1977. С. 17.

⁴⁰ Архив. Т. 3. С. 179.

ныне весьма ощутительна. Предлагаемый способ к приобретению полезных граждан не требует, как первые, со стороны правительства никаких денежных пособий, но только дается свобода располагать по своему собственному соизволению своим имуществом, чего всякий благонамеренный требовать имеет право...»⁴¹.

Мы видим, как серьезно готовился Мордвинов отстаивать собственную точку зрения. Он обращается к прошлому, указывает на права, которыми обладали иностранцы в прежние годы и предлагает их расширить – предоставить иностранцам возможность получения временного подданства, что облегчило бы их положение в России⁴². Впоследствии Мордвинов, возвращаясь к этой теме, особо отмечал необходимость привлечения иностранных капиталов в Россию, которая,

«по великому своему пространству, по многообразию земных угодий... требует великого множества капиталов и способных людей, чтобы извлечь из всего того частные и общественные выгоды». Иностранцы могут участвовать «в удобрении сельского хозяйства, устроении фабрик и заводов, во всякой прибыльной промышленности и наипаче в том, что способствует сближению, чрез удобнейшие пути сообщения, дальнейших пространной России пределов»⁴³.

Однако, Николай Семенович не относился к тем людям, которые безоговорочно преклонялись перед всем иноземным. Отнюдь не все иностранцы, по мнению Мордвинова, могли бы принести пользу России. Он был настроен решительно против их приглашения в качестве учителей, гувернеров, дядек. И хотя приводимый ниже отрывок из его записки к министру просвещения был написан восемь лет спустя, представляется уместным обратиться к нему именно в данном контексте:

«Зло, проистекающее от воспитания детей под руководством чужестранцев или в чужих землях, весьма ощутительно. Россия и теперь уже чувствует вредные последствия сего непростительного обычая... Лучшие иностранные воспитатели, не зная духа русского народа, не имея сыновнего усердия и преданности к России, и при добрых своих желаниях не могут дать русскому юношеству хорошего воспитания, не могут приготовить полезных сынов Отчеству. Чего же ожидать должно от толпы бродяг – учителей неискусных,

⁴¹ Там же. С. 180–181.

⁴² Там же. С. 192.

⁴³ Мнение адмирала Мордвинова о причинах нынешнего расстройства финансов наших и о мерах, могущих способствовать к отсечению сих причин и к постепенному улучшению народного благосостояния и государственных доходов. 31 октября 1825 г. // Архив. Т. 4. С. 217, 219.

корыстолюбивых и, может быть, даже злонамеренных, которым дворянство русское вверяет образование умов и сердец детей своих? Питомцы сих наставников будут истинными всемирными гражданами, т.е. не будут иметь ни своего отечества, ни своего языка, ни своих обычаев, не будут знать ни отечественных постановлений, ни своих обязанностей, ни связей кровных»⁴⁴.

Едва ли эти обширные цитаты нуждаются в дополнительном толковании, тем не менее представляется уместным еще раз обратить внимание на то, насколько широко принцип пользы применялся Мордвиновым хотя бы на примере такой проблемы, как «иностранцы в России».

Имевший свое представление о каждом предмете и так стремившийся принести пользу России, Мордвинов отстаивал неприкосновенность собственности, высказывался за установление выборного начала при формировании сената, все больше внимания уделял экономическим вопросам (он предлагал учредить кредитный банк, вводил арбитражные коммерческие суды и т.д.). В 1809 г. он – в числе ближайших советников М.М. Сперанского по составлению финансового плана, выход из тяжелого экономического кризиса оба видели в сокращении расходов и соблюдении бюджета.

Тем не менее, Мордвинов тяжело переживал очередную отставку. Из Петербурга он уезжает в Москву. Как писал И. Бентам в одном из писем того времени, «он стал главой некоторого рода оппозиции»⁴⁵. Это замечание – подтверждение того, что деятельность Мордвинова нашла отклик в обществе, часть которого его поддержала. Вновь в сложный период жизни общественное мнение высоко оценило его заслуги: совершенно неожиданно для себя он был избран предводителем народного ополчения Москвы, не имея формальных прав на это, так как не являлся жителем второй столицы. В 1810 г. объявлен манифест об образовании Государственного совета, и среди его 35-ти членов – Мордвинов, возглавивший департамент экономии, где он вновь стремился принести пользу России своими действиями и проектами в духе либеральной экономической теории.

Негативная реакция значительной части русского дворянского общества на деятельность М.М. Сперанского привела к его отставке. Вслед за ним весной 1812 г. покинул службу и Мордвинов. Однако после Отечественной войны 1812 года он

⁴⁴ Там же. С. 399–340.

⁴⁵ Цит. по: Вестник Европы. 1869. № 2. С. 817.

вновь возглавил департамент государственной экономии. Это был краткий период оживления надежд на осуществление преобразований, когда И. Бентам обратился к Александру I с предложением своей помощи в кодификации русских законов. Его письмо было передано через Мордвинова, но не привело к желаемым результатам. Сам Мордвинов в 1816 г. подал Александру I записку «О представителях областных». В ней, по его словам, он наметил

«основания, на которых... принцип народного представительства мог бы быть введен в правительство, которое делает первый опыт в этом отношении, и взгляды, которые еще слишком далеки от того, чтобы согласиться на свободную во всех отношениях конституцию»⁴⁶.

Мордвинов предлагал, при сохранении Государственного совета и Сената, привлечь к их работе выборных представителей всех областей империи, главных городов провинций, главных портовых городов и университетов, которые приглашались бы на заседания и могли бы информировать о ситуации на местах⁴⁷. При этом характер представительства, предлагавшийся Мордвиновым, нес в себе черты британского представительства в парламенте.

Надежды на перемены не оправдались, и Мордвинов в 1818 г. уходит в отставку и на два года уезжает в Европу. В этом большом путешествии Англия – не единственная, не главная цель Мордвинова и членов его семьи. В ней он пробыл лишь три недели, когда смог лично познакомиться с Бентамом. Мордвинов оказывается в Лондоне в тот период, когда вопрос о парламентской реформе был поставлен на повестку дня массовым общественным движением, подавленным правительством. По памяти, Мордвинов восстанавливает свою записку «О представителях областных» и обсуждает ее с Иеремией Бентамом, который к тому времени стал сторонником радикальных преобразований системы представительства в британском парламенте. С этого времени и вплоть до смерти ученого в 1832 г. они переписываются, обмениваются книгами⁴⁸. Философ-утилитарист и его преданный последователь сумели понять друг друга и, несмотря на тяжелый нрав Бентама, сохранить весьма дружелюбный и уважительный тон общения.

⁴⁶ Три письма Н.С. Мордвинова к Бентаму / Публ. В. Викторова // Русская старина. СПб., 1901. Апрель. С. 199.

⁴⁷ О представителях областных // Архив. Т. 4. С. 156–158.

⁴⁸ См., например: Архив. Т. 4. С. 344–345.

По возвращении домой Мордвинов возглавил департамент гражданских и духовных дел и руководил им вплоть до 1838 г., рассматривая многочисленные жалобы крестьян и конфликты. На этом посту Мордвинов раскрывается как защитник прав личности, охранитель законной собственности, законности вообще. Крепостное право для Мордвинова – великая нравственная неправда и глубокая экономическая ошибка, тормозившая правильное развитие России. Однако он не был сторонником безоговорочного освобождения крестьян. Он полагал, что они должны приобрести свободу своим трудом.

Как член верховного уголовного суда он участвовал в суде над декабристами. Единственный, кто выступил против смертной казни, кто ратовал за смягчение участи декабристов⁴⁹, и здесь Мордвинов вновь действует как истинный последователь учения Бентама. При обсуждении всяких преступлений и степени виновности преступника он обращает внимание на мотивы, которые явились причиной самого преступления, что не вписывалось в традицию российской юридической школы, но было присуще учению Бентама.

При воцарении Николая I Мордвинов перешагнул семидесятилетний рубеж, но не изменил ни принципам, ни взглядам в это сложное время. Двадцать лет, которые ему довелось прожить при новом императоре, он продолжал свою деятельность. В записках Мордвинов предлагал Николаю установить законность и правосудие; сократить армию и срок военной службы; улучшить быт крепостных, помещичьих и казенных крестьян; содействовать распространению просвещения; уничтожить практику откупов и развивать пивоварение (он был решительным сторонником трезвости); содействовать сооружению путей сообщения. Николай I не принял во внимание ни одного из предложений, а именно к этим преобразованиям и приступил впоследствии Александр II.

Не ограничиваясь государственной службой, Мордвинов возглавил Вольное экономическое общество, Комитет по изысканию мер к улучшению земледелия, участвовал в организации первого страхового общества, был акционером и одним из руководителей Российско-Американской компании, собрал семейный архив, который и был опубликован в начале XIX века. Н.С. Мордвинов умер 30 марта 1845 г.

⁴⁹ Архив. Т. 7. С. IV–V.

Николай Семенович разделил судьбу многих видных представителей своего поколения: призванные и обласканные Екатериной II, преследуемые, гонимые Павлом I, возвращенные из ссылки Александром I, не нужные Николаю I. Многие из них обучались за границей, воевали, отдавали свои силы и знания государственной службе. То же внешнее сходство прослеживается и при сравнении Мордвинова с российскими англоманами второй половины XVIII – первой половины XIX в.: любовь к далекому королевству и восхищение им, английские порядки в доме. И тем не менее, судьба Мордвинова оказалась иной. Она связала его духовно и физически с Англией и англичанами буквально с первых шагов его взрослой жизни, начиная со службы под началом адмирала Ноулса и завершая его портретом, написанным Джорджем Дау. Это соединение не вылилось в пустое, внешнее подражание чуждым традициям и нравам. Для Мордвинова мощь и процветание другой страны стали стимулом в стремлении изменить ситуацию в России. Впитав достижения английской политической, экономической и философской наук, он всеми силами пытался способствовать преобразованиям в своем отечестве во всех областях, при этом прекрасно осознавая вред поспешных, необдуманных шагов. Именно в этом Мордвинов видел ту пользу, которую он должен принести родине.

Г.А. Мухина (Омск)

ШАТОБРИАН: НОСТАЛЬГИЯ ПО «СТАРОЙ МОНАРХИИ»

Шевалье, потом – виконт Франсуа-Рене Огюст де Шатобриан (1768–1848) – уникальный образец легитимистского правосознания, так как он остался верен Бурбонам до конца и после падения этой наследственной монархии во Франции, не только не присягнул «баррикадному королю» Луи Филиппу Орлеанскому, но и в знак протеста отказался от пэрства, полученного им по милости Людовика XVIII, что одновременно лишало его пенсии – тогда для него единственно стабильного средства существования. Этот поступок, совершенный Шатобрианом в 1830 г., был его ответом на либеральную революцию, проведенную по сценарию Франсуа Гизо. А для него самого такой выбор, отражавший соответствие между его мировоззрением и поведением, стал центральной вехой в биографии.

Еще русский философ И.А. Ильин обратил внимание на сложность монархического правосознания, которое включало и волю к соблюдению закона, и законопослушание, и чувство, и воображение, и инстинкт, и любовь к стране, к народу. При этом он особо подчеркивал, что «только любовь привязывает человека к чему-нибудь на жизнь и на смерть, только любовь вызывает в душе чувство верности, без которого немислимо никакое государство». А сама государственная система, в свою очередь, есть порождение правосознания¹. Такой подход можно применить к анализу природы шатобриановского монархизма, который являлся главным стержнем его политической биографии.

Отношение Шатобриана к Бурбонам позволяет выявить и преемственность, и разрыв с роялистскими и сословными приоритетами, с дворянскими стереотипами, с национальной ментальностью. Тем более, что он сам являлся воплощением трансформации французского общества со всеми сложностями переходного периода: из сословного состояния в гражданское,

¹ Ильин А.И. О монархии и республике // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 126, 122.

когда страна стремительно экспериментировала с политическими формами, двигаясь от абсолютной монархии к конституционной через различные республиканские варианты (от эгалитарного до узкоцензового). Феномен его личности вмещал в себя и старое, родовое, верноподданническое, дворянское, и новое, гражданственное, либерально-правовое, национальное – все это скрывалось в его романтическом Я – с приверженностью к античному, с восхищением перед католицизмом, с привязанностью к классицизму, с увлечением Просвещением и разочарованием в нем, с отрицанием Революции. Романтическое Эго мэтра запечатлел его молодой современник, известный литератор и критик Сент-Бев, которого более всего поразили такие шатобриановские свойства: неутолимая тоска, светлый идеал, пропитанный страстью, и очень сильное чувство чести, дух рыцарства старой Франции². Это свидетельство находит подтверждение во всем, что создано пером Шатобриана, так что нередко глубокое чувство превалировало над ratio.

Достаточно обратиться к его произведениям эпохи Реставрации и открыть брошюру «О Бонапарте и Бурбонах» (1814) – панегирик королям и сатиру на императора. Он не скрывал своего счастья, когда писал памфлет, ибо посвящал его «спасителям Франции от Революции», «целителям нации». Он отстаивал необходимость Реставрации – и по праву, и в силу самой «народной ментальности», в которой, по его мнению, превалировали страсти: в припадке безумия народ изменил форму правления, но к нему неизбежно должно вернуться «чувство раскаяния и ощущение нелепости остаться без законного суверена»³. Он не сомневался в роялизме французов и спустя два года писал: нация не хотела смерти Людовика XVI, она оказалась в руках «активного и вооруженного меньшинства»⁴. А еще ранее – в «Историческом опыте» (1797), доказывая преимущества монархического правления, он акцентировал то, что оно «исключает личные амбиции и более всего соответствует народу, потерявшему нравственность»⁵.

² Saine-Beuve C.-A. Op. cit. T. I. P. 101–106.

³ Chateaubriand. De Buonaparte, des Bourbons. P., 1814. P. 59, 70–71, 65, 4.

⁴ Chateaubriand. De monarchie selon Charte. P., 1816. P. 150.

⁵ Chateaubriand. Essai historique, politique, moral sur les Révolutions anciennes et modernes, considérées dans leurs rapports avec la Révolution Française. T. 1-4 // Chateaubriand. Œuvres complètes / Par Ladvoat. T. 1–28. P., 1826–1831. T. 1. P. 352.

Работая в 1814 г. над памфлетом, он наслаждался самим звучанием «священного слова» – «король», в котором сливались его воспоминания о старой Франции, религии, древних обычаях, семейных нравах, детстве, колыбели, отеческих могил. Слово превращалось в символ, от него веяло теплом патернализма и ностальгическим волнением. Власть короля при Старом порядке вовсе не представлялась ему абсолютной, потому что регулировалась институтами, умерялась нравами, смягчалась и определялась временем – она была органичной, «словно крепкое хорошее вино, рожденное родной землей и созревшее под солнцем Франции». Перспективным вариантом для него являлась либеральная монархия, основанная на равенстве, морали, гражданской свободе, политической и религиозной терпимости. Титулу короля он противопоставлял «чуждый титул» императора, стоящий «вне природы, формы, границ власти», холодный, не имеющий отношения к понятию: король-отец. Иначе говоря, империя Бонапарта не соответствовала цивилизации и веку Просвещения, а кроме того, легитимизму и сословной иерархии старой Франции: Бонапарт не мог быть сувереном, ибо вышел «из низших рангов» общества, у него не было права на трон (в противном случае – и у монархов Европы не может быть гарантий на свою корону)⁶.

В памфлете французская легитимная монархия – эта «божественная раса» из тридцати трех королей, среди которых особо выделялся Людовик XIV, так как ему французы более всего были обязаны «величием» – приобретала наднациональный характер, становилась основой европейской монархической идеи. Во-первых, идея коренилась в династическом родстве: «не найти в Европе короля, у которого не текла бы в жилах кровь Бурбонов». Во-вторых, основой единства цивилизованной Европы, душой и сердцем ее он считал Францию, без которой не мыслилось счастье, процветание и мир. Кроме того, в солидарности королей ему виделся залог спасения от революции. Поэтому исход битвы при Ватерлоо развеял у него всякие сомнения о характере иностранного вторжения: солдаты коалиции – освободители, а не завоеватели, спасители легитимизма, ибо «короли Европы взяли под защиту дом Бурбонов как свою собственную семью»⁷. Идея европеизма вращалась

⁶ Chateaubriand. De Buonaparte... P. 4, 56–58, 77–78.

⁷ Chateaubriand. De Buonaparte... P. 59, 78–80.

вокруг французской Реставрации, призванной быть оплотом легитимизма на континенте и даже его символом:

«В Европе есть только одна монархия – французская, судьба же других связана с ее участью. Все королевские роды следуют после рода Гуго Капета, и почти все они – его дети. Наша старая королевская власть была древним королевством мира: изгнание Капетов откроет эру высылки королей»⁸.

Все эти доводы Шатобриана в пользу восстановления Бурбонов, вместе с самым главным резонансом: на стороне законной династии стояло Провидение (ведь Бонапарт был «сражен десницей Бога»), были обращены к графу Прованскому (Людовику XVIII). В памфлете он создал его идеализированный образ: просвещенный, без предрассудков и мести, лояльный, здравомыслящий, умеренный и с твердым характером⁹. Но скорее всего, Шатобриану хотелось, чтобы король был таким и не зря он называл свой панегирик «сертификатом жизни» для Людовика XVIII. Видя силу монарха в просвещенном разуме и правоте сердца, он называл этого Бурбона Людовиком Мудрым, Людовиком Желанным, находя в нем такие достоинства: он не преследовал за убеждения, и французы сохранили жизнь, имущество и свободу¹⁰.

Шатобриан стал защитником Хартии (1814) и будучи министром внутренних дел убеждал короля в период Ста дней сохранить ее – вопреки намерениям Двора, взывая к национальной идее: идее консолидации короля с французами. Он предлагал Бурбону дополнить Хартию свободой прессы и был очень удручен слепотой монарха в отношении его окружения: ему было невыносимо терпеть присутствие в правительстве преступного Фуше. Бегство короля в Гент буквально потрясло Шатобриана, и он потом обвинял его в трусости за отказ сражаться против сбежавшего с острова Эльбы Бонапарта. Это казалось ему роковым для судеб Франции: «...если бы он сдержал слово, легитимность могла продержаться еще век». Хотя упрек был скорее нравственным, поскольку автор понимал объективную причину бессилия реставрированной монархии. Четверть века страна обходилась без Бурбонов – и легитимная власть стала чуждой нации¹¹. Но в докладе королю (15 мая 1815 г.) он не допускал подобной

⁸ Chateaubriand. Mémoires outre-tombe. T. 4. P. 339.

⁹ Chateaubriand. De Buonaparte... P. 78, 61–62.

¹⁰ Chateaubriand. Mémoires... T. 2. P. 258. Chateaubriand. Œuvres complètes. T. 24. P. 96, 86, 87, 91.

¹¹ Chateaubriand. Mémoires... T. 4. P. 320–321.

резкости, хотя и говорил в том же смысле, побуждая Людовика к твердому противостоянию Бонапарту. Текст доклада насыщен метафорами, с помощью которых автор создавал два облика властей, вступивших в борьбу. Одна – бонапартистская, олицетворяющая союз красного колпака с топором и мамелюка в турбанах с саблей – в окружении теней многочисленных жертв эшафотов и военных кампаний, а у подножия трона – окровавленное тело герцога Энгиенского и в качестве штандарта – голова Людовика XVI. Речь шла о союзе революционной диктатуры с цезаризмом, якобинцев с империей. «Красный колпак» мелькает в докладе, что передает тревогу Шатобриана, его отвращение к революции и стремление предотвратить сползание Франции к анархии, к антидворянским рецидивам. Другая – легитимная, королевская, идеализированная, с приоритетами мира, умеренности, мудрости и счастья, которой оставалось надеяться на «армию наций» и консенсус трона с дворянством¹².

В 1816 г., когда возник политический кризис – вокруг «бесподобной палаты» (где большинство принадлежало провинциальным дворянам-ультрароялистам), распушенной королем, чтобы опереться на вновь избранную, с преобладанием умеренных роялистов, фаворита Деказа в окружении молодых политиков – конституционных монархистов (с Ф. Гизо). Шатобриан вместе с авторитетными консерваторами (Бональдом, Ламенне) встал на защиту «бесподобной палаты», претендуя на роль лидера оппозиции против Деказа и конституционалистов. Тогда и появился его трактат «О монархии согласно Хартии», арестованный Деказом. Воодушевленный примерами оппозиционных выступлений английских лордов от Болингброка до Берка, он предупреждал Францию и короля об опасности для легитимизма. Но во имя чего? Гегемонии ультра? Равновесия сил? Суверенитета палат? Здесь он дал свое толкование Хартии. Считая невозможным возврат к Старому порядку, он предлагал обновить монархию: оставить prerogatives королевской власти, но изменить законодательную инициативу, то есть устранить в этом монополию короля в пользу палат. Доводы он извлекал из исторического прецедента, обращаясь к английской Реставрации Карла II Стюарта, сохранившего парламент и обновившего систему с учетом революционного опыта. Он настаивал на бикамерализме, способном устранить «зависть между сословиями», но баланс палат он понимал не как равноправный, а с привилегиями ари-

¹² Chateaubriand. Œuvres complètes. T. 24. P. 300, 306, 313, 311, 323.

стократии, чтобы наследственные пэры стали гарантами Хартии. Он не порывал с дворянским предрассудком, которым страдал еще Монтескье, и полагал, что в аристократии воплощено охранительное и сдерживающее начало в отношении трона.

В нем была жива память о сословной монархии, наследственном дворянстве, которое никогда не признавало абсолютной власти королей, только верность присяге и вассальный долг. Как дворянин он был преисполнен чувством чести и утверждал право знати на преобладание в обществе, на укреплении ее статуса. Чтобы не допустить опасного, по его мнению, примата палаты депутатов, он отстаивал принцип баланса палат, а чтобы пэры стали более влиятельными и смогли лучше воздействовать на общественное мнение, предлагал сделать их заседания публичными, как в Англии. Опыт прошлого (практика Генеральных Штатов) убеждал его в необходимости вернуть первое сословие в политический корпус, и в этом он тоже ссылался на английскую традицию, где «богатое и влиятельное» духовенство было прочной опорой трона и конституции. Революция многому научила его и он опасался, как бы не получить в лице юре «врага или индифферента», способного создать государство в государстве. Ради противостояния диктату исполнительной власти он был готов прибегнуть к опыту британского конституционализма, в частности, к такой практике парламентской партийной системы: создания правительства из парламентского большинства палаты депутатов (как «органа народного мнения»). Он был за сильное и конституционное правительство и за механизм интерpellации (министры должны отвечать на запрос)¹³.

Для того времени, считал А. Жарден, Шатобриан дал «более либеральную интерпретацию» Хартии, чем либералы-доктринеры и выступил за «парламентский порядок по-английски» – с его обязательным компонентом: свободой прессы, без цензуры, хотя с обязательствами издательства¹⁴. Для Шатобриана Британия – это «модель свободы прессы, которая является сестрой индивидуалистического либерализма». Он утверждал: «Нет конституционной свободы без свободы прессы». Палата должна иметь свою газету: «Если передать прессу министрам, конституция окажется в опасности». В либеральном

¹³ *Chateaubriand. De la monarchie selon Charte. P., 1816. P. 4, 7–10, 12–38, 255–271, 64, 61, 95, 96, 44.*

¹⁴ *Jardin A. Histoire du libéralisme politique. De la crise de absolutisme à Constitution de 1875. P., 1985. P. 269.*

порыве Шатобриана-консерватора выражено право на оппозицию, на критику королевской политики. Как монархист, он протестовал против роспуска «бесподобной палаты» и утверждал: «Роспуск единственного собрания, которое с 1789 г. выражает чисто роялистские чувства, ...странный способ спасения монархии». Он отстаивал и право на протест, находя, что в конституционной монархии каждый гражданин может обсуждать ордонанс короля (ибо он не является законом, как в абсолютной монархии), а для пэров и депутатов – это еще и долг¹⁵.

По мнению Ф. Фюре, «идея Шатобриана могла знать свой час в Англии, но не имела корней в истории Франции. Величие французского дворянства связано с аристократической традицией свободы. Но эта традиция была утрачена, постепенно истлев от абсолютистского давления, и знамя свободы было вновь поднято в 1789 г. третьим сословием». Реставрация же оказалась в значительной мере наследницей революции, разделившей дворянство и умеренную буржуазию, и потому не смогла «соединить в широкий консенсус нотаблей – дворянство и буржуазию вокруг представительного правления». «В политике сплочения нужен был король, авторитетный и смелый, способный стать влиятельным», а не «монарх заката», каким являлся Людовик XVIII, к тому же – самым неподходящим символом для соединения королевской власти с нацией, ибо у него не было «ни понимания, ни глубокой исторической интуиции», хотя он был проникательнее своих братьев¹⁶.

Это чувствовал и Шатобриан, он не скрывал сожаления о неотвратимом угасании династии, блеск которой унес с собой Людовик XIV, а посредственность поднялась в окружении Людовика XV¹⁷. Поэтому он искренне оплакивал гибель наследника престола герцога Беррийского (февраль 1820 г.) и вновь поднимал тему легитимизма. Нож убийцы Лувеля ассоциировался у него с «безумством молодежи», «враждебной всем королям», с призраком республиканской революции. Этому, считал он, можно противопоставить только легитимность (в ореоле воспоминаний о величии веков) и представительную монархию с опорой на влиятельную аристократию, крупную собственность, мораль и веру. Легитимная идея поднималась им до уровня экзистенции:

¹⁵ Chateaubriand. De la monarchie... P. 51, 54, 41–44, 285.

¹⁶ Furet F. La Révolution de Turgot à Jules Ferry (1770–1880). P., 1988. P. 290.

¹⁷ Chateaubriand. Œuvres complètes. T. 3. P. 11–12.

«Пролить кровь Бурбонов – значит вскрыть вены родине, при современном положении вещей легитимность есть сама жизнь Франции... святая святых в Европе... Сокрушите этот храм – и нет суверенитета»¹⁸. Он сам метался в поисках опоры между мистикой и реальностью. То он чувствовал, что у французов не иссякла магия имени короля: ведь в 1814 г. граф Прованский вернулся из изгнания – и встречавшие, его в глаза никогда не видевшие – все пали к его ногам. То с горечью признавал, что у других нет привязанности к королевской семье, уважения, восхищения и любви, и что возможно вызвать эти чувства только личной заинтересованностью. То всплывала в памяти Вандея, где жил монархический дух, не зря же вандейцы и бретонцы (а Бретань – его родной угол) семь лет упорно воевали за Бурбонов и требовали отдать им детей казненного Людовика XVI – «как никогда и нигде Вандея служила своим королям»¹⁹.

Особую тональность сопричастности Шатобриана трагическим поворотам в судьбах французской династии придавали бедствия и несчастья его семьи: аресты, казни, тюрьмы – сливались воедино, в потерю всего, что он любил. Отсюда исходило его горькое признание: оставалось только одно – «плакать на могиле Бурбонов»²⁰.

Тема смерти – важный компонент его монархических сюжетов. Она навеяна самой реальностью и прежде всего гибелью королевской семьи во время Революции. В «Мемуарах» есть только скупые, испуганно-восхищенные отклики на первую встречу с семьей Людовика XVI: король на охоте его любезно поприветствовал, королева запомнилась особенной улыбкой, прекрасными руками, а белокурые волосы обоих детей казались ему коронами. Но возникали два слоя памяти: наряду с первым, светлым воспоминанием – второй, зловещий, связанный с опознанием останков королевской четы в 1815 г. на кладбище Мадлен, где он узнал голову Марии-Антуанетты по той незабываемой улыбке²¹. Печальные эпизоды из жизни Бурбонов мелькают у него словно кадры-символы: падение Бастилии – предвестие падения трона, бегство придворных принцев – и король остается один, с дамами и детьми; унижительное для монарха посещение ратуши, непристойная сцена возвращения королевской семьи из

¹⁸ Ibid. P. 238–240.

¹⁹ Ibid. P. 128–129, 239–241, 312–313, 337–339, 347, 370.

²⁰ *Chateaubriand. Œuvres complètes*. T. 3. P. 11–12. *Furet F.* Op. cit. P. 288.

²¹ *Chateaubriand. Mémoires...* T. 1. P. 175, 216.

Версалья в Париж в сопровождении «гарпий», гвардейцев, депутатов, пушек, пик, штыков, под выстрелы и крики: «Вот пекарь, булочница и пекаренки!». Бегство короля в Варенн – и он лишается трона первый раз. Революция для Шатобриана – процесс умирания королевской власти, начатый в 1789 г. В 1792 г., когда, вернувшись из США, он нашел «еще теплым труп старой монархии», именно тогда самым популярным стало «отвратительное слово» – «санкюлот», Людовика XVI называли господин Вето или господин Капет. Вот и «армия принцев», куда Шатобриан вступил, тайно перейдя границу, стала напоминать ему «последнее представление уходящего мира»²².

Возвышенно-пронзительно звучала у него тема гибели Людовика XVI – «самого нежного, самого невинного, самого добродетельного», «самого достойного» благодаря мученичеству. Шатобриан боготворил своего короля – «истинного короля» «отца и главы родины», достойно встретившего смерть со словами: «Французы, я прошу Бога, чтобы он не карал нацию за кровь ваших королей». Эту казнь он называет «настоящим преступлением революции», которая сама провозгласила право на жизнь. Смерть монарха он ставит выше всех (как Жозеф де Местр), потому что она влечет за собой многочисленную череду других²³. Это трагическое событие будило историческую память: казнь французского короля представлялась следствием казни Карла I Стюарта («одной из самых прекрасных корон Европы») ²⁴. При этом Шатобриан готов был записать позитивные для свободы и парламентаризма изменения на счет Стюартов: потери этой династии обернулись приобретениями для английской нации²⁵.

Его притягивало все трагическое, что было связано с монархами: он трогательно вспоминал «мэтра короля Европы» – Георга III, которого ему удалось тайно увидеть в Виндзоре. Это было похоже на видение: «монарх, седой и слепой, появился, как король Лир... сел за пьяно и сыграл... из сонаты Генделя: то был прекрасный конец старой Англии»²⁶. Несмотря на явную

²² Ibid. P. 18, 219, 222, 338, 345–346, 352.

²³ Chateaubriand. Œuvres complètes. T. 24. P. 114, 120. T. 2. P. 208–209; Chateaubriand. De Buonaparte... P. 59, 45.

²⁴ Chateaubriand. Œuvres complètes. T. 1. P. 250, 209.

²⁵ Chateaubriand. Essai sur littérature anglaise. T. 4. P., 1836. T. 1. P. 329, 331.

²⁶ Chateaubriand. Mémoires... T. 1. P. 491, 492.

театральность этой сцены, в ней – выражение глубокого почтения и ностальгии по безвозвратно утраченному.

Его рациональное понимание своего времени как эпохи разложения и гибели монархии, сочеталось с признанием провиденциального замысла: божественное право королей и суверенитет народа – это «мистерии недоступные никакому рациональному уму»²⁷. Более того, он приходил к заключению: «Божья кара – неминуема и она заключена в отмене королевской власти вообще». Но это не снимало ответственности с самих монархов: так, Людовику XVI пришлось собственной жизнью искупать «деспотизм» Людовика XIV и «разврат» Людовика XV. Правда, он позволял себе говорить об истории в сослагательном наклонении: Людовик XVI сто раз мог бы спастись, но он не сделал этого, так как оставался самим собой. Главное – все решала не воля человека, а воля Бога, который хотел, чтобы люди определили собственное отношение к событию, которое должно произойти²⁸.

Монархическое сознание Шатобриана было амбивалентным: наряду с провиденциализмом непоколебимыми оставались просветительские антиабсолютистские приоритеты: «у меня было мало расположения к старой монархии», говорил он, но вместе с тем понимал, что «путь добродетели» пролегал только между старой и новой Францией²⁹. Так он строил мост в себе самом, вот почему его восхищали «прекрасные слова» графа Мирабо: «Я хотел исцелить французов от монархического суеверия и заменить его монархической верой»³⁰. Он утверждался на позиции континуитета, когда под влиянием Революции приходил к признанию конституционной монархии, где «счастливы соединялись порядок, королевская власть и республиканская свобода», истоки которой он прозревал в былом «смешанном правлении» – аристократическом в своих частях, демократическом – в ансамбле – и под эгидой короля, чем и объяснял причины долгой истории «древа родины»³¹.

²⁷ *Chateaubriand. Œuvres complètes. T. 1. P. 355. T. 4. P. 97.*

²⁸ *Chateaubriand. Mémoires... T. 1. P. 262. Essai sur littérature anglaise. T. 1. P. 348.*

²⁹ *Chateaubriand. Mémoires... T. 1. P. 356, 375.*

³⁰ *Ibid. P. 227.*

³¹ *Chateaubriand. Œuvres complètes. T. 2. P. 282. T. 24. P. 149. Essai sur la littérature anglaise. T. 1. P. 18, 125.*

Практический шатобриановский легитимизм дал о себе знать в 1823 г., когда будучи недолго министром иностранных дел он осуществил «большую авантюру» Реставрации – интервенцию против революции в Испании во имя защиты наследственных монархий в европейских странах и в духе Венской системы, которую он понимал как сплочение великих держав против бонапартизма, революций, секретной дипломатии и за сохранение статус-кво. На этот раз охранительная идея легитимизма переросла в агрессию, а французская монархия становилась для Шатобриана оплотом против демократии ради защиты аристократии.

Тогда же он поднимал проблему границ: овладеть левым берегом Рейна – в духе абсолютистских и революционных доктрин. В нем проснулся бонапартистский запал и он убеждал Людовика XVIII вновь поднять статую Наполеона на Вандомскую колонну. В нем сильна была историческая память и он писал в старости: «Я широко понимаю легитимную монархию: свобода может смотреть славе в лицо»³². Свободу он считал принципом Реставрации, к которой он перебрасывал мост от славы Бонапарта. Он сам был не прочь стать символом соединения консерватизма с некоторым либерализмом. Его мечтой была монархия в ореоле либеральных учреждений, но с дворянством древних фамилий на службе³³. Связь эпох позволяла ему надеяться на будущее легитимизма – через соединение консерватизма с либерализмом, растворение аристократии в либеральном обществе. Это делало его самого либеральным консервативом. Его биограф Пьер Кларак, цитируя признания романтика «Замогильных записок», писал: «Я знал, что демократия победит в будущем, но думая, что легитимность была еще необходима Франции и что аристократия наиболее соответствовала легитимности, сначала хотел, чтобы свобода была введена аристократией», – это идея всех его статей и всех его брошюр, памфлетов, принцип его политической мысли»³⁴. Поэтому революцию 1830 г. он воспринял как последнюю катастрофу своей жизни (как казнь Людовика XVI – первую), он считал себя «человеком Реставрации» и остался последним подданным последнего легитимного короля. Его не случайно называли могильщиком монархии, ибо причисляя себя к потерянному по-

³² Chateaubriand. Mémoires... Т. 3. P. 35, 109.

³³ Jardin A. Op. cit. P. 270.

³⁴ Clarac P. À la recherche de Chateaubriand. P., 1975. P. 48.

колению, он мерил собственную жизнь несчастьями династии: он видел себя в похоронной процессии, провожающей легитимную монархию, и сравнивал себя с собакой, бредущей за гробом своего хозяина³⁵. Печальный образ, созданный им самим, был выражением искренней преданности Бурбонам. Так сердце оказывалось сильнее *ratio*. Рыцарская честь в нем была неистребима, словно инстинкт; историческая память о династии осталась жива, а в ней – гордость за нее и слезы по ней. Объяснений причин крушения Бурбонов он искал в самом историческом опыте и в соответствии с детерминированным мировоззрением века: 28 июля 1830 г. стало продолжением казни Людовика XVI, а свержение Карла X – следствием этой казни – в итоге, наследственная монархия превратилась в элективную. Так и в Англии детронация Якова II стала рецидивом казни Карла. В июле 1830 г. он видел «приговор против всех тронов», и ощутил, что монархия перестала быть религией. Вопреки всему происшедшему он не расстался с убеждением, что законная монархия – это необходимое звено к установлению конституционного правления, и был горд тем, что служил ей «как следовало», но с сожалением признавался: хочу одного – ненадолго пережить рухнувшую монархию³⁶.

В его лексиконе значительную роль играло слово «память». В «Мемуарах» он писал: «Уважаем его величество время, с восхищением созерцаем минувшие века, связанные памятью и призраками наших отцов»³⁷. Это он пытался внушить Людовику XVIII: «...империи восстанавливаются столь же памятью о делах прошедших, как и содействием настоящим», а обращаясь к французам XIX века, своим потомкам, он наставлял: «учитесь уважать эту старую Францию, не отрекайтесь от отцов, которых вы победили, если б не их верность, не было б и вашей энергии, и вашей славы»³⁸. А. Жарден утверждал, что живая традиция, по Шатобриану, заключена, главным образом, в монархической легитимности, и в последней речи в палате пэров в 1830 г. он отстаивал монархический иррациональный лоялизм, а в целом – считал континуитет истории необходимым «здоровью социального тела»³⁹.

³⁵ Chateaubriand. Mémoires... Т. 3. P. 255–256, 267, 664.

³⁶ Chateaubriand. Mémoires... Т. 3. P. 251–252, 253–267, 716.

³⁷ Ibid. Т. 1. P. 307.

³⁸ Ibid. P. 374–375. Œuvres complètes. Т. 24. P. 305.

³⁹ Jardin A. Op. cit. P. 269.

Такие политические взгляды Шатобриана соответствовали его ощущению времени – с явным предпочтением прошлого – настоящему и будущему. Это восприятие сродни импрессионистскому, поскольку настоящее оказывалось неуловимым, неустойчивым, непредсказуемым, оно вообще было способно исчезнуть, раствориться. Вот как он писал об этом в «Исторических этюдах»:

Прошлое – это факт, факт, который ничто не может сокрушить, в то время как будущего, столь нам дорогого, просто не существует. Если прошлое – ничто, то что такое будущее, как ни тень на берегу Леты, которая, может быть, не появится никогда в этом мире? Мы живем между небытием и химерой⁴⁰.

Таким образом, монархизм Шатобриана – несомненно романтический: он покоился на архетипе феодальной чести, христианских ценностях и был открыт идеалам Просвещения (с его могуществом разума и приоритетом конституционализма). Этот бретонец вырос в аристократа-патриота национального масштаба, пытавшегося продлить век Бурбонов на английский манер. Он проявил готовность к диалогу культур (французской и английской), к диалогу живых и мертвых, и тем самым рационально и интуитивно являлся носителем западноевропейской цивилизации. И в качестве интегратора этой цивилизации он выдвигал легитимизм, традицию дворянских приоритетов, а в частной жизни – примат личности. Монархическое чувство Шатобриана было согрето классицизмом (он не зря предпочитал XVII век XVIII-му) и отличалось благородством, достоинством, гуманизмом, взывало к возвышенным, идеальным образцам. Он остался верен легитимной монархии Бурбонов до того, что отказался от звания пэра, тем самым порывая с политической деятельностью. В этом проявилась цельность его натуры: он признавал свое поражение, зато остался верен самому себе.

⁴⁰ *Chateaubriand. Etudes ou discours historiques sur la chute de l'empire Romaine... T. 1. P., 1831. P. XXX.*

А.А. Голосеева (Саратов)

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ И СУДЬБА БРИТАНЦЕВ В ИНДИИ

Члены англо-индийского общества, то есть англичане, состоявшие на гражданской и военной службе в Британской Индии¹, испытывали на себе влияние двух культур – индийской и британской. Частью этого общества были родители Редьярда Киплинга, к нему во время своего пребывания в Индии принадлежал и он сам. Индийские произведения Киплинга выразили двусмысленность положения англичанина, родившегося в Индии, движимого одновременно любовью к Индии и осознанием своей роли белого человека, «чье презрение постороннего соседствует с сочувствием посвященного; они дают богатейший материал для исследования того парадоксального влияния, которое Индия оказала на британское сознание»².

Свое раннее детство Редьярд Киплинг провел среди административной элиты Англо-Индии, состоявшей в основном из британских гражданских чиновников и военных. Понятие Англо-Индия возникло в 1840-е годы, а к 80-м годам социально-культурные черты англо-индийского общества стали уже вполне определенными; оно имело свою социальную иерархию, сложившийся уклад жизни, газеты, обозрения и литературные журналы, местные издательства и читающая публика, у которой находили сбыт произведения англо-индийских авторов, своеобразный английский язык, пестревший индийскими словами и выражениями, которые англичанам в метрополии были непонятны. Самосознание англо-индийцев³ определялось в противопоставлении метрополии. Раймонд Уильямс, описывая место англо-индийцев в британском правящем классе, отмечал:

¹ К середине XX в. англо-индийцами стали называть людей, родившихся от смешанных браков (во времена Р. Киплинга их называли евразийцами). Но все исследователи его творчества употребляют этот термин в том значении, какое он имел при жизни писателя.

² Perry B. *Delusion and Discoveries. Studies on India in the British Imagination, 1880–1930*. L., 1972. P. 7–8.

³ См.: Moore-Gilbert B.G. *Kipling and Orientalism*. L., 1986. P. 18.

«Только часть этого класса действительно стояла у власти: они были в состоянии жить за счет своей собственности и вложений или же устраивались на работу в центральные общественные учреждения метрополии. Более значительная часть имела более сложные, но скромные функции. Образование, доступное и ориентированное на этих людей, что важно, подготавливало служителей системы, к которой они принадлежали только в качестве чиновников. И именно они отправлялись на окраины Империи, напрямую сталкиваясь с ее реальностями»⁴.

Подготовка членов этой группы к имперской службе с детства заставляла их пройти через череду травмировавших психику событий: ранняя отправка детей из дома на учебу в Англию, часто непростые первые годы в частной школе, а затем очередная ссылка, на этот раз обратно, на форпост Империи. Этот конкретный опыт усиливал уроки, усвоенные в школе и церкви. Они учили не широте взглядов и благородству, но авторитарной жесткости, уважению к силе и страсти к доминированию. Именно эти качества ценились и считались нужными.

По тому же самому пути прошел и Р. Киплинг. Его раннее детство протекало среди обожавших его слуг, любимых родителей в сказочной стране волшебных храмов и ярких красок. Но когда Редьярду исполнилось шесть лет, его и младшую сестру было решено отправить в Англию. Дети попали в выбранную по объявлению в газете семью П.Э. Холлуэйя, отставного капитана китобойного судна, очень неплохого человека, жившего в Саутси. Но через несколько лет капитан умер, и полновластной хозяйкой в доме оказалась его жена. С этого момента жизнь мальчика стала невыносимой. Миссис Холлуэй, фанатичная католичка, и раньше считала себя обязанной исправить избалованного ребенка, теперь же совсем замучила его. Она избивала его, запирала в темной комнате, всячески унижала, и это продолжалось в течение трех лет. В результате нервного истощения у Редьярда начались галлюцинации и резко ухудшилось зрение, вплоть до того, что он почти перестал видеть. Узнав об этом, мать приехала в Англию. Когда она первый раз подошла к нему и наклонилась, чтобы поцеловать, он инстинктивно загородился как от удара⁵. В одном из своих рассказов Р. Киплинг отмечал глубокую психологическую травму, которую получал ребенок:

«Мама с нами и как будто никогда не уезжала. Теперь все кончено.

⁴ Williams R. George Orwell. N.Y.: Viking Press, 1971. P. 14.

⁵ См.: Kipling R. Something of Myself. L., 1937. P. 5–17.

«Не вполне так, Понч. Когда молодые уста глубоко погрузились уже в горький напиток ненависти, подозрения и отчаяния, никакая любовь на свете не может снять с них эти капли яда без остатка. Хотя она и может вернуть свет в темноту и дать веру неверующему»⁶.

Впрочем, вспоминая ужасы, пережитые Р. Кипплингом в Саутси, не будем забывать, что его ранняя отправка из дома и суровое перевоспитание были общим уделом для большинства англо-индийских детей четырех – пяти лет.

Один из журналистов той эпохи писал, что дети, «на чье образование и устройство тратились приличные деньги, оставались полуголодными, их плохо учили и содержали подчас ничуть не лучше домашней прислуги те люди, которые были обязаны хорошо обращаться с ними. И все это время детей заставляли писать их родителям тщательно разработанные лживые фразы о доброте, которую они получали, и об удобствах, которыми они наслаждались»⁷.

В июне 1885 г. Р. Кипплинг написал статью из цикла «Заметки из Симлы» с описанием Ребенка Симлы, в которой как бы суммировал свое отношение к положению детей в англо-индийских семьях. У него был свой взгляд на воспитание детей. Все то, что традиционно считалось недопустимым в поведении ребенка в английской семье, – избалованность, близкие контакты с местными слугами, настоящая властность хозяина даже в малышах 4-5 лет – все это вызывало у Кипплинга только умиление. Он не считал это вредным для характера ребенка, скорее, наоборот, он жалел о том, что со временем дети теряли эту близкую связь (и языковую, и духовную) с народом, которым они призваны судьбой управлять. Таким образом, мы видим, что Р. Кипплинг рассматривал проблему отсылки детей на обучение из Индии шире, чем проблему, касающуюся только воспитания. Его заботил вопрос, как сохранить в слугах Империи присущие англо-индийским детям качества, которые они безвозвратно теряли, будучи вырванными из местной среды, а именно: симпатию к местному населению, знание его обычаев, языка и культуры, с одной стороны, и качества настоящих хозяев, также необходимые будущим правителям, с другой.

После лет, проведенных в Саутси, Кипплинг был отправлен на учебу в частный колледж. Частная школа в Англии представляла каждому новому ученику курс введения в условия «опустошения, унижения и действительной бесполезности», как

⁶ Кипплинг Р. Бя-а, бя-а, Черная овца // Кипплинг Р. Собр. соч. М., 1991. Т. 4. С. 95.

⁷ Wilkins W. J. Daily Life and Work in India. L., 1887. Цит. по: Cornell L. Kipling in India. N.Y.: St. Martin's press, 1966. P. 5–6.

назвал это Киплинг, описывая переживания своей молодости. Порядки в колледже Объединенной Службы (Ю.С.К.), школе Р. Киплинга, были особенно строгие, так как в нее принимали много учащихся, которые были вынуждены уйти с предыдущего места учебы из-за дисциплинарных нареканий. В «Кое-что о себе» Киплинг лишь мельком коснулся своего раннего опыта пребывания там, сказав только, что его первый семестр был «ужасным», а первые полтора года – «неприятными»⁸.

Все исследователи жизни и творчества Р. Киплинга единодушны в том, что мрачный период детства и ранней юности, несомненно, повлиял на его мировосприятие. Джордж Оруэлл, например, считал, что любовь Киплинга к натуралистическим сценам обусловлена «свойственной ему неврастенией и жадой жестокости»⁹. Впрочем сам Киплинг всегда косвенно отрицал это влияние; он постоянно настаивал, что только самые ранние годы жизни ребенка имеют значение: «Расскажите мне о первых шести годах ребенка, и я расскажу вам все остальное»¹⁰.

Когда юный Р. Киплинг прибыл в Индию в сентябре 1882 г. и поступил на работу, ему не исполнилось и семнадцати лет. Он уехал из Индии в 1871 г. и теперь, одиннадцать лет спустя, возвратился практически как незнакомец в страну, где родился, и к родителям, которых знал только по их редким визитам в Англию. В это время они уже переехали из Бомбея в Лахор, где его отец руководил Школой Искусств и был куратором Лахорского Музея. У Киплинга всегда сохранялись очень близкие отношения с отцом. Вместе с интересом к индийской культуре он унаследовал от отца и значительную часть предрассудков и стереотипов, присущих англо-индийскому обществу по отношению к Индии и местному населению.

Назначение Р. Киплинга на работу в «Сивил энд Милитари Газетт» (далее «СМГ») было сделано через его отца. Сам любивший писать, Джон Локвуд часто сотрудничал с индийскими газетами и был хорошо известен редакторам и издателям в английском сообществе в Индии. Алиса Киплинг также иногда писала для «СМГ», в форме писем рассказывая о летней жизни города на холмах. «СМГ» издавалась в Лахоре, столице Пенджаба и центре британской администрации в северо-западном приграничном рай-

⁸ Kipling R. Something of Myself. P. 24, 26.

⁹ Orwell G. Rudyard Kipling // Kipling's Mind and Art. Essays / Ed. by Rutherford A. Edinburgh—L., 1965. P. 73.

¹⁰ Kipling R. Something of Myself. P. 1.

оне Индии. Количество британцев в Лахоре было невелико: несколько сот гражданских служащих и офицеров, не считая состава воинских частей, размещенных в военном городке в Миан Мир. «СМГ» была довольно скромным предприятием, и Р. Киплинг являлся (как он сам писал в «Кое-что о себе») «пятьюдесятью процентами редакторского состава одной ежедневной газеты Пенджаба»¹¹. Другие пятьдесят процентов «обеспечивал» редактор Стефан Уиллер; он был только на несколько лет старше своего помощника, что не мешало ему стараться выглядеть «закаленным» журналистом и суровым начальником. Уиллер не доверял «оригинальному» и «независимому» стилю и долгое время не позволял Р. Киплингу писать что-либо самому, да и содержание газеты давало мало возможностей для самостоятельных статей.

Первая обязанность «СМГ» была печатать официальные материалы, затем шли всемирные новости, полученные по телеграфу. Только после этого оставалось место для сообщений о жизни местного английского сообщества. Убийства, религиозные праздники, расовые столкновения среди индийского населения могли войти в краткий обзор и получить стандартный комментарий редактора. Фактически, жизнь индусов, мусульман и сикхов Лахора проходила практически незамеченной для «СМГ».

Однако журналистские интересы Р. Киплинга с самого начала выбивались за пределы замкнутого на своих проблемах англо-индийского общества. Ч. Карингтон отмечал то, как заинтересован был Р. Киплинг жизнью индийского сообщества. Молодой газетчик, писал он, был известен тем, что знал о жизни простолюдинов в Лахоре больше, чем полиция, и серьезно изучал индийское «дно»¹². Как и «декадентов», и «натуралистов», его литературных современников в Европе, Киплинга больше интересовала не основная масса бедняков, а маргиналы.

В автобиографии Киплинг так описывал свои похождения в Лахоре: «Я бродил до рассвета по всевозможным случайным заведениям: лавкам спиртного, игорным притонам и курильням опиума, которые ни сколько не загадочны; наблюдал за уличными развлечениями, такими, как кукольные представления и народные танцы; или бродил вверх и вниз по узким оврагам под Мечетью Вазир Хана из чистого любопытства»¹³.

Но Р. Киплинг старался постичь не только восточную экзотику, он хотел узнать самих индийцев, чтобы писать об их жиз-

¹¹ Ibid. P. 40.

¹² Carrington C. E. The Life of Rudyard Kipling. N.Y., 1955. P. 61–62, 64.

¹³ Kipling R. Something of Myself. P. 52–53.

ни. Об этом вспоминал К. Робинсон, сменивший через какое-то время С. Уиллера на посту редактора «СМГ» и ставший для Киплинга не только коллегой, но и близким другом:

«Но самым удивительным было его [Киплинга] проникновение в странно смешанные стили жизни и образ мыслей местного населения Индии. Он знал насквозь и их горизонтальное разделение по положению, и вертикальное — по кастовым группам; знал их разветвления по расе и крови; противостояния и сочетания вероисповеданий; и их наследственные жилки к профессии или ремеслу. Покажите ему местного жителя, и он опишет вам его положение, касту, расу, происхождение, среду, вероисповедание и занятие. Он будет говорить с человеком в привычной тому манере, используя знакомые, простые обороты речи, которые зажгут удивленные глаза собеседника узнаванием родства и приведут прямиком к его доверию. Через две минуты этот человек, возможно дикий торговец с афганских холмов, будет изливать на ухо этому сахибу, обладающему посланным свыше знанием, таинственную историю кровавой вражды и тяжб, столкновений на границе и гнусности ростовщиков, которые привели его так далеко, до самого Лахора... Даже самые подозрительные и вызывающие подозрение люди, например, нищенствующие монахи, свободно общались с Киплингом»¹⁴.

Не все англо-индийцы считали такой образ жизни правильным.

«Мне известно из нескольких частных источников, — писал Оруэлл, — что многие англичане, служившие в ту пору в Индии, недолюбливали Киплинга и не одобряли его писаний. Они утверждали и, по видимому справедливо, что, с одной стороны, он ничего не знал об Индии, а с другой, был чересчур "высококоб". В Индии Киплинг водил дружбу "не с теми" людьми. Смуглость кожи заставляла подозревать в нем, причем без оснований, примесь азиатской крови»¹⁵.

В 1884 г. у Киплинга начался новый этап творчества: он приступил к публикации в газете своих художественных произведений. В «СМГ» появляются его новеллы (первая — «Ворота ста печалей»). К завершению индийской карьеры его имя уже было широко известно и наличие его публикаций ощутимо влияло на объем продаж газет. Работодатели быстро поняли, что имеют в лице помощника редактора необыкновенно способного журналиста. Начались разговоры о его возможном переводе в Аллахабад, что было осуществлено в ноябре 1887 г., и вплоть до отъезда из Индии он оставался среди персонала «Пионера», газеты, основанной в 1865 г. и считавшейся одним из ведущих изданий Индии, наряду с газетами Бомбея и Калькутты.

¹⁴ *Robinson E. K. Rudyard Kipling as Journalist // Kipling. Interviews and Recollections / Ed. by Orel H. Hong Kong, 1983. Vol. 1. P. 82.*

¹⁵ *Orwell G. Rudyard Kipling. P. 73.*

В годы своей работы в Индии Р. Киплинг в основном трагивал проблемы англо-индийского общества. При этом он, с одной стороны, отражал позиции этого общества по большинству вопросов (главным образом в публицистике), а с другой стороны, и это больше проявилось в рассказах, показал противоречия этого общества.

Трудно себе представить, как во времена расцвета Империи невелико было число англичан, проживавших в Индии¹⁶. Иммиграция из Англии не поощрялась, и общепринятой практикой для служащих было возвращение в Англию по выходу в отставку. Таким образом, прирост британского населения в Индии был минимальный, и те, кто там находился, не воспринимали эту страну как свой дом. Кроме того, давно миновали времена, когда ехавших в Индию, воспринимали как счастливицков, отправлявшихся за легким богатством. В конце XIX в., при всей широкой пропаганде службы на отдаленных рубежах Империи, колониальных служащих воспринимали как неудачников, не сумевших достойно устроиться в Англии. Жизнь в Индии была намного дешевле, чем в Европе. Поэтому семьи англо-индийских служащих могли позволить себе жить на широкую ногу, но, возвратившись в Англию, они должны были рассчитывать лишь на очень скромное существование. Пока мы четко не представим себе все эти факты, касавшиеся британского сообщества в Индии (то, что это была небольшая группа, почти полностью изолированная от основной массы населения, и то, что они воспринимали свою работу, как тяжелую ссылку из дома), нам будет трудно понять так называемый «комплекс превосходства» перед жителями Англии, который во многом определял мировоззрение группы людей, для которой писал Киплинг во время пребывания в Индии. Суть комплекса превосходства заключалась в том, что англо-индийские служащие считали, что только они выполняли настоящую, необходимую стране работу, и только они знали, что такое настоящая ответственность и не были уверены, что их работу ценят по достоинству. «Работы Киплинга полны возмущения по поводу того, что британцы проявляют так мало интереса к своей империи»¹⁷. Тема «изгнания в Индию» присутствовала в самосознании англо-индийцев, заставляла их считать себя от-

¹⁶ Англо-индийское общество насчитывало в середине 80-х годов по статистике, приведенной в «СМГ», всего около 125 тыс. человек. См.: Moore-Gilbert B. G. Op. cit. P. 139.

¹⁷ Moore-Gilbert B. G. Op. cit. P. 30.

личными от британцев. До определенной степени они были автономной идеологической, социальной и культурной группой¹⁸.

В Британии к англо-индийцам также было особое отношение, зачастую из поведение смущало и не было понятно широким слоям общества метрополии. Теккереевский Джоз Сэдли¹⁹ – яркий пример этого в английской литературе. В анонимном памфлете 1858 года «Экстер Холл против Британской Индии» автор жаловался, что все англо-индийцы, вернувшиеся из колонии, отличались тем, что одолевали «всех жаргоном, который никто не мог понять, и проблемами, до которых никому не могло быть дела»²⁰. В одной из своих работ об Индии известный историк сэр Дж. Тревелиян говорил о «потребности в, так сказать, обычном языке» и утверждал, что «генерал-губернатор, только что прибывший из дома, жаловался в официальном порядке, что он не мог понять отчеты своих собственных подчиненных»²¹.

В течение 7 лет пребывания в Индии (1882–1889) Киплинг пережил два срыва, он называл их приступами «апатии и депрессии», и относил на счет «излишней работы, плюс лихорадки и дизентерии»²². Не удивительно, что однажды он описал Индию как «дом мучений», что перекликалось с тем, как он называл Саутси²³. Для большинства тех, кто уезжал в колонии, сложности изоляции были скорее обострены, чем смягчены официальной политикой.

«Принцип выталкивания своих подчиненных на глубину в надежде, что они скоро научатся плавать, оставался неотъемлемой частью политики Индийской Гражданской Службы. Молодого человека посылали прямо на место, давали несколько недель, чтобы ознакомиться с трудностями, а затем от него ожидали конкретного решения некоторых из них». Таким образом, молодой британский офицер в Индии ощущал себя «одиноким, неопытным и за многое ответственным»²⁴.

Молодой англичанин, посланный в Индию, чтобы стать частью «классической» гражданской службы, принадлежал к классу, чье национальное верховенство над каждым индийцем, независимо от того, насколько он аристократичен или богат,

¹⁸ См.: Ibid. P. 5.

¹⁹ См.: *Thackeray W. M. Vanity Fair*. N.Y.: Collier P.F. and Son, 1917.

²⁰ *Exter Hall Versus British India*. L., 1885. P. 6.

²¹ *Trevelyan G.O. The Competition Mallah*. L., 1896. P. 22.

²² *Kipling R. Something of Myself*. P. 90.

²³ См.: *Kipling R. At the End of the Passage // The Phantom Rickshaw and Other Stories*. N.Y., 1899. P. 345.

²⁴ *Edwardes M. Bound to Exile*. N.Y.: Praeger, 1969. P. 164–165.

было абсолютным. Он начинал выслушивать те же рассказы, читать те же книги, усваивать те же уроки, ходить в те же клубы, что и другие молодые чиновники²⁵.

В своих рассказах Р. Киплинг, в частности, писал, что первый опыт работы в Индии не позволял британским господам устанавливать нормальные отношения и связи – не слишком близкие, но и не слишком отстраненные – с индийцами. Не в состоянии долго переносить трудности своей работы и заброшенность на произвол судьбы, часть британских офицеров впадала в отчаяние и сходила с ума, в то время как другие переставали заботиться о работе и пытались укрыться в дававших ощущение кажущейся безопасности британских клубах.

Для Р. Киплинга проблема оптимальной дистанции между европейцами и индийцами была как политической, так и этической. Чтобы писать об Индии, он должен был писать об индийцах. Но как он должен был изучать их и представлять публике то, что он узнавал? Насколько близко мог он сходить с индийцами, чтобы не предать свое сообщество? От этого его должны были надежно охранять предрассудки, усвоенные в школе и в семье. Среди его рассказов 80-х годов есть такие, в которых делались попытки сочувственного отношения к индийскому населению и даже критики имперского правления. Но подобные эксперименты были довольно быстро оставлены.

В рассказах Р. Киплинг выступал вольным или невольным критиком системы, которая обращалась со своими служащими слишком сурово, а требовала от них слишком многого. Это был, казалось, неожиданный мотив для Р. Киплинга, так как, как правило, он выступал защитником жесткого воспитания и критиком «воспитания под родительским крылом»²⁶. Молодые офицеры, обученные управлять и подчиняться приказам, еще могли делать второе, но уже не были в состоянии руководить сами. Киплинг настаивал, что их неудачи угрожали Империи. Позднее и в «Киме», и в «Книге Джунглей» он попытался смоделировать ту систему образования, которая воспитывала бы инстинкт управ-

²⁵ В другой работе М. Эдвардес писал: «единицы пытались выучить язык людей, которыми они управляли, более или менее прилично, и они очень сильно зависели от своих туземных служащих, которые позаботились выучить язык своих захватчиков, и часто были не прочь использовать невежество хозяев в своих собственных интересах». – *Edwardes M. The Sahibs and the Lotus: the British in India*. L.: Constable, 1988. P. 59.

²⁶ *Kipling R. Thrown Away // Plain Tales from the Hills*. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1899. P. 17.

ления, но не несла бы с собой страх изоляции, одиночества и глубокую убежденность в собственном несовершенстве.

Об этом Р. Киплинг писал в одном из своих лучших рассказов «В конце пути» (1890). Основная идея рассказа – имперская жизнь в Индии, будучи далекой от идиллической, сложна и жестока. Герои рассказа, четыре молодых офицера, собираются вместе в выходные дни, чтобы отключиться от повседневных забот и опасностей, которые, как им казалось, подстерегали во время работы в среде местного населения. Троице из них успешно удавалось создать иллюзию благополучия. Они отвлекали себя, играя в карты, распевая песни и разговаривая о доме. Но четвертый, хозяин дома, был не в состоянии больше находить спасение в ритуалах их встреч. Как вы можете петь гимны, спрашивал он своих друзей, «когда вы на семь саженей в Аду»²⁷. В конце концов у него начались галлюцинации. Ему мерещилось «слепое лицо, которое плачет и не может вытереть слезы, слепое лицо, которое преследует его по коридорам»²⁸.

Некоторые исследователи творчества Киплинга толковали эти галлюцинации в психологическом ключе. Человек, имевший подобные видения, должен был ощущать себя беспомощной жертвой: он слеп, бессилен и не в состоянии признать свой страх (вытереть глаза)²⁹. Появление такого кошмара связано с тем, что молодой человек увидел реальное лицо за имперским фасадом. Его безумие – результат того, что он отважился взглянуть на реальные обстоятельства своей жизни. Хотя, быть может, лучше быть слепым и не замечать правды, как его друзья; они выживали, цепляясь за самообман и возможность забыться.

Такую возможность англо-индийцам предоставляли клубы. Р. Киплинг осознавал необходимость существования клубов, но он был обеспокоен тем, что приверженность к ним британцев в Индии была похожа на бегство от реальности и угрожала безопасности Короны. Он осветил неоднозначную роль клубов в рассказе «Рикша-призрак» (1890). Пэнси, главный герой, англичанин, которого преследовал призрак. Спасение от галлюцинации он находил в клубной атмосфере кафе в Симле:

«От ужасного до привычного – один шаг. Я соскочил с лошади и вбежал в полуобморочном состоянии в кафе Пелити за стаканом бренди. Там две или три пары сидели вокруг столиков, обсуждая последние сплетни. Их тривиальность была необыкновенно упо-

²⁷ Kipling R. At the End of the Passage // The Phantom Rickshaw and Other Stories. P. 342.

²⁸ Ibid. P. 352.

²⁹ Mc Clure J. A. Kipling and Conrad, the Colonial Fiction. L., 1981. P. 36.

коительна для меня, совсем как религиозное утешение. Я мгновенно включился в разговор»³⁰.

Как некий институт, призванный отвлекать, клубы исключали не только индийский народ и его культуру, но и раздражавший мир противоречивых идей. Сравнение Пэнси банального разговора с «религиозным утешением» показывает статус клубов как имперского института.

Зависимость имперских служащих от клубов вызывала у Киплинга известное беспокойство, поскольку она повышала уязвимость слуг Империи. Это беспокойство отразилось в рассказе «Возвращение Имрея» (1890). Три главных героя рассказа: Имрей, гражданский служащий, загадочно пропавший; Стрикленд – офицер имперской полиции и рассказчик, который находился в гостях у Стрикленда в бывшем бунгало Имрея. Исчезновение Имрея казалось загадочным, так как все свободное время в период работы в Индии он проводил в узкой британской компании, в ее центре: «среди бильярдных столов в клубе»³¹.

Как выяснилось, Имрей погиб из-за собственного невежества. Не зная местных обычаев, он похвалил маленького сына своего слуги, что считалось очень плохой приметой у индусов. Имрей был убит собственным слугой, так как тот счел, что Имрей наслал проклятье на его ребенка. «Имрей сделал ошибку... Просто из-за незнания природы восточных людей»³². Незнание страны и невнимание к ее обычаям было опасно для жизни англо-индийца.

Образ Стрикленда нетрадиционен и делает его антиподом Имрея. Это любимый герой Р. Киплинга, приключения которого описаны в других рассказах: «Саис Мисс Юл» (1887), «Клеймо зверя» (1890). Он знаток индийских традиций, мастер перевоплощения и бесстрашный полицейский. Но его «исследования жизни местного населения», эксцентричные привычки и поведение не вызывали одобрения англо-индийского общества³³. И хотя рассказчик восхищается Стриклендом, он полностью не может принять его позицию, для него клуб, который презирал Стрикленд, остается надежным убежищем.

³⁰ *Kipling R. The Phantom Rickshaw // The Phantom Rickshaw and Other Stories. P. 13–14.*

³¹ *Kipling R. The Return of Imray // The Phantom Rickshaw and Other Stories. P. 284.*

³² *Ibid. P. 302.*

³³ *Ibid. P. 285.*

В то время как большинство киплинговских имперских служащих избегало слишком близких контактов с индийцами, меньшинство впадало в другую крайность, – полностью сливаясь с индийским сообществом. Их поведение Р. Киплинг показывал в рассказах, посвященных бракам или любовным отношениям между англичанами и индианками³⁴. Таких людей он описывал с симпатией, но констатировал, что подобное поведение было губительно и не могло уберечь от опасностей, подстерегавших большинство англичан. Полное погружение, как и отстранение от индийской среды, делало управление невозможным.

Так, Трэджеро, герой рассказа «За оградой» (1888), пересек опасную границу в поисках знаний и любви. Любопытство привело его «далеко в самое сердце города»³⁵, где он и встретил Бишешу, молодую индийскую вдову. С этого времени у него началась двойная жизнь: днем он выполнял рутинную работу чиновника в имперской конторе, а ночью стремился на встречу с Бишешой, которую полюбил «больше, чем кого бы то ни было в мире»³⁶. В рассказе «Хранить как доказательство» (1888) имперский служащий еще более тесно слился с индийским сообществом. Движимый любовью к выпивке и все той же жадной исследований, он открыто отказался от британского образа жизни, женился на индианке, принял мусульманство и в течение семи лет жил среди индийцев.

Однако, все рассказы о людях, которые так пренебрегли ортодоксальными представлениями и британскими нормами поведения, оканчиваются трагически. Еще в начале рассказа «За оградой» рассказчик предупреждал:

«Человек должен, чтобы не случилось, держаться своей касты, расы и племени. Пусть белые идут к белым, черные – к черным. Тогда, какая бы беда Вас не постигла, она будет в порядке вещей, не будет внезапной, неожиданной или нежданной. Это история человека, который намеренно преступил безопасные границы приличного общества и жестоко поплатился за это»³⁷.

Автор несомненно симпатизирует Трэджеро и той свободе от традиционных ограничений, которой герой ненадолго достиг. Нам представляется неверным мнение Л. Корнелла о том, что «пози-

³⁴ См.: Hubel T. "The bride of his country": Love, marriage, and the imperialist paradox in the Indian fiction of Sara Jeannette Duncan and Rudyard Kipling // Ariel. Calgary, 1990. Vol. 21, № 1.

³⁵ Kipling R. Beyond the Pale // Plain Tales from the Hills. P. 189.

³⁶ Ibid. P. 194.

³⁷ Ibid. P. 189.

ция Кипплинга шире позиции рассказчика; он дает нам понять, что рассказчик-репортер не прав, нам не следует принимать его предостережения. Бишеша и мир, который она представляет, стоят тех опасностей, с которыми столкнулся Трэджеро»³⁸. По нашему мнению, позиция рассказчика совпадает с позицией самого автора. Он действительно предостерегал от последствий полного слияния с Индией. Рассказ отражал дилемму, волновавшую Кипплинга: он не был готов сам и не желал соотечественникам оказаться в изоляции или полностью окунуться в незнакомый мир, но он также осознавал ограниченность своего собственного мира. Трэджеро, настаивал Р. Кипплинг, «во-первых, знал очень много, а, во вторых, слишком много повидал. Он слишком увлекся жизнью местного населения, но больше он этого не сделает никогда»³⁹.

Публичное присоединение Джеллалудина, героя рассказа «Хранить как доказательство»⁴⁰, к индийскому сообществу отодвинуло все формальные обязательства перед людьми его социального круга. Ему более не приходилось согласовывать свои действия с ограничениями традиционной мудрости британского сообщества, и он действительно узнал об Индии столько, сколько ни один человек, живший по этим ограничениям, не смог бы узнать. В рассказе в качестве одного из действующих лиц присутствовал известный нам Стрикленд, образец осведомленного англо-индийца в кипплинговских рассказах. Джеллалудин смеялся над ним, называя его невежественным, и хвастался, что книга, которую он писал, поведаст об Индии и образе жизни ее обитателей больше, чем любая написанная до этого работа. Но, ослабленный пьянством и болезнями, живя в антисанитарных условиях, не имея ни медикаментов, ни теплой одежды, он умер в своей нищенской лачуге. Путь великих исследований и освобождения от условностей, показывал Р. Кипплинг, не давал вставшему на него дополнительных сил.

Полное и публичное отождествление Джеллалудина с Индией сделало его одиноким и разрушило его. Стрикленд, как известно, пересекал границу только переодетый и только по приказанию начальства, по делам, связанным с имперской службой. Он намеренно сохранял свою физическую, психологическую и эмоциональную обособленность от индийцев и никогда не позволял себе разделять полностью ношу, тяготы и жизнь индий-

³⁸ Cornell L. Kipling in India. P. 139.

³⁹ Kipling R. Beyond the Pale. P. 189.

⁴⁰ См.: Kipling R. To Be Filed for Reference // Plain Tales from the Hills.

цев вместе со знаниями о них. В результате он достиг независимости более высокого уровня, так как стал свободен, по желанию перемещался между двумя культурами и не был связан традициями и ограничениями ни одной из них. Именно Стрикленд, а не Джеллалудин, достиг авторитарной версии свободы, освободившись от социальных ограничений, от бессильной изоляции и от вопросов, связанных с моральной ответственностью. Поэтому, «местные жители ненавидели Стрикленда, но они боялись его»⁴¹. И именно поэтому он – идеал Р. Киплинга.

В 1889 г. Р. Киплинг распрощался с Индией и решил вернуться в Англию. Так закончился индийский период творчества писателя. Если не считать короткого визита много лет спустя, Р. Киплинг больше не видел Индию.

Вернувшись в Англию (ему было 24 года), Киплинг заявил, что с журналистикой покончено. Эта тяжелая работа отнимала все его время в Индии, а чем сильнее его тянуло к писательству, тем больше он дорожил свободным временем. Заочно британская публика уже знала его по сборникам индийских рассказов, выходивших в серии Железнодорожной Британской Библиотеки.

Сам Р. Киплинг говорил, что его новая идеология оформилась после приезда в Англию в 1889 г. Внезапно он оказался оторванным от привычной аудитории и своего источника информации: до тех пор, пока индийский опыт был свеж, он снабжал материалом 9/10 его рассказов. Теперь для Киплинга встал вопрос, о чем писать дальше. Когда он был на волне первого успеха, к нему пришло желание «попытаться рассказать англичанам что-то о мире за пределами Британии»⁴², но не прямо, а в завуалированной форме. Первым плодом этого подхода был сборник стихов «Английский флаг», едва ли соответствовавший тому завуалированному сообщению правды, о котором он говорил. Р. Киплинг прямо-таки кричал в уши публики и однажды высказал фразу, которую не скоро забыли:

«И что они знают об Англии, если знают только Англию?»⁴³.

Он сказал об этом и в еще более известном стихотворении «Песнь англичанина» (1893), когда он стал, по словам

⁴¹ Kipling R. Miss Youghal's Sais // Plain Tails from the Hills. P. 33.

⁴² Kipling R. Something of Myself. P. 101.

⁴³ Stokes E. Kipling's Imperialism // Redyard Kipling: the man, his work and his world. London, 1972. P. 91.

Дж. Оруэлла, «проповедником британского империализма на стадии экспансии»⁴⁴.

Р. Киплинг продолжал писать об Индии, но в той манере, которая отражала его новое видение мира. Индия, показанная в произведениях 1890-х годов, более смягченная, менее сложная, чем старая проблематичная Индия в его творчестве 1880-х годов. В своих новых рассказах, стихах, очерках писатель все более обращался к показу бремени и обязанностей имперского правителя. Если в 80-е годы это подвигало Р. Киплинга к диагностике имперских проблем, то в 90-е годы он предлагал план улучшения имперской почвы.

В 1890-е Киплинг написал четыре большие книги, посвященные теме воспитания: «Книга Джунглей» (1894), «Отважные капитаны» (1897), «Сталки и компания» (1899) и «Ким» (который не был опубликован до 1901 г.). Киплинг пытался представить свое видение перемен, свою картину идеальной образовательной программы для имперского служащего и идеальных новых взаимоотношений офицера в подчиненной ему стране.

Превосходство британцев могло быть укреплено с пересмотром имперской программы воспитания. Вместо того, чтобы отправлять их в авторитарное общество (в Англию), англоиндиец должен вырасти в Индии и быть открытым обществу подчиненных ему людей, и тогда будущие колонизаторы будут избавлены от уродовавшего их чувства собственной неадекватности, от страха перед своими подчиненными.

Новые герои Р. Киплинга имели преимущества благодаря этой новой модели обучения. Они показаны как предприимчивые, склонные к приключениям молодые люди, часто очень обаятельные, что резко контрастировало с полными отчаяния героями ранних рассказов. Но чтобы создать ситуацию, в которой новая программа воспитания могла бы работать, ему пришлось корректировать реалии социальных отношений и историческую ситуацию в Индии. Это уводило его все дальше от мрачного и яркого реализма ранних работ, все глубже в мир фантазии. Он агитировал за созданный им идеальный образ правителя – белого человека, рожденного и выросшего в Индии, который требовал индивидуальной автономии, несовместимой с системой прежнего имперского господства.

Это путешествие в мир фантазии началось с «Книги джунглей» (1894), в которой животные ведут себя как люди, а

⁴⁴ Orwell G. Op. cit. P. 72.

индийский мальчике становится их правителем. В книге излагалась новая концепция имперского образования и правления, так как функции Маугли по отношению к животным представлялись Киплингу аналогичными функциям британцев по отношению к индийцам. Маугли живет на границе двух сообществ, черпая необходимое ему с обеих сторон. Это Р. Киплинг и считал правильным и полезным.

Новый герой рассказов Р. Киплинга 1890-х годов – европеец, рожденный в Индии, привязанный к индийскому сообществу не менее, чем Маугли был привязан к миру джунглей. Это спокойный и уверенный человек, что делало его более привлекательным, чем нервных, одолеваемых проблемами и страстями героев ранних рассказов, но и более идеально-сказочным. Как считал один из известных исследователей творчества Киплинга Джон МакКлур, новые герои несли в себе заряд собственного превосходства, осуждения системы, что угрожало разрушить основы существовавшего имперского правления. Они – те самые европейские колонисты, которые в таких странах, как Родезия и Алжир, боролись против имперских властей и делали это во имя сохранения Империи⁴⁵.

Первый рассказ, где появился новый герой, – «Сын своего отца», опубликованный в 1893 г. Рассказ начинается с сообщения о том, что у Стрикленда и его жены родился сын Адам – «первый среди людей в его маленьком мире»⁴⁶. Почти сразу действие переносится в лагерь индийских полицейских, подчиненных Стрикленда, которые обсуждают рождение ребенка, выявляя две ключевые проблемы: образование, которое получит мальчик, и состояние Империи, которую он унаследует. Все соглашаются, что из англичан, рожденных в самой Индии, выходят самые сильные управленцы, но расходятся во мнениях по поводу будущего Британской Империи. Один полицейский считает, что британцы теряют контроль; к тому времени, как Адам вырастет, настаивает он, «уже не будет больше англичан на этой земле... Даже сейчас они спрашивают разрешения у клерков и низкорожденных людей, продолжать ли им свое правление»⁴⁷.

Индийские полицейские полагают, что дети, вскормленные индийскими женщинами, как Маугли волчицей, «становятся той же крови, что и мы» и приобретают «двойную мудрость». Это

⁴⁵ См.: MacClure J.A. Kipling and Conrad, the Colonial Fiction. P. 64.

⁴⁶ Kipling R. The Son of His Father // Day's Work. Part I. L., 1898. P. 277.

⁴⁷ Ibid. P. 279.

делает их одновременно и более чуткими к подчиненному им народу, и лучшими правителями: «Когда он станет полицейским офицером», говорит один из индийцев об Адаме, «это будет плохо для воров». Есть и другие несомненные преимущества, так как ребенок, рожденный в Индии, растет в атмосфере безопасности и почитания, в которой естественно развивается инстинкт к управлению, в отличие от колониальных чиновников из Англии, у которых желание управлять и подавлять других людей развивалось как компенсация за переживаемые страх и бессилие. Адам ребенком наслаждается на микрокосмическом уровне самой сутью имперской мечты: «Но когда ноги стали расти под ним, он обнаружил, что, преодолев гигантское препятствие – три фута разрушенной глиняной стены в конце сада – он мог войти в реальное королевство, где каждый был его рабом». В отличие от сверстников, рожденных в Англии, такие дети вели себя как правители Империи с того момента, как начинали ходить. Внутри полицейского участка, где часто бывал Адам, он был одновременно и ребенком, и старшим, как и Маугли в джунглях. Полицейские образуют «круг добрых лиц и сильных рук», чтобы защитить его от зла, но они склоняются «до земли перед ним»⁴⁸ из уважения к его расовому превосходству.

Образование воспитывает в нем уверенность в себе и культурную симбиозность. Он принимает как должное то, что он по рождению превосходит членов управляемого им общества. Даже имя Адам выбрано не случайно и подчеркивает эту симбиозность. Один индийский полицейский принимает его имя за индийское: «Они называли его Адам, а не челюстевыворачивающим английским именем: Ad-daam»⁴⁹. Как и Маугли, Адам будет чувствовать себя дома в обоих мирах.

Но одновременно Киплинг замечает, что такое воспитание, как у Адама, могло бы угрожать имперскому правлению, хотя, на первый взгляд, кажется, укрепляло его. Основной конфликт «Сына своего отца» не между Адамом и индийцами, а между Адамом и его отцом. Писатель пришел к выводу, что дети, воспитанные с чувством превосходства, становились непокорными служащими. Укрепление их положения угрожало власти их отцов и прежним понятиям о могуществе самой метрополии.

Отклик Р. Киплинга на эту опасность в «Сыне своего отца» противоречив. Стрикленд, с одной стороны, восхищался уве-

⁴⁸ *Ibid.* P. 277, 278, 279, 282, 283.

⁴⁹ *Ibid.* P. 280.

ренностью, хитростью и знаниями сына. Но, с другой стороны, опасался его независимости и непокорности. Бунт Адама вызвал немедленную реакцию со стороны родителей: «Стрикленд долго совещался со своей женой, а она – с их чековой книжкой и их скудным банковским счетом, и они решили, что Адам должен отправиться “домой” к его тетям». «Дом» – это то место, куда и сам Стрикленд был отослан, чтобы его колониальные замашки «были выбиты... мокрым полотенцем в Харроу»⁵⁰. Отец посылал сына обратно в Англию, чтобы сломить его.

Но какова же позиция самого автора? Поддерживал ли он решение Стрикленда? Хотя рассказ и не дает определенного ответа, представляется, что отношение Р. Киплинга к официальной программе такое, что он скорее готов противостоять ей. Сам Стрикленд не очень радовался перспективе отправить сына из дома. Что касается индийцев, они одобряли его поведение: они считали его понятия о чести, соответствовавшими его статусу. (Излюбленная тема Киплинга о том, что туземцы поддерживают и одобряют *правильную* власть) Самому Киплингу нравились бунт и месть мальчика, и он, хотя и в скрытой форме, подспудно, между строк, рисовал борьбу за автономию от английской власти и дисциплины. Но лишь в романе «Ким» он начал открыто защищать отмену отправки детей для обучения в Англию.

Роман «Ким» считается самым значительным произведением Киплинга, фактически единственным удачным из крупных. В романе продолжалось обсуждение исключительно волновавшей Р. Киплинга темы об идеальном англо-индийце – правителе Индии. Ким – последний в ряду попыток Р. Киплинга создать такой образ после Маугли и Адама. Как Маугли и Адам, Ким был свободен от уз своей настоящей семьи и стал «Маленьким Дружком Всего Мира» и «сыном» для «половины Индии»⁵¹.

Сюжет «Кима» перекликается с «Книгой Джунглей» и, в меньшей степени, с «Сыном своего отца». Как и герои этих рассказов и в отличие от большинства англо-индийских детей, Ким был выброшен не в британский мир авторитаризма, враждебного ребенку, а в как будто для него созданное королевство Индии. Потеря родителей, которая исключила его из обособленного мира имперского сообщества, спасла его от давления этого сообщества и вынесла в самый центр его родины – Индии. Как Маугли и Адам, Ким вошел в этот мир в качестве при-

⁵⁰ Ibid. P. 284, 291–292.

⁵¹ Kipling R. Kim. L.: Macmillan, n.d., pp. 4, 405.

вилегированного представителя высшей расы. Его вскоре окружили готовые защитить отцы: Махбуб Али, Лама, полковник Крейтон. С их помощью Ким становился мудрее, свободнее, увереннее. В результате он был подготовлен занять свое место среди имперской элиты британской секретной службы. Чтобы обогатить образ Кима, Киплинг наделил его чертами и умениями, не свойственными белому человеку. Как Маугли и Адам, он становится первым из нового племени.

Р. Киплинг, несомненно, поддерживал идею, что управлять Индией должны те, кто по-настоящему ее знает. В романе решался вопрос, оставшийся без ответа в «Сыне своего отца». Идея о герое, рожденном в Индии, впервые представленная в более ранних произведениях, теперь претерпела заключительную метаморфозу и переросла в идею «рожденного и воспитанного в Индии». Появился герой, который получил все воспитание в индийской среде. Ким уже не одинок. Он встретил молодых людей, получивших похожее воспитание в школе Святого Ксавьера, и одобрил их образ жизни:

«Ким наблюдал, слушал и одобрял. Это не был скучный, ограниченный по словарному запасу разговор английских мальчиков-барабанщиков. Это касалось жизни, которую он знал и частично понимал. Атмосфера подходила ему»⁵². Истории, которые слышал от них Ким, показывали, что жизнь английских детей в Индии порождает по-настоящему близкое знание страны. «Там были пятнадцатилетние мальчишки, которым довелось провести полтора дня на острове посредине вышедшей из берегов реки... Там был мальчик, который рассказывал (и никто не сомневался в его словах), что помогал своему отцу отбить, стреляя из винтовки с веранды, нападение акасов в те дни, когда эти головорезы нагло нападали на уединенные плантации»⁵³.

Р. Киплинг хотел, чтобы и мы одобрили этих мальчиков и осознали их превосходство над служителями Империи, рожденными и воспитанными в Англии. Именно эти люди должны были управлять Индией. Ким критически воспринимал возвращенных Англией имперских чиновников.

Молодой компаньон-мучитель Кима во время его короткого пребывания с ирландским полком – яркий пример таких империалистов: «Он не интересовался ни одним базаром, которые были недалеко от лагеря. Он называл всех туземцев «неграми», и хотя слуги и метельщики называли его в лицо отвратительными именами, он, обманутый их

⁵² Ibid. P. 177.

⁵³ Ibid. P. 176.

показной почитательностью, ничего не понимал»⁵⁴. Невежество усугубляло одиночество. Тот же самый мальчик-барабанщик говорил Киму, и все английские солдаты были согласны с этим, что «в этой цветущей Индии ты будто сбежавший заключенный»⁵⁵.

Воспитанные в Англии, полагал Киплинг, вели иссушавшую жизнь в самом центре индийского жизненного потока, успех обеспечен тем англо-индийцам, которые родились и вырастали в Индии. В то же время преимущество Кима О'Хары заключалось и в его глубоком знании своего отличия от индийцев вокруг него. С самого начала романа он знал о своей особой судьбе (у него был амулет и будущее ему предсказали). Он не такой, как мальчишки вокруг него. Позднее он яснее осознает то, что он сахиб, белый человек. И где бы он ни был, всегда находится кто-то, чтобы напомнить ему, что он на самом деле сахиб, со всеми правами и привилегиями своего особого положения.

Некоторые характерные черты, несомненно, отличали его от азиата. Так ему был присущ «страх белого человека перед змеями», который «не могло подавить никакое воспитание», а когда он злился, он наступал на противника: «Там, где туземец затаился бы, белая кровь Кима поднимала его на ноги». В то же время его позы и манеры были подсознательно восточные: он сидел на корточках, «как умеют делать только местные», и предпочитал есть, повернувшись спиной к окружавшим, как это делали азиаты⁵⁶. Воплощение киплинговского идеала – синтез черт британца и туземца – характерно для Кима.

В романе видна особенность восприятия Индии Киплингом и другими преданными ей англо-индийцами. Индия – страна Кима, и если он и подобные ему соотечественники не покинут индийские земли, это значит, что они никогда не дадут этому народу быть свободным и британское владычество в Индии будет вечным. Плохо знавший Индию герой ранних рассказов, по крайней мере, не планировал оставаться в Индии навечно. Рожденный и воспитанный в Индии англо-индеец считал ее своим домом. Он должен управлять Индией, а не индийцы, – так формируется основная идея Киплинга. Для Кима Индия – рай, полный гармонии. Она не лишена опасностей, но лишь в той степени, чтобы жить было не скучно таким, как Ким. В остальном страна, которую Киплинг ранее называл «домом мучений» и сравнивал с адом, теперь опи-

⁵⁴ Ibid. P. 150

⁵⁵ Ibid. P. 145.

⁵⁶ Ibid. P. 61, 62, 63, 65, 143.

сана как «великий спокойный мир», «великая и прекрасная земля», «благодатный Восток»⁵⁷. Во многом такая трансформация естественна, так как Ким не простой англо-индеец, а тот самый возвращенный индийской средой герой, для которого Индия – родной дом, а не иностранная тюрьма. В определенной степени эта гармония являлась результатом игры воображения, так как Киплинг просто не включал в свою картину Индии все то, что усложняло жизнь в его время любому колонизатору, независимо от того, где он воспитывался. Двух таких социальных сил нет в «Киме»: имперской администрации и набиравшей силу национальной буржуазии, которые в ранних рассказах появлялись в качестве объектов для раздражения и гнева. Административная иерархия в романе присутствовала только условно, в виде нескольких упоминаний о ее тупости, а единственный индеец с западным образованием Хури-Чандер Мукерджи – талантливый шпион, мечтавший стать членом Королевского Общества.

Все враги Кима жили за пределами Британской Индии. Внутри нее все было мирно и спокойно. В реальности было по-другому. Вряд ли можно поверить, что взгляды Киплинга изменились после написания множества рассказов, в которых сурово критиковался национализм. Просто Киплинг проигнорировал историю, силы, изменявшие индийское общество. «Ким» приобрел необыкновенную атмосферу именно благодаря искусственному истреблению его вечных врагов. Он делал это, фокусируя внимание лишь на одной стороне исторического процесса. Однако такой подход был характерен не только для Р. Киплинга. Не замечать перемен, назревавших в колониальных обществах, стремились все, кто ощущал кризис имперской власти. Как говорил лорд Солсбери: «Что бы ни случилось, это будет к худшему, и в наших интересах, чтобы случалось всего как можно меньше»⁵⁸.

Таким образом, можно сказать, что в «Киме» Р. Киплинг дал идеализированное, очищенное от многих реалий представление об Индии и англо-индийцах. Роман Киплинга – мечта британского империалиста о спокойной, устоявшейся, вечной власти Британии над Индией. Мечта, рожденная тогда, когда внимательный наблюдатель уже мог видеть первые признаки будущего падения Империи.

⁵⁷ Ibid. P. 57, 193, 346.

⁵⁸ Цит. по: Porter B. The Lion's Share: A Short History of British Imperialism, 1850–1983. L., 1984. P. 153.

Е.А. Чиглинецв (Казань)

СПАРТАК: ГЕРОЙ БЕЗ БИОГРАФИИ?

В античной истории, как, впрочем, и в истории любой другой эпохи, есть персонажи, жизненный путь которых может быть восстановлен буквально по дням, а иногда – и часам. Материалы для биографии таких людей начинали собираться еще при их жизни, часто – при их деятельном участии, а затем десятилетиями и столетиями их жизненные перипетии реконструировались и актуализировались, становясь предметом рецепции все новых и новых поколений. Однако и в очень отдаленные, и в близкие к нам времена есть герои, фактическая сторона жизни которых остается на периферии интереса современников и потомков, уступая первенство оформившемуся в массовом сознании образу, образу-символу, образу-знаку. И тогда вместо биографической традиции мы вынуждены иметь дело с традицией образа, а интересующий нас персонаж становится героем без биографии. Среди подобных героев, дошедших от античности – Спартак, гладиатор-фракиец, предводитель одного из самых известных восстаний рабов в античном мире (73–71 гг. до н.э.).

В античной исторической традиции сложился определенный образ Спартака. Говорить о его достоверности очень сложно, но и близкие современники, и далекие по времени античные авторы нарисовали его в целом весьма выразительно. При этом можно утверждать о существовании уже в античности двух направлений: одно положено в основу у Ливия (Орозия и Евтропия), Флора, Саллюстия и Плутарха; другое – у Аппиана. Специально исследовавшая эти материалы С.И. Протасова приходит к выводу о большей правдоподобности более раннего – первого – направления традиции. Правда, вывод этот касается лишь исследования маршрутов войска Спартака. А вот более реальная характеристика самого Спартака дается именно Аппианом¹.

¹ См.: Протасова С.И. Античная традиция о Спартаковском восстании. Маршруты Спартака и личность вождя (74–71 гг. до н.э.) // Учен. зап.

Сведения о личности Спартака у Плутарха и Аппиана могут быть определены соответственно, как «психологический портрет» и «биографическая справка».

Плутарх: «...Спартак, фракиец, происходивший из племени медов, – человек, не только отличавшийся выдающейся отвагой и физической силой, но по уму и мягкости характера стоявший выше своего положения и вообще более походивший на эллина, чем можно было ожидать от человека его племени» (Plut. Crass., VIII. Пер. В. Петуховой). С другой стороны, Аппиан о фракийце Спартаке пишет так: «Он раньше воевал с римлянами, попал в плен и был продан в гладиаторы. Спартак уговорил около семидесяти своих товарищей пойти на риск ради свободы, указывая им, что это лучше, чем рисковать своей жизнью в театре. ... так как Спартак делился добычей поровну со всеми, то скоро у него собралось множество народа... У Вариния даже коня отнял сам Спартак» (App. B.C., I, 116. Пер. С.А. Жебелева). В тех же «Гражданских войнах» описываются некоторые подробности деятельности Спартака-предводителя, такие как принесение в жертву пленных (I, 117.), казни пленных (I, 117; 119) и другие, позволяющие представить некоторые черты характера фракийца и его качества военачальника и героя (I, 120). Аппиан уделяет большое внимание описанию серьезных военных действий, предпринятых Крассом против восставших (I, 118). И при этом Спартака-гладиатора он называет «человеком, не имевшим никакого значения» (App. Mithr., 109. Пер. С.П. Кондратьева).

Определенное внимание фигуре Спартака уделили и профессиональные историки XIX века. Их подходы обобщены в историографическом обзоре А.В. Мишулина: он указывает на очень важные черты некоторых работ, от которых отталкивается формирование образа Спартака в последующей художественной традиции нового и новейшего времени. Так, в первой монографии о Спартаке, написанной А.Г. Мейсснером в 1793 г., он обнаружил и первую идеализацию облика Спартака, который «дается им как благородный герой; он противопоставляется надменному, эгоистическому и кровожадному Риму»². А в обобщающем римскую историю труде Т. Моммзена А.В. Мишулин

МГУ. Вып. 143. М., 1950. С. 27–42. См. также: ВДИ, 1951, № 4. С. 137. Составной частью научных исследований, посвященных вопросу о существовании еще с античности двух традиций в освещении восстания Спартака, является и вопрос о возможных античных источниках, не известных нам, но лежавших в основе каждой традиции. См. об этом: Коржева К.П. Восстание Спартака в советской историографии // Вопросы истории. 1974. № 10. С. 125.

² См.: Мишулин А.В. Спартак. М., 1947. С. 126.

усматривает стремление автора развести, с одной стороны, Спартака, который, по мнению немецкого историка, возможно, происходил из «благородного рода Спартокидов», пользовавшегося во Фракии и Пантикапее царскими почестями, и, с другой – восставших, шайку разбойников-рабов, атаманом которых и был Спартак³. Политическим вождем в борьбе за освобождение многочисленных римских рабов показывает Спартака, по мнению А.В. Мишулина, В. Друман, который, правда, не утруждает себя научным обоснованием своих взглядов⁴.

Интересно, что никто из историков не обратил внимания на существование уже в середине XIX в. еще одного взгляда на восстание Спартака, а именно, взгляда Анри Валлона, автора «Истории рабства в античном мире»⁵. Его оригинальность определяется самим предметом исследований и собственной концепцией истории античного рабства французского историка и общественного деятеля. Валлон утверждает, что рабство развращающе действовало на все общество, но особенно – на рабов-гладиаторов, которые хорошо видели всю роскошь римской жизни, но не имели к ней доступа. Накопленные обиды ждали появления человека «более закаленного», соединявшего «огромную физическую силу с такими душевными качествами, которые очаровывают и покоряют людей», в том числе сюда же нужно отнести и таинственные предсказания, о которых сообщил Плутарх⁶. Стремление к роскоши и толкало восставших на то, чтобы остаться в Италии, а Спартак после победоносных сражений вынужден был терпеливо ждать пока его люди насытятся грабежами, поскольку в противном случае происходил раскол, как это было с Криксом⁷. В противовес Т. Моммзену, А. Валлон все же не отделяет Спартака от других восставших, считая, что роль вождя на его долю выпала случайно⁸.

³ Там же. С. 129–130; 132. Действительно, Т. Моммзен не называет восставших иначе, чем «разбойники» и «шайка», а Спартака – «замечательным человеком», одержавшим «блестящие победы», но не сумевшим обуздать «кровавые вакханалии» рабов-победителей во время захвата городов. – Моммзен Т. История Рима. Т. III. С. 58–61.

⁴ Там же. С. 132.

⁵ Любопытно, что даже упоминающий труд Анри Валлона польский историк Р. Каменик использует из него лишь данные о состоянии рабства. – Kamienik. R. Studia nad powstaniem Spartacusa. Lublin, 1984.

⁶ Валлон А. История рабства в античном мире. М., 1941. С. 424.

⁷ Там же. С. 425.

⁸ Там же. С. 424.

Наблюдается и рецепция образа Спартака в политической мысли, литературе и искусстве, словом, в культуре нового времени. Советский историк А.В. Мишулин одним из первых задался вопросом: «Когда именно активизировались общественные настроения вокруг имени Спартака?» и предложил периодизацию таких обращений, выделяя три периода в XVIII–XIX вв., а вехами обозначив Великую Французскую революцию и революции 1848 г. в Европе⁹.

Одним из самых первых обращений к образу Спартака стала довольно известная трагедия француза Бернара Жозефа Сорена «Спартак»¹⁰, которая была впервые представлена в феврале 1760 г., неоднократно переиздавалась и ставилась на сценах многих европейских столиц¹¹. Конечно, образ Спартака выдержан в традициях жанра. Поэтому к нему все обращаются как к «сеньору», его любит дочь Красса Эмилия, а Спартак и Красс, как два персонажа-антипода трагедии, на авансцене обмениваются длинными монологами. В одном из первых звучит мысль героя, так или иначе повторяющаяся затем во многих местах, вплоть до заключительного монолога: «Большие сердца созданы лишь для того, чтобы любить славу»¹², что представляется попыткой определить доминанту личности Спартака.

В Европе конца XVIII века это произведение привлекло к себе широкое внимание. «Глубокое содержание и художественная отделанность заставили Вольтера сказать об этом произведении, что «оно сработано в мастерской великого Корнеля». Образ Спартака в трагедии Сорена произвел большое впечатление на Лессинга, который все время мечтал написать большое произведение на эту тему»¹³. Возможно, не так уж и далек был от истины Карл Маркс, когда назвал деятелей великой Французской революции, выросших на идеях Просвещения, «гладиаторами буржуазного общества»¹⁴.

⁹ См.: Мишулин А.В. Цит. соч. С. 134–139. В связи с этим немецкий (ГДР) историк Ригоберт Гюнтер подчеркивал значение исторического примера Спартака для антифеодального движения XVIII–XIX веков. См.: Günther R. Der Aufstand des Spartacus. 3. Aufl. B., 1984. S. 7.

¹⁰ Saurin B.J. Spartacus: tragedie. P., 1769.

¹¹ См.: Мишулин А.В. Цит. соч. С. 135.

¹² Saurin B.J. Op. cit. P. 9; 18; 72.

¹³ Мишулин А.В. Указ. соч. С. 135.

¹⁴ Маркс К. Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 120.

Похожая ассоциация могла возникнуть и в представлениях самого Лессинга, учитывая и его эстетический идеал: «Идеал Лессинга – «человек-герой», сочетающий естественную человечность, полноту и силу чувства с верностью голосу убеждения и долга, негодующий против притеснений и смело вступающий в борьбу с ними»¹⁵. Вот откуда такой неподдельный интерес к фигуре гладиатора Спартака. «Дошедшие до нас отрывки показывают, насколько Лессинг увлекался этой темой и на какую высоту он поднимал фракийского героя. В одном письме к Рамлеру от 1770 г. Лессинг пишет, что только его герой мог смотреть на Рим и весь тогдашний мир глазами мудро политического деятеля и прозорливого философа»¹⁶.

Современная историография во всем разнообразии представляет примеры художественного освоения образа Спартака в западноевропейской культуре XIX в.¹⁷ Меньше сведений о существовании подобной традиции и в Восточной Европе. Между тем, образ Спартака встречается в XIX в. в польской поэзии, в произведениях Норвида и Ленартовича¹⁸, в чешской литературе¹⁹.

Начало третьего периода развития общественного интереса к образу Спартака в Европе А.В. Мишулин относит к 1870-м годам, связывая с появлением романа Р. Джованьоли: «В художественной литературе Западной Европы этот роман является как бы завершением всей предшествующей литературы о Спартаке (драм, трагедий, романов)»²⁰.

¹⁵ Фридлендер Г.М. «Лаокоон» Лессинга // *Лессинг Г.Э. Лаокоон или о границах живописи и поэзии*. М., 1957. С. 43.

¹⁶ Мишулин А.В. Указ. соч. С. 135. См. также: Ридль Ф. Лессинг и античность в свете нашего времени // *Лессинг и современность*. М., 1981. С. 188.

¹⁷ См.: Мишулин А.В. Указ. соч. С. 136–137; *Antiquitas X (Acta universitatis wratslavitensis)*. Wroclav, 1983. P. 63–65; van Hooff A. *De vonk van Spartacus: het voortleven van een antiike rebel*. Nijmegen, 1993. P. 64–67.

¹⁸ См. об этом: *Antiquitas X...* P. 67–71.

¹⁹ См. об этом: Oliva P., Olivova V. *Spartacus. Povstání Spartakovo a spartakovská tradice*. Praha, 1960. S. 132–134.

²⁰ «От своих предшественников роман Джованьоли выгодно отличается большой исторической достоверностью. Надо отдать должное автору: его обширные знания в области древней литературы не подлежат сомнению. Благодаря этому ему удалось избежать тех исторических промахов, которые столь обычны у других авторов» (Мишулин А.В. Указ. соч. С. 137–138). Очень интересна, на мой взгляд, попытка Сильвии Риккарди рассмотреть роман Р. Джованьоли в ряду итальянских исследований и исторических романов, посвященных античному

«Спартак» Джованьоли с множеством домысленных биографических деталей на долгие десятилетия определил в массовом сознании представления о вожде самого мощного восстания рабов-гладиаторов в древности и о перипетиях его биографии. Что же касается профессиональной историографии, то именно прошедший XX век стал временем пристального исследования и восстания, и фигуры Спартака. И здесь первенство, бесспорно, принадлежит нашим соотечественникам²¹.

В подходах советских историков хорошо видно влияние социокультурной и политической ситуации. Не случайно израильский историк В.З. Рубинзон для демонстрации того, как антиковедение в Советском Союзе использовалось в партийно-пропагандистских целях, выбрал именно процесс изучения в СССР истории восстания под руководством Спартака, который «на протяжении всей советской истории... оставался в глазах народа фигурой легендарной»²². Однако основное внимание исследователи обращали именно на перипетии самого восстания, а не на личность и биографию Спартака. В силу специфики источникового материала вопросы жизнеописания предводителя восстания рабов ставились в исторических исследованиях лишь фрагментарно²³. Среди них – вопрос о происхождении Спартака²⁴; вопрос о его организаторских способностях и военном искусстве, который неизбежно смыкается с дискуссией об этническом составе восставших²⁵. Зато общественный интерес к этой личности и наличие стойкой легендарной традиции приводят к

рабству. См.: *Riccardi S. Die Erforschung der antiken Sklaverei in Italien vom Risorgimento bis Ettore Ciccotti. Stuttgart, 1997. S. 164–166.*

²¹ См. об этом подробнее: *Колобова К.М. Восстания рабов в античном обществе V–I вв. до н.э. (историографический очерк) // Проблемы всеобщей истории. Л., 1967. С. 5–28; Коржева К.П. Цит. соч. С. 118–134.*

²² *Рубинзон В.З. Муза Клио на службе КПСС. Заметки историка // Время и мы. Нью-Йорк, 1990. № 109. С. 162. См. также: Rubinsohn W.Z. Spartacus' uprising and Soviet historical writing. Oxford, 1987.*

²³ К сожалению, единственная работа, в названии которой фигурирует слово «биография» (*Вейцківський І.І. До біографії Спартака*), опубликованная в 1971 г. в Вестнике Львовского университета, пока осталась для меня недоступной.

²⁴ См.: *Коржева К.П. Указ. соч. С. 126; 128. Новейшую попытку предложить на этот счет свою гипотезу см.: Крыкин С.М. Еще раз о происхождении Спартака // Studia historica. Вып. 1. М., 2001. С. 62–72.*

²⁵ См.: *Коржева К.П. Указ. соч. С. 128–132. Из более поздних работ см.: Халдеев В.В. Проблемы стратегии восстания Спартака // Terra Antiqua balcanica. Vol. II. София, 1985. С. 177–185.*

огромному разнообразию гипотетических биографических построений о Спартаке в сфере художественного творчества.

Под воздействием советской историографии интерес к истории спартаковского восстания проявили в середине и второй половине XX века исследователи разных стран²⁶. И если П. Олива (Чехословакия) или Д. Тудор (Румыния)²⁷ предлагали просто обзор событий спартаковского восстания, то болгарские авторы особенно активно разрабатывали начальный период жизни Спартака, стремясь реконструировать события, происшедшие на территории Фракии. В противовес этому А. Гуарино пытается «демифологизировать» Спартака настолько, что даже имя его не считает индивидуальным, предлагая воспринимать его как типичное прозвище для фракийцев-гладиаторов²⁸. Ж.П. Бриссон рисует образ Спартака в совершенно традиционных выражениях на фоне довольно подробного описания состояния рабства в Риме²⁹. К. Брэдли идет с другого конца (по пути А. Валлона), рассматривая восстание Спартака в рамках своей концепции рабства³⁰.

Историки весьма часто обращаются также к чисто символическому использованию фигуры Спартака и того выступления, которое он возглавил. Характерен пример японского марксиста М. Дои, который находит аналогии между освободительной войной Спартака и войной во Вьетнаме, активно полемизируя с Ж.П. Бриссоном по вопросу о размахе восстания и его месте в истории Рима³¹.

Романтический образ героя привлекал в XX веке внимание людей, придерживающихся диаметрально противоположных политических и идеологических взглядов. Он часто выступал как

²⁶ Обзор зарубежной историографии см.: *Danov G.M. Zur Geschichte des Spartacusaufstandes // Spartacus: Symposium rebus Spartaci gestis dedicatum 2050 A. Blagoevgrad, 20–24. IX. 1977. Sofia, 1981. S. 9–13.*

²⁷ *Oliva P., Olivova V. Op. cit. P. 77–113; Tudor D. Rscoola lui Spartacus. Bucureti, 1963.*

²⁸ *Guarino A. Spartaco: Analisi di un mito. Napoli, 1979. (См. об этом: Ляпустина Е.В. Послесловие // Хефлинг Г. Римляне, рабы, гладиаторы. Спартак у ворот Рима. М., 1992. С. 260.*

²⁹ См.: *Brisson J.P. Spartacus. Paris, 1969. P. 207.*

³⁰ *Bradley K.A. Slavery and Rebellion in the Roman World, 140 B.C. – 70 B.C. Bloomington – Indianapolis, 1988. P. 83–101.*

³¹ См. об этом: *Попова-Милева С. Относительно трудов профессора Масаоки Дои о восстании Спартака // Spartacus: Symposium...1977. С. 28–33; ВДИ. 1984, № 4. С. 171.*

символ мужества и героизма в борьбе за свободу не только в политических практиках, но и в художественной сфере.

Так, в 1903 г. издается вольный пересказ в стихах на русском языке романа Джованьоли в виде драмы «Спартак» некоей Елизаветы Гадмер. Финал драмы должен продемонстрировать идейный смысл образа вождя гладиаторов:

Спартак:	«Дадим в завет грядущим поколениям Пример борьбы своей неутомимой И нашего духовного единства! В наследье им, товарищи, оставим Столь дорогое нам свободы зная, Что кровью мы свою обагрили...»
Гладиаторы:	«Победа или смерть! Смерть лучше рабства!...» ³²

В XX века выходит и небольшая брошюра «Спартак» в серии «Народное право», рассчитанной на читателя из народных низов. Ее автор, некто Е.И. Боголюбов, уделив довольно большое внимание обстановке в Риме конца республики (правда, без ссылок на какие-либо источники), подводит читателя к выводу о готовности гладиаторов к борьбе за свободу. «Недоставало только человека, который объединил бы всех рабов в их стремлениях и повел бы их стройными рядами против притеснителей»³³. А далее в совершенно романтическом ключе описываются привлекательная наружность (вплоть до голубых глаз и светлой бороды), физическая сила и огромный ум Спартака.

«Внутренние качества Спартака вполне соответствовали его прекрасной наружности;... честная душа его не выносила никакой несправедливости; всех людей он считал равными, и деление на рабов и свободных было для него непонятно и возмутительно... Если к этому прибавить поразительную энергию и увлекательный дар слова, в котором проглядывало все благородство души Спартака, то станет понятно, как обаятельно действовала его личность даже на его врагов»³⁴. Рисуя совершенно необыкновенную личность, автор противопоставляет ее массе восставших, которые по несколько дней после очередной победы предавались безудержному веселью, зато не были в состоянии «охватить своим умственным взором» все условия восстания и понять замыслы Спартака³⁵. Очень пафосен финал брошюры, где говорится о том, что образ этого необыкновен-

³² Голова Е.С. Спартак (вождь гладиаторов). Драма в 5 действиях и 14 картинах Елизаветы Гадмер. СПб., 1903. С. 218–219.

³³ Боголюбов Е.И. Спартак. М., 1906. С. 17.

³⁴ Там же. С. 18.

³⁵ Там же. С. 36; 38–39.

ного человека вдохновлял и будет вдохновлять «новых Спартаков на смелую борьбу за униженных и угнетенных братьев»³⁶.

Я намеренно не выяснял ни политической направленности этих изданий или их авторов, ни их судьбы, поскольку в данном случае это не имеет никакого значения: образ героя сложился, а биографические детали вполне домысливаются в соответствии с романтическими наклонностями автора. И все это используется так, как требует ситуация. Яркое свидетельство тому – образ Спартака, который создавался коммунистической и социал-демократической пропагандой в 1920–30-е годы, не только в нашей стране, но и в странах Европы³⁷.

³⁶ Там же. С. 43.

³⁷ Особо следует сказать о пласте пропагандистской литературы, вышедшей в связи с деятельностью немецких коммунистов в годы Первой мировой войны и Ноябрьской революции в Германии. «Группа...», а затем «Союз Спартака», ставшие основой компартии Германии, выпустили материалы, рассказывающие о целях и задачах организации. И если для Р. Люксембург античный Спартак уже стал просто символом, знаком настолько, что она не считает нужным даже упомянуть о жившем некогда прототипе (*Luxemburg, Rosa. Le programme communiste. Suivi de «Que veut l'Union de Spartacus?»*. P., 1922), то ее шведский товарищ все-таки начинает с упоминания античного героя, подчеркивая, что имя это стало весьма актуальным в годы Первой мировой войны (См.: *Höglund Z. Vad vill Spartacus? Stookholm, 1919. S. 3*). Появление этого движения в Европе вызвало к жизни и специальные публикации, посвященные Спартаку и восстанию, связанному с его именем. Так в Венгрии, а потом и в Советской России появилась небольшая книжечка Белы Иллеша, беллетристический пересказавшего ход восстания, без ссылок на источники, но с большим количеством упоминаний типа «Спартак знал...», «Спартак чувствовал...» и т.п. (См. *Иллеш Б. Спартак*. Орел, 1924). В самой Германии даже академическая наука откликнулась популяризаторской публикацией Вильгельма Гартвига, в предисловии к которой в качестве повода к изданию подчеркивается существование «революционной радикалистской группы» с именем Спартака (См.: *Hartvig W., Stelzer K. Spartacus und der gladiatorenkrieg 73–71 v. Chr. Leipzig, 1919. S. 3*), а в 1921 г. немецкий писатель-социалист Р. Леонард, участник событий 1918–19 гг., опубликовал «Спартак-сонет» (См. об этом: *Jähne A. Spartacus. Kampf der Sklaven*. В., 1986. S. 178). Последним отзвуком пропагандистской шумихи вокруг образа Спартака стала книжка Ф. Ридли, который посвятил ее памяти Р. Люксембург и К. Либкнехта, всего немецкого «Спартака» 1919 года. А нарисовал он картину единой системы революций от древности до нового времени и создал мысленный пантеон революционных освободителей, погибших за человечество, обозначив крайними вехами Спартака и Розу Люксембург. (См.: *Ridley F.A. Spartacus. A study in revolutionary history*. L., 1944).

По Джованьоли создает образ Спартака Ц.С. Гуревич, подчеркивая, что это «не вымысел, а действительное происшествие... сохранившее и до сих пор самый живой интерес»³⁸. И далее упор делается на качества военного предводителя и необыкновенного человека, что позволяет в финале книги назвать Спартака «не только лучшим полководцем, но и лучшим человеком того времени»³⁹.

Яркую пропагандистскую направленность имеет одноактная пьеса Вл. Мазуркевича, изданная Политотделом Седьмой Красной армии. Для автора свобода, о которой постоянно высказываются главный герой и его сторонники, связана с пролетарской революцией⁴⁰. И заключительный монолог Спартака выдержан в том же духе:

«О как больно, как обидно умереть, не закончив своего дела. Но оно не погибло... Слушайте! Придет день, и во всем мире восстанут все угнетенные... против своих притеснителей... Они разрушат старый мир, снесут все преграды и на обломках гнилого прошлого создадут новый мир, светлый и радостный, где все люди будут равны, где будет царить свобода и братство. И я знаю, я чувствую, что мое имя не умрет. Все, кто борется за свободу, за лучшее будущее человечества, поместят на своем знамени одно только слово и это слово будет – «Спартак»⁴¹.

Претензией на художественное освоение материала можно считать опубликованную в 1921 г. В.М. Волькенштейном трагедию «Спартак», которая даже была поставлена в Театре революции. Спартак и его сторонники говорят стихами, все остальные – прозой. Здесь уже полководческие амбиции Спартака доведены до абсурда, поскольку на полном серьезе автор приписывает фракийцу размышления о примере Александра Македонского:

«Все вперед его вела победа.
Вот его прямой азийский путь,
Македонца знаменитый путь»⁴².

³⁸ Гуревич Ц.С. Спартак – предводитель римских гладиаторов. Пг. 1918. С. 4.

³⁹ Там же. С. 142.

⁴⁰ Мазуркевич Вл. Спартак (Восстание рабов в Риме) / Пьеса в одном действии. Пг., 1920. С. 6; 8–9; 17.

⁴¹ Там же. С. 22.

⁴² Волькенштейн В.М. Спартак. Трагедия. М., 1921. С. 52.

В трагедии Волькенштейна причудливо соединяются требования жанра, как это было, например, у Сорена, и характерные черты современных автору революционно-пропагандистских идей. Так, соратники обращаются к нему не иначе как «наш великий вождь», «знаменитый наш военачальник», «наш первый вождь», «любимый наш трибун»⁴³, но когда молодая римлянка Юлия пытается утверждать, что он – победитель Рима, подобный Ганнибалу, то ответ Спартака поражает однозначностью: «Я один из множества рабов»⁴⁴. При этом он осознает особую историческую роль, но не себя лично, а своего класса, вызывая у читателя и зрителя соответствующие аллюзии:

«... за нами
Тысячи и тьмы – весь этот мир
Загнанных в оковы, оскорбленных,
Новой жизни жаждущих рабов.
Мы им бросили призыв свободы –
И они идут, идут за нами»⁴⁵.

Заканчивается трагедия тоже очень общим лозунгом:

«Слава!..
Слава бойцу!
В жизни
И в смерти –
Слава!»⁴⁶

В отличие от трагедии Волькенштейна сочинение некоего А. Михайлова несло откровенную пропагандистскую и воспитательную окраску. Да и издавалось оно неоднократно – то в серии Библиотеки пионера «Великие борцы и мятежники», то в серии «Беседы у костра». Пересказав в очень примитивном виде события восстания по Джованьоли, автор заканчивает призывом к юным революционерам:

«Пионер, готовясь вступить в ряды борющегося пролетариата, помни о первом борце за освобождение угнетенных, о доблестном Спартаке. Пусть его героизм и самопожертвование будут для тебя примером!»⁴⁷

⁴³ Там же. С. 58–59; 62; 67; 80–81.

⁴⁴ Там же. С. 63.

⁴⁵ Там же. С. 56.

⁴⁶ Там же. С. 141.

⁴⁷ Михайлов А. Спартак. М. – Л., 1924. С. 41. Совершенно в том же духе выдержана и брошюра для «юных Спартаков», написанная известным Харьковским антиковедом профессором Е.Г. Кагаровым. См.: Кагаров Е.Г. Спартак, его жизнь и борьба. Харьков, 1924.

Конечно, образ Спартака в указанных переложениях Джованьоли видоизменялся, освобождался от «лишних» черт. В частности, активно изымалась совершенно необходимая для беллетристического биографического повествования, но абсолютно вымышленная, линия его любовных отношений со знатной римлянкой. Именно за этот сюжетный поворот образ Спартака, созданный Джованьоли, не был принят таким известным советским автором исторических сочинений, как писатель Василий Ян. Ответственный секретарь Комиссии по литературному наследству В. Яна, его сын М.В. Янчевецкий, в примечаниях к первому тому собрания сочинений (1989 г.) приводит отрывки из сохранившихся в архиве писателя набросков статей начала 1930-х годов, в которых В. Ян размышляет об образе Спартака у Джованьоли. Он отталкивается от известного письма Д. Гарибальди, адресованного в 1870 г. Р. Джованьоли, в котором итальянский бунтарь сравнивает образ Спартака у автора романа с Христом-искупителем рабов⁴⁸. В. Ян развивает эту мысль:

«Историческая ценность романа Джованьоли относительная, так как Спартак выведен не тем суровым, могучим фракийцем..., каким он был по описаниям ...римских историков, а именно «Христом рабов», который, как романтический рыцарь, то и дело краснеет, и бледнеет, и плачет, и одновременно с великим делом освобождения рабов занят любовными чувствами к Валерии...». А дальше еще более суровое заявление: «Пытаться выводить такие необычайные, героические фигуры в виде счастливых или страдающих любовников – это значит снижать и опошлять их образы»⁴⁹.

В. Ян, как заметил он сам, «отчасти в противовес роману Р. Джованьоли», написал о Спартаке небольшую историческую повесть, которая была вызвана к жизни исполнившимся в 1927–29 гг. двухтысячелетием восстания рабов в Риме. Этот юбилей, как сетует писатель, прошел незамеченным многочисленными обществами, кружками, заводами, носящими имя «гениального фракийца»⁵⁰. Отметая, со ссылкой на древних авторов, вымышленные сюжетные линии романа Джованьоли, В. Ян, в то же время, сам обедняет образ Спартака, социологизирует его. Нельзя не согласиться с мнением, высказанным по этому поводу

⁴⁸ Письмо опубликовано в издании: *Джованьоли Р. Спартак*. Л.: Молодая гвардия, 1947.

⁴⁹ См.: *Ян В. Собр. соч.* В 4-х тт. Т. 1. М., 1989. С. 558.

⁵⁰ Там же. С. 557. См. также *Ян В. Как издан «Спартак»* // Книга – молодежи. 1932. № 5.

А.И. Немировским: «...В. Ян в отличие от современных авторов фантастических биографий Спартака не пытается домыслить его фракийскую юность и не делает его знатоком всей греко-латинской литературы», но и не выделяет его из рядов гладиаторов, в том числе, не обращая внимания на замечание Плутарха о том, что Спартак был похож на эллина, что означало по тем временам и душевную тонкость, и образованность⁵¹.

Замечание А.И. Немировского по поводу фантастических биографий Спартака весьма показательно. Действительно, каждая попытка дать жизнеописание вождя рабов оборачивается просто-напросто исторической беллетристикой, как бы ни старался автор опираться на все содержание античной традиции. В этом отношении показателен пример трех биографических повествований, вышедших в разные годы на русском языке.

Первым стал перевод французской повести М. Оливье, изданный с предисловием Анри Барбюса в 1930 г. Как раз автор предисловия и настраивает читателя на то, что перед нами «в полном смысле слова история», при этом Спартаку приписывается гениальное провидение «иной социальной организации»⁵². Сам же М. Оливье, хотя и ссылается постоянно на мнения античных источников и современных историков, позволяет себе домысливать некоторые детали. Так, он наделяет Спартака «орлиным взором», а в лагерь восставших собирает представителей всех человеческих рас, весело перекликающихся друг с другом на всех языках земного шара⁵³. Второе издание вышло в серии ЖЗЛ, которая специализировалась в советское время на дидактических биографиях для молодежи. Обращаясь к личности Спартака, к обстоятельствам его жизни⁵⁴, сочинитель делает столько допусков, не основанных на источниках, что даже весьма доброжелательно настроенный автор послесловия проф. В.И. Кузищин специально останавливается на тех моментах, которые могут вызвать у читателя сомнение⁵⁵. Наконец, уже на излете советской эпохи появился небольшой биографический очерк в сборнике, выполнявшем весьма специфическую задачу – рассказать о жизни и деятельности выдающихся революционе-

⁵¹ См.: *Немировский А.И.* Античный цикл В. Яна // Ян В. Собр. соч. Т. 1. М., 1989. С. 552/

⁵² *Оливье М.* Спартак. М. – Л., 1930. С. 3; 6.

⁵³ Там же. С. 57; 72.

⁵⁴ *Лесков В.* Спартак. М., 1983. С. 262–268.

⁵⁵ См.: Там же. С. 374.

ров и общественных деятелей, которым согласно декрету Ленина предполагалось поставить памятники в Москве и других городах Советской России. Среди 21 биографии – биография Спартака, в которой с уверенностью говорится и о его фракийском происхождении, и о военной службе в римских вспомогательных войсках, и о «ячейках заговорщиков», созданных им в различных частях Южной Италии, и вполне однозначно трактуется обстоятельство гибели на основании мало достоверной фрески из Помпей, введенной в научный оборот в 1927 г.⁵⁶

Таким образом, всякий автор, пытавшийся написать популярную биографию Спартака в виде традиционного нарратива, оказывается заложником сложившегося стереотипа образа-символа, образа-знака. В этом отношении, в значительно более выигрышном положении пребывают деятели искусства, обратившиеся к трактовке именно образа Спартака, а не его биографии, хотя внешне это часто выглядит именно как попытка жизнеописания, но средствами пластики или кино.

Интересно, что именно В. Ян стал либреттистом трех пластических постановок на тему Спартака, которые, правда, остались незавершенными по независящим от писателя причинам. Так, в 1930-х годах худсовет Большого театра одобрил либретто балета «Спартак», предложив написать музыку корифеям – Мясковскому, Шостаковичу, Кабалевскому. Затем в Тбилиси В. Ян стал соавтором балетного либретто для театра оперы и балета и автором либретто пантомимы в театре К.А. Марджанишвили⁵⁷. А вскоре появилась гениальная музыка Арама Хачатуряна и новые либретто балета.

«Спартак» А.И. Хачатуряна (по сценарию Н. Волкова) – один из самых известных и значительных спектаклей советского балета. Восстание Спартака привлекало внимание Арама Хачатуряна с юношеского возраста. А уже написав музыку балета, композитор так отзывался о своем детище:

«Мужественные борцы за мир и свободу выдвигают из своей среды героев, которые во многом напоминали величественный образ Спартака, вождя древних повстанцев, именно поэтому тема Спартака так трогает и волнует, и я буду глубоко счастлив, если балет найдет отклик в сердцах советских зрителей»⁵⁸.

⁵⁶ См.: Валовой Д.В., Валовая М.Д., Лапшина Г.Е. Держновение. М., 1991. С. 16–26.

⁵⁷ См.: Ян В. Собр. соч. Т. 1. М., 1989. С. 558.

⁵⁸ Тигранов Г. Балеты А. Хачатуряна. Л., 1974. С. 83.

Основная тема балета – борьба Спартака против рабства, стремление дать угнетенным право на свободу и самостоятельную жизнь – звучала актуально и без какой-либо нарочитой и ненужной модернизации сюжета. Восстание и образ его вождя, которые давали богатый материал для художественного поиска, постановки нравственных, мировоззренческих вопросов, приобрели в музыке Хачатуряна общечеловеческое звучание. Свое слово в трактовку образа народного героя Спартака внесли следовавшие за этим три постановки балета в Ленинграде и Москве (Леонид Якобсон в Кировском театре в 1956 г., в Большом театре – Игорь Моисеев в 1958 г. и Юрий Григорович в 1968 г.).

Однако в либретто первых двух постановок изначально заложен был «нетанцевальный» образ Спартака, главная роль отводилась внешним данным героя – огромному росту, невероятной физической силе (вспомним Плутарха!). Следуя духу либретто, композитор, а затем и балетмейстер решали сцены с участием главного героя в статуарно-пантомимическом ключе⁵⁹. Создание образа Спартака средствами танца стало главным открытием постановки Ю. Григоровича, ключом к новому драматическому решению спектакля.

С помощью авторов фотоальбома, посвященного творчеству Ю.Н. Григоровича, вспомним, как появляется в балете Спартак: он возникает, вырастает из группы склонившихся рабов. Он – представитель массы, он выражает ее дух и настроение, он является носителем ее страстей и мыслей. Судьбу народа он чувствует как свою личную судьбу. А пламенная, проникнутая неистовым стремлением к свободе картина, рисующая нам рождение бунта? Композиция построена на пластических переключках индивидуального и общего танца, движения переходят от солиста к массе, от массы к солисту, развиваются по линии возрастающей виртуозности, составляя целостную картину, где отдельные чувства и страсти слиты в единый порыв коллективный. Спартак тут – корифей хора, без которого он не герой, не вождь, не избранник истории⁶⁰.

Таким образом, образ Спартака, освобожденный от примитивного пересказа перипетий жизни, предлагает зрителю такие глубокие и разносторонние ассоциации, которые в письменном тексте вызывают возражения как недостоверные и вы-

⁵⁹ См., например: Советская музыка. 1962. № 9. С. 52–53.

⁶⁰ См.: Юрий Григорович: Фотоальбом. М., 1987. С. 188.

мышленные. И в этой ситуации образ Спартака приобретает философское звучание. Однако это предложение адресовано зрителю элитному. Массовому же зрителю тоже предлагается парафраз биографии Спартака, но сделанный уже средствами другого искусства – кино.

Февраль 2001 года. Берлин. Международный кинофестиваль. «Золотой медведь» за выдающийся вклад в мировой кинематограф вручается американскому актеру Кёрку Дугласу. Как пример его творческой удачи показывается фильм «Спартак» (режиссер Стенли Кубрик), исполнение заглавной роли в котором принесло актеру всемирную известность.

В своем интервью еще во время X Московского международного фестиваля Кёрк Дуглас сказал:

«...мне очень нравится и роль Спартака, – впрочем, и фильм в целом. Ибо это картина о революции, о революционере. Спартак, при всем его революционном духе, потерпел поражение. Эта роль нравится мне еще и потому, что герой отличается от тех злых, отрицательных людей, роли которых мне так много довелось играть. ...Спартак же относится к героям положительным – смелым, отважным, – проще говоря, героическим, и это интересно по-другому»⁶¹.

Однако симпатии самого актера к своему герою и внимание зрителей никак не могут компенсировать некоторые стереотипные для массовой культуры искажения образа, ибо сама драматургия построена так, «что уже ничьи усилия не в состоянии предотвратить искаженное восприятие его с экрана»⁶². А.В. Кукаркин попытался доказать тенденциозность фильма, анализируя «некоторые отступления от исторической правды»:

По фильму (а в основе его – роман Говарда Фаста), Спартак с детства был рабом и случайно стал гладиатором, а на самом деле он был воином, боролся с римлянами, вторгшимися в его страну, попал в плен и стал одним из самых грозных гладиаторов. В фильме он случайно остается в живых на арене и случайно становится предводителем восстания гладиаторов, так как мало чем отличается от других невежественных и темных рабов. «История же рисует нам куда более возвышенный облик этого народного вождя античного мира. Он славился не только необыкновенной отвагой, но и боевым искусством, редким природным умом, талантом великолепного организатора масс. Спартак тщательно готовил восстание; преуспев в

⁶¹ Кёрк Дуглас: «Каждый фильм – часть жизни...». Записал М. Лесовой // Экран. 1976–1977. М., 1978. С. 235.

⁶² Кукаркин А.В. Буржуазная массовая культура. Теории. Идеи. Разновидности. Образцы. М., 1978. С. 286.

этом, он затем создал дисциплинированную, мощную армию... Экранный Спартак так и не смог превратить в профессиональную армию подчиненные ему необученные орды. Мученический конец Спартака на кресте воспринимается как логический апофеоз его мученической жизни. Такой Спартак достоин сочувствия, но не восхищения, он вызывает даже жалость, но отнюдь не преклонение. Орел страстотерпца уничтожает всякий намек на образец для подражания. Что ж, ведь Спартак был «всего лишь» раб. И фильм Голливуда о нем – это не героика народного восстания или революции, а скорее миф о роке, о судьбе, о предопределении»⁶³.

Интересно восприятие этого фильма и образа Спартака простыми советскими людьми: это – «красивая сказка в одежде исторического фильма», сделанная «в традициях голливудского крепкого ремесла, рассчитанного на умелое вовлечение зрительских сердец в соучастие, эмоциональное сопереживание герою»⁶⁴. Зрители очень эмоционально реагировали на фильм. «Подобные «шедевры» рассчитаны на невежественного американского обывателя, который примет что угодно, лишь бы побольше кровавых зрелищ. ... Плакать надо, что «они», а не «мы» поставили художественный фильм о Спартаке», – пишет один из зрителей, студент-историк. Ему вторит другой зритель: «Почему... у нас нет своего такого фильма?... Как прекрасно увидеть своими глазами людей, которые в первом веке до нашей эры стремились к свободе, к равноправию. [...] Знаю и мнение многих друзей и знакомых о фильме. Все восхищены. Главным образом прекрасным показом на экране стремления к справедливой жизни»⁶⁵.

Таким образом, историческая достоверность биографических сведений, которой пренебрегают деятели искусств в расчете на эмоциональное и ассоциативное восприятие жизни и личности Спартака, в полной мере компенсируется жизнеспособностью традиционной символической, знаковой нагрузки, что делает героя без биографии героем миллионов и миллионов человеческих судеб.

⁶³ Кукаркин А.В. Буржуазная массовая культура... С. 286–287.

⁶⁴ Нечай О.Ф. О вкусах спорят: Зарубежные фильмы на наших экранах. Минск, 1986. С. 26.

⁶⁵ Там же. С. 28, 30.

МЫСЛИТЕЛИ И ПОЛИТИКИ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В.С. Ленская

ПЛАТОН, АФИНСКИЙ АРИСТОКРАТ

В настоящей статье делается попытка рассмотреть Платона как представителя аристократически мыслящей части общества. Я постараюсь определить круг общения Платона, а также показать как это окружение влияло на формирование его личности.

Как известно, по происхождению Платон – один из самых знатных афинян. Род Платона (и по отцовской и по материнской линиям) по традиции возводился к царям Меланту и Кодру, что прямо или косвенно зафиксировано в источниках (DL.III.1; *Apul.Dogm.Plat.1*; *Olymp.In Platonis Alc. Comm.2.17-21*). Сам Платон упоминает о своей родословной лишь однажды, но в совершенно ином контексте¹; никаких генеалогических штудий в работах Платона мы не встречаем². Однако свою родословную Платон, безусловно, знал. Сохранилось свидетельство Апулея (опиравшегося на данные Спевсиппа, племянника философа) о том, что будучи юношей, Платон носил золотую серьгу – знак благородного происхождения (*Apul.Dogm.Plat.IV*). Платон упоминает о семьях, которые гордились «списками в двадцать пять предков» (*Theaet.174e*), о юношах, которые спорили, чей род знатней (*Lys.207c*), и мы можем предполагать, что подобные генеалогические таблицы составлялись и в его семье.

Платон получил образование, типичное для юного аристократа, – учился грамоте у Дионисия (DL.III.4³), в школе которого обучались сыновья знатных родителей, занимался гимнастикой

¹ См.: *Tim.20e*, где Критий, возможно, родной дядя Платона, вспоминает о своем деде, который якобы беседовал с Солоном.

² Это вполне объяснимо – философия Платона слишком велика, чтобы останавливаться на таких несущественных для нее вопросах, несущественных, впрочем, для любого философа.

³ Сам Диоген Лазертский ссылается на принадлежащий платоновской школе диалог «Соперники» 132а.

у борца Аристона из Аргоса и даже, по словам одних, выступал борцом на Истмийских играх (DL.III.5), по словам других, побеждал в Олимпии и Немеях (Anonym.Proleg.2), учился музыке, живописи (ibid.), философии – сначала у софистов, затем у Сократа. Будучи юношей, Платон участвовал в олигархическом заговоре, руководимом его дядей Критием (404 г.), или, по крайней мере, сочувствовал ему – так, в VII письме он вспоминает об этом перевороте и его лидерах:

«Некоторые из них были моими родственниками и хорошими знакомыми. Они тотчас же стали приглашать к себе и меня, считая это для меня вполне подходящим делом. Я же, будучи молод, не видел во всем этом ничего необычного. Ведь я был убежден, что они отвратят государство от несправедливости и, обратив его к справедливому образу жизни, сумеют его упорядочить и потому с большим интересом наблюдал за ними: что они будут делать?» (Ep.VII.234)⁴.

Окружение Платона было, по преимуществу, аристократическим и другим быть не могло. Серьезной философией, философией как предметом «высшего образования», могли заниматься только люди обеспеченные, имевшие досуг и достаточную начальную подготовку – а таковыми были именно аристократы. Сам Платон простодушно пишет об этом:

«Так поступают особенно те, у кого больше возможностей, а больше возможностей у тех, кто богаче. Их сыновья, начав ходить к учителям с самого раннего детства, позже всех перестают учиться» (Protag. 326c),

и далее – о философии как «благородном занятии»:

Вероятно, если сравнить тех юношей, которые толкаются в судах и тому подобных местах, с теми, что проводят время в философии и ученых беседах, то воспитание первых будет рабским перед свободным воспитанием вторых (Theaet.172d).

Это не исключало, конечно, возможностей попадания в школу Сократа или Платона богатых ремесленников или торговцев⁵, однако, попав в аристократическую среду, они неизбежно должны были адаптироваться в ней. Происхождение ни в коем случае не влияло на подбор учеников и на поло-

⁴ В ходе взросления и становления Платона как философа все эти «детали» его жизни отойдут на задний план, но никогда не потеряют своего значения окончательно – следы происхождения наложат свой отпечаток на всю философию Платона и приведут к написанию его заключительных трудов – «Законов» и «Государства».

⁵ В качестве примера можно привести имена керамейца Павсания из «Протагора» или богатого афинянина Пифодора, также проживавшего в Керамике, из «Парменида».

жение в школе; но для нас не может остаться незамеченным факт преобладания среди собеседников Сократа людей аристократического происхождения, подсознательно придавших этому учению «ауру» аристократизма.

Кто же входил в окружение Платона? В первую очередь, обратим внимание на тех, кого упоминает сам Платон в своих диалогах. Это его родственники, представители рода Кодридов – дядя Хармид и Критий⁶, братья Адимант и Главкон, сводный брат Антифонт, племянник Спевсипп. Все они (кроме Спевсиппа) были учениками Сократа и выведены Платоном в качестве участников диалогов. Собеседниками Сократа становятся также Алкивиад (Alc.I,II); Клиний, сын Аксиоха, двоюродный брат Алкивиада (Eutid.); Мелесий, сын Фукидида (политика) и Фукидид, сын Мелесия (Lach., Pheag.), известные своей приверженностью аристократической партии; знаменитый Никий, сын Никерата, и Никерат, сын Никия (Lach., Resp.); Лисимах, сын Аристиды, героя греко-персидских войн, и Аристид, сын Лисиимаха (Lach., Pheag.); Гермоген, сын Гиппоника, брат известного богача Каллия из рода Кериков и сын Каллия Протарх (Kratil., Phileb.); Андрон, сын Андروتiona, участник олигархического переворота 411 г. (Protag.); Адимант, сын Левколофида, стратег, противник демократии (Ibid.); Парал и Ксантипп – сыновья Перикла (Ibid.). Все это известные исторические персонажи, многих из которых Платон, в силу возраста, мог не знать лично, однако считал людьми «своего круга». Кроме того, неизвестные, но «просто» родовитые афиняне – Демодок и его сыновья Феаг и Парал (Pheag.), Лисид, сын Демократа и его друг Менексен, сын Демофонта (Lys., Menex.); Филиппид, сын Филомела (Protag.). Вся эта «золотая молодежь», афинская элита, сгруппировавшаяся вокруг Сократа, как бы компенсировала тягу «уличного философа» ко всему «наилучшему» – *ἀριστα*, тягу, вряд ли осознаваемую им самим, но явно ощутимую. И, напротив, Сократ привлекал молодых аристократов «духовным аристократизмом», так что в нем более, чем в софистах, платных мастерах своего ремесла, они видели учителя жизни, ибо известно, что «подобное любезно подобному» (Plato.Leg.716c)⁷.

⁶ Любопытно, что на Платона никак не повлияло негативное общественное мнение о его дяде Критии, лидере тридцати олигархов, которого Ксенофонт характеризует как жестокого и кровожадного тирана (Xen.Mem.I.24-39).

⁷ Ф.Ф. Зелинский делит учеников Сократа на две группы – одни видели в нем учителя жизни, другие – вождя на пути философских иска-

Далее, среди близких друзей Платона мы видим двух незаурядных жителей великой Греции, философа-пифагорейца, аристократа Архита (о нем речь ниже) и знатного сицилийца, придворного сиракузского двора Диона. Участие Платона в жизни аристократического сиракузского общества – отдельная страница биографии Платона. Несмотря на свою отстраненность от политической жизни Афин, Платон, безусловно, вовсе не был философом-затворником, чуждым политике – и это также можно объяснить его аристократическим происхождением. Уже упоминалось о его сочувствии олигархическому перевороту 404 г.; но переворот этот разочаровал молодого философа своей страшной жестокостью. Платон отходит от активного участия в политической жизни Афин, объясняя это следующим образом:

«Ведь наше государство уже не жило по обычаям и привычкам наших отцов, найти же других, новых людей так запросто невозможно. Писанные законы и нравы поразительно извратились и пали, так что у меня, вначале исполненного рвения к занятию общественными делами, когда я смотрел на это и видел, как все пошло вразброд, в конце концов потемнело в глазах. Но я не переставал размышлять, каким путем может произойти улучшение нравов и особенно всего государственного устройства; что же касается моей деятельности, я решил выждать подходящего случая...» (Ер.VII.325de).

Подходящий случай представился в Сицилии, где во время первого путешествия Платон сблизился с Дионом, родственником сиракузского тирана Дионисия Старшего. Взаимоотношения Платона с сиракузской знатью, о которых мы знаем из его писем, явились попыткой философа спроецировать на практику уже оформившиеся взгляды на государственное управление и законы, попыткой смоделировать аристократическое государство там, где, как ему казалось, это еще было возможно сделать и где, как оказалось, это было сделать нереально. Параллельно с его второй и третьей поездками было написано «Государство», в котором еще проводится мысль о возможности и необходимости власти философов – большую роль здесь, как будет показано ниже, сыграл пифагореец и государственный деятель Архит, также привлеченный Платоном к деятельности по переустройству сиракузского двора (Ер.VII.338с, 339d). И, наконец, потерпев крах в своей политической деятельности, Платон пишет «Законы», модель строго регламентированного государства. Консер-

ний. Основная масса молодых аристократов принадлежала, конечно, к первой группе. См.: Зелинский Ф.Ф. Древнегреческая литература эпохи независимости. Ч. 1. 1919. С. 419.

ватизм, всегда в той или иной степени присущий аристократическому началу, нашел здесь свое наиболее полное воплощение.

В силу того, что в окружение Сократа и Платона входили, главным образом, люди благородного происхождения, корпус Платона является превосходным источником по изучению аристократического этоса. Несмотря на то, что в своих взглядах сам Платон уже очень далеко ушел от аристократической идеологии, «кое-что из области старинно-аристократической калокагатии у Платона все же проглядывает»⁸. Платон неоднократно указывает на происхождение собеседников Сократа, подчеркивая их знатность и благородство. Так, в «Хармиде», желая похвалить юного Хармида, будущего дядю Платона, Сократ произносит *laudatio* его рода и предкам:

«Думаю, никто из присутствующих здесь не смог бы легко указать, какие два афинских семейства, соединившись, естественно произвели бы на свет более доблестное и знатное потомство, чем те, из которых ты приходишь. Ведь по отцу твоя семья ведет свой род от Крития, сына Дропида, и прославлена Анакреонтом, Солоном и многими другими поэтами (так гласит предание) за свою красоту, добродетель и другие так называемые дары богов. И со стороны матери у тебя то же самое: никто на земле не слышет более красивы и статным мужем, чем дядя твой Пириламп, многократно ездивший послом к Великому царю и другим правителям; да и вся семья ни в чем не уступает никакому другому роду. Поэтому тебе, происходящему от таких людей, подобает во всем быть первым» (Charm. 157-158).

Другой пример – похвала юному Лисиду, сыну Демократа из дема Эксоны, которого Платон называет *καλὸς κάγαθός*:

«Весь город твердит о Демократе и Лисиде, дяде этого мальчика, а также обо всех его предках – их богатстве, конюшнях, о победах на Пифийских, Истмийских и Немейских играх на четырех конных колесницах и верхом – и вдобавок о еще более древних вещах... Ввиду своего родства с Гераклом один из предков Лисида (родившийся якобы от Зевса и дочери основателя его дема) принимал у себя героя» (Lys. 205cd).

Теория «врожденного благородства» была популярна в аристократической среде Афин, понятия «рода», «родовитости» сплошь и рядом встречаются у Платона, естественно, отражая бытовавшие среди аристократии взгляды.

«Ну, а родовитость (*εὐγένεια*), власть и почести у себя на родине – ясно ведь, что это блага?» (Eut. 279b). «С[ократ]. Вероятнее ли рож-

⁸ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М. 1994. С. 289.

дение более достойных натур в благородных родах или нет? (Πότερον εἰκὸς ἀμείνους γίγνεσθαι φύσει ἐν γενναίοις γένεσιν ἢ μή); Алкивиад]. Разумеется, для благородных родов это более вероятно. С[ократ]. Значит, благородные, если они к тому же и достойно воспитаны, будут обладать совершенной добродетелью (ἀρετή)? Алкивиад]. Это неизбежно» (Alc.I.120e).

Древний род, богатство, знатные и влиятельные родственники, доблесть предков – все эти составляющие и в демократических Афинах приносили аристократу славу и почет, о чем открыто пишет Платон. Алкивиад гордился и, по определению Платона, «чванился» своей знатностью:

«По твоему мнению, ты приходишь из самого отважного рода в своем городе, самом великом из греческих городов, и потому у тебя есть по отцу множество достойнейших друзей и сородичей, которые в случае нужды придут тебе на помощь и не меньшее число столь же достойных родственников по матери» (Alc.I.104b).

Выше уже говорилось, что знатные юноши нередко спорили о том, чей род знатнее (Lys.207c), некоторые семьи гордились «списками в 25 предков» и возводили свой род к Гераклу и Амфитриону (Theaet.174e) – такие роды, по выражению Платона, «воспевали». Вероятно, теория «природного превосходства» была *communis opinio* среди знати, и Платон, по рождению принадлежа к этой среде, отчасти разделял ее:

«С[ократ]. ...Если бы он от природы обладал достойной душой. А ведь именно таким ему подобает быть, Критий, раз он принадлежит к твоему семейству (οἰκία)? (Charm.154e). С[ократ]. Эти слова Адиманта меня тогда особенно порадовали, хотя я и всегда-то восхищался природными задатками его и Главкона. Вы и впрямь сыновья этого родителя...» (Resp.II.368a)⁹.

Правда, подобные рассуждения встречаются в основном в первый, «сократический» период творчества Платона; также и собеседники «первой группы» преобладают в ранних диалогах¹⁰; в дальнейшем (начиная с «Федра») Сократ беседует в основном с профессиональными философами (хотя и эти философы – пифагорейцы, «проаристократы» – о них речь ниже). Уже в «Меноне» Сократ пытается доказать собеседникам, что доблесть и добродетель нельзя ни передать по наследству, ни воспринять от другого. В качестве примера он приводит сыновей доблестных и знатных людей – Перикла, Фемистокла, Фукидида, сына Мелесия, которых отцы обучили «всему, что требует затрат на

⁹ Здесь речь идет о братьях Платона.

¹⁰ Согласно Зелинскому Ф.Ф.

обучение» (Мено.94d), но не смогли научить добродетели, потому что «обучиться этому, видно, нельзя» (ibid. 94ae) и «если нам достается добродетель, то достается по божественному уделу» (ibid. 100b); «Нет добродетели ни от природы, ни от учения, и если она кому достанется, то лишь по божественному уделу, помимо разума» (ibid. 99e).

Суждения «Менона» – очевидная эволюция взглядов Платона¹¹. И все же, отказавшись от некоторых традиционных аристократических идей (например, теории «врожденного благородства»), Платон сохраняет аристократический способ мышления – чтобы убедиться в этом, достаточно почитать его «Письма», «Государство» и «Законы».

Тяготение Платона к аристократическому идеалу выражено и в той особой роли, которую философ отводил Лакедемону и всему лакедемонскому. Так, в «Алкивиаде I» он обращает внимание на «рассудительность и скромность, ловкость и подвижность, а также на величавость, дисциплинированность, мужественность, воздержность, трудолюбие, честолюбие и стремление побеждать у лакедемонян» (Alc.I.122c); а в «Алкивиаде II»¹² имеются рассуждения о «молчаливом благочестии лакедемонян», благодаря которому их молитвы более угодны богам, чем несдержанные молитвы остальных эллинов (Alc.II.149ac); в «Протагоре» он восхищается благородным лаконским немногословием и мудростью, замечая, что все семь мудрецов были «ревнителями, любителями и последователями лаконского воспитания» (Protag. 342b-343c). В «Критоне» утверждается, что Сократ постоянно восхвалял благоустройство Лакедемона и Крита (Crit.52d)¹³. Повсюду мы встречаем похвалы Лакедемону в «Законах» (630de; 712c-713a etc.). Таким образом, вольно или невольно Платон поддерживает миф о спартанском «благородстве», распространенный в среде афинской аристократии, для которой лаконофильство стало одним из признаков «комильфо».

Известно, что если первая половина творчества Платона проходила «под знаком Сократа», то в дальнейшем огромное влияние на афинского философа оказало пифагорейство. Не-

¹¹ Диалоги «Горгий» и «Менон» относятся к переходному периоду в творчестве Платона.

¹² Несмотря на то, что подлинность диалога сомнительна, приведенные строки подтверждают сделанные здесь выводы.

¹³ О приверженности к спартанским порядкам Сократа см. Xen.Mem.III.5.14; IV.4.15.

трудно заметить, что оба учения – и пифагорейское, и платоновское – нашли поддержку и развивались именно в аристократических кругах, что позволяет предположить наличие общей неосознанной установки, невидимыми нитями связавшей обе философии. Сам Платон упоминает о пифагорейцах лишь несколько раз (Resp.530b, 531b, 600b), тем не менее, несомненно, что он был хорошо знаком с их учением и что оно оказало на него большое влияние. Так, согласно Апулею, «когда Сократ оставил людей, Платон в поисках наиболее совершенного учения обратился к пифагорейскому» (ApuI. Dogm.Plat.III). Из сочинения Диогена Лаэртского мы узнаем, что Платон ездил в Италию к пифагорейцам Филолаю и Эвриту (DL.III.6, по Олимпиодору – к Архиту (Olymp. In Platonis Alc. Comm. 2.91)), что в письме к Диону Платон просил купить у Филолая пифагорейские книги (DL.III.9, VIII.15, 84-85). Авл Геллий сообщает, что Тимон написал «полную злословия книгу... в которой он поносит философа Платона и обвиняет его в том, что он за большие деньги купил книгу с изложением пифагорейского учения и скроил из нее знаменитый диалог «Тимей» (Aul.Gell.III.17.4).

О подражательстве Платона Пифагору в «Тимее», видимо, много говорили, так как сведения о подобных обвинениях встречаются и у Диогена Лаэртского (DL.VIII.85), а в «Анонимных пролегоменах» даже приводится насмешливая эпиграмма неизвестного поэта:

Много денег Платон за малую выложил книгу
И, прочитав, принялся тимеософствовать он
(Anonym.Proleg.5).

Платон был хорошо знаком со многими пифагорейцами, например, с Архитом Тарентским – о нем речь ниже, с Амиклом и Клинием, которые, по словам Аристоксена, уговорили его не сжигать сочинения Демокрита, когда он хотел это сделать (DL.IX.40), с Архедемом, учеником Архита (Plato. Ep.II.310b), Архиппом и Филонидом (Ep.IX.357de).

Идеи, близкие пифагорейским, встречаем уже в «Горгии» и «Меноне»¹⁴; затем эти идеи развиты в «Федоне» и «Тимее», где собеседниками Сократа являются известные пифагорейцы Тимей, Эхекрат и ученики пифагорейца Филолая Кебет и Симмий. В «Федоне» Сократ упоминает о сокровенном учении, «величественном и очень глубоком» (Phaed.62b), под которым понима-

¹⁴ Эти диалоги датируются серединой 80-х гг., первое путешествие Платона в Италию и Сицилию состоялось в 389–387 гг.

ется учение пифагорейцев. Евсевий пишет, что Платон изучил философию Пифагора «глубже всех» (Eusev. Contr.Hieroccl.64)¹⁵.

Пифагор, как и Платон, был человеком знатного происхождения (Porph.VP.1; Iam.VP.2). Вернувшись из своих долгих путешествий и не ужившись на Самосе с Поликратом, он вынужден был уехать в Кротон; «но достигнув 40 лет – говорит Аристоксен – и видя, что тирания Поликрата слишком сурова, чтобы свободному человеку к лицу было бы терпеть деспотическое господство, он по этой самой причине уехал в Италию» (Porph.VP.9). В Кротоне он сумел расположить к себе горожан (Porph.VP.18; Iam.VP.37; Diod.X.3; Pomp.Trog.[Justin] XX.4.3), «сблизился с влиятельными людьми в полисах» (Iam.VP.88 со ссылкой на «последователей учения Пифагора») и, по словам Ямвлиха, объединил юношей «родом из семей влиятельных и выдающихся среди других достатком» (τῶν γενειῶστων οὐτῶν ἐκ τῶν ἐν τοῖς ἀξιώμασι καὶ ταῖς οὐσίαις προεχόντων) числом свыше 300, сформировавших ἐταίρεια (Iam.VP.254).

Диоген Лаэртский также упоминает о трехстах учениках Пифагора, которые «вели государственные дела так отменно, что поистине это была аристократия» οὖν τοῖς μαθηταῖς οἱ πρὸς τοῖς τριακοσίοις οὐτὲς ᾤκοῦντο ἀριστα τα πολιτικά ὥστε σχεδὸν ἀριστοκρατίαν εἶναι τὴν πολιτείαν (DL.VIII.3). Помпей Трог (в передаче Юстина) пишет о sodalicium трехсот молодых людей, сформировавших тайное общество и живших отдельно от других (Justin.XX.4.14).

Сообщество, созданное Пифагором, принято считать «аристократической гетерией»¹⁶, хотя, бесспорно, политические функции его были вторичны и это общество скорее можно назвать «религиозно-политическим объединением»¹⁷. Диоген Лаэртский называет правление пифагорейцев «аристократией» (DL.VIII.3); Ямвлих сообщает, что они «воздерживались от излишней близости к народу» (Iam.VP.129); Полибий пишет, что в результате разгрома пифагорейцев государства потеряли «своих знатнейших граждан» (Pol.II.39). Среди «проаристократических» деяний Пифагора можно назвать его совет кротонцам принять 500 сибаритских изгнанников из высшей знати (Diod.XII.9.2 со ссылкой на Эфора). Пифагорейцам, вероятно, удалось прийти к власти в Кротоне и некоторых других городах Южной Италии (Iam.VP.129, 249; Pol.II.39; Plut.Mor.583a;

¹⁵ О влиянии пифагорейского учения на философию Платона см. *Гуляров А.* Платон как исторический свидетель. Киев, 1891. С. 125–152; *Vogel C.* Pythagoras and early Pythagoreanism. Assen, 1966. P. 192–217; *Frank E.* Plato und die sogenannten Pythagoreer. Halle, 1923.

¹⁶ *Жмудь Л.Я.* Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. Спб, 1994. С.88–92; *Minar E.L.* Early pythagorean Politics in practice and theory. Baltimore, 1942.

¹⁷ *Burkert W.* Weisheit und Wissenschaft. Studien zu Pythagoras, Philolaos und Platon. Nürnberg, 1962. S. 185; *Макаров И.А.* Орфизм и греческое общество в VI–IV вв до н.э. // ВДИ. 1999. № 1. С. 17.

DL.VIII.3; Porph.VP.21, 59), но власть их продержалась недолго и пала в результате заговора Килона, о котором подробно рассказывают Ямвлих и Порфирий (Iam.VI.248; Porph.VP.21-22).

Не имея возможности и необходимости в данной статье обсуждать все вопросы, связанные с политической деятельностью пифагорейцев, остановлюсь лишь на некоторых моментах, имеющих отношение к аристократическому дуэту Пифагор – Платон. Многие исследователи считают Пифагора человеком с «сильными политическими амбициями» и даже приписывают ему стремление к тирании¹⁸. Однако все, что нам известно об этом философе, даже облеченное в форму легенд и явных фантазий (что, впрочем, только подтверждает величие этой фигуры) говорит в пользу того взгляда, что обыкновенное честолюбие и стремление к политической власти, характерные для других политических деятелей, Пифагору были чужды. Его непосредственное участие в политической борьбе не подтверждается ни одним источником.

Платон называет Пифагора *ἡγεμῶν παιδείας*; его последователи, – пишет он в «Государстве», – даже и до сих пор называют свой образ жизни пифагорейским (*βίος πυθαγορικός*) и явно выделяются среди других людей» (Resp.600b). Очевидно, определение Платона – *ἡγεμῶν παιδείας*, наставник юношества, наиболее точно характеризует основную функцию Пифагора.

Авторы, которых можно считать наиболее надежными, а именно Полибий и Помпей Трог, опиравшиеся на Тимея, историка Великой Греции второй половины IV в., и Диодор, писавший по данным Аристоксена, «тончайшего знатока старинной словесности» (Aul.Gell.IV.111)¹⁹, и Дикефала, учеников Аристотеля²⁰, сообщают не о политической активности Пифагора, а о его «социальной» миссии – религиозно-этических проповедях кротонскому населению (P.Trog [Justin] XX.4.3.; Diod.X.3; см. также Porph.VP.18; Iam.VP.37)²¹, проповедях двоякого рода – во-первых, всем кротонцам, включая женщин и детей, во-вторых, узкому кругу «молодых людей».

Вероятнее всего, и на Самосе, и в Кротоне Пифагор становится центром притяжения аристократической молодежи (что и могло послужить причиной неблагоприятного к нему отношения Поликрата в родном полисе); в определении характера этого аристократического сообщества во главе с Пифагором источники единодушны – Пифагор, прежде всего, был создателем «пифагорейского образа жизни»,

¹⁸ Жмудь Л.Я. Наука, философия и религия... С. 54; Minar E.L. Op. cit. P. 6; Макаров И.А. Орфизм и греческое общество... С. 16.

¹⁹ Перу Аристоксена принадлежали два сочинения, посвященных Пифагору – «Пифагорейские изречения» и «Пифагорейская жизнь», отрывки из которых можно найти у Ямвлиха и Стобея.

²⁰ Vogel C. Op. cit. P. 7–8.

²¹ Ibid. P. 60–69.

пифагорейского братства, проповедником, учителем-эзотериком, мистиком и лишь затем – политическим лидером.

Участие Пифагора в политической жизни, очевидно, имело те же цели, которые ставил перед собой Платон, когда сначала пытался оказать влияние на сиракузских тиранов Дионисия Старшего и Дионисия Младшего, чтобы «преобразовать тираническую власть в аристократическую» (*Olymp. In Platonis Alc. Comm.2.118*), а затем создал свою теорию «философа у власти»:

«... Человеческий род не избавится от зла до тех пор, пока истинно и правильно мыслящие философы не займут государственные должности или властители в государствах по какому-то божественному определению не станут подлинными философами» (*Ep.VII.326b*).

Вполне возможно, что зародыши этих идей Платон почерпнул из пифагорейского учения – особенно если вспомнить, что Дион, бывший посредником между Платоном и сиракузскими тиранами, был в то же время и посредником между Платоном и пифагорейским учением, покупая для него пифагорейские книги (*DL.VIII.84-85; Jam.VP.199*) – согласно Диогену, одна из них называлась «О государстве». Диоген пишет, что эту книгу написал сам Пифагор, Ямвлих считает, что она принадлежала перу Филолая (*DL.VIII.84-85; VIII.6-7*). Мы располагаем фиктивным письмом пифагорейца Архита, в котором среди других книг, якобы высланных Архитом Платону, называются сочинения Окелла, ученика Пифагора, «О царской власти» и «О законе» (*DL.VIII.80*). Несмотря на то, что письмо это, скорее всего, вымышленно, тем не менее, заглавия пифагорейских книг весьма показательны, более того, они очень напоминают заглавия поздних платоновских трудов – «Государство» и «Законы». Нам мало известно о том, какие принципы государственного устройства проповедовал Пифагор; до нас не дошло ничего, кроме отрывочных сведений о том, что пифагорейцы «убеждали людей оставаться верными отеческим нравам и законам, даже если они немного хуже других» (*Jam.176; Aristox. fr. 34Wehrli=Stob.IV.25*); что правители должны быть знающими и человеколюбивыми, а подчиненные покладистыми и любящими правителей (*Aristox. fr. 35 Wehrli=Stob.IV.1.49*); что Пифагор обозначал государственное устройство тремя линиями, образующими треугольник, стороны которого соотносятся как 5:4:3 (*VP.Jam.130* – Ямвлих пишет, что Платон присвоил себе эту мысль в «Государстве» (*VP.Jam.131*); что Пифагор был изобретателем всего государственного воспитания (*VP.Jam.130*). Всем этим пунктам – и положению о верности отеческим законам и отеческим нравам, и мысли о «знающих

и человеколюбивых правителях», и «покладистых подчиненных», и треугольнику, и теме государственного воспитания – можно найти аналогии в поздних трудах Платона.

Однако главное, что могло послужить Платону толчком для создания политической теории, было его знакомство с пифагорейцами-государственными деятелями и, прежде всего, с Архитом Тарентским (Plato. Ep.VII. passim). До нас дошло довольно много сведений о том, что Архит, «который был одновременно государственным деятелем и философом» (Athen.XII.519B) был удачливым политиком: Диоген сообщает, что он 7 раз избирался стратегом Тарента (DL.VIII.79); по словам Аристоксена, «как стратег он не знал поражений никогда» (Aristox. fr.48 Wehrli); Страбон пишет, что Архит стоял во главе государства длительное время и при нем тарентцы достигли исключительного могущества (Strab.VIc.280); у Суды читаем, что «он стоял во главе италийской лиги греческих городов» (Suda. Αρχύτας) – это могло иметь место во время войны италийцев против мессапов²².

Платон познакомился с Архитом во время первой своей поездки в Южную Италию (примерно в 388 г.)²³, встречался с ним и во время остальных двух поездок (Ep.7.338c, 7.350a). Точных сведений о том, когда Архит был у власти, не осталось, но, скорее всего, его правление можно отнести ко второй половине 60 гг. – именно в эти годы Платон совершил свои последние путешествия на Запад (66 и 61/60 гг.) и, как кажется из его VII письма, Архит был в это время в Таренте официальным лицом²⁴. Цицерон считает, что таких успехов Архит достиг после сближения с Платоном (Cic. De resp.I.10.16; Pseud. Dem.61.46), однако вероятнее всего взаимное влияние – Платон, восхищенный пифагорейцами, занимавшими высокие государственные должности, создает свою теорию «философа у власти»:

«Пока в государствах не будут царствовать философы, либо так называемые нынешние цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать и это не сольется воедино – государственная власть и философия, и пока не будут в обязательном порядке отстранены те люди... которые ныне стремятся порознь либо к власти, либо к философии, до тех пор государствам не избавиться от зол...» (Resp.473d).

²² Minar E.L. Op. cit. P. 89.

²³ Ibid. P. 92.

²⁴ Wuilleumier P. Tarente des origines à la conquête romaine. P., 1939. P. 69.

О взаимном влиянии свидетельствуют выдержки из сочинения Архита «О законе и справедливости», дошедшего до нас во фрагментах. Так, один пассаж гласит: «Закон и сильное государство должны сочетать разные элементы конституций; они должны иметь часть от демократии, часть от олигархии, часть от монархии и аристократии. Это мы видим в Лакедемонне: царская власть есть элемент монархии, gerontes – аристократии, эфоры – олигархии, ἵππαρχεῖται и κόροι – демократии» (Stob.Fl.4.1.134). Сравним с выдержкой из «Законов» Платона:

«...Размышляя о государственном устройстве Лакедемона, я не могу так вот сразу указать, к какому роду его следует причислить. Оно похоже даже на тиранию, так как власть эфоров в нем удивительно напоминает тираническую. А иной раз мне кажется, что моя родина похожа на самое демократическое из всех государств. В свою очередь было бы во всех отношениях странным не признать в ней аристократию. Впрочем, есть у нас и пожизненная царская власть...» (Leg.712de).

Сейчас трудно определить, был ли автором этой идеи «смешанного» государственного строя Архит или Платон: «Законы» написаны после смерти Архита, однако первые упоминания о таком «смешении» мы встречаем уже в «Государстве» (Resp.547c); кроме того, обмен письмами (Ep.LX.XII) и личные встречи позволяют предположить непрерывный обмен идеями. Правда, можно вспомнить о том, что, согласно Аристоксену, Пифагор утверждал, что ничто не существует в чистом виде и что государственное устройство сравнимо с треугольником, стороны которого соотносятся как 5:4:3 – в таком случае, пальму первенства следует отдать пифагорейцам; и все же это будет только гипотеза. Очевидно одно – в лице пифагорейца Архита Платон нашел человека близких ему взглядов.

Безусловно, немало Платон был наслышан о политической деятельности пифагорейца Тимея (род. ок. 490 г.), именем которого назвал один из своих диалогов – вот что он говорит о нем в этом диалоге устами Сократа:

«Остается порода вашего (т.е. пифагорейского – В.Л.) склада, от природы и благодаря воспитанию одновременно причастная тому и другому (т.е. философии и политике – В.Л.). Присутствующий здесь Тимей, уроженец благозаконнейшего города – Италийских Локр, состоянием и знатностью рода не уступающий никому из тамошних жителей, исполнял самые высокие и почетные должности в государстве и в то же время, по моему мнению, достиг вершины философии во всем ее объеме» (Tim.19e8).

Тимей жил в Локрах Италийских в сер. V в.; Локры славились своим законодательством, установленным учениками Пифагора Залевком и Харондом. О том, что Платон был знаком с этим законодательством, свидетельствует фрагмент из его «Законов», где прямо сказано, что Локры «слыгут за обладающих наилучшими в тех местах законами» (Leg.638b). Интересно, что диалог «Тимей» рождает множество ассоциаций – так, родной горд Тимея, Локры Италийские, ассоциируются с пифагорейцами-законодателями Залевком и Харондом, и здесь же единственный раз во всем творчестве Платона мы встречаемся с тонким намеком на родственную связь философа со знаменитым афинским законодателем Солоном (Tim.21bc). Очевидно, в лице пифагорейцев Платон нашел для себя образец идеального государственного деятеля, образец, который он искал, имея в подсознании пример своего великого предка – сначала среди родственников, приняв участие в олигархическом перевороте 404 г. под руководством своего дяди Крития, затем в Сиракузах, пытаясь вылепить фигуру «просвещенного тирана». Эти поиски были неудачны. Единомышленников он нашел среди пифагорейцев, под сильным влиянием которых были написаны его поздние труды «Государство» и «Законы».

И еще один момент, общий для Платона, Пифагора и его последователей в их аристократической тенденции – особое внимание к культу Аполлона.

Об Аполлоне должно было напоминать уже имя Пифагора, скорее всего, псевдоним, как и у Платона *Πυθίου ἀγορεύω* – «говорю устами Пифии». По другой версии, Пифагор был так назван, ибо рождение гениального младенца предсказала Пифия (Jam.VP.7). Очень быстро появились легенды о божественном происхождении Пифагора – так, некий поэт, уроженец Самоса, писал:

Фебу, Зевсову сыну, рожден Пифагор Пифаидой²⁵;
 Всех самиянок она превосходила красотой
 (Jam.VP.5; Porph.VP.2).

Некоторые наиболее ревностные поклонники сочинили даже легенду, согласно которой Пифагор и есть сам Аполлон (Jam. VP.30;133;177); также у Элиана читаем: «Аристотель говорит, что кротонцы звали Пифагора «Аполлоном Гиперборейским» (Ael.VH.II.26). В дальнейшем вся жизнь Пифагора ассоциировалась с этим богом, «с которым он был связан единой природой с самого рождения» (Jam.222,25,51-53,261). По словам Диогена Лаэртского, единственный алтарь, кото-

²⁵ Имя матери Пифагора, скорее всего, также вымышленное, от *αἶδω* – петь, по аналогии с *ἀγορεύω* – говорить.

рому он поклонялся, – это делосский алтарь Аполлона Родителя, ибо на нем приносились лишь безогненные жертвы (DL.VIII.13). Он же приводит насмешливые стихи Мнесимаха:

Мы Аполлона чтим пифагорически
В чем есть душа, того к столу не требуем
(DL.VIII.37)

Аристоксен утверждал, что большую часть этических воззрений Пифагор заимствовал у Фемистоклеи, дельфийской жрицы (DL.VIII.8). Плутарх, пытаясь дать разъяснение дельфийской надписи E, привлекает именно пифагорейское учение, что «является огромным доказательством исконной связи пифагорейства и мифологии Аполлона»²⁶.

Платон – другой известный поклонник Аполлона. Уже у Спевсиппа, племянника великого философа, на свидетельства которого опирались Диоген Лаэртский и Апулей, засвидетельствована версия, согласно которой отцом Платона был Аполлон, явившийся в мужском обличи к матери Платона Периктионе (DL.III.2; Apul.Dogm.Plat.I.1). В поздней Академии день рождения Платона отмечался 7 Таргелиона, день рождения самого Аполлона (Apollod.VP.1; Plut.Mor.717d; Anonym.Proleg.1). Диоген Лаэртский сочинил эпиграмму, в которой Платон упомянут как сын Аполлона, вместе с Асклепием, – Асклепий назван в ней целителем тела, Платон – души (DL.III.45; см. также Olymp.In Platonis Alc.Comm.2.166 – Олимпиодор считает эти стихи (слегка измененные) надгробной эпиграммой на могиле Платона). Академики (как и пифагорейцы – Jam.VP.261) поклонялись Музам, спутницам Аполлона (Paus.I.XXX.2; Anonym.Proleg.4). Очевидно, что платоновская школа была организована как частное культовое объединение (θίασος), имевшее в центре почитания культ муз²⁷. Интересен один пассаж в платоновском «Федоне», в котором Сократ прямо называет себя «рабом и служителем» Аполлона и сравнивает себя с лебедем – птицей, принадлежащей Аполлону (Phaed.85a-b). Поздние анонимные пролегомены к платоновской философии также называют Платона «служителем Аполлона», что «показывают не только сны, но и сам образ жизни его, направленный на очищение, ведь это бог очищающий...» (Anonym.Proleg.1,6). Об очищении (καθάρις, очищение души и тела) – идет речь в платоновском «Федоне» (67c-69e, 80d-81d, 82b-84b), именно в том диалоге, где Сократ назван рабом Аполлона. Сам Платон часто прибегает к авторитету этого бога. Так, в «Госу-

²⁶ Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996. С. 389.

²⁷ Albert K. Griechische Religion ind Platonische Philosophie. Hamburg, 1980. S. 19.

дарстве» он ставит его во главе всей религиозной жизни своего воображаемого государства (Resp.427b), в «Законах» делает его руководителем воспитания юношества (Leg.654a; 766b; см. также Resp.399e), покровителем судебного дела (Leg.937a), финансов (Leg.954e). Олимпиодор пишет, что в «Государстве» Платон «обуян Музами и представляет Муз, вершащих исход созданного им государства» (Olymp.In Platonis Alc.Comm.2.6).

Трудно сказать, заимствовал ли Платон поклонение Аполлону у пифагорейцев (активная разработка этого образа начинается с «пифагорейского» диалога «Федона») или пришел к нему самостоятельно – дело не в этом. Важно другое: по своей социальной функции Аполлон – покровитель аристократического начала²⁸, и именно это приводило к нему «на поклон» великих певцов аристократии, таких, как Феогнид, Пиндар (творчество которых проходило «под патронатом» Аполлона²⁹), Софокл, участник олигархического переворота 411 г., жрец Асклепия, сына Аполлона³⁰. Греческая *καλοκαγαθία* – понятие, выработанное аристократией, отражает тот тип жизненного устройства человека, который с полным правом можно назвать «аполлоновским»³¹. На авторитет Аполлона опиралось консервативное дельфийское жречество, «квинтэссенция» греческой аристократии.

Конечно, подключенность и Пифагора, и Платона к «эгрегору» Аполлона (позволим себе это выражение, говоря о великих эзотериках), не исчерпывалась функцией Аполлона как бога-аристократа; известную роль здесь сыграла его функция бога-пророка, бога-вещателя, если учесть и дар ясновидения Пифагора, о котором так много говорится в источниках, и знаменитый даимон Сократа, столь восхищавший Платона. Но это уже предмет другого исследования.

²⁸ Dirlmeier F. Apollon, Gott and Erzieher des hellenischen Adels // Archiv für Religionswissenschaft. 36. Leipzig, Berlin, 1939. S. 277ff.

²⁹ Ibid. S. 289–290.

³⁰ По определению А.Ф.Лосева, значение Аполлона в творчестве Софокла было «универсальным». См. А.Ф. Лосев. Мифология... С. 530.

³¹ Там же. С. 385; Dirlmeier F. Op. cit. P. 296.

И.Е. Суриков

ФЕМИСТОКЛ: НОМО NOVUS В КРУГУ СТАРОЙ ЗНАТИ¹

Классическая афинская демократия не появилась на свет в готовом виде и не оставалась неизменной. На протяжении почти двух веков (V–IV вв. до н.э.), она постоянно подвергалась различным трансформациям¹. Особенно бурным в этом отношении было время между деятельностью Клисфена (500-е гг. до н.э.) и реформой Ареопага, осуществленной Эфиальтом и Периклом (конец 460-х гг.), время формирования демократии, закладывания ее основ. Новое государственное устройство делало свои первые шаги; сам «политический климат» стремительно менялся, претерпевали радикальную ломку условия и механизмы политической борьбы². Все это происходило в обстановке почти постоянной военной угрозы: ведь речь идет о первых десятилетиях V в. до н.э., то есть об эпохе Греко-персидских войн.

Важнейшей вехой в афинской политической жизни этого периода явилась деятельность Фемистокла (524–459 гг. до н.э.) – человека, которого, без сомнения, следует причислить к «отцам-основателям» афинской демократии, протагонистам вооруженного конфликта эллинских полисов с Ахеменидской державой. Когда Фемистокл сошел с афинской политической сцены (как мы увидим, отнюдь не по своей воле), его родной полис

¹ До недавнего времени считалось, что в IV в. в политической системе афинской демократии уже не было позитивных изменений, а наблюдались скорее черты застоя и упадка. Теперь этот тезис убедительно опровергается. См., напр.: Hansen M.H. *The Political Powers of the People's Court in Fourth-Century Athens* // *The Greek City: From Homer to Alexander*. Oxford, 1991. P. 215–243; Eder W. *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Krise und Vollendung?* // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.* Stuttgart, 1995. S. 11–28.

² О важности периода «от Клисфена до Эфиальта» см.: Martin J. *Von Kleisthenes zu Ephialtes: Zur Entstehung der athenischen Demokratie* // *Chiron*. 1974. Bd. 4. S. 5–42; Frost F.J. *Tribal Politics and the Civic State* // *American Journal of Ancient History*. 1976. V. 1. № 2. P. 66–75.

был уже в значительной мере иным, чем какие-нибудь 20-30 лет назад, и эта трансформация была и делом его рук.

О Фемистокле много и подробно писали античные авторы³. Самые ранние из дошедших до нас текстов, повествующих о Фемистокле, были созданы еще при его жизни. Это – отрывки стихотворений лирического поэта Тимокреонта Родосского⁴, вначале друга Фемистокла, а затем по причинам личного характера ставшего его злейшим врагом. Соответственно, стихи эти окрашены в весьма неприязненные тона по отношению к Фемистоклу, изображаемому в черных красках:

Можешь Павсания ты восхвалять и можешь хвалить Ксантиппа,
Славь Левтихида, пожалуй, а я одного вознесу Аристида,

Сына священных Афин,

Лучшего мужа из всех мужей. Фемистокл ненавистен Латоне.

Лжец, бесчестный предатель! На подлые деньги польстившись,
Тимокреонту, что был его другом, не дал он вернуться.

В город Иалис родной.

Взяв серебра три таланта, уплыл – плыви себе на погибель, –

Злых возвращая, благих изгоняя, иных убивая!

Денег гора у него, а на Истме он всех угостил лишь мясом холодным;

Ели все, Фемистоклу желая весны не увидеть⁵.

Естественно, далеко не все, что пишет движимый личностными мотивами Тимокреонт, следует принимать на веру. Тем не менее необходимо отметить, что данный памятник содержит некоторые топосы, ставшие впоследствии неотъемлемыми элементами «антифемистокловской» традиции. Таково указание на непомерное корыстолюбие Фемистокла. Имело счастливую судьбу и проведенное поэтом противопоставление Фемистокла и Аристида⁶.

³ Бросается в глаза неоднозначность, порой полярная противоположность, их оценок. Фемистокл всегда оставался фигурой спорной: черты его личности и мероприятия в политической сфере воспринимались и современниками, и потомками то позитивно, то негативно.

⁴ Timocr. fr. 1, 2, 3 Page.

⁵ Пер. С.И. Соболевского с дополнением М.Е. Грабарь-Пассек. Речь идет о событиях после Саламинского сражения, когда Фемистокл во главе военной эскадры «наводил порядок» на островах Эгейского моря, запятнавших себя сотрудничеством с персами. Нетрудно заметить, что перед нами – типичная инвектива, столь характерная для греческой лирики; все обвинения в ней, как подобает, гипертрофированы, доведены до *pes plus ultra*, перемешаны с площадной бранью.

⁶ Почти никто из более поздних античных авторов, писавших о событиях начала V в. до н.э., не преминул воспользоваться этой антитезой.

Достаточно подробно рассказывает о Фемистокле Геродот: ведь начальный период Греко-персидских войн – главная тема его «Истории», а Саламинское сражение – кульминационный момент этого труда. Тот образ Фемистокла, который рисует «отец истории», уже более реалистичен, сложен и многомерен, нежели грубая карикатура Тимокреонта. Среди главных черт Фемистокла как личности и политика Геродот особенно подчеркивает дальновидность, стратегическое мышление, тонкий, изощренный практический ум, склонность к разного рода «военным хитростям», некоторую беспринципность, любовь к пропагандистским манипуляциям, стремление в любой ситуации обратить сложившиеся обстоятельства в свою пользу, хотя бы это нанесло вред другим. Фемистокл предстает государственным мужем «одиссеевского» склада, т.е., если так можно выразиться, «хитроумным», основывающим свои успехи на смекалке и хитрости, а не на простой и мужественной силе. Геродотовский Фемистокл оказывается в некотором роде воплощением афинянина по преимуществу, чье поведение разительно контрастирует с тем, что было характерно для большинства спартанских персонажей историка (Леонида, Еврибиада, Павсания и др.)⁷.

Деятельность Фемистокла отражена и в произведениях ряда других историков как классической, так и эллинистической эпох. Можно назвать имена Фукидида, Аристотеля, Диодора Сицилийского, Корнелия Непота⁸ и др. Эти авторы во многом дополняют информацию, сохраненную Геродотом. Особенно важно то, что у них содержатся отсутствующие у «отца истории» сведения о последнем периоде жизни Фемистокла, в частности, о его изгнании и бегстве в Персию. Фемистокл всегда оставался весьма популярной фигурой в сочинениях античных писателей. Написано о нем было гораздо больше, чем сохранилось до нашего времени. Так, в V в. до н.э. некий Стесимброт сделал его одним из главных героев своего политического памфлета «О Фемистокле, Фукидиде и Перикле», кстати говоря, переполненного грубыми ошибками и, вероятно, даже сознательными искажениями фактов. Безусловно, писали о Фемистокле крупнейшие историки IV в. до н.э. – Эфор и Феопомп, – а также представители аттидографии (локального афинского историописания): Клидем, Андротион, Филохор и др.⁹.

⁷ Без преувеличения можно сказать, что труд Геродота самый важный и достоверный источник по интересующей нас здесь теме.

⁸ Корнелий Непот – автор самой ранней из дошедших до нас биографий Фемистокла.

⁹ Труды перечисленных авторов известны лишь во фрагментах.

Жизнеописание Фемистокла, принадлежащее перу Плутарха¹⁰, наряду с «Историей» Геродота, является ценнейшим источником по нашей теме. Однако при использовании данных Плутарха всегда встает проблема аутентичности этой информации. В отличие от Геродота, который был лично знаком с людьми, еще заставшими в Афинах Фемистокла, херонейский биограф был отделен от него более чем полутысячелетним временным промежутком. Поэтому сведения, приводимые Плутархом, далеко не всегда заслуживают безоговорочного принятия на веру.

Говоря о письменных источниках, отражающих жизнь и деятельность Фемистокла, нельзя не упомянуть об одном достаточно интересном, хотя и позднем памятнике. Это так называемые «Письма Фемистокла» – небольшой сборник произведений эпистолярного жанра, якобы представляющий собой переписку этого политика с некоторыми из его знаменитых современников – спартанским полководцем Павсанием, драматургом Эсхилом, художником Полигнотом и др.¹¹. Естественно, в действительности вошедшие в сборник письма Фемистоклу не принадлежат; они были составлены в римскую эпоху (видимо, во II в. до н.э.) в какой-то из многочисленных риторических школ в качестве упражнения. Однако следует отметить, что неизвестный составитель писем имел в своем распоряжении значительно более ранние и надежные источники, что и отразилось в тексте данного эпистолярного памятника, также содержащего некоторые небезы兴ересные факты.

Деятельность Фемистокла можно изучать не только по данным нарративной традиции. С ним связан и эпиграфический материал. Помимо знаменитого «декрета Фемистокла» – постановления афинского народного собрания, изданного по его инициативе в 480 г. до н.э., должны быть упомянуты надписи на острака, т.е. черепках для голосования при остракизме. Фемистокл в течение своей жизни неоднократно подвергался опасности применения к нему этой меры; в конце концов остракизм его все-таки постиг. Соответственно,

¹⁰ Плутарх, прославленный своей эрудицией, использовал в своих изысканиях огромное количество произведений писателей предшествующих эпох и в результате нарисовал целостный портрет Фемистокла, как бы развернул перед читателями всю его жизнь, от рождения до смерти, привел немало интересных, ярких деталей и нюансов событий, в которых афинский политик сыграл ведущую роль.

¹¹ О «Письмах Фемистокла» и содержащейся в них информации см.: Миллер Т.А. Псевдоисторическая эпистолография // Античная эпистолография. М., 1967. С. 198–209; Podlecki A.J. Themistocles and Pausanias // Rivista di filologia e di istruzione classica. 1976. V. 104. Fasc. 3. P. 293–311.

количество обнаруженных археологами острака с именем Фемистокла весьма велико – более 2 тысяч¹². Острака в целом ряде отношений представляют собой интереснейшие памятники, дающие исключительно яркое и живое понятие об острой внутривластной борьбе в классических Афинах¹³.

В современном западном антиковедении Фемистокл также не обделен вниманием. Ему посвящено значительное число исследований, в том числе несколько монографий¹⁴. Иначе обстоит дело в оте-

¹² Публикации острака с именем Фемистокла см.: *Peek W.* Inschriften, Ostraka, Fluchttafel (Kerameikos. Bd. 3). В., 1941. S. 83–84; *Lang M.* Ostraka (The Athenian Agora. V. 5). Princeton, 1990. P. 102–132, 142–161; *Willemsen F., Brenne S.* Verzeichnis der Kerameikos-Ostraka // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. 1991. Bd. 106. S. 151; *Camp J.M.* Excavations in the Athenian Agora, 1996 and 1997 // *Hesperia*. 1999. V. 68. № 3. P. 271–274.

¹³ Например, некоторые граждане делали на этих «бюллетенях» различные приписки, выражая свое мнение о «кандидате» на изгнание. В частности, на одном остраконе, направленном против Фемистокла, к его имени присовокуплено грязное ругательство (см.: *Themistokles katapygon Neokleos*. См.: *Brenne S.* Ostraka and the Process of Ostrakophoria // *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxford, 1994. P. 14). Наиболее интересный комплекс острака, имеющий отношение к Фемистоклу, был найден в 1937 г. в заброшенном колодце на северном склоне афинского Акрополя. В комплекс входили 190 остраконов красивой круглой формы (базы киликосов, скифосов, а также целые небольшие сосуды), надписанные четким, изящным почерком хорошо грамотных людей; на всех без исключения стояло имя Фемистокла. В результате графологической экспертизы выяснилось: в нанесении надписей принимали участие лишь 14 человек. Острака, таким образом, были явно заготовлены заранее. Что здесь имело место – запланированная акция некой группировки противников Фемистокла, как полагают многие антиковеды, или что-то еще – неясно по сей день. Так, о том, что это могло быть запланированной акцией см.: *Broneer O.* Excavations on the North Slope of the Akropolis, 1937 // *Hesperia*. 1938¹. V. 7. № 2. P. 212 ff.; *Raubitschek A.E.* Athenian Ostracism // *Classical Journal*. 1953. V. 48. № 4. P. 116; *Guarducci M.* Epigrafia greca. V. 2. R., 1969. P. 526; *Camp J.M.* The Athenian Agora: Excavations in the Heart of Classical Athens. L., 1986. P. 59; *Mossé C.* La démocratie grecque. P., 1986. P. 147; *Sinclair R.K.* Democracy and Participation in Athens. Cambridge, 1991. P. 170. Автор этих строк высказывал предположение, что острака могли быть в преддверии остракизма надписаны профессиональными писцами с целью получения дохода. См.: *Суриков И.Е.* К интерпретации острака с северного склона Акрополя // Проблемы истории, филологии, культуры. 1998. Вып. 6. С. 30–33).

¹⁴ *Labarbe J.* La loi navale de Thémistocle. P., 1957; *Bauer A., Frost F.J.* Themistokles: Literary, Epigraphical and Archaeological Testimonia. 2 ed. Chi-

чественной историографии. Работ, специально посвященных Фемистоклу, на русском языке почти нет. Пожалуй, наиболее углубленно у нас занимался этим афинским политиком и полководцем В.М. Строецкий, осветивший ряд моментов его деятельности и биографии¹⁵. Писал о Фемистокле в различных контекстах и автор этих строк¹⁶. Приходится констатировать, что полная научная биография Фемистокла в российской науке об античности, насколько нам известно, пока отсутствует. Разумеется, данная работа не претендует на то, чтобы восполнить эту лакуну, ибо фигура такого масштаба, как Фемистокл, заслуживает книги, а не статьи. Мы же обрисуем его *res gestae*, причем постараемся обратить внимание на те их аспекты, которые являются недостаточно изученными или дискуссионными.

Нет сомнений в том, что Фемистокл был не только не похож на большинство аристократических лидеров своего времени, но и в определенной степени отчужден от них, воспринимался представителями евпатридской знати как *homo novus*, человек не вполне равного с ними статуса. Причину такой «неполноценности» Фемистокла следует искать прежде всего в его происхождении, поскольку оно всегда оставалось в Афинах одним из важнейших критериев оценки индивида¹⁷. Каково же было происхождение Фемистокла? Источники содержат об этом определенные, хотя и несколько противоречивые сведения.

Фемистокл, сын Неокла из дема Фреарры¹⁸ принадлежал по отцу к боковой ветви аттического знатного рода Ликомидов¹⁹.

cago, 1967; Podlecki A.J. *The Life of Themistocles*. Montreal, 1975; Lenardon R.J. *The Saga of Themistocles*. L., 1978; Piccirilli L. *Themistocle, Aristide, Cimone, Tucidide di Melesia fra politica e propaganda*. Genova, 1987.

¹⁵ Строецкий В.М. Диодор Сицилийский о процессах против Фемистокла и Павсания // Из истории античного общества. Горький, 1979. С. 3–29; он же. Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991. С. 35–44; он же. Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии // Античный мир: Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 69–83.

¹⁶ Суриков И.Е. Ук.соч.; он же. Афинский ареопаг в первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 23–40; он же. Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н.э. и первые остракофории // ВДИ. 2001. № 2. С. 118–130.

¹⁷ См.: Суриков И.Е. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // Древнее право. 1999. № 2 (5). С. 40–41.

¹⁸ Таким было его полное официальное имя после учреждения Клисфеном деления афинского полиса на демы.

¹⁹ Plut. Them. 1. Ср.: Harvey F.D. Neokles, Father of Themistocles // *Historia*. 1980. Bd. 29. Ht. 2. S. 110–111. Высказывалось даже предположение, что семья, к которой принадлежал Фемистокл, находилась в напряженных отношениях с основной ветвью рода Ликомидов, имевшей резиденцию в

Сложнее обстоит дело с его происхождением по женской линии. Плутарх называет Фемистокла незаконнорожденным (*nothos*) и пишет, что его мать вообще была не гречанкой, а, по разным сведениям, или фракиянкой, или кариянкой из Галикарнасса. Даже относительно ее имени нет полной ясности: мать Фемистокла звали то ли Евтерпой, то ли Габротонон²⁰. Все это не может не вызвать сомнений. Дело в том, что в дальнейшем Фемистокл занимал должность архонта-эпонима²¹, о чем у нас еще пойдет речь. Незаконнорожденный не мог быть допущен на такую должность. Следовательно, Фемистокл был рожден в законном браке. Отметим, что негреческое происхождение матери не влияло на статус гражданина и политика в рассматриваемый период²².

Таким образом, не в происхождении матери следует искать причину отчужденности Фемистокла от основной массы аристократии, а в чем-то другом. Отметим следующее обстоятельство²³. На

деме Флия: *Connor W.R. Lycopedes against Themistocles? A Note on Intragenes Rivalry // Historia. 1972. Bd. 21. Ht. 4. S. 569–574.*

²⁰ П. Бикнелл пытался путем сложных и, на наш взгляд, не очень убедительных эмендаций текста Плутарха доказать, что мать Фемистокла была не фракиянкой и не кариянкой, а гречанкой из Кардии на Херсонесе Фракийском. – *Bicknell P.J. Themistokles' Father and Mother // Historia. 1982. Bd. 31. Ht. 2. P. 161–173.*

²¹ Лицо, избранное на эту номинально высшую в афинском полисе магистратуру, должно было пройти докимасию – строгую проверку, в ходе которой обращалось внимание не столько на деловые качества кандидата, сколько именно на его «благородное» происхождение.

²² Согласно закону о гражданстве, принятому в 451 г. до н.э. по инициативе Перикла, афинскими гражданами считались лишь те лица, которые могли подтвердить свою принадлежность к гражданам коллективу и по мужской, и по женской линиям (об этом законе см.: *Osborne R. Law, the Democratic Citizen and the Representation of Women in Classical Athens // Past & Present. 1997. № 155. P. 3–33; Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии... С. 26*). Но в начале V в. до н.э. происхождение матери при решении подобных вопросов не учитывалось. Например, один из виднейших аристократических политических деятелей этого времени – Кимон, сын Мильтиада, из рода Филаидов, в течение ряда лет являвшийся едва ли не единоличным лидером Афин, тоже имел мать-фракиянку (*Plut. Cim. 4*). Его престижу это ничуть не мешало, и евпатридская знать не считала Кимона чуждым элементом в своих рядах. Собственно, среди афинских аристократов были чрезвычайно распространены браки со знатными людьми других полисов и даже негреческих государств.

²³ На это обстоятельство уже обращали внимание, но не придавали ему должного значения. См.: *Gomme A.W. The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B.C. Repr. ed. Westport, 1986. P. 37–39.*

протяжении почти всего V в. до н.э. тон в политической борьбе внутри афинского полиса задавали аристократические лидеры из так называемых городских демов, т.е. из самого города Афин и его ближайших окрестностей. Аристократия сельских демов Аттики вплоть до эпохи Пелопоннесской войны находилась в тени блестящей городской знати и участвовала в общественной жизни на местном, а не на общегосударственном уровне. Из этого правила было лишь одно значимое исключение. Только один политик из сельского дема смог в первой половине V в. добиться первенствующего положения в Афинах, и этим политиком был именно Фемистокл. Дем Фреарры, к которому он принадлежал, находился довольно далеко от столицы, на юго-западном побережье Аттики, в области Паралия. Насколько можно судить, в этом-то и заключается главная причина несколько приниженого и изолированного положения Фемистокла в кругу своих партнеров по политической деятельности.

Как бы то ни было, Фемистоклу в течение всей своей жизни приходилось считаться с тем, что прочие аристократы не воспринимают его как равного себе. Во многом именно поэтому его поведение в политике, те методы борьбы, к которым он обращался, отличались от традиционных, общепринятых в его эпоху, что и создало ему репутацию человека циничного, беспринципного, корыстолюбивого. В частности, в его политике значительно большее место, нежели у большинства его современников, занимала прямая апелляция к демосу. Происхождение Фемистокла наложило свой отпечаток и на его позицию во внешнеполитических вопросах²⁴.

Сведения о юности Фемистокла не всегда отличаются достоверностью. Так, банальной клеветой, исходившей от врагов этого политика, представляется сообщение, согласно которому в молодые годы он вел разгульный образ жизни, так что отец даже лишил его наследства²⁵. Если бы что-либо хотя бы отдаленно похожее имело место, Фемистокл не прошел бы докимасию перед вступлением в

²⁴ Большинство афинских знатных родов имело отношения родственного, дружеского или иного характера с другими государствами. Какая-то из евпатридских семей была наиболее тесно связана со Спартой, другая, скажем, с Фессалией, третья – с греческими полисами Ионии, что и определяло внешнеполитическую позицию представителей этих семей. Фемистокл, как человек в политике новый, не имел в этой сфере каких-то сформировавшихся интересов или пристрастий; соответственно, он наиболее склонялся к афинскому изоляционизму на межгосударственной арене, к опоре в основном на собственные силы, без заключения каких-то особенно тесных союзов с кем-либо из соседей.

²⁵ Her. Them. 1.

должность архонта: в ходе этого мероприятия отношениям испытуемого с его родителями уделялось особое внимание. С другой стороны, нет оснований сомневаться в указании Плутарха на то, что Фемистокл, едва ли не с детства отличавшийся большими способностями, не получил при этом систематического образования и, во всяком случае, «светского» воспитания. «Тем предметам, которые изучаются для развития нравственности или для удовольствия и благородного времяпрепровождения, Фемистокл учился лениво и неохотно; но то, что преподавалось для развития ума или для практической жизни, он, как видно, любил не по годам, рассчитывая на свои природные дарования»²⁶. И действительно, впоследствии на фоне соперничавших с ним аристократов, таких как Кимон, восхищавший всех своими утонченными манерами, или вежливый, обходительный Аристид, Фемистокл, несомненно, выглядел грубоватым выходцем из деревни. Учителем Фемистокла в политических делах Плутарх называет некоего «мудреца» Мнесифила – фигуру весьма проблематичную. В другом произведении того же Плутарха Мнесифил фигурирует как современник Солона, жившего на век раньше, чем Фемистокл²⁷. Скорее всего, перед нами – вполне реальная личность, но не учитель Фемистокла, а его политический соратник, возможно, советник, к тому же земляк, происходивший из того же дема.

Биографы Фемистокла – и Непот, и Плутарх – умалчивают о первых годах его политической деятельности, пришедшихся на начало V в. до н.э. Судя по всему, Фемистокл начинал свою карьеру в рядах группировки, концентрировавшейся вокруг знатного афинского рода Алкмеонидов. На родине Фемистокла, в деме Фреарры, принадлежавшем к аттической области Паралия, влияние Алкмеонидов издавна было особенно сильным. В этом районе находились их родовые поместья и, вероятно, усыпальница²⁸. Прибавим, что жена Фемистокла Архиппа происходила из дема Алопека²⁹, где рас-

²⁶ Plut. Them. 2. (Пер. С.И. Соболевского).

²⁷ Plut. Mor. 154c. В целом по проблеме Мнесифила см.: Frost F.J. Themistokles and Mnesiphilus // *Historia*. 1971. Bd. 20. Ht. 1. S. 20–25; Lenardon R.J. Op. cit. P. 22. До недавнего времени многие ученые считали этого персонажа вымышленным. Однако в надписях на ряде острака прочитано имя Мнесифила из Фреарр.

²⁸ Elliot C.W. Where did the Alkmaionidai Live? // *Historia*. 1967. Bd. 16. Ht. 3. S. 279–286; Bicknell P.J. *Studies in Athenian Politics and Genealogy*. Wiesbaden, 1972. P. 1–53; Littman R.J. Op. cit. P. 81–106. Подробнее см.: Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии... С. 166–188; он же. Политическая борьба в Афинах... С. 118 слл.

²⁹ Plut. Them. 32.

полагалась главная резиденция Алкмеонидов. В рассматриваемый период браки в кругу политической элиты заключались, как правило, в прагматических целях и были призваны подчеркивать и закреплять те или иные коалиции союзников.

Группировка Алкмеонидов в первые годы V в. до н.э. была наиболее влиятельной в Афинах. Однако в скором времени Фемистокл (наверняка, со своими сторонниками) покинул эту группировку и стал лидером собственной³⁰. На волне противостояния своим бывшим союзникам Фемистокл добился первого крупного политического успеха: в 493 г. до н.э., в возрасте 30-ти с небольшим лет, он был избран архонтом-эпонимом Афин³¹.

В начале V в. до н.э. должность первого архонта была еще весьма важной. Эпонимный магистрат располагал рядом значительных полномочий. Годичный архонтат Фемистокла ознаменовался, как минимум, двумя имевшими серьезные последствия событиями. Во-первых, на афинском театре была поставлена трагедия известного драматурга Фриниха «Взятие Милета». Во-вторых, согласно сообщению Фукидида, уже в период своего архонтата Фемистокл начал заботиться об укреплении морской мощи Афин. Он отыскал в высшей степени подходящее для этого место в приморском деме Пирей, располагавшем тремя великолепными, безопасными для кораблей природными гаванями (Зея, Мунихия, Канфар), и начал там строительство портовых и оборонительных сооружений.

³⁰ Причиной разрыва Фемистокла с Алкмеонидами, помимо понятного нежелания молодого амбициозного политика оставаться на вторых ролях, должно было послужить следующее обстоятельство. Перед афинским полисом все более острым становился вопрос о линии, которую надлежало проводить по отношению к могущественнейшему восточному соседу – персидской державе Ахеменидов, тем более что персы как раз в это время подавляли восстание ранее подпавших под их власть греческих городов Ионии, а ионийцы считались «сородичами» афинян. В этой обстановке Алкмеониды предпочитали не ссориться с Персией, вести курс на ее умиротворение. С этой целью они даже вступили в союз с группировкой оставшихся в Афинах сторонников Гиппия – бывшего тирана, подвергнутого изгнанию и в тот момент проживавшего при дворе персидского царя Дария I. Подобная позиция вызвала законное недовольство у многих афинских граждан; Алкмеонидов обвиняли – в общем-то без достаточных оснований – в пособничестве персам и в одиозном стремлении восстановить тиранию.

³¹ Thuc. I. 93. 3; Dion. Hal. Antiq. VI.34.1. Мы не можем согласиться с попыткой отнести архонтат к Фемистокла к 481/480 г. до н.э. (*Panchenko D. Democritus' Trojan Era and the Foundations of Early Greek Chronology // Hyperboreus. 2000. V. 6. Fasc. 1. P. 65*), поскольку имя архонта этого года – Гипсихид – зафиксировано в нарративной традиции (Arist. Ath. pol. 22.8).

В 492 г. окончился срок пребывания Фемистокла в должности архонта, и именно в это время в Афины неожиданно прибыл новый политический лидер – Мильтиад³². Знатное происхождение Мильтиада, его изрядное богатство, большой авторитет и полководческий опыт – все это позволило ему практически сразу занять положение наиболее авторитетного вождя антиперсидских сил, оттеснив с этой позиции Фемистокла. Честолюбивый Фемистокл откровенно завидовал. Как пишет Плутарх, «он был часто погружен в думы, не спал по ночам, отказывался от обычных попок; когда его спрашивали об этом и удивлялись перемене в его образе жизни, он отвечал, что спать ему не дает трофей Мильтиада»³³.

Однако уже в следующем году звезда марафонского победителя закатилась. После неудачного похода на остров Парос Мильтиад был привлечен к суду афинского народного собрания, приговорен к громадному штрафу, а вскоре скончался от раны, полученной в ходе паросской кампании³⁴. Случившееся вновь делало Фемистокла вполне естественным вождем группировки противников Персии; его политическое влияние резко возросло. Без преувеличения можно сказать, что 480-е гг. до н.э. стали в афинской истории «десятилетием Фемистокла».

В 487 г. до н.э. была осуществлена важная реформа в государственном устройстве Афин. Отныне архонтов стали выбирать не голосованием в народном собрании, как раньше, а путем жеребьевки³⁵. Переход к жеребьевке способствовал общему снижению значения поста архонта, так как теперь его все чаще начали занимать не авто-

³² Herod. VI. 104. Мильтиад, глава рода Филаидов, более двадцати лет управлял в качестве тирана полуостровом Херсонес Фракийский в северо-восточной Эгееде. Спасаясь бегством от преследования персов, он возвратился в родной город после длительного отсутствия.

³³ Plut. Them. 3. ³⁴ Herod. VI.136. О суде над Мильтиадом см.: Carawan E.M. Eisingelia and Euthyna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon // GRBS. 1987. V. 28. № 2. P. 167–208.

³⁵ Arist. Ath.pol.22.5. О реформе архонтата см.: Buck R.J. The Reform of 487 B.C. in the Selection of Archons // Classical Philology. 1965. V. 60. № 2. P. 96–101; Суриков И.Е. Афинский ареопаг... С. 34 сл. Эта мера, безусловно, демократическая по своей направленности может быть приписана именно инициативе Фемистокла. Жребий считался наиболее свойственным демократии способом избрания должностных лиц, а голосование, напротив, – атрибутом олигархического устройства; это, в частности, неоднократно подчеркивает Аристотель в трактате «Политика»). Ср.: Ostwald M. Oligarchia: The Development of a Constitutional Form in Ancient Greece. Stuttgart, 2000. P. 39.

ритетные политические лидеры, как было до того³⁶, а более или менее случайные люди. Необходимо признать, что в данном случае Фемистокл направлял удар против аристократии; от которой, как говорилось выше, он в силу ряда обстоятельств был в известной мере отчужден. Самому же Фемистоклу проведенная реформа ничем не угрожала: ведь он уже был архонтом, а дважды в жизни избираться на этот пост афинское законодательство не позволяло.

Успешно Фемистокл использовал против своих политических противников остракизм – десятилетнее изгнание из полиса в результате общенародного голосования черепками. Пользуясь своей популярностью в среде демоса, он умело добивался применения остракизма то к одному, то к другому из конкурентов³⁷.

Борьба Фемистокла с Аристидом наиболее подробно освещена в источниках античными авторами. Противостояние этих двух людей было обусловлена не только личным соперничеством, но и принципиальным несогласием по важным вопросам государственной жизни. Так, Аристид, будучи в этом отношении последователем Мильтиада, являлся сторонником укрепления сухопутной мощи Афин; Фемистокл же по-прежнему настаивал на реализации своей морской программы. До полисов Балканской Греции стали уже доходить слухи о том, что новый персидский владыка Ксеркс готовит грандиозное вторжение в Элладу; размеры собираемой им армии поражали воображение. Фемистоклу было ясно, что афинские гоплиты, при всех их великолепных боевых качествах, не смогут сопротивляться столь многократно превосходящим силам неприятеля

³⁶ Не только сам Фемистокл, но и почти все его виднейшие соперники (Мильтиад, Аристид, Гиппарх, сын Харма) на том или ином этапе своей карьеры занимали этот пост.

³⁷ В течение каких-нибудь нескольких лет из Афин были изгнаны многие представители аристократической элиты. В 487 г. до н.э. остракизму подвергся Гиппарх, сын Харма, – лидер сторонников бывшего тирана Гиппия, в 486 г. – Меракл из рода Алкмеонидов, в 484 г. – Ксантипп (отец Перикла), являвшийся союзником того же рода. Наконец, в 482 г. остракизм постиг Аристид. О применении остракизма в политической борьбе 480-х гг. до н.э. см., в частности: *Labarbe J.* Op. cit. P.88 ss.; *Thomsen R.* The Origin of Ostracism: A Synthesis. Copenhagen, 1972; *Lenardon R.J.* Op. cit. P. 47 ff.; *Ostwald M.* The Reform of the Athenian State by Cleisthenes // Cambridge Ancient History. 2 ed. V. 4. 1988. P. 334–346; *Stein-Hölkesskamp E.* Adelskultur und Polisgesellschaft. Studien zum griechischen Adel in archaischen und klassischen Zeit. Stuttgart, 1989. S. 193–205; *Stockton D.* The Classical Athenian Democracy. Oxford, 1991. P.33–41; *Lavelle B.M.* The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids, c. 560–510 B.C. Stuttgart, 1993. P.27–42.

и будут попросту сметены. Спасения, если оно вообще могло прийти, можно было ждать только на море³⁸.

Морская программа Фемистокла в кратчайшие сроки была реализована, в результате чего афинский флот стал сильнейшим в Греции, далеко превосходя флотилии остальных полисов. Его численность на этом этапе достигала 200 судов. Именно отсюда идет знаменитое морское владычество Афин, сделавшее этот полис второй (наряду со Спартой) «сверхдержавой» Эллады.

Таким образом, Фемистокл одержал убедительную победу над всеми своими конкурентами и стал наиболее авторитетным афинским политиком, получив неофициальный, но чрезвычайно влиятельный статус простата демоса. Тем временем в 480 г. до н.э. поход Ксеркса на Грецию начался. Фемистокл в это время занимал в Афинах должность стратега³⁹. Вернее, он был одним из десяти стратегов, но его ведущая политическая роль делала его беспспорным лидером этой коллегии, «первым среди равных», каким был и Мильтиад в 490 г. Фактически Фемистокл выступал в качестве командира афинского контингента в составе войск Эллинского союза, созданного в 481 г. до н.э. для отражения персидского нашествия. Общее же командование союзными силами осуществляли полководцы из Спарты.

Афинские власти, как было принято в подобных случаях, обратились с вопросом о дальнейших действиях к Дельфийскому оракулу Аполлона. Дельфы дали по обыкновению темный и двусмысленный ответ: в нем говорилось о некой «деревянной стене» (*teichos xulinon*), которая спасет афинян, и в неясном контексте упоминался «божественный Саламин». В ходе дебатов по поводу интерпретации прорицания высказывалось предположение, что под «деревянной стеной» подразумеваются

³⁸ Претворению планов Фемистокла в жизнь помог случай. Как раз во время его борьбы с Аристидом в Лаврийских серебряных рудниках на юге Аттики была открыта новая мощная жила; это сулило афинскому полису значительные прибыли. По существовавшему обычаю доходы такого рода делились поровну между гражданами. На этот раз Фемистокл предложил народному собранию поступить иначе и направить деньги на строительство крупного военного флота (Herod.VII.144; Arist.Ath.pol.22.7; Nep.Them.2; Plut.Them.4). При этом был учрежден важный для последующей истории Афин институт триерархии: суда оснащались и укомплектовывались не государством, а наиболее богатыми членами гражданского коллектива. Отметим интересный нюанс: призывая сограждан построить корабли, Фемистокл апеллировал не к персидской угрозе, которая многим еще казалась далекой и нереальной, а к необходимости вести войну с Эгиной – островом в Сароническом заливе, издавна враждовавшим с Афинами и имевшим сильные позиции на море.

³⁹ Plut. Them. 6.

древние укрепления афинского Акрополя и, следовательно, нужно до последнего обороняться в этой городской цитадели. Фемистокл, однако, выступил с другим толкованием: «деревянная стена» – это не что иное, как корабли⁴⁰. Предстоит готовиться к морскому сражению, причем именно при Саламине, принадлежавшем Афинам острове в Сароническом заливе. Эта битва окажется для афинян победной и принесет им спасение. Сам же город Афины будет временно захвачен персами; с этим необходимо примириться и во избежание жертв заблаговременно организовать эвакуацию населения.

По инициативе Фемистокла афинское народное собрание приняло постановление⁴¹, главным содержанием которого являлись предписания по эвакуации и мобилизации населения. Женщин и детей предписывалось отправить в дружественный Афинам Трезен, а стариков и материальные ценности – на Саламин. Всем же боеспособным афинским гражданам, а также проживающим в городе чужеземцам было приказано явиться для комплектования экипажей военных кораблей. Еще одна статья декрета, подтверждаемая

⁴⁰ Herod. VII.143; Nep. Them. 2; Plut. Them.10. Ср.: Кулишова О.В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII – V вв. до н.э.). СПб., 2001. С. 266–268.

⁴¹ Документ дошел до нас в виде надписи на мраморной плите, найденной в городе Трезен (северо-восток Пелопоннеса) и опубликованной в 1960 г. «Декрет Фемистокла», как принято называть упомянутую надпись, вызвал полемику в среде антиковедов (см.: Jameson M.H. A Decree of Themistokles from Troizen // *Hesperia*. 1960. V. 29. № 2. P. 198–223; Dow S. The Purported Decree of Themistokles: Stele and Inscription // *American Journal of Archaeology*. 1962. V. 64. № 4. P. 353–368; Boer W. den. Themistocles in Fifth Century Historiography // *Mnemosyne*. 1962. V. 15. Fasc. 3. P. 225–237; Treu M. Zur neuen Themistokles-Inschrift // *Historia*. 1963. Bd. 12. Ht. 1. S. 47–69; Hahn I. Zur Echtheitsfrage der Themistokles-Inschrift // *Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae*. 1965. V. 13. Fasc. 1/2. P. 27–39; Chambers M. The Significance of the Themistocles Decree // *Philologus*. 1967. Bd. 111. Ht. 3/4. S. 151–169; Bauer A., Frost F.J. Op.cit. P. 109; Burstein S.M. The Recall of the Ostracized and the Themistocles Decree // *California Studies in Classical Antiquity*. 1971. V. 4. P. 93–110; Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised ed. Oxford, 1989. P. 48 ff. (№ 23); Kennelly J.J. Archaisms in the Troizen Decree // *Classical Quarterly*. 1990. V. 40. № 2. P. 539–541; Глускина Л.М. Трезенская надпись с декретом Фемистокла // ВДИ. 1963. № 4. С. 35–52). Сохранившийся текст датируется III в. до н.э., т.е. мы имеем не оригинал документа, а его копию, не отличающуюся точностью, расширенную и приукрашенную «благодарными потомками». Во всяком случае, надпись содержит ряд реалий, невозможных в эпоху Фемистокла. В то же время считать декрет полностью сфальсифицированным нет серьезных оснований. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что его основные положения в значительной части аутентичны.

письменными источниками⁴², предусматривала возвращение на родину лиц, подвергшихся остракизму. Этот шаг был предпринят Фемистоклом во имя восстановления единства гражданского коллектива, а также из опасения, как бы изгнанники не перешли на сторону персов. В Афины вернулся целый ряд видных политиков и полководцев (Аристид, Ксантипп и др.). Забыв на время о своих разногласиях с Фемистоклом, они с энтузиазмом участвовали в оборонительных мероприятиях.

Вначале союзные греческие полисы планировали противостоять врагу в Северной Греции и с этой целью направили туда морем войско (во главе афинской его части стоял Фемистокл). Однако выяснилось, что проход из Македонии в Фессалию удержать не удастся, поскольку фессалийская знать склонялась к переходу на сторону персов⁴³. Оборонительные рубежи пришлось установить южнее: армия гоплитов во главе со спартанским царем Леонидом встречала полчища Ксеркса в Фермопильском ущелье, а греческий флот прибыл к мысу Артемисий (северная оконечность острова Эвбея). Флотом командовал спартанец Еврибиад, несмотря на то, что из 271 имевшегося корабля спартанцам принадлежало лишь 10. Сильнейшей частью флота была афинская эскадра (127 судов); ей командовал Фемистокл, являвшийся, таким образом, вторым лицом в руководстве морскими силами.

Устрашившись огромной численности подходившего персидского флота (около 1200 кораблей⁴⁴), Еврибиад вначале решил отступить от Артемисия. Однако жители Эвбеи, желая предотвратить захват острова, дали Фемистоклу взятку. Поделившись полученными деньгами с Еврибиадом, афинский политик убедил того остаться и принять бой⁴⁵. Сражение при Артемисии завершилось ничейным исходом, но для греков ввиду очевидного неравенства сил уже и это было большим успехом: им удалось удержать занятые позиции. К тому же битва имела для греческого войска большое морально-психологическое значение: это было первое столкновение Эллинского союза с персами на море, и в его ходе был развеян миф о непобедимости Ксерксовой армады; выяснилось, что персы – такие же люди, как и все остальные, и что с ними вполне можно сражаться. Однако как раз в это время до флота дошла весть о прорыве сухо-

⁴² Arist.Ath.pol.22.8; Plut.Them.11.

⁴³ Herod.VII.174; Plut.Them.7.

⁴⁴ Herod.VII.89.

⁴⁵ О морском сражении при Артемисии см.: Herod.VIII.1-18; Nep.Them.3; Plut.Them.7-8.

путного войска Ксеркса при Фермопилах и о гибели отряда Леонида. Держать оборону у берегов Эвбеи больше не имело смысла, и греческие корабли отступили в Саронический залив. В ходе отступления Фемистокл прибег к очередной военной хитрости: зная, что значительная часть персидских судов предоставлена и укомплектована греками из подвластных Ахеменидам полисов Малой Азии и островов Эгеиды, он приказал, отходя, оставлять на прибрежных скалах надписи, призывающие греческих подданных Ксеркса покинуть его и перейти на сторону Эллинского союза⁴⁶. Надежда на то, что восточные греки последуют этому призыву, была невелика (она, кстати, так и не оправдалась). Цель Фемистокла заключалась скорее в том, чтобы возбудить в Ксерксе подозрения по отношению к греческой части своего флота и таким образом расколоть силы неприятеля.

Возвратившись в Афины, Фемистокл сыграл ведущую роль в организации эвакуации населения города, стремясь не допустить паники⁴⁷. Теперь это было уже решительно необходимо, поскольку персы прошли в Среднюю Грецию и ничто уже не отделяло их от Афин. Как и следовало ожидать, вскоре после оставления города он был захвачен и разрушен Ксерксом. К Аттике подошел и персидский флот. Новое столкновение на море становилось неизбежным. В сентябре 480 г. до н.э. союзный греческий флот под командованием того же Еврибиада базировался на Саламине. Количество кораблей значительно увеличилось: теперь их было 378, из них почти половину (180) составляла афинская эскадра во главе с Фемистоклом⁴⁸. Однако силы персов по-прежнему были в несколько раз большими. Большинство греческих военачальников старалось любыми средствами оттянуть сражение. В частности, Еврибиад, заботясь прежде всего об участии Спарты, предлагал вновь отступить и принять бой на подступах к Пелопоннесу. Фемистокл употреблял все свое искусство убеждения, чтобы отговорить главнокомандующего от подобных замыслов. Он блистал красноречием, сыпал логическими аргументами, прибегал даже к угрозам, намекая на то, что афиняне могут покинуть союзный флот, в полном составе отправиться в Южную Италию и

⁴⁶ Herod.VIII.19-22; Plut.Them.9.

⁴⁷ Согласно Аристотелю (Ath.pol.23.1), главная заслуга в этом мероприятии принадлежала не Фемистоклу, а Ареопагу. Однако Фемистокл, несомненно, был членом этого авторитетного органа, включавшего в себя бывших архонтов. Судя по всему, организация эвакуации была осуществлена им именно через Ареопаг. См. также: Podlecki A.J. Op.cit. P. 19; Суриков И.Е. Афинский ареопаг... С. 35.

⁴⁸ Herod. VIII.43-48.

там обрести себе новую родину⁴⁹. В конце концов афинский полководец пошел на весьма рискованный (и сомнительный с моральной точки зрения) шаг. Послав своего доверенного раба к персидскому царю, он сообщил тому о намерении греков уйти и советовал блокировать своими судами выходы из Саламинского пролива. После того как Ксеркс последовал совету Фемистокла, греки оказались запертыми и битва стала неизбежной⁵⁰.

Вскоре после сражения греки, по обычаю, стали выяснять, кто отличился своими подвигами более всех других. Военачальники – представители союзных полисов – голосовали камешками. При этом, как пишет Геродот, «каждый из них положил камешки себе, считая себя самым доблестным. Вторую же награду большинство присудило Фемистоклу»⁵¹. Фактически это было признание того, что наибольший вклад в победу внес именно Фемистокл. Несколько позже он, прибыв в Спарту, являвшуюся лидером Эллинского союза, был удостоен там совершенно экстраординарных почестей, какие спартанцы еще никогда не оказывали чужеземцам.

Сразу после поражения при Саламине остатки персидского флота ушли к берегам Малой Азии. Ксеркс с большей частью сухопутного войска намеревался также покинуть Грецию. Авантюрное предложение Фемистокла сжечь наведенный в свое время персами мост через Геллеспонт, чтобы запереть их в Элладе, не встретило поддержки у остальных греческих полководцев. Тогда Фемистокл, вновь связавшись с Ксерксом, рекомендовал ему поторопиться с отбытием, выставляя себя его тайным сторонником⁵². Отступая, царь оставил на Балканском полуострове крупный отряд под командованием своего зятя Мардония, который лишь в следующем году был окончательно разбит греками в битве при Платеях.

Оставшуюся часть 480 г. до н.э. Фемистокл провел в экспедициях против некоторых островов Эгейского моря, державших сторону персов. Подвергая островитян осаде, он вымогал с них крупные суммы денег⁵³, чем дал очередной повод для противопоставления

⁴⁹ Об этих дебатах см.: Herod. VIII.56-64; Plut. Them. 11.

⁵⁰ Победное для греческого флота Саламинское сражение, подробно освещено в источниках (трагедия Эсхила «Персы», «История» Геродота и др.). Отметим одно малоизвестное обстоятельство. Перед началом сражения Фемистокл принес в жертву Дионису трех взятых в плен знатных персов, родственников Ксеркса. Это был, вероятно, последний в афинской истории случай человеческого жертвоприношения.

⁵¹ Herod. VIII.123 (пер. Г.А. Стратановского); ср. Plut. Them. 17.

⁵² Herod. VIII.110; Nep. Them. 5; Plut. Them.16.

⁵³ Herod. VIII.111-112; Plut. Them.21. Это, похоже, первая попытка распространения морского владычества афинян на греков-островитян, а Фемистокл выступил здесь в качестве предтечи основателей Афинского морского союза.

Аристиду: последний, двумя годами позже командуя на море, весьма умеренно и милосердно относился к жителям эгейских островов. Зимой того же года этот афинский политик замышлял очередную авантюру. Воспользовавшись тем, что афинская эскадра зимовала у берегов Аттики, а остальная часть союзного флота – в другом месте (Пагасский залив в Северной Греции), он внес в афинское народное собрание тайное предложение поджечь корабли остальных эллинских городов; это сделало бы Афины единственной морской державой в Элладе. Благодаря противодействию Аристиды этот план, чреватый скорее бедами, чем выгодами (ведь с персидской угрозой еще не было покончено), не был реализован⁵⁴.

После того как персидское войско в 479 г. до н.э. было полностью изгнано из Греции и афиняне получили возможность безбоязненно вернуться в свой разрушенный и сожженный город, они немедленно по инициативе Фемистокла приступили к восстановлению оборонительных стен. Это вызвало недовольство со стороны Спарты, посчитавшей, что укрепление Афин в данной ситуации может быть направлено лишь против нее. Имел место первый в V в. до н.э. серьезный афино-спартанский инцидент. Его разрешение Фемистокл взял на себя и, прибыв в Спарту в качестве посла, проявил незаурядный дипломатический талант. Всеми средствами затягивая переговоры, прибегая порой к лживым утверждениям, он добился того, что афинские стены были форсированно отстроены, а Спарта так ничего и не успела предпринять. Спартанским властям пришлось примириться с новой реальностью; инцидент был не без труда сглажен, но отныне Фемистокл обрел в лакедемонянах непримиримых врагов. В этот же период были завершены и работы по созданию афинского порта в Пирее. Таким образом, Афины в кратчайшие сроки возродились и, обладая своим мощнейшим флотом, с этого времени все чаще начали бросать вызов Спарте, ранее пользовавшейся почти беспрекословным авторитетом в греческом мире⁵⁵.

Казалось, Фемистокл мог торжествовать и спокойно пожинать плоды своих стараний. Он был самым известным и популярным политическим деятелем во всей Элладе. «Во время следующих Олимпийских игр [476 г. до н.э. – И.С.], когда Фемистокл пришел на ристалище, все присутствовавшие, говоря, не обращая внимания на участников состязаний, целый день смотрели на него и показывали его иностранцам с восторгом и рукоплесканиями»⁵⁶.

Но «почивать на лаврах» Фемистоклу не было суждено: в Афинах его первенствующее положение поколебалось практически сразу же после Саламинской битвы. Он не сыграл никакой роли ни в Пла-

⁵⁴ Plut. Them.20.

⁵⁵ См.: Thuc.1.89-93; Arist.Ath.pol.23.4; Diod.XI.39-43; Nep.Them.6-7; Plut.Them.19. Ср.: *Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia*. Baltimore, 1993. P. 121, 130.

⁵⁶ Plut.Them.17.

тейском сражении, ни в операциях греческого флота в Эгейде в 479–478 гг., повлекших за собой основание Афинского морского союза⁵⁷.

Можно говорить о нескольких причинах утраты Фемистоклом бывшего влияния. Во-первых, среди афинян, досрочно возвращенных в 480 г. из остракизма и вновь выдвинувшихся на ведущие позиции в общественной жизни, были откровенные противники Фемистокла. Во-вторых, возрастание авторитета Ареопага, в силу ряда причин имевшее место в рассматриваемое время, тоже не способствовала сохранению Фемистоклом своих позиций: ведь Ареопаг все еще оставался аристократическим органом и вряд ли в массе своей симпатизировал «высочке» из Фреарр, пусть даже тот и сам был ареопагитом. В-третьих, как говорилось выше, к Фемистоклу была крайне не расположена Спарта, а к ее мнению многие в Афинах по-прежнему внимательно прислушивались. В-четвертых (этот момент представляется нам наиболее важным) на рубеже 480-х – 470-х гг. до н.э. три знатнейших афинских аристократических рода – Алкмеониды, Филаиды и Керики – отложили традиционное соперничество и заключили союз, направленный, судя по всему, персонально против Фемистокла⁵⁸; действия этого союза начали со временем приносить свои плоды.

Нельзя сбрасывать со счетов и того обстоятельства, что афинский демос, крайне непостоянный в своих симпатиях и антипатиях, со временем пресытился успехами своего прежнего кумира. Это усугублялось растущей завистью к «чрезмерному» могуществу Фемистокла⁵⁹, которое, нужно сказать, он порой демонстрировал без должной тактичности. В общественном мнении начали циркулировать слухи о различных негативных чертах этого политика (стяжательстве и скаредности, тщеславии, необразованности), умело раздуваемые его врагами.

Фемистокл пытался всеми силами исправить положение. «Ему приходилось поневоле докучать им [афинянам. – И.С.] в народном собрании частыми напоминаниями о своих заслугах»⁶⁰. Возле своего дома он воздвиг храм Артемиды, а в 476 г. до н.э. выступил хорегом

⁵⁷ В связи с этими событиями мы встречаем имена совсем других людей: Аристида, Ксантиппа, Кимона, Миронида...

⁵⁸ См.: Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии... С. 187–188.

⁵⁹ Зависть и недоброжелательное отношение к своим политическим лидерам вообще было свойственно древнегреческому менталитету. Не случайно греки изобрели остракизм, а римляне – триумф. – *Runciman W. Doomed to Extinction: The Polis as an Evolutionary Dead-end // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxford, 1991. P. 365. Ср.: Суриков И.Е. Камень и глина: к сравнительной характеристике некоторых ментальных парадигм древнегреческой и римской цивилизаций // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). М., 2000. С. 281.*

⁶⁰ Plut. Them. 22.

(то есть, выражаясь современным языком, спонсором) при постановке трагедии упоминавшегося выше Фриниха «Финикиянки», в котором описывались события войны с персами, а сам Фемистокл являлся предметом безудержного восхваления⁶¹. Однако все эти шаги лишь способствовали возрастанию недовольства героем Саламина.

Впрочем, на внешнеполитической арене Фемистокл в 470-х гг. был еще весьма авторитетной фигурой. В это время он был назначен афинским представителем в Дельфийской амфикистии – крупнейшем в Греции религиозно-политическом союзе, центром которого было святилище Аполлона в Дельфах. Находясь в этой должности, Фемистокл не допустил принятия внесенного Спартой предложения об исключении из Амфикистии тех греческих государств, которые не боролись с Ксерксом в составе Эллинского союза⁶². В случае реализации этих планов за пределами союза оказались бы такие крупные его члены, как Беотия, Фессалия и др., что в целом повело бы к спартанскому засилью во всей организации. Таким образом, и здесь афинский политик выступил как решительный противник гегемонии Спарты в Элладе.

Тем временем неприязнь демоса к Фемистоклу достигла кульминации. В конце 470-х гг. до н.э. он был подвергнут ostracismу⁶³ и покинул Афины, не зная еще, что ему уже никогда не суждено возвратиться на родину⁶⁴. Фемистокл переселился в Аргос –

⁶¹ Plut.Them.5. Ср.: O'Neill E. Op. cit. P. 425 f.

⁶² Plut.Them.20. Об этом эпизоде см.: Bengtson H. Themistokles und die delphische Amphiktyonie // Eranos. 1951. V. 49. Fasc. 3/4. P. 85–92; Кулишова О.В. Указ. соч. С. 291–292.

⁶³ Thuc.I.135.3; Diod.XI.55; Nep.Them.8; Plut.Them.22. Из важнейшей литературы об ostracismе Фемистокла см.: Cary M. When was Themistocles Ostracized? // Classical Review. 1922. V. 36. № 7/8. P. 161–162; Robinson C.A. The Date of Themistocles' Ostracism // American Journal of Philology. 1946. V. 67. № 3. P. 265–266; Lenardon R.J. The Chronology of Themistocles' Ostracism and Exile // Historia. 1959. Bd. 8. Ht. 1. S. 23–48; Barrett J.F. The Downfall of Themistocles // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1977. V. 18. № 4. P. 291–305; Piccirilli L. Op. cit. P. 13; Carawan E.M. Thucydides and Stesimbrotus on the Exile of Themistocles // Historia. 1989. Bd. 38. Ht. 2. S. 144–161; Badian E. Op. cit. P. 100. Точная дата ostracismа Фемистокла неизвестна; в оценках различных исследователей она колеблется от 475 до 470 г. до н.э. Нам представляется наиболее вероятной датировка самым концом 470-х гг.

⁶⁴ Представляется невероятной гипотеза, согласно которой Фемистокл еще раз побывал в Афинах в 460-х гг. до н.э., после окончания десятилетнего срока ostracismа (Ure P.N. When was Themistocles Last in Athens? // Journal of Hellenic Studies. 1921. V. 41. P. 165–178). Она, противореча

крупнейший центр Северо-Восточного Пелопоннеса, традиционно враждебно настроенный по отношению к Спарте. По некоторым (впрочем, не вполне надежным) сведениям, Фемистокл имел с Аргосом давние, наследственные связи⁶⁵. Он сразу занял в этом городе весьма влиятельное положение. Не исключено, что он способствовал демократизации государственного устройства Аргоса по афинскому образцу⁶⁶. Он посещал и другие области Пелопоннеса, очевидно, ведя антиспартанскую пропаганду, и вообще отнюдь не снижал интенсивность своей политической деятельности. В конце концов терпение лакедемонских властей лопнуло.

«Добить» Фемистокла его врагам помогло то обстоятельство, что видный спартанский военачальник Павсаний, победитель при Платеях, был как раз в это время обвинен в изменнических связях с персами и по решению спартанских эфоров казнен (замурован в храме и уморен голодом). Причастным к персидской измене Спарта тут же объявила и Фемистокла, находившегося в дружественных отношениях с Павсанием. В Афинах – фактически по прямой спартанской указке – состоялся заочный суд над Фемистоклом, завершившийся вынесением ему смертного приговора⁶⁷. Целый ряд античных авторов подробно и в общем согласно друг с другом излагают трагичную историю бегства Фемистокла, спасавшегося от преследователей, посланных схватить его: из Аргоса на остров Керкиру, оттуда – в Эпир и далее через Македонию к берегам Эгейского моря, после чего он переправился на корабле в Малую Азию, в персидские владения⁶⁸. В 465 г. до н.э. Фемистокл оказался при

подавляющему большинству источников, основывается лишь на одном ошибочном сообщении Аристотеля (Ath.pol.25.3-4).

⁶⁵ Ps.-Themistocl.Epist.1. О пребывании Фемистокла в Аргосе см.: Forrest W.G. Themistokles and Argos // *Classical Quarterly*. 1960. V. 10. № 2. P. 221–241.

⁶⁶ Об аргосской демократии в V в. до н.э. см.: Robinson E.W. *The First Democracies: Early Popular Government outside Athens*. Stuttgart, 1997. P. 82–88.

⁶⁷ Об осуждении Павсания и Фемистокла см.: Строговецкий В.М. Диодор Сицилийский...; Rhodes P.J. Thucydides on Pausanias and Themistocles // *Historia*. 1970. Bd. 19. Ht. 4. S. 387–400; Konishi H. Thucydides' Method in the Episodes of Pausanias and Themistocles // *American Journal of Philology*. 1970. V. 91. № 1. P. 52–69; Podlecki A.J. *The Life of Themistocles...* P. 131 ff.; *idem*. *Themistocles and Pausanias...* Процесс Фемистокла имел место в 467 г. до н.э.

⁶⁸ Thuc.I.136-137; Diod.XI.56; Nep.Them.8; Plut.Them.24-26. Существовали и более экзотические версии бегства Фемистокла. Согласно одной из них, приводимой Стесимбротом, Фемистокл якобы перед отъездом в

ахеменидском царском дворе, где был радушно принят⁶⁹. Несмотря на то, что Фемистокл был одним из главных участников борьбы с персами, он, как мы помним, поддерживал переписку с Ксерксом и, видимо, все-таки зарекомендовал себя в глазах персидского владыки его тайным сторонником. Не вполне ясно, к какому именно царю явился Фемистокл. Дело в том, что как раз в 465 г. в Персии произошел переворот: Ксеркс был убит, и власть перешла к его сыну Артаксерксу I. Соответственно, одни источники (Эфор, Диодор) утверждают, что Фемистокл прибыл в державу Ахеменидов еще при жизни Ксеркса, а другие (Фукидид, Непот, Плутарх) относят этот эпизод ко времени после его смерти. Как бы то ни было, все дальнейшее пребывание афинского полководца в Персии проходило уже в царствование Артаксеркса.

Фемистокл изучил персидский язык и занял достаточно влиятельное положение при царском дворе. В конце концов Артаксеркс назначил его правителем нескольких находившихся под персидским владычеством греческих городов Малой Азии. «Царь пожаловал ему Магнесию (приносившую 50 талантов дохода ежегодно) “на хлеб”, Лампсак (знаменитый, как тогда считалось, своими виноградниками) – “на вино”, а Миунт – “на приправу”»⁷⁰. Таковы были принятые в Персии формы царских пожалований. Сложилась, таким образом, парадоксальная ситуация: один из главных героев Греко-персидских войн провел последние годы своей жизни в качестве вассального тирана под персидским владычеством.

Смерть Фемистокла относится к 459 г. до н.э.⁷¹ Вызвана она была, скорее всего, естественными причинами (Фемистоклу было

Азию побывал еще и на Сицилии. Не вызывает сомнения большой интерес Фемистокла к Великой Греции (Herod.VIII.62); он даже назвал двух из своих дочерей Италией и Сибаридой (Plut.Them.32). Тем не менее его поездка в этот регион если когда-либо и имела место, то уж, во всяком случае, не в рассматриваемый здесь момент.

⁶⁹ И ранее в окружении персидских царей находились знатные греки, по тем или иным причинам вынужденные покинуть родные полисы. Достаточно назвать самых известных из них – афинского тирана Гиппия и спартанского царя Демарата.

⁷⁰ Thuc.I.138.5 (пер. Г.А. Стратановского); ср.: Diod.XI.57.7; Nep.Them.7; Plut.Them.29. Иногда называют еще два города, пожалованных Фемистоклу: Перкоту и Палескепис. В Магнесии, которая была центром владений Фемистокла, он даже чеканил монету со своим именем: *Sear D.R. Greek Coins and their Values. V. 2. L., 1979. P. 409.* Монеты Фемистокла датируются 464–462 гг. до н.э.

⁷¹ Различные версии смерти Фемистокла: Aristoph.Equ.83-84 cum schol.; Thuc.I.138.4; Diod.XI.58; Nep.Them.10; Plut.Them.31.

уже 65 лет), хотя впоследствии по Греции ходила красивая легенда, согласной которой после поддержки афинским флотом антиперсидского восстания в Египте Артаксеркс, готовясь к новой борьбе с греками, потребовал от Фемистокла услуг военного характера, а тот, не желая сражаться против соотечественников, покончил жизнь самоубийством. В эту версию трудно поверить: самоубийство представляется шагом отнюдь не в духе Фемистокла. Его гробница находилась в Магнесии; однако ходили слухи, что на самом деле это кенотаф, а прах Фемистокла был тайно перевезен его друзьями в Аттику и похоронен там, чтобы дать ему возможность хотя бы посмертно возвратиться на родину.

Перед нами прошла одна из самых сложных и богатых разнообразными переменами биографий античной эпохи. Что можно сказать на ее основе об общем характере деятельности Фемистокла? Не вызывает сомнений, что этот политик весьма успешно смог приспособиться к новым условиям общественной жизни, созданным после возникновения афинской демократии, и воспользоваться этими условиями в свою пользу. Многие мероприятия, проведенные по его инициативе, имели безусловно демократический характер, способствовали дальнейшему укреплению народовластия в Афинах. Впрочем, вряд ли следует считать, что Фемистокл был принципиальным «демократом» по убеждениям. Он стремился к укреплению своего влияния и, иницируя те или иные меры, руководствовался не соображениями общего порядка, а оценкой конкретной ситуации. Завершилась же политическая карьера Фемистокла, мягко говоря, не вполне обычно. Тем не менее его падение типично в том отношении, что оно может служить иллюстрацией судьбы политического лидера в демократических Афинах: ведь практически все его партнеры и конкуренты (будь то Мильтиад, Аристид, Ксантипп, Кимон) на том или ином этапе своей деятельности тоже становились жертвами немилости демоса⁷².

⁷² О репрессиях афинского демоса в отношении собственных политических лидеров см.: Knox R.A. "So Mischievous a Beast"? The Athenian Demos and its Treatment of its Politicians // Greece & Rome. 1985. V. 32. № 2. P. 132–161.

В.Н. Токмаков

МАРК ФУРИЙ КАМИЛЛ:
ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ И ОБРАЗА
«ВТОРОГО РОМУЛА»

Пожалуй, трудно найти во всей истории Древнего Рима (даже ранней) персонаж, который был бы окружен столь мощным ореолом легенд и тщательно укрыт от досужего взора такой плотной завесой мифологизации, как прославленный полководец и «второй основатель» Рима Марк Фурий Камилл. Римские анналисты и писатели последующих эпох (особенно Августа) немало потрудились на ниве создания «бронзового» образа Камилла как идеала истинного римлянина, олицетворения всех римских добродетелей в духе *mos maiorum*, воплощения благочестия и воинской доблести, символа несокрушимого могущества римского государства и его грядущей великой судьбы. Возвеличивая Камилла, римские историки возвеличивали и Рим. В результате реальный исторический деятель превратился в патриотический миф, компенсировавший горечь уязвленного исторического самолюбия. Поэтому желающему приподнять официозный саван над этой незаурядной личностью придется стряхнуть немало пыли легенд и героических саг.

Любопытно, что фигура Камилла была обойдена вниманием историков нашего времени. В зарубежной историографии можно перечесать по пальцам посвященные ему статьи¹ или соответствующие разделы в монографиях по ранней Республике, где он трактуется обычно в гиперкритическом плане; в отечественной литературе интерес к этой личности практически не возникал².

¹ См., например: *Hirschfeld O. Zur Camillus-Legende // Friedlander. 1895; Täubler E. Camillus und Sulla // Klio. 1912. Bd. XII; Funaioli G. Camillo e i Galli in Tito Livio // Studi liviani. 1934. P. 111–134; Momigliano A. Camillo e la Concordia // Storia e storiografia antica. Bologna, 1987. P. 257–274. См. также: *Munzer. M. Furius Camillus // Pauli-Wissowa. RE. Stuttgart, 1912. Bd. VII. S. 324–348 (Далее: Furius.)**

² Отрядным исключением является блестящий, но краткий анализ биографии Камилла в кн.: *Маяк И.П. Римляне ранней Республики. М., 1993. С. 32–36.*

Когда приступаешь к изучению биографии исторического лица, чаще всего возникает проблема нехватки источников. В случае с Камиллом источников хоть отбавляй, но при этом ощущаешь острый дефицит реальных событий, а сам образ Камилла ускользает от понимания. Мы ничего не узнаем о его личной жизни, пристрастиях (в отличие, например, от Аппия Клавдия Цека), даже о детях, лишь сообщается о смерти его малолетнего сына и скорби отца. Житие Камилла, на первый взгляд, прозрачно, но в то же время все словно соткано из противоречий и крайностей. Даже сама жизнь его – целая эпоха, совпавшая с переломным периодом истории Рима. Блестящий панегирик Камиллу дал греческий историк Дионисий Галикарнасский: «Марк Фурий, диктатор, был из всех своих современников наиболее блистательным в военных делах и самым хитроумным в политике» (*Dionys. XIV. 3. (8)*).

Марк Фурий Камилл³ принадлежал к исконному и древнейшему римскому патрицианскому роду Фуриев⁴, ведших свое происхождение от соратника Ромула Спурия Фузия (*Liv. I. 24. 6*). В эпоху Республики возникли ответвления рода – Фурии Фузы, Медуллины и Камиллы. Первые иногда достигали консульства, но из Камиллов высшей курульной магистратуры достиг только наш герой, оказавшись, таким образом, одним из первых римских homo novus. Родившись примерно в 447 г. до н.э., в годы апогея борьбы патрициев и плебеев, кардинальных реформ и ожесточенных политических раздоров, Камилл прожил более восьмидесяти лет (что уже удивительно для того времени, да еще учитывая его военную стезю) и умер в 365 г. не по причине преклонного возраста, а от свирепствовавшей тогда чумы (кстати, второй на его памяти). Он удивительно поздно начал политическую карьеру – лишь в 401 г., в 46 лет⁵, впервые став консулярным трибуном, – но продолжал ее чрезвычайно долго, с возрастом только наращивая славу полководца и триумфальные почести. Согласно традиции, еще за два года до смерти он в должности диктатора громил галлов в Альбанской земле!

³ Camillus, дословно «примерный юноша»; камиллами называли мальчиков из знатных фамилий, прислуживавших на религиозных церемониях и процессиях жрецам.

⁴ См.: Varro. Rer. Div. V; Serv. Ad Aen. IV. 219; Macro. Sat. III. 2. 8; Quint. Inst. Or. I. 4. 13; Liv. III. 4. 1.

⁵ Возраст уже сениора, и это при том, что в V в. немало патрициев становились консулами до тридцати лет!

Всего он шесть раз избирался консулярным трибуном, три раза назначался интеррексом, пять раз диктатором и справил четыре славных триумфа! При этом его биограф Плутарх с удивлением отмечает, что он ни разу не становился консулом, хотя эта магистратура продолжала существовать в первой половине IV в. до н.э. наряду с консулярными трибунами (*Plut. Cam. 1. 1*). Плутарх объясняет это тем, что отношение народа к последним было более благожелательным (ведь трибунами могли стать и плебеи), а Камилл не захотел идти наперекор желанию народа. «Зато, – продолжает историк, – занимая иные должности ...он всегда проявлял себя с такой стороны, что власть (даже в тех случаях, когда она принадлежала только ему) оказывалась общим достоянием (а значит и ответственность – В.Т.), слава же доставалась одному Камиллу (даже если главенство принадлежало нескольким лицам): Первого он достигал своей скромностью полководца, стараясь избежать зависти, второго – благодаря остроте и пронизательности ума, в чем, по общему признанию, не знал себе равных» (*Ibid. 1. 4*). Не эта ли политическая и человеческая гибкость реального человека позволила превратить его в исторического героя?

О детских годах Камилла нам ничего не известно – римская историография не баловала читателей ненужными подробностями частного свойства. Впервые мы встречаем его в конце 30-х годов V в. до н.э. В сражении с вольсками и эквами Камилл мчался впереди всех на лошади, в бедро ему попал вражеский дротик, но отважный юноша, вырвав его из раны, продолжил бой и обратил неприятеля в бегство (*Plut. Cam. 2. 1*). Произойти это могло только в 431 г.⁶, когда под предводительством диктатора Авла Постумия Туберта разразились битвы с эквами и вольсками у Тускула и Ланувия (*Liv. IV. 27–28*). Правда Ливий, подробно описавший их, ничего не упоминает о деяниях Камилла, его герои – легаты Спурий Постумий Альба и Марк Фабий, причем последний из них и был пригвожден к коню копьем в бедро (*Ibid. 28. 8*). И вот здесь невольно пробуждается первое сомнение. Тем

⁶ Римляне достигали призывного возраста в 18 лет (хотя могли служить и добровольцами в 16–17 лет) (*Маяк И.Л. Значение воинской службы для воспитания идеального гражданина // Античность и средневековые Европы. Пермь, 1994. С. 126*), исходя из этого и определяется примерный год рождения Камилла – 447 г. до н.э. Вторым ориентиром служит упоминание Плутарха (*Cam. 40. 3*), что во время пятой диктатуры в 367 г. ему уже перевалило за восемьдесят.

более, что Плутарх уверяет, будто именно за эти подвиги Камилл получил должность цензора, «имевшую в те времена огромное значение» (*Plut. Cam. 2. 3–4*). Здесь он отличился тем, что побудил холостяков жениться на вдовах, которых было много из-за войн, и заставил сирот платить налоги, чего ранее они не делали (*Ibid. 2. 4–5*). Однако предполагаемая цензура Камилла могла случиться только в 403 г. Ливий, правда, в этот год огрешно присовокупляет его и Марка Постумия Альбина к консулярным трибунам, но затем дезавуирует сам себя, дважды упоминая об избрании Камилла трибуном «во второй раз» (*Liv. V. 10. 1; 14. 5*). Хотя сомневаться в подлинности его цензуры нет оснований, ибо его имя присутствует в Капитолийских фастах (*Val. Max. II. 9. 1*), получил он ее, конечно, не за ратные подвиги, тем более что это была чисто гражданская должность. Правда, в последующие века цензура считалась самой почетной магистратурой и как бы венцом карьеры (после консулата), но в первое время после ее учреждения в 443 г., по словам Ливия, была «сначала малозначительной» (*IV. 8. 2*), поэтому отправление ее Камиллом, еще не занимавшим высшей должности вполне допустимо⁷.

В 401 г. до н.э. Марк Фурий Камилл наконец впервые достигает магистратуры консулярного трибуна вместе с еще пятью коллегами (*Liv. V. 10. 1; Diod. XIV. 44. 1*). Наступало его время. А время было суровое. В последней четверти V в. до н.э. стремительно нарастает новая волна экспансии Рима против соседних племен, связанная с земельным голодом в Риме и агрессивными устремлениями патрицианского сената. Римляне ведут перманентные войны с вольсками и эквами, герниками и этрусками: в 408 г. они громят вольсков у Анция, в 406 г. захватывают Анксур, разворачивают наступление в южном Лации, овладевая Боллой (415 г.), Ферентином (413 г.), Карвентом (410 г.) и Артеней (404 г.)⁸. Но главным, извечным противником остается этрусский город Вейи, расположенный по правому берегу Тибра всего в 15 км от Рима. Археологические раскопки показали, что в V в. Вейи были процветающим городом (*Plut. Cam. 2. 6*)⁹. Они владели обширной

⁷ А. Линтотт отмечает, что еще в начале III в. до н.э. претура могла исполняться после консулата. См.: *Lintott A. The Constitution of the Roman Republic. N.Y., 1999. P. 144.*

⁸ См.: *Cornell T.J. The Beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000–264 BC). L.; N.Y., 1995. P. 311.*

⁹ См.: *Ibid. P. 310.*

округой более чем в 560 кв. км¹⁰ и контролировали дороги, связывавшие Центральную Италию и Рим с севером полуострова.

В конце V в. до н.э. заканчивался срок перемирия римлян с Вейями. Ранее в 478 г. вейяне разгромили римское войско и перебили на реке Кремере более трехсот представителей рода Фабиев¹¹, самонадеянно взявшихся за ведение войны. Вторая война с Вейями и их союзниками фалисками (437–425 гг.) принесла римлянам некоторый перевес: был убит в поединке с Авлом Корнелием Коссом этрусский царь Ларс Толумний и с вейянами заключено перемирие на двадцать лет (*Liv.* IV. 35. 2). Теперь же в Вейях бушевали внутренние раздоры (*Ibid.* 58. 2). К концу V в. до н.э. Вейи оказались в политической изоляции, что подталкивало римлян к реваншу¹². Если бы не отказ остальных этрусских городов в помощи Вейям, о чем не раз принимались постановления на общетруском собрании у святилища Вольтумна¹³, римлянам пришлось бы плохо. Но резкие разногласия этрусских городов с разной формой правления (*Liv.* V. 22. 3–6)¹⁴, необходимость обороны от вторжений с севера галлов¹⁵, а скорее всего неприязнь к Вейям, чья бесконечная борьба с Римом препятствовала торговле с ним, и позволили предопределить их участь.

Придравшись, что старейшины вейян гордо отвергли неправомерные притязания римлян, сенат объявляет Вейям войну (*Liv.* IV. 58. 6–8). Однако война затянулась на целых десять лет (406–396 гг. до н.э.). Исследователи давно высказывали сомнения в ее реальной продолжительности. Слишком уж прозрачно

¹⁰ *Beloch J.* Romische Geschichte bis zum Beginn der punischen Kriege. В., 1926. S. 620.

¹¹Род Фабиев владел обширными землями по правому берегу Тибра, поэтому противостояние с Вейями действительно было их личным, я бы даже сказал, кровным делом.

¹² Особую роль в организации этой изоляции сыграл Клузий (*Liv.* V. 35. 4), чем объясняется помощь ему со стороны Рима в конфликте его с галлами. См. об этом: *Scullard H.H.* The Etruscan Cities and Rome. Ithaca, 1967. P. 151–155; *Harris W.V.* Rome in Etruria and Umbria. Oxford, 1971. P. 125, 210–212; *Pallotino M.* The Etruscans: Engl. transl. Harmondsworth, 1978. P. 118, 119; *Dyson S.T.* The Creation of the Roman Frontier. Princeton, 1985. P. 14.

¹³ См.: *Liv.* IV. 24. 2; 61. 2; V. 1. 7; 17. 6–7.

¹⁴ *Cornell T.J.* Op. cit. P. 312.

¹⁵ *Моммзен Т.* История Рима. СПб., 1995. Т. 1: До битвы при Пидне. С. 268.

проявлялась здесь ассоциация с Троянской войной¹⁶. Источники называли и пять лет, а Диодор вообще укладывает ее в один год. Но как бы то ни было, война затянулась, и римлянам пришлось долго осаждать сами Вейи. И хотя из всех этрусков вейянам оказали помощь только жители Тарквиний (*Liv. V. 16. 4*), дело осложнялось тем, что воевать приходилось и с вольсками, и с городом фалисков Фалериями. После первых у успехов осада проходила безрезультатно, воины теперь уже круглый год мерзли в своих палатках, осажденные же не испытывали нужды в обильных припасах и совершали частые и удачные вылазки¹⁷, наводя на храбрых римлян великий страх и смятение¹⁸.

В этой войне принимал участие и наш герой. В 398 г. Камилл вторично был избран консулярным трибуном, но участия в осаде Вей не принимал, совершив рейд против города фалисков Капены (*Diod. XIV. 82. 1*). Согласно Плутарху, фалиски были разбиты и, понеся тяжелые потери, загнаны в стены своих городов (*Plut. Cam. 2. 10*). Ливий ограничивается скупым замечанием, что Камилл собрал огромную добычу, а из того, что можно было извести огнем и мечом, не оставил в сохранности ничего (*Liv. V. 14. 7*). Проще говоря, осадить город не удалось, и все силы были потрачены на грабежи полей. Упорное сопротивление Вей и страшные знамения (вроде Альбанского чуда) изматывали силы и дух римлян. Наконец, в 396 г. диктатором был назначен Марк Фурий Камилл¹⁹. Наступил его звездный час и крутой поворот в истории Рима, чьим демиургом выступил он сам.

¹⁶ Даже взятие Вей посредством тайного проникновения через подземный ход выглядит парафразом Троянскому коню. См. также: *Momigliano A. Camillo...* P. 258; *Fufius. S. 326*

¹⁷ О «суровости» осады красноречиво говорит эпизод с дружескими беседами осаждавших и осажденных и даже установлении личных связей, как, например, с вейянским прорицателем по поводу великого чуда вздутия вод Альбанского озера в засушливое лето. См.: *Plut. Cam. 4; Liv. V. 15. 5–7; Dionys. XII. 11.*

¹⁸ Так, в 402 г. вейяне и фалиски с двух сторон напали на римский лагерь, где «воины метались, переносили боевые знамена то туда, то сюда, и в результате не удалось ни вейянам удержать в их стенах, ни свои собственные отстоять от врага, наседавшего извне» (*Liv. V. 8. 8*); а в 396 г. римские войска попали в засаду и позорно бежали, в лагере под Вейями распространился слух, что «победоносные капенец с фалиском и всей этрусской молодежи уже рядом, воинов едва удалось удержать от бегства». В Риме паника была еще больше: люди сбегались к стенам, мафоны молились в храмах... (*V. 18. 10–11*).

¹⁹ *Liv. V. 19. 2; Dionys. XII. 14; Zonar. VII. 21; Plut. Cam. 5. 1.*

Давно отмечено, что римская традиция живописует кульминацию осады Вей и падение города как некий сакральный акт, долженствовавший наглядно проявить милость и благорасположение к Риму богов, послужить символом их грядущего величия и осуществления божественного промысла. Отсюда чудо с вышедшим из берегов Альбанским озером и предсказания этрусских гаруспиков о том, что Вейи падут, когда воды будут повернуты вспять, отсюда Дельфийский оракул и говорящая статуя Юноны, якобы изъявляющая желание переселиться в Рим²⁰. Поэтому все действие разворачивается на фоне непрерывных религиозных церемоний и священных обетов, эпицентром и верховным жрецом которых становится Камилл, своего рода «орудие судьбы» (*dux fatalis*)²¹ – ничто не должно заронить сомнения у читателей в исключительном благочестии победителей и правильности осуществления воли богов²².

Покончив с делами божественными, Камилл прежде всего поспешил восстановить боевой дух воинов, для чего, пользуясь диктаторским правом *coercitio*, казнил всех, кто бежал из-под Вей²³, чем, по словам Ливия (V. 19. 4), «добился того, что противник перестал быть самой страшной грозой для римлян». С взбодренным децимацией войском он двинулся в поход. Но это были уже не те воины, что до осады Вей. В прежние времена воинская служба была долгом гражданина и военной работой с добычей в виде оплаты труда²⁴. Ежегодно осенью воины возвращались до-

²⁰ Liv. V. 15.1–2; 16. 8 – 17. 2; 19. 1; Val. Max. I. 6. 3; Zonar. VII. 20E; Plut. Cam. 3. 1; Dionys. XII. 10–13. 3.

²¹ См.: Cornell T.J. Op. cit. P. 312.

²² Впрочем, римляне на самом деле отличались отменной богобоязностью и полагали, что всеми действиями войска управляют Марс и Юпитер, являя свою волю через ауспиции, а полководцы только лишь обязаны верно истолковать знамения и выполнить поставленную богами задачу. Поэтому нарушение обрядности или неверное совершение ауспиций перед походом или битвой влекло за собой суровейшие наказания нечестивцу. Подробнее см.: Токмаков В.Н. Сакральные аспекты воинской дисциплины в Риме ранней Республики // ВДИ. 1997. 1. С. 43–59.

²³ Ср.: Flor. I. 6. 12; D. 49. 16. 3. 11; 5. 1–3. Согласно Дионисию (V. 40, 41), римские законы давали право командующему предавать смерти воинов, самовольно оставивших воинские значки. Подробнее о правах военачальников и децимации см.: Токмаков В.Н. Сакральные аспекты... С. 49, 56 и след. Ср.: Kerrie L. The Making of the Roman Army: From Republic to Empire. L., 1984. P. 36 ff.

²⁴ См. подробнее: Маяк И.Л. Значение воинской службы...С. 125 и след.; Она же. Римляне в быту и на общественном поприще (ранняя

мой к сельским заботам. Но длительная осада внесла свои коррективы. Служба стала круглогодичной и постоянной. Для компенсации потерь по ведению хозяйства и из-за отсутствия добычи было введено жалование воинам (*stipendium*), для чего потребовалось учреждать военный налог (*tributum*) со всех граждан, в том числе и тех, кто уже отслужил за свой счет. Наконец, для восполнения потерь в коннице, служившей на общественных лошадях (*equo publico*), появилась категория состоятельных лиц, приобретших лошадей частным порядком (*equo privato*)²⁵.

Эти, казалось бы, частные, технические нововведения вызвали бурю протеста у плебеев, не без основания усмотревших в них усиление так называемой «военной эксплуатации» плебеев, изменение социальной роли войска и его места в общественной структуре Рима. Это выразилось и в перемене порядка распределения военной добычи. Ранее, как правило, вся добыча или большая ее часть отдавалась в руки воинов путем грабежа или распродажи на аукционе. Именно Камилл был одним из первых полководцев, кто предпочитал передавать военную добычу квесторам, т.е. в государственную казну²⁶, ведал которой, заметим, сенат²⁷. Это был первый шаг на пути превращения общинного милиционного ополчения в постоянное профессиональное войско²⁸, хотя процесс этот и растянулся на столетия.

Готовясь к решительному штурму, Камилл произвел новый набор, призвал на помощь союзных латинян и дал обет в случае победы устроить Великие игры и освятить храм Матери Матуты (*Liv. V. 19. 5–6*). И в дальнейшем мы постоянно видим Камилла возносящим благодарствия Юпитеру за благоприятную фортуна в одоле-

Республика) // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 25 и след.; Токмаков В.Н. Военная организация Рима ранней Республики (VI–IV вв. до н.э.). М., 1998. С. 159, 169 и след.

²⁵ *Liv. IV. 59. 11; V. 2. 7, 12; 4. 5; 7. 5, 12–13; 12. 13.*

²⁶ Так, Камилл, завладев огромной добычей фалисков и капенатов, большую часть отдал квесторам, а воинам меньшую часть (*Liv. V. 19. 4*); он отказался предоставить воинам вейянскую добычу, отдав право распоряжения ею сенату (*Ibid. 20. 2–3*), что вызвало ненависть к нему со стороны плебеев (*Ibid. 22. 1; 23. 11*); в 394 г. он также отдал добычу, взятую у фалисков, квесторам, к огромному неудовольствию воинов (*V. 26. 8*). См. также: Керриэ Л. *Op. cit.* P. 39.

²⁷ См.: Токмаков В.Н. Римский сенат и центуриатная военная организация в период ранней Республики (V–IV вв. до н.э.) // ВДИ. 1994. № 3. С. 37 и след.

²⁸ См., например: *Mellersh H.E.L. Soldiers of Rome. L., 1964. P. 30.*

нии столь могучего города «беззаконных людей», причем, по версии Плутарха, «не вопреки справедливости, но вынужденные к обороне»; и дающим священные молитвы уберечь Рим от зависти богов и людей и искупить зло гордыни «малой кровью»²⁹. К публичным добавились и частные обеты посвятить Аполлону Пикийскому³⁰ десятую часть всей добычи и перевезти в Рим статую богини Юноны, покровительницы Вей³¹. Последний акт имел магическое значение – вместе с богиней в Рим переходила и мощь города.

Расправившись вначале с фалисками и капенатами (*Ibid.* 7; *Plut. Cam.* 5. 3), он подступил с воинами к Вейям. Любопытна оговорка Зонары (*VII.* 21), что Камилл пошел на приступ города, но не имел успеха, и тогда отвел войско и стал готовить подкоп. Остальные авторы об этом провале предпочитают умалчивать. Да, не ладились дела у Камилла со штурмом укрепленных селений: ранее у капенатов, как мы помним, он лишь разграбил поля, позднее в походе против вольсков также не рискнул осаждать их города (*Liv.* V. 24. 2), Фалерии осаждал безуспешно и так усердно, что фалерийские дети с учителем свободно гуляли за стенами (V. 27), и лишь Тускул во время своего шестого трибуната в 381 г. он взял молниеносно, поскольку его жители сами открыли ему ворота³².

Видя неприступность стен Вей, Камилл прибег к хитрости. Все силы воинов он бросил на рытье подземного хода под городской стеной, для чего разделил воинов на шесть команд, чтобы работа не прерывалась (*Liv.* V. 19. 10–11; *Plut. Cam.* 5. 4). Правда, следует учесть, что под Вейями уже существовала целая система туннелей (*cuniculi*) и подземных галерей, которые были обнаружены при раскопках³³. Так что Камилл мог знать об их существовании и просто воспользоваться случаем, прорыв всего лишь небольшой ход к одному из туннелей. Это объясняет и анекдот с выведением подземного хода напрямиком в подземелье храма Юноны (*Liv.* V. 21. 10). Военная изобретательность Камилла здесь проявилась безусловно, но червь сомнения вновь шевелится. Дело в том что полководец и в данном хитром приеме не

²⁹ *Liv.* V. 21. 15–16; *Dionys.* XII. 14; *Plut. Cam.* 5.7–9; *Val. Max.* I. 5. 2.

³⁰ Об обете Камилла Аполлону и связанных с этим проблемах см.: *Gagù J. Apollon romain.* P., 1955. Chap. III.

³¹ *Liv.* V. 21. 1–3; *Plut. Cam.* 7. 6; *App. Ital.* 8. 1.

³² О войне с Тускулом см.: *Liv.* VI. 25. 1–27. 1; *Dionys.* XIV. 6. 2 sq.; *Plut.* 38. 2–4; *Val. Max.* VII. 3 ext. 9; *Dio Cass.* Fr. 26. 1–3; 28.

³³ *Saulnier Chr. L'armée et la guerre dans le monde etrusco-romain (VIII–IV c.).* P., 1980. P. 159; *d'Agostino A. Veio // Itinerari dei Musei, Gallerie e Monumenti d'Italia.* Rome, 1971. P. 25; *Cornell T.J.* Op. cit. P. 312, cp. 310.

был новатором: римляне уже применяли аналогичные подкопы и ранее, например, при взятии Фиден в 435 г. (*Ibid.* IV. 22. 4–6).

В назначенный день римляне пошли на приступ в самом далеком от подкопа месте, отвлекая силы вейян. Тем временем отборные отряды проникли подземным ходом прямо в храм богини Уни (Юноны). Позднее римляне расцветили это событие легендой о том, что, выйдя из подкопа, воины будто бы увидели в храме царя Вей в момент принесения жертвы и услышали слова гарусника, возвестившего, что победа достанется тому, кто разрубит внутренности жертвенного животного. Римляне тут же выхватили внутренности и отнесли их к Камиллу, лишив врага победы волей божественных сил. Впрочем, римляне сами не верили в эту байку (*Liv.* V. 21. 8–9; *Plut. Cam.* 6).

Камилл же перед приступом совершал ауспиции, возносил молитвы Юноне, а во время штурма стоял неподвижно на холме и плакал над несчастной участью разгромленного им самим города и превратностью судьбы – риторический прием, типичный для римской историографии³⁴. Действительность была страшнее: римляне устроили жестокую резню и грабеж города, пока диктатор не повелел прекратить кровопролитие; тогда этруски начали сдаваться (*Liv.* V. 21. 13; *Dionys.* XII. 12. 16). Увидев своими глазами, сколь огромны богатства города и непомерна добыча, рассудительный Камилл вознес к небу молитвы, чтобы не слишком дорогой ценой пришлось платить ему и народу римскому за такое невероятное счастье, которое может вызвать зависть и богов, и людей. Передают, что во время молитвы он оступился и упал³⁵. Спустя несколько лет, когда Рим пылал во время нашествия галлов, многие вспомнили этот случай, да поздно.

Судьба Вей была плачевна. Римляне сполна отыгрались за все прошлые обиды. Все свободные жители были проданы в рабство. А для грабежа добычи приглашались все граждане Рима. Огромной алчной толпой, с женами и детьми, патриции и плебеи, они устремились в покоренный город, спеша набить котомки и телеги чужим добром, унося законную добычу в складах тог и подолах женских одежд. Вывезя подчистую все земные богатства, римляне не преминули поживиться и дарами божествен-

³⁴ *Liv.* V. 21. 14; *Dionys.* XII. 14. 16; *Plut. Cam.* 5. 6; *Zonar.* VII. 21; *Val. Max.* I. 5. 2. О сантиментах Камилла при взятии Вей и их аналогиях с плачем Сципиона Эмилиана во время штурма Карфагена см.: *Momigliano A. Camillo...* P. 260.

³⁵ *Liv.* V. 21. 4–16; *Dionys.* XII. 14. 19–20; 16. 23; *Plut. Cam.* 5. 8.

ными. В Рим с приличествующими обрядами и торжествами была перевезена статуя богини царицы Уни (Юноны), чтобы являть покровительство уже новому хозяину³⁶. И вновь создателем нового культа выступает Камилл.

Взятие Вей было трагичной страницей в истории этрусков. Римляне уничтожили многие памятники культуры, архивы и библиотеки, разорили цветущий город. Правда, стереть его с лица земли и распахать пустырь, как в случае с Карфагеном и Коринфом, римляне еще не додумались. И все же даже гибель Вей столетия спустя вызывала изумление потомков своим величием: ведь после десятилетней осады они были взяты не силой, а хитростью (*Liv. V. 22. 8*). Вершителем же воли божественного провидения римская историография назначила диктатора Марка Фурия Камилла³⁷.

Именно он блистательно завершил в 396 г. до н.э. тяжелейшую войну и доставил в Рим огромную добычу. За это он был провозглашен императором и справил неслыханный по пышности триумф, въехав в город на колеснице, запряженной белыми лошадьми³⁸. Это посчитали кощунственным, ибо такие лошади считались атрибутом Юпитера, что как бы приравнивало Камилла к небожителям. Поэтому Ливий меланхолично замечает, что «по этой-то причине триумф был скорее блестящим, нежели радостным» (*V. 23. 5–6*). Как видим, идеалы полисного равенства еще владели душами граждан. Однако и здесь возникает сомнение: не служит ли столь единодушный акцент историков на высокомерии обычно столь благочестивого и «скромного» героя всего лишь дымовой завесой, дабы прикрыть истинную причину ненависти к Камиллу плебеев и его последующего привлечения к суду? Кстати, впервые белых лошадей использовал в своем триумфе еще в 509 г. до н.э. Валерий Попликола (*Plut. Popl. 9*), так что ничего неслыханного в этом не было.

Античные авторы не могли скрыть, что воины были недовольны полководцем за то, что он лишил их законной добычи, остальные же граждане, вроде бы облагодетельствованные Камиллом, пришли в негодование, когда он после долгого переры-

³⁶ *Liv. V. 22. 3–7; Plut. Cam. 6; Dionys. XIII. 3; Val. Max. I. 8. 3; Plin. NH. XXVIII. 18* (о статуе Юноны).

³⁷ См. упоминания о взятии диктатором Камиллом Вей: *Plin. NH. III. 125; Gell. XVII. 21. 20; Flor. I. 6. 9; Eutrop. I. 20. 1; Oros. II. 19. 3; Ovid. Fasti. I. 641*.

³⁸ *Plut. Cam. 7. 1; Dio Cass. LII. 13. 3; Zonar. VII. 21; Plin. NH. XXXIII. 111sq.; Vir. ill. 23. 3sq.; Anth. Lat. 834. 3sq.; Diod. XIV. 93. 2; 117. 6*.

ва, вдруг заявил, что по данному им обету богам надлежит отдать десятую часть добычи в дар Аполлону (*Liv. V. 8–10; Zonar. VII. 21*). Но добыча была уже поделена среди жителей и растрочена либо вложена в хозяйство. Задержка объяснялась хлопотами Камилла по устройству триумфа и освящению алтаря Матери Матуте. Почитатель Камилла Плутарх даже не удержался от упрека ему в самом нелепом оправдании, что он дескать просто забыл (*Сам. 8. 2; ср. App. Ital. 8. 1*). Причем Камиллу не пришлось в голову возместить дар богам хотя бы частично из собственных средств (и родовых), хотя обет он давал личный, а не от лица общины! В результате сенат порешил, чтобы каждый гражданин оценил сам свою долю добычи и внес десятую часть ее в казну, а римским матронам пришлось даже пожертвовать свои золотые украшения, чтобы отлить кратер в жертву Аполлону Дельфийскому³⁹. Дорого же обошлись римлянам забывчивость и благочестивость триумфатора!

Через год (394 г.) Камилл вновь был избран консулярным трибуном⁴⁰ и отправился во главе войска против города Фалерии. Здесь он явил миру недюжинность своего таланта и благородства⁴¹. Фалерийцы имели обыкновение выводить своих детей за городские стены для учебных занятий. Римляне не препятствовали им в этом. Тогда один учитель решил предать сограждан: он стал с каждым разом уводить детей все дальше от города и в конце концов очутился у римского лагеря. Приведенный к Камиллу, он сдал детей ему в заложники, чтобы родители из страха за их жизни открыли ворота города. Но добродетельный римлянин отверг гнусное предложение предателя и отправил его, нагого и со связанными руками, обратно в Фалерии под присмотром детей, вручив им розги. Потрясенные таким поступком фалерийцы сами явились в Рим для заключения мира и уплаты денег.

Однако внимательный анализ превращает трогательный сказ в мыльный пузырь. Так, поначалу Камилл ограничивался грабежом полей и поджогами селений (*Liv. V. 26. 4*). Сумев путем

³⁹ *Liv. V. 23. 8–11; Plut. Cam. 8. 3–6; Zonar. VII. 21; App. Ital. 8. 1; Val. Max. V. 6. 8.*

⁴⁰ Дж. Пинсент предполагает, что имя Камилла было позднее приписано в консульские Фасты за 394 г. См.: *Pinsent J. Military Tribunes and Plebeian Consuls: The Fasti from 444 to 342 // Historia Einzelschriften. Wiesbaden, 1975. Bd. 24. P. 49.*

⁴¹ Рассказ об этом содержится практически у всех авторов. См.: *Liv. V. 27; Flor. I. 6. 5; Dionys. XIII. 1. 1–2, 3; Plut. Cam. 10. 1; Dio Cass. Fr. 24; Zonar. VII. 22; Eutrop. I. 20. 1; Oros. III. 3. 4; Frontin. IV. 4. 1; Vir. III. 23. 1f.*

обманного маневра нанести поражение войску фалисков, он безуспешно осаждал Фалерии. Причем, по словам Ливия, «горожане совершали вылазки против римских укреплений, и даже заставы иногда подвергались беспорядочным нападениям. Происходили мелкие стычки: так тянулось время, но ни одна из сторон не получала перевеса, а между тем у осажденных продовольствия и других запасов было приготовлено больше, чем у осаждающих» (Ibid. 9) – и это при том, что Камилл разграбил все поля и селения! Как это не похоже на осаду Вей. Ну, не везло Камиллу с городами! Кроме того, слова Дионисия о том, что по прибытии учителя с детьми военачальник первым делом запросил сенат, – что дескать делать, – и только получив высочайшее соизволение поступать так, как сочтет наилучшим, произвел вышеупомянутую процедуру публичной порки учителя, причем, вынеся свой трибунал прямо к воротам города (явно искусственная легенда), несколько нарушают стройность картины (*Dionys. XIII. 2. 1–2*). Да и мир с фалерийцами был заключен настолько мягкий, что позволяет усомниться в реальности победы, недаром Диодор ничего не говорит о роли величия Камилла (*Diod. XIV. 98. 5*).

Но вскоре судьба отвернулась от нашего героя. В 391 г. достойнейший из римлян был привлечен к суду плебейским трибуном Апулеем то ли по поводу куда-то пропавшей добычи из Вей⁴², то ли за излишнюю пышность триумфа, когда Камилл святотатственно уподобил себя божеству⁴³. У Плутарха даже фигурируют какие-то медные двери, которые якобы видели у обвиняемого (*Cam. 12. 1*). Плиний же сообщает, что он был обвинен квестором в растрате или хищении государственных денег (*resulatus*) (*Plin. NH. XXXIV. 1. 3*). А вот это уже серьезно! Такие процессы фиксировались в анналах, и обвинения Камилла могут рассматриваться как достоверные. Недаром официальная историография поспешила переложить вину за обвинение на нехорошего плебейского трибуна⁴⁴.

Поводом для нападок вполне могла послужить насильственная десятина, наложенная на граждан по обету полководца,

⁴² *Liv. V. 32. 8; Plut. 12. 1.*

⁴³ *Diod. XIV. 117. 6; Flor. I. 17. 4; Eutrop. I. 20. 1; Serv. Ad Aen. VI. 825.*

⁴⁴ И.Л. Маяк справедливо отмечает, что события римской истории дошли до нас преимущественно в передаче пропатрициански настроенных авторов. Поэтому и перипетии жизненного пути Камилла изображены ими под углом зрения неправомерности плебейских требований и неблагодарности плембса. См.: *Маяк И.Л. Римляне ... С. 34.*

но истинная причина лежит гораздо глубже. Источники не могут умолчать о ненависти к Камиллу со стороны воинов, которых в повиновении удерживал только грозный военный империй командующего, действовавшего сурово и непреклонно (*Liv. V. 26. 8; Zonar. VII. 21*). По возвращении из Фалерий воины обвиняли Камилла в ненависти к народу, поскольку он своим великодушием лишил бедняков возможности поправить дела законной добычей (*Plut. Cam. 11. 1*)⁴⁵.

Более того, военную суровость Камилл выказывал и в политической жизни. Все больше и больше он проявляет себя охранителем старых устоев патрицианской общины, твердым сторонником всевластия сената, членом которого он стал как экomagистрат, и ревностным противником расширения прав плебеев. Он резко выступает против планов плебейских трибунов переселить часть населения Рима в хорошо благоустроенные Вейи. Тут в ход пошли рассуждения об отеческих жертвенниках и очагах, о храмах и священной земле померия (*Liv. V. 30. 1*)! Он обвиняет трибунов в стремлении разрушить Рим и в корыстном своеволии. Хотя ничего ужасного в их предложении не было. Как явствует из источников речь велась не о разделении единой общины, а о простом выведении колонии, которых Рим к тому времени имел уже немало. В 395 г. была выведена колония в землю вольсков (*Liv. V. 24. 4–6*). В 393 г. – в Цирцею (*Diod. XIV. 102. 4*).

Но здесь речь шла о переселении значительной части плебса, да еще в процветающую землю, которую сенат поторопился превратить в *ager publicus*, распоряжаться коим имели право только патриции⁴⁶. Нависала угроза утраты сенатской власти, крушения прибыльной системы ростовщичества и кабального рабства, на чем зиждилось экономическое господство патрициата. Короче, все «отеческие установления» и божественные нормы летели в тартарары! И завоеватель Вей понял это ранее других, недаром он так горевал при виде вейских сокровищ и поспешил отдать город на разграбление народу, прекрасно осознавая, что именно патриции подоспеют первыми, имея в своем распоряжении гужевой транспорт и толпы клиентов. Так и получилось.

Официальная историография приложила немало усилий, чтобы связать опасения Камилла по поводу захвата Вей с гря-

⁴⁵ Это сообщение грека Плутарха разительно отличается от благостной картинкой теплой встречи Камилла благодарными согражданами (*Liv. V. 28. 1*).

⁴⁶ См.: Маяк И.Л. Римляне... С. 117 и след.

душим галльским нашествием. На деле же это была боязнь изменения духа общины, установленного порядка вещей, соблазна разрешить борьбу сословий разделением общины. И позднее, когда вопрос о переселении остро встал после «галльской катастрофы», Камилл затратил весь свой авторитет «спасителя отечества» и красноречие, не гнушаясь самых резких слов, чтобы удержать плебс от такого, столь пагубного для отечества (читай, для патрициев) решения. И вновь Ливий выдает нам блестящие примеры патриотической софистики в духе августовской пропаганды рах Romana. В ход идут и святилище Весты с вечным огнем, и священные щиты салиев (*Liv. V. 52. 7*). На деле же мы видим здесь стремление официозных историков представить Камилла новым основателем Рима, ревнителем *mores maiorum*, оттенить его роль в восстановлении города и патрицианских святынь на прежнем месте как символа грядущего величия. Для обеспечения сохранения старых порядков и ведения строительства города Камилл целый год после изгнания галлов не слагал диктаторские полномочия (*Liv. VI. 1. 4; Plut. Cam. 31. 3*)! Патриции настолько боялись утраты контроля сената за плебеями, что издали в 388 г. постановление отозвать под страхом смерти тех из них, кто перебрался в прекрасно сохранившиеся дома Вей, не желая строиться в Риме (*Liv. VI. 4. 5*)⁴⁷.

Но все это в будущем. А пока за кражу вейской добычи прославленному полиоркету грозил крупный штраф, значительно превышавший все его, надо признаться, скромное состояние⁴⁸, несмотря на личное несчастье – смерть малолетнего сына⁴⁹. Пожалуй, это единственный факт из его личной жизни. Суду и штрафу (который, кстати, ему собрали друзья и клиенты) Камилл гордо предпочел добровольное изгнание и прошествовав драматически до ворот города, сопровождаемый сонмом рыдающих и взывающих друзей (сцена, явно списанная с аналогичной про-

⁴⁷ Не исключено, кстати, что боязнь заселить Вейи обуславливалась еще и тем, что нередко жители колоний-плебеи (которые утрачивали римское гражданство) превращались в заклятых противников суровой *alma mater*. А видеть под боком нового экономического и политического конкурента сенату совсем не хотелось после стольких трудов по уничтожению прежнего.

⁴⁸ Источники расходятся относительно суммы этого штрафа (кстати, так и не выплаченного). Большинство говорят о 15 тыс. тяжелых ассов (*Liv. V. 32. 9; Plut. Cam. 13. 1; Val. Max. V. 3. 2*), Дионисий – о 100 тыс. ассов (*XIII. 5. 1*), а Августин – о 10 тыс. (*Aug. De civ. Dei. II. 17*).

⁴⁹ *Liv. V. 32. 8; Val. Max. V. 3. 2; App. Ital. 8. 2*

цессии во время суда над Сципионом Африканским во II в. – *Liv.* XXXVIII. 60. 9), еще успел произнести обет в духе гомеровского Ахилла с пожеланием, чтобы сограждане пожалели когда-нибудь о своем проступке и раскаялись, что лишились столь великого гражданина⁵⁰. Скромности, как видим нашему герою, было не занимать, извиняет его лишь легендарность ситуации.

Он прозябал в городе Ардея⁵¹ когда на Рим обрушилась новая беда – вторжение галлов, полчища которых захватили Рим. Однако с этим изгнанием вновь возникают проблемы. Диодор относит ее к периоду после галльской войны (*Diod.* XIV. 117. 6), а некоторые современные исследователи вообще допускают, что вся эта история была позднейшей выдумкой, призванной всячески отделить имя Камилла от страшного разгрома римлян при Аллии⁵² и очистить таким образом его светлый образ от малейшего налета подозрений в причастности к нему. В самом деле, Камиллу надлежало явиться незапятнанным спасителем Вечного города, словно некоему мессии или титану.

Эпопея «галльской катастрофы» с гусями, которые спасли Рим, и с «горем побежденным», хорошо известна и не заслуживает здесь подробного освещения. Напомню только основные вехи. В начале IV в. до н.э. галлы-сеноны подступили к этрусскому городу Клузий, опустошая окрестные земли. По просьбе клузийцев к ним были отправлены три посла, все из рода Фабиев. Галлы, никогда не слышавшие о Риме, согласились на мир с клузийцами в обмен на часть их пахотных земель. На следующий день, презрев все обычаи войны, римские послы встали в строй клузийцев и приняли участие в бою. А Квинт Фабий даже поразил одного из предводителей галлов и стянул с него доспехи, но был опознан как римский посол⁵³.

Это заставило галлов обратить свой праведный гнев против Рима. Они отрядили своих послов в Рим и потребовали выдать Фабиев, нарушивших право народов. Но знатность последних, а

⁵⁰ *Plut. Cam.* 12.4; *Dionys.* XIII. 5; *App. Ital.* 8. 2.

⁵¹ Ардея, город рутулов в 32 км от Рима (*Strab.* V. III. 2(229)). В Ардее Камилл по свидетельству источников вел жизнь частного человека, но пользовался большим влиянием (*Liv.* V. 43. 6; *Dionys.* XIII. 5. 3; *Plut. Cam.* 23. 2; *Val. Max.* IV. 1. 2; *Vir. ill.* 23. 4; *Serv. Ad Aen.* VI. 825; *Cic. Resp.* I. 3. 6). Выбор Ардеи отнюдь не случаен, ее связывали с Римом давние дружеские отношения (*Liv.* IV. 9. 1–2; 10. 6). Еще в 443 г. туда были выведены римские поселенцы из плебеев (IV. 11. 3–7).

⁵² См.: *Cornell T.J.* *Op. cit.* P. 317.

⁵³ *Liv.* V. 35–36; *Plut. Cam.* 17; *App. Samn.* 2–3.

может быть, и подкуп спасли их от справедливой кары. Более того они были избраны консулярными трибунами, иными словами стали лицами неприкосновенными. Гордыня римлян навлекла на них невиданные несчастья. Немедленно, в 390 г. до н.э. 70-тысячная армия галлов двинулась на Рим⁵⁴. Заносчивые римляне не подготовились к защите от каких-то варваров, и это стоило им страшного разгрома 18 июля 390 г. в битве у речки Аллии, при ее впадении в Тибр, неподалеку от Рима⁵⁵.

Часть римских солдат в панике бежала Рим, забыв даже запереть ворота, другие укрылись в недавно покоренном городе Вейи⁵⁶. Галлы сами не ожидали столь легкой победы и потому не осмелились сразу же ворваться в город. Получив передышку, часть жителей, в основном патриции и сенаторы, спешили укрыться на Капитолии. Оставшиеся, главным образом плебеи, устремились из города через Тибр на холм Яникул, а оттуда в Вейи⁵⁷. С толпой сограждан пешком покидали город и жрицы весталки, бережно пряча священные реликвии и огонь Весты. Один лишь плебей Луций Альбин, узнав их, усадил на свою повозку на место жены и детей.

Галлы вступили в Рим через Коллинские ворота, не встретив никакого сопротивления. Как сообщают источники, Город подвергся страшному разграблению и пожарам. Однако взять Капитолий галлам не удалось. Вскоре в опустошенном городе не осталось продовольствия и среди галлов начался голод. Часть римских

⁵⁴ Интересное мнение высказывал М. Сорди, что поход на Рим (да и на Клузий) представлял собой не миграцию племени в поисках земли (на это указывает отсутствие сведений о женах и детях галлов), а рейд наемного отряда, возможно, организованный или спровоцированный тираном Сиракуз Дионисием Великим, который в то время вел борьбу с этрусками, в частности разграбил Цере. О последнем может свидетельствовать тот факт, что после ухода из Рима многие галлы вдруг оказываются на службе у этого тирана. См.: *Sordi M. I rapporti romano-ceriti e l'origine della 'civitas sine suffragio'*. Roma, 1960. P. 62–72; *Dyson S.T. The Creation...* P. 16. Т. Корнелл сомневается в этом, хотя и находит идею привлекательной. См.: *Cornell T.J. Op. cit.* P. 316.

⁵⁵ *Liv. V. 38; Plut. Cam. 18. 8–9; 19. 1; Dio Cass. VII. Fr. 25. 3; Zonar. VII. 23. 3.*

⁵⁶ А. Альфельди полагает, что бегство в Вейи было на самом деле часть предварительного плана, поскольку римляне заранее были уверены, что Рим придется эвакуировать. См.: *Alfoldi A. Early Rome and the Latins. Ann Arbour, 1965. P. 365–367.*

⁵⁷ *Liv. V. 38. 9–10; 39. 4–13; 40; 41; Plut. Cam. 20; 21; Zonar. VII. 23; Flor. VII.8–13.*

воинов спаслись бегством на Яникул, где сумели прийти в себя и организовать. Во главе их встал некий центурион Квинт Цедиций (*Liv. V. 45. 7; Dionys. XIII. 6. 1*). В традиции его права на командование определяются нечетко – то ли он был провозглашен воинами, то ли сам занял этот пост, а потом получил лидерство и на войсковой сходке, заменившей центуриатные комиции.

По Дионисию, Цедиций сразу же послал к Камиллу вестников, умоляя его вернуться на родину, забыв обиды в виду столь страшных несчастий, и Камилл тотчас выразил согласие и даже уверял, что не будь послов, он сам готов был выступить на помощь войскам Цедиция во главе сил ардеатов (*XIII. 6. 3*; см. также: *App. Samn. 5*). Ливий же уточняет, будто Цедиций заявлял, что он никому, «ни богу, ни человеку, не позволит положить конец его власти (*imperium*), но что он сам, по собственной воле, памятуя о своем сословии, требует назначения настоящего полководца (*imperator*)» (*V. 46. 6*). Это косвенно указывает на плебейское происхождение центуриона, не имевшего права на обладание империей. «Со всеобщего согласия» (*consensu omnium*)⁵⁸, решено было вызвать Камилла из Ардеи, но прежде запросить сенат, осажденный в Капитолии (*Ibid. 7*). Причина состояла в том, что именно сенат выносил определение о назначении консулом диктатора⁵⁹.

И вот на Капитолий, минуя вражьи посты, по отвесной скале сумел пробраться смельчак-гонец Понтий Коминий, принесший осажденному сенату просьбу отрезанного от города войска назначить диктатором Марка Фурия Камилла. Он завернулся в древесную кору и бросился в Тибр. Плывая, словно коряга, он достиг города и ночью по отвесной скале тайной тропкой взобрался на Капитолий, получил разрешение сената и сумел невредимым вернуться обратно. Впрочем, вполне вероятно, что и этот рассказ представляет собой позднейшую легенду.

Любопытно, что по версии Плутарха (*Sam. 24*), сам Камилл отказался вернуться прежде, чем граждане на Капитолии вынесут законное постановление, а без их воли он не сделает ничего. В этом отразилась щекотливая юридическая коллизия – Камилл, как мы помним, добровольно удалился в изгнание, но был приго-

⁵⁸ Остаются, однако, сомнения, кто и где именно назначает Камилла диктатором. То ли куриатные комиции происходили на Капитолии, то ли в Вейях. См.: *Val. Max. IV. 1. 2; Plut. Cam. 25. 5; Liv. V. 48. 5*. См. также: *Маяк И.Л. Римляне... С. 35*.

⁵⁹ См. подробнее о процедуре назначения диктатора: *Токмаков В.Н. Римский сенат... С. 43*.

ворен к штрафу, а значит «лишен огня и воды», т.е. гражданства. Его самочинное возвращение могло поставить под угрозу его жизнь в дальнейшем. Восстановить его гражданство могли только куриатные комиции⁶⁰, члены которых также укрылись на Капитолии. Именно поэтому Ливий оговаривает, что куриатные комиции возвращают Камилла из ссылки, а сенат выносит сенатусконсульт о назначении его диктатором «волей народа» (*iussu populi*) (V. 46. 10). Последняя оговорка весьма примечательна, ибо по римскому праву назначать диктатора мог только высший магистрат с империем. В данном случае ввиду отсутствия законных магистратов назначение, впервые в римской истории, произвело народное собрание. Формально право было соблюдено – народ (*populus*) рассматривался как носитель высшего, совокупного империя всей общины⁶¹.

Традиция рисует Камилла героическим спасителем Рима, великодушно простившим старые обиды. Так, еще до назначения диктатором он якобы собрал войско из ардеатов⁶² и разгромил один из отрядов галлов, рыскавших в поисках провианта близ Ардеи. Но и здесь была скорее не битва, а избиение, поскольку он неожиданно напал на стоянку галлов, которые перепились и объелись, так что ему оставалось, по словам Дионисия, «резать их, как овец»⁶³. Затем он во главе вновь набранного в Ардеи и пополненного войнами Цедичия с Яникула войска двинулся на Рим. Обстоятельства освобождения Рима от галльских полчищ римские писатели живописуют по-разному. Наибольшей известностью пользовался рассказ о том, что войско римлян во главе с Марком Фурием Камиллом подоспело к тому моменту, когда ос-

⁶⁰ См.: Токмаков В.Н. Куриатные комиции и военные магистратуры в раннем Риме // Власть, человек и общество в античном мире: докл. конф. М., 1997. С. 125 и след.; Mitchell R.E. Patricians and plebeians: The Origin of the Roman State. Ithaca; L., 1990. P. 189. P.M. Оджилви (*Ogilvie R.M. A Commentary on Livy, Books 1–5. Oxford, 1965. P. 732 ff.*) отождествляет отзыв Камилла из ссылки с народным голосованием, а не с куриатным законом, хотя это в данном случае одно и то же.

⁶¹ См. об этом: Токмаков В.Н. Сакральные основы ... С. 54 и след.

⁶² Liv. V. 45; Plut. Cam. 23. 5–7; Dionys. XIII. 6.

⁶³ Dionys. XIII. 6. 5. Почти дословное совпадение текста рассказа об этом событии у античных авторов (включая эпитеты и обороты речи) заставляет усомниться в его подлинности (Liv. V. 44. 7; 45. 2–3; Plut. Cam. 23. 7). В нем обыгрываются физические недостатки галлов, что также является расхожим литературным клише. Как бы то ни было, такая победа никак не выявила военное искусство полководца.

тавшие римляне передавали галлам выкуп в тысячу фунтов золота. По этому варианту предания боги не могли допустить такого позора для римлян. Камилл вмешался в происходящее и заявил, что договор о золоте заключили в отсутствие диктатора, а значит, незаконно (*Plut. Cam. 29. 3*). Свобода же для отечества добывается не золотом, а железом. Он строит к бою свои легионы и громит врага⁶⁴. В кровопролитной схватке на улицах Рима галлы были разбиты и оставили город. На следующее утро в новом сражении галлы потерпели сокрушительное поражение (*Liv. V. 49. 6; Plut. Cam. 29. 6*). Камилл вступил в Рим победителем.

В действительности, римлянам пришлось, конечно, откупиться золотом от галлов. Иначе как объяснить, что вторжения галлов повторялись на протяжении всего IV в. до н.э., в том числе и при жизни Камилла. Лишь спустя столетие римлянам удалось сломить их сопротивление в битвах при Сентине (296 г. до н.э.) и Вадимонском озере (283 г. до н.э.) и подчинить долину реки Пад, где они постоянно обитали. Но признать, что некогда они были побеждены полудикими варварами, было выше сил для гордых римлян; отсюда и утешительная легенда о чудесном избавлении от галлов, которая стала официальным мифом римской истории.

Существует также и другая традиция, практически забытая фанфарным звоном. Так, Светоний передает, что предок императора Тиберия Друз вернул из провинции Галлия (вероятно, Цизальпинская) золото, которое было выплачено галлам при осаде Капитолия и которое вопреки преданию не отбил у них Камилл (*Suet. Tib. 3. 2*). А Страбон приписывает эту честь союзникам Рима церетанцам, которые напали на возвращавшихся галлов и отняли у них то, что римляне добровольно им отдали (*Strab. V. III. 3 (220)*). Диодор и Полибий (заметим, греческие историки, не склонные млеть от восторга перед римлянами) вообще не упоминают о какой-либо роли Камилла в освобождении Рима, как не знают и такого имени. Полибий считал, что сеноны заключили с римлянами мир, получив известие о вторжении венетов в их земли вдоль реки Пад⁶⁵.

Любопытный пассаж содержится у Плутарха. Сообщая, что о взятии Рима знали греческий философ IV в. Гераклид Понтийский и сам Аристотель (заметим, знали именно о падении Рима), он оговаривает, что последний называет избавителя Рима Луцием, а не Марком (*Plut. Cam. 22. 4*). Эд. Мейер связывал это имя с

⁶⁴ *Liv. V. 48. 8–9; Plut. Cam. 28–29; Flor. VII. 17.*

⁶⁵ *Polyb. II. 18. 2; ср. I. 6. 2 sq.; II. 22. 4 sq.; Diod. XIV. 117. 7.*

Манлием⁶⁶. Однако Т. Корнелл выдвигает интересную ассоциацию его с тем самым плебеем Луцием Альбином, который уступил место в повозке весталкам, несшим священные предметы, и укрыл их в Цере (!). Возможно, полагает он, легенда о чудесном спасении Рима Камиллом была призвана принизить роль Цере в сохранении святынь и спасении римского золота, а сам полководец занял место Луция Альбина, образ которого являлся составной частью самостоятельной и древнейшей традиции, в которой центром сопротивления были Цере⁶⁷. Не случайно Цере получили сразу же после исхода галлов право гостеприимства (*Liv.* V. 50. 3), а Страбон недоумевал, почему за столь великие услуги римляне не отблагодарили церетанцев предоставлением прав гражданства (*Strab.* V. II. 3 (220)). Не следует также забывать и о бравом центурионе Квинте Цедиции, который сумел собрать и организовать существенную часть римской армии на Яникуле, держаться там семь месяцев, что галлы стояли в Риме⁶⁸, и представить прибывшему Камиллу до 20 тыс. боеспособных воинов (*Plut.* *Cam.* 26. 1). Таким образом роль Камилла как «спасителя Рима» неизмеримо меркнет (хотя полностью отрицать его участие нет оснований), а вся обильно нагроможденная конструкция связанного с этим мифа рухнет на глазах.

Согласно традиции, Камилл вторым после Ромула, был удостоен почетных званий «Отец отечества» и «Второй основатель Рима», заслонивший собой Ромула⁶⁹. Благодаря ему, в один голос уверяют авторы, город возродился из пепла, были отстроены храмы, многие на средства самого Камилла, восстановлены и укреплены стены царя Сервия Туллия. Тогда же были собраны и обнародованы уцелевшие в огне галльского пожара Законы XII Таблиц и кое-какие царские законы. Однако и с этой казалось бы бесспорной истиной дело обстоит не лучше. Дело в том, что галлам не было никакой нужды жечь и разрушать дома⁷⁰. Чтобы дымом выкурить осажденных на Капитолии (*Liv.* V. 42. 2)? Сомнительно, ибо вокруг Капитолийской скалы были обширные

⁶⁶ Meyer Ed. *Geschichte des Alterthums*. Stuttgart, 1886. Bd. V. S. 819.

⁶⁷ Cornell T.J. *Op. cit.* P. 317.

⁶⁸ О времени пребывания галлов в Риме см.: Sordi M. *Op. cit.* P. 30 ff, 34 ff, 62 ff.; Wolski J. *La price de Rome par les Celtes et la formation de l'annalistique Romaine // Historia*. 1956. Bd. 5. P. 24–52, esp. P. 32.

⁶⁹ *Liv.* V. 49. 7; VII. 1. 9–10; *Plut.* *Cam.* 30. 1; *Flor.* VII. 19; *Ampel.* 18.5; *Zonar.* VII. 21.

⁷⁰ В этом сомневается даже Ливий (V. 42. 1), но вынужден следовать обкатанной версии.

пустые пространства – почти еще тогда незастроенный Форум, лощина Велабра, начало Марсова поля и, наконец, Тибр. Галлам же требовалась добыча, которую можно унести с собой. Поэтому скорее всего они оставили после себя минимум разрушений. Но самое главное, новейшие раскопки в Риме и на Форуме не дали никаких следов слоя пожаров, который относился бы к IV в. до н.э.⁷¹ Разрушения были, по меткому замечанию С.Т. Дайсона, скорее не физическими, а психологическими⁷². Поражение потрясло национальную гордость римлян и оставило незаживающую рану в их забитой амбициями богоизбранности исторической памяти. Потому-то и потребовалось срочно лепить компенсаторную конструкцию, призванную превратить национальный позор в выдержанное с честью божественное испытание. И в ней фигура Камилла превращается в мистический жезл судьбы.

Много раз еще Камилл воевал с галлами, вольсками и другими врагами Рима. Подчас он получал командование «вне порядка» (*extra ordine*) (*Liv.* VI. 22. 6), хотя обычной практикой для консулярных трибунов было определение провинций по жребию⁷³. В минуты опасности он без промедления соскакивал с коня и сам бесстрашно бросался в первые ряды, увлекая дрогнувших воинов. Сохранились сведения, что, воюя с антийцами в 387 г. в свой четвертый консулярный трибунат, он даже бросал в гущу врагов знамя войска, чтобы побудить римлян отбить святыню (*Liv.* VI. 8. 1–3; *Frontin.* II. 8. 4). Как ни странно, этим сообщениям традиции веришь более, нежели искусственным сагам времен Вей и галльского нашествия.

Уже в преклонных годах он вновь был назначен в 367 г. диктатором для войны с галлами, вторгшимися в Лаций (*Liv.* VI. 42. 6; *Plut.* Cam. 40–41). В недолгой кампании враг был разбит наголову, а полководец заслужил свой последний триумф. Характерно, что все свои триумфы Камилл заслужил будучи диктатором. Не исключено, что причиной было то, что консулярные трибуны не могли получать триумф и назначать диктаторов (*Zonar.* VII. 19), так как считались магистратами с «заимствованным» импе-

⁷¹ См.: *Coarelli F.* Il foro romano. Roma, 1983. Vol. I: Periodo arcaico. P. 130, 237–238; *Torelli M.* I Galli a Roma // I Galli e l'Italia. Roma, 1978. P. 226–230; *Castagnoli F.* Topografia ed urbanistica di Roma nel IV secolo a.c. // *Studi Romani.* 1974. Vol. 22. P. 425–427.

⁷² *Dyson T.J.* The Creation ... P. 16.

⁷³ Ср.: *Val. Max.* VII. 3 ext. 9; *Frontin.* II. 8. 6; *Plut.* Cam. 37. 1–2.

рием⁷⁴. Поэтому возникает закономерный вопрос, не с этим ли связаны столь частые в источниках диктатуры Камилла?

И вот что характерно, он идеальный римлянин – он беспрекословно повинуетя сенату. Только по его воле он ведет свои войны, получает магистратуру диктатора и не слагает своих полномочий тоже по приказу сената! Он постоянно советуется с ним, послов покоренных народов (например, фалерийцев и тускуланцев) он отправляет в Рим просить мира и, лишь получив от сената повеление действовать по собственному усмотрению, предлагает им свои условия мира⁷⁵. Именно священный авторитет сената заставляет седовласого полководца бросить в 386 г. незаконченную войну с вольсками и, оставив почти что взятый Антий, устремиться на Сутрий и Непет, где возникает угроза римским (точнее сенатским) интересам⁷⁶. Надо ли говорить, что воитель доблестно выполнил возложенную задачу и с великой славой возвратился в Рим, справив очередной триумф!

Впрочем, и с этими его подвигами позднего периода не все обстоит благополучно – Камилл стал заложником своей славы и отведенной ему исторической роли. В глазах римских анналистов он просто не мог не соответствовать образу непобедимого героя. Поэтому, например, в битве с вольсками (381 г.), где римляне поначалу потерпели серьезное поражение и с большим трудом добились перевеса (*Liv.* VI. 24) всю вину за «несчастливое сражение и бегство» историки возлагают на молодого и самолюбивого коллегу Камилла Луция Фурия (вероятно, Медуллина⁷⁷), который вытребовал наступление вопреки опасениям престарелого полководца, а заслугу «счастливого сражения» целиком возлагают на Камилла, который со своей частью войска расположился отдель-

⁷⁴ Stewart R. *Public Office in Early Rome: Ritual Procedure and Political Practice*. Ann Arbor, 1998. P. 55. Ср. также о полноценности ауспий и империя консулярных трибунов: *Linderski J. The Auspices and the Struggle of the Orders // Staat und Staatlichkeit in der fruhen romischen Republik*. Stuttgart, 1990. P. 46; *Richard J.-Cl. Tribuns militaires et Triomphe // La Rome des premiers siecles: Legende et histoire. (Studi etruschi.)* 1992. Vol. 24. P. 244. См. также мнение В.В. Дементьевой, что, хотя случаев триумфа консулярных трибунов в источниках не наблюдается, это не означает законодательного оформления данного казуса: *Дементьева В.В. Римская магистратура военных трибунов с консульской властью*. М., 2000. С. 110 и след.

⁷⁵ *Liv.* V. 27. 11; VI. 26. 2; *Dionys.* XIII. 2; *Plut.* 10. 7–8.

⁷⁶ *Liv.* VI. 9. 5, 12; 10. 6; *Plut.* Cam. 35; *Zonar.* VII. 23. 9.

⁷⁷ *Furius.* S. 342.

но, «как зритель» (Ibid. 23. 12), и до последнего момента пассивно наблюдал за избиением соотечественников, чтобы явиться в итоге своего рода *deus ex machina* (Ibid. 24. 5; 25. 4). Наивной попыткой обелить своего героя выглядят уверения Плутарха, что Камилл дескать был во время битвы болен и, лишь узнав о бегстве воинов, выскочил из постели и бросился останавливать бегущих (Plut. Cam. 37. 6). Иначе непонятым проявлением исключительной снисходительности выглядит предпочтение полководца при выборе себе помощника для войны с Тускулумом в 381 г. все того же Луция Фурия (Liv. VI. 25. 5; VIII. 33. 15–16; Plut. Cam. 38), даже если учесть, что тот был его сородичем. Роберта Стюарт, например, обоснованно полагает, что даже в случае командования Камилла в паре с коллегой статус Фурия всегда завышался позднейшими авторами⁷⁸. Подтверждаются слова Плутарха, что слава всегда доставалась только Камиллу. Нередко его коллеги по трибунату не упоминаются в источниках вообще.

Добавим, что Камиллу приписывают преобразование римского войска, укрепление его боевых порядков и усовершенствование тактики боя. Он активно применял обходные маневры, внезапные нападения, засыпал частокол лагеря вольсков зажигательными стрелами (Plut. Cam. 34; Frontin. II. 4. 14). Заслуги в этом Камилла несомненны, хотя ряд реформ состоялся еще до него, а ряд после его кончины. В комплекс «реформ Камилла» включают введение круглогодичной службы и жалования воинам, к чему он не имел отношения. Так же и развитие манипулярного строя относится уже к середине и второй половине IV в. до н.э., хотя начало ему положил именно Камилл, реформируя фаланговый строй, доказавший свою уязвимость в битве при Аллии, и смело маневрируя отдельными отрядами⁷⁹. А вот отрицать его огромные заслуги в деле перевооружения римского войска совершенно невозможно. Именно при нем римская армия сменила круглый гоплитский щит воинов первого класса (*clipeus*) на овальный (*scutum*), закрывавший все тело до колен. Он ввел вместо тяжелой пики (*hasta*) легкий метательный пилум, ставший страшным «фирменным» оружием римлян на столетия вперед⁸⁰, и приказал выковать

⁷⁸ Stewart R. Op. cit. P. 78.

⁷⁹ См., например: Liberatti A, Silverio F. Organizzazione militare: esercito. Roma, 1988. P. 13 ff.

⁸⁰ Mellersh H.E.L. Soldiers of Rome. P. 35, 38; Keppie L. The Making of the Roman Army. P. 19, 28, 32–36, 157; Saulnier Chr. Op. cit. P. 164 ff.

железные шлемы с гладкой поверхностью, чтобы мечи галлов соскакивали с них (*Plut. Cam. 40; Dionys. XIV. 9. 2*)⁸¹.

Правда, в гражданской жизни Камилл придерживался прежней линии на господство патрициев. Именно его Плутарх называет автором идеи во время судилища над героем галльской войны и защитником плебеев Марком Манлием Капитолийским (384 г.) перенести центуриатные комиции с Марсова поля, откуда всем был виден Капитолий, который отстоял Манлий, в Петелинскую рощу, где ничто не отвлекало народ от вынесения навязанного патрициями смертного приговора за якобы «стремление к царской власти» народному герою (*Plut. Cam. 36. 7*). Характерно, что Ливий замалчивает этот поступок Камилла. Также именно его назначил сенат противостоять поползновениям Лициния и Секстия провести законы о ссудном проценте и обязательном избрании одного из консулов из плебеев (*Liv. VI. 38. 4; Plut. Cam. 42. 2*). Верный защитник интересов сената всячески препятствовал голосованию по поводу законов Лициния-Секстия в 367 г.: в день проведения народного собрания он объявил воинский набор, во время которого все собрания прекращались. Но время уже было другое и под угрозой присуждения за срыв комициев к высокому штрафу судом плебейских трибунов Камилл был вынужден сложить диктаторскую власть (*Liv. VI. 38. 8–9; Plut. Cam. 39*). Представляется тем не менее, что его позиция определялась не узко сословной спесью, а искренним убеждением в священном праве патрициев как исконных римлян вершить судьбы отечества.

Но все же он изменил свою точку зрения и стал выступать за примирение патрициев и плебеев, обещая даже построить храм Согласия после принятия законов Лициния-Секстия (*Plut. Cam. 42. 6*). Этим он стяжал себе всеобщее признание граждан и вновь сыграл роль спасителя отечества, на сей раз от внутренней смуты⁸². Более того, именно ему как диктатору 367 г. именно

⁸¹ Некоторые историки приписывают его эпохе даже разделение воинов категории *infra classem* на четыре разряда. См., например: *Keppie L. The Making of the Roman Army. P. 18*. Дискуссию по этому поводу и обоснование мнения о разделении *infra classem* на четыре цензовых разряда в течение первой половины V. До н.э. см.: *Токмаков В.Н. Военная организация ... С. 138 и след., 229–234*.

⁸² См.: *Дементьева В.В. Магистратура диктатора в ранней римской Республике (V–III вв. до н.э.). Ярославль, 1996. С. 111*. Правда, А. Момильяно уверенно обосновывает точку зрения, что Камилл не имел никакого отношения к храму Согласия, построенному к тому же в III в. до н.э. и

ему выпало руководить выборами первого плебейского консула, каковым стал его заклятый оппонент Луций Секстий (*Ibid.* 7). Но прожил он еще недолго. В 365 г. до н.э. страшная эпидемия чумы, поразившая город, унесла в числе прочих и жизнь великого сына Рима Марка Фурия Камилла (*Liv.* VII. 1. 8; *Plut.* Cam. 43).

Итак, завершая жизнеописание Камилла, невольно возникает вопрос: сталкиваемся ли мы с реальным историческим героем или с тщательно скомпонованной мистификацией? Иными словами, если вспомнить значение прозвища Камилла: «а был ли мальчик»? Ответ может быть лишь утвердительный. Сомневаться в историчности Камилла не приходится. Его называют самой искусственной фигурой римской истории, но не будем забывать, что под грузом легендарных наслоений билось живое сердце реального исторического деятеля и поистине незаурядной личности.

Действительно, образ Камилла в римской историографии размыт, деперсонифицирован, словно маска усопшего предка в римском ларарии. Подчас он выступает не как личность, а как функция – он спаситель и восстановитель Вечного города. Камилл был последним героем патрицианского Рима, политиком переломной эпохи, но он и сам был целой эпохой. Его военные таланты раскрылись в тех действительно грандиозных и трагичных обстоятельствах, которые обрушились на Рим в первой половине IV в. до н.э., но именно они сделали его «вторым Ромулом». Не будь их, не было бы и Камилла. Просто он оказался в нужное время в нужном месте. Не вина Камилла, что из него позднее сделали икону. Но даже сквозь патину святости мы угадываем облик живого человека, выдающегося государственного деятеля, чье имя зафиксировано в Фастах, неплохого военачальника и смелого воина. Таким видится нам многократный консулярный трибун и диктатор, триумфатор и «второй Ромул» легендарный и реальный патриций Марк Фурий Камилл.

П.П. Шкаренков

ФЛАВИЙ КАССИОДОР: РИМСКИЙ СЕНАТОР В ЭПОХУ КРУШЕНИЯ ИМПЕРИИ

Фигура Флавия Магна Аврелия Кассиодора Сенатора (Flavius Magnus Aurelius Cassiodorus Senator) стоит на рубеже двух исторических эпох – античности и средневековья¹. Мир, в котором сложилось его мировоззрение, и мир, в котором он закончил свои дни, имеют очень мало общего. С именем и деятельностью Кассиодора связана одна из центральных проблем европейской и мировой истории – преемственность и противостояние исчезающей и нарождающейся культурных традиций, борьба старого и нового и ее роль в складывании нового типа культуры и организации духовной жизни общества. Необычайно разносторонняя и многообразная деятельность Кассиодора – государственного деятеля и оратора, теоретика образования и историка, теолога и интеллектуала – оказала огромное влияние, как на складывающуюся средневековую цивилизацию, так и на культурный опыт многих последующих поколений и эпох.

Историческое значение Кассиодора никогда не ставилось под сомнение. И все-таки однозначно определить, в чем именно состояла его заслуга перед историей, – задача совсем не простая. Трудность оценки кроется в переломном характере эпохи, которой принадлежал Кассиодор, а также в глубоком расхождении между ближайшими и отдаленными последствиями его деятельности. Само литературное творчество Кассиодора имеет сложную смысловую структуру. Мы на каждом шагу находим здесь расхождения между буквой и духом, между непосредственным и глубинным содержанием, которое раскрывается лишь благодаря усилию последующей интерпретации.

¹ Входя в круг тех, кого в современной науке, по удачному определению В.И. Уколовой, принято называть «последними римлянами», Кассиодор как бы замыкает собой тысячелетнюю историю римской цивилизации, являясь одновременно и одним из величайших культурных деятелей средневекового Запада.

В последние годы растет удельный вес исследований, в которых особое внимание обращается на специфические для каждой эпохи особенности мировосприятия, нормы мышления, формы и традиции поведения. Целью исследования становится познание исторического процесса не путем наложения системы научных категорий на жизнь былых эпох, а через человека, через проникновение в самосознание изучаемого времени, через рассмотрение исторически изменчивой «картины мира», т.е. в том виде, в каком этот мир реально жил в сознании человека прошлого. Событийный ряд, подчиненный определенным историческим закономерностям, обретает свою полноту отражаясь в повседневных формах мышления и поведения. Возникает образ реальности, который никогда в жизни воплощен не был, но и не был ей абсолютно чужд, опровергаемый на уровне общественно-исторической эмпирии, но и воздействующий на нее, отражающий глубинные тенденции ее развития, живущий в сознании коллектива и влияющий на его мировосприятие.

Этот образ формируется и фиксируется прежде всего в риторически организованном слове, ибо только эстетически совершенная форма делает содержание не просто личным самовыражением, а общественно значимым, понятным окружающим и потому единственно реальным. В римском мире риторика была не только частью образования, но неотъемлемым элементом образа жизни, системы государственной власти и морали, выраженным в культурно-эстетической установке, характеризующейся приматом общественно-исторического целого над конкретно-историческим бытием индивида.

В 1970–1980-е годы исследователи тартусско-московской семиотической школы рассматривали литературу и искусство как систему «кодов», которые формировали и организовывали повседневную жизнь реальных людей. Человеческая личность выступала как продукт отбора, корреляции и символической интерпретации жизненного опыта, то есть как структура, принцип организации которой сходен с принципом организации предмета искусства, прежде всего словесного. Отсюда следует, что тексты, прежде всего литературные, оказывают особое влияние на формирование и упорядочение жизни конкретного человека и общества в целом². При трудностях, с которыми

² Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. 2-е изд. Л., 1977. С. 6–33. Говоря о философско-методологических основаниях такого подхода, можно провести параллель между идеями семиотики культуры и фило-

приходится сталкиваться исследователю, стремящемуся соотнести уровень абстрактного мышления с породившей его конкретной исторической ситуацией и характерной для этого общества системой ценностей, именно риторика³ играет роль связующего звена. «В античном мире риторика обладала не только эстетическим и литературно лингвистическим смыслом; она играла также роль определенной модели культуры. Отталкиваясь от наблюдений над определенным конкретным текстом, анализируя его лексические особенности, изобразительные средства, синтаксис, ритмическое и интонационное движение, отразившуюся в нем трактовку человеческой личности, окружающей его среды и внешнего мира, мы можем прийти к пониманию смысла истории и структуры человеческого общества.

К нынешнему моменту, как кажется, стало наконец окончательно понятно, что грани между различными гуманитарными науками вообще и, скажем, историей и филологией, в частности, не всегда способствуют, а чаще всего мешают адекватной трактовке материала, особенно когда речь идет о культурах, значительно отдаленных и отличных от ценностей современной цивилизации. Изучая античную традицию, которая на протяжении всего своего более чем тысячелетнего существования оставалась, прежде всего, культурой слова, невозможно подходить к историческим свидетельствам без учета той формы, в которой они до нас дошли; иными словами, античные памятники – это, прежде всего, текст, существующий не только в своем соотношении с исторической реальностью, но и как самостоятельная величина, управляемая своими собственными законами. Законы эти, прежде всего, определяла система античной риторики, и без понимания тех рамок, которые она налагала на любого античного авто-

софией символических форм Эрнста Кассирера, согласно которой язык, миф, историческая и научная мысль, искусство и литература создают, а не отражают то, что называется «реальным миром». Сходные положения мы находим и в философской герменевтике, постулирующей единство подходов к культуре и поведению как к тексту (*Гадамер Г.-Г.* Истина и метод. М., 1988). Идеи о связи между структурой знания и структурой власти стали одним из источников эпистемологии Мишеля Фуко, который в 1960–1980-е годы ввел в научный оборот понятия и методы, вдохновившие многочисленные исследования, рассматривающие аспекты человеческого опыта и частной жизни как элементы культуры.

³ *Brown P.* The Making of Late Antiquity. Cambridge (Mass.) L., 1978. P. 38; *Idem.* Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire. Madison (Wisconsin), 1992. P. 30.

ра, невозможно реконструировать и круг его интересов, и тот взгляд на действительность, который был ему свойственен.

«В римском мире риторика была не только частью образования, но неотъемлемым элементом образа жизни, сопровождавшим свободного римлянина от рождения до смерти, необходимым компонентом системы государственной власти и морали. Риторика оказалась тем шлюзом, через который в христианизировавшуюся культуру Западной Европы вливалось интеллектуальное влияние языческой античности. Риторическая культура «взяла в плен» отцов западного христианства и во многом повлияла на облик формировавшейся средневековой культуры»⁴.

События, свидетелем и в известной мере участником которых стал Флавий Кассиодор, создавали, с одной стороны, новую, отличную от всего предшествующего, политическую и культурную реальность, а с другой стороны, требовали иного подхода к осмыслению и изображению этой реальности.

О биографии Флавия Магна Аврелия Кассиодора Сенатора известно в основном то, что он сам счел нужным сообщить читателям в своих многочисленных сочинениях. Некоторые сведения о нем сохранились у Иордана⁵ и у писателей гораздо более поздних эпох: Павла Диакона⁶, Беды Достопочтенного⁷, Хинкмара Реймского⁸, Гонория Августодунского, Сигиберта⁹, Роберта де Монте¹⁰ и некоторых других. При жизни Кассиодора самым распространенным и общеупотребительным из его пяти имен было имя Сенатор. Во всех письмах, написанных от собственного имени и объединенных в одиннадцатой и двенадцатой книгах *Variae*, он именуется себя только Сенатором. Например, «Сенату города Рима Сенатор префект претория...»¹¹ или «Иоанну папе Сенатор префект претория...»¹². В посланиях королей и в государственных грамотах он также называется Сенатором. В булле папы Вигилия в 550 г. упомянут *filius noster Senator*.

⁴ Уколова В.И. «Последний римлянин» Бозций. М., 1987. С. 19.

⁵ Iordanis *De origine actibusque Getarum, Praefatio*, 2.

⁶ *De gestis Langobardorum* I, 25: «...Этот Кассиодор был сначала консулом, затем сенатором и, наконец, монахом» («...hic primitus consul deinde senator, ad postremum vero monachus extitit»).

⁷ Esra, XI, 1.

⁸ *De diversa et multiplici Animae Ratione*, 2.

⁹ *De scriptoribus ecclesiasticis*.

¹⁰ Robertus de Monte *Inter opera Guiberti*.

¹¹ Cassiod., *Var. XI, 1*: «*Senatui urbis Romae Senator ppo...*».

¹² Cassiod., *Var. XI, 2*: «*Iohanni, papae Senator ppo...*».

Кассиодор родился около 490 г., в эпоху правления Одоакра, захватившего власть в Италии после ухода в небытие в 476 г. Западной Римской империи. Само по себе это событие было скорее символическим актом: германский наемник Одоакр лишил номинальной власти последнего императора Западной Римской империи малолетнего Ромула Августула и отправил его в южно-италийское имение, отослав символы императорской власти в Константинополь. Непосредственно в Италии это событие мало что изменило. Продолжали существовать римские государственные органы, магистратуры и система управления, по-прежнему функционировал римский сенат, и действовало римское право. Богатые аристократические фамилии сохранили свои поместья и состояния. К одному из таких родов принадлежал и Кассиодор. Предки Кассиодора происходили из Сирии, его прадед переехал в Италию и в начале IV века обосновался в Брутии (совр. Аbruццо) на юге Италии¹³. Этот первый из известных нам Кассиодоров прославился как доблестный защитник Сицилии во время нападения вандалов в 455 г. Однако о его какой-либо дальнейшей политической карьере ничего не известно.

Определение даты рождения Флавия Магна Аврелия Кассиодора Сенатора по-прежнему вызывает споры в науке. Если автор первой биографии Кассиодора французский ученый Жан Гарэ (Иоанн Гаретий) называл 470–475 годы¹⁴, то Теодор Моммзен¹⁵ и Феликс Дан¹⁶ пересмотрели эту дату, предложив, на основании свидетельства самого Кассиодора о том, что он стал квестором дворца еще будучи юношей¹⁷, считать временем его рождения 480 г. Того же мнения придерживается и Э. Штейн¹⁸. Дж. О'Доннелл¹⁹ вслед за А. Тёрбеке склоняется к 484–490 годам²⁰. В.И. Уколова называет 490 г.²¹ Прожил Кассиодор при-

¹³ Letronn A. Mémoire sur l'utilité qu'on peut retiner de l'étude des noms propres grecs pour l'histoire et l'archéologie // Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. XIX. I. 1851. P. 1–59.

¹⁴ PL. T. 69. Col. 440b.

¹⁵ MGH. AA. T. XII. B., 1894. P. XIX; *Mommsen Th. Ostgotische Studien*. B., 1910. Bd. I. S. 275.

¹⁶ *Dahn F. Die Könige der Germanen*. Bd. III. S. 119.

¹⁷ Cassiod., Var. IX, 24, 3: «a primaevus».

¹⁸ Stein E. *Histoire du Bas-Empire*. T. II: De la disparition de l'Empire l'Occident à la mort de Justinien (476–565). P. etc., 1949. P. 240.

¹⁹ *O'Donnell J.J. Cassiodorus*. Berkeley etc., 1979. P. XV.

²⁰ *Thörbecke A. Cassiodorus Senator. Ein Beitrag zur Geschichte der Völkerwanderung*. Heidelberg, 1867. S. 26.

²¹ Уколова В.И. *Кассиодор*. М., 1988. С. 10.

мерно 100 лет. Во всяком случае, в предисловии к своему трактату «Об орфографии» он указывает, что в момент написания этого сочинения ему уже исполнилось 92 года²². Таким образом, Кассиодор умер около 590 г., пережив византийское завоевание и став свидетелем того, как лангобарды заняли всю Северную и большую часть Средней Италии.

Очень знатным род Кассиодора назвать нельзя, в какой-то степени для Рима его представители могут считаться «новыми людьми». В сохранившихся отрывках из автобиографической «Истории рода Кассиодоров»²³ видно, что Кассиодор смог проследить историю своей семьи – вельмож и крупных италийских землевладельцев – лишь на четыре поколения. Не без некоторого тщеславия он пишет от имени короля Теодориха: «Древний род, славные предки, облаченные в тогу, из других влиятельных людей они выделялись отменным здоровьем и высоким ростом»²⁴. По всей видимости Кассиодор испытывал определенную зависть к таким древним знатым римским родам, как, например, Аниции. Недаром, как указывает А. Момильяно, Кассиодор пытался связать свое происхождение с этой аристократической фамилией²⁵. По преданию, дед Кассиодора начал свою карьеру с того, что вместе с папой Львом I и с сыном Аэция входил в состав посольства, направленного к Аттиле с просьбой пощадить Рим²⁶. Однако в дальнейшем он не смог подняться выше должностей трибуна и нотариуса. Отец Кассиодора некоторое время занимал при Теодорихе пост префекта претория.

Ни в *Variae*, ни в других источниках не содержится никаких сведений о том, где конкретно учился Кассиодор. Скорее всего он получил образование в Италии – в самом Риме или же, может быть, в столице королевства – Равенне. Как выходец из достаточно знатной и богатой семьи, Кассиодор должен был пройти полный курс обучения в лучших латинских школах, сначала грамматической, затем риторической. Кроме того, он мог в частном порядке, как это уже давно было принято в среде рим-

²¹ Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – середина VII веков). М., 1989. С. 80.

²² De orthographia. Praefatio.

²³ Usener H. Anecdoton Holderi: Ein Beitrag zur Geschichte Roms in ostgotischer Zeit. Leipzig – Bonn, 1877.

²⁴ Cassiod., Var. I, 49.

²⁵ Momigliano A. Gli Anicii del VI secolo d.c. // Secondo contributo alla storia degli studi classici. Rome, 1964. P. 231–253.

²⁶ O'Donnell J.J. Op. cit. P. 31.

ской аристократии, обучаться у наемных греческих учителей²⁷. Свидетельством искреннего преклонения Кассиодора перед греческой системой образования, культурой и литературой может служить его послание, адресованное Боэцию:

«... нам известно, что искусства, которыми обычно занимаются несведущие, ты испытал в самом источнике наук. Ведь ты вошел в школы афинян, находясь далеко от них, и таким образом к храмам плащеносцев ты присоединил тогу, чтобы учение греков сделать наукой римской... Ты передал потомкам Ромула все лучшее, что даровали миру наследники Кекропса. Благодаря твоим переводам музыкант Пифагор и астроном Птолемей читаются на языке италийцев; арифметик Никомах и геометр Евклид воспринимаются на авзонийском наречии; теолог Платон и логик Аристотель рассуждают между собой на языке Квирина. Да и механика Архимеда ты вернул сицилийцам в латинском облици... Всех их ты сделал ясными посредством подходящих слов, понятными — посредством точной речи, так что, если бы они могли сравнить свои творения с твоими, то, возможно, предпочли бы твое»²⁸.

Об образованности Кассиодора можно судить по тем авторам, которых он цитирует или использует в своих сочинениях: это философы Платон, Аристотель, Порфирий, Прокл, Плотин, Цицерон, Сенека; историки Геродот, Тит Ливий, Полибий, Корнелий Тацит, Аммиан Марцеллин, Аврелий Виктор; поэты Гомер, Софокл, Еврипид, Плавт, Теренций, Катулл, Вергилий, Овидий, Гораций, Проперций, Стаций, Лукан, Ювенал и многие другие. С такой эрудицией, Кассиодор довольно рано приступил к самостоятельной литературной деятельности и вскоре приобрел славу непревзойденного ратора и стилиста.

В 507 г. Кассиодор по обычаю того времени произнес панегирик в честь короля Теодориха. Изящество стиля и ораторские способности молодого человека были оценены Теодорихом, и Кассиодор был назначен на весьма почетную должность квестора дворца, в обязанности которого входило ведение всей королевской переписки, составление государственных бумаг и прочих официальных документов.

В научной литературе, посвященной истории Остготского королевства часто можно встретить утверждения, что именно Кассиодор был вдохновителем и организатором политического курса, проводимого Теодорихом. Ему отводится роль по меньшей мере главного идеолога этого режима, могущественнейшего

²⁷ Courcelle P. Les lettres grecques en Occident de Macrobe à Cassiodore. 2e éd. P., 1948. P. 313–348.

²⁸ Cassiod., Var. I, 45.

чиновника, чуть ли не с двадцатилетнего возраста реально управлявшего королевством, чье влияние на Теодориха и на его преемников было практически неограниченным²⁹. Позволим себе высказать некоторые сомнения по поводу данной концепции.

О начале политической карьеры Кассиодора мы знаем очень немного. Известно, однако, что свою государственную службу он начал, по обычаю молодых людей из знатных фамилий, в канцелярии своего отца (*consiliarius*), в бытность того префектом претория. Кроме того, мы знаем предшественников Кассиодора по квестуре: с 501 по начало 506 года – Фауст, и с 506 по начало 507 г. – Евгений. В это время будущий министр находился еще при своем отце³⁰.

На самом деле, только в последние годы жизни Теодориха и при его преемниках Кассиодор действительно занимал одно из ведущих мест в государстве, будучи одним из лидеров ита-ло-готской партии при дворе и в Риме. В эти годы он был *magister officiorum* (523–527) и префектом претория (533–537). Тот факт, что он стал квестором примерно в восемнадцать лет и

²⁹ Эта концепция была наиболее подробно разработана Ф. Шнайдером (*Schneider F. Rom und Romgedanke im Mittelalter. München, 1926*), который, полемизируя с Т. Моммзеном и основываясь на собственном исследовании *Variae*, пришел к выводу, что именно Кассиодор на протяжении тридцати лет был правителем Остготского королевства, «серым кардиналом», определявшим политику мало вникавших в государственные дела остготских владык, в том числе и Теодориха. Этой точки зрения поддерживались А. Гауденци (*Gaudenzi A. L'Opera di Cassiodoro a Ravenna // Atti e memorie della R. Deputazione di storia patria per le provincie di Romagna. Serie 3. T. III. 1885. P. 235–334; T. IV. 1886. P. 426–463*), Дж. Пунци (*Punzi G.A. L'Italia del VI secolo nelle Variae di Cassiodoro. Aquila, 1927*) и А. Хеерклотц (*Heerklotz A.Th. Die Variae von Cassiodorus Senator als Kulturgeschichtliche Quelle. Heidelberg, 1926*). Более осторожно этот взгляд сформулирован Дж. О'Доннеллом, который, не останавливаясь подробно на данном вопросе, отмечает (ссылаясь при этом как на Т. Моммзена и Л. Шмидта – противников вышеуказанной концепции, так и на А. Гауденци и А. Хеерклотца, что с момента назначения на должность квестора Кассиодор стал одним из самых влиятельных государственных деятелей Остготского королевства (O'Donnell J.J. Op. cit. P. 63–64).

³⁰ *Sundwall J. Abhandlungen zur Geschichte des ausgehenden Römertums. Helsingfors, 1919. S. 30–44*. При этом автор, по нашему мнению, ошибается в датировке письма Теодориха к Хлодвигу по поводу алеманов (*Cassiod., Var. II, 41*), считая, что оно написано «самое раннее в конце 507 г.», тогда как это послание предшествует письмам (*Cassiod., Var. III, 1–4*), которые преследовали своей целью помешать франко-вестготской войне, разразившейся в 507 г.

находился на этом посту около пяти лет, объясняется не политическим влиянием самого Кассиодора, а высоким постом его отца, государственная карьера которого началась еще при Одоакре, когда ему удалось достичь высоких должностей, главным образом благодаря тому, что представители знатнейших римских родов не проявляли особого желания сотрудничать с правительством Одоакра. Таким образом, отец Кассиодора смог стать *comes regum privatarum*, а затем *comes sacrum largitionum*. Он же, по всей видимости, преподал своему сыну и первые уроки политической гибкости, быстро изменив своему благодетелю и перейдя на сторону Теодориха вместе с провинцией Сицилия, наместником которой его тогда назначил Одоакр. Тем не менее, Теодорих, чей политический курс на сближение готов и римлян, на сохранение римского государственного управления и традиционной римской системы ценностей, а также меры, направленные на усиление позиций римской аристократии, были поддержаны большей частью римской знати, назначил своим первым префектом претория не отца Кассиодора, а патрикия Либерия, несмотря на то, что тот оставался до конца верен Одоакру. Незадолго до этого, Теодорих назначил *magister officiorum* Фауста (консул в 490 г.), родственника Либерия и Эннодия. Отец Кассиодора стал всего лишь наместником своих родных провинций Лукании и Бруттия (*co-rector Lucaniae et Bruttiorum*). Только через десять лет этот бывший министр Одоакра, провинциал по рождению, так и не получивший консульского звания, которым старший сын Фауста был удостоен в 502 г., а младший в 506, смог вновь вернуться ко двору, став в 503 г. префектом претория. В то же время Фауст, который во время римской схизмы (498–506) стоял во главе католической партии³¹, вернулся во дворец в качестве квестора (503–506). Эта ситуация способствовала, как нам кажется, столкновению интересов и была причиной того, что родственник Эннодия был вынужден оставить свой пост в 506 г.³²

Однако, уже через год и сам префект претория оказался лишенным своего поста, получив, тем не менее, при выходе в отставку почетное звание патрикия и успев сделать своего сына квестором. Впрочем, квестуру Кассиодора можно рассматривать и как компенсацию за назначение Фауста префектом претория. Новый префект столкнулся при дворе с трудностями,

³¹ Duchesne L. L'Eglise au VIe siècle. P., 1925. P. 109–155.

³² Sundwall J. Op. cit. S. 213–216.

к которым, как нам кажется, имел прямое отношение сам молодой квестор³³. Через двадцать лет экс-квестор Кассиодор публикует в своих *Variae* несколько писем, относящихся к этому периоду, в которых король сурово ругает Фауста за злоупотребления служебным положением и отправляет его в четырехмесячный принудительный отпуск³⁴. Напротив, отец Кассиодора к этому времени был уже возвращен ко двору³⁵.

В 514 г. Кассиодор становится консулом, а затем наместником Лукании и Бруттия. Примерно в это же время умирает его отец, и в течение последующих десяти лет Кассиодор не занимает никаких официальных должностей. Об этом периоде его жизни нам известно очень немного. В 519 г. по случаю консулата Евтариха – мужа дочери Теодориха Амаласунты и предполагаемого наследника престола – Кассиодор пишет «Хронику», представляющую собой краткое переложение всемирной и римской истории. В этом перечне королей и консулов мы находим несколько исторических вставок, призванных подчеркнуть роль готв в римской истории. Консульство Евтариха рассматривается автором как начало нового блестящего и славного этапа истории Вечного города, который при этом неразрывно связан с героическим прошлым Рима. Мы можем только пожалеть об утрате «Истории готв» в двенадцати книгах, написанной Кассиодором между 522 и 533 гг. по приказу короля Теодориха³⁶. Это сочинение бесспорно имело пропагандистский характер. Его автор должен был прославить готв, продемонстрировав присущее им благородство и древность их истории, особенно акцентируя внимание на королевской династии Амалов. Таким образом, готы получили свою письменную историю, обладание которой до этого времени было исключительной привилегией греков и римлян. Составляя этот труд, Кассиодор пользовался недошедшими до нас сочинениями римских авторов о германцах. Образцом же для него служили сочинения Корнелия Тацита и Тита Ливия. Сокращенный и несколько переработанный вариант «Истории готв» Кассиодора дошел до нас в переложении готского историка Иордана, выполненном им в 551 г., но уже с другими политическими целями³⁷.

³³ Ibid. S. 229–234.

³⁴ Cassiod., *Var.* II, 30; III, 20–21.

³⁵ Cassiod., *Var.* III, 28.

³⁶ MGH. AA. T. XII. B., 1894. P. IX.

³⁷ Скржинская Е. Ч. Иордан и его «*Getica*» // Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. СПб., 1997. С. 9–58.

В 523 г. происходит новый взлет политической карьеры Кассиодора. При этом его литературная активность была бесспорно принята во внимание Теодорихом и сыграла не последнюю роль при назначении на должность *magister officiorum*, на которой Кассиодор сменил обвиненного в заговоре и арестованного Боэция. Таким образом, Кассиодор вернулся в правительство только по прошествии десяти лет и при обстоятельствах, которые не могут не показаться подозрительными. Здесь не место подробно рассматривать трагические обстоятельства смещения и гибели Симмаха и Боэция, заметим лишь, что, хотя до нас и не дошло никаких свидетельств о причастности Кассиодора к их падению, однако, принимая во внимания ловкость этого политика, можно не сомневаться, что он был в курсе обвинений Боэция и Симмаха.

После смерти Теодориха его наследница Амаласунта, желая заручиться поддержкой императора, вернула имущество детям казненных Симмаха и Боэция, а также сместила магистратов, причастных к их падению. Впрочем, Кассиодору удалось удержаться на своем посту еще год, возможно потому, что он смог дистанцироваться от таких ультра-готских деятелей как Киприан или Гонорат³⁸. Однако, через год королева поддалась давлению варварских лидеров, и Кассиодору вместе с его новыми коллегами пришлось уступить свои места прежним проготским министрам³⁹. При этом префектом претория был назначен сын того самого Фауста, которому отец Кассиодора основательно завидовал. Тем не менее, новый префект, как и сам Кассиодор, принадлежал к умеренной, так называемой готиталийской партии при дворе и в сенате⁴⁰.

Через некоторое время политические обстоятельства изменились. Первым симптомом стало избрание папой Иоанна II, а заключительным аккордом — казнь Амаласунтой нескольких знатных готов — вождей ультра-готской партии при дворе. В свою очередь, Кассиодор был вновь назначен на высший пост в государстве, уйти с которого он был вынужден шесть лет назад. В

³⁸ *Sundwall J. Op. cit. S. 238–242.*

³⁹ *Ibid. S. 250.* J. Sundwall очень подробно рассмотрел все колебания политики во время правления Амаласунты. В 530 г. гот был даже избран папой, несмотря на сопротивление сената.

⁴⁰ По всей видимости ультра-готская партия не имела в своем составе сколько-нибудь значительной фигуры, чтобы сделать своего ставленника префектом претория или префектом Рима.

письме папы Иоанна II римскому сенату его имя стоит вторым, сразу за Авиеном – сыном патрикия Фауста, его предшественником, который на правах старшего из консулов был принцепсом сената⁴¹, и перед старым Либерием, исполнявшим должность префекта претория Галлии⁴². В это время в связи с последними событиями в Византии происходит постепенное слияние провизантийской и гото-италийской частей сената и римской аристократии в единую византийски ориентированную партию. Складывание этой группировки было ускорено и тем фактом, что в 533–534 г. византийский полководец Велисарий отвоевал у вандалов Северную Африку, восстановив там власть императора. С другой стороны, Амаласунта и ее двоюродный брат Теодат сами стремились заручиться поддержкой Юстиниана⁴³. Однако, через некоторое время Теодат сблизился с родственниками убитых Амаласунтой членов готской знати, казнил некоторых из ее приверженцев, а королеву заточил в тюрьму, где она вскоре умерла при загадочных обстоятельствах. Чтобы придать законный вид этому государственному перевороту и оправдать в глазах императора свой поступок, Теодат отправил в Константинополь патрикия Либерия и сенатора Опилия. При этом, Либерий разоблачил перед Юстинианом злодеяния Теодата и остался на Востоке, тогда как Опилий – один из тех, кто свидетельствовал против Боэция, – отрицал виновность короля и настаивал на правомерности его действий. Смерть Амаласунты дала Юстиниану повод для начала боевых действий. *Magister militum* Иллирика Мунд получил приказ войти в Далмацию, а Велисарий – отправиться в Сицилию. Последующие события ускорили окончательный распад гото-италийской партии в Риме. Некоторые из ее сторонников примкнули к готам, но большинство, среди которых естественно был и Кассиодор, решили полностью связать свое будущее с Византией. Теодат еще пытался решить дело миром. По его приказу, Кассиодор от имени римского сената своим красноречивым пером славил короля и просил императора о мире. Но после свержения Теодата и избрания королем готов Витигиса стало ясно, что широкомащштабный переворот, организованный папой Агапитом (535–536) собирался открыть в Риме высшую школу теологии,

⁴¹ Он получил звание консула в 502 г. Через десять лет мы увидим во главе сената Цетега, консула 504 г.

⁴² *Sundwall J.* Op. cit. S. 261–262.

⁴³ *Ibid.* S. 277.

первый христианский университет, по примеру уже существующих учебных заведений в Александрии, Эдессе, Антиохии и сирийской Низибии⁴⁴. Для этого университета папа Агапит и Кассиодор основали специальную христианскую библиотеку⁴⁵. Обстоятельства, однако, отнюдь не способствовали реализации намеченного плана. Папа Агапит, посланный королем в Константинополь, чтобы попытаться предотвратить начало войны, остался в столице империи и в Рим не вернулся. Примерно через полгода он умер⁴⁶. Начавшаяся вскоре гото-византийская война помешала Кассиодору осуществить свой замысел.

По всей видимости уже в это время Кассиодор отходит от государственной деятельности, и у него появляется время собрать и издать *Variae* – сборник актов и государственных писем, составленных им от имени короля и высших сановников королевства. Примерно в это же время Кассиодор по просьбе друзей пишет небольшой трактат «О душе» (*De anima*), представляющий собой смешение философии неоплатонизма и христианства. Основные идеи трактата навеяны сочинениями Блаженного Августина и *De statu animae* Клавдия Мамерта⁴⁷. В этом произведении мы видим отзвуки глубоких личных переживаний и политического разочарования автора – одного из талантливейших и искренних приверженцев итало-готского дуализма. Кроме того, в своем трактате Кассиодор занимается и вопросами этимологии, столь популярными в средние века. Так, например, он считал, что *anima* («душа») происходит от греческого *ἀναιμία* (то есть

⁴⁴ Cassiod., *Inst.* // PL. T. 70. Col. 1105d–1106d: «Я пытался вместе с блаженнейшим папой Агапитом, собрав и оплатив расходы преподавателей, основать в Риме христианскую школу, подобную той, что долгое время существовала в Александрии, а теперь устроена в сирийском городе Низибии, в которой и душа бы могла устремиться к вечному спасению, и язык обрел бы безукоризненное и благонравнейшее красноречие».

⁴⁵ Эта библиотека *ad clivum Scauri* существовала еще во времена Григория Великого. *Bibliotheca Romanae*, о которой Кассиодор сообщает, что она была разграблена во время взятия города в 546 г. (Cassiod., *Inst.* // PL. LXX. Col. 1212), являлась скорее всего публичной библиотекой и не была основана Кассиодором и папой Агапитом. *Cameron A. The End of the Ancient Universities // Cahiers d'histoire mondiale*. 1967. № 10. P. 653–673.

⁴⁶ *Hartmann L.M. Geschichte Italiens im Mittelalter. I: Das italienische Königreich*. Gotha, 1897. S. 258–259.

⁴⁷ *Halporn J.W. The Manuscripts of Cassiodorus' «De anima» // Traditio*. 1951. № 15. P. 385–387; *Fortin E.L. Christianisme et culture philosophique au cinquième siècle: la querelle de l'âme humaine en Occident*. P., 1970; *Croceo A. Il liber «De anima» di Cassiodoro // Sapienza*. 1972. № 25. P. 133–168.

нечто, бескровное, находящееся не в крови, в отличие от животных, у которых душа находится в крови), тогда как *animus* («дух») – от греческого *ἄνεμος* («ветер»).

Следующим произведением Кассиодора, написанным около 540 г., являются огромные по объему (две тысячи столбцов «Патрологии» Миня) «Комментарии к псалмам»⁴⁸. Это произведение долгое время не пользовалось популярностью у исследователей. Внимание к нему привлек Е.Р. Курциус, подробно рассмотревший значение этого сочинения Кассиодора для дальнейшей средневековой культуры и литературы⁴⁹. Основной задачей Кассиодора было стремление доказать, вслед за Иеронимом и Блаженным Августином, что светские науки не противоречат Откровению, а лишь развивают то, что уже заключено в Священном Писании⁵⁰. Рассматривая соотношение Библии и светской литературы, Кассиодор приходит к выводу, что риторика и традиционные стилистические обороты берут свое начало из Библии, поэтому между «божественным красноречием» (*divina eloquentia*), «божественным писанием» (*divina littera*) и стилистикой светских произведений нет противоречий⁵¹. Во многом эта теория заимствована Кассиодором из произведений восточных богословов (Афанасий, Клемент Александрийский, Иоанн Златоуст), но он первый перенес ее на Запад, благодаря чему удалось сохранить для средневековья многих языческих писателей.

Вторую половину 540-х – начало 550-х годов Кассиодор, по видимому, проводит в Константинополе, где нашли убежище римские аристократы, вынужденные покинуть Италию в связи с террором, развязанным готами. После окончательного падения Остготского королевства в 555 г. Кассиодор возвращается в Италию и основывает в своем поместье в Брутии монашеское общежитие, названное им «Виварий» (по большому количеству садков с живой рыбой), которому суждено было стать одним из важнейших центров распространения знаний, культуры и образо-

⁴⁸ Cassiodori M. A. Senatoris Expositio in Psalterium // PL. T. 70.

⁴⁹ Curtius E.R. La littérature européenne et le Moyen Âge Latin. P., 1956.

⁵⁰ Schlieben R. Christliche Theologie und Philologie in der Spätantike: Die schulwissenschaftlichen Methoden der Psalmenexegese Cassiodors. Berlin, 1974; Ceresa Gastaldo A. Contenuto e metodo dell' Expositio psal-morum di Cassiodoro // Vetera Christianorum. 1968. № 5. P. 61–71.

⁵¹ Courtès J.M. Figures et tropes dans le Psautier de Cassiodore // Revue des études latines. 1964. № 42. P. 361–375; Hahner U. Cassiodors Psalmenkommentar: Sprachliche Untersuchungen // Münchener Beiträge zur Mediävistik und Renaissance Forschung. Bd. 13. München, 1973.

ванности в раннее средневековье⁵². В области устройства монастырской жизни Кассиодор явился предшественником Бенедикта Нурсийского. Первой обязанностью монахов он счел не физический труд, а заботу о своем умственном и духовном развитии. В целях просвещения своих монахов Кассиодор пишет «Наставления в науках божественных и светских» (*Institutiones divinarum et saecularum litterarum*)⁵³, в которых настаивает, что для правильного понимания Библии необходимо изучение светской литературы. Автор полагает, что принципиального различия между науками божественными и науками светскими нет, и это одно из центральных его положений, которому подчинена и двучастная композиция работы. В первой части, озаглавленной «Наставления в божественной литературе», Кассиодор дает комментарий книг Библии, излагает историю и решения основных церковных соборов, поясняет разночтения в переводах Библии, приводит варианты толкований некоторых отцов церкви. Несколько глав посвящены разбору воззрений крупнейших христианских богословов Иллария из Пуатье, Амвросия Медиоланского, Киприана, Иеронима, Блаженного Августина, Евгиппия и Дионисия Экзигия. Далее автор сообщает ряд сведений, относящихся к медицине, астрономии, агрономии, орфографии и др. Эти главы служат переходом ко второй части *Institutiones*, называемой «О свободных искусствах и дисциплинах», в которой в основном разрабаты-

⁵² О «Виварии» существует огромная литература: *Добиаш-Рождественская О.А.* Мастерские письма западного Средневековья и их сокровища // Труды комиссии по истории знаний. Вып. 10; *Уколова В.И.* Указ. соч. С. 115–144; *Ее же.* Кассиодор и средневековая культура // Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе. М.: ИВИ АН СССР, 1983. С.66–95; *Courcelle P.* Nouvelles recherches sur le monastère de Cassiodore // Actes du Ve congrès international d'archéologie chrétienne. Rome, 1957. P. 511–528; *Klauser Th.* Vivarium // Robert Boehringer: Eine Freundesgabe. Tübingen, 1957. P. 337–344; *Weissengruber F.* Cassiodors Stellung innerhalb der monasterischen Profanbildung des Abendlandes // Wiener Studien. 1967. № 80. S. 202–250; *Hubrecht A.V.M.* Cassiodorus Senator en het Monasterium Vivariense // Hermeneus. 1959. № 30. S. 130–133; *Houghton G.L.* Cassiodorus and Manuscript Illumination at Vivarium. N.Y., 1975.

⁵³ *Уколова В.И.* Культура Остготской Италии // СВ. 1983. Вып. 6. С. 2–16; *Майоров Г.Г.* Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М., 1979. С. 353–356; *Jones L.W.* Cassiodorus Senator. An Introduction to Divine and Human Readings. N.Y., 1946; *Paschali G.J.* Untersuchungen zu Cassiodors Institutiones. Marburg, 1947; *Bardy G.* Les origines des écoles monastiques en Occident // Sacris Erudiri. 1953. № 5. P. 86–104.

ются вопросы грамматики и риторики. Именно к ним относится фраза из введения к *Institutiones*: «То, что имеет свое начало в Священном Писании, мы будем стараться рассмотреть при помощи знания»⁵⁴. Следуя традиции, заложенной Бозцием⁵⁵, Кассиодор предлагает своим читателям довольно краткое и компактное изложение семи свободных искусств. Благодаря своей ясности и доступности это произведение надолго станет одним из основных учебников в средневековой школе.

Возможно, что в эти годы Кассиодор вместе с другими переводчиками осуществил перевод на латинский язык «Иудейских древностей» Иосифа Флавия, которого он называет в *Institutiones* «почти что вторым Титом Ливием»⁵⁶. Перевод Иосифа Флавия был широко распространен в средние века, до нас дошло несколько десятков его списков, но имя Кассиодора среди переводчиков не обнаружено. Кассиодором была также написана и «История в трех частях» (*Historia tripartita*), составленная как компиляция церковной истории по греческим источникам (сочинения Сократа Схоластика, Созомена и Феодорита).

В Виварии Кассиодор особенно поощрял работу переписчиков (по его терминологии «антиквариив»), говоря, что своим трудом они «борются тростником и чернилами против коварных козней дьявола и наносят ему столько ран, сколько слов Господних они переписывают». Для нужд монахов-переписчиков Кассиодор пишет небольшой трактат-пособие «О правописании». Нет сомнений в компилятивном характере этого произведения – Кассиодор собрал в нем многочисленные рекомендации и правила, порой противоречащие друг другу, разных латинских грамматиков, от Луция Аннея Корнута (I в. н.э.) до своего современника Присциана. Трактатом Кассиодора «О правописании» широко пользовался Исидор Севильский.

Последнее произведение Кассиодора, написанное в конце жизни, – это небольшая работа о христианском календаре *Computus*, в котором впервые на Западе автор применяет новую, предложенную Дионисием, систему летоисчисления *Anno Domini*.

Своими сочинениями Кассиодор выполнял одну из важнейших культурных задач своей эпохи – под его пером достижения

⁵⁴ Cassiod., *Inst.*, Praefatio // PL. T. 70. Col. 1107a.

⁵⁵ Уколова В.И. «Последний римлянин» Бозций. М., 1987. С. 44–58; Ее же. Бозций и формирование системы квадривиума // Сборник научных работ аспирантов исторического факультета МГУ. М., 1970. С. 243–266.

⁵⁶ Cassiod., *Inst.* I, 12: «pene secundus Livius» // PL. T. 70. Col. 1133.

античной литературы, философии, науки становились строительным материалом для нового типа культуры, нового типа организации духовной жизни. Будучи «последним римлянином», он одновременно становится и одним из учителей нарождающейся эпохи. Сочинения Кассиодора читали и переписывали на протяжении всего средневековья. Материалы из *Institutiones* и «О правописании» использовал при написании своих «Этимологий» Исидор Севильский. Изучение сочинений Кассиодора входило в обязательный образовательный минимум как в раннем, так и в позднем средневековье. О Кассиодоре с почтением отзывались Павел Диакон и Беда Достопочтенный, о нем упоминают Алкуин и Рабан Мавр, Альберт Великий и Афанасий Библиотекарь. Свой трактат *Defensor pacis* Марсилиус Падуанский начинает с цитаты из *Variae* Кассиодора, содержащей восхваление мира.

Сочинения Кассиодора не были забыты и в эпоху Возрождения, став своеобразным мостом между наследием античности и новой европейской культурой. Кассиодора ценили не только как оригинального философа или теолога, но и как блестящего стилиста и теоретика стиля⁵⁷. Среди его почитателей значатся такие имена, как Эразм Роттердамский, Томас Мор, Иоганн Кохлей. Эразм Роттердамский писал о Кассиодоре:

«Я без колебаний отношу Кассиодора, человека, достигшего столь многого и столь обласканного фортуной, к числу баловней счастья и людей выдающихся; в постижении наук, как божественных, так и мирских, я даже не помышляю приблизиться к нему».

Творчество Флавия Магна Аврелия Кассиодора Сенатора – не только страница истории поздней римской истории и литературы. Его сочинения – это также ценнейший источник для изучения как истории Рима, так и Италии в целом, на заключительном этапе развития античной цивилизации. Это сочетание обладает особенной привлекательностью, так как сам Кассиодор объединяет в себе и писателя, и ритора, и политического деятеля, и историка, и просветителя, и теолога. Не являясь крупным оригинальным философом и богословом, Кассиодор, тем не менее, заложил основы для формирования нового стиля мышления и организации культурной жизни, находясь у истоков формирования средневековой цивилизации.

⁵⁷ И. Кохлей писал Томасу Морю: «Я нашел в библиотеке Святого Стефана «Хронику» Кассиодора, книгу небольшую, однако отмеченную римским благородством и достойную внимания всех просвещенных людей» // PL. T. 69. Col. 498d–499a.

МИНИАТЮРЫ

Т.В. Мосолкина (Саратов)

ДЖОН СМИТ – АВАНТЮРИСТ, КОЛОНИЗАТОР, ТЕОРЕТИК

Чьи взгляды и идеи формируют общественное мнение – политиков, философов, литераторов? Чьи идеи оказываются востребованы современниками? Попробуем рассмотреть эти вопросы на примере не какого-то выдающегося мыслителя, а человека, в общем-то, достаточно типичного для своего времени.

Джон Смит (1580–1631) родился в семье Джорджа Смита, фермера из Виллоуби в Линкольншире. После обучения в школе Джон был отправлен отцом в обучение к купцу в Кингс-Линн в Норфолке. Этот факт уже сам по себе свидетельствует о том предпринимательском духе, который царил в семье. В 1596 г., после смерти отца, Джон Смит наследует ферму, и можно было ожидать, что он станет добропорядочным фермером в Восточной Англии. Однако с этого момента жизнь Смита разительным образом меняется. Если забежать вперед, то всю его последующую жизнь можно разделить на три периода, которые как будто относятся к трем разным людям.

После смерти отца Джон вместо того, чтобы заниматься хозяйством, вместе с сыном лорда Виллоуби отправляется во Францию. Истратив все деньги и испытав различные приключения, он направился в Нидерланды, чтобы участвовать в войне против испанцев. Через три года он вернулся домой, посетив предварительно в 1600 г. Шотландию. Он надеялся сделать здесь карьеру, но надежды его не сбылись, и он в мрачном настроении уединился в лесной хижине, занимаясь чтением и охотой. Интересно отметить, что чтение его было отнюдь не развлекательным: среди прочитанных книг он упоминает «Искусство войны» Н. Макиавелли. Деятельная натура Смита не дала ему долго предаваться созерцательной жизни, и он вновь отправился в Нидерланды. Но капитан корабля, на котором он плыл, высадил его на Сомме в одной одежде, забрав все остальные вещи. С большим трудом добравшись до Бретани он

нашел здесь покровителя, который снабдил его деньгами для продолжения путешествия.

В 1601 г. Смит пересек всю Францию и сел в Марселе на корабль, отправлявшийся в Италию. Но это опять был неудачный шаг. Основную массу пассажиров составляли паломники, направлявшиеся в Рим. Когда начался сильный шторм, они вместе с суеверными матросами возложили вину на «еретика» Смита и выбросили его в море. К счастью, недалеко был маленький островок, с которого его подобрал другой корабль. Вместе с командой Смит участвовал в захвате венецианского торгового корабля и получил за это свою долю в 500 цехинов и шкатулку с драгоценными камнями. Высадившись в Пьемонте, он посетил затем Ливорно, Сиену, Рим, Неаполь, Флоренцию и Венецию.

Но главной его целью была военная карьера, поэтому он отправляется в Вену, и присоединяется к войскам императора, воевавшим с турками. И здесь опять Джон Смит проявляет неожиданные качества. Молодой авантюрист отличался не только храбростью, он оказался превосходным артиллеристом и военным инженером. Это тем более неожиданно, если иметь в виду, что после 15 лет Смит нигде не учился. Оказав австрийцам значительную помощь, Смит был назначен капитаном и возглавил отряд из 230 человек. Сражаясь в войсках Сигизмунда Батория, он победил в поединке трех самых сильных турецких воинов (правда, не за один день). Это необычайно подняло дух христианских воинов, за что Смиту были пожалованы дворянский титул, герб с изображением трех турецких голов и пенсия. Однако пенсией Джон Смит пользовался недолго, так как Сигизмунд Баторий отказался от борьбы и передал свои владения империи. После этого в жизни Смита начинается полоса невезения – в одном из сражений он был ранен, захвачен в плен и продан в рабство. В 1603 г. он попал в Константинополь, затем со своим хозяином пересек Черное море и переправился через Дон. Здесь он убил господина и бежал на север России, затем в Польшу и, наконец, вернулся в Германию, где получил жалование и документы. В 1604 г. он посетил Францию, Испанию, Марокко и принял участие в морском сражении у берегов Африки. В 1605 г. в возрасте 25 лет Джон Смит вернулся в Англию. На этом заканчивается первый период его жизни¹.

¹ Подробнее о Смите-авантюристе см.: *Emerson E.H. Captain John Smith. N.-Y., 1971; Chatterton E.K. Captain John Smith. L., 1927.*

О приключениях Смита мы знаем из его произведений. Многие исследователи деятельности и творчества Смита подвергают сомнению достоверность описанных им событий и фактов. Многие утверждают, что Смит не сам писал, а составлял книги из сочинений других авторов. Спор о том, достоверны ли сведения, сообщаемые Дж. Смитом, идет более трех веков. Уже в год смерти Смита Дэвид Ллойд опубликовал памфлет под названием «Легенда о капитане Джоне Смите», многократно переиздававшийся до середины XVIII века. Кратко сомнения исследователей сформулировал Э. Эмерсон: «В какой мере «Подлинные путешествия» и «Всеобщая история» написаны Смитом? На чем основывается известность Смита как писателя?»². Эмерсон считает, что в своей основе произведения Смита верно излагают события, свидетелем которых он был. Правда, Э. Эмерсон – филолог, и рассматривает произведения Смита как литературовед. Эмерсон не отрицает слабых сторон произведений Смита, но считает его вполне самостоятельным писателем. То, что приключения Смита описаны им самим достаточно правдиво, подтверждает материал, напечатанный известным издателем С. Пэрчесом в качестве дополнения к «Подлинным путешествиям, приключениям и наблюдениям капитана Джона Смита» (1630 г.). Большая часть материала, касающегося болгарских и трансильванских приключений Смита, Пэрчес перевел из истории Франсиско Фарнезе, итальянского историка, который был секретарем у Сигизмунда Батория. Ф. Фарнезе не было необходимости приукрашивать действия Смита во время войны с турками. В настоящее время большинство исследователей деятельности и творчества Смита склоняются к тому мнению, что его произведения, в целом, верно излагают события.

С 1605 г. Джон Смит выступает в роли энергичного, умного предпринимателя и талантливого организатора колониальных предприятий. Вернувшись в Англию, он совместно с Бартоломью Госнолдом принялся за составление плана основания колонии Виргиния.

В декабре 1606 г. три корабля с 115 переселенцами под командованием капитана Ньюпорта отправились к берегам Америки. В числе их был и Джон Смит. Лондонская компания передала Ньюпорту запечатанный пакет, в котором были даны инструкции и названы имена 7 членов колониального совета.

² Emerson E.H. Captain John Smith. Editors's Preface.

Среди них наряду с Ньюпортом и Госнолдом был и Джон Смит. Он был назначен советом ответственным за снабжение Джеймстауна продовольствием, в связи с чем ему пришлось много общаться с индейцами. В этот период Смит проявил себя как опытный руководитель и, можно даже сказать, дипломат. Попав в плен к одному из вождей индейских племен, Смит, согласно его рассказу, был спасен дочерью вождя Покахонтас, признан сыном вождя и даже получил индейское имя – Нантакас. В 1608 г. он был избран президентом колониального совета. За два года он обследовал Чесапикский залив и р. Потомак. В этом же году в мае он отправил в Англию отчет о событиях в Виргинии, а в декабре – карту и описание открытых земель. Отчет Смита писался не для опубликования, но, вероятно, он показался достаточно интересным, потому что в августе 1608 г. был опубликован под названием «Правдивое описание заслуживающих внимание происшествий и случаев, которые имели место в Виргинии с момента основания этой колонии...».

Деловые качества Смита очень помогли колонистам в самый тяжелый период существования Джеймстауна. Но вряд ли он сам выжил бы без своего военного опыта. Дважды во время исследовательской экспедиции и поездки за продовольствием Смит попадал в ловушки, устроенные индейцами. И в том, и в другом случаях он спасся сам и выручил своих спутников, захватив в качестве заложников вождей индейцев. Трудно сказать, какие качества в большей мере проявились в указанных случаях – лихого вояки и авантюриста или практичного дельца.

В 1609 г. Смит сильно обгорел при взрыве пороха, и его с первым же кораблем отправили в Англию. В Джеймстаун он больше не возвращался. В 1610–11 гг. Смит работал над материалами, которые в 1612 г. были опубликованы под названием «Карта Виргинии с описанием страны...». Лондонская Виргинская компания, вероятно, была против опубликования этой работы, поэтому книжка была напечатана не в Лондоне, а в Оксфорде. Э. Чаттертон объясняет негативное отношение правления компании тем, что положение в колонии, описанное достаточно правдиво, не могло вызвать большого энтузиазма у англичан. Первые годы существования поселения были отмечены постоянной нехваткой людей, угрозой нападения индейцев, недостатком продовольствия³. Можно предположить и другое – Виргин-

³ Chatterton E.K. Captain John Smith. L., 1927. P. 274.

ская компания не желала публиковать карты и описание Виргинии, чтобы конкуренты не могли воспользоваться их указаниями. Но это тоже свидетельствует о качестве работы Джона Смита.

В 1614 г. Смит занялся китобойным промыслом у берегов Северной Америки. В это время он обследовал на лодках побережье залива Мэн, надеясь открыть проход в «Западное море», а заодно подыскать места, пригодные для основания новых английских поселений. В августе 1614 г. Смит вернулся в Англию с планом колонии на территории, которую он назвал Новая Англия. Лондонская компания не проявила интереса к предложению Смита, но Плимутская компания пожаловала ему звание адмирала Новой Англии⁴.

Весной 1615 г. Дж. Смит вновь отплыл к берегам Америки. Но ему не суждено было больше побывать там. Корабль, на котором он плыл, был захвачен пиратами, и на борту пиратского корабля Смит написал одно из самых известных своих произведений – «Описание Новой Англии»⁵.

Если бы жизнь Смита ограничивалась только описанными приключениями, то он мало чем отличался бы от других авантюристов, которых было много в его время. Но с 1615 г. можно говорить о том, что его жизнь вновь сделала крутой поворот. Уже со времени опубликования описания Виргинии начинается его карьера как писателя и историка. Конечно, в Джеймстауне было несколько человек, значительно лучше образованных, чем Смит. Например, Габриэль Арчер, Бартоломью Госнолд, Джордж Перси и Эдвард Мария Вингфилд были членами той или иной адвокатской корпорации в Лондоне (Судебные Инны). Но ни один из них не был так знаменит, как Дж. Смит, и не написал ничего, что вызывало бы интерес не только у соотечественников, но и иностранцев. «Описание Новой Англии» нашло в Европе широкую читательскую аудиторию и книжка вскоре была напечатана во Франкфурте и Лейдене⁶. Об интересе к личности Смита и его деятельности говорит тот факт, что даже в далеком от Англии Петербурге в 1849 г. в журнале «Сын Отечества» появилась статья, в которой излагалось краткое содержание мемуаров Смита⁷.

⁴ О деятельности Дж. Смита в Северной Америке см.: *Слезкин П.Ю.* У истоков американской истории. М., 1978.

⁵ *Smith J.* A Description of New-England 1616 // *Tracts and other Papers* / Ed. By Force P. N-Y., 1947. V. 2.

⁶ *Chatterton E.K.* Captain John Smith. P. 275.

⁷ Сын Отечества, 1849. Кн. IX. С. 1–15.

Сведения из этих мемуаров встречались в венгерских исторических сочинениях, кроме того, выдержки из его воспоминаний были переведены в 1912 г. на румынский язык⁸.

Смит писал очень живо, ярко и убедительно. Он, несомненно, обладал литературным талантом, о чем свидетельствуют следующие строки из «Описания Новой Англии»:

«Кто хочет иметь нечто большее, чем незначительное состояние, или кроме признания заслуг в увеличении богатства хочет добыть славу первооткрывателя, тот может приобрести это, рискуя собственной жизнью. Если он имеет склонность к добродетели и великодушию, что в таком случае может быть более приятным, чем создание основы для его потомства?... Если он имеет хоть крупицу верности или усердия в религии, чем он может причинить меньше ущерба кому-либо, или сделать более удобное богу, если обратит этих бедных дикарей к познанию Христа и гуманности... Что более всего сочетается с честью и праведностью, если не открытие неизвестных фактов, сооружение городов, заселение территорий, просвещение невежественных, исправление дел несправедливых, обучение добродетели и приобретение нашей дорогой родине территорий, чтобы обслуживать ее?»⁹.

Вовсе не случайно специалисты-филологи считают Дж. Смита первым американским писателем¹⁰. В гораздо большей степени его можно назвать первым историком Северной Америки. Помимо указанных сочинений Смит издал еще около 10 произведений. Из них наиболее известна «Всеобщая история Виргинии, Новой Англии и островов Соммерса», опубликованная в 1624 году. Книга пользовалась большой популярностью и переиздавалась в 1626, 1627, 1632 гг. (последнее издание вышло через год после смерти Смита). Конечно, история Америки была для Джона Смита историей Британской Америки. Естественно, он не только знал о существовании индейцев, но и изучал их язык, расселение, занятия, но не для написания истории индейских народов Америки, а рассматривая их наряду с природными условиями, полезными ископаемыми и т.п.

В 1620 г. Смит опубликовал «Приключения в Новой Англии». О. Возн считает, что именно этот труд «сделал капитана Джона Смита известным как крупного историка его дней»¹¹. На-

⁸ Двойченко-Маркова Е.М. Джон Смит в России// Новая и новейшая история. 1976. № 3. С. 158.

⁹ Smith J. A Description of New England. P. 17–18.

¹⁰ Emerson E.H. Captain John Smith. Preface. P. 45.

¹¹ Vaughan A.T. American Genesis. Captain John Smith and the Founding of Virginia. Boston, 1975. P. 175.

звание «Новая Англия», данное Смитом обследованной им территории в Северной Америке, стало общепринятым. Памфлет был отпечатан в количестве 2-х или даже 3-х тысяч экземпляров, что свидетельствует о большой популярности произведений Смита, поскольку обычным тиражом для XVI – первой половины XVII вв. были 300-500 экземпляров. И уже в 1622 г. появилось второе, расширенное издание. Три главных идеи вдохновляли Смита – патриотизм, богатство и религия. Он писал свои произведения не столько для потомков, сколько для своих современников. Ориентированы они были, главным образом, на предпринимательские слои, на людей энергичных и способных воспринимать все новое. Не случайно он адресовал «Описание Новой Англии» «достойным предпринимателям» Лондона, Бристоля, Экзетера, Плимута, Дартмута и других городов Англии¹². Смит был твердо убежден, что англичане более других народов способны к освоению новых территорий: «...почему мы должны больше сомневаться, чем голландцы, португальцы, испанцы, французы или другие, а делать намного лучше, чем они?»¹³.

Джон Смит первым попытался осмыслить в целом колонизаторский опыт англичан в Северной Америке и написать историю английских колоний в этом регионе. Современный ему период истории английских колоний он описывает достаточно оптимистично. Сравнивая Новый Свет с Африкой, Азией и Европой, он рассматривает Америку как наиболее подходящее место для основания колоний. Эта мысль последовательно проводится им и в «Карте Виргинии», и в «Описании Новой Англии», и в «Приключениях в Новой Англии». По климатическим условиям, считает Смит, Виргиния или Новая Англия ничем не уступают уже известным странам. Имея в виду Новую Англию, Смит отмечает: «Из всех четырех частей света, которые я теперь видел необитаемыми и которые мог предназначить для основания колонии, я желал бы скорее жить здесь, чем где-либо в другом месте»¹⁴.

Главным условием успешного освоения Северной Америки Смит считал трудолюбие и поддержку со стороны правительства и предпринимателей. В начале XVII в. вопрос о необходимости поддержки со стороны правительства стоял особенно остро. С момента прихода к власти Стюартов во внешней политике наметились изменения, вызывавшие недовольство предпринима-

¹² *Smith J. A Description of New-England. P. 3.*

¹³ *Ibid. P. 7–8.*

¹⁴ *Ibid. P. 6.*

тельских слоев. Популярность Елизаветы во многом основывалась на том, что она поощряла развитие торговли и промышленности, содействовала успехам английского судоходства, заключала с иностранными государствами выгодные для своих купцов торговые договоры, боролась с их конкурентами. В отличие от целеустремленной политики Елизаветы, деятельность Якова I и затем Карла I была очень непоследовательной.

Кроме поддержки со стороны правительства Смит считал необходимым учитывать опыт предшественников и соперников, поэтому в своих работах он ссылается не только на Колумба, Кортеса, Писсаро, Сото, Магеллана, но и на современных ему французских и голландских предпринимателей. Смит писал историю Америки на основании собственных наблюдений, рассказов очевидцев, письменных документов. Иногда для большей достоверности он приводит текст документов, например, цитирует письма колонистов¹⁵.

Он сравнивает источники, отбирая наиболее достоверные. Конечно, историческая критика Смита была очень слаба, приемы ее еще не сложились. Смит был скорее собирателем фактов, подобно Полидору Вергилию и Уильяму Кемдену. Но в отличие от сухого изложения Кемдена сочинения Смита написаны ярко и увлекательно. История у Смита занимательна и поучительна. Его исторические сочинения – нечто среднее, переходное от произведений историков-гуманистов к сочинениям более поздних авторов XVII–XVIII вв. Американский историк Франк Крэйвн отмечал: «Трудно преувеличить влияние «Истории Виргинии» Смита на сочинения позднейших историков»¹⁶. Конечно, подобное заявление само является преувеличением, но несомненно одно – произведения Смита действительно пользовались большим вниманием и формировали определенные настроения в английском обществе первой четверти XVII века. Думается, что вполне можно согласиться с тем, что «Всеобщая история» продолжала националистическую традицию Хаклюйта и Пэрчеса, она была направлена на то, чтобы вдохновить всех англичан на соединение усилий для торжества империи»¹⁷. Многие идеи Смита позднее были реализованы на практике и способствовали упрочению английских колоний в Северной Америке.

¹⁵ *Smith J. New-Englands Trials // Tracts and other Papers. V. 2. P. 14.*

¹⁶ *Craven W.F.A. New Edition of the Works of Captain John Smith // William and Mary Quarterly. 1972. July. V. 29. № 3. P. 481.*

¹⁷ *Vaughan A.T. American Genesis... P. 177–178.*

Ю.В. Ситникова (Омск)

**АЛЕКСАНДР ПОУП,
«САМЫЙ ГАРМОНИЧНЫЙ ПОЭТ АНГЛИЙСКОЙ ЗЕМЛИ»¹**

Поэт-классицист Александр Поуп (1688–1744) практически никогда не упоминается наряду с именами других английских просветителей. Поуп – фигура противоречивая, об этом свидетельствует и литература о нем. Имеется сильная традиция, представленная авторами, определявшими специфику творчества поэта, преимущественно исходя из особенностей его личности (У. Боулз, Т. Маколей): для них характерно неприятие морально-нравственного облика Поупа, объяснение всего его творчества низменными психологическими мотивировками. В XIX в. его называли человеком испорченным, эгоистичным и тщеславным, а единственной целью его литературной деятельности считали стремление самоутвердиться, не пренебрегая при этом никакими грязными методами².

Попытки каким-то образом пересмотреть подобные оценки личности поэта появляются лишь в XX в. Но несмотря на готовность ряда авторов оправдать поэта, принимая во внимание обстоятельства его жизни, сохраняются резко отрицательные оценки Поупа как поэта и человека. Так, например, Джеймс Ривз подчеркивает неприглядные черты в характере поэта, развившиеся вследствие перенесенной в детстве болезни. К попыткам оправдать Поупа он относится скептически, так как считает, что исследователи, занимающие подобную позицию, недостаточно знакомы со всеми фактами жизни поэта или сознательно их не учитывают. Подобный подход к творчеству Поупа страдает односторонностью: поэта судят по нормам и правилам современной исследователям эпохи, но не той, в которой жил поэт.

¹ «Это, думается мне, самый изысканный и корректный, более того, самый гармоничный поэт английской земли». – *Вольтер*. Философские письма // *Вольтер*. Философские сочинения. М., 1988. С. 175.

² *Reeves J. The Reputation and Writings of Al. Pope. L., 1976. P. 14, 23–26.*

Более продуктивен подход, рассматривающий творчество Поупа в связи с его поэтическими идеалами. Определение поэта как классициста не дает всей полноты информации о его творческих пристрастиях: это является общей характеристикой литературного направления эпохи³. Более точно определяют литературное направление Поупа авторы, причисляющие его к «августинцам», литературные идеалы которых связывались с римскими поэтами времени императора Августа. Это были не только литературные пристрастия, но и стиль жизни, признающий ценности той эпохи⁴.

Отечественных исследователей фигура и творчество А. Поупа мало привлекали, так как его не считали самостоятельным философом. Видный отечественный литературовед М.Н. Розанов не находил в нем не только таланта философа, но и поэтического дара: «Поп щедро наделен чувством прекрасного, но оно приобрело у него какое-то одностороннее направление, вылилось всецело в культ изящной и прекрасной формы. Истинного, поэтического темперамента у него не было»⁵. Однако М.Н. Розанов отдал поэту должное, заметив, что изящно и легко, в одной фразе выразить мысль эпохи – редкий дар.

Идеи и принципы А. Поупа во всей полноте раскрываются лишь в контексте английской культуры того времени и иллюстрируют ее наилучшим образом. Известно, что английское Просвещение отличалось от континентального, особенно французского варианта, своей умеренностью, терпимостью к недавнему прошлому. Большинство исследователей видят причину в том, что английское Просвещение началось после Славной революции, и философы пытались осмыслить ее опыт, принять, как свою, историю бурного XVII века. Довольная результатом, политически активная часть английского общества не стремилась

³ Д. Уортон (Warton) в «Опыте о происхождении и сочинениях Поупа» (1756 г.) назвал Поупа «нашим последним великим поэтом», отметив, что поэзия его рассудочна и происходит от стремления соответствовать идеалам классицизма, прежде всего французского.

⁴ Так, Д. Тиллотсон (Tillotson) определяет Поупа как наполовину римского поэта. Тиллотсон восхищается сочинениями Поупа именно потому, что они близки произведениям Вергилия и Горация, проникнуты духом Древнего Рима. См.: Reeves J. Op. cit. P. 60.

⁵ Розанов М.Н. История литературы эпохи Просвещения в Англии и Германии. М., 1914. Ч. 1. С. 237.

к переменам⁶. Общество желало стабильности. В этой ситуации оценка, данная эпохе Поупом, особенно интересна, так как, находясь в центре событий, он смотрел на них как бы со стороны. Перенесенная им в детстве болезнь превратила его почти в калеку, для поддержания здоровья вынужденного жить в деревне, пригороде Лондона. Но это его не печалит: природа наполняет его душу совершенством.

Счастлив человек, чьи желания и заботы
Несколькими отеческими акрами ограничены,
Счастлив, кто довольствуется дышать воздухом
Своего родного края⁷.

Его католическое вероисповедание также закрывало перед ним дорогу в столицу и не позволяло активно заниматься политической деятельностью. Но и это не является препятствием для его деятельной натуры: он видит для себя возможность принести пользу своей стране на ином поприще:

И счастлив тот, кто Музою любим
И может любоваться краем сим...
Листает книги древних мудрецов
Внимательный к совету мертвецов;
Обдумывает он в лесной тиши
Долг мудрой, добродетельной души⁸.

Дистанцированность от бурной столичной жизни позволяла сохранить независимость суждений, ценимую им более всего. Он пишет в эпиграмме:

Я – пес Его высочества, терьер.
А Вы, простите, чья собака, сэр?⁹

Подобное положение было для него неприемлемо. Его позиция – позиция наблюдателя. Поуп ценит свою независимость и не стремится быть партийно ангажированным писателем, предпочитая сохранять нейтралитет. Но это удавалось с трудом, так как о его произведениях судили именно с партийной пристраст-

⁶ См: *Петунова Л.И.* Насилие и терпимость: образ революции в раннепросветительских сочинениях // *Монархия и народовластие в культуре Просвещения.* М., 1995. С. 92. Как отмечает С.Б. Семенов, отрицание радикализма выразилось в наделении негативным смыслом понятия «республиканец», – См: *Семенов С.Б.* Между монархией и республикой: радикальный выбор XVIII века // Там же. С. 108.

⁷ *Pope A.* Collected Poems. L., 1946. P. 1.

⁸ *Поуп А.* Виндзорский лес // *Поуп А.* Поэмы. М., 1988. С. 58.

⁹ *Поуп А.* Надпись для ошейника собаки Его королевского высочества // *Английская классическая эпиграмма.* М., 1987. С. 117.

ностью: это послужило причиной его разрыва с Аддисоном¹⁰. Поуп не стал писателем от виггов, как Аддисон, несмотря на лестные предложения, но в то же время не был исключительно торийским писателем: его окружение в 1702–1714 гг. включало представителей обеих партий¹¹. Хотя тесная связь печатного слова и политики была характерной чертой того времени, Поуп стремился, чтобы высказываемые им суждения были не за ту или иную партию, а против видимых им в жизни недостатков. Он сумел избежать партийной пристрастности. Поэт, как отметил Свифт, «взывал к вкусу нации»¹². Он вошел в историю литературы как величайший мастер эпиграммы, сатиры, писатель, умевший точно поставить диагноз времени, и этим вызывал неодобрение современников и ряда последующих критиков.

Девизом Поупа были умеренность и гармония. На первый взгляд, его творчество и его личная судьба контрастны. Испытывая всевозможные жизненные невзгоды, он исповедует оптимистическую философию, изложенную в «Опыте о человеке». Как англичанин, он был более склонен принять настоящее, нежели вновь пытаться менять его. Живя в послереволюционную эпоху, он не был вынужден, как Локк и Гоббс, размышлять об исправлении настоящего. Знакомство с идеями Ньютона вселило в его душу еще больше уверенности в настоящем: сама наука свидетельствует об этом. Поэтому в своем знаменитом философском эссе он восторженно декларирует:

И наше мироздание – образец
Гармонии, где все завершено...¹³

В этом гармонично устроенном мире противоположности взаимосвязаны и уравнивают друг друга, и ни одна часть не может быть исключена:

Одну ступень творения разрушь –
И все падет, вплоть до бессмертных душ¹⁴.

Из рассмотрения мироздания в целом, руководствуясь физикой Ньютона, Поуп заключает единый и нерушимый закон этого мира: гармоничное сочетание разнородных элементов. А в реальной жизни он наблюдал постоянное пренебрежение этим

¹⁰ См: Сидорченко Л.В. А. Поуп: в поисках идеала. Л., 1987. С. 122.

¹¹ Там же. С. 54–55.

¹² Цит. по: Васильева Т.Н. А. Поп и его политические сатиры. Кишинев, 1979. С. 101.

¹³ Поуп А. Опыт о человеке // Поуп А. Поэмы... С. 145.

¹⁴ Там же. С. 151.

очевидным, как он утверждал, принципом. Настоятельная потребность исправить ситуацию породила его острые поэтические строфы. Эти крайности болезненно сказывались и на его собственной жизни. Более всего его печалило нравственное падение человека, преследующего лишь свои корыстные интересы. Наблюдая своих собратьев по перу, он с горестью замечает:

Как низко смертных заставляешь пасть,
Как мучает святая к славе страсть!
Так жаждать славы! В кой же это век
Был так унижен словом человек?¹⁵

Именно поэтому, а не в силу своих торийских симпатий, он резко осуждает правление иностранцев на английском троне: они нарушили гармонию, ввергнув страну в хаос, партийный раздор. Поуп сохраняет верность династии Стюартов:

Для англичанина гроб Карла вечно свят
(Пусть даже времена его таят)...¹⁶

Стюарты для него ассоциируются с процветанием страны:

При Стюартах богатствам нет числа!¹⁷

Королева Анна – последняя представительница этой династии на троне – удостоивается его наивысших похвал:

Сказала Анна: «Прекратим раздор!» –
И мир царит в Британии с тех пор!¹⁸

Правление Стюартов – англичан, покровителей католической веры – противопоставляется периоду бедствий страны при иностранной династии: правление иностранцев всегда сопряжено с культурным и экономическим упадком страны, разгулом ничем не сдерживаемых страстей. Таким бедствием было пришествие Вильгельма Завоевателя:

Так, словно дичь, преследовал врагов
Норманн, вооруженный до зубов;
Царило запустение в домах,
И в храмах, и в полях, и на холмах...¹⁹

Ситуация повторяется много веков спустя, и Поуп радуется кончине Вильгельма Оранского:

¹⁵ Поуп А. Опыт о критике... С. 85.

¹⁶ Поуп А. Виндзорский лес... С. 60.

¹⁷ Там же. С. 52.

¹⁸ Там же. С. 61.

¹⁹ Там же. С. 53.

Затравленный судьбою, наконец,
 В добычу превращен ловец;
 Копье сжимая, раненый лежит,
 И кровь из ран горячая бежит...²⁰

Когда трон был освобожден от чужестранцев, в стране наступил мир и процветание:

Впоследствии без гнева короли
 Смотрели, как селения росли;
 Стада паслись, прославив мирный край,
 И на песках был собран урожай...²¹

Правление королей Ганноверской династии не опровергло, а лишь укрепило отношение поэта к иностранным монархам. Но Поуп осуждает и недостойное поведение Карла II:

Король в одной любви преуспевал,
 Страной не правил и не воевал;
 Писали фарсы пэры, между тем
 Их содержанки заправляли всем...²²

Не только новейшие открытия Ньютона, но и ценимая им превыше всего античность, учила избегать крайностей.

Открыло грекам их же мастерство
 Установленья Неба самого...²³

Все недостатки и проблемы современности, как и все великопепные находки, связаны с человеком. Поэтому для Поупа человек – ключ к тайнам мира и объяснение всех его противоречий. Центральная тема – поиск истинного человека. Как просветитель, возможность к усовершенствованию мира в целом и устранению отдельных недостатков он видел в улучшении человеческой природы. Увлеченный достижениями современной ему науки и рационально подходя к решению поставленной задачи, он стремился указать общее направление движения, дать общий атлас человека. Поуп оспаривает стремления своих современников углубиться в детали, не зная строения всего здания в целом: это неразумно и бесполезно. В предисловии к «Опыту о человеке» он обозначает свою позицию: «Наука о человеческой природе, подобно другим наукам, сводится к немногим отчетливым положениям: количество несомненных истин в нашем мире невелико. Рассмотрение обширных, приметных способностей не

²⁰ Поуп А. Виндзорский лес... С. 53.

²¹ Там же. С. 53–54.

²² Поуп А. Опыт о критике // Поуп А. Поэмы... С. 85.

²³ Там же. С. 70.

принесет ли человечеству больше пользы, нежели изучение более тонких фибр и сосудов, устройство и функции которых всегда будут ускользать от нашего наблюдения. Между тем именно об этих последних и ведутся все диспуты, и они не столько заострили ум, сколько обострили разногласия...»²⁴. Он берет на себя задачу открыть нам эти истины и указать путь. В первом письме «Опыта о человеке», рассматривая положение человека во вселенной, Поуп доказывает, что человек – часть Природы и помещен на должное место. Все претензии человека на обладание большими способностями и большим совершенством неразумны, поскольку человек не постиг главного:

Природа, никому не сделав зла,
Всем члены сообразные дала...
Все так разумно распределено,
Что убавлять и прибавлять грешно²⁵.

И человеку дано всего в достатке: страсти, чтобы двигаться вперед, и разум, контролирующий и направляющий движение. Человеку нет причин быть недовольным, его задача – научиться владеть данным ему богатством и соответственно организовать свою гражданскую жизнь. Поуп призывает человека быть мудрым. Обладание мудростью связано с рациональным постижением природных законов и следованием им. Поуп уверен: прежде чем изменять, необходимо досконально изучить настоящее положение вещей, иначе перемены могут быть губительны. Это – не только призыв к современникам, но и завет потомкам. Мудрость – это и сохранение преемственности, умение пользоваться уроками прошлого. Поэт восхищается античностью. Она была для него образцом прекрасного. Обучаясь дома, он выучил древние языки, в оригинале прочел греческих и римских поэтов и был пленен их совершенством:

Каноны древних принимай в расчет
Кто верен им – Природе верен тот²⁶.

Прошлый опыт органично соединяется у него с современными достижениями науки. Так, в «Опыте о человеке» соединяются идеи Платона о Великой Цепи Бытия и идеи Ньютона. Но вместе с тем, он критически относится к прошлому и отвергает неуместные, на его взгляд, идеи эпикурейцев, аскетиче-

²⁴ Поуп А. Опыт о человеке... С. 141.

²⁵ Поуп А. Опыт о человеке... С. 149–150.

²⁶ Поуп А. Опыт о критике... С. 72.

ские устремления. Он переиздал и исправил сочинения Гомера в соответствии с классицистскими канонами искусства. Не прерывается связь и с христианской культурой. Тоскуя о былом совершенстве, он восклицает: «Отрадный мы утратили Эдем»²⁷. Хотя он и был католиком, но его взгляды трудно определить однозначно. После опубликования «Опыта о человеке» эссе оценили как деистическое, и Поуп поспешил написать «Всеобщую Молитву», доказывая свою приверженность католицизму. Но в различных произведениях можно встретить представление поэта о божественной силе, действующей в мире, определяющей судьбу человека и его посмертную участь:

Он пристально глядит на небосвод,
Свой звездный устанавливая род;
Как бы бессмертным верит он глазам:
Жилище наше истинное там²⁸.

Эта преемственность – не столько свидетельство английской умеренности, сколько жизненная позиция, выверенная личным опытом и литературными пристрастиями. Р. Рут отмечал, что поэзия для Поупа была социально значимой силой²⁹, а потому могла претендовать на корректировку настоящего. Это право давала ей установка: «основная формула классицизма была та, что утверждала: искусство есть подражание Природе»³⁰, – принцип, которому Поуп и следовал на протяжении всей жизни, указывая современникам истинный путь. Несмотря на часто жесткую критику, он верил в человека и в его возможности все изменить к лучшему. Его критика носила позитивный характер, ее источником не было лишь его болезненное самолюбие, как считает Дж. Ривз³¹. Его неудачная личная жизнь, не окрасили для него в темные тона весь окружающий мир.

А. Поуп – это и истинно английский характер. Поэт не позволял себе недостойного истинного джентльмена поведения ни в жизни, ни в поэзии. Он – великий остроумец, тонкий насмешник, умевший высказать правду в лицо, иронично, но не грубо. Он писал для образованного читателя, умевшего оценить его вкус, изящество ума и разгадать литературные шарады. Его мно-

²⁷ Поуп А. Виндзорский лес... С. 51.

²⁸ Поуп А. Виндзорский лес... С. 58–59.

²⁹ См: Reeves J. Op. cit. P. 68.

³⁰ Bredvold L.I. The literature of the Restoration and the 18th century. N.Y., 1950. P. 55.

³¹ Reeves J. Op. cit. P. 2.

гие обвиняли в злопамятности, но никто – в грубости. В английском обществе того времени он считался законодателем вкусов и норм. Будучи великолепно образован, он прибегал к говорящим образам, тонким намекам. Так, после разрыва с Аддисоном он вывел его в образе Аттикуса в «Послании к доктору Арбетноту», а свою прежнюю возлюбленную леди Мэри Уортли Монтегю – в образе Сафо в «Послании к леди». Поуп, как истинный англичанин, весьма сдержан в выражении своих интимных переживаний. Известно о его любви к двум женщинам (подруге детства Марте Блаунт и леди Мэри), известны и стихи, им посвященные. Но они полны именно английской сдержанности. Его же личные письма к этим двум женщинам, приводимые Дж. Ривзом³², показывают всю глубину чувства, которое он считал непозволительным выносить на всеобщее обозрение. Его рассудочность и поэтические стандарты классицизма не позволяли в стихах выразить все обуревавшие его чувства, но они прочтываются между строк. Произведения Поупа – для тонких поэтических натур, находящих удовольствие в гармоничности стиха, наслаждающихся музыкальностью слога, тонкой игрой слов и смысла. Сам Поуп превыше всего ценил изящество и легкость слога и этим увлекал современников. Поэтические идеалы гармонии и умеренности переносились им в реальную жизнь и служили маяком в вечно меняющемся водовороте событий, позволяя действовать как настоящему человеку и гражданину.

³² Ibid. P. 153–158.

ПУБЛИКАЦИИ

М.Р. Ненарокова

СВЯТОЙ ФЕЛИКС НОЛАНСКИЙ – ГЕРОЙ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Св. Феликс родился в г. Нола в Кампании и там же подвергся преследованиям за веру во время Декиевых гонений (250 г.). Оставшись в живых, он до самой смерти в 260 г. исполнял в родном городе пресвитерское служение¹. Церковное почитание его как исповедника началось примерно через 120 лет после кончины² и было столь велико, что о нем упоминает блаж. Иероним. Св. Феликс был известен и за пределами Италии, в Карфагенской Церкви, его имя встречается часто в церковных календарях Древней Англии³. Все, что мы знаем о нем, дошло до нас благодаря двум церковным писателям, причисленным, как и герой их произведений, к лику святых⁴. Эти два человека не только не были знакомы друг с другом, но даже и жили в разное время. Литературные труды первого из них сохранили в поэтической форме предания о жизни исповедника, услышанные им от жителей Нолы. Второй, взяв за основу произведения первого, составил прозаическое житие, сделав описание подвигов св. Феликса общедоступным. Первым был Павлин, епископ Ноланский, вторым – Досточтимый Беда.

Понтий Меропий Аниций Павлин⁵ (353–431) происходил из знатной и богатой семьи. Его отец, префект Галлии, имел обшир-

¹ См.: *Attwater D. A Dictionary of Saints*. Harmondsworth, 1978. P. 128–129; *Farmer D.H. The Oxford Dictionary of Saints*. Oxford, 1992. P. 75.

² *Patrologia Latina Cursus Completus* (далее – PL). V. 61. P. 1861. С. 464.

³ *Farmer D.H. Op. cit.* P. 175.

⁴ Память св. Павлина в Православном церковном календаре 23 янв. (ст. ст.) / 5 февр.; Досточтимый Беда почитается как местный святой среди православных, живущих в Великобритании. Память – в Соборе Британских Святых (в третье воскресение по Пятидесятнице) и 27 мая (ст. ст.) / 9 июня.

⁵ См.: *Attwater D. Op. cit.* P. 270–271; *Delaney J.J. A Dictionary of Saints*. N.Y., 1980. P. 2452–53; *Farmer D.H. Op. cit.* P. 384; *Петровский Ф.А. Павлин*

ные поместья в Галлии и Италии. Павлин родился в Бурдигале (Бордо) в Аквитании и там же получил блестящее образование. Его наставником был знаменитый поэт Авсоний, обучавший Павлина риторике и поэтическому искусству и считавший его очень одаренным поэтом. Павлин стал известным адвокатом, занимал важные общественные должности, много путешествовал по делам службы, объехав Галлию, Испанию, Италию. Вероятно, во время этих путешествий, около 379 г., он посетил Нолу впервые. Поскольку примерно в это время началось официальное почитание св. Феликса как святого исповедника, Павлин мог попасть на один из первых праздников святого или узнать о его недавнем прославлении от очевидцев. Женившись на богатой испанке Терасии, Павлин отказался от общественных должностей и уехал с ней в Аквитанию. Там он познакомился с Дельфином, епископом Бурдигалы, который впоследствии крестил и самого Павлина, и его брата (ок. 390 г.). Вскоре после крещения Павлина постигли тяжелые испытания. Младенцем умер единственный ребенок Павлина и Терасии. Умер и брат Павлина, причем последнего обвинили в братоубийстве. Павлин и Терасия переселились в Испанию, в город Барцинону (Барселона). Продав часть имений, они помогали нуждающимся и раздавали щедрую милостыню. Можно предположить, что примером для подражания Павлину послужил св. Феликс, так как этот святой, пережив тяжелые испытания и добровольно отказавшись от огромного состояния, был почитаем как образец добровольной нищеты и милосердия. Видя аскетизм Павлина, его отказ от светской жизни, жители Барциноны хотели, чтобы он стал пресвитером, что и произошло в 393 г. В течение следующих двух лет Павлин посетил Рим, где с почетом был принят народом и знатью, но испытал недоброжелательство со стороны папы Сириция. На праздник св. Феликса, 14 января 394 г., он принял решение о переезде в Нолу и через год (в 395 г.) в этот же день уже встретил этот праздник у гробницы святого⁶.

В Ноле Павлин и Терасия поселились неподалеку от гробницы св. Феликса. К этому времени оба они уже вели монашеский образ жизни. Несмотря на недовольство родственников, Павлин продал свои имения в Аквитании и на вырученные деньги построил церковь в Фонди, акведук в Ноле, большую базилику

рядом с маленькой церковью св. Феликса, гостиницу для странников. Сам он поселился в двухэтажном доме, где на первом этаже жили, сменяясь, самые разные люди, оказавшиеся в беде, а на втором – сам Павлин с небольшой монашеской общиной. Терасия вела хозяйство этой общины.

В 409 г. Павлин был избран епископом Нолы, но о его епископской деятельности почти ничего не известно. Сохранился трогательный рассказ о его последних днях. В день кончины (22 июня ст. ст.) он последний раз раздал беднякам милостыню. Умер он во время службы, после вечерни, когда в храме зажигаются все светильники. Его последними словами был стих из Псалтири: «Поставлю светильник Помазаннику Моему» (Пс 131:17).

Большая часть жизни Павлина прошла в пресвитерском и епископском служении в Ноле и в благодарном почитании памяти св. Феликса. Поселившись в этом городе, Павлин чувствовал себя служителем святого и дал обет писать по стихотворению к его ежегодному празднику. Так сложился цикл из пятнадцати разнородных стихотворений, объединенных личностью святого.

Стихотворения Павлина сохраняют для нас не только то немногое, что было известно о св. Феликсе, но и передают подробности почитания исповедника. Так, в одном из стихотворений впервые отмечается, что гробница св. Феликса стала местом паломничества, куда приходят люди не только со всей Италии, но и из других стран:

Пестрые толпы людей украшают сегодня дороги,
Множеству мы городов удивляемся в Ноле единой⁷.

Описывает Павлин и торжественную службу в церкви св. Феликса во время праздника:

Двери золотые теперь украшаются белой завесой,
Светлым венец алтарям – восковые горящие свечи,
Ладан в кадильницах здесь зажигает воцелный папирус;
Ночью блистаешь лампад, словно молния, тьму разгоняет,
Славного день торжества, воспринявший небесную почесть,
Светом сияет двойным, и светильников многих, и солнца⁸.

Четыре стихотворения Павлина⁹ послужили источником для жития святого Феликса, составленного почти у границ римского мира, в далекой Англии, в начале VIII века.

⁷ PL. V. 61. С. 462.

⁸ PL. V. 61. С. 467.

⁹ PL. V. 61. С. 469–483, 490.

Досточтимый Беда (673–735) жил на два с половиной столетия позже Павлина Ноланского. Со стихотворениями последнего он мог познакомиться в библиотеках Вearмута и Ярроу, куда они, скорее всего, попали трудами Бенедикта Бископа, основателя монастыря, или его наместника в Ярроу, Кеолфрида.

Бенедикт Бископ в молодости много путешествовал, принял монашество в общине на острове Лерин и жил в Риме. В то время, в 667 г., на архиепископский престол в Кентерберии был, по благословению папы Виталиана, избран грек, уроженец Тарса, Феодор. Его спутником и помощником стал Адриан, бывший до этого настоятелем одного из монастырей близ Неаполя. Этот город, как и Нола, находится в области Кампания. Бенедикту Бископу выпало сопровождать Феодора и Адриана в Англию. Возможно, Адриан мог познакомить своего спутника с произведениями Павлина Ноланского и снабдить его, известного собирателя книг, списком стихотворений о св. Феликсе. С другой стороны, Кеолфрид, прежде чем вступить в братию новооснованного монастыря, жил на юге Англии и учился в Кентерберийской школе у того же Адриана. Уезжая на север, в Нортумбрию, он также мог захватить с собой сборник стихотворений ноланского епископа. Так или иначе, Беда получил в свое распоряжение нужную ему для работы книгу и составил прозаическое житие св. Феликса (до 709 г.).

В отличие от Павлина, в буквальном смысле слова проводившего жизнь на людях (вспомним, хотя бы его дом в Ноле, где на первом этаже постоянно находили приют какие-то несчастные), Беда жил довольно замкнуто, почти не покидая монастыря. Поступив в общину семилетним мальчиком, он не знал иной жизни, кроме монастырской, и иных правил, определяющих каждодневную жизнь, кроме монашеского устава. И тем не менее, Беду, как и Павлина, настолько привлекла личность св. Феликса, что он взял на себя труд переложить стихотворения Павлина «в обычную и всем доступную речь»¹⁰.

Перед Бедой стояла задача составить текст, отвечающий требованиям агиографического канона, на основе разрозненных стихотворений, объединенных лишь личностью героя – св. Феликса. Писатель отбирал материал в соответствии с определением похвальной речи, которое было дано ритором Эмпорием (V в.): «мы восхваляем некоего мужа в связи с тем, что было до него, что было в нем самом и что было после него. До него, его

¹⁰ PL. V. 94. Paris, 1862. C. 789.

род и отечество; в нем самом, каково его имя, воспитание, каковы его обычаи, внешность и деяния; после него, каков сам исход его жизни, каково мнение, доставшееся умершему»¹¹. В процессе работы для тех англосаксонских читателей, который хоть и знали латынь, но не были «знатоками законов стихосложения»¹², были утеряны особенности стиля и красота поэтических образов, античные и библейские аллюзии, присущие произведениям Павлина Ноланского. Однако ясность и лаконичность прозаического жития сделала его общедоступным. Поскольку Беда включил в свое житие только то, что непосредственно относилось в жизни и трудам св. Феликса, внимание читателя не рассеивалось отступлениями и вставными историями других лиц. Текст Беды стал своего рода словесной иконой святого: в центре поля помещена фигура св. Феликса, приковывающая к себе взгляд, а по краям изображены сцены из его жития.

Личность св. Феликса, привлекая внимание Павлина и Беды, двух столь разных по характеру и образу жизни людей, воспринималась каждым из них по-своему.

Павлин жил в то время, когда, по выражению М.Л. Гаспарова, «античный цикл европейской культуры кончался, а поэтику нового, средневекового цикла создавали такие <поэты – М.Н.>., как Понтий Павлин»¹³. Но создавалась эта новая поэтика все же на старой основе – с одной стороны, античной, с другой, раннехристианской. Эпоха раннего христианства – это время гонений, время открытого противостояния старого и нового, язычества и христианства. Герой раннего христианства – мученик, противопоставленный разъяренной толпе, погибающий, но одерживающий победу даже самой своей смертью. Любимый образ – поединок двух борцов, где «начальник борьбы есть Бог, подающий нам победу, борцы мы, противник – есть супостат наш (диавол)»¹⁴. Именно так Павлин изображает св. Феликса. Все силы гонителей собраны для того, чтобы сломить одного человека. Только его пример, согласно Павлину, помогает общине ноланских христиан выстоять в гонениях. Святой вступает в духовное единоборство не с преследователями – язычниками, а с диаволом, который и воздвигает на него небывалые гонения,

¹¹ Curtius E.R. *European Literature and the Latin Middle Ages*. N.Y., 1953. P. 156.

¹² PL. V. 94. С. 789.

¹³ Гаспаров М.Л. *Авсоний и его время / Авсоний. Стихотворения*. М., 1993.

¹⁴ Древний патерик. М., 1991. С. 129–130.

ДОСТОЧИМЫЙ БЕДА

ЖИТИЕ БЛАЖЕННОГО ФЕЛИКСА

Павлин, епископ Нолы, в области Кампании, красиво и подробно описал героическими стихами блаженнейшую победу блаженного Феликса, которой тот с Божией помощью удостоился в том же городе. Так как эти стихи более удобны для сведущих в законах стихосложения, чем для простых читателей, угодно нам было для большей пользы сделать историю этого святого понятной при помощи простых слов, подражая трудолюбию того, кто переложил историю мученичества блаженного Кассиана из стихотворного труда Пруденция в обычную и всем доступную речь.

Феликс родился в Ноле Кампанской, но от отца-сирийца по имени Гермия. Тот, придя в Нолу с востока и живя в этом городе, словно местный уроженец, стал отцом Феликса и по смерти своей оставил ему наследство значительной величины, которому Феликс, однако, предпочел дары наследия, обещанного на Небесах¹. У Феликса был брат, носивший то же имя, что и отец, то есть Гермия, с которым святой разделил земное имение². Брат его обычаями своими отличался от Феликса и потому сделался недостойн вечного блаженства. Ибо Гермия усердно стремился лишь к земным благам и предпочел скорее быть воином кесаря, чем Христа³. Феликс же, напротив, исполняя тайну полученного им имени, с раннего детства подчинил себя Божественному служению⁴. Благодать его добродетелей произрастала: сначала он исполнял в Церкви служение чтеца, а затем, будучи возведен в степень экзорциста, он начал изгонять нечистых духов из одержимых ими тел. И когда Феликс отличился в этом служении, сиял добродетелями – к чему промедление? – он принял заслуженный им по достоинству сан пресвитера. И он не унизил сан, душу и труды⁵, что доказала еще и пришедшая буря испытаний. Ибо в то время преследование, начатое неверными, сотрясло Церковь жестокой борьбой; однако врата смерти не смогли отворить врата Дщери Сиона от выражения хвалы своему Создателю⁶.

И когда учителя и творцы неправды приготовились к первой схватке своего безумия с учителями божественной веры и истины, они тайно сговорились или предать смерти лучших епископов и пресвитеров Церкви для устрашения меньших, или принудить их к отречению от веры. Случилось так, что учителя заблуждения и злобного безумия, прибывшие также в Нолу, искали епископа этого города, по имени Максим, мужа почитаемого за ученость, благочестие и преклонные годы⁷, чтобы предать его на мучения. Он, видя это и помня предписание Господне, которое говорит: «Когда же будут искать вас в одном городе, бегите в другой» (Мф 10:23), отправился

до времени в уединение отдаленного места⁸, оставив пресвитера Феликса заботиться о городе. Максим любил Феликса, как сына, и желал видеть его своим преемником на кафедре.

И когда преследователи не смогли найти епископа, они незамедлительно поспешили наложить руки на Феликса и всеми силами стремились отвратить его, лучшего после епископа города, словно величайшую крепость⁹, от постоянства всем известной его добродетели, то прельщая посулами, то угрожая мучениями.

Схваченный безумствующими противниками, но твердо полагающийся на внутреннее утешение Св. Духа, Феликс был ввержен в мрачную темницу¹⁰. И вот, железные оковы сжимают его руки и шею, ременные путы удерживают ноги. На полу темницы были рассыпаны обломки черепков, и Феликс, окоченевший и исколотый их постоянной остротой, не мог вкусить ни сна, ни покоя среди холода и стужи долгой ночи. Тем временем епископ, который, избегая врагов, удалился в потаенные убежища гор, и сам испытывал мучение из-за страданий не меньших, как если бы его заковали в железо, или посадили на обломки черепков, или сжигали, отдав пламени. Ибо его душу жгла великая забота о своем стаде, жег и тело его голод вместе с леденящим зимним холодом. Епископ пребывал среди кустов терновника без крова и пищи, бодрствуя днем и ночью и непрестанно вознося Богу горячие молитвы¹¹. Не трудно было таковой подавляющей силе несчастий довести до самой смерти старческое тело, еще и истощенное долгим постом.

Но Высшее Милосердие самым явным образом показало, сколь великой заботы о себе удостоился этот муж¹². С неба был послан ангел, который приказал блаженному исповеднику Феликсу, освобожденному от оков, пойти и поскорее отыскать, вылечить и призвать домой предстоятеля Церкви¹³.

В той же темнице были заключены многие, но пришедший ангел явился одному Феликсу, скованному за благочестие. Сияя блистающим светом, ангел осветил, благодаря этому свету, и само узилище. Феликс, взволнованный равно голосом ангела и исходившим от него светом, задрожал и даже сначала подумал, что он обманывается сонным видением. Но ангел велел ему подняться и, выйдя, следовать за ним. Изумляясь власти повелевающего, Феликс сослался на то, что он не может выйти, ибо его удерживают и оковы, и засовы темницы, и усердие стражей. Ангел заговорил снова и приказал Феликсу быстро подняться, так как оковы ни в чем его не стесняют. Как только ангел произнес эти слова, тут же упали цепи с рук и шеи Феликса и путы с его ног.

Ангел вывел Феликса вон чудесным образом; дверь темницы была открыта только ему, а для прочих закрыта; среди самих стражей, охранявших темницу, они прошли так, что те и не знали о происходящем. Ангел был подобен огненному столпу Моисееву, и шел

впереди Феликса, освещая ему дорогу, как молния, когда тот спасался из рук врагов.

И вот, приходит блаженный исповедник Феликс в пустынное место, куда удалился епископ, и находит его, едва дышащего и испускающего болезненные стоны. Феликс порадовался, что обрел Максима живым, но и опечалился, что увидел его на пороге смерти. Он обнял и поцеловал своего духовного отца и попытался чистым дыханием своих уст и теплом своего тела немного согреть его, холодного, как лед. Долго Феликс не мог пробудить признаков жизни в душе или теле Максима, как ни звал или обнимал его. У святого не было поблизости ни огня, ни пищи, которыми он мог бы восстановить силы застывшего и умирающего епископа. Наконец, придя к разумному решению, Феликс преклонил колени в молитве к Отцу Господа нашего Иисуса Христа¹⁴ и смиренно просил, чтобы Он с неба помог ему. С Божией помощью он мог бы выполнить то, что ему велел ангел, а именно: служение любви по отношению к своему духовному отцу. И вот, без промедления услышанный, Феликс видит висящую в соседних кустах терновника виноградную кисть. Святой понял, что это Дар Того, Кто есть Создатель Природ и Творец Всяческих, Который и воду из сухого камня произвел, и самую воду, когда пожелал, обратил в вино¹⁵.

Весьма радуясь этому дару Божественного Милосердия, Феликс принес виноград и приблизил ягоды к устам умирающего епископа; но тот, плотно сжав зубы, был подобен мертвецу, ибо, лишаясь всякого ощущения, мысли и души, он не знал, как принять принесенную ему пищу. Наконец, святой пресвитер Феликс благоприятным напряжением своих рук раскрыл его пересохшие губы и так, выжав виноград в его уста, влил в него, сколько смог, целительного сока. Отведав его, духовный отец Феликса тотчас же получил ощущение души и тела; затем открылись глаза, и язык, который сухим прилип к гортани, был освобожден для речи.

Когда Максим полностью очнулся, он узнал Феликса, пришедшего, чтобы найти его. Максим обнял его с отеческой любовью и посетовал на то, что Феликс столь поздно пришел, спрашивая: «Где ты столь долго мешкал, сын? Ведь Господь уже давно обещал, что ты придешь ко мне. Ты видишь, что хоть я и уступил на время, побежденный немощью плоти, но сохранил ненарушенным постоянство верной души. Об этом говорит даже самый вид места, куда я удалился. Я мог бы войти в какое-нибудь селение или другой город, где я был бы защищен от врагов, если бы мне была презренна вера и дорога эта переходящая жизнь. Ныне же, отвергая все убежища человеческие и убегая в безлюдные области гор, я вверил себя лишь попечению Божественной милости, чтобы Сам Господь пожелал, как Ему будет угодно, либо сохранить меня в этой жизни, либо переселить в будущую. И надежда, которую я возлагал на Бога, не обману-

ла меня, ибо ее подтверждает твой приход, заранее возвещенный мне. Благодаря этому я возвращен к жизни от самого, как я уже сказал, предела смерти. Мой родной, я поспешу завершить начатый мною труд любви в том городе, откуда я пришел. Позаботься отнести меня домой, возложив на плечи».

Когда это было сказано, Феликс поспешил исполнить все, что ему велели¹⁶; он отнес своего предстоятеля на плечах назад в его дом, где оставалась одна-единственная старица: ибо досточтимый предстоятель испытывал столь сильное отвращение к делам мира сего, что у него из всего множества домашних и из всего имущества осталась одна старая служанка. Громко постучав снаружи в преддверие, Феликс разбудил ее. Служанка поднялась с постели и открыла дверь, и он, отдав, препоручил ей епископа. Тогда Максим в награду за добросовестное исполнение служения любви должным образом поблагодарил Феликса и, возложив ему на голову правую руку, дал ему отеческое благословение.

Выйдя оттуда, Феликс через немного дней и сам скрылся в своем доме и ожидал, пока не прекратится смута. Когда же это случилось, он покинул свое убежище и, радостный, возвратился к жителям города, радующимся его приходу; он утешал и укреплял словом поучения души тех людей, которые были смущены жестокостью предшествовавшей бури.

Не только словом, но и своим примером Феликс учил их презирать и счастье и несчастье мира сего, искать одной лишь радости вечного Отечества, страшиться только гнева Небесного Судии. И вот, когда гонения начались снова¹⁷, опять ищут Феликса. Враги пришли к его жилищу, желая скорее схватить его и предать смерти; в это самое время он, случайно отсутствуя в доме, оказался с друзьями в центре города и по своему обыкновению проповедовал слово веры окружающим его толпам.

Противники, услышав, что Феликс был в том месте, тотчас же поспешили туда с обнаженными мечами, но, подошедши к нему, они никоим образом не могли его узнать, так как Божественным попечением либо его внешность изменилась, либо их разум помутился¹⁸. Когда они стали расспрашивать его, где находится Феликс, рассудительный муж по вдохновению свыше понял, что преследователи не узнают его, и с улыбкой сказал ищущим: «Не знаю Феликса, которого вы ищете». Феликс совершенно не вводил своих преследователей в заблуждение: ведь его самого никто не узнал в лицо¹⁹.

Гонители, тут же оставив его, повернули в другую сторону²⁰, и тех, кого случайно встречали по дороге, спрашивали, где находится Феликс. Один из встречных, совсем ничего не зная об обстоятельствах дела, был уверен, что они одержимы безумием. Он начал обличать помешательство тех, кто не мог опознать своего собеседника, находясь в его присутствии, и показал преследователям ускольз-

нувшего от них Феликса. Придя в еще более опасное безумство, они бросились по следам блаженного.

При их приближении население города пришло в смятение и бежало перед ними. Толпа, приведенная в ужас пришествием врагов, разразилась криками. Предупрежденный этим, Феликс удалился в более скрытое место, которое, не имея прочного укрепления, было обнесено остатками полуразрушенной стены. Как только это убежище приняло мужа Божия, оно защитило его чудесным трудом Божественной руки. И в самом деле, внезапно обломки каменной образовали насыпь, преградившую доступ к этому месту; даже лаук по велению Бога, Которому служит все сотворенное, немедленно развесил в том же месте качающуюся паутину.

Когда преследователи достигли этого места, они пришли в изумление и, идя медленным шагом, говорили друг другу: «Разве не глупо нам входить сюда, разыскивая человека, когда ясно видно, что никто прежде не входил сюда? Потому что никоим образом нити паутины не остались бы здесь целыми, если бы сюда кто-то проник до нас. Ведь даже маленькие мушки обыкновенно разрывают их, прокладывая себе путь. Значит, сказавший нам, что Феликс удалился сюда, прибег к хитрости, чтобы помешать нам найти его. Пойдемте прочь и перестанем искать убежище человека здесь, где сам вид места показывает, что внутри никого нет». Так, когда хлопоты преследователей оказались тщетными, они быстро удалились с криками. Не меньше, чем на Феликса, они злобствовали неистовым умом на того, кто своими уловками заманил их в столь пустынные места: вот где видна была мудрость нашего Милостивого Создателя и Защитника²¹. И в самом деле, подчас высокие и отлично укрепленные стены города скорее выдают врагам укрытие своих жителей, чем спасают их во время осады; а смиренного раба Своего Христос скрыл дрожащей паутиной от преследующих его врагов так, что они не могли найти его и взять в плен; истинно то, что досточтимый отец Павлин говорит об этом:

Коль предстоит нам Христос, обернется стеной паутина;

Если ж отыдет Христос, то стена паутиною будет²².

Уже наступал вечер, враги удалились, и Феликс после их ухода беспрепятственно отправился в другое убежище, радуясь тому, что ему была оказана помощь Божественного заступничества, и сам в себе воспел: «Если я пойду и долиной смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною» (Пс 22:4)²³. Тем временем день кончился, и Феликс ушел в тайное место под самой крышей некоего дома. Там он скрывался, не выходя, в течение шести месяцев, лишенный общества людей, но находивший удовольствие в благодати Божественного присутствия, по словам Псалмопевца, «в сокрытии лица его от смятения людей». Благодать Божия чудесным и необыкновенным для людей образом поддерживала его столь долгое вре-

мя. Ибо в соседнем доме жила некая женщина²⁴, преданная Богу. Ее служением, хотя она в то время не знала об этом, премудро пользовался Господь, Который есть Источник и Начало всей премудрости. Женщина пекла хлебы, готовила и другие кушанья для пропитания домашних и в рассеянии ума своего относила в то место, где прятался исповедник Феликс. Она оставляла там ему все это, веруя, что ставит приготовленное кушанье дома, так как не могла узнать, что когда-либо вошла или вышла оттуда. И всегда она уходила, помня, но вскоре забывая об оставленной еде.

Так пришлось блаженному Феликсу, как я уже сказал, шесть месяцев оставаться в том темном тайнике под крышей. Он был лишен человеческого общества, но никогда не был оставлен скорым посещением Вышних сил; и при скудном пропитании он вел счастливую жизнь. Говорят, в это время он не раз удостаивался милости Божественной беседы.

При тех же домах, где пребывал Феликс, находилось старое хранилище воды²⁵, из которого он поначалу черпал немного питья. Это хранилище было высушено сильным летним зноем, однако блаженному исповеднику было достаточно воды, пока он там жил. И действительно, Создатель, помышляющий о нашем будущем благе, наполнивший некогда при совершенно ясной погоде небесным дождем одну лишь овечью шкуру²⁶, Сам Своему исповеднику доставил благодать таинственной росы, которой подкреплялся жаждущий, смотря по тому, какова была его потребность. Когда же времена исполнились, Божественное откровение побудило Феликса выйти из укрытия, так как буря гонений миновала.

Когда Феликс неожиданно появился на улицах города, все приняли его с великой радостью, словно пришедшего из Рая²⁷. С того времени он начал укреплять народ в вере, которая была немало подорвана свирепостью гонений.

Между тем Богом возлюбленный предстоятель Максим в весьма преклонном возрасте окончил свои дни. Немедленно общим суждением Феликс, показавший себя непобедимым исповедником и сладкогласным учителем, избирается на епископскую кафедру. Ведь все то, чему он учил благими устами, он сам исполнял на деле.

Феликс же, стяжавший в своем сердце высоту смирения²⁸, скромно сказал, что он не должен принимать этого сана. Он назвал своего собрата – пресвитера Квинта, говоря, что тот может принять честь вышеупомянутого сана, будучи много достойнее его, Феликса, потому что Квинт был возведен в сан пресвитера на семь дней раньше. Поскольку Феликс настойчиво просил, это было исполнено. Приняв служение епископа, тот же самый Квинт управил все таким образом, что, смиренно подчинившись, блаженному исповеднику, предписал ему говорить проповедь народу вместо себя. Сам Квинт отправлял службу для народа, а Феликс руководил его просвещением.

Прославившись постоянством исповедания, веры и добродетелью смирения, Феликс также показал себя величайшим приверженцем добровольной нищеты. Ибо он владел многими поместьями, домами и драгоценностями из родительского наследства, но, объявленный вне закона во время гонений, отказался от всего. И в самом деле, когда Церквям был возвращен мир, он мог бы потребовать назад свое законное имущество, но никоим образом больше этого не хотел. Когда же друзья²⁹ советовали ему получить причитающееся ему имущество, чтобы с прибылью великого вознаграждения раздать нищим, Феликс, никак не соглашаясь сделать это, опровергал дерзновенными словами их увещания, говоря: «Все мне позволительно, но не все полезно (1 Кор 6:12). Да не будет так, чтобы я вернул себе имущество, потерянное по причине исповедания веры; да не будет так, чтобы я потребовал какую-либо выгоду от земного богатства, которое я презрел ради созерцания Небесных благ, как если бы мне их было менее достаточно, чем благ земных. Лучше я, нищий духом, последую Иисусу, чтобы принять от Него обильные дары Царства Небесного. Не должно сомневаться, что Тот, Кто избавил меня и от оков, и от мрака страшной темницы, и столько времени тайно покрывал от людей, и в оставшееся время моей жизни пропитает меня, возложившего на Него попечение свое».

Сохранив этот образ мыслей, блаженный исповедник, пока был жив, владел только тремя югерами³⁰ большого поля и одним садиком, которые он взял себе из всего принадлежащего ему по закону имущества. И поле, и садик Феликс возделывал своими руками, даже без помощи хотя бы одного раба; он всегда был рад разделить с бедняками урожай своих полей или зрелые плоды сада. И в одежде своей блаженный муж неотступно следовал этой же бережливости, так что довольствовался очень простым платьем, и порой ему самому его едва хватало; в самом деле, если что и было у него лишним, Феликс раздавал это неимущим, и если случайно он получал откуда-нибудь одеяние, совершенно сходное с тем, что он имел, тотчас же лучшим из них согревал нагого.

Живя в таком благочестии, муж и именем и достоинством «блаженный» скончался, исполнившись благих дел и дней. Следуя дорогой отцов, он был принят в сияние вечной славы, о чем свидетельствуют знамения, явленные в церкви, где он похоронен.

Жил в Ноле некий бедняк, необразованный в делах мира сего, но твердый в вере. Он поддерживал себя в скудной бедности лишь тем, что владел двумя быками; либо он сам на них работал, либо одалживал их соседям за условленную мзду. Бедняк пекся о своих быках и берег их с великой заботой, но однажды ночью лишился их, уведенных тайком. С наступлением утра, когда бедняк удостоверился в том, что быки украдены, и оставил всю надежду на то, что поищет и найдет их своими силами, он направился бы-

стрыми шагами к церкви св. Феликса. Придя туда, бедняк распростерся перед дверьми святого дома и, уткнувшись лицом в землю, слезно молил и просил св. Феликса вернуть ему потерянных быков, много раз утверждая со слезами, что никоим образом не уйдет оттуда, если не получит назад быков. Это он делал весь день – незатейливой речью, но верной душой. С наступлением вечера бедняк был изгнан неистовой толпой, которая оттолкнула его от священных зданий. Бедняк пошел домой и провел бессонную ночь в непрекращающихся рыданиях. Истинно, что тот, кто просит, получает, и кто ищет, находит, и стучащему откроется (ср. Лк 10:11); И, как говорит Псалмопевец, Господь быстро слышит просьбы бедняков (ср. Псалмы 68, 101, 142 – молитвы несчастных ко Господу). В полночь, когда все прочие люди спали, и все дела были завершены, лишь он один бодрствовал, ибо ему не давали спать его скорбь и бедность; как это ни удивительно, внезапно к его воротам по Божественному повелению подошли быки, которых он искал. Спасенные из рук грабителей, они направились домой, блуждая среди ночного мрака. Быки объявили о своем приходе, толкая рогами ворота хижины, где жил их хозяин. Но бедняк, сильно дрожа, думал, что это не быки его, а снова пришедшие к нему воры. Он долгое время медлил отпирать двери, пока эти быки, словно понявшие причину промедления хозяина, не показали ясно, что это они стучат в ворота дома, испустив мычание.

Получив назад своих быков, бедняк поступил не как простец, но разумно и с верой. Он поспешил с утра должным образом поблагодарить святого, вернувшего его достояние. Бедняк взял с собой быков и пошел к церкви св. Феликса, ликующим голосом открывая всем благодеяния, которые он получил от святого исповедника, и показывая быков всем по пути и по приходе в церковь. И так как он много плакал и из-за пропажи своих быков, и от радости, когда нашел их, он немало повредил этим остроте своего зрения. Ища возмещения этой потери у блаженного Феликса, бедняк вновь обрел острое зрение. И так он вернулся домой, исполненный удвоенной благодати небесного дара.

Когда в честь блаженного исповедника строилась тесная церковь, были вблизи самого церковного здания две городские постройки, неудобно расположенные, а равно и безобразные видом. Они немало портили всю красоту церкви своей незначительностью.

Досточтимый и Богом возлюбленный предстоятель Павлин желал, чтобы эти постройки были разрушены, и места, на которых они стояли, были расчищены. Он настоятельно просил тех, в чьих владениях находились эти домишки, оказать почтение блаженному Феликсу тем, чтобы уничтожить принадлежавшие им строения для возвеличивания и украшения места этой церкви, но они, презрев его мольбы из-за своего неотесанного упрямства, говорили, что скорее

умрут, чем расстанутся с именьями. И когда епископу надоело побеждать грубых упрямец в споре, их победила рука Божественного могущества. Ибо ночью, когда все спали, огонь, внезапно возникнув в одной из комнат этих домов, начал понемногу наступать на соседние строения, так что пожар, распространяющийся все шире и шире, готов был поглотить все жилища, находящиеся вблизи и вдали. Тогда жители, которых вынудили подняться с постели столь великий шум и стена огня, сбежались, чтобы, если смогут, потушить пожар, заливая его водой. Некоторые люди уносили из своих домов все, что могли, отнимая свое имущество у огня. Увидев, что они бессильны, люди начали искать Божественной помощи там, где медлила прийти помощь человеческая. И вот, прибегают они, возглавляемые епископом, к церкви св. Феликса, преклоняют колени и умоляют о содействии Вышнего покровительства, поворачивают оттуда к церкви блаженных Апостолов, которая была по соседству с церковью блаженного Феликса, и там посредством заступничества Апостолов требуют дара Небесной помощи.

После совершения молитвы епископ возвратился домой и, взяв небольшую щепочку от Древа Креста Господня, бросил ее в середину бушующего пожара; и эти огромные извивающиеся языки пламени, которые не могли потушить руки столь многих мужей, заливая их водой, тут же были укрощены прибавлением Древа. Столь велика была сила Святого Креста, что вещество оставило присущие ему качества, и огонь, который имеет обыкновение поглощать все деревянное, был уничтожен, как если бы сожженный самим Древом Господних Страстей.

Когда эта буря улеглась и вновь настало утро, горожане пришли осмотреть страшные труды ночи, уверенные, что они понесли немалые убытки от столь великого пожара, но обнаружилось, что огонь не истребил решительно ничего, кроме того, что должно было сгореть. И действительно, горожане увидели, что из двух домов, о которых мы сказали прежде, тех, что и сами люди полагали либо сжечь, либо снести, один был уничтожен пламенем.

Когда это случилось, тот простец, который из глупого упрямства защищал свои дома, противясь украшению священных зданий, осознал, что он потерял без всякого вознаграждения и без своего на то согласия все, чего не желал лишиться по своей воле в знак благодарности святым. Он тотчас же начал разрушать собственными руками уцелевшее после пожара здание. Вскоре все место вокруг церкви блаженного исповедника стало отличаться красотой и славой, подобающими святым. Когда же все безобразие обломков и грязи было убрано, блаженный епископ Павлин настоял на том, чтобы довести до конца начатое им строительство церкви. За три года он возвел церковное здание и должным образом завершил дело, украсив церковь священными изображениями и всем подобающим

убранством. В этой церкви торжественно вспоминаются достойные вечной памяти блаженнейшие жизнь и страдания блаженного Феликса, который, окончив состязание в славной борьбе, в четырнадцатый день месяца января принял венец жизни, как обещал Господь любящим Его.

ПРИМЕЧАНИЯ

Перевод с латинского языка выполнен по изданию: *Patrologia Latina*. Paris: J.-P. Migne. 1844–55. Vol. 94. Col. 789A–798B. Тексты св. Павлина Ноланского приводятся по указанному изданию. Vol. 61. С. 469–483, 490.

¹ Начало повествования о св. Феликсе является пересказом отрывка из стихотворения Павлина (XV, с. 469, 72–75):

Итак, рожденный в этом городе родителем-сирийцем,

Он жил в любезной Ноле, думая о ней, как о своей родине,

Радуюсь приятному месту жительства; получив в наследство много золота,

Богатый именьями, он процветал, хотя и не был единственным наследником.

В тексте жития Беда сразу указывает место рождения святого, и область Италии, где оно находится («в Ноле Кампанской»). Мотив наслаждения унаследованным богатством, как не соответствующий образу аскета, снимается. Беда подчеркивает тот факт, что богатство было оставлено св. Феликсу, и тут же добавляет, перенося сюда пересказанные строки 77–78 из этого же стихотворения, что этим богатствам святой «предпочел дары наследия, обещанного на Небесах». Тем самым образ св. Феликса у Беды более соответствует агнографическому канону (топос «презрение к земным благам с детства»); усиливается контраст между св. Феликсом и его братом-сонаследником (топос «противодействие семьи аскетическим устремлениям святого»).

² Павлин пишет: «С Гермией, своим братом, имевшим то же имя, что и отец, / Он разделил земные богатства» (XV, с. 469, 76–77). Беда пересказывает текст Павлина, но заменяет неконкретные «земные богатства» на вполне определенное «земное наследство», которое служит противопоставлением уже упомянутому «небесному наследию». Упоминание «небесного наследия» подчеркивает его большую значимость по сравнению с земными сокровищами.

³ У Павлина довольно много написано о Гермии, брате св. Феликса. Беда выбирает только две черты, определяющие для него характер этого человека: он «настойчиво искал земных благ» (XV, с. 469, 96) и «Живя собственным мечом и неся бесплодный труд / Ничтожной военной службы, он подчинил себя / Оружью Цезаря, не исполняя служения Христу» (XV, с. 469, 99–101). Выделяя из всего рассказа эти две черты, Беда, тем не менее, говорит о Гермии очень сдержанно. У него Гермия отличается от св. Феликса «обычаями», а именно: усердным стремлением к земным благам и службой Цезарю, а не Христу. Беда снимает уничижительную оценку военной службы Гермии, данную Павлином, поскольку в англосаксонском обществе принадлежность к дружине славного вождя была естественной и почетной; человек, который по стечению обстоятельств не входил ни в чью дружину и не имел своей, считался изгоем, лишенным места в человеческом обществе. Гермия оценивается Бедой, как человек, не принявший христианства, а не как тот, кто избрал военную службу как дело жизни.

⁴ Пересказ строк 104–105 (XV, с. 469): «С отрочества предав себя небесному, благочестивая душа / Начала служить Богу». Беда добавляет: «исполняя тайну полученного им имени». Здесь отразилось средневековое отношение к имени, как к некому ключу к скрытой сущности называемого им лица или предмета. Ср. у Григория Великого: «справедливо тот, кого посылают возвещать о Высшем Судии, называется ангелом, так как он сохраняет в имени то поручение, которое он исполняет в действии. Ибо высоко имя, но жизнь не выше имени» (S. Gregorii Magni Homilia VI. PL. V. 74. с. 1097).

⁵ Если у Павлина св. Феликс «украсил» своим поведением «сан, душу и труды» пресвитерства, то у Беда он их «не унизил» или «не преуменьшил».

⁶ Пересказ строк 116–117 (XV, с. 471): «Началось свирепое исступление неистовых нечестивцев / В то время как благочестивая Церковь сотрясается святотатственной войной». Беда делает тут же собственное добавление, сообщающее читателю о тщетности гонений: «но врата смерти не смогли одолеть врата Дочери Сиона от выражения хвалы своему Создателю». Аллюзия на Евангелие от Матфея (16:18).

⁷ Павлин говорит о Максиме, как «старце», воспитывавшем Нолу «мирными устами» в соответствии со «священными законами» (XV, с. 471, 120–121). Беда делает эту характеристику более определенной и соответствующей агиографическому канону.

⁸ Павлин не комментирует бегство Максима из города: «...обращенный в бегство внезапной бурей <гонений> /, он устремился в пустынные места, хотя его вера не исчезла» (XV, с. 471, 124–215).

⁹ Беда характеризует св. Феликса с точки зрения личностных качеств: «муж разумный», «смиранный раб <Христов>», «муж Божий», а также указывает на тип святости героя: «блаженный исповедник».

¹⁰ Беда заимствует у Павлина фактическую сторону описания мучений святого в темнице, однако Павлин оценивает происходящее иначе: «Железные оковы замыкаются в мрачных темницах. / На руках и шее неподвижно держится сталь. Коченеют ноги / в туго стянутых ременных путах; рассыпаются / осколки черепицы, чтобы ложе наказания препятствовало сну» (XV, с. 472–473, 183–186). И если у Беда св. Феликс страдает в темнице так же, как страдал бы в таких условиях любой человек, Павлин описывает состояние святого следующим образом: «Но не лишен покоя и света исповедник, которому во всем соединенный с ним состраждет / Христос; и увеличивает себе в тяжких мучениях цветущие венцы тот, кто, шествуя душой, обходит небо» (XV, с. 473, 187–190).

¹¹ Говоря о страданиях Максима, Павлин подчеркивает их физическую сторону: «... его обжигает огонь холода, он коченеет от небесного ледяного дождя, лишенный хлеба и крыши, бодрствуя днем и ночью, напряженной молитвой связывая их (день и ночь) между собой. Тело, поверженное на землю, покрытую терном, ранят колючки; душа сражается с горестями, приходящими снаружи и изнутри; он претерпевает терновые шипы телом, терпит шипы скорби печальной душой» (XV, с. 473, 203–210). Беда частично использует выражения Павлина, но сводит подробности этой ужасающей картины к словосочетанию «такая подавляющая сила несчастий».

¹² У Павлина Бог – Высший Отец – может испытывать те же чувства, что и земной человек: «Милосердие Высшего Отца тронута таким <страдаю-

щим> предстоятелем <Церкви> (XV, с. 473, 220). Такое восприятие Бога характерно для раннего христианства.

¹³ Описывая явления ангела Феликсу, Павлин сосредотачивается на личности святого. Он подробно рассказывает, каково было состояние Феликса, когда ему явлено было видение, как упали с рук и шеи оковы и «выпрыгнули ноги из ослабленных ременных пут» (XV, с. 479, 252). Завершается этот эпизод сравнением Феликса с ап. Петром: «Я вижу, как возвращается старый образец недавно произошедшей истории, в которой, получив приказ выйти <из темницы>, выделяющийся в толпе (букв. – в полку) учеников Петр, когда сами по себе его оковы соскользнули точно так же вышел из закрытой темницы, из которой, идя впереди него, Ангел, пряча от Ирода свою добычу, увлекал его за собой» (XV, с. 473, 260–265). Об ангеле в отрывке из 27 строк (XV, 238–265) упоминается мало: наши глаза практически все время устремлены на Феликса. Ангел, «блистающий в тихой ночи», был «свет и путь Феликсу» (XV, с. 473, 257). Беда переносит внимание читателя на ангела, расшифровывая слова Павлина «свет и путь». Сравнение Феликса с ап. Петром заменено сравнением, раскрывающим участие ангела в чуде: «Ангел сам был подобен огненному столпу Моисееву и оказывал водительство, освещая дорогу Феликсу, как молния, когда тот спасался из рук врагов». Беда, таким образом, подчеркивает, что чудо не земное, а небесное. Оно явлено Феликсу, но податель чуда – Господь. Однако чудо возможно только в том случае, если герой достоин этого. Феликс чист душой, тверд в вере, поэтому чудо происходит. У Беды создается иной, чем у Павлина образ: пустыня может быть и среди людей, если они чужие по духу. Подчеркивается вера святого, который идет по пустыне, сначала среди врагов, потом по лесам и ущельям. Он идет в неизвестность, его поддерживает только твердая вера в то, что он придет туда, куда ведет его Божественный спутник.

¹⁴ У Павлина св. Феликс молится Христу; Беда находит в этом случае более уместной молитву: «Отче наш», где есть слова: «... хлеб наш насущный даждь нам днесь...», так как св. Феликс молится о пище для умирающего Максима.

¹⁵ Беда делает эту вставку, подчеркивая для своих недавно принявших христианство читателей, что источник чудес – Бог.

¹⁶ Павлин описывает возвращение св. Феликса в Нолу с Максимом на плечах, соединяя элементы патериковой истории (Христос не просто сопровождает святого в пути, но скорее Сам несет его) и античной мифологии (крылья на ногах): «Неутомимый Феликс возрадовался желанной службе, взял любимую ношу, как легкое бремя Христово, и принес <в Нолу> столь быстро, как если бы сам был более несом, чем нес; и, истинно, Сам Христос несет несущего и придает крылья быстрым от благочестия ногам (XV, с. 476, 329–333).

¹⁷ Согласно Павлину, успешная проповедь св. Феликса среди жителей Нолы была своего рода вызовом, брошенным диаволу; «не вынес этого долго злой» (XVI, с. 478, 52) и побудил нечестивых снова начать гонения.

¹⁸ Павлин описывает встречу «гонителей» и Феликса следующим образом (XVI, с. 478, 64–65):

...внезапно, или сердца этих врагов переменились, или черты лица Феликса

Беда находит нужным ввести в практически неизменный текст словосочетание «Божественным попечением», чтобы читатель не заблуждался относительно природы происходящего.

¹⁹ Этой вставкой Беда подчеркивает невозможность лжи для святого никому и ни при каких обстоятельствах.

²⁰ У Павлина св. Феликс, ответив преследователям, «удаляется по улице» (XVI, с. 478, 74). Согласно Бедде, святой остается на площади среди народа и, вероятно, продолжает прерванную проповедь до возвращения преследователей. Только после этого он покидает место своего общественного служения.

²¹ У Павлина сохраняется раннехристианская образность, снятая Беддой: «...Бог Христос, как поет Писание, смеялся с небесной вышины над угрожающими совершить безрассудство и покрыл Своего Феликса святыми крылами» (XVI, с. 479, 121–123). Далее Павлин в восхищении восклицает: «О Божественная Премудрость, многообразно отвлекающая сильных мира сего от слабых!» У Беды сохраняется упоминание о Божественной Премудрости в виде утверждения, чтобы снова напомнить читателю, что чудеса творятся Богом.

²² Беда с большой точностью пересказывает текст Павлина о высоких городских стенах (XVI, с. 479, 131–133) и прибавляет свою вставку, напоминая читателю об элементе чудесного в спасении св. Феликса. Стихотворные строки являются цитатой из этого же произведения Павлина (XVI, с. 480, 147–148). Они приведены здесь, так как соответствуют жанру сентенций, кратких афористических высказываний, сборники которых были весьма популярны в Средние века.

²³ Среди произведений Павлина есть и стихотворные переложения псалмов. Св. Феликс поет четвертый стих двадцать второго псалма, который у Павлина звучит следующим образом: «Если я и пойду посреди смертной тени, не убоюсь зла, ибо десница Твоя со мною; я пойду через ад, не лишаясь света». Беда заменяет это переложение на привычную и всем известную цитату из Псалтири.

²⁴ У Павлина рассказ об этой женщине занимает тридцать три строки (XVI, с. 480–481, 158–191), представляя собою историю-похвалу. Беда описывает это же чудо кратко, не отвлекая внимания читателя от главного героя жития – св. Феликса.

²⁵ Павлин, рассказывая о шестимесячном пребывании Феликса в укрятии, говорит о том, откуда святой получал питьевую воду: «...каковую воду особо Благодать посылала одному лишь Феликсу с неба» (XVI, с. 481, 200–201). Беда переделывает и распространяет текст Павлина. Для Беды, вероятно, особую важность представляли чудеса, связанные с необыкновенным появлением воды. Может быть, здесь прослеживается связь с кельтской агиографической традицией. Для кельтских житий очень характерен мотив чудесного появления воды. Это предположение подтверждается словами о том, что «жаждущий подкреплялся <водой>, смотря по тому, какова была его потребность». Подобная особенность употребления святым воды из чудесного источника по его потребности является отличительной чертой кельтской традиции.

²⁶ Говоря о том, как в течение жаркого лета Господь поддерживал св. Феликса, посылал ему божественную росу, Павлин пишет: «и того, кто должен призывать небо, <Божественная рука> подкрепляет молочно-белым соком «небесной овцы» (то есть облачка – М.Н.)» (XVI, с. 481, 209–210). Павлин употребляет здесь образ, встречающийся в античной римской поэзии, например, у Вергилия. Так как Беда читал Вергилия, слово «vellus», скорее всего, было ему знакомо. Отказываясь от метафоры, затрудняющей понимание текста, Беда, тем не менее, сохраняет в тексте слово «vellus». Слова

«овца», «агнец» имели у христиан глубоко символическое значение. Слово «vellus», означавшее и «облачко», и «овечка», и «овечья шерсть», позволило Беде заменить поэтический образ на весьма уместную в этом случае аллюзию на следующий библейский текст: «И сказал Гедсон Богу: если Ты спасешь Израиля рукою моею, как говорил Ты, то вот, я расстелю здесь на гумне стриженую шерсть: если роса будет только на шерсти, а на всей земле сухо, то буду знать, что спасешь рукою моею Израиля, как говорил Ты; так и сделалось: на другой день, встав рано, он стал выжимать шерсть, и выжал из шерсти целую чашу воды» (Суд. 6:36–38). Аллюзия на это чудо позволяла знающим Св. Писание читателям Беда увериться в том, что чудесной росы св. Феликса было достаточно для жизни в укрывании.

²⁷ Рассказывая о конце гонений, когда Феликс вышел из своего убежища, Павлин отмечает, что «многие сомневались в том, чтобы признать <его> и прежде спрашивали, говоря: « Правда ли, что ты являешь себя нам, Феликс, после столь долгого отсутствия? Из какой области ты приходишь? Небом ты нам дан или раем? Возвратясь на землю, посетишь ли ты снова наши жилища?». (XVI, с. 221–225).

Житие рассказывает о святом с точки зрения конца его пути, когда он достиг святости. Поэтому сомнение не может быть присуще этому жанру. Агиограф пишет о человеке, в котором он не может сомневаться. Если есть сомнения, то герой не свят. Беда не мог опустить этот важный момент в сюжете, но полностью снимает мотив сомнения.

²⁸ У Павлина Феликс отказывается от епископской кафедры «со спокойным сердцем» (XVII, с. 482, 234–235). Беда заменяет эти слова Павлина, расшифровывая их: «спокойствие» сердца происходит от «высоты смирения», которую стяжал святой.

²⁹ Работая над текстом Павлина, Беда постарался исключить те факты, которые могли вызвать недоумение у его читателей. ввести их в соблазн. Так, в составленное им житие не вошло имя Архелаиды, бедной вдовы, которая пользовалась большим уважением пресвитера и принадлежала к его пастве. Архелаида требовала от Феликса вернуть все его поместья с тем, чтобы раздать нищим, причем, как настоящая женщина, очень эмоционально, с криками и слезами. Феликс это кротко терпел. Павлин пишет (XVI, с. 275–278):

... он, ревностный ко всему благочестивым умом, смеялся над женской заботой, зная о себе, что ему самому достаточно небесных благ, которыми, как он знал, он был вознагражден за земные блага.

В изображении Павлина Феликс как бы слегка отстранен, созерцателен. Беда создавал иной образ – человека с активной, четко сформулированной позицией, которому можно было бы подражать. Кроме того, вряд ли читателю жития было бы понятно, почему святой «смеялся над женской заботой», а, предположим, не объяснил женщине, что правильно и что неправильно. Поэтому Беда опускает все, что связано с Архелаидой. В результате англосаксонский читатель узнавал, что Феликс, на просьбы близких вернуть свое имущество, «никоим образом не соглашаясь сделать это, опровергал дерзновенными словами их речи».

³⁰ Югер, мера земельной площади, равная 2519 кв м. Большое поле Феликса имело площадь около 0,75 га.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Д.М. Володихин

ДВЕ ВЕТВИ МИКРОИСТОРИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Этот небольшой текст представляет собой, по сути, реплику на статью Л.П. Репиной «Историческая биография и новая биографическая история», помещенную в 5-м выпуске альманаха «Диалог со временем». Цель реплики – отнюдь не полемическое заострение некоторых тезисов, а скорее, попытка прояснить ситуацию.

Л.П. Репина справедливо указывает на наличие в современной российской историографии двух платформ персональной истории, генетически связанных с микроисторической парадигмой. Одна из них предполагает постоянную и неразрывную связь с макроуровнем исследовательской практики, как минимум, с общим социокультурным контекстом, в котором жил индивид, поставленный в центр исследования. Другая (а именно к ее сторонникам и принадлежит автор этих строк) настаивает на автономии и самоценности микроисторического дискурса. Действительно, как замечает Л.П. Репина, в рамках второго варианта социокультурный срез эпохи оказывается в роли антуража и не более того; события в судьбе индивида становятся «фактологическим каркасом» для проникновения в экзистенциальную суть личности. Все верно. Далее высказывается сдержанное недоумение: «Разве динамика внутреннего мира индивида никак не соотносится... с его жизненными обстоятельствами, с перипетиями личной судьбы, с его собственной деятельностью, наконец, с существенными изменениями во включающей его конфигурации социальной взаимосвязей? Элиминировать все эти и многие другие факторы становления и развития личности – значит до предела сузить диапазон возможностей исследователя...» (С. 11–12).

В действительности речь не идет о каком-либо «элиминировании». Наиболее значимая демаркационная линия между социальной персональной историей (полагаю, непредосуди-

тельным будет так именовать первый вариант) и экзистенциальной персональной историей или экзистенциальным биографизмом (второй вариант) проходит по уровню более обобщенных категорий. В сущности, основное различие – в целевой установке. Социальная персональная история продолжает давнюю научную традицию, целью которой является создание картины мира, предполагающей рациональное философское мировидение основой для всего прочего. Экзистенциальная персональная история принципиально не рисует глобальных картин. Устройство социума и действующие в нем законы не относятся к сфере ее познавательной активности. Напротив, историк, практикующий в рамках этой микроисторической платформы, пытается методами, свойственными его ремеслу, докопаться до глубинной психологической и, если угодно, духовной сущности индивида. Полученная в результате историческая реконструкция служит средством диалога с современниками; осязаемое присутствие психологического узора самой личности исследователя только приветствуется. Личность пишущего историка не следует прятать. Она может быть представлена со всеми субъективными акцентациями и предпочтениями. Диалог предполагает ясное видение обеими сторонами друг друга и доверительное, во всяком случае, заинтересованное отношение. Историк обязан знать, к кому он обращается и адаптировать, в меру сил, свой труд ко всему строю восприятия «собеседника». Потребитель интеллектуальной продукции, созданной историком, должен видеть и знать: он ведет диалог не с безличной и строгой наукой-«учительницей жизни», а с современником, профессионализм которого гарантирует высокое качество созданного им продукта. Ну а непрофессионализм – нечто совершенно противоположное...

С этой точки зрения диалог на экзистенциальном уровне в рамках исторического метода реконструкции реальности предполагает использование любой необходимой информации, но решение о том, нужна ли она для конструирования текста, остается за одиночкой-профессионалом. Автор этих строк приво-дил пример: если для подобного анализа избрана личность ранга Наполеона, то это, может статься, будет Наполеон без Ваграма, Аустерлица и Ватерлоо. Что, разумеется, не означает неперемного «элиминирования» всех соответствующих «ваграмов». Исследовательская практика экзистенциального биографизма предполагает весьма высокую самостоятельность практикующего историка; он составляет проект реконструкции,

в который Ваграм может войти, а может и не войти. Психологическое состояние того же Наполеона до и после Ваграма, зафиксированное в двух доверительных письмах, может оказаться намного более ценным, чем фактография самой битвы. Ваграм, таким образом, пройдет одной строкой между двумя главами. Но если историк задался целью вычленить творческий почерк Наполеона-полководца и по нему выделить некоторые важные составляющие его личности, то для него важнее будут движения колонн, кадровое устройство штаба, концентрация артиллерии, варианты, альтернативные прорыву Мақдональда и т.п. И тогда доверительные письма пройдут двумя строчками, фланкирующими главу. Просто вторая версия, думается, более экзотична для экзистенциального биографизма, поэтому, скорее, Наполеон все-таки окажется без Ваграма...¹

Подобного рода диалог может идти не только на экзистенциальном уровне. Экзистенциальный биографизм – лишь один из возможных вариантов. Автор этих строк допускает возможность существования эстетического² биографизма, скажем, или биографизма чисто игрового, – лишь бы они опирались на источниковедческую добросовестность исследователя, на крепкие «ремесленные знания».

Собственно, исследователь, работающий в сфере персональной истории (экзистенциального биографизма) может практиковать и не практиковать макроисторический дискурс (без микроисторического ему все равно не обойтись). Вся соль в том, что связь с макроисторией, в зависимости от поставленной задачи, может оказаться и плодотворной, и совершенно избыточной. Для починки сапог автоген не нужен. И в настоящее время достаточно большое количество историков не видит смысла превращать свой труд в кирпичик для большой стены какой-нибудь мегаисторической картины человечества, страны, социального прогресса³. Господь с ним, с прогрессом. Да и с человечеством тоже.

¹ А.Л. Монахову удалось поднять глубокие пласты личности Александра I, используя анализ Аустерлицкого сражения 1805 г. – Монахов А.Л. Императорские шахматы... // Персональная история. М., 1999. С. 205-207. Так что полностью отрицать этот тренд было бы неразумным.

² Володихин Д.М. Институциональный подход в исторической науке [Эстетика исторического факта] // Терминоведение. М., 1995. Вып. 1.

³ Для тех, кто практикует микроисторию, это, кажется, в наибольшей степени очевидно.

ЧИТАЯ КНИГИ

Персональная история. Исповедь судьбы / Сост.: Д.М. Володихин. Москва: Издательство «АНВИК К» при содействии ЗАО «Мануфактура», 2001. 304 с.

Читатель любит биографические книги. Причина этого интереса банальна и давно уже объяснена гением: «Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении» (Пушкин – князю Вяземскому. 1825 г.). Однако шесть отважных людей, написавших эту книгу, сознательно ориентируясь на читательский интерес к своей интеллектуальной продукции, не собирались эксплуатировать низменные чувства будущих читателей. В книге есть психологические биографии, но нет ни смакования унижений высокого, ни выпячивания слабостей могущего. Во всех шести очерках есть не только любовь к избранным героям, но и уважение к их человеческим слабостям.

Творческое кредо авторов – возврат к традиционным формам историописания, которые предполагают следование принципу: книги пишутся для того, чтобы их читали, а не для пополнения ассортимента библиотек и книжных магазинов. Разумеется, книга, призванная удовлетворить профессиональные интересы специалистов, должна соответствовать нормам научного сообщества. Такая книга не может существовать без ссылок на источники и справочного аппарата – все это позволяет специалисту с первых же минут чтения книги определить как профессиональный уровень автора, так и качество достигнутого им приращения научного знания. Впрочем, как профессиональные нормы, так и само сообщество не остаются неизменными. Поэтому должна меняться и сама научная книга: она обречена на эволюцию, на поиск новых (точнее – хорошо забытых старых) жанров.

В «Персональной истории» есть ссылки на цитируемые источники и, к сожалению, нет указателя имен. Но в ней нет ни малейшего намека на кастовость и жуткой научной зауми, от которой «тащатся» иные специалисты. Книга написана профессионалами – историками и литературоведами, которые одновременно являются писателями и критиками. Вот почему плод

их коллективных усилий, точнее – их товар, вполне конкурентоспособен на книжном рынке.

«Как бы ни отвратительно это звучало для уха профессионального историка, его ремесло в настоящее время обязано быть конкурентоспособным на рынке интеллектуальной развлекательной продукции» (С. 17). Все авторы «Исповеди судьбы» исповедуют этот принцип и следуют ему в своем творчестве. (Поклонникам научной фантастики хорошо знакомы недавно опубликованные и мгновенно распроданные романы Дмитрия Володихина и Ольги Елисейевой, а историкам известны их тщательно фундаментальные научные сочинения, заслужившие высокие оценки профессионалов). Ныне составитель сборника доцент Д.М. Володихин с изяществом эссеиста диагностирует современную академическую науку и, участливо улыбаясь, предупреждает о ее весьма вероятном летальном исходе: разумеется, если ученые мужи не покончат со своей кастовой замкнутостью.

Старший научный сотрудник академического института Ольга Елисейева грациозно повествует о своих любимых героинях – императрице Екатерине II и княгине Екатерине Дашковой. Под ее пером феномен женской дружбы эпохи Просвещения выступает не только как объект столь популярных ныне гендерных исследований, но и как олицетворение эстетики истории: «...Мы говорим о дамах, высоко стоявших над общим уровнем и превращавших свою дружбу в настоящий акт высокого искусства.» (С. 37). И читателю остается только сожалеть о том, что в книге нет цветных иллюстраций: то, что так впечатляюще представлено словом, не закреплено ярким и зримым образом.

Писатель и публицист Наталья Иртенина попыталась прочесть жизнь Федора Ивановича Тютчева как литературное произведение, попутно дав исчерпывающее определение жанру этого произведения. «Тютчев – парадокс во плоти» (С. 100). Его человеческие слабости ужасны с точки зрения обыденной морали, но вполне объяснимы, если мыслить «космическими категориями» (С. 101).

Историк и критик Глеб Елисеев фактически написал небольшую книгу о Василии Розанове. Книгу, в которой биографические подробности всей жизни Василия Васильевича «утолкились» в один небольшой абзац (С. 130), а около ста страниц наполнены весьма выразительными и умело подобранными цитатами из книг Розанова и эмоционально окрашенными рассуждениями автора очерка.

Литературовед и давний участник правозащитного движения Людмила Поликовская, основываясь на архивных источниках и книжных раритетах, зримо представила нам писателя и масона Михаила Осоргина в очерке, суть которого ясна из его названия «Трудное строительство собственного храма, или Мужество скепсиса». Это – доверительный разговор с читателем не только о том, каким человеком был Михаил Андреевич, но и об авторской интонации его книг.

Профессиональный дипломат и автор серьезной историософской монографии «Типы и структура исторического повествования», Сергей Кизюков использует судьбу поэта Эдуарда Багрицкого как повод для рассуждений об элите и «контр-элите» в истории русской литературы 1920–30-х годов. По его мнению, в России накануне революции 1917 года не существовало «национальной контр-элиты» и не было разработано никакой культурной альтернативы. Незыблемость основ сущего была аксиомой системы ценностей старой элиты, а ее пророчества о «грядущих гуннах» – всего лишь поэтической манифестацией и не имели никакого отношения к реальной политике. В итоге, революция смела старую элиту и открыла путь «образованным инородцам из провинции». Историк делает вывод, который вызовет неизбежную критику слева и справа: «...литературный процесс 20-х годов – это приход разночинско-коммерческой и, как правило, не совсем русской «провинции» на место аристократического русского «центра». Этот тезис, на мой взгляд, многое объясняет в общем характере советской литературы» (С. 265).

«Персональная история» вызовет споры и критические отклики. Это – нормально. Критические отклики не станут основанием для возбуждения персонального дела по месту работы каждого из авторов – и им не надо будет исповедоваться и объяснять коллегам, как они дошли до жизни такой. И это – нормально. Дамы и господа, на дворе – XXI век! Очередная интеллектуальная контр-элита развернулась в боевой порядок, подняла знамя и вышла на рубеж атаки.

Семен Экштут

SUMMARIES

A.M. Neiman. Biography in the history of economic thought and an essay on intellectual biography of J.M. Keynes.

Some specific features of biography in the study of the history of economic thought are under consideration. The paper presents J.M. Keynes' intellectual biography in the context of methodological problems of contemporary historiography. The paper contains details of J.M. Keynes' private life and considers his conception of the 'middle way', designed to overcome the crisis by maintaining of democratic values in the political sphere and 'animal spirit' of competition and individual initiative in economy.

O.V. Vorobjeva. 'Between the Past and Now'. Types of Toynbee's discourses.

It is the first attempt to study different types of Toynbee's discourses (appeared before and at the moment of creating *A Study of History*) in the context of the key moments of the scholar's personal biography. The author analyses 'A Study of History' not as a solid discourse but as a huge field structure, tightened by certain discourse types which penetrate into each other but not flow together. The author comes to the conclusion that within different periods of creating *A Study of History* some types of discourses prevailed in Toynbee's consciousness, others were on the periphery, but those being minor at the moment were still held in his memory.

G.G. Pikov. From a history of historical science: K.-A. Wittfogel.

This article is devoted to the analysis of life and creativity of one of known historians-theorists of the XX c. It's purpose is to show the importance of Wittfogel contribution to historical science as a whole and oriental studies in particular. The tragedy of the researcher consist that his ideas were original and conflicted to many conventional concepts. The main idea of his life was the theory of 'eastern' despotism' as deadlock variant of development of human community. Instead of concept 'development' Wittfogel uses concepts 'transformation' and 'change' and tries to prove that progress is a relational concept. The paper demonstrates abundance of ideas' (concept of 'freedom of a choice', problem of alternatives in history, the reasons of change of state forms, backlog of countries of the Eastern Europe, synchronism of shifts of axial time etc.).

A.V. Khryakov. The "Secret Germany" of Ernst Kantorowicz.

The article is dedicated to the life of German historian-emigrant E. Kantorowicz (1895–1963). An ambiguity in realizing the role of science and, especially, of history, characteristic for German tradition, was

expressed clearly not only in the works of M. Weber and S. George. It has also an expression in Kantorowicz's idea of the 'Secret Germany', which became a mental instrument (an utopia) for him in the process of suffering the burdens of real life (World War I, escape from Poland, dismissing from the university in 1934, emigration to the USA). The modern 'renaissance' of Kantorowicz can be explained by the urge to understand the meaning of humanistic ideal of science and education for the intellectual history of Germany in the XIX–XX centuries

G.V. Makarova. "Marquis Posa's Casus": Gustaf Gruendgens on Stage and as a Collaborator of Goebbels' Department.

The article explores the interrelations between outstanding German actor Gustaf Gruendgens and the Nazi State Power. Gruendgens became the first dramatic actor of Germany and (unfortunately) the favorite actor of Hermann Goering. And that is why the Staats Theater in Berlin has got Gruendgens as its director. Later Gruendgens received many state posts in the Third Reich, became a member and at last a counselor of Reichschancellory, worked with Goebbels. The article discusses the problem of guilt and punishment for political and human choice of Gustaf Gruendgens.

A.A. Sal'nikova. Historian and Autobiography.

The article puts forward the problem of autobiographical narrative created by historians themselves. The special attention is paid to the links and distinctions between historical biography and autobiography. The autobiographies of modern Western historians are examined as typical examples of the so-called 'professional' autobiography as well as the specific part of historiography heritage. Such intermediate position influenced much on their substance and form. The author tries to reveal the explicit and implicit motives of depersonification, 'self-closing' and 'self-hiding' typical to those texts.

T.D. Venediktova. Classical American Autobiography: the Discourse of Bargaining.

Autobiographies of the famous American 'self-made men' (B. Franklin, D. Crockett, P.T. Barnum) are considered as texts – in view of the 'configuration of intersubjectivity' implied by and enacted in them. The rhetorical and communicative strategy embraced by the authors is described as the 'discourse of bargaining'. Cultivated in the American popular culture (such speech genres as tall tale and advertisement) in finds its way into self-writing and literature where we deal with its transformed and aesthetically refined version. This style of expression and engagement of the reader implies the dynamic balance of trust and distrust, reliance and suspicion, – the dual appeal to public convention

and individual creativity– the willingness to enjoy vicariously the high art of 'confidence game'. This 'economy' of the exchange of meaning – related (whether self-consciously on the part of the authors or not) to laissez faire and free market practices – has contributed powerfully to the formation of the 'imagined community' of the American nation.

N.V. Koriakina. Traditions of Sacred Biography in 'The Story of Life of Philippe de Mornay'.

The paper deals with the subject of catholic tradition traced into the protestant ideology. The principle aim of the author is to reconstruct remnants of sacred biography through the text of 'The Story of Life of Philippe de Mornay', one of the leading protestants and a State Councilor under Henry IV. An analysis of the structure and content of the text was provided in order to show the way in which certain concepts traditionally concerned with Catholic sanctity (miracles, martyrdom, prophecy and divine intervention in human life) are applied in order to create a typical example of Calvinist piety. The approach is based on the examination of all levels of subjective assessment and personal intentions in formation of the image of an ideal Calvinist.

N.S. Krelenko. The Destiny of Mrs Aphra Behn.

The article reconstructs the main facts of the biography of Aphra Behn (1640–1689). The history of life of 'incomparable Aphra' allows us to see how women could form her fate in the context of dramatic events of the Stuart Restoration. Her origins remain a mystery. From 1666s she earned her living by writing plays, novels, poems, her works were topical and political, fitted the times in which she wrote. In the 1670s and 1680s she was second only to D. Dryden in dramatic output and she was courted as a political poet of some stature. The analysis of her novel 'Oroonoco or the Royal slave' permits to reveal some problems of the colonial history.

V.L. Kerov. Count M.-A. Benyowsky: adventurer or political figure?

Count M.-A. Benyowsky (1741–1786) is one of the most picturesque figure in the international life of the later XVIII-th century. Using Benyowsky's Memoires and other related sources (including the correspondence of Benyowsky and his wife with Benjamin Franklin) the author traces his biography through the multiple binding threads between Russia, Japan, China, South-East Asia, France and other countries of Western Europe Madagaskar, and emerging USA.

A.V. Gladyshev. Protection in a French Manner.

The paper concentrates attention on the role of data of individual's career progress (as evidence of interpersonal communications) in biographical research. Analyzing a great complex of letters of recommendation the author elucidates what was the hidden mechanisms and the place of

protection in everyday practice and creates the portrait of Protection in France during Revolution, Empire and Restoration.

T.A. Tchernoverskaya. The Revolt that has no perspective: Louis Antoine Saint-Juste in the Years of 'Organt'.

Saint-Juste is known first as one of the leaders of Jacobins during the French Revolution, but this article is devoted to the earliest period of his short life (before the Revolution). In May 1789 Saint-Just published a large poem called 'Organt', which can be used as a key to the history of his life and the life of his soul. The structure of the poem is complex, and it made rather difficult to date the text. Comparing the first six songs with other early texts ('*The History of Coucy*' and a comedy '*Arlequin Diogène*') in the context of author's biography makes possible to date this songs 1783 or even earlier. In the last fourteen songs, written during and after his detention at the house of correction, frivolity is replaced by a spiteful satire, but this satire is rather an *épatage*, a simple revolt of the young man, who thought he has no perspective in this world. The Revolution opened him this perspective.

M.P. Aïsenshtat. Life and destiny of Count N.S. Mordvinoff.

The paper considers the role of England and Englishmen in the life of admiral N.Mordvinoff. Count Mordvinoff was a real utilitarianist. Being a great admirer of Adam Smith and H. Bentham he tried to transplant their ideas into the contemporary Russian soil.

G.A. Mukhina. Chateaubriand: a nostalgia about 'ancient monarchy'.

The article highlights the ideas of the famous French thinker and politician O. de Chateaubriand (1768–1848), who considered monarchy and monarchist mentality as 'organic' basis of society, sacralized by ancient traditions. In his opinion, traditional monarchy had not an absolute power, since it was limited by morals and institutes of aristocracy. Realizing inevitability of decline of the age of traditional monarchies, Chateaubriand claims to adopt the experience of England, where monarchy is balanced with powerful aristocracy and constitutional rights. Such pattern represents his conception of 'liberal conservatism'. Another element of normal political status in post-Napoleonic Europe, in his view, is a system of collective responsibility for maintaining legitimacy – the so-called 'Vienna system'.

A.A. Goloseeva. Redyard Kipling and destiny of Britons in India.

The article concerns a phenomenon of the so-called 'Anglo-Indian' society, formed in the XIX c. by British officials in India. The works of Kipling as representative of this society highlight some of its moral and psychological problems. The key problem is a necessity of changing the model of

upbringing and education of Britons in India to strengthen their links with local basis. Kipling considers 'individual autonomy' as a necessary condition for formation of ideal 'white ruler'. This concept means freedom from the binding chains of traditional English education, an orientation towards the experience of real life in colonies. Kipling depicts these features in the heroes of his books: Maugli, Strickland, Kim O'Hara. In his view, such model gives a necessary experience and knowledge of local mentality for more successful carrying out of English colonial rule.

E.A. Chiglintsev. Spartacus: Hero without Biography?

Historical reconstruction of Spartacus' biography has many difficulties because the biographic information isn't enough. However symbolic potential of Spartacus' image, which exists in the popular consciousness, has been realized in the XXth-century art with help of invention and fantasy.

V.S. Lenskaya. Plato, the Athenian aristocrat.

The author tries to characterize Plato as a representative of an aristocratic thinking part of society, determines an 'aristocratic' circle of his contacts and finds out influence of this circle on his personality and views formation. An analysis of persons, participants of Plato's dialogues, shows that between them predominated nobles, many of which were his relatives and friends. Because of it Plato's *corpus* is a fine historical source for aristocratic ethos studies. Later on, beginning with a dialogue 'Phedros' Plato talks in the main with the professional philosophers, Pythagoreans. Pythagorean doctrine also developed in aristocratic circles. This fact determined correlation of both doctrines and particular tie of both Plato and Pythagoreans with a cult of Apollo who was a protector of aristocracy. Aristocratic principle as a consequence of Plato's origin and education put on great stamp on all his creative work.

I.E. Surikov. Themistocles: a *Homo Novus* Amidst the Old Nobility.

Themistocles, one of the most prominent Athenian political and military leaders of the early 5th century B.C., who played the utmost part in the Persians wars, is often described in scholarly literature as a democratic statesman. But Themistocles was by no means a 'democrat of principle' but a clever politician. Being a native of rural Attica and not of the city of Athens, he felt alienated from other aristocratic leaders. So he more often than any of his rivals addressed directly to the people in course of his political career. Themistocles proved to adjust himself to the new conditions emerging with the democratic system and was able even to derive benefit from those conditions. Nevertheless, eventually he shared the fate of most statesmen of classical Athens and fell into disgrace.

**V.N. Tokmakov. Marcus Furius Camillus:
Transformations of Fate and Image of the 'Second Romulus'**

The article deals with military and political career of the most prominent statesman of Rome in the IV c. B.C., the active participant and creator of great victories and shattering defeats of the Roman state. Camillus' image had been transformed by the Roman semi-official tradition in the patriotic myth about 'the rescuer and second founder of Rome'. But under the legendary stories the real historical character hid, last hero of the patrician Rome, which played eminent role in historical development of the Roman *civitas*. There are observed the traces of his military exploits and reasons of plebeian's hatred to him, circumstances of Camillus's exile and his real role in driving the Gauls away in 390 BC. Camillus's merits in development of the Roman army and military art and evolution of his political opinions are particularly analyzed.

**P.P. Shkarenkov. Flavius Cassiodorus: Roman Senator in the age
of downfall of Empire.**

The article presents life and work of the great public figure who worked on the verge of antiquity and the Middle Ages and had a great influence on the formation of his contemporary civilization. His various activities had a great impact on the cultural experience of the successive epochs and generations. His historical role was that of a bridge between two epochs, he paved the way for a new type of mentality, he heralded a new type of human existence and culture. The epoch which has formed him as a statesman had a little in common with the one which saw the end of his life and carrier. Pax Romana that had been uniting the world for about eight centuries was replaced by Medieval Christianity – a new type of cultural and political structure.

**M.R. Nenarokova. St.Felix of Nola – a Hero of the Late Antiquity
and the Early Middle Ages**

St. Felix of Nola suffered for his faith during Decius' persecution. He lost all his property, endured imprisonment, was freed miraculously, went into hiding. When the persecution ended, he chose to remain poor. He was a priest and a spiritual teacher of the Nolan Christian community until his death. His personality attracted the attention of two famous religious writers – St. Paulinus of Nola (a representative of the Late Antiquity) and the Venerable Bede (his views were formed in the Early Middle Ages). The first of them depicted the saint's deeds in verse, the second wrote his prosaic life. The difference between the views of the two writers is expressed in the perception of the invisible world, in the choice of the facts for the Life of the saint, in the interpretation of the figure of the main hero.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо Предисловия

Л.П. Репина

Персональная история и интеллектуальная биография.....15

Интеллектуалы XX века

А.М. Нейман (Нижний Новгород)

Биография в истории экономической мысли и
опыт интеллектуальной биографии Дж.М. Кейнса.....11

О.В. Воробьева (Липецк)

«Между прошлым и настоящим»:
типы дискурсов в творчестве А. Тойнби.....32

Г.Г. Пиков (Новосибирск)

Из истории исторической науки: Карл Август Витфогель.....54

А.В. Хряков (Омск)

«Тайная Германия» Эрнста Канторовича.....78

Г.В. Макарова

«Казус маркиза позы»:
Густав Грюндгенс на сцене и в ведомстве Йозефа Геббельса.....98

Автобиография и история

А.А. Сальникова (Казань)

Историк и автобиография.....113

Т.Д. Венедиктова

Классическая американская автобиография: дискурс торго.....130

Исторический портрет в новоевропейском контексте

Н.В. Корякина

Жизнеописание Филиппа де Морне
и традиции житийной литературы.....148

Н.С. Креленко (Саратов)

Судьба мистрис Афры Бен.....168

В.Л. Керов

Морис-Август Бенёвский:
искатель приключений или политический деятель?.....187

А.В. Гладышев (Саратов)

Протекция по-французски.....213

Т.А. Черноверская (Новосибирск)

Бунт, не имеющий перспективы:
Сен-Жюст в период работы над поэмой «Органт».....228

М.П. Айзенштат

Жизнь и судьба графа Н.С. Мордвинова.....257

Г.А. Мухина (Омск) Шатобриан: ностальгия по «старой монархии».....	275
А.А. Голосеева (Саратов) Редьярд Киплинг и судьба британцев в Индии.....	288
Е.А. Чиглинцев (Казань) Спартак: герой без биографии?.....	309

Мыслители и политики античности и средневековья

В.С. Ленская Платон, афинский аристократ.....	326
И.Е. Суриков Фемистокл: homo novus в кругу старой знати.....	342
В.Н. Токмаков Марк Фурий Камилл: превратности судьбы и образа «второго Ромула».....	365
П.П. Шкаренков Флавий Кассиодор: римский сенатор в эпоху крушения Империи.....	391

Миниатюры

Т.В. Мосолкина (Саратов) Джон Смит – авантюрист, колонизатор, теоретик.....	408
Ю.В. Ситникова (Омск) Александр Поуп, «самый гармоничный поэт английской земли».....	416

Публикации

М.Р. Ненарокова Святой Феликс Ноланский – герой поздней античности и раннего средневековья.....	425
Досточтимый Беда Житие блаженного Феликса (пер. М.Р. Ненароковой).....	431

Приглашение к дискуссии

Д.М. Володихин Две версии микроисторической платформы в отечественной историографии.....	445
--	-----

Читая книги

Персональная история. Исповедь судьбы / Сост.: Д.М. Володихин. М.: Издательство «АНВИК К», 2001. 304 с. (С.А. Экштут).....	448
SUMMARIES.....	451

CONTENTS

Instead of Preface	
L.P. Repina Personal History and Intellectual Biography.....	5
Intellectuals of XX Centuries	
A.M. Neiman Biography in the history of economic thought and an essay on intellectual biography of J.M. Keynes.....	11
O.V. Vorobjeva 'Between the Past and Now'. Types of Toynbee's discourses.....	32
G.G. Pikov From a history of historical science: Karl August Wittfogel.....	54
A.V. Khryakov Ernst Kantorowicz's «Secret Germany».....	78
G.V. Makarova "Marquis Posa's Casus": Gustaf Gruendgens on stage and as a collaborator in Goebbels' department.....	98
Autobiography and History	
A.A. Sal'nikova Historian and autobiography.....	113
T.D. Venediktova Classical American autobiography: the discourse of bargaining.....	130
Historical Portrait in the Modern European Context	
N.V. Koriakina Traditions of sacred biography in 'The History of Life of Philippe de Mornay'.....	148
N.S. Krelenko The Destiny of Mrs Aphra Behn.....	168
V.L. Kerov Maurice-Auguste Benyowsky: adventurer or political figure?.....	187
A.V. Gladyshev Protection in a French manner.....	213
T.A. Tchernoverskaya The Revolt that has no perspective: Louis Antoine Saint-Just in the years of 'Organt'.....	228
M.P. Aisenshtat Life and destiny of Count N.S. Mordvinoff.....	257

G.A. Mukhina	
Chateaubriand: nostalgia about "ancient monarchy"	275
A.A. Goloseeva	
Redyard Kipling and the destiny of Britons in India.....	288
E.A. Chiglintsev	
Spartacus: Hero without Biography?.....	309

Sophists and Politicians of Antiquity and Early Middle Ages

V.S. Lenskaja	
Plato, the Athenian aristocrat.....	326
I.E. Surikov	
Themistocles: a <i>Homo Novus</i> Amidst the Old Nobility	342
V.N. Tokmakov	
Marcus Furius Camillus: Transformations of Fate	365
P.P. Shkarenkov	
Flavius Cassiodorus: Roman Senator in the age of downfall of Empire....	391

Miniatures

T.V. Mosolkina	
John Smith – adventurer, colonialist, theorist	408
Y.V. Sitnikova	
Alexander Pope, "the most harmonious poet of the English soil".....	416

Publications

M.R. Nenarokova	
St. Felix of Nola – a Hero of the Late Antiquity and the Early Middle Ages	425
<i>Beda Venerabilis</i>	
Beati Felicis Confessoris Vita (trans. by M.R. Nenarokova).....	431

Invitation to Discussion

D.M. Volodikhin	
Two versions of micro-historical platform.....	445

Reading Room

<i>Personal History. Confession of Fate</i> , ed. by D.M. Volodikhin (Rev. by S.A. Ekshtut).....	448
SUMMARIES.....	451